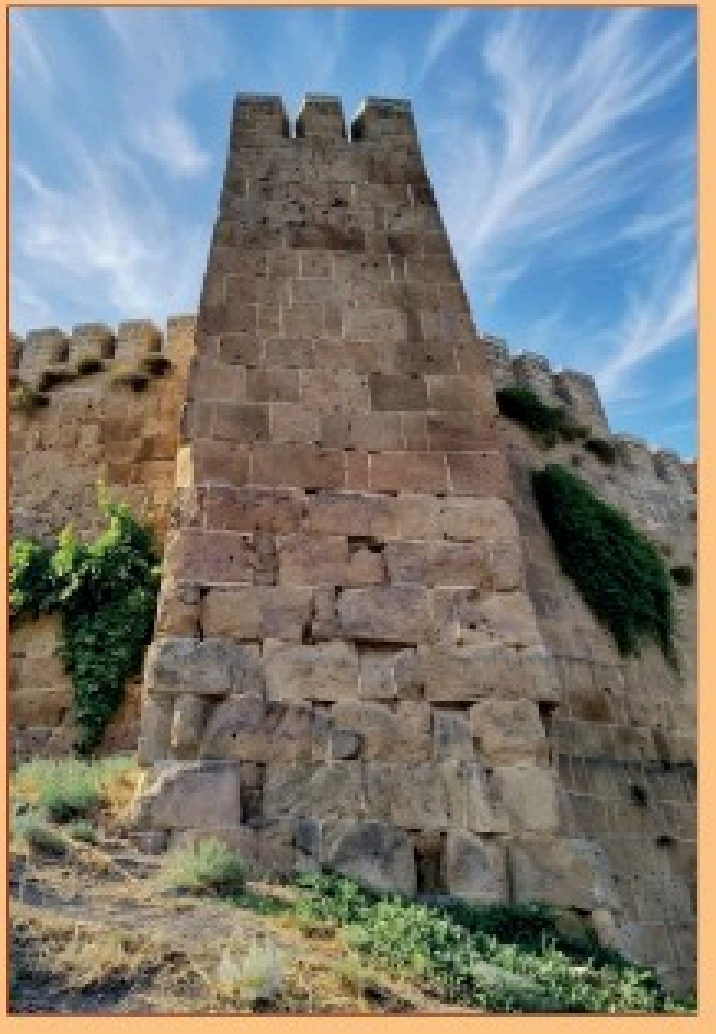
ISSN (Print): 0869-1908
ISSN (Online): 2713-0401

BOCTOK
ORIENS

4
2026

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Восток (Oriens)

Vostok (Oriens)

№ 4 · 2026

ISSN 0869-1908 (Print)
ISSN 2713-0401 (Online)

Содержание Contents

СТАТЬИ

Лебедев Максим Александрович, Мохамед Мохамед Ибрагим **6**

Archaeological Work at Gebel el-Nour and in the Area of Wadi Ghayada (Middle Egypt) in the Season 2025

Archaeological Work at Gebel el-Nour and in the Area of Wadi Ghayada (Middle Egypt) in the Season 2025

Гаджиев Муртазали Серажутдинович **12**

Горная стена «Даг-Бары»: форт 7

Mountain Waal "Dagh-Bary": Fort 7

Цыренова Номинь Дондоковна, Цыренов Чингис Цыбикдоржиевич **27**

Настенная живопись пещер Арчжая в Ордосе: краткий анализ китайской историографии

Wall Paintings of the Arzhai Caves in Ordos: a Brief Analysis of Chinese Historiography

Nguyen Thi Thu Thuy, Фан Нгок Хюен **37**

Vietnam – China Diplomatic Relations in the 16th – 17th Centuries: Envoy Missions of the Lê Trung Hưng Dynasty to the Ming Dynasty

Vietnam – China Diplomatic Relations in the 16th – 17th Centuries: Envoy Missions of the Lê Trung Hưng Dynasty to the Ming Dynasty

Шаталов Артемий Сергеевич **48**

ЭКАДВ в многосторонней экономической дипломатии Советского Союза (1946–1950)

ECAFE in Multilateral Economic Diplomacy of Soviet Union (1946–1950)

Цабина Валерия Александровна **60**

Политика правительств независимой Индии в языковом вопросе: основные принципы и этапы

Language Policy of the Governments of Independent India: Main Principles and Stages

Мелкумян Елена Суреновна **72**

Саудовская политика в отношении Йемена (2015–2025)

Saudi Policy towards Yemen (2015–2025)

Mohammadnejad Neshely Mohammad Mahdi **82**

Проблема трёх спорных островов в Персидском заливе в контексте ирано-российских политико-дипломатических отношений

The issue of the three disputed islands in the Persian gulf in the context of Iranian–Russian political and diplomatic relations

Ивкина Наталья Викторовна **93**

Особенности взаимодействия Германии с международными межправительственными организациями в Африке (на примере Африканского Союза)

Germany's interaction with international intergovernmental organizations in Africa (a case study of the African Union)

Юлдашева Гули Исматуллаевна **105**

Иранский кризис (дек. 2025 – март 2026) и его влияние на Центральную Азию

Iranian Crisis (December 2025 – March 2026) and its Impact on Central Asia

Карлусов Вячеслав Всеволодович, Ярков Дмитрий Андреевич **118**

Агропромышленный комплекс экономики Китая: системный анализ в мировых сопоставлениях

Agro-Industrial Complex of the Chinese economy: system analysis in global comparisons

Федянина Владлена Анатольевна **132**

«Сутра Лотоса» в диалоге буддизма и поэзии в средневековой Японии

The "Lotus Sutra": The Dialogue between Buddhism and Poetry in Medieval Japan

Тарасова Светлана Александровна **145**

Семейные права женщин в Иране в период правления династии Пехлеви (1925–1979 гг.)

Women's family rights in Iran during the reign of Pehlevi dynasty

Жунисбек Лина, Даулет Фатимабиби Ногайкызы, Сюй Аяна **157**

Politeness in Chinese Diplomatic Discourse: Cross-Cultural Aspects and Translational Challenges

Politeness in Chinese Diplomatic Discourse: Cross-Cultural Aspects and Translational Challenges

Алексеенко Александр Николаевич, Сарсембаева Гульжан Алибековна, Краснобаева Нелли Леонидовна, Омырзак Тамерлан Ержанулы **168**

Этнодемографическое развитие Казахстана в 1989–2021 гг.

Ethnodemographic development of Kazakhstan in 1989–2021

Додонов Вячеслав Юрьевич **182**

Самозанятость и цифровизация в мегаполисах Казахстана как фактор ускорения внутренней миграции

Self-employment and digitalization in Kazakhstan's megacities as a factor of internal migration acceleration

Юша Жанна Монгеевна **198**

Тувинцы Китая в XXI веке: этнический состав и родовой дискурс

Tuvans of China in the 21st Century: Ethnic Composition and Generic Discourse

Alimdjanov Bakhtiyor Абдихакимович, Акбарова Камила Шухрат кизи **210**

«Политический быт неизменный, как и природа»: цивилизаторство в Русском Туркестане

"Political Life Unchangeable, Like Nature": Civilization in Russian Turkestan

Бдоян Давид Гургенович, Манаширов Эльдар Соломонович **222**

Организация тюркских государств и её влияние на российско-турецкие отношения

Organisation of Turkic States and its Influence on Russian-Turkish Relations

Балахванцев Арчил Савелич **235**

Эллинистическая торевтика из сарматского кургана у города Волжский. Часть IV

Hellenistic Toreutics from the Sarmatian Burial Mound near Volzhsky. Part IV

Клементьева Татьяна Владимировна, Мешезников Артем Владимирович **250**

Рукописи санскритской «Махапаринирвана-сутры» (SI 2949/1, SI 2955/13) из коллекции М.М. Березовского (ИВР РАН)

Manuscripts of the Sanskrit "Mahāparinirvāṇa-sūtra" (SI 2949/1, SI 2955/13) in the Collection of M.M. Berezovsky (IOM RAS)

Саитбатталов Искандер Расулевич **265**

Персоязычные рукописи из Индии в собрании Национальной библиотеки Республики Башкортостан имени Ахмет-Заки Валиди

Persian-language Manuscripts from India in the collection of the National Library of the Republic of Bashkortostan named after Akhmet-Zaki Validi

РЕЦЕНЗИИ

Овсянников Дмитрий Владиславович, Лобанов Владимир Борисович **276**

[Рец. на:] Адамчевский П., Цабан В. Кароль Калиновский. Воспоминания о моей военной службе на Кавказе и о плене у Шамиля. С 1844 по 1855 гг. Тбилиси: Артануджи, 2025. 296 с.

[Review of:] Adamchevsky P., Tsaban V. Karol Kalinovsky. Memoirs of My Military Service in the Caucasus and My Captivity with Shamil. From 1844 to 1855. Tbilisi: Artanuji, 2025. 296 p.

СТАТЬИ

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31696/S086919080039489-4

ARCHAEOLOGICAL WORK AT GEBEL EL-NOUR AND IN THE AREA OF WADI GHAYADA (MIDDLE EGYPT) IN THE 2025 SEASON

© 2026

Maksim A. LEBEDEV [a], Mohamed Ibrahim MOHAMED [b]

[a] – Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1524-2083; maximlebedev@mail.ru
[b] – Supreme Council of Antiquities, Beni Suef, Egypt; mibraheem688@gmail.com

Abstract: *The article presents preliminary results of the third field season of the Egyptian-Russian Gebel el-Nour Archaeological Project, conducted in November–December 2025. The work included excavations; archaeological, topographic, and geophysical surveys; investigation of the Wadi Ghayada cultural landscape, and conservation of architectural remains. Late Roman and Byzantine buildings, a kitchen complex, pottery, and a coin from early Diocletian reign, found west of the temple, show that the local temple of Isis had been substantially dismantled by the late 3rd century AD. The space was subsequently replanned and occupied by domestic and economic buildings. In the Northern necropolis and quarry zone, 59 new features and groups of features were recorded, including rock-cut tombs, traces of stone extraction, and anthropoid burial recesses. In the Southern necropolis, ground-penetrating radar detected 26 major anomalies. Investigation of one, first identified in 2024, revealed a new tomb (hypogeum GN 6020). Completion of excavations in the tomb GN 6010 provided new evidence for local Roman period funerary practices, including ceramic and painted wooden coffins, funerary masks, and mummification. The regional survey in Wadi Ghayada area clarified the present condition of its cultural landscape. It documented traditional caravan routes, a possible chert-cobble extraction site, and two caravan stations on the route to the travertine quarries in Wadi Muathil. The new evidence demonstrates the long and complex development of the cultural landscape on the east bank of the Nile south of Beni Suef and provides a foundation for future research and preservation of the region's archaeological heritage.*

Keywords: Greco-Roman Egypt, Middle Egypt, Gebel el-Nour, settlement, necropolis, temple, cultural landscape

For citation: Lebedev M.A., Mohamed I.M. Archaeological Work at Gebel el-Nour and in the Area of Wadi Ghayada (Middle Egypt) in the 2025 Season. *Vostok (Oriens).* 2026. No. 4. Pp. 6–15. DOI: 10.31696/S086919080039489-4

Archaeological monuments in the mouth of Wadi Ghayada, located on the east bank of the Nile River approximately 25 km south of Beni Suef, were first recorded in the archaeological

atlas by George Daressy whose work remained unpublished until 2002 [Daressy, 2019, p. 51]. In published records, ancient monuments in the mouth of Wadi Ghayada were briefly described in 1961 and 1991 following German and Egyptian-German surveys conducted in 1958 and 1981 [Kaiser, 1961, S. 41; Gomaà et al., 1991, S. 183–184]. The biggest and best-preserved ancient site within the archaeological zone in the mouth of Wadi Ghayada is Gebel el-Nour. Today, it is known primarily for a largely dismantled Greco-Roman limestone temple, at least partially decorated during the reign of Ptolemy II Philadelphus (ruled from 284 to 246 BC). Between 2014 and 2016, Egyptian archaeological teams investigated the central part of the temple area of Gebel el-Nour [Boraik, Eissa, 2014; Boraik, 2015; Eissa et al., 2016; Eissa, Safina, 2019]. These works revealed the remains of a provincial sanctuary (measuring approximately 16.5×23.4 m), surrounded by Roman and Byzantine structures.

The surveys carried out by the Egyptian-Russian Gebel el-Nour Archaeological Project (GNAP) in 2022 and 2024 [Lebedev, 2023; 2025; Malykh, 2023; 2025; Vetokhov, 2023; 2025] identified six functional areas within the ancient cultural landscape of Gebel el-Nour: the temple area on Kom I (Area I); Kom II, with the remains of presumed monumental structures (Area II); a settlement area around and between Kom I and Kom II, now buried beneath modern agricultural fields (Area III); a settlement area north of Kom II (Area IV); the northern rock-cut cemetery and associated quarry zone (Area V); and the southern cemetery located in wadi deposits (Area VI). In 2024, the project initiated test excavations in the temple area (Area I) and the necropolis (Areas V and VI). In 2025, work continued in Areas I, III–VI at Gebel el-Nour and was extended to the southern part of the mouth of Wadi Ghayada and along the main course of the wadi (*fig. 1*).

The third field season of the Egyptian-Russian Gebel el-Nour Archaeological Project took place from November 8 to December 25, 2025.[1] The mission focused its efforts on excavations in the western part of the Greco-Roman temple complex (Area I) and test excavations in the southern cemetery (Area VI). At the same time, members of the mission continued topographic, archaeological, and geophysical surveys, carried out consolidation works within the Greco-Roman temple zone, and continued the routine study of material culture and bioarchaeological remains. The aim of this paper is to present the main preliminary scientific results of the 2025 field season.

SURVEYS IN THE AREA OF GEBEL EL-NOUR

Survey activities covered the entire archaeological zone of Gebel el-Nour, including the settlement (Areas I–IV), the quarries (Area V), and the necropolis (Areas V–VI). These activities implied the recording of surface finds, the removal of modern debris from visible anthropogenic features, subsurface testing with a geological probe, and ground-penetrating radar (GPR) research.

The recording of surface finds was undertaken to determine the extent of the settlement associated with the Greco-Roman temple in Area II. As the mission has access to Area II only through paths between cultivated plots and fields without standing crops (i.e. after harvesting,

[1] *Members of the mission:* Maksim Lebedev (Director of the mission), Mohamed Ibrahim Mohamed (General manager of Beni Suef area, head of the Egyptian part of the team), Svetlana Malykh (Field director of the mission, ceramologist), Sergey Vetokhov (architect), Sergey Malykh (archaeologist), Ghada Moawad Yassin (archaeologist), Alexey Sergeev (archaeobotanist), Maksim Menshikov (archaeologist), Mikhail Iakomulskii (archaeologist), Yana Malysheva (photographer), Pavel Vorovskii (geophysicist), and Fedor Morozov (geophysicist). *Restoration team:* Osman Ahmed Mohamed, Ahmed Gamal Emam, and Mohamed Adel Abdullah (Supreme Council of Antiquities). *Inspectors of the mission:* Eman Eissa Mohamed Youssef and Shaima Abdallah. *Institutional funding:* Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. *Private funding:* sincere gratitude to philanthrope Iliya Evgenevich Perekopsky who generously supported the work of the mission. *Technical support:* the mission is grateful to the Egyptian-Russian Foundation for Culture and Science and its President Shady Hussein El-Shafei for the GPR equipment provided during the field season.

during ploughing, and immediately after sowing), the mapping of surface material remains is an ongoing process. The survey showed that pottery, predominantly dating to the Roman and Byzantine periods, is abundant on the surface of agricultural fields north and northeast of the temple area (Area I), whereas it is scarce to the east, south, and west. These preliminary results suggest that the Roman and Late Antique settlement developed primarily to the north and northeast of the temple, in the direction of the modern village of Gebel el-Nour, placing the temple area at the southern edge of the settlement.[2] The virtual absence of Ptolemaic pottery on the surface renders both the extent and the location of the Ptolemaic settlement associated with the temple of Gebel el-Nour rather uncertain. As in the temple area, Ptolemaic occupation deposits within the settlement zone may lie below the current groundwater level.

Cleaning of visible anthropogenic features from modern debris was carried out in the quarry zone and the northern rock-cut cemetery (Area V). In addition to removing modern refuse as part of the mission's ongoing site-management efforts, this work aimed to verify the nature of the artificial cuts first recorded during the 2024 season and to incorporate them into the general map of the area. These activities resulted in the identification of a number of potential rock-cut tombs, as well as extensive evidence of stone extraction.

Altogether, 59 different artificial features (tombs, cuts, burial recesses) or clusters of features (mostly areas of stone extraction) were recorded over 9 ha of the Northern cemetery and the quarries. Among the most interesting objects are rock-cut tombs with partly collapsed entrances. One of these tombs (feature 568) still houses at least one anthropoid limestone sarcophagus or sarcophagus lid oriented with the head to the southwest. Today, this tomb is almost completely covered with debris and may be one of the rock-cut structures observed by earlier surveyors in April 1981 [Gomaà et al., 1991, S. 184].

In addition to the rock-cut hypogea, one of which was excavated in 2024 [Lebedev, 2025, p. 15–16], a previously unrecorded type of burial installation – anthropoid burial recesses – was identified in this archaeological area. Three complete recesses (features 421, 423, and 424), measuring 1.9–2.0 m in length and 0.57–0.66 m in width, and one apparently unfinished example (feature 420) were recorded on a limestone slope in the far eastern part of the Northern cemetery, approximately 280 m east of the settlement. The recesses were intended for burials oriented with the head toward the northwest, with only minor variation. This orientation follows the alignment of the local limestone outcrops, which appears to have influenced the layout of many rock-cut features in the northern part of the mouth of Wadi Ghayada. It also broadly coincides with the position of the setting sun from early June to early August in this part of the Nile Valley [Hoffmann, 2026].

Among the features recorded during the survey, particular attention may be drawn to several rock-cut installations, presumably associated with production activities. The most intriguing is arguably feature 609 at the northern edge of the Northern cemetery (*fig. 1–2*)[3], whose location was shown by local workmen employed by the mission. After surface cleaning, a rock-cut corridor measuring 2.67×0.70 m and oriented northeast-southwest was exposed. Two niches (0.60×0.55 m and 0.70×0.57 m) adjoin its western side and preserve narrow rock-cut ledges, probably intended to support limestone slab covers. Between them is a circular depression of unknown depth, 0.31 m in diameter. Geological probing showed that the corridor floor slopes approximately 0.5 m

[2] However, it should be borne in mind that surface finds alone cannot be regarded as a reliable indicator of ancient activity, as their distribution may have been affected by the extraction of occupation deposits and their subsequent use as fertilizer (*sebakh*) on surrounding agricultural fields [Bailey, 1999]. The virtual absence of pottery on the fields west of the irrigation channel, dug sometime before the early twentieth century about 130 m west of the temenos wall, suggests that at least part of the pottery recorded between the temple area (Area I) and the channel may have been redeposited through the use of *sebakh*.

[3] For figs 1–10, see color insert.

from northeast to southwest. According to the workmen, a staircase or sloping passage leads to a series of underground chambers that they explored as children. This information cannot be verified without excavation and should therefore be treated with caution. Based on the available evidence, feature 609 may represent the remains of a Roman or Byzantine production facility (press installation?) rather than a funerary structure.

GPR surveys were conducted in Areas I, V, and VI. In Area I, the survey focused on the territory southwest of the temple with the aim of identifying possible stone structures located within the outer enclosure wall of the sacred complex. Only one anomaly potentially associated with a structure was recorded to the south of the temple vestibule (*fig. 3*). The lack of other clear anomalies may be explained by the presence of groundwater, salt accumulation in the soil or the large number of displaced stone blocks within the occupation deposits.

By contrast, GPR investigations conducted west of the enclosure wall confirmed two large anomalies: one (at least 5×9 m) located on the main axis of the temple approximately 30 m west of the enclosure wall, possibly representing an embarkation facility or some other element of temple infrastructure, and another (about 7.5×7.5 m) situated approximately 15 m north of the *dromos*, outside the *temenos*. The possible presence of stone or mud-brick structures beneath the surface in these two areas is further supported by the relatively sparse and weak vegetation visible on some satellite images (*fig. 3*).

Significantly greater effort was devoted to the continuation of the GPR survey in the southern cemetery (Area VI). In 2025, the geophysical team surveyed 8750 m² in this part of the Gebel el-Nour necropolis, substantially expanding upon the 6500 m² surveyed in 2024 (*fig. 4*). In four 25×50 m squares (Squares 1–2 and 4–5) and one 50×50 m square (Square 3), the new survey identified 26 anomalies preliminarily interpreted as potential ancient structures that require further detailed analysis and test excavations. The test GPR survey of the southernmost Square 6 revealed no major anomalies comparable to those detected to the north. Based on surface finds and information provided by SCA inspectors and local residents, Square 6 may be occupied by simple shallow graves and burials in wooden coffins; however, the full extent of this minor cemetery remains unknown. In general, the GPR results confirmed the eastern and southern limits of the Southern cemetery occupied by potential subterranean structures (possibly tombs), as initially proposed in 2024 on the basis of data from the first topographic survey.

The topographic survey conducted in 2025 focused on the southern part of the Northern cemetery (Area V). The area was documented using a GoPro 11 camera mounted on an eight-meter pole. The resulting 3D-model and digital elevation model (DEM) were generated from over 5000 photographs. The new model complements the areas of the necropolis documented using the same technique in 2024 and made it possible to produce a complete topographic plan of the burial ground of Gebel el-Nour.

ARCHAEOLOGICAL SURVEY IN THE WADI GHAYADA AREA

As part of the study of the regional cultural and natural landscapes, the mission initiated a survey of the Wadi Ghayada area (*fig. 5*). In particular, team members examined the archaeological zone in the southern part of the mouth of Wadi Ghayada and confirmed the presence of a small number of scattered Greco-Roman shards south of the modern village of Ghayada el-Sharkiya. These finds are likely associated with a settlement and a cemetery that once may have existed in this area but now presumably buried under the modern village and its extensive cemetery. Even the scarce remains of ancient cultural landscape reported by earlier surveyors [Kaiser, 1961, S. 41; Gomaà et al., 1991, S. 183–184] and recorded on some 20th century maps [Daressy, 2019, p. 51] have not been observed. Ruins of an ancient tower marked on some early 20th century

maps over the limestone plateau to the south of Ezbet Abu el-Nour[4] are either destroyed or under the modern-day cemetery or the powerplant. According to the local inspectorate of Beni Suef, in 1997 an Egyptian mission of the Supreme Council of Antiquities under the supervision of Amal Farag excavated a rock-cut underground structure consisting of a staircase leading to a chamber at its bottom to the north of Ezbet Abu el-Nour and west of Ghayada el-Sharkiya (coordinates: 305914, 3201959[5]). Today, this previously excavated structure (possibly a well or a nilometer) lies beneath a modern village road.

Additionally, the team documented animal tracks associated with traditional caravan routes. Most of the tracks traced in 2025 using CORONA satellite images [Lebedev, 2025] are now very disturbed or destroyed by contemporary infrastructure. Only two tracks about 550 m long crossing the limestone plateau south of the mouth of Wadi Ghayada were confirmed on the ground and described (*fig. 5*). East of the modern asphalt road connecting Beni Suef and Minia, a potential ancient extraction site covering approximately 1.7 ha was recorded (coordinates: 309338; 3203668) (*fig. 5*). It was probably used for the extraction of chert-cobbles from the upper strata of the Eocene plateau, as evidenced by comparable sites elsewhere in Middle Egypt (for example, in Wadi el-Sheikh, located approximately 25 km south of Gebel el-Nour). Test excavations are required to confirm the nature and date of the activity that took place in this area.

Using satellite imagery and in cooperation with the Beni Suef Inspectorate, the mission identified and preliminarily documented two caravan stations. One (56×47 m) lies immediately north of Wadi Ghayada (321049; 3197520), while the other (49×45 m) is situated at the junction of Wadi Ghayada and the larger Wadi Sannur (324076; 3183242). Both appear to have been built around water sources along the “Alabaster Route” (Darb el-Rukham), which connected the mouths of Wadi Ghayada and Wadi Sannur with the travertine (Egyptian alabaster) quarries in Wadi Muathil, about 45 km southeast of Gebel el-Nour. The first station lies approximately 15 km from the wadi mouths, and the second another 15 km farther upstream. Constructed of local limestone, both employ similar drystone masonry techniques. Pottery observed around the second station, particularly on the dump south of the structure, indicate that the station may have served as a stopping point from at least the Byzantine time through the Ottoman period. The stations may have been constructed under Muhammad Ali Pasha, who initiated large-scale extraction of travertine from Wadi Muathil for his monuments in Cairo [Harrell, 2024, p. 524–526]. This preliminary interpretation and dating require verification through further investigation.

CONTINUATION OF EXCAVATIONS IN AREA I

In 2025, the mission continued excavations west of the Greco-Roman temple decorated during the reign of Ptolemy II. A 52 m² trench (Trench 3) was opened immediately north of Trench 1 excavated in 2024 (*fig. 6*). The work aimed to continue investigations initiated by the Egyptian team in 2015–2016 [Eissa et al., 2016]. Earlier excavations had documented the upper stratigraphic layers and revealed Late Roman and Byzantine walls and pavements constructed of fired brick, mud-brick, and reused limestone blocks. The 2025 season focused on Late Roman and Byzantine occupation deposits and architectural remains, as well as on defining the extent of stone pavement 101F, first identified in 2015–2016 and re-examined in 2024.

All Late Roman and Byzantine structures exposed in Trench 3, regardless of construction phase, are associated with three brick platforms. Platform 154F (1.60×0.88 m) adjoins the temple

[4] See, for instance: Survey of Egypt. *Beni Suef, Sheet 68/60.* Scale 1:100,000. First Survey of Egypt Edition, 1926; A.M.S. 1, 1949 and Survey Department, Egypt. Mudira Beni Suef, sheet 111. Scale 1:50,000. Cairo: Survey Department, 1908.

[5] Unless otherwise stated, all coordinates are reported in the WGS 84 / UTM Zone 36N coordinate reference system.

pronaos (Room 18), while Platform 156F (1.60×1.06 m) lies approximately 2.5 m to the west. A third platform (168F), a further 2.5 m west, has only been partially exposed. Low walls of fired brick and reused limestone blocks extend north from platforms 156F and 168F, forming a room approximately 2.5 m long. These walls overlie earlier occupation deposits associated with a cooking installation (*fig. 7*).

In all contexts investigated in Trench 3, with the exception of deposit 194D, ceramic material dating to the Late Roman and Byzantine periods (4th–7th centuries AD) was recorded. The assemblage was dominated by fragments of Middle Egyptian wine amphorae of the *Late Roman 7* type (*LR 7*); other vessels included Asia Minor/Cypriot amphorae of the *LR 1* type, Palestinian amphorae of the *LR 4* type, and Aswan amphorae. The assemblage also contained kitchenware and tableware. Kitchenware is represented by fragments of cauldrons, storage jars, braziers, large vats, and lids. Some cauldrons and storage jars have been originally decorated with coarse painted geometric motifs executed in a yellowish-white pigment on red or red-brown surfaces. Tableware comprises various types of bowls, plates, and jugs (sometimes equipped with a filter in the neck); the latter are often decorated with black, red, and brown painting on a white slip. A significant proportion of the tableware was made of kaolinitic clay of beige-pink or beige-orange color and was likely imported from Aswan. Local pottery is generally of lower quality and frequently exhibits uneven firing, which was likely characteristic of workshops located in the immediate vicinity of Gebel el-Nour.

Of particular interest is the discovery in Square 187 of the upper part of a ceramic “frog” lamp decorated with a relief depiction of hands. It was found on an assumed ancient walking surface at the interface between deposits (layers) 153L and 159L. Such mould-made lamps are typically dated to the 2nd–4th centuries AD. In the same square, from context 179L, the lower part of another lamp with a potmark typologically characteristic of the Byzantine period, was recorded.

In Squares 187 and 188 (context 191L), a complex interpreted on the base of associated pottery as a kitchen was excavated (*fig. 7*). Within it, a large thick-walled vat, a storage jar, a brazier, a cauldron, and the upper part of a Palestinian amphora of the *LR 4* type were found *in situ*. The amphora had been set rim-down into the ground and was likely used as a container for charcoal, as indicated by the heavy soot layer on its interior. In the northern part of the room, a broken red-slipped plate dating to the Byzantine period was recorded.

In context 194L, alongside the usual varieties of Byzantine pottery, a rim fragment of a thin-walled bowl decorated in the Barbotine technique and dated to the 2nd century AD was found. This find likely marks the beginning of earlier Roman period deposits. The same stratum also yielded a small bronze figurine of a male deity, most probably Thoth.

A bronze coin, dating to the beginning of the reign of Diocletian,[6] was found directly beneath wall 160W. Since this wall was constructed of reused stone, including blocks extracted from the temple foundations, the find contributes to the chronology of the temple’s reuse as a quarry. It appears that by the reign of Diocletian, or shortly thereafter, the temple of Isis had already been substantially dismantled, and the area in front of its pronaos had been replanned to accommodate new structures.

CONTINUATION OF EXCAVATIONS IN AREA VI

In 2025, investigations were continued in burial chambers GN 6012 and GN 6013 of tomb GN 6010 discovered in 2024 [Lebedev, 2025]. In addition, a new trench (Trench 3) was set to the south of tomb GN 6010 in order to verify the results of the GPR survey conducted in 2024. In the course of this trial investigation, a previously unknown tomb, designated GN 6020, was discovered.

[6] Attribution was made by Svetlana E. Malykh (IOS RAS) and Evgeny Yu. Goncharov (IOS RAS).

GN 6012. Chamber GN 6012 measures 2.2×4.14 m; its floor was recorded at a depth of 4.8 m below the modern ground surface (27.84 m.a.s.l.). Groundwater that actively penetrated the chamber from the wadi aquifer significantly complicated excavation and documentation processes as well as affected the preservation of skeletons and burial equipment.

The main volume of the chamber was filled with deposits of sand and clay with small desert pebbles, representing the remains of the collapsed ceiling. In the 2025 season, three ceramic coffins (no. 4–6) and two skeletons (Burials 8 and 16) were excavated in addition to two ceramic coffins uncovered in GN 6012 in 2024 (*fig. 8*).

Coffin 4 (1.95×0.54×0.40 m) was placed along the northern wall of the chamber. Within its fill, a broken lid made of three separately produced pieces (sections) was found. The section that originally covered the upper part of the body (GN25/6012/p1) was decorated with a bust-length depiction of a person wearing a tunic (*fig. 9*). The representation was modeled with fingers in the unfired clay. Inside the coffin, a poorly preserved adult skeleton was found (Burial 14), lying supine with the head oriented to the west. To the north of the western end of the coffin, two small glass unguentaria crushed by the collapse of the ceiling were found.

Coffin 5 (1.9×0.59×0.40 m) was located immediately south of Coffin 4 and parallel to it. Two poorly preserved skeletons were found inside (Burial 13). Both individuals were oriented with their heads to the west. Between the skulls, fragments of a small glass unguentarium were recorded. The vessel had been crushed in antiquity as a result of the collapse of the chamber ceiling.

Coffin 6 (1.85×0.55×0.38 m) was situated along the eastern wall of the chamber. Above the coffin, a fragment of a limestone offering table (GN25/6012/st1) was recorded. Another fragment of the same offering table (GN24/6010/st3) had been discovered during the excavation of robber debris inside GN 6010 in 2024. At the bottom of the coffin, a poorly preserved skeleton of an adult (Burial 10) was uncovered. The individual was oriented with the head to the north.

Beneath the coffins, a layer containing charcoal fragments, small mummy fragments, rodent bones, and small human bones was recorded. Beneath Coffin 6, compactly arranged fragments of a small glass beaker with waved rim were uncovered.

Burial 8 was situated between Coffin 6 and Coffins 4 and 5. The poorly preserved and disturbed skeleton lay extended, parallel to Coffin 6, with the head oriented to the south.

Burial 16 was recorded between Coffin 5 and the southern wall of the chamber. The poorly preserved skeleton was oriented with the head to the west, with a slight deviation toward the north. Fragments of a crushed plaster mask were found to the north of the skull.

GN 6013. Chamber GN 6013 measures 2.50×5.50 m and was cut along a north-northeast-south-southwest axis. In plan, it is almost rectangular and has rounded corners (*fig. 8*). The ceiling collapsed in antiquity, making it impossible to determine the original height of the chamber.

The chamber floor was recorded at a depth of 4.7 m below the modern ground surface (28.36 m.a.s.l.). The northeastern wall was constructed of mud-brick and contained a passage 0.65 m wide leading to the central room of the tomb (GN 6010).

The chamber was filled with layers of windblown sand and loam containing small pebbles derived from the collapse of the surrounding virgin soil. It had been partly looted in antiquity and entered again in the 21st century, as indicated by a robber's shaft recorded in its upper part near the southwestern end.

The chamber contained one ceramic coffin (Coffin 7), two wooden coffins (Coffins 8 and 9), and four burials (Burials 9, 11, 15, and 17). Along the southern wall, a large deposit of disarticulated bones and skulls from disturbed mummified individuals had been discarded. The number of individuals represented by this deposit may have exceeded 25, judging from the skulls.

Coffin 7 (1.92×0.40/0.53×0.30 m) was located against the eastern wall in the northern part of the chamber. It was covered by a ceramic lid assembled from three fragments originally

belonging to two different lids. A small round-bottomed ceramic bowl, placed upside down, rested on the northern end of the lid. To the same internment may have belonged fragments of a Middle Egyptian AE 3 wine amphora, a complete "frog" lamp with relief decoration and a fragment of another "frog" lamp, decorated with hands (the first fragment of the same lamp had been recovered in 2024 from robbers' debris filling the upper part of the adjacent burial chamber GN 6012). Inside the coffin, the poorly preserved remains of an adult (Burial 12) lay supine with the head to the north. Partial displacement of the skeleton indicates that the burial had been disturbed.

Burial 9, located along the southern wall, belonged to an embalmed adult interred in a wooden coffin (Coffin 8). The skeleton lay supine with the head to the west and the forearms crossed over the chest. Fragmentary remains of an anthropoid wooden coffin (preserved length 1.78 m) bore faint traces of polychrome decoration in red, white, green (?), blue, yellow, and black. The coffin rested on two limestone blocks with smoothed surfaces.

Burial 11 lay parallel to Burial 9, 10–15 cm to the north. It consisted of an embalmed adult interred in a wooden coffin (Coffin 9). The skeleton lay supine with the head to the west and the arms crossed over the chest. A small round faience (?) bead was recovered beneath the skeleton.

Coffin 9 (2.1 m long) rested directly on the floor, although its wood had completely decayed. Traces of red, white, green, blue, yellow, and black pigments applied over a thin plaster layer indicate that the coffin had originally been brightly painted.

Burial 15 comprised the remains of an embalmed child lying with the head to the east on top of Coffin 9. Several bones were displaced, including those of the right arm and vertebrae from the thoracic and pelvic regions. Bronze wire anklets were found on both ankles. A complete miniature cauldron with two pseudo-handles was found close the upper part of the child internment.

Burial 17, recorded in the northeastern part of the chamber against the northeastern wall, was badly disturbed. It consisted of a partially preserved inhumation with the head oriented to the northeast. The surviving remains included part of the ribcage with the thoracic spine and the arm bones, all exhibiting clear traces of embalming. The floor between Coffin 7 and Burial 17 was strewn with small textile fragments, probably mummy wrappings, suggesting the former presence of another burial that was later disturbed or destroyed. This interpretation is supported by the lower part of a mummified body recorded in 2024 on the mud-brick staircase of tomb GN 6010. Some isolated human bones were scattered across the chamber floor. All of the pottery found inside GN 6012 is characteristic of the Roman period.

GN 6020. During the 2024 season, several dozen anomalies were detected by the GPR survey in the Southern cemetery (Area VI). As was stated above, to verify these results, Trench 3 was laid out over one of the anomalies recorded south of tomb GN 6010 (*fig. 4*). Excavation revealed a subterranean structure interpreted as a hypogeum tomb labeled GN 6020.

In its upper part, the main fill of GN 6020 consisted of sand containing several compact lenses of sand. These lenses subsided toward the center of the structure and were likely formed during periods of water accumulation. In the central part of GN 6020, the sand layers were cut by a pit containing Burial 7 (*fig. 10*). It was oriented along the west-northwest – east-southeast axis and had been partially disturbed by a looters' pit (83C). Position of the internment and its orientation suggest that it was an intrusive Muslim burial.

Within the fill of the looters' pit in the central part of the chamber, several well-preserved ceramic vessels were recovered, including a lekythos, two oinochoai with loop handles, and a small unguentarium dated to the Ptolemaic period. On this basis, a somewhat earlier date may be proposed for tomb GN 6020 in comparison with the Roman hypogeum tomb GN 6010.

Beginning at an elevation of 30.28 m.a.s.l., another circular pit (context 70C; diameter 0.9 m) was recorded in the southeastern part of the structure (*fig. 10*). Its fill contained bones of various

animals, the overwhelming majority consisting of dog skeletons, many of which preserved in anatomical articulation.

The central room of tomb GN 6020 measures 2.35×1.9 m and is oriented along a south-southwest to north-northeast axis. Along the southern wall of the room, a structure constructed of mud-brick was recorded; the bricks rested directly on sand deposits. The function of this structure will be investigated in future seasons.

In the northern wall of the main room, a passage leading to burial chamber GN 6021 was identified. In its lower part, remains of a mud-brick blocking were preserved. Another burial chamber was likely cut into the western wall of the main room. Further excavations in tomb GN 6020 are planned for 2027.

CONCLUSION

The 2025 season substantially expanded both the geographical scope and research potential of the Gebel el-Nour Archaeological Project. Excavations, regional survey and geophysical prospection significantly advanced our understanding of the archaeological landscape at the mouth of Wadi Ghayada and the long-term development of the Gebel el-Nour site.

Excavations in the temple area dated the decline of the Greco-Roman sanctuary to the 3rd century AD and clarified the Byzantine reoccupation of the area in front of the temple. Surface survey also provided new evidence for the extent of the associated settlement.

The multidisciplinary investigation of the necropolis recorded nearly sixty previously undocumented rock-cut features and more than twenty geophysical anomalies. Excavation confirmed one of the anomalies recorded in 2024 as a new hypogeum (GN 6020), while the completion of tomb GN 6010 provided the first comprehensive modern archaeological study of a Greco-Roman hypogeum on the east bank of the Nile in Beni Suef Governorate. Its architecture, burial practices, and material culture offer an important basis for comparison with the better-known tombs of the west bank.

Beyond its individual discoveries, the 2025 season demonstrated the complexity and long-term development of the Wadi Ghayada cultural landscape and established a solid foundation for future archaeological research and the preservation of the regional archaeological heritage.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bailey D.M. Sebakh, Sherds and Survey. *Journal of Egyptian Archaeology.* 1999. Vol. 85. Pp. 211–223.

Boraik M. A New Ptolemaic Temple at Gebel el-Nour. *Egyptian Archaeology*. 2015. Vol. 46. Pp. 46–45.

Boraik M., Eissa R. A Recent Discovery near Beni-Suef: The Temple of Ptolemy II at Gebel el-Nour. *Memnonia.* 2014. Vol. 25. Pp. 187–197.

Daressy G. *Atlas archéologique de l'Egypte.* Paris: Soleb, 2019.

Eissa R., Gabr A.M., Sayed A.M., Aql R. New Discoveries from Gebel el-Nour. A Pronaos and Kiosk at Ptolemy II's Temple, in Addition to a Possible Byzantine House. *Memnonia*. 2016. Vol. 27. Pp. 151–166.

Eissa R., Safina A.Kh. The Inscriptions of the Newly Discovered Temple of Ptolemy II at Gebel el-Nour. *Studien zur Altägyptischen Kultur.* 2019. Vol. 48. Pp. 79–93.

Gomaà F., Müller-Wollermann R., Schenkel W. *Mittelägypten zwischen Samalūṭ und dem Gabal Abū Ṣīr. Beiträge zur historischen Topographie der pharaonischen Zeit.* Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1991.

Harrell J.A. *Archaeology and Geology of Ancient Egyptian Stones Archaeological and Geological Background; Building and Utilitarian Stones.* Oxford: Archaeopress, 2024.

Hoffmann T. *SunCalc*. 2026. https://www.sunculc.org (accessed: 14.07.2026).

Kaiser W. von. Bericht über eine archäologisch-geologische Felduntersuchung in Ober- und Mittelägypten. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1961. Bd. 17. S. 1–53.

Lebedev M.A. Cultural and Natural Context of the Ancient Settlement of Gebel el-Nour at the Mouth of Wadi Ghayada (Middle Egypt): Main Challenges and Prospects for Studying. *Vostok (Oriens).* 2023. No. 6. Pp. 14–28 (in Russian) [Лебедев М.А. Культурный и природный контекст древнего поселения Гебель эль-Нур в устье Вади Гайяда (Средний Египет): основные проблемы и перспективы изучения. *Восток (Oriens).* 2023. № 6. С. 14–28].

Lebedev M.A. New Data on the Ancient Cultural Landscape at the Mouth of Wadi Ghayada (Middle Egypt). *Vostok (Oriens).* 2025. No. 4. Pp. 6–21 (in Russian) [Лебедев М.А. Новые данные о культурном ландшафте греко-римского времени в устье Вади Гайяда (Средний Египет). *Восток (Oriens).* 2025. № 4. С. 6–21].

Malykh S.E. Pottery from the Survey in 2022 at the Gebel el-Nur Archaeological Site in Middle Egypt: Dating and Planigraphy. *Vostok (Oriens).* 2023. No. 6. Pp. 246–261 (in Russian) [Малых С.Е. Керамика из разведок 2022 г. на археологическом памятнике Гебель эль-Нур в Среднем Египте: датировка и планиграфия. *Восток (Oriens).* 2023. № 6. С. 246–261].

Malykh S.E. Ceramic Lamps from the “Tomb of Damas” at Gebel el-Nour (Middle Egypt): Morphology and Dating. *Vostok (Oriens).* 2025. No. 6. Pp. 239–256 (in Russian) [Малых С.Е. Керамические светильники из «гробницы Дамаса» в Гебель эль-Нуре (Средний Египет): морфология и датировка. *Восток (Oriens).* 2025. № 6. С. 239–256].

Vetokhov S.V. Dimensions and Proportions of the Ptolemaic Temple at Gebel el-Nour. *Oriental Courier.* 2023. No. 2. Pp. 93–107 (in Russian) [Ветохов С.В. Размеры и пропорции птолемеевского храма в Гебель эль-Нуре. *Восточный курьер.* 2023. № 2. С. 93–107].

Vetokhov S.V. Dimensions and Proportions of the Ptolemaic Temple at Gebel el-Nour. *Oriental Courier.* 2025. No. 4. Pp. 206–219.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЛЕБЕДЕВ Максим Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Maksim A. LEBEDEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

МОХАМЕД Ибрагим Мохамед – PhD, генеральный менеджер инспектората Высшего совета по древностям Министерства туризма и древностей в Бени Суэфе, Бени Суэф, Египет.

Mohamed Ibrahim MOHAMED, PhD (Egyptology), General Manager, Beni Suef Inspectorate of the Supreme Council of Antiquities of the Ministry of Tourism and Antiquities, Beni Suef, Egypt.

Иллюстрации к статье М.А. Лебедева и И.М. Мохамеда

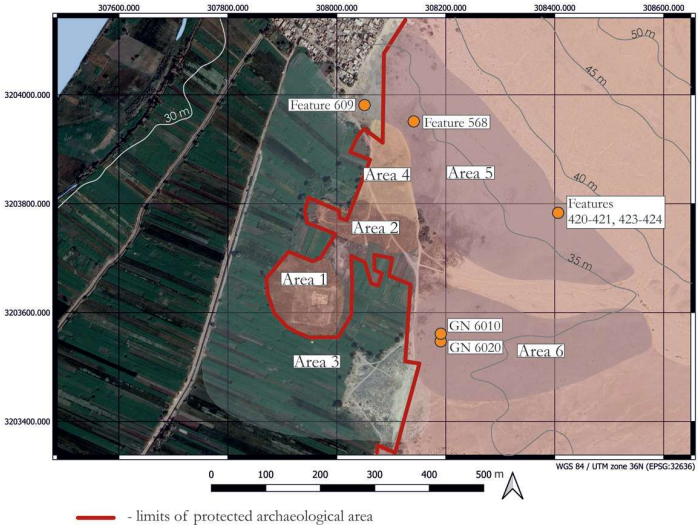

Fig. 1. Main areas of the Gebel el-Nour archaeological zone and the principal features discussed in this article (M.A. Lebedev)

Fig. 2. Feature 609 at the northern edge of the Northern Cemetery (M.Yu. Menshikov, M.A. Lebedev)

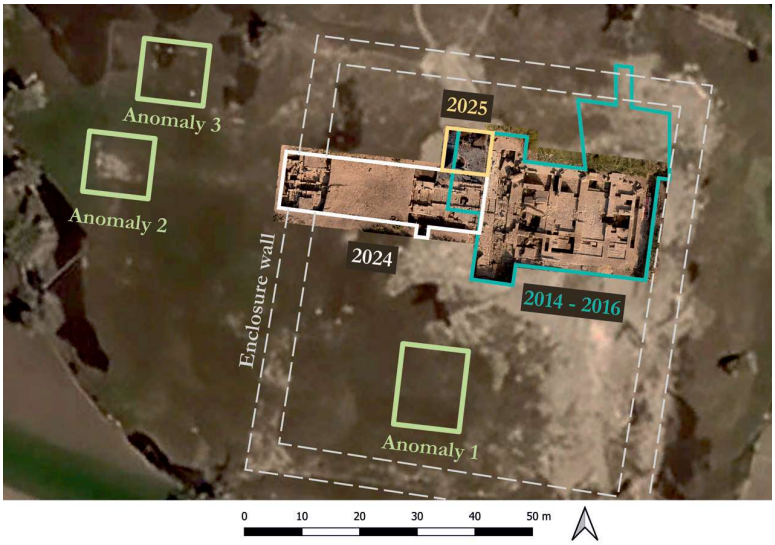

Fig. 3. Trenches excavated in the temple area (Area I) at Gebel el-Nour in 2014–2016 and 2024–2025, and the location of anomalies (potential structures) identified during the 2025 GPR survey (M.A. Lebedev)

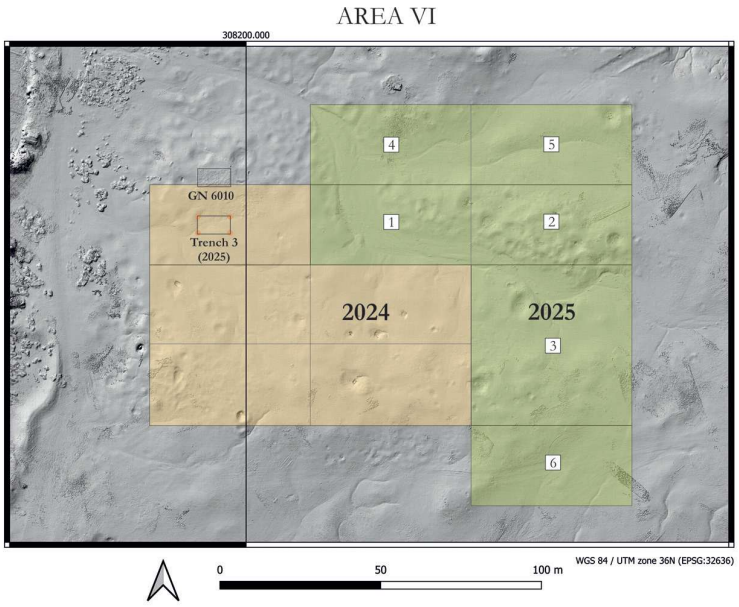

Fig. 4. Areas surveyed by ground-penetrating radar (GPR) in the Southern Cemetery in 2024 and 2025 (M.A. Lebedev)

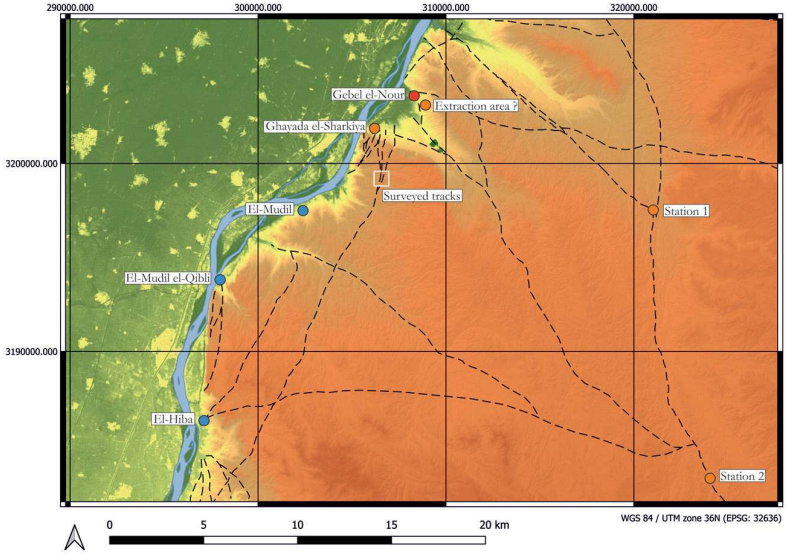

Fig. 5. General map of the archaeological survey conducted in the vicinity of Wadi Ghayada (M.A. Lebedev)

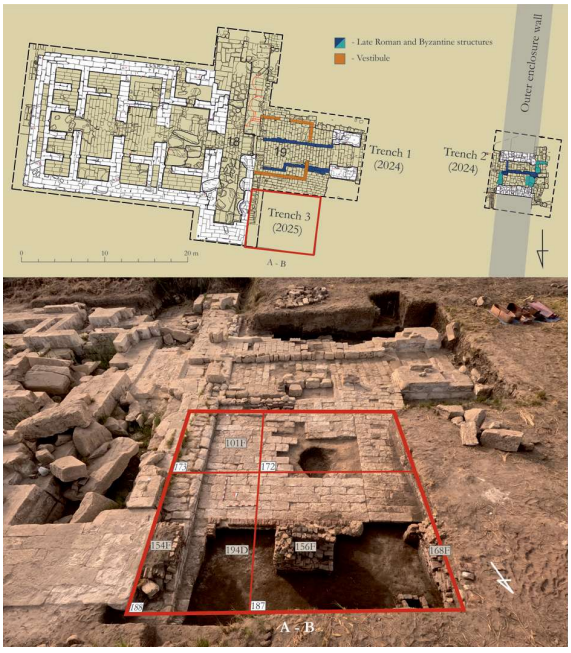

Fig. 6. Trench 3 and the principal features excavated within it in 2025 (M.A. Lebedev)

Fig. 7. Kitchen installation exposed in Trench 3 in 2025 (M.A. Lebedev)

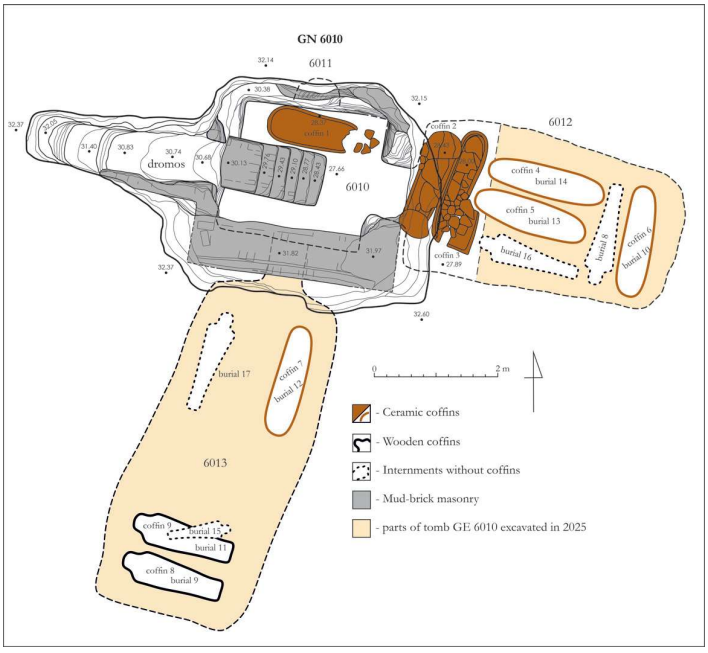

Fig. 8. Preliminary plan of tomb GN 6010 and its contents, excavated in 2024 and 2025 (M.A. Lebedev)

Fig. 9. Lid section (GN25/6012/p1) that originally covered the upper part of the interment in Coffin 4, discovered in burial chamber GN 6012 (M.A. Lebedev)

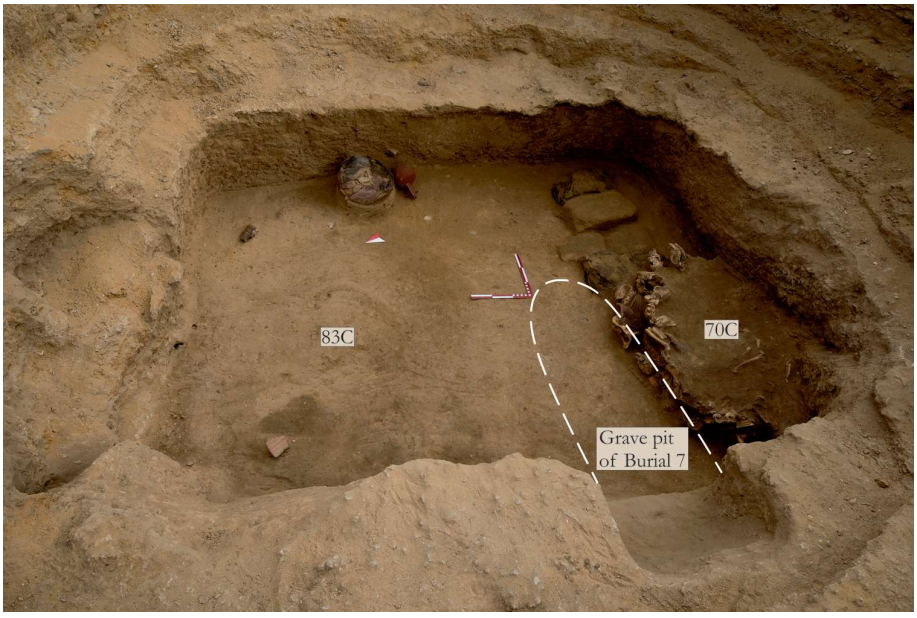

Fig. 10. Excavation of the upper part of tomb GN 6020, showing the principal features discussed in this article (S.V. Malykh, M.A. Lebedev)

DOI: 10.31696/S086919080038782-7

ГОРНАЯ СТЕНА «ДАГ-БАРЫ»: ФОРТ 7

© 2026

М.С. ГАДЖИЕВ [a]

[a] – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН, Махачкала, Россия
ORCID: 0000-0002-4592-0527; murgadj@rambler.ru

Резюме: *Представленные в статье работы проводились в рамках изучения фортификационной системы Горной стены (Даг-бары), являвшейся составной частью Дербентского оборонительного комплекса, возведенного в правление шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579) в конце 560-х гг. Археологические исследования предприняты на форте 7, расположенном в седловине на перевале Джалганского хребта и занимавшем важное стратегическое положение. Это укрепление впервые зафиксировано князем Д. Кантемиром в августе 1722 г. и обозначено на его схематической карте начального 15-километрового участка Горной стены под названием Kiosc (от ср.-перс. kōšk – «дворец, замок»). Под названием бурдж Кошк (араб. бурдж – «укрепление, башня») форт фигурирует у генерала А.В. Комарова. На ряде планов российских военных топографов конца XVIII – начала XIX вв. он именуется Мешебург (очевидно, от тюрк.-араб. Меше-бурдж – «лесное укрепление (крепость, башня)»). Форт имеет относительно хорошую сохранность. Судя по остаткам стен, он имел прямоугольную форму с угловыми круглыми глухими башнями диаметром около 5 м. Внутренние размеры форта составляют около 24,5 × 12,7 м при толщине стен 2,0–2,8 м, высота сохранившихся стен и башен доходит до 8–9 м от современной дневной поверхности и около 10,6–11,6 м от подошвы стены. Выявленные остатки форта имеют те же конструктивные особенности, что и другие укрепления Дербентского оборонительного комплекса – двупанцирная орфостатная сухая кладка (ложком и тычком) с забутовкой на известковом растворе. Представленный в культурных напластованиях шурфа немногочисленный комплекс керамической посуды относится к середине VI – началу XIII вв. и указывает на время активного функционирования форта. Учитывая, что строительство 42-километровой Горной стены представляло второй этап в возведении Дербентского оборонительного комплекса, сооружение фортов этой фортификационной линии можно отнести к началу 570-х гг.*

Ключевые слова: Кавказ, Сасанидский Иран, Дербент, Горная стена, Даг-бары, фортификация, форт, оборонительная архитектура

Для цитирования: Гаджиев М.С. Горная стена «Даг-бары»: форт 7. *Восток (Oriens).* 2026. № 4. С. 16–26. DOI: 10.31696/S086919080038782-7

MOUNTAIN WALL “DAGH-BARY”: FORT 7

© 2026

Murtazali S. GADJIEV [a]

[a] – Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia
ORCID: 0000-0002-4592-0527; murgadj@rambler.ru

Abstract: *The presented work was carried out as part of the study of the fortification system of the Mountain Wall (Dag-bary), which was an integral part of the Derbent defensive complex erected under the reign of Shahanshah Khosrow I Anushirvan (531–579) in the late 560s. Research was conducted at Fort 7, located in a saddle on the pass of the Jalgan ridge and occupying an important strategic position. This fortification was first recorded by Dmitry Kantemir in 1722 and was indicated on his schematic map of the initial 15 km section of the Mountain Wall called Kiosc. It was mentioned by the name burj Koshk by the general A.V. Komarov. On the Russian plans of the late 18th – early 19th centuries it was called Mesheburg. The fort had a rectangular shape (24.5×12.7 m) with angular round towers with a diameter of about 5 m, wall thickness of 2.0–2.8 m, the height of the preserved walls and towers reaches 8–9 m and 10.6–11.6 m from the base of the wall. The identified remains of the fort have the same design features as other fortifications of the Derbent defensive complex. The ceramic complex dates to the middle of the 6th – beginning of the 13th centuries and indicates the time of the active functioning of the fort. Considering that the construction of the 42 km Mountain Wall represented the second stage in the construction of the Derbent defensive complex, the construction of the forts of this fortification line can be attributed to the early 570s.*

Keywords: Caucasus, Sasanian Iran, Derbent, Mountain Wall, Dag-bary, fortification, fort, defensive architecture

For citation: Gadjiev M.S. Mountain Wall “Dagh-bary”: Fort 7. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 16–26. DOI: 10.31696/S086919080038782-7

Дербентский оборонительный комплекс был возведен в самом конце 560-х гг. в правление сасанидского шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579) как ответная мера на активизацию Тюркского каганата и его вассальных союзников[1]. Комплекс кроме собственно Дербента (ср.-перс. Дарбанд) с его оборонительными сооружениями включал 42-километровую фортификационную линию, известную под названием Даг-бары («Горная стена» – от тюрк. *даг* «гора», перс. *бару* «стена»[2]) (рис. 1)[3]. Она тянется от угловой юго-западной башни дербентской цитадели Нарын-кала на ЮЮЗ по водораздельным хребтам и включает в себя свыше 60 фортов и многочисленные башни (глухие и полые) [Гаджиев, 2008; Gadjiev, 2017 (там же библиография)]. Ближайший к цитадели Нарын-кала форт 1 (Кала-Сул) расположен в 150 м к ЮЗ от цитадели Нарын-кала, последний форт 62 (Чухун-кала) – на гребне хребта Кара-сырт в горном Табасаране. В ходе многолетних исследований этой фортификационной системы на ряде фортов были заложены стратиграфические раскопы (шурфы), ставившие целью определить, прежде всего, периоды функционирования этих узловых элементов обороны, а также мощность и характер культурных напластований. В настоящей статье публикуются работы, проведенные на форте 7, расположенном на расстоянии около 2,7 км к ЮЮЗ от цитадели Нарын-кала (рис. 1).

Форт 7, как и форты 6 и 8, находится на гребне Джалганского хребта на расстоянии около 570 м к ЮЮЗ от форта 6, в отличие от которого он не связан с другими фортами заградительной оборонительной стеной (рис. 1–2). От форта 6, расположенного на безымянной вершине хребта, остатки стены прослежены в южном направлении (в сторону форта 7) только лишь на расстояние около 35 м – далее она, очевидно, и не возводилась, т.к. крутые и обрывистые западные склоны хребта обеспечивали естественные защиту, не позволяя

[1] О дате строительства см: [Гаджиев, 2006; Gadjiev, 2008].

[2] О названиях Горной стены см.: [Гаджиев, 2015].

[3] Рис. 1–2, 4–7, 9–10 находятся на цветной вклейке.

какой-либо крупной военной группировке предпринять наступление или штурм [Гаджиев, 2024]. Форт 7 размещен в густой чаще леса в седловине на перевале Джалганского хребта, через который проходит удобный в данной местности путь, пересекающий хребет в сторону Прикаспийской равнины и к югу в обход Дербента. Это обуславливало стратегическую значимость этого укрепления в системе Горной стены. С южной стороны к форту подходит грунтовая дорога со стороны селения Джалган, расположенного в 1,5 км к ЮВ от форта. Отсюда одна тропа ведет на СВ к поселению Пирмешки (ок. 2,5 км), где располагались форты 4 и 5, и далее, минуя форты 3, 2, 1, к Дербенту; другая тропа ведет на север к форту 6 (0,57 км), третья – на ЮЮЗ к следующему участку Горной стены (ок. 1 км) и подходит к ней между фортами 8 и 9, и, наконец, четвертая тропа спускается на запад в долину между Джалганским и Кемахским хребтами.

Форт впервые обозначен в виде квадрата с круглыми угловыми башнями под адаптированным названием *Kiosc* (ср.-перс. *Kōšk* – «дворец, замок») на схематической карте начального 15-километрового участка Горной стены, составленной в 1722 г. князем Д. Кантемиром, озаглавленной “Tractus orientalis Caucasi cum vestigtis muri veteris in co ducti descriptus a Celsissimo Principe Demetrio Cantimiro” и впервые опубликованной Теофилом Зигфридом Байером (Ф.З. Бауэр) в статье «О стене Кавказской» / “De muro Caucaseo” [Бауэр, 1728; Bayer, 1728; 1770].

Это название в 1870-х гг. было зафиксировано градоначальником Дербента и военным начальником Южного Дагестана, генерал-лейтенантом А.В. Комаровым, который занимался сбором копий древних надписей, позднее переданных в Азиатский музей и ныне хранящихся в Архиве Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. А.В. Комаров приводит наименования отдельных фортов Горной стены, нередко именуемых им араб. *бурдж* – «башня, укрепление, бастион», где были обнаружены надписи, и, в частности, сообщает, что «на бурдже Кошк, выше Нарын-калы Дербентской» было выявлено и скопировано три надписи [Лавров, 1966, с. 107, № 210–212].

Наконец, на ряде планов российских военных топографов конца XVIII – начала XIX в. этот форт фигурирует под адаптированным названием Мешебург (от тюрк.-араб. **Мешебурдж* «лесная крепость (башня, укрепление)», где тюрк. *меше* – «лес»), которое ныне неизвестно. В частности, этот хорошо сохранившийся форт показан на «Плане осады города Дербента Российскими Императорскими войсками под командою генерал-порутчика графа Валериана Зубова майя от 2-го до 10 числа 1796 года» [*РГВИА*, ф. 349, оп. 12, д. 1970; см.: Хан-Магомедов, 2002, с. 97, рис. 49], а также на «Генеральном плане города Дербента с показанием около онаго ситуации и атаки российско-императорскими войсками в 1796 году, служащие к лутчему соображению о количестве гарнизонной артиллерии предполагаемаго содержать в онай крепости», изготовленном в феврале 1810 г. инженер-подпоручиком Васильевым [*РГВИА*, ф. 349, оп. 12, д. 1975].

На советских топографических картах форт обозначен как «старая крепость», а среди старожилов Дербента и близлежащего селения Джалган именуется «Вторая крепость» (под «первой» подразумевается цитадель Нарын-кала).

Форт 7 имеет прямоугольную форму и четыре круглые глухие угловые башни (рис. 3). Также как и форт 6, он вытянут в меридиональном направлении с отклонением в 12° к западу. В 3 м к югу от южной куртины форта находится водосборная воронкообразная яма, диаметром по верху 5 м и глубиной 1,5 м. В 18 м южнее ее расположена вторая яма, диаметром 6 м, глубиной 2,5 м, и, наконец, в 55 м к югу от второй находится третья водосборная яма, овальной формы (7×10 м), глубиной 2,5 м. Эти и другие немалочисленные ямы обеспечивали водой гарнизоны, которые были размещены в укреплениях, близ которых отсутствовали источники воды [Гаджиев, 2024, с. 43, 57–58, рис. 3]. С территории форта

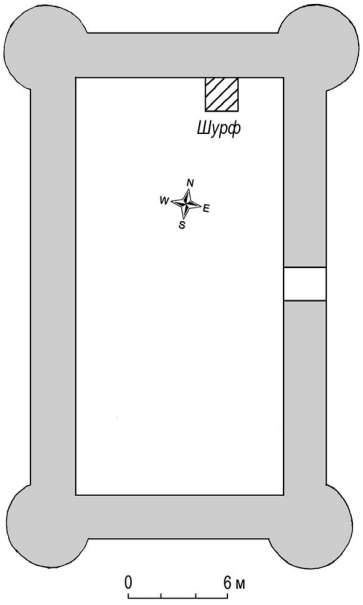

Рис. 3. Форт 7. План
Fig. 3. Fort 7. Plan

на много километров просматриваются прикаспийская и горная зоны Южного Дагестана, подходы к Дербентскому проходу и городу.

Первые зарисовки фасов, план и краткое описание форта 7 были сделаны С.О. Хан-Магомедовым на основании обмеров, осуществленных в 1949 и 1956 гг. [Хан-Магомедов, 2002, с. 321, 325–331, рис. 232–237], когда сохранность укреплений Горной стены была значительно лучше современной. По его данным, внутренние размеры форта составляли 25×14 м, диаметр башен – 5,25 м, толщина коротких (северной и южной) куртин составляла 2,2 м, длинных (западной и восточной) куртин – 3 м, сохранившаяся высота стен – 9 м. Наши замеры немного отличаются от данных С.О. Хан-Магомедова. Вместе с тем, зарисовки фасадов [Хан-Магомедов, 2002, с. 321, 327, рис. 232] осуществлены с некоторыми ошибками – в частности, башни форта показаны абсолютно вертикальными, тогда как в реальности они несколько сужаются к верху.

По нашим замерам сохранившаяся высота стен и башен форта доходит до 8–9 м от современной дневной поверхности (рис. 4). Видимая часть форта имеет наружную панцирную облицовку, сохранившуюся в отдельных местах в нижней части стен и башен на высоту от 1–2 до 6 рядов (у северо-восточной башни) от современной дневной поверхности. Выше этой части кладки возвышается сохранившаяся забутовка (облицовочные блоки, очевидно, были сняты местными жителями на вторичное использование после прекращения функционирования форта) с частыми «ощетинившимися» тычковыми плитами (рис. 5). Четко видна слоистая структура кладки, швы между рядами забутовки: стены и башни возводились рядами (ряд облицовки и забутовки, следующий ряд облицовки и забутовки и т.д.). Нужно отметить, что нижние ряды кладки скрыты примыкающими к стенам завалами и грунтом, образовавшимися в результате выборки облицовочных плит.

Форт сложен в той же сложной орфостатной технике кладки, что и другие сооружения Дербентского оборонительного комплекса VI в.: сухая панцирная кладка тычком и логом из крупных прямоугольных плит с забутовкой из бутового камня на крепком известковом растворе (рис. 6). Средние размеры ложковых панцирных плит составляют 60–80×50–60×18–20 см, тычковые плиты имеют по длине и ширине такие же размеры, но их толщина колеблется от 13 до 27 см, при этом внутренние, скрытые в забутовке грани не столь тщательно обработаны, имеют зачастую неровную поверхность и немного толще лицевой стороны, обеспечивая тем самым крепкое сцепление панцирной кладки и забутовки.

Внутренние размеры форта: длина ок. 24,5 м, ширина ок. 12,7 м (рис. 3). Толщина стен в верхней части составляет ок. 2 м, у основания она постепенно увеличивается: у восточной куртины до 2,6 м с уступом шириной 15 см на уровне цоколя, у западной куртины – до 2,83 м с уступом шириной 8 см, у южной и северной – ок. 2,6 м. Башни у основания также расширяются, их диаметр ок. 5–5,2 м (рис. 4). У основания северо-восточной башни прослежено два уступа шириной 5–8 см и 12 см. В восточной продольной куртине форта имеется пролом (рис. 7) шириной и высотой ок. 2 м, фиксирующий местоположение здесь входного проема, первоначально имевшего, судя по его контуру, параболическую арку, характерную для сасанидской архитектуры.

Шурф размером 2×2 м был заложен вплотную к внутренней грани северной куртины, в ее центральной части (рис. 3, 8–10), в 7,8 м от внутреннего северо-западного угла форта (стык северной и западной куртин). Шурф имеет постепенное понижение с С на Ю (перепад 50 см), обусловленное бóльшим накоплением грунта у куртины.

За тонким (5–7 см) слоем гумуса по всей площади раскопа шел сильно гумусированный, серый, рыхлый *слой 1*, насыщенный крупным, средним и мелким бутом, корневищами, а также современным мусором (битое стекло). Толщина слоя колеблется от 45–55 см у куртины (где он накапливался) до 30 см у противоположной, южной, стенки шурфа (рис. 8–9).

Слой 2 лежит непосредственно под слоем 1 и представляет собой светло-серый грунт средней плотности с крупным, средним и мелким бутовым камнем, щебнем, кусочками извести (рис. 8–9). На границе слоев 1 и 2, в южной стенке раскопа – крупный обработанный панцирный ложковый блок (82×58×35 см) из кладки стены. Толщина этого слоя 30–40 см. В слое обнаружено несколько невыразительных фрагментов красноглиняной керамики. Стратиграфическое положение слоя и его структура позволяют считать, что он образовался в результате направленного разрушения стен форта, выборки панцирных плит после прекращения функционирования данного укрепления. Слой 2 перекрывал нижележащий слой 3.

Слой 3 плотный, коричневого цвета с известковыми вкраплениями, угольками, с крупным и средним бутовым камнем (рис. 8–9). Общая толщина слоя 3 составляет 1,35–1,48 м. Ниже его следовала плотная коричневая материковая почва.

В слое 3 вприток к куртине обнаружено in situ каменное кубовидное, тщательно обработанное изделие длиной 60 см, шириной 51–52 см и высотой 40 см (рис. 9–10). Верхняя отметка его -1,30 м от ±0. По верху оно имеет бордюр шириной 3–4 см и высотой 1–2 см, а в центре – овальной формы (31×37 см) коническое углубление глубиной 30 см. Предмет тщательно вытесан из мелкозернистого ракушечника; размеры и местоположение исключают его интерпретацию как пяточного камня дверного проема, возможно, он представляет собой крупную ступу. Находка стратиграфически связана не с начальным (сасанидским) периодом бытования форта 7, а со средней частью слоя 3. На уровне основания этого «куба» (-1,7–1,8 м от ±0) в площади шурфа прослежено скопление угольков, известковой крошки, фиксирующих древнюю дневную поверхность, хотя слой ниже и выше этого скопления однороден, не отличается по цвету и структуре (рис. 8–9).

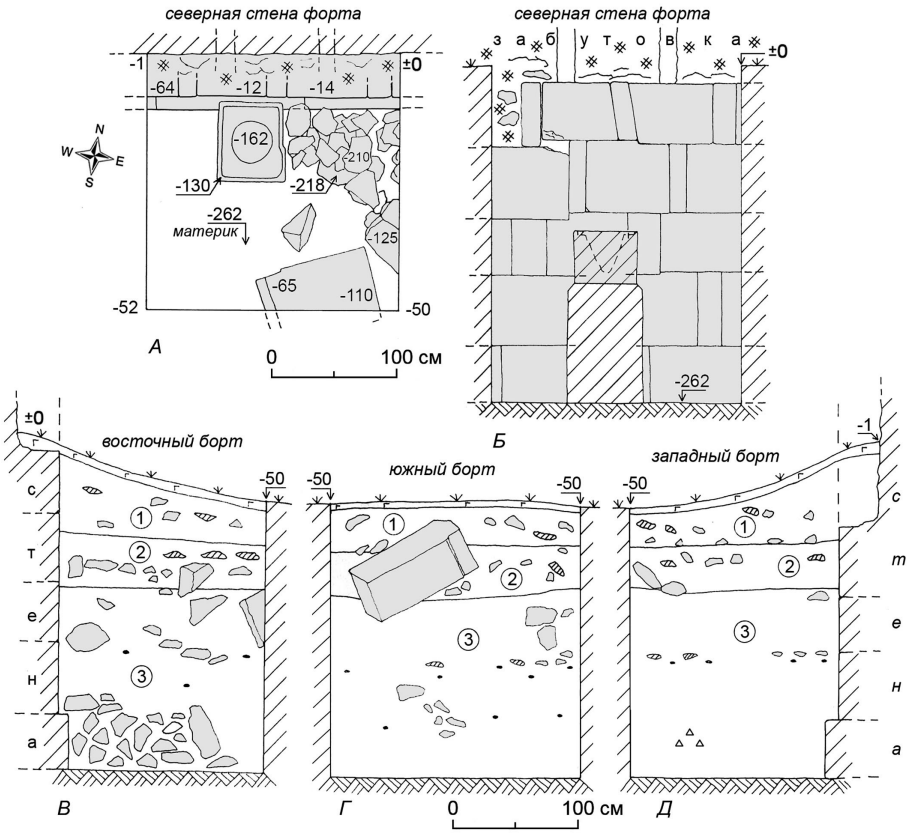

Рис. 8. Форт 7. Стратиграфический шурф. План (А) и профили бортов (Б-Д)
Fig. 8. Fort 7. Stratigraphic pit. Plan (A) and side profiles (B-D)

В восточной половине шурфа, начиная с отметки -2,10 м, отмечено плотное скопление мелкого, среднего и реже крупного бутового камня. Это скопление мощностью 40–50 см продолжается до материка (-2,62 м), его происхождение не ясно.

Из слоя 3 происходит относительно немногочисленный керамический материал, который условно распределен внутри слоя по глубине залегания на три группы. В большинстве своем керамика обкатана. Из верхней части слоя (-0,8–1,3 м) происходит всего несколько фрагментов средневековой качественной неполивной керамики красно-коричневого цвета, среди которой выделяются фрагмент цилиндрической горловины кувшина с невыделенным заостренным венчиком (рис. 11, *1*) и обломок стенки кувшина с двумя неглубокими концентрическими бороздками, опоясывающими сосуд (рис. 11, *2*).

Керамика из средней части слоя 3 (-1,3–1,5 м) представлена двумя археологически целыми сосудами и 29 фрагментами. Это:

– коричневого цвета плоскодонный горшочек (H=8,5 см, d венчика=7 см, d тулова= 10,5 см, d дна=7 см) со следами копоти, с ручкой (не сохранилась), приземистым сферическим туловом и чуть отогнутым наружу невыделенным венчиком (рис. 12, *1*);

– коричневоглиняная плоскодонная чашечка (H=3,5–4,2 см, d венчика=9 см, d дна= 8,2 см) со сливом (льячка?), с немного расходящимися от дна стенками, в тесте примесь шамота, на поверхности следы воздействия огня и копоти (особенно, у слива) (рис. 12, *2*);

– 3 фрагмента красноглиняной глазурованной округлобокой чаши с невысоким бортиком и расширенным профилированным венчиком (d=22 см), с врезной линейной орнаментацией по белоангобированному черепку под прозрачной бесцветной поливой (рис. 11, *12*);

– обломок высокой горловины красноглиняного кувшина с невыделенным венчиком и орнаментом из трехрядных врезных концентрических окружностей, опоясывающих горловину у венчика и в месте верхнего крепления ручки, и из комбинации вертикально расположенных пунсонов, образующих ромбы и соединенных врезными линиями (рис. 11, 9);

– фрагмент овальной в сечении вертикальной ручки красноглиняного кувшина (рис. 11, 10);

– 5 фрагментов стенок (плечики) красно-коричневых кувшинов с врезным многорядным линейно-волнистым орнаментом (рис. 11, *3–5, 7*);

– фрагмент плечика коричневоглиняного кувшина с линейным врезным орнаментом и тонким валиком с врезными наклонными насечками в месте перехода от тулова к горловине (рис. 11, *6*);

– фрагмент стенки тонкостенного коричневоглиняного кувшина со сплошной орнаментацией тулова наклонными параллельными полосками, разделенными двумя неглубокими бороздками (рис. 11, *8*);

– 2 фрагмента стенок тарного красноглиняного сосуда с врезными многорядными поясками и со следами белого ангоба (рис. 11, *11*);

– фрагмент стенки красноглиняного столового белоангобированного сосуда с примесью песка в тесте;

– 5 фрагментов стенок столовых красноглиняных сосудов;

– фрагмент стенки лощеного красноглиняного сосуда;

– фрагмент стенки красноглиняного толстостенного тарного белоангобированного сосуда с примесью песка в тесте;

– фрагмент стенки коричневоглиняного сосуда;

– 4 фрагмента стенок кухонной коричневоглиняной керамики с обильной примесью шамота в тесте, со следами копоти;

– фрагмент донца тонкостенного красноглиняного кувшина;

– фрагмент донца коричневоглиняного толстостенного сосуда с примесью шамота в тесте и серой прослойкой в изломе;

– фрагмент стенки сероглиняного кувшина с заглаженной поверхностью.

Представленная керамика фрагментарна, немногочисленна, но хронологически достаточно показательна. Среди данной группы выделяются обломки поливной чаши с подглазурной гравировкой по белоангобированному черепку, характерной для X–XII вв., и фрагменты красноглиняных белоангобированных сосудов с примесью песка в тесте, представляющие образцы сасанидской керамики VI–VII вв. Также укажу на фрагмент стенки сероглиняного сосуда, который по структуре, цвету, обработке поверхности весьма близок керамике Северного Дагестана хазарского времени.

Из нижележащей части слоя 3 (-1,5–1,8 м) происходит 31 фрагмент керамической посуды, представленной следующими образцами:

– фрагмент венчика красноглиняной белоангобированной округлобокой с невыделенным венчиком (d=14–15 см) чашечки, покрытой прозрачной бесцветной поливой (рис. 12, *3*);

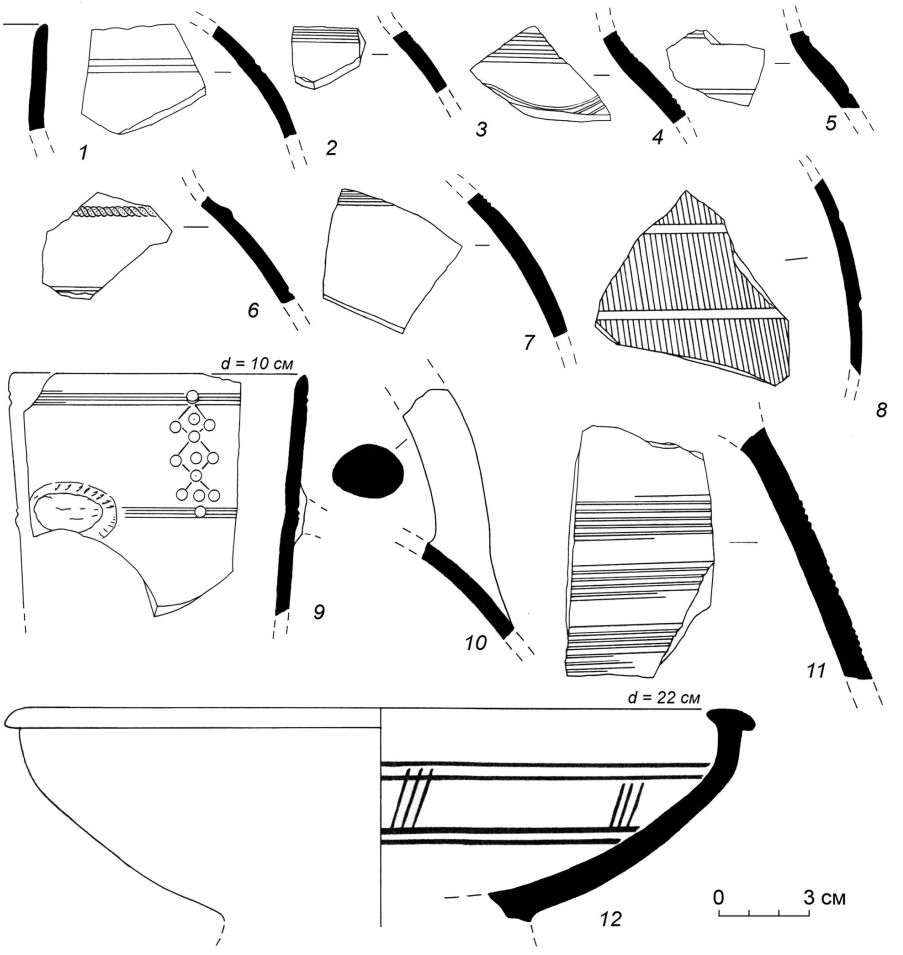

Рис. 11. Форт 7. Стратиграфический шурф. Фрагменты керамики: *1–2* – гл. 0,8–1,3 м; *3–12* – гл. 1,3–1,5 м

Fig. 11. Fort 7. Stratigraphic pit. Pottery fragments: *1–2* – depth 0.8–1.3 m; *3–12* – depth 1.3–1.5 m

– 2 фрагмента невыделенного венчика (d=8 см) красноглиняного кувшина (рис. 12, *4*);

– фрагмент утолщенного наружу венчика красноглиняного сосуда (рис. 12, *5*);

– фрагмент стенки столового бежевоглиняного белоангобированного сосуда с примесью мелкого песка в тесте;

– фрагмент стенки тарного бежевоглиняного гладкостенного сосуда;

– 10 фрагментов стенок красноглиняных гладкостенных кувшинов с примесью мелкого песка в тесте;

– 2 фрагмента донца коричнево-серого тонкостенного (0,5–0,6 см) сосуда;

– фрагмент стенки тарного красноглиняного гладкостенного сосуда;

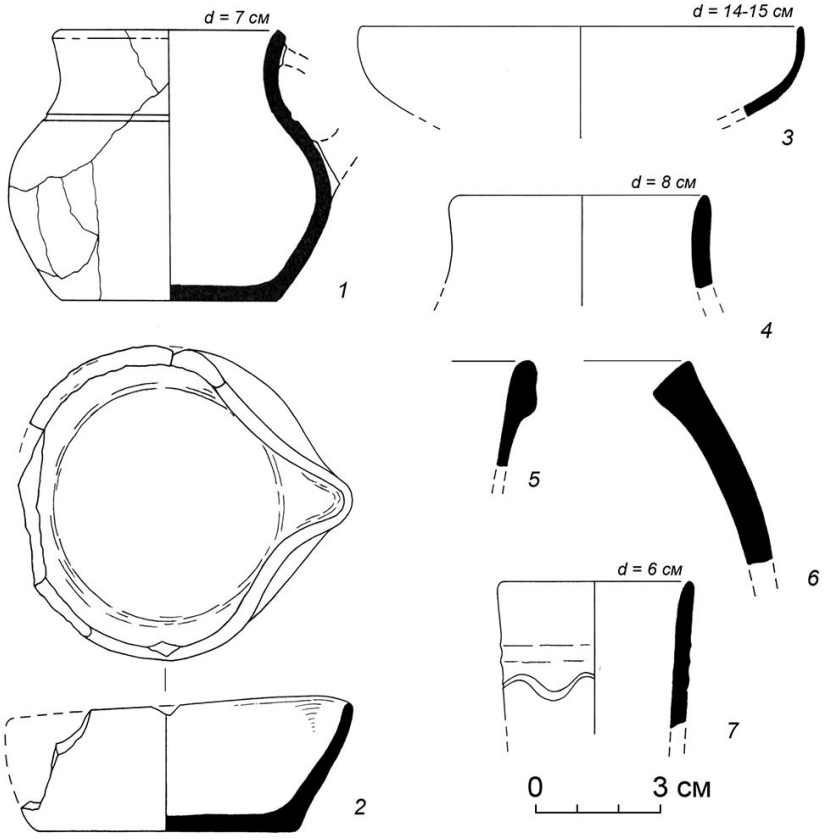

Рис. 12. Форт 7. Стратиграфический шурф. Фрагменты керамики: *1–2* – гл. 1,3–1,5 м; *3–6* – гл. 1,5–1,8 м; *7* – из скопления керамики (2.2–2.4 м)

Fig. 12. Fort 7. Stratigraphic pit. Pottery fragments: *1–2* – depth 1.3–1.5 m; *3–6* – depth 1.5–1.8 m; *7* – from accumulation of pottery fragments (2.2–2.4 m)

– фрагмент стенки тарного светло-коричневого сосуда с примесью песка, толченой ракушки и шамота в тесте;

– 11 фрагментов стенок, плоского донца и венчика (рис. 12, *6*) кухонного коричнево-глиняного лепного сосуда с обильной примесью шамота в тесте и со следами копоти.

Среди этой группы керамики слоя 3 выделяется хронологически показательная глазурованная чашечка, датируемая XI–XII вв. Здесь же представлены фрагменты характерных бежевоглиняных сосудов с белым ангобом позднесасанидского времени (V–VII вв.). Представительство в одном слое образцов керамической посуды, относящихся к различным хронологическим периодам, может указывать на перемешанность, потревоженность слоя.

В нижележащей части слоя 3, достигающей толщины 0,80–0,83 м, ниже которой лежит материковый грунт (-2,62 м), найдено лишь несколько мелких и невыразительных фрагмен-

тов красноглиняных сосудов, а на отметке -2,2–2,4 м вплотную к западной стенке раскопа отмечено скопление красноглиняной керамики толщиной 20 см, среди которой выделяются верхняя часть красноглиняного кувшина с узкой, почти цилиндрической горловиной (d венчика=6 см), орнаментированной врезной волнистой линией (рис. 12, 7), и два обломка донцев красноглияных кувшинов.

Слой 3 подстилает плотная коричневая материковая глина (-2,62 м) и, таким образом, начало отложения слоя 3 стратиграфически связано с начальным этапом существования форта.

В результате вскрытия описанных культурных напластований был открыт соответствующий участок внутреннего фаса северной куртины форта 7 (рис. 8Б, 10, 1). Как выяснено, куртина следует ниже современной дневной поверхности на глубину ок. 2,6 м (5 рядов кладки, из которых четыре нижних ряда сохранили панцирные блоки); она возводилась на данном участке на горизонтально выровненной материковой площадке без ленточного фундамента. Конструктивные особенности и, как следствие, исключительная прочность сложной орфостатной кладки тычком и ложком насухо с забутовкой тела рваным камнем на крепком известковом растворе позволяли отказываться от такого, казалось бы, необходимого строительного приема, как фундаментная траншея, которая в площади шурфа не была зафиксирована. Нижний (первый) ряд кладки имеет ступень-выступ шириной 10–11 см, немного увеличивавший площадь опоры стены.

Представленный в слое 3, отложение которого связано со временем бытования форта 7, керамический материал, несмотря на свою слабую представительность, дает возможность датировать его в рамках середины VI – начала XIII вв. и, следовательно, отнести к этой дате и время функционирования данного укрепления. Время строительства форта и начало его функционирования соотносятся с датой строительства собственно сасанидских каменных укреплений Дербента (точнее, цитадели и северной городской стены), зафиксированной в среднеперсидской надписи № 3 на северной оборонительной стене города – 37 год (правления Хосрова Ануширвана) / 568–569 гг. [Гаджиев, 2006; Gadjiev, 2008]. Учитывая, что строительство многокилометровой Горной стены представляло второй этап в возведении Дербентского оборонительного комплекса, сооружение фортов этой фортификационной линии можно отнести к началу 570-х гг. Вместе с тем, проведенные стратиграфические исследования на участке Горной стены от форта 1 до форта 7 показывают, что вся система укреплений этого начального участка оборонительной системы от цитадели Дербента до Джалганского хребта действовала в период середины VI – начала XIII вв. Очевидно, прекращение ее функционирования связано с монгольским нашествием и вторжением последнего хорезмшаха Джелал ад-Дина Мангуберди (1199–1231), приведшими Дербент и его историческую округу к разорению и упадку, в результате чего власти уже не имели возможности содержать эту мощную оборонительную систему. К этому времени система укреплений Горной стены потеряла свою роль и значение рубежа борьбы с вторжениями северных номадов и их союзников. Но необходимо отметить, что отдельные участки и форты Горной стены могли сохранять в XI – начале XIII вв. свое локальное значение, будучи оплотами местной власти, пограничными и суфийскими рибатами [Аликберов, 2003, с. 237–238, 482–483].

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив [RGVIA – Russian State Military Historical Archive].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аликберов А.К. *Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.)*. М.: Восточная литература, 2003 [Alikberov A.K. *The Era of Classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and His Sufi Encyclopedia "Rayhan al-haka'ik" (11th–12th centuries)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003 (in Russian)].

Бауэр Ф.З. О стене Кавказской. *Краткие описания комментариев Императорской Петербургской Академии наук*. 1728. Часть первая на 1726 год. С. 167–207 [Bauer F.Z. About the Caucasian wall. *Brief descriptions of the comments of the Imperial Petersburg Academy of Sciences.* 1728. Part One for 1726. Pp. 167–207 (in Russian)].

Гаджиев М.С. Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат (интерпретация среднеперсидской надписи № 3). *Вестник Института истории, археологии и этнографии.* 2006. № 1. С. 77–94 [Gadjiev M.S. Determination of the absolute date of construction of the citadel and the northern city wall of Derbent and the labor costs incurred (interpretation of the Middle Persian inscription No. 3). *Herald of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2006. No. 1. Pp. 77–94 (in Russian)].

Гаджиев М.С. Даг-бары – Великая Кавказская стена. *Дагестанские святыни.* Кн. 2. Сост. и отв. ред. А.Р. Шихсаидов. Махачкала: Эпоха, 2008. С. 8–36 [Gadjiev M.S. Dagh-bary – the Great Caucasus Wall. *Daghestan shrines.* Book 2. A.R. Shikhsaidov (ed.) Makhachkala: Epokha, 2008. Pp. 8–36 (in Russian)].

Гаджиев М.С. О названиях Горной стены – составной части Дербентского оборонительного комплекса. *Средневековый Восток: проблемы историографии и источниковедения. Сб. статей памяти Героя Советского Союза, академика З.М. Буниятова*. Баку: Элм, 2015. С. 43–50 [Gadjiev M.S. About the names of the Mountain Wall – an integral part of the Derbent defensive complex. *Medieval East: problems of historiography and source study. Collection of articles in memory of the Hero of the Soviet Union, academician Z.M. Buniyatov.* Baku: Elm, 2015. Pp. 43–50 (in Russian)].

Гаджиев М.С. Горная стена «Даг-бары»: от поселения Пирмешки до форта 6. *Вестник Дагестанского научного центра.* 2024. Вып. 92. С. 39–59 [Gadjiev M.S. Mountain wall "Dag-bary": from the settlement of Pirmeshki to Fort 6. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center.* 2024. No. 92. Pp. 39–59 (in Russian)].

Лавров Л.И. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения.* М.; Наука, 1966 [Lavrov L.I. *Epigraphic monuments of the North Caucasus in the Arab, Persian and Turkish languages. Part 1. Inscriptions of the 10th–17th centuries. Texts, translations, comments, introduction and applications.* Moscow: Nauka, 1966 (in Russian)].

Хан-Магомедов С.О. *Дербентская крепость и Даг-бары.* М.: Ладья, 2002 [Khan-Magomedov S.O. *Derbent fortress and Dag-bary.* Moscow: Ladya, 2002 (in Russian)].

Bayer Th.J. De muro Caucaseo. *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, tomus primus ad annum 1726.* 1728. Pp. 425–463.

Bayer Th.J. De muro Caucaseo. *Opuscula ad historiam antiquam.* A. Klotzius (ed.) Halae: Typis et sumptibus Io. Iac. Curt, 1770. Pp. 94–125.

Gadjiev M.S. On the Construction Date of the Derbend Fortification Complex. *Iran and the Caucasus*. 2008. Vol. 12.1. Pp. 1–15.

Gadjiev M.S. Dagh bary. *Encyclopædia Iranica. Online edition.* 20.10.2017. http://www.iranicaonline.org/articles/dagh-bary (accessed: 12.07.2026).

ГАДЖИЕВ Муртазали Сержутдинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН, Махачкала, Россия.

Murtazali S. GADJIEV, DSc (History), Professor, Chief Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia.

Иллюстрации к статье М.С. Гаджиева

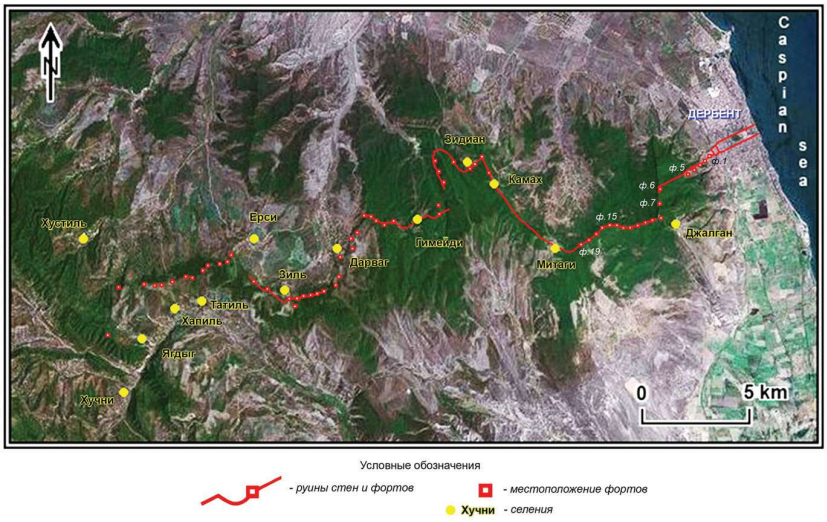

Рис. 1. Дербент и Горная стена (на основе Google Earth Pro, 2025)
Fig. 1. Derbent and Mountain Wall (based on Google Earth Pro, 2025)

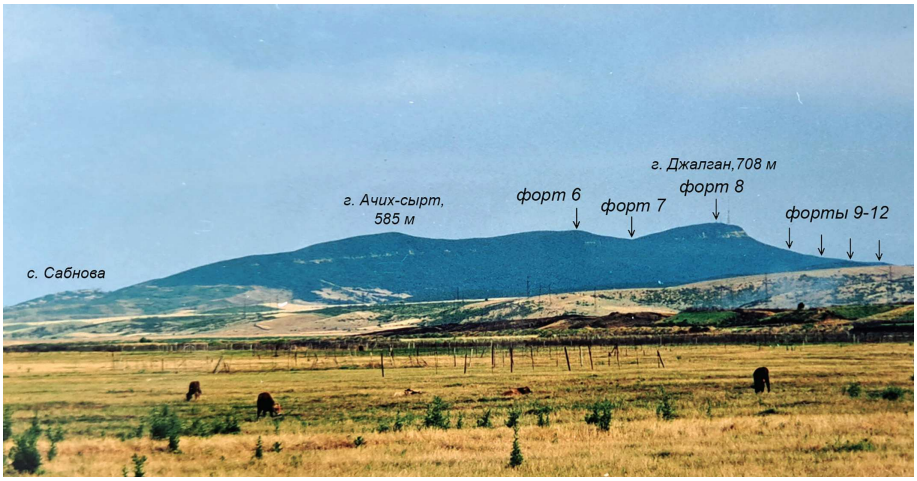

Рис. 2. Вид с СЗ на Джалганский хребет с показом расположения фортов 6–12
Fig. 2. View from the NW to the Jalgan Range showing the location of forts 6–12

Рис. 4. Форт 7. *1* – северо-восточная башня и восточная куртина, вид с СВ;
2 – северо-западная башня и западная куртина, вид с СЗ
Fig. 4. Fort 7. *1* – northeast tower and east curtain, view from SE;
2 – northwest tower and west curtain, view from NW

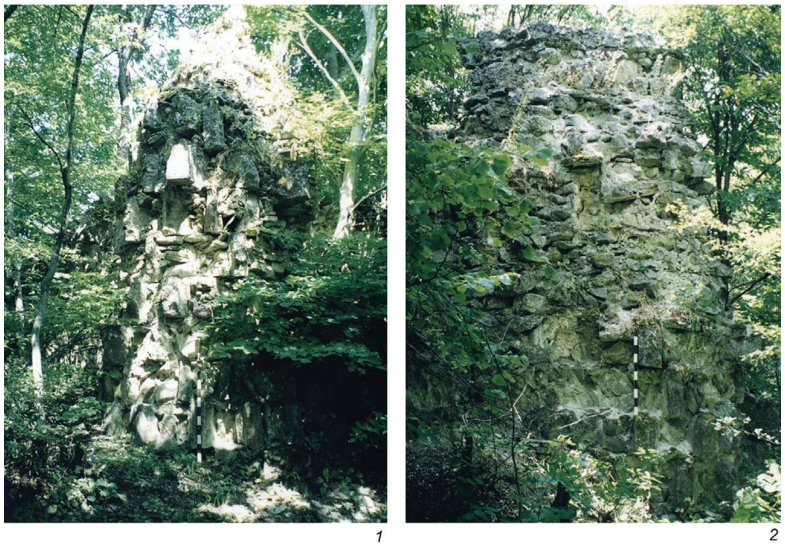

Рис. 5. Форт 7. *1* – юго-восточная башня, вид с ЮВ; *2* – юго-западная башня, вид с ЮЗ
Fig. 5. Fort 7. *1* – southeast tower, view from SE; *2* – southwest tower, view from SW

Рис. 6. Форт 7. Восточная куртина. Структура кладки стены
Fig. 6. Fort 7. Eastern curtain. Masonry wall structure

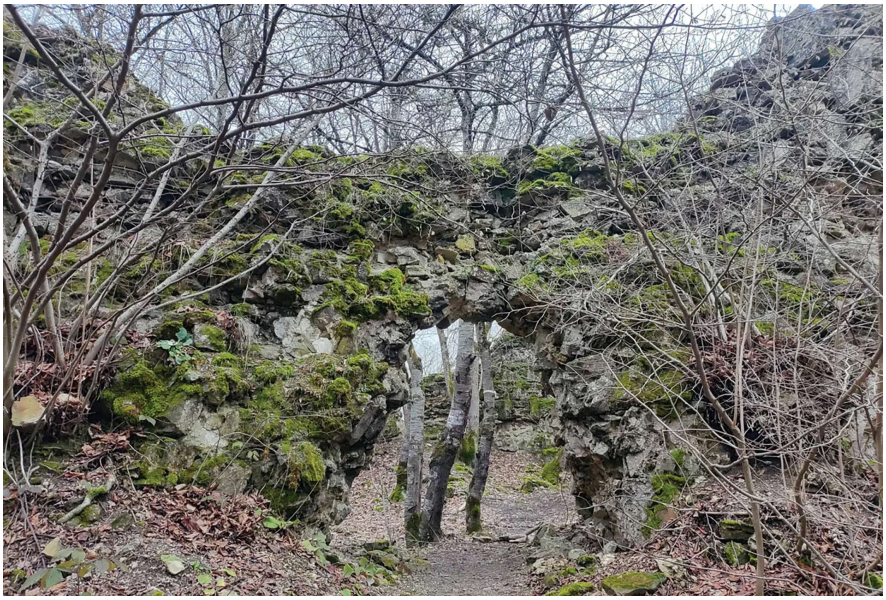

Рис. 7. Форт 7. Проход в восточной куртине. Вид с СЗ
Fig. 7. Fort 7. Passage in the eastern curtain. View from NW

Рис. 9. Форт 7. Стратиграфический шурф. *1* – общий вид сверху с северной куртины; *2* – западный борт, вид с востока
Fig. 9. Fort 7. Stratigraphic pit. *1* – general view from above from the northern curtain; *2* – west side, view from the East

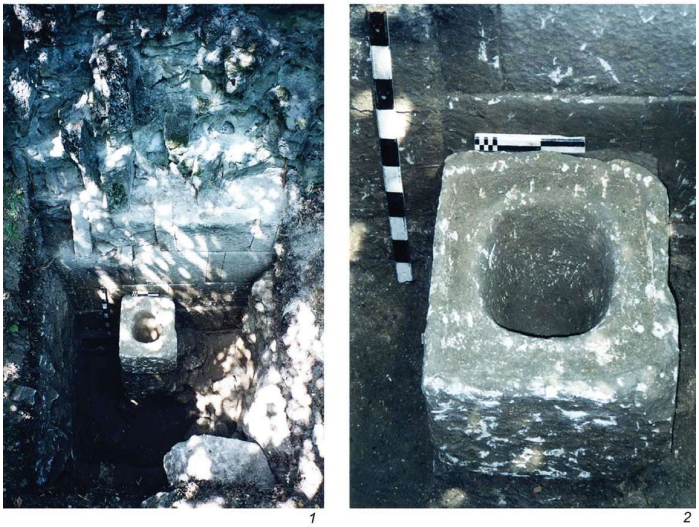

Рис. 10. Форт 7. Стратиграфический шурф. *1* – северная куртина, вид с юга; *2* – каменная ступа (?) in situ
Fig. 10. Fort 7. Stratigraphic pit. *1* – northern curtain, view from the South; *2* – stone mortar (?) in situ

КЛАССИЧЕСКИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31696/S086919080037869-2

НАСТЕННАЯ ЖИВОПИСЬ ПЕЩЕР АРЧЖАЯ В ОРДОСЕ: КРАТКИЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[1]

© 2026

Н.Д. ЦЫРЕНОВА [a], Ч.Ц. ЦЫРЕНОВ [b]

[a, b] – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия
[a] – ORCID: 0000-0001-9578-5493; nomin_n@mail.ru
[b] – ORCID: 0000-0002-1088-0625; chts17@mail.ru

Резюме: *В статье представлены результаты историографического анализа китайских исследований, посвященных малоизвестному в мировой науке комплексу Арчжайских пещер (кит.* 阿尔寨石窟*), расположенных в хошуне Отог Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Комплекс состоит из нескольких десятков искусственных пещер, высеченных в массиве красного песчаника. Сюжеты настенных картин обнаруживают большое сходство с историческими событиями раннего периода Монгольской империи эпохи третьего тангутского похода Чингисхана (1226–1227 гг.). В частности, китайские историки связывают сюжеты трех пещер (пещера № 10 и настенные росписи в пещерах № 28 и № 31) с данными, изложенными в таких письменных памятниках, как «Сокровенное сказание монголов» (кит. Юань-чао ми-ши* 元朝秘史*), «Хэй Да ши люэ* 黑鞑事略*» Пэн Да-я (?–1245, эпоха Южной Сун) и Сюй Тина (?–?, эпоха Южной Сун) и «Цао му цзы* 草木子*» («Мастер [измеряющий дни] травинками и [годы] деревянными щепками») Е Цзыци (1327–1390). Сравнительный анализ сведений и артефактов комплекса Арчжай, а также сюжетов из китайских первоисточников позволяют сделать вывод о высокой научной ценности пещерного комплекса Арчжай как предполагаемого места отдыха и излечения Чингис-хана во время тангутского похода 1226–1227 гг. в контексте раннего периода рецепции буддизма в монгольской империи и ранних этапов сакрализации образа Чингис-хана в монгольской политической культуре.*

Сделан вывод о том, что комплекс пещер Арчжай является единственным известным на сегодняшний день материальным объектом, где возможно наблюдение в динамике процесса превращения исторического персонажа в сакральный символ, а исторического события – в мифологему, лежащую в основе национальной и религиозной идентичности.

Ключевые слова: Чингис-хан, Ордос, Арчжайские пещеры, Монгольская империя, погребальный обряд, артефакты, настенная роспись, историческая память

Для цитирования: Цыренова Н.Д., Цыренов Ч.Ц. Настенная живопись пещер Арчжая в Ордосе: краткий анализ китайской историографии. *Восток (Oriens).* 2026. № 4. С. 27–36. DOI: 10.31696/S086919080037869-2

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139), https://rscf.ru/project/23-78-10139/.

WALL PAINTINGS OF THE ARZHAI CAVES IN ORDOS: A BRIEF ANALYSIS OF CHINESE HISTORIOGRAPHY[2]

© 2026

Nomin D. TSYRENOVA [a], Chingis Ts. TSYRENOV [b]

[a, b] – Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS, Ulan-Ude, Russia
[a] – ORCID: 0000-0001-9578-5493; nomin_n@mail.ru
[b] – ORCID: 0000-0002-1088-0625; chts17@mail.ru

Abstract: *The article presents outcomes from an in-depth historiographical examination of recent Chinese studies on the Arzhai Cave complex (Ch.阿尔寨石窟), a relatively obscure site in international scholarship, located in Otog Banner, IMAR, PRC. This ensemble includes several dozen artificial caves excavated from a red sandstone formation. Motifs in the mural paintings exhibit strong resemblances to occurrences during the nascent Mongol Empire amid Chinggis Khan's second Tangut expedition (1226–1227). Notably, Chinese researchers associate the scenes in 3 caves (Cave No. 10, plus murals in Caves No. 28 and 31) with narratives from primary texts such as the Secret History of the Yuan Dynasty, the Brief Account of the Black Tatars (Ch. 黑鞑事略) by Peng Daya (?–1245) and Xu Ting (?–?), and Ye Ziqi's (1327–1390) Caomu zi (草木子). Through integrated comparative iconographic, ethnographic, and toponymic scrutiny of the caves' historical and cultural elements, motifs, and artifacts – juxtaposed with Chinese source materials – the analysis affirms Arzhai's profound academic and artistic significance as the likely location for Chinggis Khan's rest and recuperation in the 1226–1227 Tangut campaign, framed by the early adoption of Buddhism in the Mongol Empire and the formative sacralization of Chinggis Khan within Mongol traditions.*

It is determined that the Arzhai caves represent the sole extant tangible relic permitting observation of the evolving process whereby a historical individual becomes a holy emblem, and a real event morphs into a mythologeme central to national and religious self-conception.

Keywords: Chinggis Khan, Ordos, Arzhai Caves, Mongol Empire, funerary rite, artifacts, wall painting, historical memory

For citation: Tsyrenova N.D., Tsyrenov Ch.Ts. Wall Paintings of the Arzhai Caves in Ordos: a Brief Analysis of Chinese Historiography. *Vostok (Oriens).* 2026. No. 4. Pp. 27–36. DOI: 10.31696/S086919080037869-2

Сакрализация образа Чингис-хана и формирование исторической памяти о нем на территории Внутренней Монголии КНР нашли свое отражение в многочисленных мемориальных комплексах и общественных пространствах. Наиболее репрезентативными из них являются Ордосский мавзолей, функционирующий как официальный центр коммемораций, почитания, парк-площадь имени Чингис-хана в г. Хулунбуир [Цыренова, Цыренов, 2024; 2025], одноименные площади в г. Хух-хото и г. Улан-хото (Хингане), а также специализированные музеи[3] и храм Чингис-хана[4]. Эти объекты, будучи важными элементами со-

[2] The research was carried out with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the project "The Legacy of the Great Mongol Empire and the Medieval Mongols in the Historical Memory of the Peoples of Inner Asia" (No. 23-78-10139), https://rscf.ru/project/23-78-10139/.

[3] Музей Чингис-хана в г. Хух-хото, музей в г. Ухай.

[4] Храм находится в г. Улан-хото – городской уезд аймака Хинган автономного района Внутренняя Монголия.

временной национальной политики и туристической инфраструктуры, представляют собой, как правило, поздние кенотафы и символические конструкции, возведенные в XX–XXI вв.

На этом фоне особое значение приобретают памятники, претендующие на непосредственную связь с событиями жизни и смерти основателя Монгольской империи. К их числу относятся песчаниковые пещеры Арчжая (*кит.* 阿尔寨石窟, хошун Отог), расположенные в западной части Ордосского плато. На русский язык топоним Арчжай можно перевести как «высокий кряж». В отличие от вышеупомянутых мемориалов, Арчжай представляет собой буддийский пещерный монастырский комплекс с длительной историей. Его основание относится к периоду Северной Вэй (IV–VI вв.), а расцвет приходится на эпоху тангутского государства Си Ся (X–XIII вв.) [Ли, 2016]. Однако в китайской региональной историографии и популярной литературе комплекс устойчиво связывается с жизнью Чингис-хана – его ранением во время охоты, лечением и, возможно, погребальными ритуалами.

В связи с этим возникает научная проблема, лежащая на стыке истории, археологии и искусствознания: в какой степени материальные свидетельства, сохранившиеся в пещерах Арчжая (в первую очередь настенные росписи), могут быть интерпретированы как аутентичные источники по истории Монгольской империи 1226–1227 гг., а в какой – как результат более поздних сакрализационных процессов. Несмотря на многолетние исследования китайских специалистов и публикацию ряда материалов, комплексного анализа настенной живописи Арчжая в контексте письменных источников (таких как «Сокровенное сказание монголов», записки Пэн Дая и Сюй Тина, энциклопедический трактат «Цао му цзы» Е Цзыци), остается целый ряд дискуссионных вопросов, что во многом актуализирует важность данной проблемы в мировой востоковедной науке. В российской исторической науке исследований по пещерам Арчжай до сих пор не проводилось. Целью настоящей статьи является историографический анализ китайских научных работ, посвященных пещере № 10 и стенописным композициям в пещерах № 28 и № 31 Арчжайского комплекса, а также их интерпретация в контексте письменных свидетельств китайских и монгольских сочинений, связанных с разными периодами жизни Чингис-хана.

Ввиду отсутствия упоминаний в письменных источниках пещерный комплекс Арчжай долгое время оставался неизвестным научному сообществу. После его обнаружения в 1980-х годах специалистами в области охраны памятников истории и культуры были проведены многочисленные археологические исследования и реставрационные работы. В 2003 году пещерный комплекс Арчжай был включен в список памятников культурного наследия, охраняемых на государственном уровне. Результаты многолетних исследований позволили в целом уточнить датировку памятника. Однако многие вопросы, касающиеся истории его строительства и идентификации создателей, остаются открытыми, что представляет собой главную загадку комплекса Арчжай.

Специальные исследования пещерного храма Арчжай активно проводились лишь в последние 30–40 лет. Ученые главным образом изучают форму пещер, особенности архитектуры, настенные росписи на уйгуро-монгольской письменности, историю Монголии, историю буддизма, местные легенды и достигли ряда результатов. Историк Тянь Гуанцзинь, основываясь на форме и габаритах ступ и росписях в пещерах, приблизительно датировал их периодом «Юань или чуть позднее» [Тянь, 1981]. Анализ надписей на уйгуро-монгольском, проведенный китайским монгольским ученым по фамилии Хас, показывает, что они были созданы в одно время с росписями, вероятно, в конце Юань – начале Мин. Пояснительные надписи внутри пещеры № 19 (рис. 1)[5], выполненные уйгуро-монгольским письмом, представляют собой четверостишия, связанные с соответствующими росписями и раскрывающие их содержание. Большая часть этих надписей является переводом

[5] Рис. 1–4, *1* см. на цветной вклейке.

с тибетского языка буддийских гимнов-восхвалений (санскр. *stotra*, *stuti*; тиб. *bstod pa*), среди которых основными являются “Восхваление архатов”, “Восхваление двадцати одного образа Тары” и “Восхваление четырех царей-хранителей” [Хас, 1990].

Согласно источникам, пещеры Арчжай были известны еще во времена Северной Вэй [Цзи, 2022, с. 11]. Они расположены с востока на запад по плосковершинному холму из коричнево-красного песчаника в горах Арбас на западе Ордоса, в хошуне Оток городского округа Ордос, приблизительно в 130 километрах к северо-западу от административного центра хошуна – поселка Улань и имеют следующие географические координаты: 39°43′ северной широты и 107°10′ восточной долготы (рис. 2). Иными словами, все пещеры комплекса Арчжай высечены в массиве коричнево-красного песчаника. Это роднит Арчжай со многими другими известными пещерными комплексами (например, в Китае – Могао в Дуньхуане), которые насчитывают почти 500 пещер и также созданы в песчаниковых толщах.

Памятник расположен на отдельно стоящей невысокой горе с плоской вершиной, которую называют Сумоту Арчжай (苏默图阿尔寨山). Она возвышается посреди холмистой степи примерно на 40–80 метров, длина комплекса – около 300 метров. Также имеются сведения, что изначально на горе было 108 пещер[6], в связи с чем они упоминаются как «Стоокая пещера百眼窑».

Основополагающий вклад в научную систематизацию памятника в 1981 г. внес исследователь Батжаргал (кит. Батуцзижигала), начальник управления по охране памятников культуры хошуна Отог. Он впервые предпринял комплексное описание архитектурного ансамбля. Именно в этой работе, основанной на детальных исследованиях того периода, была предложена и закреплена первая научная нумерация пещер. Впоследствии, с открытием новых объектов в ходе раскопок 1980–2000-х годов, эта система уточнялась и дополнялась, однако именно статья Батжаргала заложила основу для идентификации памятника, введя в оборот ту систему нумерации, которая затем развивалась в работах последователей, включая фундаментальную монографию Батжаргала и Ян Хайин 2005 года [*Отог*, 2014, с. 79].

ПЕЩЕРА № 10

По предположению Батжаргала, Чингис-хан лечил свои раны в пещере № 10 Арчжай и его войско во время тангутского похода расположилось недалеко от данной пещеры [Батуцзижигала, 2012, с. 301]. В «Сокровенном сказании монголов» говорится: «По пути во время облавы на Арбухайских диких лошадей-хуланов, которые водятся там во множестве, Чингисхан сидел верхом на коричнево-сером коне. При налете хуланов его коричнево-серый поднялся на дыбы, причем государь упал и сильно расшибся. Поэтому сделали остановку в урочище Цоорхат» [*Сокровенное сказание*, 1990, с. 135]. В связи с этим Батжаргал считает, что упоминаемые горы «Арбуха/Арбухай» – это и есть современный Арбас. Кроме того, слово «Цоорха (*čoγurqad*) / Цоорхат» в переводе с монгольского означает «место со множеством пещер», и поскольку в древности на Монгольском плато пещер было очень мало, то можно соотнести пещеры Арчжай с «местом с множеством пещер», т.е. Цоорха [batuǰirγal, 1990].

Местом лечения Чингис-хана считается пещера № 10, расположенная на юго-восточном склоне. Это связано, по мнению исследователя, с его внешними характеристиками и оформлением. Расположение пещеры на высоте около 70 метров обеспечивало стратегический обзор долины, что было критически важно для командующего даже в состоянии временной недееспособности. Статусность места подчеркивают установленный у входа ри-

[6] В настоящее время сохранились 43 пещеры.

туальный шест «сульдэ» и рельефная ступа в тангутском стиле. Внутреннее пространство пещеры (ок. 10 м²) и специфические детали в виде двух вертикальных выемок в скальном уступе у входа напоминают подставку для травмированной ноги [Пан, 2006, с. 116–118; Батуцзижигала, 2012, с. 302]. Таким образом, ключевыми аргументами в пользу мнения Батжаргала выступают такие доводы, как созвучие ключевых топонимов (Цоорха, Арбуха/Арбас), наличие в пещере № 10 материальных свидетельств, маркирующих ее сакральный статус (ритуальный шест «сульдэ», рельефная ступа), а также отдельные элементы (выемки в скале), которые в локальной традиции интерпретируются как следы пребывания хана.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что прямых свидетельств, подтверждающих факт лечения Чингис-хана именно в пещерах Арчжай, не существует. Предложенная идентификация базируется на комплексе косвенных данных и реконструкциях, что не позволяет рассматривать ее как окончательно доказанную. Тем не менее совокупность топонимических, ландшафтных и археологических аргументов делает версию Батжаргала о связи Арчжая с событиями 1226–1227 гг. наиболее обоснованной среди альтернативных гипотез и позволяет рассматривать пещеру № 10 как объект, возможно, связанный с событиями последних месяцев жизни основателя Монгольской империи.

РОСПИСЬ В ПЕЩЕРЕ № 28

Композиция на правой стене пещеры № 28 (рис. 3) имеет прямоугольную форму и отличается большим количеством образов и высокой семантической насыщенностью. Ее высота составляет 120 см, ширина – 50 см. В верхней части росписи изображено божество Вайшравана (毗沙门天)[7], нижняя часть содержит более ста персонажей, отличающихся по иконографическому облику и функциональной принадлежности, которые образуют четыре обособленные группы.

Первая группа включает восемь торжественно восседающих персонажей в монгольских одеждах перед группой почтительно склонившихся подданных. Все они размещены в ряд на высоком белом помосте, что композиционно подчеркивает их иерархический статус. Под помостом представлены три широких низких стола с обильными угощениями в форме горы. Данная иконографическая деталь, вероятно, воспроизводит ритуал монгольских дворцовых пиршеств с использованием целых туш быков или баранов и может быть интерпретирована как символ сакрального пира или жертвоприношения.

В центре картины изображен мужчина крепкого телосложения в четырехугольном головном уборе и парадном монгольском одеянии. Он восседает, скрестив ноги, правая рука приподнята на уровне груди, левая покоится на ноге. Слева от него расположена знатная женщина в монгольском костюме и головном уборе «гу-гу» (固姑冠), поза которой идентична позе центрального персонажа, голова слегка наклонена в его сторону. Справа от центральной фигуры изображены две знатные женщины, также в монгольских одеждах и уборах «гу-гу». Их поза отличается – правая нога подогнута, левая согнута и поставлена вертикально, руки сложены в молитвенном жесте у груди. Слева от центрального персонажа находятся еще четверо молодых мужчин, без головных уборов, в церемониальных одеждах. Все они воспроизводят ту же позу, что и две женщины справа – правая нога подогнута, левая согнута, руки сложены в молитвенном жесте [Цзи, 2022, с. 24–25].

В этой связи следует сказать, что в ордосском мавзолее Чингисхана хранится и почитается схожая по композиции картина, называемая «Генеалогическое древо семьи Чингис-хана» 成吉思汗家族图. Данный рисунок идентичен композиции из пещеры № 28. При сравнении

[7] Вайшравана, мифологический персонаж индо-буддийской традиции, страж севера, изображается у храмовых и монастырских ворот [Андросов, 2011, с. 266].

«Генеалогического древа семьи Чингис-хана» в пещерном храме Арчжай с изображением в мавзолее Чингис-хана можно обнаружить сходство – ритуальные инструменты и подношения в обоих случаях похожи. Исходя из этого весьма вероятно, что настенная роспись в пещере № 28 в Арчжае также является «Генеалогическим древом семьи Чингис-хана».

Принадлежность восьми центральных персонажей к монгольской знати не вызывает сомнений, однако вопрос об их персональной идентификации остается дискуссионным. Согласно интерпретации Батжаргала, данная группа представляет Чингис-хана, его жену Бортэ, четырех сыновей (Джучи, Чагатай, Угэдэй, Толуй) и двух других жен (Есуган, Хулан) [Батуцзижигала, 2012, с. 306]. Остальные изображенные (придворные, военачальники, женщины) располагаются в позах, выражающих почтение.

Вторая группа включает около двадцати женщин в церемониальных облачениях. Возглавляет группу знатная женщина в головном уборе «гу-гу»; все персонажи расположены с правой стороны от белого помоста стоящими на коленях. По мысли Батжаргала, данная группа может быть идентифицирована как наложницы во главе с младшей женой Чингис-хана – Есуй [Батуцзижигала, 2012, с. 306]. Как отмечает ученый, присутствие Есуй в композиции обусловлено ее особой ролью в последние годы жизни Чингис-хана.

Третья группа насчитывает около двадцати мужчин в церемониальных одеяниях. В композиционном отношении она расположена ниже второй группы и отделена от нее изображением горы. Возглавляет группу фигура в богато орнаментированном облачении, все персонажи изображены склонившимися в поклоне перед восемью центральными фигурами на помосте.

Четвертая группа располагается в левом нижнем углу относительно помоста и включает около двадцати мужчин в богато орнаментированных одеяниях. Персонажи изображены стоящими на коленях либо сидящими со скрещенными ногами, руки сложены в молитвенном жесте, что в совокупности с их позами выражает акт почитания центральных фигур на помосте.

По мнению Батжаргала, данная группа по своему местоположению в композиции и атрибутам костюма принадлежит к высшей военно-феодальной знати [Батуцзижигала, 2012, с. 306]. Ученый допускает возможность отождествления этих персонажей с «четырьмя выдающимися» сподвижниками Чингис-хана – Мухали, Боорчу, Борохул и Чилаун.

Китайский ученый Ли Юймэн в своей работе сделала вывод о том, что «исходя из деталей изображения и в контексте исторического развития, можно заключить, что время создания картин в пещерах № 28 и 31 приходится на период с конца XVI века по первую половину XVII века. Эти настенные росписи со светскими персонажами отражают политические потребности и национальный дух монгольского общества того времени» [Ли, 2016].

Таким образом, интерпретация многофигурной композиции из пещеры № 28 все еще остается открытой для научной дискуссии. Гипотеза Батжаргала, отождествляющая центральных персонажей с Чингис-ханом и его семьей, представляет собой одну из возможных версий, однако при этом не может рассматриваться как окончательно доказанная. Другим важным свидетельством связи Арчжая с монгольской имперской традицией является ритуальное окружение вокруг горы. Тринадцать жертвенников-*обоо*, расположенных полукругом с восточной, западной и южной сторон, включают объекты поклонения, непосредственно связанные с культом Чингис-хана и его ближайшего окружения (боевые знамена-сульдэ, боевые кони, сыновья и братья хана, Вечное Синее Небо). Формирование этого ритуального ландшафта, по-видимому, относится к юаньскому периоду и закрепляет за Арчжаем статус важного мемориально-культового комплекса, значимого для исторической памяти монгольских народов.

РОСПИСЬ В ПЕЩЕРЕ № 31

Атрибуция изображения в пещере № 31 вызывает дискуссию в исследовательской литературе. В ряде работ оно определяется как «Изображение монгольского погребального обряда» [Пан, 2006, с. 118], а в популярном издании «Туризм в хошуне Оток» оно фигурирует под названием «Погребение монгольского императора». Наиболее развернутую интерпретацию предлагает Батжаргал [Батуцзижигала, 2005, с. 80–83; 2012, с. 303–304]. На основе визуального анализа он идентифицирует центрального персонажа как Чингис-хана.

Пещера № 31 имеет близкую к квадрату форму, размеры – примерно 4 метра с востока на запад и с севера на юг. Сохранность настенных росписей здесь лучше, чем в пещере № 28. На всех стенах сохранилась цветная живопись, отдельные части потускнели, но это не мешает идентификации изображений. На левой стороне западной стены пещеры изображено буддийское божество Хаягрива (монг. Дамдин, *кит*. Матоу минван 马头明王), однако он остался лишь в наброске и не был раскрашен [Ли, 2016, с. 85].

На правой стороне находится композиция «Колесо Сансары (кит. людао луньхуэй ту 六道轮回图) в прямоугольном обрамлении. В целом композиция разделена на семь уровней или рядов. В центре каждого из пяти верхних рядов изображено божество-бодхисаттва Жанрайсиг (*санскр*. Авалокитешвара, кит. Гуаньинь, в тибетской буддийской традиции – Ченрези), выступающее в роли главного божества. В первом, самом верхнем ряду изображены горные пики, облака, дворцы и другие элементы пейзажа. Во втором ряду показаны равнины и холмы, струящиеся облака, бегущие вьючные волы, противостоящие друг другу войска, сцены ожесточенных боев и т. д. В третьем ряду – две монгольские юрты, храмы, дворцы, деревянный гроб, фигуры людей в монгольских одеждах, белые журавли и т.д. В четвертом ряду – несколько белых лошадей, несколько двугорбых верблюдов и т. д. В пятом ряду – горные гряды, дома, домашний скот и прочее. В шестом и седьмом рядах – Восемь великих адов (*кит*. ба да диюй 八大地狱) (рис. 4).

Из всех настенных рисунков особый интерес представляет композиция, напоминающая похоронный обряд. За предполагаемым гробом Чингис-хана изображены три фигуры. Мужчина слева одет в парадное одеяние, в халате с узкими рукавами, на голове – шлемовидная круглая шапка. Фигуры, изображенные справа от него, с большой долей вероятности могут быть интерпретированы как два монаха (рис. 4, *1*). Как отмечает Батжаргал, это принц Толуй[8], сопровождавший Чингис-хана в походе на Западное Ся, и монахи, молящиеся за Чингис-хана [Батуцзижигала, 2012, с. 304]. Гроб имеет широкий верх и узкий низ, сделан из расколотого пополам бревна, на дереве четко видны годовые кольца, а посередине гроба нарисованы три обруча. За тремя фигурами изображена квадратная могильная яма, в которой лежит тело; четыре белых журавля клювами поднимают тело. Справа от могильной ямы стоит монах на коленях, читающий молитвы для упокоения души умершего [Батуцзижигала, 2012, с. 304]. Центральный элемент – деревянный гроб-колода, стянутый тремя обручами. Данный изобразительный ряд обнаруживает полное соответствие описанию в сочинении «Цао му цзы» у Е Цзыци (XIV в.):[9] «Берут два бревна, выдалбливают углубления по форме человеческого тела… и скрепляют тремя золотыми обручами» [Е Цзыци, 1959, цзюань 3]. То, что изображено на картине, полностью соответствует этому описанию.

---

[8] Четвертый сын Чингис-хана, монгольский военачальник.

[9] Е Цзыци 叶子奇 (1327–1390) – минский ученый, является автором натурфилософского труда «Цаому цзы 草木子, в котором среди прочих сведений содержатся важные записи об антимонгольском восстании Красных повязок конца Юань.

В верхней части четвертого ряда, по центру, изображено божество, ниже располагаются горы, реки, степи, а также белая лошадь, гнедой конь и несколько верблюдов. С точки зрения Батжаргала, эта сцена вполне соответствует описанию, приведенному в «Сокровенном сказании монголов», где рассказывается, как Чингис-хан, охотясь на диких лошадей в местности Арбас, получил травму [Батуцзижигала, 2012, с. 304].

Третий ряд показывает, как после смерти Чингис-хана скорбят его жены и дети, монахи совершают погребальные обряды, а душа возносится на небеса. Второй же ряд символизирует захоронение тела Чингисхана [Батуцзижигала, 2012, с. 305].

Согласно записям южносунских авторов Пэн Дая и Сюй Тина в их труде «Хэй-да ши-люэ» (黑鞑事略) («Краткие сведения о черных татарах» 1237), про обычаи погребения монгольских ханов говорится следующее: «Могилы не имеют курганов, их вытаптывают лошадьми, делая ровными, как земля. Например, могила отмечена воткнутыми стрелами, образующими ограду (протяженностью более 30 ли), и патрулируется конными стражами» [*Хэй-да ши-люэ*, 29б; Мункуев, 2019, с. 73]. В «Цао му цзы» также говорится о том, что у монголов «по обычаям не возводят могильных насыпей» [Е Цзыци, 1959, цзюань 3].

То, что изображено во втором ряду картины, можно с большой долей уверенности идентифицировать как сцены «вытаптывания лошадьми», «охраны конными патрулями» и «выравнивания десятками тысяч лошадей». Справа представлена сцена выравнивания могильного холма. Четыре белых журавля поднимают тело, что может символизировать вознесение души, а всадники на лошадях иллюстрируют практику «затаптывания» места захоронения, описанную у Пэн Дая и Сюй Тина [«Хэй Да ши люэ»]. В настоящее время в археологии не найдено ни одного подобного погребения.

Таким образом, роспись пещеры № 31 представляет собой ценный визуальный источник, не имеющий прямых аналогий в монгольском искусстве XIII–XIV вв. Ее научная ценность заключается в визуализации тех аспектов погребальной обрядности монгольской элиты, которые письменные источники фиксируют лишь фрагментарно. Композиционное построение росписи обнаруживает последовательное соответствие трем ключевым элементам погребального ритуала, реконструируемым по нарративным источникам: 1) сцены охоты и ранения, коррелирующие с эпизодом из «Сокровенного сказания монголов»; 2) изображение деревянного гроба-колоды с тремя обручами, практически текстуально совпадающее с описанием минского автора Е Цзыци в трактате «Цао му цзы»; 3) сцены «вытаптывания» могильного холма лошадьми и конной охраны периметра, иллюстрирующие свидетельства Пэн Дая и Сюй Тина из «Хэй-да ши-люэ». Символический ряд росписи (журавли, поднимающие тело; фигуры монахов; скорбящая женщина во дворце) указывает на синтез степных шаманистских погребальных традиций с буддийской ритуальной практикой, что отражает ранний этап сакрализации образа Чингис-хана. Наиболее развернутую интерпретацию сюжета предложил Батжаргал, связавший весь иконографический нарратив с событиями 1226–1227 гг. – ранением, смертью и погребением Чингис-хана. При этом следует сказать, что при всей привлекательности данной гипотезы прямых доказательств именно такой идентификации персонажей не существует, и она остается одной из возможных версий, требующей дальнейшей верификации. Независимо от решения вопроса об атрибуции, роспись пещеры № 31 является важным источником по истории материальной культуры, религиозных представлений и погребальной обрядности Монгольской империи XIII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный краткий историографический анализ объекта исследования позволяет рассматривать пещерный комплекс Арчжай как один из важнейших мемориально-ритуальных

памятников духовной и материальной культуры Монголии, связанных с финальным этапом жизни и ранним посмертным культом Чингис-хана. Топонимическая и ландшафтная реконструкция дает определенные основания отождествить Арчжай с местностью «Цоорхат» из «Сокровенного сказания монголов», где хан находился после полученной травмы, при этом пещера № 10 благодаря локальной традиции почитания может рассматриваться как потенциальное место его временного пребывания. Многофигурная композиция в пещере № 28, вероятно, фиксирует не сцену жертвоприношения, а церемонию прижизненного оказания почестей Чингис-хану и его семье, отражая процесс сакрализации имперской власти. Роспись пещеры № 31 представляет собой уникальный изобразительный источник, визуализирующий погребальную обрядность монгольской элиты XIII в. и обнаруживающий практически текстуальное соответствие описаниям тайных захоронений в «Хэй-да ши-люэ» и «Цао му цзы». Таким образом, значение Арчжая заключается в сохранении уникальных материальных свидетельств эволюции от исторического события к его мифологизации в синтезе степных традиций и буддийской иконографии.

Роспись фиксирует важный этап длительной эволюции культа Чингис-хана в монгольской политической культуре. Это не просто иллюстрация похорон, а визуализация процесса сакрализации: историческое тело Чингис-хана скрывается в земле (по обычаю), но его сакральная сущность (сульдэ) материализуется вселяется в знамя (монг. *туг*). Можно сказать, что эта роспись является ранним примером того, как буддийская традиция начинает «присваивать» и переосмысливать образ основателя империи.

Вслед за китайским ученым Батжаргалом можно с осторожностью предположить, что комплекс топонимических, ландшафтных и археологических данных позволяет с определенной степенью вероятности отождествить пещеры Арчжай с урочищем Цоорхат, упомянутым в «Сокровенном сказании монголов» как место остановки Чингис-хана после полученной им травмы.

Таким образом, значение Арчжая колоссально. Это единственный известный на сегодняшний день материальный комплекс, где мы можем наблюдать в динамике процесс превращения исторического персонажа в сакральный символ, а исторического события – в мифологему, лежащую в основе национальной и религиозной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Андросов В.П. *Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь: монография.* М.: Ориенталия, 2011 [Androsov V.P. *Indo-Tibetan Buddhism: An Encyclopedic Dictionary. A Monograph.* Moscow: Orientalia, 2011 (in Russian)].

Батужиргал (Batuǰirγal). Монголын нууц товчон дахи арбуха и цоорхатын тухай шинжилгэ (Вопрос о терминах арбуха и цоорхат в сокровенном сказании монголов. (Mongγol-un niγuča tobčiyan daki “Arbuq-a” ba “čoγurqad”-un tuqai sinǰilege). öbür mongγol-un neyigem-ün sinjilekü uqaγan. 1990. № 4. С. 40–91 [Batuǰirγal. The Question of the Terms Arbukha and Tsookhrat in The Secret History of the Mongols. 1990. № 4. Pp. 40–91. (in Mongolian)].

Батуцзижигала (巴图吉日嘎拉) Чэнцзисыхань юй Аэрчжай шияо (成吉思汗与阿尔寨石窑). (Чингис-хан и пещера Арчжай). Ээрдосы моши яньцзю юй таньсо 鄂尔多斯模式研究与探索. 2012. С. 301–310 [Batujirigala. Chinggis Khan and the Arzhai Cave. *eerduosi moshi yanjiu yu tansuo*. 2012. Pp. 301–310 (in Chinese)].

Батуцзижигала (巴图吉日嘎拉), Ян Хайин (杨海英). Аэрчжай шику – Чэнцзисыхань дэ фоцзяо цзиняньтан синшуай ши (阿尔寨石窟–成吉思汗的佛教纪念堂兴衰史). (Пещера Арчжай – история расцвета и упадка буддийского храма Чингис-хана). Дунцзин: Фэнсяншэ, 2005. [Batujirigala, Yanghaiying. *The Arzhai Cave: A History of the Rise and Decline of the Buddhist Temple of Chinggis Khan.* Dongjing: gengxianshe, 2005 (in Chinese)].

Е Цзыци (叶子奇). Цао Му Цзы (草木子). *(«Мастер [измеряющий дни] травинками и [годы] деревянными щепками»*). Изд. Чжунхуа шуцзюй, 1959 [Ye Ziqi. *Caozimu (“The Master [Who Measures*

Days] by Straws and [Years] by Wooden Chips" [Cao mu zi]) Zhonghua shujuan, 1959 (in Chinese)] https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=923263&remap=gb (accessed: 15.12.2025).

Ли Юймэн (李雨濛). Нэймэнгу Аэрчжай шику ди эршиба, саньшии ку шижэнь жэньу бихуа яньцзю(内蒙古阿尔寨石窟第 28、31 窟世俗人物壁画研究). (*Исследование светских персонажей на рисунках 28 и 31 пещер Арчжай во Внутренней Монголии)*. Хух-хото: Нэймэнгу шихуэй кэсюэ, 2016. № 37. С. 84–89 [Li Yumeng. *A Study of the Secular Figures in the Murals of Caves 28 and 31 at the Arzhai Caves in Inner Mongolia*. Huhehaote: Neimenggu shehuikexue, 2016. Pp. 84–89 (in Chinese)].

Мункуев Н.Ц. *Источники по истории Монгольской империи («Хэй-да ши-люе», главы 98 и 99 «Юань ши»): перевод и исследование*. Отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019 [Munkuev N.T. *Sources on the History of the Mongol Empire (Hei-da shi-lüe, Chapters 98 and 99 of the Yuan Shi): Translation and Research*. B.V. Bazarov (ed.) Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 2019 (in Russian)].

Пан Чжаодун (潘照东). *Чэнцзисыхань юй Аэрчжай шику (*成吉思汗与阿尔寨石窟*). (Чингис-хан и пещера Арчжай)*. 2006. С. 116–126. [Pan Zhaodong. *Chengjisihan yu aerzhai shiku. The "Hundred-Eyed Cave" (Baiyan Yao) Complex*. 2006. Pp. 116–126 (in Chinese)].

Сокровенное сказание монголов. Перевод С.А. Козина. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1990 [*The Secret History of the Mongols.* S.A. Kozin (tr.) Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo, 1990 (in Russian)].

Тянь Гуанцзинь (田广金). *Байяньяо шику*百眼窑石窟 *(Комплекс «Стоокая пещера»).* Их-Джуу Икэчжаомэн сэньу гунцзочжань, 1981 [Tian Guangjin. *The "Hundred-Eyed Cave*". Yikezhao meng wenwu gongzuozhan, 1981 (in Chinese)].

Хас Ээрдунь (哈斯额尔敦), Гажиди (嘎日迪). *Аэрчжай шику хуэйху мэнгувэнь банти гайшу (*阿尔寨石窟回鹘蒙古文榜题概述*). (Обзор стамонгольских надписей (уйгурским письмом) в пещерных храмах Арчжай)*. Хухо-хото: Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань, 1990 [Hasieerdun, Garidi. *An Overview of the Old Mongolian Inscriptions (in Uighur Script) in the Arzhai Cave Temples.* Huhehaote: Zhexue shehui kexueban, 1990 (in Chinese)].

Цзи Бухуа (吉布华). *Аэрчжай шику би «Чэнцзисыхань цзяцзу ту» яньцзю (*阿尔寨石窟壁«成吉思汗家族图»研究*). (Исследование рисунков «Изображение семьи Чингис-хана» в пещере Арчжай)*. Хух-хото: Нэймэнгу Шифань дасюэ, 2022. [Ji Buhua. *A Study of the Murals "Portrait of the Family of Chinggis Khan" in the Arzhai Cave.* Huhehaote: Neimenggu shifan daxue, 2022 (in Chinese)].

Цыренова Н.Д., Цыренов Ч.Ц. Ордосский мавзолей Чингис-хана: история и современность. *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2024. Т. 16. № 2. С. 312–326. [Tsyrenova N.D., Tsyrenov Ch.Ts. Ordos Mausoleum of Genghis Khan: History and Modernity. *Mongolian Studies*. 2024. Vol. 16. No. 2. Pp. 312–326 (in Russian)].

Цыренова Н.Д., Цыренов Ч.Ц. Город Хулунбуир и парк-площадь Чингис-хана: архитектура, символизм и политика памяти. *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2025. Т. 17. № 4. С. 678–690 [Tsyrenova N.D., Tsyrenov Ch.Cz. Hulunbuir City and Genghis Khan Park-Square: Architecture, Symbolism, and Politics of Memory. *Mongolian Studies*. 2025. Vol. 17. No. 4. Pp. 678–690 (in Russian)].

*Этокэ ци лючжу Цэнцзыхань дэ бэйин (*鄂托克旗 留住成吉思汗的背影*). (Отог хошун. Сохраняя образ Чингис-хана)*. Чжунго Гоцзя Люйю, 2014. С. 76–83. [*etuoke qi liuzhu chengjisihan de beiying. (Otog Banner: Preserving the Image of Chinggis Khan)*. Zhongguo guojia lvyou, 2014. Pp. 76–83 (in Chinese)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЦЫРЕНОВА Номинь Дондоковна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии РАН, Улан-Удэ, Россия.

Nomin D. TSYRENOVA, PhD (History), Junior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

ЦЫРЕНОВ Чингис Цыбикдоржиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии РАН, Улан-Удэ, Россия.

Chingis Ts. TSYRENOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Иллюстрации к статье Н.Д. Цыреновой и Ч.Ц. Цыренова

Рис. 1. Фрагмент картины в пещере № 19
Fig. 1. Fragment of the painting in Cave No. 19

Рис. 2. Пещера Арчжай
Fig. 2. Arzhai Cave

Рис. 3. Фрагмент картины в пещере № 28
Fig. 3. Fragment of the painting in Cave No. 28

Рис. 4. Фрагмент картины в пещере № 31
Fig. 4. Fragment of the painting in Cave No. 31

Рис. 4.1. Сцена с гробом на фрагменте картины в пещере № 31 крупным планом
Fig. 4.1. Close-up of a scene with a coffin on a fragment of the painting in Cave No. 31

DOI: 10.31696/S086919080036391-7

VIETNAM – CHINA DIPLOMATIC RELATIONS IN THE 16TH – 17TH CENTURIES: ENVOY MISSIONS OF THE LÊ TRUNG HƯNG DYNASTY TO THE MING DYNASTY[1]

© 2026

Ngoc Huyen PHAN [a], Thi Thu Thuy NGUYEN [b]

[a, b] – Faculty of History, Hanoi National University of Education, Hanoi, Vietnam
[a] – ORCID: 0000-0003-1285-8795; huyenpn@hnue.edu.vn
[b] – ORCID: 0009-0000-4522-0072; thuynt@hnue.edu.vn; Corresponding author

Abstract: *After the overthrow of the Mạc dynasty in 1592, the Lê Trung Hưng dynasty dispatched its first envoy mission to Ming China in 1597, carrying out the duties of paying tribute and requesting investiture, thereby re-establishing diplomatic relations. From this initial mission until 1646, the Lê Trung Hưng dynasty sent a total of 15 envoy missions to the Ming, performing various responsibilities, including requesting investiture, presenting tribute, expressing gratitude, and celebrating the Ming emperor's enthronement. Among these, requesting investiture and paying tribute were the most central and recurring objectives.*

Drawing upon Vietnamese historical manuscripts and the Ming Shilu (Veritable Records of the Ming Dynasty), this article analyzes the envoy missions of the Lê Trung Hưng dynasty in terms of their number, duties, tribute goods, organizational structure, and the backgrounds of the envoys. It clarifies the frequency and purposes of these missions, the characteristics of the diplomatic personnel selected by the dynasty, and the political significance of envoy activities in the restoration and consolidation of the dynasty. It also shows that these missions were not merely routine diplomatic procedures but an important means through which the dynasty sought legitimacy in its relations with Ming China. Through these missions, the article examines Vietnam–China diplomatic relations in the sixteenth and seventeenth centuries and contributes to a better understanding of tributary diplomacy under the Lê Trung Hưng dynasty.

Keywords: Lê Trung Hưng, Ming, envoy missions, Vietnam, China

For citation: Huyen P.N., Thuy N.T.T. Vietnam – China Diplomatic Relations in the 16th – 17th Centuries: Envoy Missions of the Lê Trung Hưng Dynasty to the Ming Dynasty. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 37–47. DOI: 10.31696/S086919080036391-7

INTRODUCTION

During the Lê Trung Hưng dynasty, diplomatic relations between Đại Việt and Ming China took shape within a complex and volatile political context. In China, the Ming dynasty was entering a period of profound crisis, marked by economic decline, social instability, and the growing threat of the Manchus in the north. In Vietnam, after the overthrow of the Mạc dynasty in 1592, the Lê Trung Hưng court faced the considerable challenge of consolidating its political authority. At the same time, it had to contend both with the remaining Mạc forces in Cao Bằng and with the expanding power of the Nguyễn lords in the south.

[1] **Acknowledgements:** This research is funded by Vietnam National Foundation for Science and Technology Development (NAFOSTED) under the grant number 601.01-2021.01 (Hanoi National University of Education is the host organization).

In this context, the restoration and maintenance of diplomatic relations with the Ming dynasty were of great importance for the Lê Trung Hưng court in affirming its political legitimacy and reinforcing its ruling authority. To secure recognition of its legitimate position, the dynasty proactively resumed diplomatic exchanges with the Ming court by dispatching regular tribute missions and seeking investiture for the Lê kings. Owing, however, to the unstable political circumstances on both sides, such diplomatic activities were not always conducted in a regular and uninterrupted manner. For this reason, an examination of the envoy missions sent by the Lê Trung Hưng dynasty to the Ming dynasty offers an important perspective for reconstructing the changing course of Vietnam – China diplomatic relations during this period.

Diplomatic relations between the Lê Trung Hưng dynasty and the Ming dynasty in the sixteenth and seventeenth centuries have attracted considerable scholarly attention. A number of studies have addressed various aspects of Đại Việt–Ming relations, and some works by scholars such as Ngô Thế Long [2005], Trần Văn Nguyên [2006], Nguyễn Thị Kiều Trang [2016], and Nguyễn Thị Thu Thủy [2025] have also referred to the missions and envoys dispatched by the Lê Trung Hưng court to the Ming dynasty. Nevertheless, these studies have tended to address the subject only in general terms. Important issues, including the functions and composition of these missions, the number of participating envoys, and the backgrounds of the envoys themselves, remain insufficiently studied.

Building on previous scholarship, this article examines the envoy missions sent by the Lê Trung Hưng dynasty to the Ming dynasty from 1597 to 1646. It focuses in particular on clarifying the number of missions, their functions, the tribute system and tribute goods, the organizational structure of the missions, and the backgrounds of the envoys.

NUMBER OF MISSIONS

With the power replacement by the Mạc dynasty, a group of the Lê dynasty's former mandarins allied to "phù Lê diệt Mạc" (supporting the Lê and destroying the Mạc). In 1533, Nguyễn Kim enthroned Lê Duy Ninh (son of King Lê Chiêu Tông) as king, marking the establishment of the Lê Trung Hưng dynasty. From this year onwards, the Lê Trung Hưng dynasty conducted a civil war with the Mạc dynasty to consolidate its position in ruling the country. The civil war ended in 1527 with victory belonging to the Lê Trung Hưng dynasty.

After overthrowing the Mạc dynasty, one of the most important tasks of the Lê Trung Hưng to consolidate its legitimate position was to restore traditional diplomatic relations with the Ming dynasty. This development confronted the Ming dynasty with a diplomatic dilemma in its relations with Đại Việt: either to support the Mạc dynasty, the recently overthrown vassal, or to recognize the Lê dynasty, the former vassal, which had just been restored.

The Ming dynasty sent people to investigate and gather information in Đại Việt. *Complete Annals of Đại Việt* mentioned: "At that time (in 1594 – editor's note), the Ming dynasty repeatedly dispatched people to gather information on the current situation daily" [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 227].

After being informed about the overthrow of the Mạc dynasty and the Lê dynasty's territorial annexation, with only limited remains of Mạc's remnants in the northern border area, the Ming dynasty finally recognized the establishment of the Lê Trung Hưng dynasty. However, the court did not abandon the Mạc dynasty by proposing that they take Cao Bằng as a refuge to preserve its sacrificial rituals [Tưởng Lê An, p. 16].

Reestablishing diplomatic relations between the Lê Trung Hưng dynasty and the Ming dynasty proved to be a complex undertaking, extending over nearly two years, from early 1596 to the end of 1597.

On January 29, 1596, King Lê Thế Tông dispatched Minister of Revenue Đỗ Uông and Chief Censor Nguyễn Văn Giai to Zhennan Gate to exchange proclamations and correspondence with Guangxi officials. At the same time, he also sent Lê Ngạnh, Lê Lựu, and Phùng Khắc Khoan to present the Commandant of An Nam seal, two documents bearing the "An Nam King" seal (bestowed initially by the Ming dynasty upon King Lê Thái Tông in 1436), together with 100 catties of gold, 1,000 taels of silver, and a delegation of senior court elders to Zhennan Gate, where they awaited formal verification [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 194].

However, the Ming court issued a proclamation requiring King Lê Thế Tông to appear in person at Zhennan Gate in order to arrange the formal verification [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 194]. This situation arose from the Mạc dynasty's accusations to the Ming court, alleging that: "The so-called Lê forces were not the legitimate restoration army of the Lê royal lineage, but in fact the Trịnh clan seeking power, raising troops to kill the suzerain's vassals as well as the descendants of the Mạc. For this reason, the Ming court repeatedly dispatched envoys through the Zhennan Gate, delivering proclamations to our country and summoning royal family members to the border gate for verification in order to determine whether they were truly descendants of the Lê dynasty" [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 194].

On February 5, 1596, King Lê Thế Tông, together with Right General Hoàng Đình Ái, Commandant Nguyễn Hoàng, Nguyễn Hữu Liên, and Grand Tutor Trịnh Đỗ, led more than 10,000 troops to Zhennan Gate to arrange the ascertainment [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 194]. However, "at that time, the Ming court continued to stall, demanding a gold effigy and a gold seal in accordance with former regulations. The Ming refused to carry out the verification, causing the deadline to lapse. In March, the King returned to the capital" [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 194].

Regarding this issue, ancient Chinese and Vietnamese manuscripts have given different explanations[2]. However, the main reason for King Lê Thế Tông's return was that the Lê court did not comply with the Ming dynasty's request to submit a gold effigy, but instead intended to offer

[2] According to *Ming Shilu* (Veritable Records of the Ming dynasty), the Governor-General of Liangguang at that time, Trần Đại Khoa, reported to the Ming emperor: "Although the documents regarding affairs in An Nam claimed to be written under the name of Lê Duy Đàm, in fact, the dominant courtier Trịnh Tùng held real power. The Mạc lineage was weak while the Lê lineage grew strong; inevitably, certain factions of the Mạc joined the Lê. However, the mediocrity of the Lê and the cunning of Trịnh might one day lead to the collapse of the Lê at the hands of the Trịnh. According to the spy's report, Duy Đàm's return during rain and thunder occurred due to four cavalry pursuits ordered by Trịnh Tùng at night. Trịnh Tùng feared that if Đàm were conferred a new title by the Celestial Empire, he could conceal his reckless self-indulgence and usurpation plot; Duy Đàm, on the other hand, appeared to fall unwittingly into the plot" [Hồ Bạch Thảo, 2019(2), p. 257].

Thus, the Governor-General of Liangguang concluded that Lê Thế Tông returned to the capital due to Trịnh Tùng's unwillingness to allow him to receive investiture from the Ming dynasty. However, this interpretation seems inaccurate. At this time, the power of the Lê dynasty was under the control of Trịnh Tùng; without his approval, King Lê Thế Tông could not attend the investiture. At the same time, the Trịnh also wished for the king to receive investiture to restore diplomatic relations with the Ming dynasty. Furthermore, if Trịnh Tùng had opposed the king's coronation, he would not have allowed him to attend the ceremony afterward.

According to the *Annals of Đại Việt*, Lê Quý Đôn noted that after returning to the capital, King Lê sent a document to the Guangxi mandarins stating: "Regarding the settlement of the Mạc in Cao Bằng, we dare not act against the mandate, as the Son of Heaven bestowed the land to our ancestors. At present, the troops have entirely run out of provisions and are severely afflicted by disease. These difficulties arose along the way, and we cannot resolve them all at once. Therefore, we must temporarily relocate to a more convenient place to reorganize the forces; thereafter, we shall request to reopen the frontier gate" [Lê Quý Đôn, 2007, p. 465].

The official explanation sent to the Guangxi mandarins emphasized disagreement with the settlement of the Mạc in Cao Bằng and cited the lack of provisions and the outbreak of disease. This appears to have been a diplomatic expression, as King Lê Thế Tông was fully aware of the Ming's prior request to grant Cao Bằng to the Mạc lineage before proceeding to Zhennan Gate for investiture. In practice, the Lê could not reject the Ming's request, just as the Mạc had earlier been compelled to accept the Lê's retention of four prefectures in Thanh Hóa. Subsequent events confirmed that the Lê dynasty did not object to this arrangement.

100 catties of gold. Since the Lê could not return the golden seal, the Ming persistently stalled and refused to carry out the verification. After a prolonged delay, King Lê Thế Tông returned to the capital in order to avoid potential troubles.

Lê Thế Tông's return to the capital without undergoing the verification placed the Ming dynasty in a difficult position. After receiving the report from the Guangxi officials, the Ming Ministry of War ordered them to "prepare troops, horses, and provisions in readiness for a conquest" [Lê Quý Đôn, 2007, p. 465]. However, Guangxi Censor Inspector Hoàng Kỷ Hiền opposed this order and submitted a memorial to the court, requesting an extension of time to continue urging the Lê to undergo the verification [Hồ Bạch Thảo, 2019, p. 258].

In fact, the Ming dynasty was facing a severe crisis at this time and was no longer capable of launching a conquest against Đại Việt. Consequently, the Ming court was compelled to continue negotiations with the Lê dynasty.

From the Lê perspective, after returning to the capital and being acknowledged, the Ming neither compromised nor conducted the verification due to the absence of a gold effigy and a gold seal. In August 1596, King Lê Thế Tông ordered craftsmen to cast both a gold effigy and a silver effigy, each measuring one *chi* (尺) and two *cun* (寸) in height and weighing ten taels, together with five small silver incense jars, local textiles, and other tributary gifts in preparation for a possible envoy mission to the North [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 195].

In December 1596, King Lê Thế Tông instructed Minister of Revenue and Academician of the Eastern Pavilion Đỗ Uông, together with the Duke of Quảng Trịnh Vĩnh Lộc, to bring the gold and silver effigies, as well as other tributary gifts, to Lạng Sơn to await the verification. However, the Longzhou chieftain, who had received many bribes from the Mạc, interfered and caused the Ming to reject the verification. Đỗ Uông and Vĩnh Lộc then returned to the capital [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 196].

Later, on February 19, 1597, King Lê Thế Tông once again dispatched Đỗ Uông and Nguyễn Văn Giai to Zhennan Gate to gather information from the Ming dynasty. While stationed in Lạng Sơn, Đỗ Uông's troops came under attack, and Đỗ Uông together with Nguyễn Văn Giai eventually escaped to the nearby hills [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 196].

In March 1597, the Ming dynasty dispatched a commissioner named Wang Jianli to Đại Việt to demand tribute and to press for the verification. On March 28, 1597, King Lê Thế Tông personally came to Zhennan Gate in Lạng Sơn with an escort composed of Right General Hoàng Đình Ái, Commandant Nguyễn Hoàng, Nguyễn Hữu Liêu, Grand Tutor Trịnh Đỗ, seven to eight additional left and right military commanders, and 50,000 soldiers, accompanied by the Ming commissioner Wang Jianli [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 196].

On April 10, 1597, both sides conducted the ascertainment. The *Complete Annals of Đại Việt* states: "The King reorganized the forces of soldiers and elephants, crossed the Zhennan Gate, and joined the Ming mandarins, including Circuit Inspector of the Left River cum Vice Juridical Commissioner Trần Đôn Lâm, along with other mandarins from the Siming, Taiping, Longzhou, and Pingxiang prefectures, to conduct the ascertainment. During the exchange ceremony, both sides celebrated and congratulated each other" [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 196].

Since then, diplomatic relations between the Lê Trung Hưng dynasty and the Ming dynasty were officially restored.

After this ascertainment, the Governor-General of Liangguang, Trần Đại Khoa, submitted a memorial to the Ming emperor, stating: "… As the Lê lineage has been acclaimed by the people and has submitted a fairly sincere memorial, we might grant them approval. The Mạc's land was lost long ago; only Mạc Kính Dụng and his band of remnants remain, possessing very little and struggling to find a place of settlement. Considering that they are descendants of a tribute-paying

vassal, we should show mercy by protecting them. Thus, we should carve out a place in the Cao Bằng prefecture and grant it to Kính Dụng for his settlement" [Lê Quý Đôn, 2007, p. 466–467].

Right after the ascertainment, the Lê Trung Hưng dynasty dispatched Phùng Khắc Khoan, Left Vice Minister of Works, as Chief Envoy, and Nguyễn Nhân Thiệm, Chief Minister of the Court of Imperial Sacrifices, as Deputy Envoy to the Ming dynasty to present tribute and request investiture [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 196]. After conferring the investiture upon King Lê Thế Tông, the Ministry of War proposed to the Ming emperor: "Bestow a title upon Duy Đàm, order him to govern the land and care for the people of the Southern State; settle the Mạc lineage in Cao Bằng so that their descendants may continue to perform ancestral worship" [Hồ Bạch Thảo, 2019, p. 259].

Agreeing with the proposal of the Governor-General of Liangguang and the Ministry of War, on October 17 in the 25th year of Wanli's reign (1597), Emperor Ming Shenzong issued an edict as follows: "Lê Duy Đàm is hereby conferred the title of Commandant of An Nam. An edict is now composed and a seal issued, representing the authority to govern the land and permanently adhere to the emperor's mandate" [Hồ Bạch Thảo, 2019, p. 259].

After receiving the investiture edict from the Ming dynasty, Phùng Khắc Khoan submitted a memorial to the Ming emperor, stating: "My master, of the Lê lineage, is a descendant of the Kings of An Nam. Angered by the Mạc rebellion, which usurped the throne and seized the land, and unable to endure the enmity of a thousand years, he endured hardships and strove to restore and preserve the legacy of his ancestors. The Mạc were originally servants of the Lê of An Nam, yet they became true criminals against the suzerain when they committed the crime of regicide and usurpation. The Mạc even dared to request the title of Commandant in secret. Now, without having committed any crimes like the Mạc, why must my master be forced to accept the same position as they did? We therefore sincerely implore Your Majesty to reconsider this matter" [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 204].

The Ming emperor explained the reason for conferring upon King Lê the title of *Commandant of An Nam*: "Although your master is different from the Mạc, the Lê have only just regained the country, and the people's hearts are not yet at peace. Therefore, let him first accept this position, and I shall later confer upon him the royal title. You should respect the order and not refuse" [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 204].

In December 1598, Phùng Khắc Khoan returned to Đông Đô. The Ming court dispatched Wang Jianli to deliver the investiture edict to King Lê Thế Tông, conferring upon him the title of *Commandant of An Nam*. This event marked the official re-establishment of diplomatic relations between the Lê Trung Hưng dynasty and the Ming dynasty. Although the king was granted only the title of *Commandant of An Nam*, it nevertheless reflected the Lê Trung Hưng dynasty's effort to restore traditional diplomatic relations with the Ming. From this point onward, the diplomatic activities of the Lê Trung Hưng dynasty with the Ming gradually stabilized.

From the first envoy mission in 1597 to the last in 1646, the Lê Trung Hưng court sent a total of fifteen missions to the Ming dynasty. These took place in 1597, 1605, 1608, 1613, 1620, 1626, 1630, 1637, and 1646, including one mission in 1597, three in 1605, one in 1608, two in each of the years 1613, 1620, 1626, 1630, and 1637, and one final mission in 1646.

In 1597, Phùng Khắc Khoan and Nguyễn Nhân Thiệm were appointed Chief Envoy and Deputy Envoy, respectively, and sent to present tribute and seek investiture. In 1605, Lê Bật Tứ served as Chief Envoy, with Nguyễn Dụng and Phùng Khắc Khoan as Deputy Envoys; two further missions that year, headed by Ngô Trí Hòa and Nguyễn Thực, were likewise dispatched to present tribute. In 1608, tribute was offered for combined periods.

From 1613 onward, the dispatch of two tribute missions within the same year became more frequent. In 1613 and 1620, two missions were sent each year, headed respectively by Lưu Đình

Chất and Nguyễn Đăng, and by Nguyễn Thế Tiêu and Nguyễn Cung, with accompanying Deputy Envoys and separate tribute offerings. The same pattern continued in 1626, 1630, and 1637, when two missions were organized annually under different envoys, each presenting tribute. In 1646, Nguyễn Nhân Chính, with Phạm Vinh Miên, Trần Khải, and Nguyễn Cổn as Deputy Envoys, was sent to Fujian to seek investiture, congratulate the Longwu emperor, and present tribute.

Taken together, these records suggest that, despite variations in frequency and form, tributary diplomacy remained an important and sustained feature of the Lê Trung Hưng dynasty throughout this period. However, the extant sources do not preserve all missions equally: some are recorded in both Vietnamese and Chinese sources, while others survive only in partial form. Particularly noteworthy is the final mission in 1646, which occurred amid the Ming court's defeat by the Qing and its retreat to the South. Recorded only in the *Records of the Administrative Systems of Successive Dynasties*, this mission underscores the exceptional character of the final phase of relations between the Lê Trung Hưng and Ming dynasties.

DUTIES OF THE MISSIONS

The available records indicate that envoy missions dispatched by the Lê Trung Hưng dynasty served different purposes, including beseeching investiture, presenting tribute, and expressing gratitude. Some missions had a single function, while others combined two, such as those led by Phùng Khắc Khoan and Nguyễn Nhân Thiệm in 1597, and by Nguyễn Duy Hiểu and Giang Văn Minh in 1637, both of which were tasked with presenting tribute and beseeching investiture for the Lê king. For statistical purposes, missions are classified as follows: those with two concurrent functions are counted as two missions, and those presenting tribute for two periods are likewise counted as two. On this basis, the purposes of envoy missions to the Ming dynasty included beseeching investiture, presenting tribute, expressing gratitude, and celebrating the enthronement of the Ming emperor.

Among these, presenting tribute and beseeching investiture remained the primary objectives, with tribute missions accounting for the largest number (15). Missions specifically dispatched to beseech investiture amounted to only four, namely in 1597 (King Lê Thế Tông), 1605 (King Lê Kính Tông), 1637 (King Lê Thần Tông), and 1646 (King Lê Chân Tông). Between 1592 and 1646, the Lê Trung Hưng dynasty was ruled by four successive kings – Lê Thế Tông (1573–1599), Lê Kính Tông (1599–1619), Lê Thần Tông (1619–1643), and Lê Chân Tông (1643–1649) – all of whom sent missions to beseech investiture, albeit at different times.

Although King Lê Kính Tông ascended the throne in 1599, it was not until 1605 that an envoy mission was dispatched to present tribute and seek investiture. The *Ming Shilu* records: "Lê Duy Tân, son of the Commandant of An Nam Lê Duy Đàm, presented local specialties as tribute and petitioned for a title" [Hồ Bạch Thảo, 2019, p. 262]. The delay is explained in the same source: "Two years after Duy Đàm passed away, his son Duy Tân neither reported the situation nor presented tribute…," citing internal disorder and external conflict as obstacles [Hồ Bạch Thảo, 2019, p. 262]. In fact, according to the *Complete Annals of Đại Việt*, Phan Ngạn was killed in 1600 [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 209]. However, the outcome of this mission remains unclear in the available sources.

Similarly, although King Lê Thần Tông ascended the throne in 1619, it was not until 1637 that a mission was sent to beseech investiture. The *Records on Administrative Systems of Successive Dynasties* note that in 1637, "Nguyễn Duy Hiểu, Giang Văn Minh… were ordered to undertake a mission to the Ming dynasty to beseech investiture" [Phan Huy Chú, 2008, p. 562]. The delay was attributed to unresolved internal matters. The *Annals of Đại Việt* further record that the Ming court did not fully accept the explanation and issued only a nominal edict without formal recognition

[Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 338; Lê Quý Đôn, 2007, p. 485]. This was likely due to the severe instability of the Ming state at the time.

Likewise, although King Lê Chân Tông ascended the throne in 1643, it was not until 1646 that an envoy mission was dispatched to beseech investiture. This was also the final mission of the dynasty. The *Complete Annals of Đại Việt* records that in February 1646, Nguyễn Nhân Chính and his deputies traveled to Fujian to seek investiture [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 239]. At this time, the Ming dynasty was under attack by the Qing, and the situation was extremely unstable. Emperor Yongli subsequently appointed King Lê Chân Tông as King of An Nam [Ngô Sỹ Liên et al., 1998, p. 239].

These records suggest that the Lê Trung Hưng dynasty consistently sought to maintain traditional diplomatic relations with the Ming dynasty, primarily through tribute and investiture. However, among the four kings who ruled from 1597 to 1646, only Lê Thế Tông and Lê Chân Tông were formally granted the title of Commandant of An Nam. The delays in seeking investiture partly reflect both the dynasty's neglect of this duty and the weakening of the Ming state, as well as the complex political conditions in both Vietnam and China.

TRIBUTE SYSTEM AND TRIBUTE GOODS

Most of the Lê Trung Hưng dynasty's envoy missions to the Ming dynasty were dispatched to present tribute. From the first envoy mission in 1597 to the last in 1646, the dynasty sent a total of nine missions to pay tribute in the years 1597, 1605, 1608, 1613, 1620, 1626, 1630, 1637, and 1646, covering a total of fifteen tribute periods. The Lê Trung Hưng dynasty generally followed the three-year tribute cycle of previous dynasties, but did not strictly adhere to the prescribed tribute periods[3]. All of these tribute missions combined two tribute periods into a single mission[4].

Tribute goods from vassal states and countries under the Ming dynasty were strictly regulated. According to the *Imperially Ordered Annotated Text Completely Reflecting the History of Việt*, the regulations on tribute goods were established in the 3rd year of Hongwu (1370) and recorded in the *Huidian* (Collected Regulations) of the Ming dynasty, including: "Articles made of gold and silver, rhinoceros horn, ivory, white silk, burning incense, padouk incense, agarwood incense, aloeswood incense, costus root, black coil incense, and paper fans" [*Nguyen Dynasty's National Historian Office*, 2007, p. 837].

The Lê Trung Hưng dynasty likely followed the same regulations.

The *Records on the Administrative Systems of Successive Dynasties* recorded a request from the Ming dynasty to pay tribute with a gold figure. However, this request was later canceled because the Lê Trung Hưng dynasty disagreed: "The regulation to pay tribute with gold figures from previous dynasties had been changed to other goods, but now it became a demand of the

[3] According to *Ming Shilu*, this tribute system was established in 1375. On June 6th in the 8th year of Hongwu's reign (July 4, 1375), "on Jiawu day, An Nam King Trần Đoan (i.e., Trần Duệ Tông – Editor's note) sent Grand Master for Thorough Counsel Nguyễn Nhược Kim and his colleagues to the court to request the schedule of tributary periods. The Son of Heaven then ordered all mandarins to deliberate and proposed that vassals should submit minor betrothal gifts every year and major betrothal gifts every three years, while more distant states and countries should pay tribute once per generation. Accordingly, the Secretariat was instructed to notify An Nam, Goryeo, and Champa that they were to pay tribute every three years from that point onward" [Hồ Bạch Thảo, 2019(2), p. 100–101].

[4] The combination of tributary periods may have begun in 1584 under the Mạc dynasty. As recorded, "Since Mạc Mậu Hợp inherited the title of Commandant of An Nam, tribute obligations were always fulfilled. Now, having reached the three-year tribute period and needing to fulfill tribute obligations for two periods at once, the Governor-General of Liangguang, Quách Ứng Sinh, was requested to submit a memorial and have the Ministry of War report accordingly" [Hồ Bạch Thảo, 2019(2), p. 254]. Phan Huy Chú also noted that, until 1584, Mạc Mậu Hợp dispatched two envoys, Nguyễn Doãn Khâm and Nguyễn Năng Thuận, on a tributary mission to the Ming dynasty, marking the beginning of the system of paying tribute every six years with two offerings [Phan Huy Chú, 2008, p. 604].

Ming dynasty. When the country was first restored, we had to compromise and comply with the regulations. Later, when we were defending ourselves, the Ming dynasty had no grounds for argument, so the regulations were subsequently canceled" [Phan Huy Chú, 2008, p. 604].

The *Ming Shilu* records concerning the envoy missions of the Lê Trung Hưng dynasty generally referred to the tribute goods as "*local specialties*" [Hồ Bạch Thảo, 2019, p. 262, 271, 275, 277].

It can be inferred that the tribute system and the types of tribute goods during the Lê Trung Hưng dynasty were likely similar to those of previous dynasties.

THE ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF MISSIONS AND THE BACKGROUNDS OF ENVOYS

The number of participants in each envoy mission sent by the Lê Trung Hưng dynasty to the Ming dynasty varied depending on the mission's duties. Ancient Vietnamese and Chinese sources did not provide the exact number for all envoy missions. The *Ming Shilu*, however, recorded the statistics for some of the missions. Specifically, the mission of Lưu Đình Chất in 1613 contained 38 participants [Hồ Bạch Thảo, 2019, p. 271], the mission of Nguyễn Thế Tiêu in 1620 contained 42 participants [Hồ Bạch Thảo, 2019, p. 275–276]. Thus, it can be seen that the number of participants in each mission under the Lê Trung Hưng dynasty was not fixed, but depended on factors such as the mission's duties, the number of tribute gifts, and the specific political context of each envoy mission.

Regarding the composition of the missions, the *Complete Annals of Đại Việt* and the *Records on the Administrative Systems of Successive Dynasties* indicate the number of Chief Envoys and Deputy Envoys for each mission. Typically, each mission included one Chief Envoy, two Deputy Envoys, and accompanying escorts. However, the number of escorts was not clearly recorded.

Concerning the backgrounds of envoys sent to the Ming dynasty by the Lê Trung Hưng dynasty, existing documents do not provide sufficient information to determine the official positions of the Chief Envoys and Deputy Envoys during the missions. Below is information on some envoys of the Lê Trung Hưng dynasty who went to the Ming dynasty, serving as a basis for understanding their backgrounds.

Table 1. The list of envoys' titles of envoys sent to the Ming dynasty by Lê Trung Hưng dynasty [Ngô Đức Thọ, 2006]

Category	Representatives (selected)	Remarks
First-rank laureates	Giang Văn Minh, Nguyễn Thực	Only a few envoys attained First-rank laureate status in this period. Giang Văn Minh passed as First-rank laureate (third place) in 1628 and served as Chief Envoy in 1637; he died on the mission and was posthumously elevated to Vice Minister. Nguyễn Thực, who passed both provincial and imperial First-rank examinations in 1595, later became Grand Councilor, Minister of Personnel, Director of the Hanlin Academy cum Academician of the Eastern Pavilion.
Second-rank laureates	Phùng Khắc Khoan, Nguyễn Nhân Thiệm, Lê Bật Tứ, Nguyễn Dụng, Phạm Hồng Nho, Nguyễn Thế Tiêu, Nguyễn Duy Hiểu, Đỗ Khắc Kính	A significant cohort of envoys held Second-rank laureate titles. Many advanced to high offices: Phùng Khắc Khoan became Minister of Revenue and Duke of Mai; Nguyễn Duy Thì became Grand Councilor, Head of the Six Ministries, and Duke of Tuyền; while Nguyễn Thế Tiêu and Đỗ Khắc Kính served as Vice Ministers. Second-rank laureates were frequently appointed as Chief Envoys.

Third-rank laureates	Ngô Trí Hòa, Nguyễn Danh Thế, Nguyễn Úc, Nguyễn Cung, Nguyễn Khuê, Trần Vĩ, Trần Hữu Lễ, Dương Trí Trạch, Nguyễn Nghi, Hoàng Công Phụ, Nguyễn Quang Minh, Trần Nghi, Nguyễn Bình, Thân Khuê, Nguyễn Nhân Chính, Phạm Vĩnh Miên, Trần Khái	The largest group, comprising the majority of envoys recorded in the early 17th century missions. Despite lower examination ranking, many rose to high positions such as Grand Councilor, Academician of the Eastern Pavilion, Minister of Personnel, Minister of Rites, or Junior Tutor. Notable examples include Dương Trí Trạch (Minister of Rites, Grand Councilor) and Nguyễn Danh Thế (Grand Tutor, Minister of Rites). Deputy Envoys were predominantly drawn from this group.
Scholarly affiliations	Nguyễn Thực, Dương Trí Trạch, Nguyễn Danh Thế	Several envoys held academic or scholarly posts at court. Some served within Vietnam's Imperial Academy or classical scholarly hierarchy (e.g., Nguyễn Danh Thế and Dương Trí Trạch as Grand Councilors and Imperial Attendants for the Classics), while others were appointed to learned positions such as Director or Academician of the Hanlin Academy (e.g., Nguyễn Thực). These affiliations enhanced Vietnam's diplomatic and literary standing in missions to China.
Envoys deceased on mission	Nguyễn Nhân Thiệm, Nguyễn Đức Trạch, Nguyễn Sư Khanh, Bùi Tất Thắng, Thân Khuê, Giang Văn Minh, Bùi Bình Quân	Several envoys died during service. Causes included illness, battlefield loss, or death after arrival at the Chinese court. Some were posthumously elevated in recognition of their diplomatic service – for example, Giang Văn Minh was granted the title Vice Minister, and Thân Khuê was granted Right Vice Minister of Works. Their deaths underscored both the hazards and political weight of diplomatic missions in the early 17th century.

From the above table, it can be seen that most envoys dispatched by the Lê Trung Hưng dynasty to the Ming dynasty were scholarly officials who had passed the imperial examinations, many of whom achieved high distinctions. Among them, second- and third-rank laureates accounted for the majority, while first-rank laureates were relatively few. It can also be observed that many of these envoys either held, or later came to hold, important positions at court. This pattern indicates that the Lê Trung Hưng dynasty generally selected its envoys from among men of recognized scholarly achievement and established official status. Such a tendency suggests that diplomatic representation was regarded not merely as an administrative duty but as a political task requiring individuals with both intellectual credentials and courtly authority. The composition of these missions, therefore, reflects the close relationship among educational attainment, bureaucratic advancement, and diplomatic service in the political culture of the Lê Trung Hưng period.

During the Lê Trung Hưng dynasty, the Ming dynasty referred to the leaders of envoy missions as Subordinate Mandarins (meaning the vassal king's mandarins), similar to the practice during the Trần and Early Lê dynasties. This contrasts with the treatment of envoys from the Mạc dynasty. The Ming dynasty called the leaders of Mạc envoys Pacification Commissioner, Pacification Associate Commissioner, Associate Commissioner, or other titles, rather than Subordinate Mandarin. The *Ming Shilu* explained this in the event of welcoming the Mạc envoys in 1543 as follows: "The Ministry of Rites believed that the land of An Nam had collapsed without a ruling king; therefore, envoys coming to pay tributes shall not be treated like previous Subordinate Mandarins, and the rewards shall also be restricted. The emperor then announced: 'Considering Phúc Hải's sincere heart in paying tributes, the rewards given will be the same as before, but

the banquet will be reduced to indicate that he is not a Subordinate Mandarin" [Hồ Bạch Thảo, 2019, p. 234].

The difference in the way envoys of the Mạc and the Lê Trung Hưng dynasties were addressed clearly reflected the diplomatic perspectives of the Ming dynasty toward Đại Việt from the 16th to 17th centuries. By using the title "Subordinate Mandarin" for the envoys of the Lê Trung Hưng dynasty, the Ming dynasty implicitly affirmed the legitimate succession of the Lê lineage within the "Emperor–Vassal order" framework, which had been established since the Early Lê dynasty. In contrast, by addressing the envoys of the Mạc dynasty with administrative titles such as Pacification Commissioner or Pacification Associate Commissioner, it is evident that the Ming dynasty maintained diplomatic relations and accepted tributes from the Mạc, but did not recognize their legitimacy.

CONCLUSION

It can be seen that the diplomatic relations between Vietnam and China in the 16th – 17th centuries clearly reflected the shifts in power and the historical context of the Lê Trung Hưng and Ming dynasties.

Since the restoration of relations with the Ming dynasty, from 1597 to 1646, the Lê Trung Hưng dynasty made numerous efforts to maintain diplomatic ties with China despite facing significant political challenges. During this period, the Lê Trung Hưng dynasty dispatched a total of 15 envoy missions to the Ming dynasty, fulfilling various duties such as beseeching investiture, paying tributes, expressing gratitude, and celebrating the enthronement of Ming emperors. After King Lê Thế Tông was appointed Commandant of An Nam in 1598, envoy missions to China – primarily for paying tributes – became more frequent. The highest title granted by the Ming dynasty to a Lê king was An Nam King in 1646. Although the intervals between tributary missions were not fixed, the Lê Trung Hưng dynasty generally sought to maintain the practice of submitting tributes every three years by combining tribute periods. The tribute goods provided were essentially the same as those of previous dynasties.

The Lê Trung Hưng dynasty did not set strict standards for selecting envoys to the Ming dynasty, but each mission typically included one Chief Envoy and two Deputy Envoys. Both Chief and Deputy Envoys were civil mandarins who had passed high-level Confucian examinations, and many held official positions in the ministries.

Amid domestic difficulties, sending envoy missions to the Ming dynasty served as an important diplomatic strategy for the Lê Trung Hưng dynasty to secure formal recognition and maintain stable relations. However, while sustaining relations with the Ming, the dynasty also exercised initiative and limited dependence by delaying missions and combining tribute offerings. After the Ming dynasty was overthrown in 1644, interactions became more ambiguous, and the last mission in 1646 marked the end of official diplomatic relations between the two states. To some extent, these envoy missions allowed the Lê Trung Hưng dynasty to utilize diplomatic channels to stabilize its position and preserve peace with the Ming dynasty until its collapse.

REFERENCES

Hồ Bạch Thảo (Translated & annotated). *Ming Shilu: Sino–Vietnamese Relations in the 14th –17th Centuries*. Vol. 3. Hanoi: Hanoi Publishing House, 2019.

Lê Quý Đôn. *Annals of Đại Việt* [*Đại Việt thông sử*]. Hanoi: Culture & Information Publishing House, 2007.

Ngô Đức Thọ (Chief editor). *Vietnamese Doctors (1075–1919)*. Hanoi: Literature Publishing House, 2006.

Ngô Sỹ Liên et al. *Complete Annals of Đại Việt* [*Đại Việt sử ký toàn thư*]. Translated by Vietnam Academy of Social Sciences. Vol. 3. Hanoi: Social Science Publishing House, 1998.

Nguyen Dynasty's National Historian Office. *Khâm định Việt sử thông giám cương mục* [*The Imperially Ordered Annotated Text Completely Reflecting the History of Việt*]. Vol. 2. Hanoi: Education Publishing House, 2007.

Nguyễn Thế Long. *Diplomatic Relations of Đại Việt: Lê, Mạc, and Lê Trung Hưng Dynasties*. Hanoi: Culture & Information Publishing House, 2005.

Nguyễn Thị Kiều Trang. *On the Investiture-Tribute Relation between the Ming Dynasty and Đại Việt*. Hanoi: National Political Publishing House, 2016.

Nguyễn Thị Thu Thủy. "Diplomatic Relations between the Lê Trung Hưng Dynasty and the Ming Dynasty in the Late 16th and Early 17th Century and the Envoy Mission in 1637". *Vietnam National University Ho Chi Minh City Journal of Social Sciences and Humanities*. 2025. No. 3 (324). Pp. 67–81.

Phan Huy Chú. *Lịch triều hiến chương loại chí* [*Records on Administrative Systems of Successive Dynasties*]. Translated by Team of Institute of History. Vol. 2. Hanoi: Educational Publishing House, 2008.

Trần Văn Nguyên 陈文源. *Study on the Relations between the Ming Dynasty and An Nam* [明朝与安南关系研究]. PhD Dissertation. Jinan University, China, 2005.

Tưởng Lê An. *Collection on Rewarding the Lê and Preserving the Mạc* [獎黎安莫集]. The Institute of Hán-Nôm Studies. Code A.948.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ФАН Нгок Хюен – доктор исторических наук, доцент, заместитель декана факультета истории Ханойского государственного педагогического университета (HNUE), Ханой, Вьетнам.

Ngoc Huyen PHAN, PhD (History), Associate Professor, Vice Dean, Faculty of History, Hanoi National University of Education (HNUE), Hanoi, Vietnam.

НГУЕН Тхи Тху Тхюи – доктор исторических наук, доцент факультета истории Ханойского государственного педагогического университета (HNUE), Ханой, Вьетнам.

Thi Thu Thuy NGUYEN, PhD (History), Associate Professor, Faculty of History, Hanoi National University of Education (HNUE), Hanoi, Vietnam.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

DOI: 10.31696/S086919080038798-4

ЭКАДВ В МНОГОСТОРОННЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1946–1950)

© 2026

А.С. ШАТАЛОВ [a]

[a] – Постоянное представительство Российской Федерации при ООН, Нью-Йорк, США
ORCID: 0009-0004-5170-8946; artemiyshatalov@gmail.com

Резюме: *Советский Союз стоял у истоков одного из ключевых региональных институтов экономической дипломатии ООН – Экономической комиссии для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ), однако этот вопрос практически не исследован в историографии. Цель статьи – выявить роль СССР в учреждении ЭКАДВ и особенности участия в её работе на раннем этапе (1946–1950). Анализ этой проблемы позволит продемонстрировать отношение Москвы к многосторонним учреждениям, выявить специфику социально-экономической дипломатии ООН на Дальнем Востоке в первые послевоенные годы, ответить на вопрос о том, каким образом складывался баланс между пропагандистской и отраслевой составляющей в работе региональных комиссий ООН. Опираясь на впервые вводимые в научный оборот материалы трёх фондов Архива внешней политики Российской Федерации, автор раскрывает специфику развития универсального многостороннего взаимодействия в сфере экономики, промышленности, торговли и сельского хозяйства в регионе ответственности ЭКАДВ в конце 1940-х гг. При создании ЭКАДВ Москва стремилась перенести архитектуру Европейской экономической комиссии ООН на новую структуру, причем, опасаясь оказаться в меньшинстве, СССР добивался ограниченных полномочий Комиссии с акцентом на консультативно-информационные, а не оперативные функции. В результате площадка ЭКАДВ превратилась в арену советско-американской борьбы нарративов, а Советский Союз активно использовал её для защиты своих интересов в отношении ситуации в Китае и Японии, а также противодействия созданию «плана Маршалла» для региона. В отраслевом сотрудничестве советско-американские противоречия наиболее ярко проявились в сфере региональной торговли (вопросы протекционизма, тарифов и пр.) и развития национальной промышленности стран Азии и Дальнего Востока. Сельскохозяйственное направление работы Комиссии оказалось заблокировано, тогда как приоритетными стали вопросы промышленного развития. Делается вывод о том, что, несмотря на скепсис, СССР предпочитал участвовать в международных институтах, а не оставаться в стороне.*

Ключевые слова: Советский Союз, ООН, ЭКАДВ, ЭСКАТО, многосторонняя дипломатия, экономическая дипломатия, Холодная война, колониализм

Для цитирования: Шаталов А.С. ЭКАДВ в многосторонней экономической дипломатии Советского Союза (1946–1950). *Восток (Oriens).* 2026. № 4. С. 48–59. DOI: 10.31696/S086919080038798-4

ECAFE IN MULTILATERAL ECONOMIC DIPLOMACY OF THE SOVIET UNION (1946–1950)

© 2026

Artemii S. SHATALOV [a]

[a] – Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations, New York, United States of America
ORCID: 0009-0004-5170-8946; artemiyshatalov@gmail.com

Abstract: *The Soviet Union was at the origin of one of the key regional institutions of UN economic diplomacy – the Economic Commission for Asia and the Far East (ECAFE) – but this issue is hardly studied in historiography. The article aims to identify the role of the USSR in the establishment of ECAFE and its work there in 1946–1950. It demonstrates the attitude of Moscow towards multilateral institutions and reveals the specificity of socio-economic diplomacy of the UN in the Far East. Based on the newly revealed documents of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation, the author analyses the specifics of the development of universal multilateral interaction in the sphere of economy, industry, trade and agriculture in the ECAFE region in the late 1940s. Establishing ECAFE, Moscow sought to transpose the architecture of the UNECE, and, fearing to be left in minority, the USSR argued for limited powers of the Commission. As a result, the ECAFE became an arena for the Soviet-American narrative struggle, and the Soviet Union actively used it to defend its interests regarding the situation in China and Japan. Concerning the state of the industry, the Soviet-American conflicts were most pronounced in the sphere of regional trade (protectionism, tariffs, etc.) and national industrial development of Asian and Far Eastern countries. The Commission's agricultural domain was blocked, with industrial development issues given priority. The author concludes that, despite skepticism, the USSR preferred to participate in international institutions rather than abstain from joining them.*

Keywords: Soviet Union, United Nations, ECAFE, ESCAP, multilateral diplomacy, economic diplomacy, Cold War, colonialism

For citation: Shatalov A.S. ECAFE in multilateral economic diplomacy of the Soviet Union (1946–1950). *Vostok (Oriens).* 2026. No. 4. Pp. 48–59. DOI: 10.31696/S086919080038798-4

Сегодня растёт интерес Российской Федерации к работе Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО). В условиях заморозки проектной деятельности по линии иных учреждений системы развития ООН в связи с недружественной позицией некоторых функционеров всемирной Организации, площадка ЭСКАТО, напротив, становится эффективным инструментом поддержания отраслевого диалога в регионе и предоставления технической помощи странам-партнёрам.

Однако история взаимодействия СССР/России с ЭСКАТО, учреждённой в 1947 г. как Экономическая комиссия ООН для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ), практически не нашла отражения в историографии. Имеющиеся публикации касаются поздних этапов сотрудничества [*Советский Союз в экономических*, 1983, с. 268]; роль же СССР в создании ЭКАДВ и деятельность Москвы в её рамках на начальном этапе не изучены или затрагиваются по касательной без привлечения профильных архивов [Гришаева, 2007]. На основе впервые вводимых в научный оборот документов Архива внешней политики Российской Федерации мы стремимся определить как декларированные, так и реальные приоритеты

Советского Союза в этой сфере, а также их последствия для профильного многостороннего сотрудничества.

В качестве временных рамок мы выбрали период с 1946 по 1950 г. К концу 1940-х гг. Сталин, и так подозрительно относившийся к международным чиновникам, судя по всему, настоял на заморозке сотрудничества с международными организациями [Лебедева, Шаталов, 2025, с. 120]. Выбор 1950 г. как верхней границы исследования объясняется также и динамикой развития международных отношений в Азии на начальном этапе холодной войны. Если в Европе СССР и США перешли к прямой конфронтации уже в конце 1945 г., то на Дальнем Востоке в первые послевоенные годы они еще пытались сохранить статус-кво; точкой невозврата стало начало войны на Корейском полуострове в 1950 г. [*Вторая мировая*, 2020, с. 754]. В этой связи указанный период позволяет проанализировать «нормальное» функционирование ЭКАДВ вне прямого советско-американского столкновения, впоследствии распространившегося и на эту площадку ООН.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И СОЗДАНИЕ ЭКАДВ

Вопрос создания ЭКАДВ предметно рассматривался на четвертой сессии ЭКОСОС (Нью-Йорк, 28 февраля – 28 марта 1947 г.). За образец СССР стремился взять разработанные Комиссией по экономике и занятости ЭКОСОС правила процедуры и круг ведения вопросов ранее учреждённой Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК), которую наделили исключительно консультативными функциями.

Против этого выступали США и Великобритания. В частности, они предлагали передать ЭКАДВ в прямое подчинение ЭКОСОС, где у западного блока было численное преимущество, и, например, обязать Комиссию представлять Совету на одобрение планы своей деятельности на следующий год; Москва же полагала, что со временем в Азии сложится новый баланс сил, связанный в том числе с деколонизацией, а потому ЭКАДВ должна быть самостоятельной и лишь докладывать о своей деятельности в ЭКОСОС. Кроме того, Вашингтон и Лондон настаивали на расширении участия различных международных организаций в работе ЭКАДВ; напротив, СССР требовал, чтобы специализированным учреждениям ООН предоставлялось не больше прав, чем то предусмотрено ст. 70 Устава, организации, не связанные с ООН на основании ст. 57 Устава, не допускались в Комиссию в принципе [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 12–13].

Поправки Советского Союза были отвергнуты на уровне редакционного комитета. Москве лишь удалось исключить из сферы деятельности ЭКАДВ Корею, которая «находится на особом положении, поскольку она управляется контрольными оккупационными властями СССР и США», а также снять формулировку об участии колоний («ЭКАДВ … подготовить рекомендации, касающиеся …мероприятий, которые следует предпринять для предоставления возможности участвовать в обсуждениях Комиссий тех территорий в этом районе, которые не являются членами Организации») [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 13–14]. Однако связь с ЭКОСОС и расширенное участие международных организаций, членом которых Советский Союз не являлся, в тексте остались. В этой связи представитель СССР на голосовании по одобрению функций ЭКАДВ в целом воздержался [*АВПРФ*, ф. 47, оп. 2, п. 7, д. 338, л. 1–2]. Финансироваться работа Комиссия должна была из регулярного бюджета ООН, а её штаб-квартира временно размещалась в Шанхае до того, как будет выбрано постоянное местопребывание[1].

Тем не менее сдаваться Москва не собиралась. Первая сессия ЭКАДВ состоялась в Шанхае 6 июня 1947 г. Её повестка дня включала в основном вопросы организацион-

[1] Таким в 1949 г. был определен Бангкок.

ного характера: избрание должностных лиц, принятие предварительных правил процедуры, обсуждение мероприятий по сбору информации, относящейся к экономическому восстановлению.

В докладной записке, направленной 6 июня 1947 г. на имя Молотова совместно начальником Экономического отдела МИД СССР В. Геращенко и заместителем начальника Отдела по делам ООН А. Стеценко, дипломаты указывали на характер предыдущих обсуждений в ЭКОСОС. По их мнению, таким образом, реальные дискуссии развернутся вокруг двух ключевых сюжетов.

Во-первых, остро стоял вопрос о членстве в ЭКАДВ и географических рамках её работы. При учреждении Комиссии в ЭКОСОС не было достигнуто единого мнения о том, какие именно страны могли войти в её состав. Удалось договориться лишь о государствах-основателях: это были СССР, США, Великобритания, Франция, Нидерланды, Австралия, Китай, Индия, Филиппины, Таиланд. Проблему же членства остальных азиатских и дальневосточных независимых стран-членов ООН предполагалось решить уже в Шанхае.

Наиболее активной в этой связи была Великобритания. Как пишут Геращенко и Стеценко, «[п]ри обсуждении этого вопроса в ЭКОСОС и комиссиях англичане стояли за максимальное сужение круга стран-членов Комиссии и в то же время требовали, чтобы широко применялось т. н. ассоциирование с работой Комиссии территорий или групп территорий в районе деятельности Комиссии» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 1]. Речь шла об активном участии колоний, причем, по предложению Лондона, их интересы должна была представлять страна, «ответственная за международные отношения таких территорий или групп территорий», что отражало общую политику Великобритании в отношении участия колоний в международных делах [Cain, Hopkins, 2016, p. 663]. Естественно, для Москвы такое развитие событий представлялось неприемлемым.

Во-вторых, в ЭКОСОС не удалось окончательно договориться о круге ведения ЭКАДВ. Геращенко и Стеценко напоминают: в Нью-Йорке США и Великобритания наставили на том, чтобы Комиссия в первую очередь занималась оценкой экономического положения в нуждающихся странах, причем с этой целью активно направляла бы своих специалистов на их территорию. В оценках советских дипломатов-экономистов речь шла о «получении информации для своей [*США и Великобритании – А.Ш.*] экономической экспансии» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 2]. Кроме того, Вашингтон и Лондон лоббировали расширение прав специализированных, межправительственных и других организаций для осуществления ими своей деятельности на территории Азии.

Таким образом, грядущая сессия ЭКАДВ рассматривалась советскими специалистами в первую очередь как арена противостояния с бывшими союзниками по Антигитлеровской коалиции. В этой связи руководство Экономического отдела МИД СССР считало участие Москвы в работе Комиссии целесообразным, поскольку это позволило бы «изучать экономику стран Азии и Дальнего Востока и противодействовать США, Англии и другим колониальным державам в их стремлении использовать Комиссию для укрепления своего экономического и политического господства в этих странах» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 2].

Во многом эти опасения советских специалистов оправдались. Более того, как писал в докладной записке по итогам мероприятия Молотову Стеценко 22 июля 1947 г., «[с]оветской делегации …пришлось столкнуться с предварительным сговором между остальными делегациями по вопросам о повестке дня Сессии и пр. … В силу этого по большинству вопросов спорного характера советская делегация оставалась в единственном числе» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 16]. В некоторых случаях Москву поддерживал делегат от Индии, будущий министр иностранных дел Джавахарлал Неру, однако его позиция, судя по донесениям дипломатов, отличалась большой непоследовательностью.

Обратим, однако, внимание, что, судя по всему, «сговор» ооновцев и западников оказался во многом просто удобным предлогом для советской делегации: данные ей директивы из-за объективного численного доминирования противников СССР выполнить в полной степени было невозможно. В частности, в качестве примера такого «сговора» Стеценко приводит проведенное 11 июля совещание временно занимавшего должность исполнительного секретаря ЭКАДВ Розенборга с прибывшими в Шанхай сотрудниками Секретариата ООН, где «обсуждались вопросы о руководящих органах Сессии» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 21]. Подобного рода установочные совещания – нормальная практика для международных чиновников, особенно если сессия проводится вне штаб-квартиры или иного офиса организации.

Вместе с тем признаки «нечестной игры» за спиной Москвы действительно имелись. Об этом красноречиво говорит внесение Неру кандидатуры китайского[2] делегата для избрания на пост председателя сессии. Стеценко пишет: «моя беседа с Неру до заседания о намерении советской делегации выдвинуть его кандидатуру на пост председателя окончилась ничем, так как Неру заявил, что он считает себя связанным состоявшейся ранее договоренностью между делегациями о том, что именно он должен выдвинуть кандидатуру китайского делегата» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 21]. В результате Советский Союз был вынужден попросту отказаться от части поставленных перед ним задач процедурного характера. Однако эта проблема представлялась решаемой: при подготовке ко второй сессии ЭКАДВ (Манила, 24 ноября 1947 г.) Стеценко предлагал обеспечить заблаговременное прибытие советских дипломатов, «за 2–3 дня до ее открытия, чтобы, по крайней мере, быть осведомленными обо всех предварительных переговорах и соглашениях между делегациями» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 31].

Обсуждение вопросов круга ведения ЭКАДВ также протекало непросто. Во-первых, западные делегации стремились переложить реальную работу по сбору профильной информации и возможному предоставлению содействия на секретариаты ЭКАДВ и ООН, наделив особыми полномочиями исполнительного секретаря Комиссии. При таком развитии событий на сессиях страны-члены обсуждали бы лишь организационно-административные, бюджетные вопросы. «При значительном преобладании американцев и англичан во всех органах ООН такое выхолащивание повестки дня Сессии ЭКАДВ означало бы устранение стран-членов Комиссии от какого-либо влияния на вопросы программы работы и фактическую передачу всей практической работы в американские руки» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 18].

Когда же Москва при поддержке Дели добилась снятия такого положения, Вашингтон и Лондон сменили тактику. Теперь их позиция заключалась в том, что ЭКАДВ была не готова «взять на себя долгосрочные обширные задачи помощи странам Азии и Дальнего Востока в деле разрешения первоочередных экономических задач, как то продовольственная проблема, помощь одеждой, сельскохозяйственными семенами и т. д.» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 27]. В этом их поддержала Австралия: она рассматривала ЭКАДВ как инструмент сбора и агрегирования различных статистических данных, которыми впоследствии могли бы пользоваться различные финансовые организации [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 27–28]. Таким образом, работа Комиссии в подаче Канберры способствовала бы притоку дополнительных инвестиций в страны региона и, следовательно, развитию местной экономики.

Подобная позиция во многом отражала видение СССР роли ЭКАДВ. В частности, в директивах советской делегации на третьей сессии Комиссии в 1948 г. прямо говорилось: «следует исходить из того, что ЭКАДВ имеет *консультативные* функции, и что не следует

[2] В тот период в ООН был представлен Тайвань как «Китайская республика».

допускать, чтобы ЭКАДВ получила *оперативные* функции» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 206, л. 26], то есть занималась непосредственным техническим содействием. В тезисах к вступительной речи главы делегации отмечалось, что Комиссия должна проявлять инициативу и участвовать в мероприятиях, облегчающих согласованные действия для экономического восстановления стран Азии и Дальнего Востока, для активизации экономики этих стран и поддержания и укрепления экономических связей в регионе [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 207, л. 8]. Об активности, аналогичной работе ЮНРРА, не упоминалось ни слова.

ЭКАДВ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЙ БОРЬБЫ НАРРАТИВОВ

Для Москвы цель существования ЭКАДВ заключалась в оказании содействия в восстановлении пострадавших от японского милитаризма территорий. Тем не менее в рассматриваемый период работа Комиссии подвергалась регулярной критике со стороны Советского Союза, а сама ЭКАДВ превратилась в арену борьбы нарративов между Москвой и ее противниками.

Приведём выдержку из письма министра иностранных дел СССР В.М. Молотова в ЦК ВКП(б) о VII сессии Экономического и Социального Совета ООН по п. 17 повестки дня (доклад ЭКАДВ):

«При обсуждении доклада Экономической комиссии для стран Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ) советская делегация должна указать, что ЭКАДВ не справилась с возложенными на нее задачами по оказанию эффективной помощи восстановлению и развитию экономики стран Азии и Дальнего Востока, не приняла каких-либо рекомендаций в целях оказания помощи. …Такое положение явилось следствием политики некоторых держав, которые стремятся подчинить деятельность ЭКАДВ узким интересам определенной группировки держав, не считаясь с насущными нуждами национальной экономики стран Азии и Дальнего Востока» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 11, п. 4, д. 60, л. 9].

Как можно отметить, речь шла не о конкретных проблемах с выполнением отдельных поручений стран-членов, а о более широкой борьбе нарративов и превращении площадки ЭКАДВ в инструмент борьбы с западным блоком в холодной войне. Да, советские дипломаты в рамках восьмой сессии ЭКАДВ (январь 1949 г.) указывали, что «[з]а все время своего существования Комиссия не приняла каких-либо рекомендаций в целях эффективной помощи странам Азии и Дальнего Востока» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 11, п. 5, д. 62, л. 7], однако такой тезис представляется преувеличенным и направленным сугубо на «внешнее потребление».

Как следует из директив советским делегациям на различных сессиях ЭКАДВ, реальное недовольство Москвы было спровоцировано реакцией Комиссии на ситуацию в Японии и Китае. Что касается Японии, то Советский Союз в принципе настаивал на том, что ею должна заниматься Дальневосточная Комиссия, тогда как ЭКАДВ не имела компетенций для этого. Как следствие, в частности, советские дипломаты на сессиях ЭКОСОС должны были выступать против «одобрения» итоговых докладов ЭКАДВ и настаивать исключительно на «принятии их к сведению» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 11, п. 4, д. 60, л. 9–10].

Китайский вопрос наиболее остро стоял во время гражданской войны в Китае. В подготовленных ЭКАДВ рекомендациях, в частности, тяжёлая ситуация в экономике Китая объяснялась не только последствиями Второй мировой войны на Дальнем Востоке и действиями японской армии, но и политикой Москвы на освобожденных Красной Армией территориях, что в Москве воспринимали как превращение Комиссии в инструмент внешней политики США. В этой связи Советскому Союзу регулярно приходилось отводить подобные заключения ЭКАДВ как предвзятые и не имеющие отношения к реальности:

Советская делегация настаивает на исключении из доклада рабочей группы ничем не обоснованных и тенденциозных утверждений о том, что одной из причин тяжёлого экономического положения Китая является якобы «вывоз капитального оборудования русскими войсками после японской оккупации». Данный вопрос не входит в компетенцию ни рабочей группы, ни ЭКАДВ. Известно, что тяжёлое экономическое положение Китая объясняется последствиями японский оккупации, многолетней гражданской войной, упадком в результате всего этого промышленности и сельского хозяйства, а также инфляцией [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 207, л. 22].

Более того, несмотря на заявленную изначально цель ЭКАДВ по содействию в восстановлении разрушенных территорий, уже к концу 1947 г. Советский Союз активно работал над переводом активности Комиссии в русло технической помощи и консультаций. Причина такой смены курса заключалась в политике США по увязке предоставляемого ими содействия с выполнением странами-реципиентами политических условий. В результате советские дипломаты на сессиях ЭКАДВ настаивали на том, чтобы Комиссия не превратилась в «орган подготовки или осуществления “плана Маршалла для Азии и Дальнего Востока”» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 207, л. 11]. Функции содействия развитию региона, таким образом, отходили на второй план.

В результате, как и при учреждении Комиссии, СССР настаивал на исключительно консультативных, но не оперативных функциях ЭКАДВ. В этой связи её основная задача трансформировалась в подготовку рекомендаций, статистических обзоров и иных публикаций о социально-экономической ситуации в странах региона. Как следствие, площадка Комиссия становилась не только субъектом «антисоветской пропаганды», но также и удобным инструментом для ведения контр-пропагандистской работы.

Примечательно, что зачастую ЭКАДВ сама просила о направлении в её адрес материалов для дальнейшего использования в работе и отражении в своих докладах. В частности, 8 мая 1948 г. начальник Экономического отдела МИД СССР В.С. Геращенко докладывал заместителю министра Я.А. Малику об очередной такой просьбе исполнительного секретаря Комиссии. Экономический отдел МИД СССР в этой связи предлагал передать ЭКАДВ «Военную экономику СССР в период Отечественной войны» Н.А. Вознесенского и сборник «Народное хозяйство СССР» за 1947 г. [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 204, л. 1]. Вместе с тем речь шла о важном для советской дипломатии шаге: поскольку вопрос касался передачи информации ООН, Малик запросил мнение первого заместителя министра Вышинского, а окончательное решение утверждал лично Молотов.

Иногда с инициативой выступали сами дипломаты. В частности, во время очередной сессии Второго комитета ЭКАДВ в 1948 г. делегация СССР предложила передать комиссии сведения о специальном обучении для разработки необходимых курсов. Ссылаясь на это выступление, Локанатан 25 июля 1948 г. направил запрос в МИД СССР, в котором интересовался публикациями по техническому обучению; «особенно предъявляется спрос на материалы, касающиеся практической организации обучения, как то: информация относительно методов подбора инструкторов, относительно внутренних правил центров обучения, курсовые программы обучения, планы в деле использования обучения в различных видах промышленности, действенная помощь материалами и другими документами…» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 208, л. 1]. Москва эту просьбу удовлетворила.

СССР И ОТРАСЛЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКАДВ: ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТОРГОВЛЯ, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Хотя пропагандистское измерение действительно играло особую роль в дипломатии Советского Союза на площадке ЭКАДВ, Москва использовала инструменты Комиссии для

продвижения своих интересов и через субстантивные направления её работы. В частности, речь шла о вопросах развития промышленности, в первую очередь – тяжёлой, торговли и сельского хозяйства в странах Азии.

В рамках дискуссий о положении с промышленностью в регионе Москва регулярно делала акцент на том, что основная причина тяжёлой экономической ситуации заключалась в колониальной политике США, Великобритании, Франции и Нидерландов, а восстановление и развитие экономики стран Азии должно было быть сопряжено с масштабными инвестициями в национальное промышленное развитие. При этом СССР настаивал на том, чтобы подобное развитие осуществлялось в первую очередь за счет максимального использования собственных ресурсов этих стран; привлечение же иностранного капитала должно было «иметь подчинённое значение и на условиях, не ущемляющих национальные интересы этих стран и их суверенитет». В этой связи, например, на IV сессии ЭКАДВ (Лапстоун, Австралия, 29 ноября 1948 г.) советские дипломаты ссылались на пример Китая, где, по мнению Москвы, «“помощь”, оказываемая США, на деле вела к экономическому закабалению и политическому подчинению стран, получающих такую помощь». [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 209, л. 4].

Дискуссии встраивались в более широкие дебаты о свободе торговли и защите национальной промышленности, развернувшиеся в первое послевоенное время. Послевоенный мировой порядок, как считали в администрации Трумэна, должен был строиться на разрушении «колониальной периферии» европейских государств, деиндустриализации традиционных промышленных центров в Европе и создании новых в бывших колониях за счет их «накачки» американским капиталом [Сидоров, 2016, с. 69]. Свобода движения капитала здесь играла особую роль: в ходе либерализации торговли предполагалась отмена любых мер поддержки экспортеров, что, безусловно, можно было расценить как вмешательство США в экономику третьих стран. Как следствие, СССР, категорически не согласный с такими планами, на многосторонних экономических площадках, в том числе и ЭКАДВ, настаивал на сохранении мер по защите промышленности, например, через защитительные барьеры [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 209, л. 6]. При этом подобный подход не означал «консервации» существовавшего регионального порядка: ряд договоров (например, англо-бирманский договор 1947 г.) обеспечивал «иностранным государствам ряд таких привилегий, которые тормозили нормальное независимое развитие стран Азии и Дальнего Востока» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 207, л. 10].

Иные инициативы рассматривались Советским Союзом не изолированно, а сугубо в преломлении к конкретным случаям их возможного использования против интересов СССР. В частности, когда речь зашла о создании зон свободной торговли на Дальнем Востоке, в директивах советской делегации на III сессии ЭКАДВ (1948 г.) отмечалась исключительно ситуация с портом Далянь (русское название – Дальний). МИД СССР указывал: «вопрос о создании так называемых зон свободной торговли недостаточно проработан в докладе о развитии торговли, искусственно выхвачен из ряда других не менее важных мероприятий, которые должны быть осуществлены для развития торговли в Азии и на Дальнем Востоке». Делегация должна была иметь в виду, что Дальний в принципе на тот момент не мог быть интернационализирован, поскольку по Ялтинским соглашениям 1945 г. интернационализация порта предполагала окончание состояния войны на Дальнем Востоке; между тем состояние войны юридически продолжалось до заключения мирного договора с Японией, а до этого, как вписал от руки в текст проекта директив Молотов, «советско-китайское соглашение предусматривает другое положение в г. Дальний» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 206, л. 13]. На тот момент Москва была совсем не готова расставаться с теми территориями и правами, которые ей удалось вернуть и которые были ранее утрачены [Печатнов,

2012, с. 142], и экономические площадки также служили механизмом защиты военно-политических интересов.

Однако Советский Союз в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в ЭКАДВ оставался в меньшинстве. Секретариат, в свою очередь, в своих документах продвигал идеи либеральной торговли, де-факто играя на руку США. В частности, подобные положения регулярно фиксировались в ежегодном обзоре экономики региона, публикуемом Комиссией и передаваемом на рассмотрение странам-членам. В результате, СССР был вынужден ставить на голосование резолюции об этих документах или снижать уровень отношения к ним со стороны делегаций (например, править в постановляющей части резолюций «одобряет» на «принимает к сведению»). Так, в директивах советской делегации на VII сессию ЭКАДВ (Лахор, 28 февраля 1951 г.) поручалось:

«[п]одчеркнуть, что обзор неправильно оценивает использование внутренних ресурсов стран Азии и Дальнего Востока, считая, что это является лишь второстепенным фактором в деле экономического развития этих стран. При этом отметить, что в обзоре необоснованно придается чрезмерное значение роли иностранного капитала в развитии экономики этих стран. Отметить также, что обзор не показывает, что ввоз иностранного капитала сопровождается предъявлением кабальных требований со стороны стран, экспортирующих стран. …что представление этого капитала не должно обуславливаться политическими, экономическими и военными привилегиями для стран, представляющих займы и кредиты» [*АВПРФ*, ф. 07, оп. 24, п. 4, д. 30, л. 6].

В отношении обсуждения вопросов сельского хозяйства на площадке ЭКАДВ и реализации профильных проектов по каналам Комиссии главная проблема для Москвы заключалась в невхождении в состав Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединённых Наций (ФАО). Отношение к ней у СССР было настороженным: хотя Советский Союз участвовал в создании ФАО, в последний момент Москва не стала подписывать её устав. В первую очередь, Советский Союз был не готов направлять международным чиновникам сведения о запасах и производстве зерна, имевшие стратегическое значение.

Как следствие, любые форматы взаимодействия с ФАО в 1940-х – 1950-х гг. стали для Москвы неприемлемы. ЭКАДВ же в условиях ограниченного бюджета и необходимости «разделения труда» в системе ООН, наоборот, ориентировался на сотрудничество с ФАО и создание совместных структур, что вызывало прямое сопротивление СССР и затрудняло реализацию сельскохозяйственных проектов. В частности, на II сессии ЭКАДВ (1948) США и Филиппины внесли предложение о создании совместного комитета ЭКАДВ и ФАО по продовольствию и сельскохозяйственной продукции. Как отмечалось в отчёте о работе советской делегации по итогам мероприятия, «[э]то указание [возражать против учреждения комитета – *А.Ш.*] выполнено, и американо-филиппинское предложение о создании такого комитета отклонено» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 205, л. 4]. Более того, эксперты МИД СССР настаивали на том, чтобы на грядущих заседаниях ЭКОСОС Советский Союз активно противодействовал «переходу контроля над распределением риса и других видов продовольствия в руки ФАО», и даже предложил «отмену такого контроля вообще, предоставив странам Азии и Дальнего Востока возможность свободно обмениваться продуктами своего труда» [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 205, л. 7].

Необходимо отметить, что речь шла об идеологическом неприятии ФАО не только как института, но и её методов работы. Организация занималась в первую очередь консультационной и статистической деятельностью; СССР же, несмотря на аналогичные требования к ЭКАДВ, настаивал на реальной материальной и безвозмездной помощи в развитии сельского хозяйства пострадавших стран, которое бы происходило по каналам ФАО на

взносы доноров. В частности, в директивах советской делегации на Пленарном комитете (продолжение IV сессии ЭКАДВ, 1949 г.) говорилось:

указать, что развитие сельского хозяйства стран Азии и Дальнего Востока в их национальных интересах должно идти по линии перестройки аграрных отношений на демократических основах и внедрения передовых методов ведения сельского хозяйства, должно поощряться предоставлением дешёвого сельскохозяйственного кредита крестьянству для приобретения сельскохозяйственных машин и удобрений, создания кредитных и сборных кооперативов [*АВПРФ*, ф. 07, оп. 22–г, п. 4, д. 41, л. 9].

В этой связи Советский Союз мог вполне оправданно критиковать Организацию и на этом основании блокировать взаимодействие с ней ЭКАДВ. В рамках VII сессии Комиссии 1951 г. советские дипломаты в качестве аргументации ссылались на то, что ни ЭКАДВ, ни ФАО не оказывали содействия восстановлению ирригационных сооружений, снабжению мелких и средних крестьянских хозяйств удобрениями, сельскохозяйственными машинами и инвентарём, доступным сельскохозяйственным кредитованием [*АВПРФ*, ф. 07, оп. 24, п. 4, д. 30, л. 9]. Такой подход в целом отражал стратегию СССР в сфере содействия международному развитию по линии институтов ООН времён не только позднего Сталина, но и вплоть до конца 1980-х гг. [Ларионова, 2019, с. 148].

Был ли при этом Советский Союз идеологически против развития многосторонних институтов? Как представляется, нет. Свидетельством этому на сельскохозяйственном треке деятельности ЭКАДВ может служить ситуация с созданием бюро по контролю над наводнениями, предложенного Китаем (Тайванем) на IV сессии ЭКАДВ (1948 г.), впоследствии переданная на обсуждение в ЭКОСОС. Советской делегации наказывалось:

СССР не заинтересован в этом органе, но, по возможности, должен иметь наблюдение за его деятельностью. Исходя из этого, советская делегация должна противодействовать предложениям, которые ставили бы этот орган вне контроля комиссии… Голосовать за предложение о создании бюро [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 209, л. 8].

В результате, бюро было учреждено на VII сессии ЭКОСОС. Против голосовали США, Великобритания и Канада, тогда как Советский Союз проголосовал в поддержку этого решения [*АВПРФ*, ф. 06, оп. 10, п. 18, д. 192, л. 7]. Хотя в целом СССР в рассматриваемый период склонялся в пользу неучастия в невыгодных для него институтах (ЮНЕСКО, ИКАО и пр.), такой подход объяснялся не идеологической борьбой с международными организациями, а объективными техническими сложностями, которыми сопровождалось их учреждение [Лебедева, Шаталов, 2025, с. 121]. Случай с бюро по контролю над наводнениями подтверждает: если не затрагивались стратегические интересы, для Советского Союза участие в не самом выгодном для неё институте было приоритетнее отказа от него в пользу его функционирования на двусторонней основе. Многосторонний формат позволял Москве осуществлять пригляд за его деятельностью.

ВЫВОДЫ

Советский Союз принимал активное участие в создании ЭКАДВ. Поскольку инициатива исходила не от Москвы, основная задача советской дипломатии при этом заключалась в максимальном копировании архитектуры учреждённой Европейской экономической комиссии ООН. Более того, понимая, что в составе ЭКАДВ СССР окажется в меньшинстве, советское государство настаивало на фактическом выхолащивании реальных способностей Комиссии и приоритизации консультативно-информационных функций при отказе от оперативных возможностей.

Эти опасения во многом оправдались. Советский Союз столкнулся с закулисными договорённостями третьих стран и некоторой предвзятостью Секретариата. В этой связи даже на раннем этапе ЭКАДВ превратилась в арену пропагандистской борьбы между СССР и странами Запада, причём Москва использовала площадку Комиссии для активного продвижения своих нарративов среди государств Азии, а руководство МИД СССР уделяло ЭКАДВ особое внимание.

В сфере отраслевого сотрудничества взаимодействие в рамках ЭКАДВ отражало общие советско-американские противоречия в отношении новой системы международной торговли, включая вопросы протекционизма, тарифов, свободы торговли и пр. Неприятие ФАО и отсутствие собственных операционных возможностей ЭКАДВ привело к фактической блокировке сельскохозяйственного трека работы Комиссии. Напротив, на первый план вышли «промышленное» измерение и дискуссии о промышленном развитии. При этом различные форматы сотрудничества по каналам ЭКАДВ, включая бюро по контролю над наводнениями, позволяют сделать вывод о том, что Советский Союз в целом был более склонен участвовать в работе международных институтов, чем оставаться за бортом.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВПРФ – Архив внешней политики Российской Федерации [*AVPRF* – Archive of Foreign Policy of the Russian Federation]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру. Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М.: Издательство Московского университета, 2020 [*The Second World War and the Transformation of International Relations. From Multipolarity to the Bipolar World*. L.S. Belousov, A.S. Manykin (eds.) Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, 2020 (in Russian)].

Гришаева Л.Е. *Россия и ООН: история и современность*. М.: Спутник+, 2007 [Grishaeva L.E. *Russia and the UN: History and Modernity*. Moscow: Sputnik+, 2007 (in Russian)].

Лебедева О.В., Шаталов А.С. «Вопрос о транспортной авиации – это не местный вопрос»: СССР и переговоры о создании Международной организации гражданской авиации (1943–1945 гг.). *Вестник МГИМО-Университета*. 2025. Т. 18. № 5. С. 101–125 [Lebedeva O.V., Shatalov A.S. 'The Civil Aviation Question Is Not a Local One': The USSR and the Negotiations on Establishing an International Civil Aviation Organization, 1943–1945. *MGIMO Review of International Relations*. 2025. Vol. 18. No. 5. Pp. 101–125 (in Russian)].

Ларионова М.В. СССР в системе сотрудничества в целях развития под эгидой ООН. *Вестник международных организаций*. 2019. Т. 14. № 1. С. 145–163 [Larionova M.V. The Soviet Union in the United Nations Development System. *International Organisations Research Journal*. 2019. Vol. 14. No. 1. Pp. 145–163 (in Russian)].

Печатнов В.О. Как Трумэн у Сталина Курилы просил. *Россия XXI*. 2012. № 4. С. 140–157 [Pechatnov V.O. How Truman asked Stalin for the Kuril Islands. *Russia XXI*. 2012. No. 4. Pp. 140–157 (in Russian)].

Сидоров А.А. «Единый мир» глазами Рузвельта: финансово-экономические аспекты американских планов послевоенного мирового устройства. *Новая и новейшая история*. 2016. № 3. С. 64–76 [Sidorov A.A. «One World» of Roosevelt: Financial and Economic Aspects of the American Post-War World Order Plans. *Modern and Contemporary History*. 2016. No. 3. Pp. 64–76 (in Russian)].

Советский Союз в экономических и научно-технических организациях ООН. Под ред. Д.М. Гвишиани, А.Б. Фрумкина. М.: Международные отношения, 1983 [*The Soviet Union in the UN economic, scientific and technical organizations*. D.M. Gvishiani, A.B. Frumkin (eds.) Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1983 (in Russian)].

Cain P.J., Hopkins A.G. *British Imperialism, 1688–2015*. London: Routledge, 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ШАТАЛОВ Артемий Сергеевич – кандидат политических наук, третий секретарь Постоянного представительства Российской Федерации при ООН, Нью-Йорк, США.

Artemii S. SHATALOV, PhD (Political Sciences), Third Secretary, Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations, New York, United States of America.

DOI: 10.31696/S086919080038800-7

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВ НЕЗАВИСИМОЙ ИНДИИ В ЯЗЫКОВОМ ВОПРОСЕ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ЭТАПЫ

© 2026

В.А. ЦАБИНА [a]

[a] – ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0009-0000-0846-8896; vtsabina2000@yandex.ru

Резюме: *В статье рассматриваются этапы языковой политики Индии, начиная с обретения страной независимости в 1947 г. Уже во время составления Конституции перед новым правительством молодого государства встала задача выработки этнолингвистической политики, в рамках которой предстояло определить её цели. Различные силы, приходившие к власти, по-разному видели их и пути их достижения. Страна пережила как радикальные повороты во внутреннем развитии и в том числе в направленности языковой политики, так и несколько серьёзных конфликтов в регионах, возникших на этнолингвистической основе. Первые 15 лет существования независимого государства стали временем не только активной реализации правительственных мероприятий в отношении языка, но и переосмысления некоторых целей и идеологических установок этнолингвистической политики в целом.*

В основу исследования легли документы разных лет, отражающие официальную политику центральных властей, с одной стороны, и реальную лингвистическую ситуацию в Индии – с другой. В фокусе внимания – сходства и принципиальные различия в подходах к языковому вопросу политических партий, пребывавших у власти в центре в разное время, также анализируются проводимые ими мероприятия и полученные результаты. Таким образом, весь период реализации языковой политики в независимой Индии оказывается разбит на исторические этапы, различающиеся не только партиями, сформировавшими правительство, но и тенденциями в осуществлении мероприятий языковой политики. Прослеживаются ключевые особенности каждого этапа и причины изменения подходов в исторической перспективе. При этом каждый из подходов оценивается в контексте тех исторических условий, в которых он существовал и применялся. Конец XIX – начало XX вв. стало периодом серьёзных изменений как во внутренней политике Республики Индия, так и во внешнеполитических реалиях. Эти изменения нашли своё отражение в подходах основных политических сил страны к языковому вопросу.

Ключевые слова: Индия, языковая политика, Индийский Национальный Конгресс, Бхаратия Джаната парти, иерархия языков

Для цитирования: Цабина В.А. Политика правительств независимой Индии в языковом вопросе: основные принципы и этапы. *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 60–71. DOI: 10.31696/S086919080038800-7

LANGUAGE POLICY OF THE GOVERNMENTS OF INDEPENDENT INDIA: MAIN PRINCIPLES AND STAGES

© 2026

Valeriya A. TSABINA [a]

[a] – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
ORCID: 0009-0000-0846-8896; vtsabina2000@yandex.ru

Abstract: *This article examines the stages of India's language policy since the independence in 1947. Even during the drafting of the Constitution, the new government had to develop an ethnolinguistic policy and define its goals. Various forces that came to power had different visions of these goals and means to achieve them. The country experienced both radical shifts in its language policy and several serious regional conflicts that arose along multiple ethnolinguistic lines. The first 15 years of independence were a time not only of active government implementation of language-related measures but also of rethinking of its ideological tenets as a whole.*

This study draws on documents from various periods, reflecting the official policy of the central government and the current linguistic situation in India. The focus is on the similarities and differences in the approaches of different political parties. The measures they implemented and the results achieved are also analyzed. Thus, the entire period of language policy in independent India is divided into stages, distinguished not only by the central government but also by the trends of language policy. The key features of each stage and the changes in approaches are traced in historical perspective. Each approach is assessed within the political context in which it existed. The late 19th and early 20th centuries were a period of significant changes in both the domestic politics of India and its foreign policy realities. These changes were reflected in the approaches of the country's main political forces to the language issue.

Keywords: India, language policy, Indian National Congress, Bharatiya Janata Party, language hierarchy

For citation: Tsabina, V.A. Language Policy of the Governments of Independent India: Main Principles and Stages. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 60–71. DOI: 10.31696/S086919080038800-7

Индия получила независимость от Британской империи в 1947 г., и новое правительство немедленно приступило к составлению Основного закона страны. В 1950 г. Конституция была принята. Официальным языком молодого государства был выбран хинди в графике деванагари несмотря на то, что решение не было в полной мере единогласным. При этом сохранялась возможность использования английского языка в делопроизводстве.

Это было первым шагом в проведении языковой политики. Предстояло на практике определить её методы и цели, формы её мероприятий. Курс языковой политики, однако, не был определен раз и навсегда. Каждое из приходящих к власти правительств видело цели этой политики и способы их достижения по-своему и вынуждено было решать языковой вопрос, исходя из текущей ситуации.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Основные принципы языковой политики были сформулированы в части XVII Конституции [*Bharat ka Samvidhan*, 2024]. Согласно этому документу, каждый штат мог

самостоятельно принять в качестве своего официального языка хинди либо один из языков штата, количество официальных языков при этом не регламентировалось (статья 345).

Конституция устанавливала язык коммуникации между разными штатами и между штатом и центром. Предлагалось применять «язык, разрешённый для использования в Союзе в официальных целях»; по согласию штатов таким языком мог быть хинди (ст. 346). Таким образом, допускалось использование английского языка. Судопроизводство и законотворчество также должно было осуществляться на английском языке. По решению штата для этих целей мог быть использован хинди или любой официальный язык штата, однако в таком случае все документы должны были сопровождаться переводом на английский язык (ст. 348).

В Конституции оговаривался особый порядок принятия законов о языке. Комиссия, созываемая каждые пять лет, должна была готовить рекомендации, которые затем передавались Комитету по языкам и через него – Президенту (ст. 344). То же самое касалось и законопроектов в области языковой политики. Таким образом, любой закон должен был перед принятием пройти по крайней мере три инстанции. Помимо создания законодательной базы, правительство обязывалось содействовать развитию хинди через заимствование лексики в первую очередь из санскрита, затем – из других индийских языков (ст. 351).

Уже на этапе принятия Конституции в неё было включено 8-е приложение, перечислявшее список официально признанных языков. Изначально в него вошли 14 пунктов – это были языки крупнейших регионов. На 2025 г. 8-е приложение включает в себя 22 языка. Их статус также является частью языковой политики Индии.

К институтам и лицам, отвечающим за реализацию языковой политики, на 2025 г. относятся Департамент официального языка, Центральный институт индийских языков, Национальный комиссар по языковым меньшинствам и периодически формируемые языковые советы по малым языкам [Шуванникова, 2024, с. 355].

Все приходящие к власти правительства Индии придерживались положений, прописанных в Конституции. Однако подходы к осуществлению языковой политики у этих правительств разнились.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ИНК В 1950–1960-е гг.

Один из подходов подразумевал осторожную риторику в вопросах языка и был наиболее популярен в период непосредственно после обретения независимости, когда к власти в государстве пришло правительство ИНК.

Индийский национальный конгресс – партия, основанная в 1885 г. и изначально продержавшаяся у власти рекордный срок (1947–1977). Лидеры ИНК, такие как Джавахарлал Неру, Абул Калам Азад, Раджендра Прасад и др., имели значительный политический опыт и были знакомы с реальной ситуацией в стране. Кроме того, проблема официального языка и его распространения активно обсуждалась в парламенте.

Рассмотрим мероприятия языковой политики, проведённые правительством ИНК, которые отражали линию премьер-министра Джавахарлала Неру. Можно выделить основные шаги, предпринятые правительством:

1. Административная реформа 1956 г. – образование штатов на лингвистической основе.
2. Введение формулы трёх языков (1956–1961).
3. Акт об официальном языке 1963 г. и поправки к нему 1967 г.

Активная деятельность в отношении языковой политики объяснима: в период формирования административного и культурного облика страны от центрального правительства требовались быстрые действия по разрешению этнолингвистических вопросов на разных

территориях, а Конституция обязывала центр содействовать распространению официального языка хинди. В то же время чрезмерное давление со стороны центральных властей могло восприниматься как наступление на региональные культуры.

Проблема административного деления встала перед правительством ИНК сразу же после принятия Основного закона. Существовавшие на тот момент границы штатов не соответствовали распространению этнолингвистических групп [Windmiller, 1954, p. 292]. В парламенте активно проходили дебаты по вопросу образования штатов на лингвистической основе. Особенно остро проблема административного деления затрагивала индийский Юг и Махараштру [Windmiller, 1954, p. 298]. Итогом продолжительных споров стало формирование Комиссии по реорганизации штатов, подготовившей административную реформу 1956 г., в ходе которой были созданы монолингвистические штаты.

В вопросе моделирования дальнейшей стратегии лидеры государства были настроены дождаться первого заседания Комиссии, предусмотренной Конституцией. Первая половина 1950-х гг., таким образом, характеризуется неопределённостью в отношении языковой политики: ещё не были собраны статистические данные, не был проведён их анализ.

7 июня 1955 г. была назначена Комиссия по языку под председательством Б.Г. Кхера, которая представила свой отчёт с рекомендациями 31 июля 1956 г. [*Report*, 1957]. Этот отчёт резюмирует итоги языковой политики за первые пять лет после принятия основного закона.

Комиссия советовала правительству в первую очередь заняться переводом на хинди многочисленных документов, публикаций и методической литературы, содержащей терминологию, необходимую административному аппарату. В плане работы со штатами рекомендовалось увеличить субсидирование местных организаций по распространению хинди, таких как Хинди прачар сабха (Общество распространения хинди), в некоторых регионах законодательно оформленная лишь в 1964 г. [*The Dakshina*, 1964].

Частично рекомендациям Комиссии отвечал указ Президента от 1960 г., согласно которому хинди должен был стать основным языком центральной администрации [*President's order*, 1960]. Также должен был производиться перевод на хинди всех законодательных актов центрального правительства.

При этом Комиссия отметила, что ввиду противодействия некоторых штатов распространению хинди программу по замене английского языка следует отложить либо продлить. Протест против официального языка члены Комиссии связали с деятельностью «фанатичных сторонников хинди» [*Report*, 1957]. В итоговом решении Комиссии говорится, что до тех пор, пока нехиндиязычные регионы не согласятся добровольно принять хинди в качестве официального языка, английский язык должен использоваться в этом качестве без ограничений по времени.

Представляется, однако, что работа Комиссии была недостаточно оперативной. Итоговые рекомендации были готовы лишь к 1959 г., и следующее заседание, которое должно было собраться в 1960 г., так и не было созвано.

Важным мероприятием языковой политики стала разработка в 1956 г. формулы 3-х языков, согласно которой каждый гражданин Индии был обязан изучать: региональный язык (даже если он не является родным); язык хинди как язык межнационального общения; английский или любой другой из современных европейских языков. Формула трёх языков была одобрена в 1961 г. и должна была положить конец неравенству языков. Этого, однако, не случилось, а формула 3-х языков уже на начальных этапах трансформировалась в формулу 3±1, так как её применение на практике отличалось в хиндиязычных и нехиндиязычных штатах [Delican, 2019, p. 128].

ОБОСТРЕНИЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В КОНЦЕ 1960-х – 1980-е гг.

Первая половина 1960-х гг. показательна при оценке языковой ситуации в Индии в этот период. Именно в это время сопротивление нехиндиязычных регионов распространению хинди начинает проявляться особенно ярко. Борьба регионов против официального языка сыграла одну из важнейших ролей в определении направления и методов языковой политики, заставив правительство ИНК пересмотреть изначально заложенный в Конституции план [Sharma, 2022, p. 154–155].

Наиболее наглядным примером служит индийский Юг, где борьба против хинди местами проявлялась в стремлении к сепаратизму [Annadurai, 1962]. Стоит отметить, что эти идеи сформировались в регионе ещё в начале XX в. на волне антибрахманского движения и подъёма национального самосознания в ходе антиколониальной борьбы, но именно после обретения независимости они получили наибольшее распространение. Реакцией центрального правительства на сепаратистские настроения стало ужесточение языковой политики – но оно же способствовало росту популярности этих настроений. В 1963 г. был принят Закон об официальном языке, который подтвердил полный переход на хинди с 26 января 1965 г. Можно считать, что этот закон был ответом наиболее радикально настроенным политикам из регионов. Кроме того, в 1964 г., после смерти Джавахарлала Неру, к власти пришло правительство Лала Бахадура Шастри, взявшее курс на решительное внедрение хинди.

Форсирование языковой политики после смерти Дж. Неру привело к резкому обострению языковой конфликтности. В 1965 г. – в год полного перехода на хинди – на территории южного штата Мадрас начались серьёзные волнения. Они всколыхнули также соседние штаты. Эта ситуация стала наглядной демонстрацией неэффективности текущей языковой политики.

В 1966 г. на смену правительству Л.Б. Шастри пришло правительство Индиры Ганди, которая восстановила гибкую линию Дж. Неру в языковой политике. Сопротивление в регионах, особенно на юге, вынудило власти отложить принятие хинди в качестве единственного языка делопроизводства. Это решение получило законодательное закрепление в 1967 г., когда в Закон об официальном языке от 1963 г. были введены поправки, значительно его смягчившие [*The official language*, 1967]. Пункт 3 законодательного акта содержит в себе два главных постановления:

1. принятие для штатов языка хинди больше не является обязательным, правительство отказывается от установки каких-либо сроков перехода на хинди;

2. предусматривается возможность использования хинди и английского в центральных и региональных государственных учреждениях, при этом указывается на недопустимость дискриминации сотрудников по причине недостаточного владения одним из языков.

Также, начиная с 1967 г., вся официальная документация, ведущаяся на хинди, должна была сопровождаться переводом на английский язык; аналогично, любые официальные документы на английском языке должны были сопровождаться переводом на хинди.

Поправки к Акту об официальном языке от 1967 г. существенно повлияли на общую иерархию языков в Индии. Именно с этого времени набирает престиж статус официально признанных языков 8-го приложения, т. к. поправки в большой степени уравняли их с официальным хинди [Sharma, 2015, p. 44].

Суть подхода, сформированного ИНК: мягко содействовать распространению хинди, избегая любых заявлений и мероприятий, которые могут быть расценены как насильственное внедрение языка и вызвать социальный протест. Именно этого подхода ИНК придерживался в период своего нахождения у власти до 1977 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФРОНТЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

В 1977 г. на фоне экономических проблем и дестабилизации положения в политических кругах закончилась так называемая «эра Конгресса». ИНК потерпел поражение на парламентских выборах, уступив место Национальному фронту – коалиционному правительству под руководством Джаната парти и Морарджи Десаи. Становится ясно, что одна доминирующая партия больше не сможет удерживать власть над всей Индией. Тем не менее первые коалиционные правительства были недолговечны. Причин этому было две. Во-первых, внутри коалиций не было единства в плане выбора пути развития. Во-вторых, на них возлагались большие ожидания по решению экономических и социальных проблем, которые стали очевидны в последние годы правления И. Ганди. Тем не менее способов быстрого и эффективного решения этих вопросов у коалиционных правительств не было.

В 1980–1989 гг. ИНК снова удалось прийти к власти в Дели: первое правительство вновь возглавила И. Ганди (1980–1984), второе – её сын Раджив Ганди (1984–1989). Но, несмотря на возвращение Конгресса к власти, ситуация в индийской политической сфере кардинально изменилась: в этот период характерными чертами политической жизни становятся соревновательность и альтернативность. Особую активность проявляла оппозиция. Национальные фронты играли значимую роль в политической жизни Индии вплоть до 1998 г. В это время правительства в Дели активно сменяли друг друга: коалиция во главе с В.П. Сингхом (1989–1990), затем – коалиция Ч. Сингха при поддержке Конгресса (1990–1991), конгрессистское правительство в главе с Н. Рао (1991–1996), краткое пребывание на посту премьер-министра А.Б. Ваджпаи в 1996 г., Объединённый фронт Деве Говда при поддержке ИНК (1996–1997) и недолгое правительство И.К. Гуджрала в 1997 г.

Поэтому период нахождения у власти ИНК в 1980–1989 гг. следует рассматривать именно в контексте его противостояния Национальным фронтам. Конкуренция со стороны оппозиции, каждый раз представленной разными коалициями, вынуждала ИНК сосредоточиться на наиболее насущных экономических проблемах страны, хотя партия старалась не упускать вопрос языка из вида.

В период существования Национальных фронтов решения правительства в отношении языка представляли собой косвенные следствия других принимаемых решений. Это касается, в частности, рабочего законодательства. Так, в изданном в августе 1980 г. постановлении, регулирующем права и условия труда внутренних мигрантов, отдельным пунктом значится, что наниматель обязан предоставить рабочим копию этого постановления, извещающего их об их правах, на языке хинди, английском языке, а также на языке, понятном большинству работников [*The Inter-State*, 1980]. То же требование, но касающееся техники безопасности и охраны здоровья, фигурирует в постановлении об условиях труда от 1998 г. [Sharma, 2022, p. 175, 178]. С 1993 г. водители опасных грузов должны уметь читать и писать по крайней мере на одном из языков 8-го приложения [*The Central Motor*, 1989]. Это решение напрямую влияло на жизнь водителей – знания английского языка было уже недостаточно.

Вопрос языка отразился и в юридической сфере – он активно использовался в качестве аргумента в судебных заседаниях. По закону, если при задержании обвинения не были предъявлены задержанному на понятном ему языке, то они должны быть сняты, а обвиняемый освобожден. Начало этой практики заложил ещё в 1969 г. прецедент Хадибандху Даса, штат Орисса, который был освобожден на основании того, что при задержании обвинения были предъявлены ему на английском языке, без перевода на язык ория [*Hadibandhu*, 1968]. В 1980 г. адвокат некоего Разии Умара Бакши сослался на этот прецедент. Р.М. Бакши освободили от заключения, поскольку ему не был предоставлен перевод обвинений с англий-

ского на родной язык [*Razia*, 1980]. Тот же сценарий повторился в 1989 г., когда обвинения были полностью сняты с некоего Рамкумара [*Ramkumar*, 1989].

В сфере экономики и бизнеса лидирующие позиции традиционно принадлежали английскому языку. Законодательные акты этого периода не исключают использования хинди и региональных языков, но не обязывают к этому [Sharma, 2022, p. 174]. В то же время при национализации компаний, которая всё ещё проводилась, для подачи заявления о получении выплаты заявитель должен был опубликовать его в местной газете на региональном языке [*The Hind Cycles*, 1980]. Это же касалось обновлений транспортного законодательства [*The Motor Vehicles*, 1988; *The Railway*, 1989].

Нестабильность центра предоставила штатам большую свободу в языковом вопросе. Примечателен, например, документ, опубликованный в 1989 г. Службой сельскохозяйственного маркетинга штата Пенджаб, согласно которому претендент не может занять должность в учреждении, не зная языка панджаби [*The Punjab*, 1989]. В 1950 г. при принятии официального языка высказывалось опасение, что незнание хинди не позволит жителям нехиндиязычных штатов занимать государственные и административные должности. Однако на местах ситуация выглядит обратной: невозможно занять должность без знания регионального языка.

Наконец, были предприняты шаги в области медиа и телекоммуникаций. С помощью радио и телевидения правительство рассчитывало способствовать быстрому и плавному распространению официального языка хинди, однако это лишь привело к недоступности теле- и радиоконтента для многих жителей страны. В конце концов правительство было вынуждено пойти на уступки: в 1979 г. основным национальным каналам было рекомендовано вводить субтитры на региональных языках, с середины 1980-х гг. каждое воскресенье они должны были транслировать лучшие региональные фильмы, а с 1990 г. каждый провайдер обязан был транслировать по крайней мере один канал на региональном языке [Sharma, 2022, p. 173]. Тем не менее хинди по-прежнему превалировал в сфере медиа – центральные правительства, кем бы они ни были представлены, выполняли возложенную на них Конституцией обязанность содействовать распространению хинди.

Отдельные попытки активизации языковой политики не увенчались успехом. Например, в 1986 г. Р. Ганди провёл кампанию по созданию по всей Индии школ Наводая с изучением языка хинди и возможностью преподавания на нём. Жители Тамилнаду, однако, организовали ряд протестных акций, в связи с чем программу пришлось свернуть. Кроме того, можно говорить о том, что ужесточения языковой политики не требовалось по статистическим данным. Начиная с 1971 г. скорость распространения хинди в процентном соотношении является самой высокой и стабильно увеличивается с каждым десятилетием, уступая лишь санскриту, который не является разговорным языком [*Census*, 2001].

Поэтому мероприятия языковой политики ограничивались лишь косвенными средствами. В период нестабильности, связанной со становлением новой для страны тенденции коалиционности, обострение языкового вопроса было крайне нежелательно.

Таким образом, в период пребывания у власти Национальных фронтов языковая политика утратила конкретную линию и ограничивалась лишь точечными, неструктурированными мероприятиями, которые не всегда оканчивались успехом.

ВРЕМЯ АЛЬЯНСОВ: РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В 1990-е – НАЧАЛЕ 2000-х гг.

После того, как коалиционность прочно вошла в политическую жизнь Индии, встал вопрос о формировании крупных жизнеспособных коалиций во главе с наиболее силь-

ными общеиндийскими партиями, каковыми стали Конгресс и Бхаратия Джаната парти. Уже в 1990-х гг. они активно влияли на результаты выборов как в центральном правительстве, так и в регионах. Окончательное оформление коалиционность получила после образования Национально-демократического альянса (НДА) во главе с БДП (1998 г.) и, в противовес ему, Объединённого прогрессивного альянса (ОПА) во главе с ИНК (2004 г.).

Языковая политика становится частью идеологической системы каждого из блоков. Политику этого периода можно сравнить с политической деятельностью ИНК до массовых протестов 1965 г. в том отношении, что определяющую роль играет идеологическая установка. Однако после обретения независимости ключевым элементом идеологии ИНК была самостоятельность индийского государства – как в политическом и экономическом, так и в социокультурном смысле. После ухода колониальной администрации подобный посыл был жизненно необходим для укрепления молодой страны. Однако в конце XX в. Индия представляет из себя уже окрепшее государство с чётко оформившейся административной системой. Основной вопрос для партийных блоков – не сплочение населения, а завоевание голосов на выборах.

Кроме того, на внутренние процессы в Индии не могла не оказать влияния меняющаяся внешнеполитическая обстановка: в 1991 г. произошло крушение биполярного мира. Эти обстоятельства повлияли на ориентацию ведущих политических организаций и расстановку сил. При этом интенсификация контактов со множеством стран вызвала повышение популярности партий, которые выступали за сохранение индийской культуры и самобытности.

Впервые Бхаратия Джаната парти смогла сформировать своё правительство в 1996 г., однако усиление её влияния в политической жизни Индии началось после нового прихода к власти А.Б. Ваджпаи в 1998–2004 гг.

Уже в первый свой недолгий срок на посту премьер-министра в 1996 г. Атал Бихари Ваджпаи высказывался за полный переход на хинди центрального правительства и активно использовал официальный язык в своей деятельности. Его приход к власти в 1998 г. на полный срок символизирует оформление двух наиболее влиятельных сил на политической арене Индии: Индийского национального конгресса, с одной стороны, и Бхаратия джаната парти – с другой.

В 2004–2014 гг. власть снова перешла правительству ИНК. Партия не изменила своему осторожному подходу к языковому вопросу. В манифестах 1998, 1999 и 2004 гг. ИНК избегает прямого упоминания мероприятий языковой политики, делая акцент на поддержке меньшинств, в том числе языковых [Чуприна, 2012, с. 295].

В рамках своей деятельности в этот период правительство ИНК действительно добилось создания организаций и институтов, среди которых – образовательные учреждения, фонды и Министерство по делам меньшинств [Чуприна, 2012, с. 296]. Кроме того, важной частью деятельности партии стала модернизация лингвистической иерархии, которая до 2004 г. состояла из официальных и официально признанных языков 8-го приложения. Правительство ИНК вводит новый статус – классический. За время пребывания Конгресса у власти его получили 6 языков, из которых 4 – дравидские языки Юга Индии. Речь идёт о языках тамили, санскрит, телугу, каннада, малаялам и ория. Классический статус предполагает определённые привилегии для носителей этих языков и соответствующих штатов, что делает его скорее социально-экономическим и политическим, чем культурным феноменом [Venkatachalapathy, 2009, p. 13]. Введение этого статуса завершило оформление иерархической структуры индийских языков.

ЛИНИЯ БДП В 2014–2024 гг.: ПОДДЕРЖКА ИНДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ И САНСКРИТИЗАЦИЯ

Активизация мероприятий языковой политики произошла после нового прихода к власти БДП и премьер-министра Нарендры Моди в 2014 г. Стратегия, избранная этим правительством, нацелена на активное распространение официального языка, однако имеет ряд особенностей по сравнению с ранней политикой ИНК, направленной на те же цели.

Примечательна цикличность идеологии. Партия использует идею единой и неделимой Индии, которая была на пике популярности непосредственно после обретения независимости. Таким образом, подразумевается, что за время своего правления Конгресс отошёл от этой изначальной идеи, в то время как БДП намерена её возродить и всячески поддерживать.

В вопросе языковой политики БДП решительно выступает за отказ от английского языка и упирает на развитие и равенство индийских языков при главенстве хинди и санскрита. Можно сказать, что БДП воплотила в жизнь те положения Комиссии по языку 1955 г., которые рекомендовали начинать преобразования с центрального правительства. После окончательного закрепления в качестве правящей партии в 2014 г. БДП начала активный перевод на хинди всей административной документации.

Процесс построения индийской идентичности в республике идёт до сих пор, однако правящая партия уже не продвигает столь активно идею общего языка как одной из основ идентичности. Вместо этого в изменившейся социальной и политической обстановке они делают акцент на индуизм как религию, общую для 80% населения Индии, и санскрит, который является языком сакральных текстов индуизма. Из этого закономерным образом вытекает рекомендация изучать хинди. Языковая политика проводится мягко: делается акцент в первую очередь на равноценность и значимость всех индийских языков, среди которых хинди выделяется как наследник санскрита.

В рамках этой политики заметен переход центрального правительства от противопоставления хинди как одного общеиндийского языка английскому к противопоставлению всех индийских языков английскому. Такая постановка вопроса в определённой степени сглаживает противопоставление хинди как официального языка другим языкам Индии и позволяет распространять его более дипломатичным путём. Правительство работает в первую очередь не на «хиндиизацию» в режиме конвейера, а на ослабление неприятия к языку хинди у нехиндиязычного населения.

При этом следует отметить, что политика «санскритизации» и «хиндиизации» не увязывается напрямую с политикой так называемой «хиндутвы» – созданием преференций для приверженцев индуизма. Хиндутва как идеология берёт начало в риторике радикальных проиндусских организаций и подразумевает превосходство индусской культуры, нации и государства, при этом конфессиональная идентичность индусов закладывается в основу чувства национальной принадлежности и национального строительства [Hasan, 2025, p. 54]. Эти принципы сыграли немалую роль в формировании идеологии БДП. Пребывая у власти, партия ставит хиндутву в основу политического курса страны.

Однако в языковом вопросе осуществление этой политики на практике сталкивается со значительными трудностями. Реальная политическая деятельность требует гибкости, вследствие чего можно говорить об отходе БДП от наиболее радикальных принципов этой идеологии. С другой стороны, сам по себе индуизм не подразумевает лингвистической унификации: его исповедуют как в хиндиязычном поясе, так и за его пределами, в нехиндиязычных регионах, потому прямая ассоциация языковой политики с политикой конфессио-

нальной невозможна. Представляется, что хиндиизация регионов и хиндутва – две разные линии в политике партии, которые, где-то пересекаясь, не являются связанными напрямую.

Важным мероприятием, проведённым правительством Н. Моди, стало принятие Национальной Образовательной Политики 2020 (*NEP* 2020). В рамках НЭП подчёркивается значимость изучения и развития всех индийских языков, но санскриту уделяется особое внимание. Программа нацелена на расширение знаний учащихся о языках Индии, включая языки различных семей, племенные языки и санскрит – при этом подчёркивается единство страны, в том числе языковое. Санскрит позиционируется в первую очередь как «важный современный язык» [*NEP*, 2020]. Предпринимаются шаги и по развитию региональных языков: предусматриваются инвестиции в преподавательские кадры, двусторонние соглашения между штатами о найме учителей, использование современных технологий для обучения языкам. При правильной реализации эти мероприятия могут быть эффективны в достижении равенства индийских языков [Sharma, Sarangi, 2022, p. 14].

В этой связи привлекают внимание дотации, выделяемые на развитие санскрита. Такие вопросы возникают в том числе у региональных исследователей. Например, Ч. Лал ставит под сомнение сам по себе статус санскрита среди 22 официально признанных индийских языков: численность его официально зарегистрированных носителей составляет лишь около 14 тысяч, что представляет собой существенный отрыв от остальных языков, перечисленных в 8-м приложении. И чем больше языков включаются в приложение, тем ниже в списке опускается санскрит. В то же время, как указывает автор, из 5,7 млрд рупий, выделяемых на развитие языков из государственного бюджета, 4,2 млрд выделяются на 21 язык из списка, и 1,5 млрд – на развитие «разговорного санскрита» [Lal, 2014]. Эти данные свидетельствуют о несбалансированном процентном соотношении между количеством говорящих на языке и выделением бюджетных средств на его развитие, притом что штаты Юга и Северо-Востока Индии активно сопротивляются внедрению санскрита, а в тех регионах, где он вводится в культурную и образовательную сферу, этот язык часто преподаётся специалистами без должной квалификации [Sekar, 2025, p. 303].

Какого бы мнения относительно языкового вопроса ни придерживались Бхаратия Джаната Парти и её союзники, но им приходится считаться с трудностями при распространении хинди на всю территорию страны. Однако, в отличие от Конгресса, который решил проблему этнолингвистической конфликтности путём сохранения английского языка, БДП старается снизить эту конфликтность через поддержку региональных индийских языков. В то же время противостояние этих языков между собой за место в иерархии сохраняется. Показательным является придание классического статуса ещё 5 индийским языкам в 2024 г. – через 10 лет после того, как этот статус присваивался в последний раз.

Таким образом, разные правительства придерживались разных подходов в языковой политике, но магистральная линия оставалась неизменной: распространение официального языка хинди и смягчение этнолингвистической конфликтности. Поставленных целей удавалось добиться не всегда: правящим партиям приходилось считаться с региональными силами, которые с каждым десятилетием начинали играть всё более значимую роль в общеиндийской политике. Можно сделать вывод, что сейчас, в период коалиционности и альянсов, их влияние велико как никогда. А языковая политика партии-лидера коалиции зачастую вынуждена учитывать интересы союзников по альянсу в этом вопросе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Чуприна М.В. Языковая политика в Республике Индия. *Знание. Понимание. Умение*. 2012. № 2. С. 293–297 [Chuprina M.V. Language Policy in the Republic of India. *Knowledge. Understanding. Skill*.

2012. No. 2. Pp. 293–297 (in Russian)]. https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-v-respublike-indiya (accessed: 19.01.2026).

Шуванникова Е.М. Языковая политика Индии в отношении малых языков (на примере языка куллуи). *Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых»*. М.: Институт языкознания РАН, Канцлер, 2017. С. 352–363 [Shuvannikova E.M. Language Policy in India towards Minor Languages (Case of Kullui Language). *Language Problems: A Collection of Research Papers Based on the Proceedings of the 5th Conference School "Language Problems: A Young Scientist's View"*. Moscow: Institute of Linguistics RAS, Kantsler, 2017. Pp. 352–363 (in Russian)].

Annadurai C.N. Dravida Nadu (1962). *The Penguin Book of Modern Indian Speeches, 1877 to the Present*. R. Batabyal (ed.) New Delhi: Penguin Books, 2007. Pp. 693–695.

Bharat ka Samvidhan. *The Constitution of India, as on 1st May, 2024.* Government of India. Ministry of Law and Justice. Legislative department. https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s380537a945c 7aaa788ccfcdf1b99 b5d8f /uploads/2024/07/20240716890312078.pdf (accessed: 15.01.2025).

Census of India 2001, paper 1 of 2007: Language. Office of the Registrar General. New Delhi, 2007.

Delican, D.D.M. The Language Policy of India. *Istanbul Journal of Sociological Studies*. 2011. Pp. 121–130.

Hadibandhu Das vs District Magistrate, Cuttack & Anr on 2 May, 1968. https://indiankanoon.org/doc/1033283/ (accessed: 11.01.2026).

Hasan Abu. 'Hindutva': Political Narrative in India and its Implication for South Asia. *The Informal: South Asian Journal of Human Rights and Social Justice*. 2025. No. 2. Pp. 53–65.

Lal Ch. The Status of Indian Languages and imbalances in their Academic Studies. *Conference: Presented in CUP Bathinda on World Hindi day.* 2014. https://www.researchgate.net/ publication/262843168_The_Status_of_Indian_Languages (accessed: 14.12.2025).

NEP. National Educational Policy 2020–2030. Ministry of Human Resource Development, Government of India, 2020.

President's order, 1960. https://rajbhasha.gov.in/en/presidents-order-1960 (accessed: 14.12.2025).

Ramkumar vs Union of India (Uoi) on 14 September, 1989. https://indiankanoon.org/doc/1218755/ (accessed: 11.01.2026).

Razia Umar Bakshi vs Union of India and Ors on 23 June, 1980. https://indiankanoon.org/doc/1376161/ (accessed: 11.01.2026).

Report of the official language commission. 1956. New Delhi, 1957.

Sekar J. Rethinking the Three-Language Formula in Plurilingual India: Towards a Pragmatic Bilingual Model. *Journal of Global Research in Education and Social Science*. 2025. No. 19. Pp. 299–312.

Sharma A. Language conflicts, dominance and linguistic minorities in India. *Dominated Languages in the 21st Century: Papers from the International Conference on Minority Languages XIV.* 2015. https://www.academia.edu/38117725/Language_conflicts_dominance_and_linguistic_minorities_in_India (accessed: 12.01.2026).

Sharma A. Power and Language Policies in India. *Reconceptualising Power in Language Policy*. 2022. Pp. 145–184.

Sharma A, Sarangi A. Language Policy and Federalism in Independent India. *Forum of Federations, Occasional Paper Series*. 2022. No. 58.

The Central Motor Vehicles Rules. 1989. https://indiankanoon.org/doc/28072254/ (accessed: 11.01.2026).

The Dakshina Bharat Hindi Prachar Sabha Act. Government of India. Ministry of Law and Justice. Legislative department. 1964. https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/1447/2/A1964-14.pdf (accessed: 14.12.2024).

The Hind Cycles and Sen-Raleigh Limited (Nationalisation) Act. 1980. https://indiankanoon.org/doc/97702872/ (accessed: 11.01.2026).

The Inter-State Migrant Workmen (Regulation of Employment and Conditions of Service) Central Rules. 1980. https://indiankanoon.org/doc/167189092/ (accessed: 17.01.2026).

The Motor Vehicles Act. 1988. https://indiankanoon.org/doc/785258/ (accessed: 11.01.2026).

The official language (Amendment) Act. Government of India. Ministry of Law and Justice. Legislative department. 1967. https://www.indiacode.nic.in/repealedfileopen?rfilename=A1968-1.pdf (accessed: 14.12.2024).

The Punjab State Agricultural Marketing Board (Class III) Service Rules. 1989. https://indiankanoon.org/doc/32730966/ (accessed: 11.01.2026).

The Railways Act. 1989. https://indiankanoon.org/doc/1022405/ (accessed: 11.01.2026).

Venkatachalapathy A.R. The 'Classical' Language Issue. *Economic & Political Weekly.* 2009. No. 44. Pp. 13–15.

Windmiller M. Linguistic Regionalism in India. *Pacific Affairs*. 1954. Vol. 27. No. 4. Pp. 291–318. http://www.jstor.org/stable/2753073 (accessed: 15.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЦАБИНА Валерия Александровна – аспирант, кафедра истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Valeriya A. TSABINA, Postgraduate Student, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

DOI: 10.31696/S086919080038776-0

САУДОВСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЙЕМЕНА (2015–2025)

© 2026

Е.С. МЕЛКУМЯН [a]

[a] – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8901-2259; g.kosach@mail.ru

Резюме: *Статья посвящена рассмотрению особенностей политического курса Саудовской Аравии в отношении Йемена, являющегося соседним государством с очень протяжённой границей. Была поставлена задача изложить официальную саудовскую точку зрения на то, как строилась политика в отношении Йемена, какие цели она преследовала, и какие факторы оказывали на неё влияние. Во введении автор попытался дать представление саудовских исследователей о значении Йемена для Саудовской Аравии, что определяло выработку внешнеполитической линии в отношении этой страны. В статье исследуется, главным образом, саудовская политика в период проходившей в Йемене гражданской войны. Автор сосредоточился на временном отрезке с 2015 по 2025 г., когда Саудовская Аравия активизировала свою политику и стала применять различные методы для её реализации. В 2015 г. Саудовское королевство начала военную операцию в Йемене, возглавив созданную для этой цели арабскую коалицию. Применение военной силы, как это следует из официального саудовского дискурса, носило легитимный характер на том основании, что законно избранное йеменское правительство обратилось к Саудовскому королевству с просьбой оказать ему военную поддержку для удержания своей власти. Неудача военной операции заставила саудовский политический истеблишмент вернуться к использованию политико-дипломатических методов. Автор уделил внимание осложнению отношений между Саудовской Аравией и ОАЭ – традиционными союзниками, политика которых в Йемене была направлена на не совпадающие друг с другом цели. Саудовское государство активизировало и использование такого традиционного инструмента своей внешней политики, как предоставление экономической и гуманитарной помощи Йемену. В статье дается подробное изложение того, как менялся объем помощи в различные периоды развития йеменского кризиса, её формы и направления. Автор приходит к выводу о том, что саудовская политика определялась прежде всего стремлением обеспечить свою национальную безопасность.*

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Йемен, внешняя политика, военная сила, дипломатия, помощь

Для цитирования: Мелкумян Е.С. Саудовская политика в отношении Йемена (2015–2025). *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 72–81. DOI: 10.31696/S086919080038776-0

SAUDI POLICY TOWARDS YEMEN (2015–2025)

© 2026

Elena S. MELKUMIAN [a]

[a] – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8901-2259; g.kosach@mail.ru

Abstract: *The article looks into the specifics of Saudi Arabia's political course towards Yemen. The task was set to present the official Saudi point of view on how this policy was built, what goals it pursued, and what main factors influenced it. In the introduction, the author presents ideas of Saudi scholars about the significance of Yemen for Saudi Arabia. The article examines Saudi policy during the civil war in Yemen and over the period when active fighting was terminated, but the fight between different political powers continued. The author focused on the period from 2015 to 2025, when Saudi policy was intensified and various methods were used to implement it. In 2015, the Saudi Kingdom began a military operation in Yemen. The use of military force, as follows from the official Saudi discourse, was legitimate on the grounds that the legally elected Yemeni government asked the Saudi Kingdom to provide military support to maintain its power. The failure of the military operation forced the Saudi political establishment to return to the use of political and diplomatic methods. The author paid attention to the complications in Saudi –Emirates relations, whose policies in Yemen were aimed at divergent goals. The Saudi state has also intensified the use of a traditional instrument of its foreign policy – providing economic and humanitarian assistance to Yemen. The article provides a detailed description of how the volume of assistance changed its forms and directions.*

Keywords: Saudi Arabia, Yemen, foreign policy, military force, diplomacy, assistance

For citations: Melkumyan E.S. Saudi Policy towards Yemen (2015–2025). *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 72–81. DOI: 10.31696/S086919080038776-0

ВВЕДЕНИЕ

Саудовская Аравия и Йемен – соседние арабские страны, расположенные на Аравийском полуострове. Йемен имеет выход к Индийскому океану и Красному морю, и его географическое положение позволяет ему контролировать Баб-эль-Мандебский пролив, что имеет принципиальное значение для сохранения региональной безопасности и свободе передвижения товаров на мировые рынки. Этот фактор учитывается Саудовским королевством при разработке своей стратегии в отношении Йемена. Йемен всегда был в числе внешнеполитических приоритетов Саудовского королевства, так как нарушение его внутриполитической стабильности воспринималось как угроза собственной национальной безопасности.

Саудовский журналист и аналитик Абдель Рахман Ар-Рашид полагает, что «существует только одно государство, оказывающее преимущественное влияние на Йемен, это – Саудовская Аравия». Он выделяет два фактора, которые определяют такое положение: во-первых – географический. Действительно, Саудовская Аравия и Йемен имеют очень протяженную границу. Второй фактор – демографический. Как отмечал Ар-Рашид, «более двух миллионов йеменцев проживают в Королевстве». Он добавляет: «Они представляют собой жизненно важную артерию для своей страны, и эти особые отношения будут продолжаться еще десятилетия. Это постоянные и непреходящие реалии во внутренних и внешних отношениях Йемена» [Al-Rashid, 2025]. Немаловажное значение при определении саудовского курса в отношении Йемена имел и тот факт, что часть населения обеих стран происходит из одних и тех же племен. Эти родственные связи могли быть использованы в интересах саудовского государства или противоречить им. Глава Gulf Research Center Абдель Азиз Ас-Сагер так охарактеризовал значимость Йемена для его страны: «Королевство придаёт большое значение Йемену не только как соседу, но и из-за многочисленных связей и прочных социальных отношений, включая близость обычаев и традиций двух народов» [Al-Sager, 2026].

Саудовский политический истеблишмент осознавал, что отношение к саудовской политике в Йемене далеко не однозначное. В коллективной памяти йеменского населения сохранилось воспоминание о насильственном присоединении в 1934 г. саудовцами исконных йеменских территорий Асир, Джизан и часть Неджрана.

Другим историческим событием, наложившим негативный отпечаток на йеменское отношение к политике Саудовской Аравии, была поддержка, оказанная ею йеменскому имаму Мухаммеду Аль-Бадру после переворота, приведшего к его свержению и установлению республиканского режима. Саудовский политический истеблишмент доказывал, что оказание помощи сторонникам свергнутого имама было вынужденным, вызванным вмешательством Египта и его отказом решить проблему мирным путем. Саудовцы настаивали на том, что «они оказывали только финансовую помощь». Эта точка зрения поддерживается и саудовскими исследователями. В соответствии с интерпретацией саудовского специалиста Джамиля Аль-Худжейлана, Египет немедленно после военного переворота в Йемене ввел свои войска и применил авиацию. Фейсал бен Абдель Азиз, правивший Саудовским королевством в тот период, был против вмешательства в дела Йемена, считая, что «революция в Сане – это ключ будущей революции в Королевстве Саудовская Аравия». Король Фейсал пытался заставить египетского президента Гамаль Абдель Насера понять, что военный переворот в Йемене, это «переворот на границах его страны, и что саудовские опасения имеют законный характер» [Al-Hudjeilan,2007, p. 332–334].

Отказ Королевства присоединить Йемен к созданной в 1981 г. региональной организации Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) был воспринят негативно не только представителями власти, но и широкими слоями йеменского социума. Йеменцы считали, что нежелание саудовской элиты включить их в состав регионального объединения арабских государств, подрывает их возможности ускорить экономическое развитие и добиться благосостояния.

ПРИМЕНЕНИЕ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ

Традиционно саудовская внешнеполитическая стратегия строится на использовании дипломатии и установлении политических связей со своими партнёрами. Йемен не был исключением. Однако любое серьёзное обострение ситуации в Йемене воспринималось в Саудовском королевстве как угроза их собственной безопасности. Саудовская Аравия применила вооруженную силу в 1994 г., после объединения Северного и Южного Йемена в 1990 г. и окончания гражданской войны, когда был поднят вопрос о разграничении границ. В конце декабря 1994 г. произошли вооружённые столкновения в пограничных районах. Саудовские вооружённые силы, оснащённые танками и бронетранспортерами, вторглись на территорию Йемена, и продвинулись на 70 км [Мелкумян, 2008, с. 41]. Переговоры между правительствами двух стран привели к прекращению огня и постепенному урегулированию конфликта, касающегося прохождения границы. Между странами были подписаны Меморандум о взаимопонимании (1995), соглашение о сотрудничестве в области безопасности (1996), и соглашение относительно делимитации сухопутной и морской границ (2000).

В начале 2000-х гг. активизировались вооружённые действия со стороны Движения хуситов (Ансар Алла). Между правительственными войсками и вооруженными формированиями хуситов в 2004–2009 гг. произошли шесть крупных вооружённых столкновений (в Йемене их называют войнами). В течение ноября и декабря 2009 г., а также в начале 2010 г. происходили проникновения отрядов хуситов на саудовскую территорию на юге Королевства. Борьба с США была одной из главных целей хуситов, поэтому для них

Саудовская Аравия как стратегический американский союзник на Ближнем Востоке воспринималась в качестве противника.

Хуситские лидеры оправдывали нападения на Саудовскую Аравию тем, что саудовские власти с начала вооружённого конфликта дали разрешение правительственным вооруженным силам использовать их территорию, а саудовские ВВС оказывали им огневую поддержку [Боков, 2023, с. 240]. Отразить нападения саудовским вооружённым силам не удавалось. Причиной этого было то, что «относительно боеспособные военно-воздушные силы королевства были малоэффективны в условиях сложного рельефа против мобильных отрядов хуситского движения, а саудовские сухопутные войска были откровенно слабы. Вернуть территории саудитам удалось с помощью иорданского спецназа» [Brandt, 2017, p. 310].

Как отмечал Г.Г. Косач, саудовский король Абдалла бен Абдель Азиз заявлял, что его страна отражает агрессию ради того, чтобы вернуть истинный смысл мусульманской веры [Косач, 2010, с. 53–54]. Действия саудовского королевства российский исследователь также объяснял тем, что «складывавшаяся в Йемене ситуация несла угрозу дестабилизации в юго-западных регионах Саудовской Аравии – Асире и Неджране, где компактно сконцентрированы шиитские меньшинства (исмаилиты, и в меньшей степени, зейдиты) [Косач, 2021, с. 140].

В феврале 2011 г. начались массовые акции протеста против правившего президента Али Абдаллы Салеха. Йеменские силы безопасности применили силу, погибло 52 демонстранта [Bennett, 2013]. Саудовская Аравия выступила с предложением принять меры для урегулирования йеменской ситуации. Была разработана Инициатива ССАГЗ, которая была принята на чрезвычайном совещании министров иностранных дел стран-членов в Эр-Рияде 10 апреля 2011 г. Она предусматривала передачу власти от президента Али Абдаллы Салеха, правившего страной 33 года, вице-президенту Абдураббо Мансуру Хади. Инициатива была поддержана Лигой Арабских Государств, всеми пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН и Европейским Союзом и вступила в силу 23 ноября 2011 г.

Для её реализации был разработан Transitional Implementation Plan, предусматривавший двухлетний период, когда должны были быть осуществлены реформы, касающиеся военных вопросов, борьбы с коррупцией и племенными распрями, в 2012 г. должны были быть проведены выборы в парламент. Это было необходимо для того, чтобы объединить все политические, социальные и региональные силы, всех граждан – мужчин, женщин, молодежь, чтобы совместно разработать текст новой конституции, на основе которого должны были в 2014 г. состояться муниципальные, парламентские и президентские выборы предусматривалось проведение Национального диалога. Широкое участие в делах Йемена было основано на уверенности Саудовской Аравии в том, что «Йемен начинает угрожать их (стран Залива. – *Е.М.*) безопасности и их экономическим интересам» [Bennett, 2013]. Многие страны принимали участие и в оказании финансовой поддержке этому уникальному международному проекту [Серебров, 2015, с. 309].

Выполнение пунктов, предусмотренных в «Инициативе стран Залива», прекратилось в сентябре 2014 г., когда Движение хуситов, объединившись с вооруженными силами бывшего президента Али Абдаллы Салеха, в конце 2014 г. захватило г. Сану и значительную часть страны. Президент Абдураббо Мансур Хади бежал в Аден, а затем покинул страну и получил убежище в Саудовской Аравии, обратившись к государствам ССАГЗ с просьбой об оказании военной помощи.

В 2015 г. Саудовская Аравия создала так называемую Арабскую коалицию и начала вооружённые действия в Йемене. В них активное участие принимала только одна страна ССАГЗ – Объединенные Арабские Эмираты.

В 2015 г. на трон вступил новый король – Сальман бен Абдель Азиз Аль Сауд. Его сын, будущий наследный принц Мухаммед бен Сальман, занял пост министра обороны и стал курировать проведение военного вторжения в Йемен.

Отношение саудовской правящей элиты к военной интервенции в Йемене было изложено саудовским государственным деятелем, дипломатом, членом королевской семьи Турки Аль-Фейсалом: «Игнорирование фактов, которые объясняют причины и обстоятельства вторжения королевства в Йемен, и попытки возложить на него ответственность за страдания йеменцев, противоречат реальности и искажают намерения королевства. Поддержка законности в Йемене королевством и его союзниками была направлена на защиту его безопасности и стабильности. Хотя эта поддержка осуществлялась военным способом, Саудовская Аравия не находилась в состоянии войны с Йеменом и не вела против него военных действий. Она приняла миллионы йеменцев, оказывала поддержку развитию и предоставила гуманитарную помощь на сумму свыше миллиарда долларов с 2015 г. Ответственность за продолжение страданий йеменцев лежит на хуситах и их иранских хозяевах, которые нарушили йеменский консенсус начать национальный диалог, руководствуясь отнюдь не интересами Йемена» [Turki, 2019].

Военные действия саудовцев не принесли ожидаемых результатов. Несмотря на все попытки, предпринимавшиеся посредниками, добиться прекращения огня долгое время не удавалось. Хуситы продолжали контролировать экономически значимую часть страны.

Саудовская Аравия продолжала участвовать в военном противостоянии правительственных войск с хуситами с разной степени интенсивности вплоть до апреля 2022 г., когда между ними было подписано соглашение о временном прекращении огня. В том же месяце президент Абдураббо Мансур Хади передал власть Президентскому руководящему совету (ПРС), состав которого был утвержден в Эр-Рияде.

Военные действия в Йемене фактически прекратились, однако, достижения полного урегулирования конфликта достигнуто не было.

ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

Потерпев военную неудачу, саудовский политический истеблишмент вернулся к применению политико-дипломатических методов, рассчитывая на то, что с помощью участия в переговорах с различными политическими силами, и оказывая поддержку Президентскому руководящему совету, удастся добиться в Йемене стабильности.

Установив непрямые контакты с хуситами в сентябре 2022 г., саудовское политическое руководство пыталось найти приемлемое для всех сторон решение. При восстановлении дипломатических отношений с Ираном в марте 2023 г. саудовские переговорщики, по-видимому, потребовали от иранской стороны, в качестве одного из условий заключения соглашения о нормализации, оказать давление на своих союзников – хуситов, чтобы те пошли на окончательное прекращение военных действий.

В апреле 2023 г. Саудовская Аравия освободила 104 пленных-хуситов. По заявлению официального представителя Арабской коалиции Турки Аль-Малики: «Этот жест должен побудить противоборствующие стороны поддержать дальнейший обмен пленными и окончательно закрыть это досье в соответствии с исламскими ценностями, гуманитарными принципами, арабскими традициями и международным гуманитарным правом» [Arab Coalition, 2023].

Саудовский политический истэблишмент поддержал мирный план, выдвинутый ООН в апреле 2023 г. Согласно этому предложению, необходимо было прежде всего достичь полного прекращения огня на всей национальной йеменской территории. Предполагалось

также обеспечить свободный доступ ко всем сухопутным, воздушным и морским путям сообщения и отменить любые ограничения на передвижение с тем, чтобы создать условия для нормальной жизни, как в районах, контролируемых правительством, так и в районах, контролируемых хуситами. Конфликтующие стороны должны были завершить процесс обмена пленными и предпринять шаги, направленные на создание атмосферы доверия между ними. Для улучшения экономической ситуации предлагалось создать специальную комиссию, которая бы контролировала деятельность центрального банка. После этого, стороны должны приступить к прямым переговорам с тем, чтобы совместно определить будущее устройство государства и подготовить переходный процесс. План также предусматривал проведение экономических реформ при поддержке Саудовской Аравии. Они должны быть разработаны комитетом в составе главы Президентского руководящего совета, премьер-министра йеменского правительства и саудовских экспертов [New,2023]. Этот план был обсужден саудовскими официальными лицами с Рашидом Аль-Алими, председателем Президентского управляющего совета, с которым они поддерживали постоянные контакты. Саудовская политика в Йемене была направлена на снижение напряжённости и укрепление позиций сил, проявлявших лояльность по отношению к Саудовскому королевству.

30 декабря 2025 г. саудовская авиация нанесла удар по порту Мукалла, расположенному в южной провинции. Как заявили официальные саудовские лица, было атаковано судно из ОАЭ, которое перевозило оружие и военную технику Южному переходному совету (ЮПС), борющему за отделение Южного Йемена и создание независимого государства.

Значительные проблемы в отношениях между Саудовской Аравией и ОАЭ определяются различиями в их стратегии в Йемене. Как отмечал известный западный аналитик Джорджио Кафиеро, «Саудовская Аравия сосредоточилась на борьбе с повстанцами-хуситами, сохраняя при этом единство Йемена между севером и югом, в то время как ОАЭ постепенно снизили приоритет борьбы с “Ансар Аллах” (хуситами) в пользу поддержки СТК (Southern Transitional Committee) и других южных сепаратистских группировок, представляющих экзистенциальную угрозу единому йеменскому государству» [Cafiero, 2026]. Хотя ОАЭ не участвовали в военных действиях в Йемене, начиная с с 2019 г., однако они сохранили тесные связи с сепаратистскими группировками юга, что позволяло им контролировать расположенные там порты и инфраструктуру, а также иметь доступ к некоторым военным объектам. ОАЭ оказывали не только политическую, но и военную поддержку ЮПС, и имели постоянные контакты с его главой Айдарусом Аз-Зубейди.

Усиление активности ОАЭ произошло в тот период, когда ЮПС осуществляли успешное вооруженное наступление, взяв под свой контроль важнейшие, с точки зрения их экономического потенциала, провинции Хадрамаут и Махра. ЮПС планировал добиться создания независимого государства Южная Аравия со столицей в г. Аден после истечения двухлетнего переходного периода. Вмешательство Саудовской Аравии было обусловлено тем, что Хадрамаут имеет с ней протяженную границу и военные действия там для нее крайне нежелательны. Эль-Махра имеет выход к Индийскому океану, и Королевство планировало построить через её территорию нефтепровод, который соединил бы её Восточную провинцию с океаном, что позволило бы осуществлять часть нефтяных поставок, минуя Ормузский пролив, судоходство через который постоянно угрожал перекрыть Иран.

ЮПС отказался от переговоров с Саудовской Аравией, что спровоцировало её удар по йеменской территории. Эмираты в этой ситуации предпочли пойти на урегулирование отношений со своим давним союзником. ЮПС также вынужден был пойти на компромисс, после того, как потерпел поражение в столкновениях с войсками, подчинявшимися Президентскому совету. Большая часть членов ЮПС согласилась с решением его руководства о самороспуске. Свою дипломатическую победу Саудовская Аравия попыталась

закрепить в ходе дальнейших контактов с различными политическими силами, в том числе близкими к ОАЭ группировками на юге Йемена. Саудовский министр обороны Халед бен Сальман провел в Эр-Рияде совещание, в котором приняли участие многие высокопоставленные лица, представлявшие различные политические силы южан.27 декабря 2025 г. Халед бен Сальман обратился с воззванием к йеменскому народу, призывая все стороны отказаться от бессмысленной конфронтации. Он предложил выступить посредником и гарантом политического урегулирования йеменского кризиса [How, 2026]. Саудовские политические усилия были направлены на восстановление единства Йемена, для чего необходимо было добиться объединения всех сил юга, а также договориться с хуситами.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ

Одним из ключевых инструментов саудовской политики в Йемене было предоставление различных видов помощи. Он использовался и как средство давления на йеменские власти в тех случаях, когда йеменские действия шли вразрез с саудовскими интересами. Так, в 1990 г. предоставление саудовской помощи было прекращено после того, как йеменское правительство фактически встало на сторону Саддамовского Ирака, совершившего агрессию против Кувейта – партнера Саудовской Аравии по Совету сотрудничества. Помощь предоставлялась также с целью не допустить ухудшения экономического положения в Йемене, грозившего дестабилизацией внутриполитического положения, что могло привести к осложнению ситуации в соседней Саудовской Аравии.

Саудовская финансовая помощь была одной из важных доходных статей государственного бюджета, просаудовски настроенные деятели назначались на различные высокие должности в стране, включая и министерские, многочисленные шейхи племен получали денежные пособия в обмен на лояльность Саудовской Аравии [Боков, 2023, с. 77].

Военная интервенция коалиции, возглавляемой Саудовской Аравией, привела к блокаде импорта, разрушению плотин и других гидротехнических сооружений. В стране возникла нехватка продовольствия, питьевой воды и лекарств. Положение мирных жителей Йемена постоянно ухудшалось. В 2015 г. ООН назвала положение в Йемене тягчайшим гуманитарным кризисом. Правозащитные организации предъявляли Саудовской Аравии претензии, обвиняя её в усугублении гуманитарного кризиса. Международное сообщество осуждало саудовскую военную интервенцию. Критика стала звучать со стороны целого ряда стран, в том числе США. В этот период саудовская помощь Йемену носила главным образом гуманитарный характер.

В 2015 г. был создан специальный фонд для оказания помощи зарубежным странам – King Salman Relief and Aid Fund (KSrelief). Через него с 2015 по 2017 г. Саудовское королевство предоставило Йемену гуманитарную помощь на сумму 840 млн долл. Саудовские официальные представители заявляли, что через KSrelief была оказана поддержка 17 млн йеменцев, не только тем, кто оставался в стране, но и беженцам. Помимо гуманитарной поставок, Саудовская Аравия оказывала поддержку осуществлению проектов развития, а также помогала нормальному функционированию йеменской банковской системы. Общая сумма помощи за этот период составила 8,9 млрд долл. Причем, KSrelief предоставлял помощь во все районы страны, включая те, которые контролировались отрядами хуситов [*Saudi Arabia and the Yemen*, 2017].

Саудовская Аравия также осуществляла помощь в лечении раненых йеменцев, причем вне зависимости от того, на чьей стороне они воевали. В Йемене началась эпидемия холеры и других инфекционных заболеваний. Исходя из соображений, связанных с необходимостью улучшить образ своей страны, Саудовское королевство первым отозвалось на при-

зыв Международной организации здравоохранения и ЮНИСЕФ начать борьбу с холерой в Йемене, выделив на эти цели 66,7 млн долл. [*Saudi Arabia and the Yemen*, 2017]. Жертвами войны стали йеменские дети. Помимо погибших в результате военных действий, росла детская смертность из-за недостатка медицинских учреждений, оборудования и лекарств. Одним из направлений саудовской помощи, о которой широко информировалось в средствах массовой информации, стала помощь йеменским детям. Саудовское королевство поставляло в страну необходимые для лечения детей лекарства, детское питание и оказывало детям психологическую помощь. В этот период централизация помощи должна была облегчить её доставку в различные районы страны. Помощь Йемену была поставлена под жесткий контроль, в отношении как источников финансовых поступлений, так и их получателей.

В 2018 г. произошел поворот в саудовской политике оказания помощи Йемену: приоритет стал отдаваться финансированию проектов развития, а не гуманитарным поставкам. По мере сокращения военной активности, эта тенденция укреплялась. Саудовское королевство стало инвестировать в проекты, связанные со строительством или расширением логистических хабов и дорог. Были реконструированы и переоборудованы аэропорты в Адене, в Марибе и в Аль-Махре, а также некоторые порты. Большое внимание было уделено и выполнению работ по ремонту шоссейных магистралей, в том числе той, которая связывала Йемен и Саудовскую Аравию, что позволило увеличить товарооборот между этими странами. Осуществляя инфраструктурные и логистические проекты, саудовское государство создавало основу для долгосрочного участия в экономическом развитии Йемена. Им было предусмотрено осуществление 17 проектов, связанных с энергетикой, транспортом, образованием, водоснабжением, здравоохранением и строительством, восстановлением деятельности правительственных институтов. Финансирование всей этой разносторонней деятельности должно составить 400 млн долл. Кроме того, должны быть выделены дополнительные 200 млн долл. для восстановления работы электростанций [GCC, 2022].

Повышенное внимание саудовское королевство уделяло также социальным проектам, таким как восстановление или строительство больниц, а также помощь системе образования, что должно было способствовать более позитивному отношению к нему со стороны йеменского населения.

В апреле 2022 г. был создан Президентский управляющий совет, который стал получать масштабную помощь со стороны Саудовской Аравии. Была принята специальная программа помощи Йемену – Saudi Development and Reconstruction Program for Yemen, которая предусматривала создание совместно с King Salman Center for Relief and Humanitarian Aid структуры, которая должна была решать проблемы Йемена в посткризисный период [Yemen, 2022]. В рамках этой программы осуществлялись инфраструктурные проекты. В 2024 г. была завершена первая фаза строительства дороги Аль-Абр Роуд, а в 2025 г. – вторая фаза. Эта дорога соединяла три основные провинции страны – Мариб, Хадрамаут и Шабва. Она также связывала Йемен с Саудовской Аравией, что должно было облегчить доступ йеменских товаров на мировые рынки. Проект включал в себя реконструкцию пограничного пункта между этими странами, что облегчало передвижение людей и товаров в Королевство. Эта программа, в том числе предусматривала восстановление около 150 км жизненно важных дорог, соединяющих различные йеменские провинции, что было существенным вкладом в развитие экономики страны [Saudi Development, 2025].

В рамках выполнения программы развития и реконструкции Саудовская Аравия участвовала в осуществлении значительного числа проектов в семи секторах – образовании, здравоохранении, энергетике, водоснабжении, транспорте, сельском хозяйстве и рыболовстве.

В начале 2024 г. были опубликованы данные о размере саудовской помощи в период с 2012 по 2023 г, составившей 11,2 млрд долл. [Saudi Arabia deposits, 2024]. Такая значительная сумма выделяла Саудовскую Аравию среди других доноров Йемена. Она свидетельствовала о её особой заинтересованности в том, чтобы Йемен не оказался в положении «несостоявшегося государства», когда невозможность обеспечивать насущные потребности населения усугубила бы положение йеменской власти. В 2024 г. был предоставлен очередной грант на сумму 250 млн долл., поступивший в Центральный банк Йемена. Саудовская Аравия стала главным донором новой йеменской власти, помогая ей справиться с бюджетным дефицитом, выплачивать зарплаты и покрывать жизненно важные расходы. Саудовская помощь призвана была обеспечить продовольственную безопасность и содействовать осуществлению экономических реформ. Саудовская пропаганда подчеркивала, что «выделение этих средств осуществлялось по инициативе короля Сальмана и наследного принца Мухаммеда бен Сальмана, что стало подтверждением их стремления, – как отмечалось Саудовским агентством печати, обеспечить «безопасность, стабильность и развитие для йеменского народа» [Saudi Arabia deposits, 2024].

Политика саудовского государства была направлена на то, чтобы изменить негативный образ страны среди йеменского населения, возникший благодаря его неоднократному применению военной силы для достижения своих целей. Поэтому оно продолжало уделять повышенное внимание сферам, затрагивающим нужды йеменского населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Саудовская Аравия рассматривает политику в отношении Йемена в качестве важнейшего направления своей внешнеполитической стратегии. Йемен является для неё одной из соседних стран, испытывающей постоянные трудности в экономике, раздираемой внутриполитическими конфликтами, приводящими к военным столкновениям. Нестабильное положение в этой стране угрожает национальной безопасности Саудовского королевства. Это утверждение зафиксировано в его официальном дискурсе, определяющем характер саудовской политики.

Методы саудовской политики менялись в зависимости от конкретной политической реальности. Саудовский политический истеблишмент предпочитал использовать преимущественно политико-дипломатические инструменты, однако не отказывался и от применения военной силы. Предоставление масштабной экономической и гуманитарной помощи йеменским властям было платой за их лояльность и средством восстановить свой престиж, подорванный в ходе неудачной военной операции.

Саудовская Аравия целенаправленно проводит политику, направленную на стабилизацию ситуации в Йемене, укреплению власти просаудовского режима и восстановления единства страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Боков Т.А. *Йеменское хуситское движение: причины возникновения, формирование и развитие в 2002–2010 гг.* рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2023 [Bokov T.A. The Yemeni Houthi Movement: Causes, Formation, and Development in 2002–2010. PhD Thesis (manuscript). Saint Petersburg, 2023 (in Russian)].

Косач Г.Г. Саудовская Аравия в меняющемся мире. *Свободная мысль*. 2010. № 2 (1609). С. 41–54 [Kosach G.G. Saudi Arabia in the Transforming World. *Svobodnaya Mysl (=The Free Thought)*. 2010. No. 2 (1609). Pp. 41–54 (in Russian)].

Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны». *Вестник Московского университета. Серия 25 Международные отношения и мировая политика.* Т. 13. № 4. 2021. С. 131–161 [Kosach G.G. In the Name of the National Interests: Foreign Policy of Saudi Arabia after the Arab Spring. *Moscow University Bulletin of World Politics.* Vol. 13. No. 4. 2021. Pp. 131–161 (in Russian)].

Мелкумян Е.С. *Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество.* М., Институт Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, 2008 [Melkumyan E.S. *The Gulf Region: Conflicts, Compromises, Cooperation.* Moscow: IME, IOS RAS, 2008 (in Russian)].

Серебров С.Н. Революция и конфликт в Йемене. *Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка.* М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 277–334 [Serebrov S.N. Revolution and Conflict in Yemen. *Conflicts and Wars of 21th Century. Middle East and North Africa*. Moscow: IOS RAS, 2015 Pp. 277–334 (in Russian)].

Al-Hudjeilan Jamil bin Ibrahim. Nazarat fi ‘alakat Al-Mamlaka Al-Arabiya Al-Saudiya fi al-muhit al-arabi [Al-Hudjeilan Jamil bin Ibrahim. The View of the Kingdom of Saudi Arabia’s Ties with the Arab World. *The Kingdom of Saudi Arabia for a Hundred Years: Research and Study*. Al-Riyadh, 2007. Pp. 332–334 (in Arabic)].

Al-Rashid A. Al-Intikali fatah al-infisaliin [The Transitional Council Opens up a Nest of Separatistes (in Arabic)]. *Al-Sharq Al-Awsat.* 26.01.2025. https://aawsat.com/الرأي/-5221307الانتقالي-فتح-عشّ-الانفصاليين (accessed: 18.01.2026).

Al-Sager A. How Saudi Arabia’s Responsible Approach Contained Developments in Southern Yemen. *Al-Sharq Al-Awsat*. 07.01.2026. https://english.aawsat.com/gulf/5227163-how-saudi-arabia’s-responsible-approach-contai 2026 (accessed: 17.02.2026).

Arab Coalition: 104 Houthi Prisoners Release in Saudi Humanitarian Gesture. *Al-Sharq Al-Awsat*. 17.04.2023. https://english.aawsat.com/home/article/4278351/arab-coalition-104-houthi-prisoners-released-saudi-humanitarian-gesture (accessed: 5.04.2024).

Bennett Chr. The Importance of Regional Cooperation: The GCC Initiative in Yemen. *Planning Ahead for a Postconflict Syria: Lessons from Iraq, Lebanon, and Yemen.* Vienna: International Peace Institute, 2013. Pp. 10–12. https://www.jstor.org/stable/resrep09598.7

Cafiero G. The Trump Administration and the Fracturing Saudi-UAE Alliance. *Arab Center, Washington DC.* 21.01.2026. https://arabcenterdc.org/resource/the-trump-administration-and-the-fracturing-saudi- (accessed: 12.02.2026).

GCC Supreme Council release final communiqué after 43 rd summit. *Saudi Gazette.* 09.12.2022. https://saudigazette.com.sa/article/627828/SAUDI-ARABIA/GCC-Supreme-Council-releases-final-communique-after-43rd-summit (accessed: 08.04.2024).

Saudi Arabia and the Yemen conflict. Humanitarian Aid to the People of Yemen. *Saudi Embassy*. April 2017. https://www.saudiembassy.net/sites/default/files/FactSheet_Humanitarian Aid Yemen Fact_April2017.pdf (accessed: 05.04.2024).

Saudi Arabia deposits second $250 m tranche of grant for Yemen. *Arab News.* 11.02.2024. https://www.arabnews.com/ node/2458086/saudi-arabia (accessed 05.04.2024).

Saudi Development and Reconstruction Program for Yemen Completes 91 km of Al-Abr Road Expansion. *Al-Sharq Al-Awsat.* 15.11.2025. https://english.aawsat.com/gulf/5208977-saudi-development-and-reconstruction-program-yemen-completes-91-km-al-abr-road (accessed: 08.02.2026).

Turki Alfeisal. Saudi Arabia and Yemen: Misinterpretations of a legitimate intervention. *King Faisal Center for Research and Islamic Studies.* 20.01.2019. https://www.kfcris.com/en/news/read/159 (accessed: 20.04.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МЕЛКУМЯН Елена Суреновна – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Elena S. MELKUMYAN, DSc (Political Sciences), Professor, Leading Research Fellow, Center of Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31696/S086919080038781-6

ПРОБЛЕМА ТРЁХ СПОРНЫХ ОСТРОВОВ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ В КОНТЕКСТЕ ИРАНО-РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2026

М. МОХАММАДНЕЖАД НЕШЕЛИ [a]

[a] – Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID: 0009-0006-5376-5607; mmnesheli@edu.hse.ru

Резюме: Обсуждаются разногласия *РФ с Исламской Республикой Иран по вопросу принадлежности островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба, расположенных в Персидском заливе. Анализируется эволюция данного территориального спора, его исторические и международно-правовые основания, а также влияние колониального наследия британской политики в регионе на формирование современных интерпретаций статуса островов. Особое внимание уделяется аргументации иранской стороны, опирающейся на исторические документы, административную практику и правовые основания, подтверждающие суверенитет Ирана над указанными территориями. Кроме того, рассматриваются основные подходы, представленные в современной российской, иранской и западной историографии, а также оценивается влияние данного спора на региональную безопасность, динамику межгосударственных отношений и систему международных отношений в зоне Персидского залива и на Ближнем Востоке.*

В работе также исследуется позиция Российской Федерации, которая формируется в контексте её более широкой многовекторной внешней политики на Ближнем Востоке и стремления поддерживать конструктивные отношения как с Ираном, так и со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Рассматриваются дипломатические заявления и международные документы последних лет, а также политико-дипломатические факторы, влияющие на осторожный и сбалансированный подход Москвы к данному вопросу.

Отдельный раздел посвящён анализу дипломатического инцидента 2023 г., вызванного совместным заявлением России и стран ССАГПЗ, в котором была отражена поддержка идеи урегулирования спора мирными средствами. Исследуются причины негативной реакции Тегерана и особенности восприятия данного эпизода в иранском политическом и экспертном дискурсе.

В заключение делается вывод о том, что рассматриваемый территориальный спор носит преимущественно символико-политический и стратегический характер. Несмотря на периодические дипломатические трения, он не оказывает решающего влияния на общее развитие ирано-российских отношений, которые продолжают развиваться в рамках прагматического партнёрства и совпадения интересов в ряде региональных и международных вопросов.

Ключевые слова: Иран, Россия, Персидский залив, Абу-Муса, Большой Томб, территориальный спор, ССАГПЗ, суверенитет

Для цитирования: Мохаммаднежад Нешели М. Проблема трёх спорных островов в Персидском заливе в контексте ирано-российских политико-дипломатических отношений. *Восток (Oriens).* 2026 № 4. С. 82–92. DOI: 10.31696/S086919080038781-6

THE ISSUE OF THE THREE DISPUTED ISLANDS IN THE PERSIAN GULF IN THE CONTEXT OF IRANIAN-RUSSIAN POLITICAL AND DIPLOMATIC RELATIONS

© 2026

Mohammad Mahdi MOHAMMADNEJAD NESHELY [a]

[a] – Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia
ORCID: 0009-0006-5376-5607; mmnesheli@edu.hse.ru

Abstract: *The article examines political and diplomatic disagreements between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran concerning the sovereignty of the islands of Abu Musa, Greater Tunb, and Lesser Tunb in the Persian Gulf. It analyzes the historical and legal foundations of Iran's position and considers the development of the dispute within the broader context of regional politics and international law. Particular attention is given to the colonial legacy of the issue, especially the role of British policy in the Persian Gulf and its influence on the emergence of competing territorial claims and interpretations of the islands' legal status.*

The study also explores the approach of the Russian Federation to this dispute. Russia's position is examined within the framework of its multi-vector foreign policy in the Middle East and its efforts to maintain balanced relations with both Iran and the member states of the Gulf Cooperation Council (GCC). In this context, the article analyzes diplomatic statements and political factors that shape Moscow's cautious and pragmatic approach to the issue.

Special attention is devoted to the diplomatic incident of 2023, which emerged after a joint statement by Russia and GCC states addressing the question of the islands and supporting a peaceful settlement of the dispute. The article examines the reasons behind Tehran's critical reaction and the perception of this episode within Iranian political discourse.

The study concludes that the dispute surrounding the islands has a predominantly symbolic and strategic character and does not fundamentally undermine the foundations of Iranian-Russian partnership.

Keywords: Iran, Russia, Persian Gulf, Abu Musa, Greater Tunb, territorial dispute, GCC, sovereignty

For citation: Mohammadnejad Neshely M. The Issue of the Three Disputed Islands in the Persian Gulf in the Context of Iranian-Russian Political and Diplomatic Relations. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 82–92. DOI: 10.31696/S086919080038781-6

Проблема принадлежности островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба в Персидском заливе остаётся одним из наиболее устойчивых территориальных споров на Ближнем Востоке. Считается, что, несмотря на их ограниченные размеры, данные территории обладают высокой стратегической значимостью в силу близости к Ормузскому проливу – ключевому маршруту мирового нефтяного судоходства, через который проходит до трети мировых морских поставок нефти.

Современный конфликт между Исламской Республикой Иран и Объединёнными Арабскими Эмиратами имеет глубокие историко-правовые корни, связанные с колониальной политикой Великобритании в регионе и трансформацией системы суверенитетов в период деколонизации Персидского залива в конце XX в. [Amirahmadi, 1996, p. 32]. В 1971 г., накануне образования ОАЭ, Иран восстановил контроль над островами Абу-

Муса, Большим и Малым Томбом, что стало отправной точкой нынешнего этапа территориального спора [Al-Naqbi, 1998, p. 35].

В условиях трансформации мировой политической системы и усиления роли региональных держав данный вопрос приобрёл дополнительное дипломатическое измерение. Особый интерес в этом контексте представляет позиция Российской Федерации, которая, развивая стратегическое партнёрство с Ираном, одновременно выстраивает активный диалог со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), что отражено в официальных документах МИД РФ и двусторонних заявлениях [Сажин, 2023].

Объектом исследования в настоящей статье являются политико-дипломатические отношения между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран в системе регионального взаимодействия на Ближнем Востоке.

Предметом исследования выступают позиции и подходы России и Ирана к проблеме трёх спорных островов в Персидском заливе (Абу-Муса, Большой и Малый Томб), а также механизмы формирования и проявления разногласий между ними.

Исследовательская проблема заключается в противоречии между стратегическим характером ирано-российского партнёрства и расхождениями их позиций по территориальному спору в Персидском заливе, что создаёт напряжённость в политико-дипломатическом взаимодействии и требует научного осмысления причин и последствий этих разногласий.

Основной исследовательский вопрос формулируется следующим образом: *в чём заключаются причины расхождений между Россией и Ираном по проблеме трёх спорных островов в Персидском заливе и какие существуют перспективы их дипломатического урегулирования с учётом историко-правовых оснований суверенитета Ирана?*

Целью статьи является выявление причин разногласий между иранской и российской сторонами по проблеме трёх островов и определение возможных направлений урегулирования. Для достижения цели предполагается решение следующих задач: рассмотреть историко-правовой контекст спора; проанализировать аргументацию иранской стороны; охарактеризовать подход России; выявить факторы дипломатических расхождений; оценить перспективы урегулирования.

Методологическую основу исследования составляют положения политического реализма и неореализма, а также элементы историко-правового и сравнительно-политического анализа. Источниковую базу образуют официальные документы МИД РФ и МИД ИРИ, материалы ООН, иранские и российские аналитические публикации, а также труды зарубежных исследователей.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ СПОРА О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОСТРОВОВ АБУ-МУСА, БОЛЬШОГО И МАЛОГО ТОМБА

Территориальный спор между Ираном и Объединёнными Арабскими Эмиратами по поводу островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба имеет глубокие исторические и правовые корни, восходящие к эпохе колониального присутствия европейских держав в зоне Персидского залива. До XIX в. острова находились в сфере влияния различных персидских княжеств и использовались как часть торгово-морской инфраструктуры Ирана [Amirahmadi, 1996, p. 36].

В начале XIX в. Великобритания, закрепляя своё господство в регионе, установила протекторат над рядом арабских шейхств на южном побережье Персидского залива. В рамках этой политики британская администрация постепенно перераспределяла контроль над прибрежными и островными территориями в пользу лояльных Лондону арабских правителей [Al-Naqbi, 1998, p. 59]. При этом юридический статус островов Большой Томб, Малый

Томб и Абу-Муса оставался неопределённым, а в британских документах допускались противоречивые трактовки их принадлежности [Amirahmadi, 1996, p. 38].

В конце XIX – начале XX в. Иран неоднократно заявлял о своём суверенитете над указанными островами, ссылаясь на исторические, административные и картографические источники [Хасанзаде, 2014, с. 509]. Однако в условиях британского доминирования в регионе иранские претензии не получили международного признания. Фактический контроль над островами осуществляли арабские шейхи под покровительством Великобритании [Al-Naqbi, 1998, p. 29, 9].

Ключевым моментом стал 1971 год – период вывода британских войск из зоны Персидского залива и формирования Объединённых Арабских Эмиратов. За два дня до провозглашения независимости ОАЭ Иран ввёл войска на острова и восстановил над ними контроль [Amirahmadi, 1996, p. 82; Waltz, 1979; British Admiralty Chart, 1951]. Одновременно был подписан меморандум между Ираном и эмиратом Шарджа по острову Абу-Муса, предусматривавший совместное администрирование и распределение доходов от ресурсов [Amirahmadi, 1996, p. 77].

С точки зрения иранской стороны, данный меморандум не ограничивал суверенитет Ирана, а лишь регулировал временные административные вопросы [Amirahmadi, 1996, p. 78]. ОАЭ, напротив, рассматривают его как доказательство существования спора и основания для международного арбитража [Al-Naqbi, 1998, p. 59].

После Исламской революции 1979 г. Иран подтвердил преемственность суверенитета над островами, усилил военное присутствие и включил их в систему национальной безопасности. Согласно официальным заявлениям Исламской Республики Иран и работам иранских авторов из академических кругов, она последовательно отвергает любые попытки интернационализировать этот вопрос или обратиться в Международный суд, заявляя, что спора нет и что эти острова являются неотъемлемой частью иранской территории [Хасанзаде, 2014, с. 519].

Иранская аргументация опирается на:

– историческую принадлежность островов Персии;

– отсутствие действительных международных договоров о передаче их арабским шейхам;

– незаконный характер британского перераспределения территорий в колониальный период [Хасанзаде, 2014, с. 519].

В современных условиях спор приобрёл не только правовое, но и геополитическое измерение, так как контроль над островами означает контроль над судоходством в Ормузском проливе, через который проходит до 30–40% мировых поставок нефти [Сажин, 2023].

Таким образом, историко-правовой анализ показывает, что конфликт вокруг трёх островов является следствием колониального наследия и незавершённой трансформации системы суверенитетов в Персидском заливе. При этом иранская позиция основывается на принципе исторической преемственности и территориальной целостности государства, закреплённом в международном праве [Sato, 2012, p. 121].

ИРАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ И АРГУМЕНТАЦИЯ СУВЕРЕНИТЕТА НАД ОСТРОВАМИ АБУ-МУСА, БОЛЬШИМ И МАЛЫМ ТОМБОМ

Официальная позиция Исламской Республики Иран по вопросу принадлежности островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба основывается на принципе исторической преемственности суверенитета и неотчуждаемости территориальной целостности государства. Тегеран последовательно утверждает, что данные острова «навечно принадлежат Ирану»

и не могут рассматриваться как предмет международного спора или переговоров [Тахери, 1971; Хасанзаде, 2014, с. 524].

Иранская аргументация опирается прежде всего на исторические источники, свидетельствующие о том, что острова входили в сферу управления персидских государств ещё задолго до появления на южном побережье Залива современных арабских образований [Amirahmadi, 1996, p. 52; British Admiralty Chart, 1951]. В иранской историографии подчёркивается, что власть персидских династий – Сефевидов, Афшаридов и Каджаров – распространялась на северное и центральное побережье Персидского залива, включая островные территории [Хасанзаде, 2014, с. 521; British Admiralty Chart, 1951].

Существенное значение имеет и правовой аргумент, связанный с отсутствием международных договоров, в соответствии с которыми Иран якобы передал бы суверенитет над островами арабским шейхам. Иранские исследователи указывают, что британская практика «административного перераспределения» территорий в XIX–XX вв. не обладала легитимностью с точки зрения современного международного права [Amirahmadi, 1996, p. 51]. Эта позиция подкрепляется выводами российского специалиста по международному праву В.Л. Толстых, который в рамках анализа доктрины эффективной оккупации применительно к азиатским реалиям указывает: захват островов кланом Аль-Касими в XVIII в. стал возможен лишь вследствие временного ослабления Персии в период афганского нашествия и внутренних смут, тогда как в соответствии с нормами общего международного права утрата региональной державой контроля над периферийными территориями в кризисный период не порождает у третьих лиц законного права на их присвоение [Толстых, 2025, с. 196]. Кроме того, Толстых подчёркивает правомерность иранского аргумента о том, что отсутствие водружения флага над островами объяснялось общепризнанностью персидского владения ими, тогда как поднятие флага Шарджи на Абу-Мусе в 1903 г. представляло собой противоправный акт [Толстых, 2025, с. 196]. Таким образом, иранская позиция по данному вопросу находит опору не только в трудах иранских и западных исследователей, но и в российской правовой доктрине.

Особое место в иранской позиции занимает интерпретация меморандума 1971 г. между Ираном и эмиратом Шарджа по острову Абу-Муса. Тегеран рассматривает данный документ как соглашение о временных административных мерах, не затрагивающее вопрос суверенитета, который, по иранской версии, уже был окончательно решён в пользу Ирана [Хасанзаде, 2014, с. 524].

После Исламской революции 1979 г. проблема островов была встроена в идеологию национального суверенитета и сопротивления внешнему давлению. Усиление военного присутствия Ирана на островах объясняется необходимостью защиты стратегических коммуникаций в Ормузском проливе и предотвращения угроз со стороны США и их региональных союзников [Сажин, 2023].

Иранская дипломатия категорически отказывается от любых инициатив по интернационализации вопроса, включая предложения о передаче спора в Международный суд ООН. По мнению Тегерана, обращение в суд возможно только при наличии признанного спора, тогда как в данном случае, как утверждают иранские официальные лица, никакого спора не существует [Amirahmadi, 1996, p. 93].

Современные иранские аналитики подчёркивают, что признание суверенитета Ирана над островами соответствует не только исторической справедливости, но и принципам международного права, включая:

– принцип территориальной целостности;

– принцип uti possidetis juris;

– недопустимость пересмотра границ, сложившихся в ходе деколонизации [Amirahmadi, 1996, p. 94].

В результате, иранская позиция по вопросу трёх островов представляет собой целостную систему аргументов, сочетающую историко-правовые, геополитические и идеологические основания. Для Тегерана этот вопрос имеет не столько территориальное, сколько символическое и стратегическое значение, поскольку затрагивает основы национального суверенитета и регионального статуса Ирана [Сажин, 2023; Donnelly, 2000, p. 127; Waltz, 1979, p. 45].

Вместе с тем для полноты анализа необходимо кратко обозначить историческую аргументацию Объединённых Арабских Эмиратов, которая используется эмиратской стороной в обоснование притязаний на острова. В работе Нура С. Аль-Мазруи. Спорные острова между ОАЭ и Ираном (2015) [Al-Mazrouei, 2015] приводятся доводы арабских исследователей, согласно которым после исламского завоевания VII в. н.э. Персидский залив превратился во «внутреннее арабское озеро», поскольку его побережье оказалось под контролем арабских племён и государств. Профессор публичного права Университета ОАЭ Мохаммад Абдулла ар-Рокен утверждает, что даже в период ослабления центральной власти в рамках халифата управление водами Залива, включая спорные острова, осуществлялось арабскими политическими образованиями, в частности, Оманом [Al-Mazrouei, 2015, p. 5–6].

Сходную позицию занимает консультант по ближневосточным вопросам Томас Маттиар, полагающий, что начиная приблизительно с IX в. островные территории находились под управлением арабских династий региона Персидского залива, включая государство Новый Ормуз, контролировавшее земли по обе стороны пролива. При этом сами эмиратские исследователи признают, что документальные источники доколониального периода крайне фрагментарны, а чётких юридических актов, фиксирующих суверенитет над островами до установления британского контроля, не сохранилось [Al-Mazrouei, 2015, p. 67].

Особое место в эмиратской аргументации занимает фактор династии Кавасим, правителей современных эмиратов Шарджа и Рас-эль-Хайма. Согласно арабской версии, во второй половине XVIII в., после гибели Надир-шаха и ослабления центральной власти в Иране, именно князья Кавасим установили контроль над островами Абу-Муса, Большим и Малым Томбом, а также над Кешмом и портом Бендер-Ленге на иранском побережье. В начале XIX в. британский резидент в Маскате Дэвид Сетон сообщал о сохранении контроля Кавасим над Большим и Малым Томбом. Более того, в 1864 г. шейх Султан бин Сакр из династии Кавасим заявлял британским властям, что его семья владела островами Абу-Муса и Большой Томб на протяжении нескольких поколений. Современные арабские авторы трактуют Кавасим как независимых правителей, а следовательно, рассматривают ОАЭ в качестве их правопреемника [Al-Mazrouei, 2015, p. 7].

В иранской историографии статус Кавасимов подвергается иной интерпретации. Отмечается, что происхождение и племенная принадлежность данного рода остаются предметом дискуссии: одни исследователи выводят их из арабского племени хавала, связывая генеалогию с Неджд и ранними миграциями к побережью Омана [Amirahmadi, 1996, p. 229], другие указывают на возможные связи с иранским портом Сираф и последующее переселение в Джульфар (ныне Рас-эль-Хайма) [Kelly, 1968, p. 18]. В британских источниках XIX в. Кавасим нередко характеризовались как племенное объединение, действовавшее на так называемом «Пиратском берегу» и занимавшееся морским разбоем [Wilson, 1969, с. 232]. Иранские авторы также подчёркивают, что правители Кавасим находились в вассальной зависимости от династии Зеидов, что, по их мнению, исключает возможность трактовки их владений как самостоятельного и суверенного политического образования. Данная позиция находит подтверждение в отечественной правовой доктри-

не: российский исследователь В.Л. Толстых, анализируя проблему островов Абу-Муса и Большого и Малого Томба в контексте международного права, специально указывает на то, что именно этот вопрос – выступали ли Аль-Касими суверенами или лишь агентами персидского шаха – остаётся ключевым правовым разногласием сторон, причём сама постановка вопроса свидетельствует об отсутствии у ОАЭ бесспорного титула на острова [Толстых, 2025, с. 195].

Таким образом, историческая аргументация ОАЭ строится преимущественно на интерпретации доколониального контроля арабских племенных династий и принципе правопреемства, тогда как иранская сторона оспаривает как самостоятельность этих образований, так и достаточность источниковой базы для установления их суверенитета. Отсутствие чётких юридических актов и картографических свидетельств периода, предшествовавшего установлению британского контроля, остаётся одним из ключевых факторов, усложняющих ретроспективную реконструкцию принадлежности островов.

ПОДХОД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФАКТОР ССАГПЗ В КОНТЕКСТЕ СПОРА О ТРЁХ ОСТРОВАХ

Подход Российской Федерации к проблеме принадлежности островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба формируется в рамках её многовекторной политики в зоне Персидского залива и опирается на стремление выстраивать сбалансированные отношения как с Исламской Республикой Иран, так и со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) [Сажин, 2023].

С 2011 г. Россия институционализировала диалог с ССАГПЗ в формате стратегического партнёрства, что отражает растущее значение арабских монархий Залива во внешнеполитической стратегии Москвы. В официальных документах МИД РФ подчёркивается необходимость поддержки всех мирных усилий по урегулированию региональных конфликтов на основе норм международного права и Устава ООН [*Российская Концепция*, 2021; *Совместное заявление,* 2023].

В этом контексте позиция России по трём островам носит осторожный и формально-правовой характер. Подписав Совместное заявление по итогам шестого министерского заседания стратегического диалога Россия – ССАГПЗ в июле 2023 г., Москва фактически поддержала формулу урегулирования спора путём двусторонних переговоров или обращения в Международный суд ООН [*Совместное заявление*, 2023]. Данная формулировка вызвала негативную реакцию Тегерана, который расценил её как косвенное признание наличия спора [Иран не считает, 2023; *Совместное заявление*, 2023].

Российская дипломатия, в свою очередь, подчеркнула приверженность принципам территориальной целостности и суверенного равенства государств, заявив об отсутствии каких-либо сомнений в территориальной целостности Ирана. Следовательно, Москва стремилась минимизировать ущерб для ирано-российских отношений, одновременно не выходя за рамки своих обязательств в диалоге с арабскими партнёрами [Сажин, 2023].

Фактор ССАГПЗ в данном контексте имеет принципиальное значение. В документах этой организации вопрос трёх островов традиционно трактуется как «оккупация» со стороны Ирана, и включение соответствующих формулировок в совместные заявления является стандартной дипломатической практикой. Россия, принимая участие в многосторонних форматах с ССАГПЗ, фактически оказывается встроенной в их дискурсивную повестку, что ограничивает её свободу манёвра [Сажин, 2023].

При этом Россия не рассматривает проблему островов как центральный элемент своих отношений с Ираном. Для Москвы приоритетными остаются вопросы энергетического

сотрудничества, военно-технического взаимодействия и координации позиций по Сирии и глобальной безопасности [Белов, 2024]. Спор об островах воспринимается скорее как дипломатический раздражитель, чем как стратегический конфликт [Сажин, 2023]. Вместе с тем в российском академическом дискурсе всё отчётливее звучит призыв к выработке именно правовой, а не исключительно политической позиции по данному вопросу. В.Л. Толстых, рассматривая спор об островах в числе ключевых конфликтов с участием союзников России, прямо указывает на необходимость для российской дипломатии располагать не только политическими, но и правовыми аргументами применительно к спорам, затрагивающим интересы Ирана [Толстых, 2025, с. 204]. Это свидетельствует о том, что осторожная позиция Москвы воспринимается частью российского экспертного сообщества как недостаточная и требующая содержательного правового обоснования – обоснования, которое, с учётом изложенной в настоящей статье аргументации, объективно склоняется в пользу иранского суверенитета над островами.

Соответственно, российский подход к проблеме трёх островов представляет собой попытку балансирования между партнёрством с Ираном и развитием отношений со странами Персидского залива. Фактор ССАГПЗ выступает структурным ограничителем российской дипломатии, вынуждая Москву использовать максимально нейтральные формулы, даже в ущерб чувствительности иранской стороны [Сажин, 2023].

ПРИЧИНЫ РАЗНОГЛАСИЙ МЕЖДУ МОСКВОЙ И ТЕГЕРАНОМ

Несмотря на стратегический характер современного российско-иранского партнёрства, разногласия по проблеме трёх островов в Персидском заливе демонстрируют наличие структурных и концептуальных расхождений во внешнеполитических подходах двух государств. Эти расхождения имеют как системный, так и ситуативный характер [Белов, 2024].

Первой причиной является различие в трактовке самого статуса вопроса. Для Ирана проблема трёх островов не является «спором» в юридическом смысле, поскольку Тегеран исходит из безусловного суверенитета над этими территориями [Хасанзаде, 2014, с. 524]. Россия же, следуя дипломатической логике многосторонних форматов, использует нейтральную формулу «урегулирование разногласий», что фактически допускает существование спора как такового [Белов, 2024].

Второй фактор связан с разной оценкой роли международного права и судебных механизмов. Согласно официальным документам и анализу иранских исследователей, Иран категорически отказывается передавать данный вопрос в Международный суд ООН, так как считает это угрозой своему суверенитету [Amirahmadi, 1996, p. 147]. В то же время российская дипломатия традиционно поддерживает любые формы мирного разрешения конфликтов, включая арбитраж и судебные процедуры, что отражено в официальных документах МИД РФ [*Российская Концепция*, 2021].

Третьей причиной является геополитическое балансирование Москвы в регионе. Россия заинтересована в сохранении партнёрских отношений не только с Ираном, но и с государствами ССАГПЗ, которые обладают значительным экономическим и энергетическим потенциалом [Товарооборот, 2023]. Поддержка исключительно иранской позиции означала бы подрыв многовекторной стратегии РФ в зоне Персидского залива [Сажин, 2023].

Четвёртый фактор связан с различиями в восприятии союзничества. В Иране нередко доминирует представление о России как о «стратегическом союзнике», от которого ожидается политическая солидарность по чувствительным вопросам. В российской внешнеполитической доктрине отношения с Ираном рассматриваются как прагматическое пар-

тнёрство, а не формальный союз, что обуславливает большую гибкость и автономность позиций [Белов, 2024].

Пятой причиной является влияние внутриполитических процессов в Иране. Как показал дипломатический инцидент 2023 г., реакция Тегерана на позицию России была во многом усилена внутриполитической борьбой между консервативными и реформаторскими группами, использовавшими «российский фактор» в собственных интересах [Иран, 2023; Сажин, 2023].

Наконец, шестой фактор – это различие в символическом значении проблемы. Для Ирана острова являются частью национальной идентичности и исторической памяти, тогда как для России данный вопрос носит исключительно внешнеполитический и процедурный характер [Сажин, 2023; Хасанзаде, 2014, с. 504].

Таким образом, разногласия между Москвой и Тегераном по проблеме трёх островов имеют комплексную природу и обусловлены не конфликтом интересов как таковых, а несовпадением дипломатических культур, стратегических приоритетов и интерпретаций суверенитета в условиях регионального многополярного порядка.

ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Перспективы урегулирования проблемы островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба в значительной степени зависят от сочетания правовых, политических и геополитических факторов. В настоящее время Иран и ОАЭ придерживаются принципиально различных подходов: Тегеран отрицает сам факт наличия спора, тогда как Абу-Даби настаивает на необходимости международного арбитража [Al-Naqbi, 1998, p. 29; Amirahmadi, 1996, p. 132].

С точки зрения Ирана, единственно допустимым вариантом является признание международным сообществом его суверенитета над островами без каких-либо предварительных условий. Иранская дипломатия исходит из того, что любые переговоры возможны лишь по вопросам хозяйственного и экологического сотрудничества, но не по проблеме принадлежности территорий [Amirahmadi, 1996, p. 132; The National Archives (UK), FCO 8/57; U.S. Department of State, 1971].

С другой стороны, Объединённые Арабские Эмираты и государства Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива полагают, что разрешение конфликта должно осуществляться либо посредством двусторонних переговоров, либо через международные судебные механизмы, включая Международный суд ООН. Такая позиция систематически закрепляется в резолюциях Лиги арабских государств и в совместных заявлениях ССАГПЗ [Al-Naqbi, 1998, p. 162].

Россия в данном контексте выступает как сторонник исключительно мирных и юридически оформленных процедур урегулирования конфликтов, что соответствует её официальной позиции в рамках ООН и многосторонних региональных диалогов [*Российская Концепция*, 2021]. Однако Москва не готова брать на себя роль посредника без согласия обеих сторон, осознавая высокую чувствительность данного вопроса для Ирана [Сажин, 2023].

С точки зрения практических реалий, в ближайшем будущем достижение компромисса представляется маловероятным. Иран значительно усилил свои военные и инфраструктурные позиции на островах, что указывает на его стремление сохранить существующее положение вещей. В то же время ОАЭ активно задействуют дипломатические и информационные ресурсы для того, чтобы привлечь внимание международного сообщества к этому вопросу.

Для ирано-российских отношений наиболее вероятным сценарием является сохранение разногласий по проблеме островов при одновременном углублении сотрудничества в других стратегических сферах энергетике, транспорте, военно-политической координации.

Следовательно, спор о трёх островах в обозримой перспективе будет оставаться дипломатическим раздражителем, но не системным препятствием для развития партнёрства между Москвой и Тегераном [Белов, 2024; Сажин, 2023].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ показал, что проблема принадлежности островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба в Персидском заливе является не столько территориальным, сколько политико-символическим и геостратегическим конфликтом, корни которого уходят в колониальное наследие региона и незавершённую трансформацию системы суверенитетов в условиях деколонизации.

Иран придерживается позиции, основанной на принципе исторической преемственности и территориальной целостности, а также на убеждении в недопустимости пересмотра границ, установленных в XX в. Тегеран последовательно отрицает сам факт наличия спора и рассматривает любые инициативы по международному арбитражу как угрозу своему суверенитету. Тем самым проблема островов встраивается в более широкий контекст национальной идентичности и регионального статуса Исламской Республики Иран.

Подход Российской Федерации носит прагматичный и многоуровневый характер. Москва стремится сочетать развитие стратегического партнёрства с Ираном с активным диалогом со странами ССАГПЗ, что объективно ограничивает её возможность однозначно поддержать позицию Тегерана. В результате Россия использует максимально нейтральные формулы, апеллируя к принципам Устава ООН и мирного урегулирования споров.

Разногласия между Москвой и Тегераном по проблеме трёх островов имеют структурную природу и связаны с различием дипломатических культур, интерпретаций суверенитета и региональных приоритетов. Однако они не носят антагонистического характера и не подрывают стратегическую основу ирано-российских отношений.

Перспективы окончательного урегулирования спора в обозримом будущем остаются ограниченными. Вместе с тем сохранение статус-кво при одновременном развитии мер доверия в сфере безопасности судоходства и регионального сотрудничества представляется наиболее реалистичным сценарием. В этом контексте проблема трёх островов будет и далее выступать дипломатическим раздражителем, но не системным барьером для развития российско-иранского партнёрства в условиях формирующегося многополярного миропорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Белов В.И. Россия и Иран на пути к стратегическому партнерству. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2024. № 4. С. 263–277 [Belov V.I. Russia and Iran on the Path toward Strategic Partnership. *The Proceedings of the Free Economic Society of Russia*. 2024. No. 4. Pp. 263–277 (in Russian)] DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-263-277 https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-iran-na-puti-k-strategicheskomu-partnerstvu (accessed: 24.01.2026).

Иран не считает объяснения РФ достаточными по поводу подписанного заявления с ССАГПЗ. *ИРНА*. 17.07.2023 [Iran Does Not Consider Russia's Explanations Sufficient Regarding the Signed Statement with the GCC. *IRNA*. 17.07.2023 (in Russian)] https://ru.irna.ir/news/85173040/Иран-не-считает-объяснения-РФ-достаточными-по-поводу-подписанного (accessed: 12.01.2026).

Российская Концепция коллективной безопасности в зоне Персидского залива. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 24.08.2021 [Russian Concept of Collective Security in the

Persian Gulf Zone. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.* 24.08.2021 (in Russian)] https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1466420/ (accessed: 12.01.2026).

Сажин В.И. Три «острова раздора» в Заливе. *Международная жизнь*. 02.08.2023 [Sazhin V.I. Three "Islands of Discord" in the Gulf. *International Affairs.* 02.08.2023 (in Russian)] https://interaffairs.ru/news/show/41617 (accessed: 12.01.2026).

Совместное заявление по итогам шестого министерского заседания стратегического диалога Россия – ССАГПЗ. *Министерство иностранных дел Российской Федерации.* 12.07.2023 [Joint Statement Following the Sixth Ministerial Meeting of the Russia–GCC Strategic Dialogue. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.* 12.07.2023 (in Russian)] https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1896567/ (accessed: 12.01.2026).

Товарооборот между РФ и ОАЭ в 2022 году вырос до $9 млрд. *ТАСС*. 20.02.2023 [Trade Turnover between Russia and the UAE in 2022 Increased to $9 Billion. *TASS.* 20.02.2023 (in Russian)] https://tass.ru/ekonomika/17094049 (accessed: 12.01.2026).

Толстых В.Л. Азия и международное право: между адаптацией и игнорированием (Часть 2). *Восток (Oriens)*. 2025. № 3. С. 193–206 [Tolstykh V.L. Asia and International Law: Between Adaptation and Ignoring (Part 2). *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 3. Pp. 193–206 (in Russian)].

Al-Naqbi Y. *The Sovereignty Dispute over the Gulf Islands: Abu Musa, Greater and Lesser Tunbs*. PhD dissertation. Glasgow, 1998.

Amirahmadi H. *Small Islands, Big Politics: The Tombs and Abu Musa in the Persian Gulf*. London: Palgrave Macmillan, 1996.

British Admiralty Chart: Entrance to the Persian Gulf. Scale 1:320000. London, 1951.

Donnelly J. *Realism and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Hasanzade H. Barresi-ye vaz'iyat-e hoquqi-ye jazayere se-gane-ye irani ba tavajjoh be mavaze'-e Iran va Emarat-e Mottahade-ye Arabi [Examining the legal status of the three Iranian islands with regard to the positions of Iran and the United Arab Emirates]. *Proceedings of the 10th Gulf National Research Conference.* Tehran: Jahade Daneshgahi, 2014. Pp. 503–527 (in Persian)].

Iran Summons Russian Ambassador over Moscow's Support for Arab Stance on Islands. *Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Iran.* 12.07.2023. https://en.mfa.gov.ir/portal/newsview/724779 (accessed: 12.01.2026).

Kelly J.B. *Britain and the Persian Gulf 1795–1880.* Oxford: Oxford University Press, 1991.

Al-Mazrouei N. *Disputed Islands between UAE and Iran: Abu Musa, Greater Tunb, and Lesser Tunb in the Strait of Hormuz.* Cambridge: Gulf Research Center Cambridge, 2015.

Sato S. *Britain's Withdrawal from the Persian Gulf, 1964–1971: A Study of Informal Empire*. Oxford: St Antony's College, University of Oxford, 2011.

Taheri A. Dar jebheha va sangarhaye khalij-e fars [On the fronts and trenches of the Persian Gulf]. *Ettela'at*. 2 December 1971. No. 13662. Pp. 5 (in Persian)].

Telegram of the British Ambassador in Tehran to the Foreign Office on the Gulf Islands. *The National Archives (UK).* FCO 8/57. 3 June 1968.

Waltz K.N. *Theory of International Politics*. Menlo Park: Addison-Wesley Publishing Company, 1979.

Willson A. *Khalij-e fars* [*Persian Gulf*]. M. Saeedi (tr.) Tehran: Bongah-e Tarjome va Nashr-e Ketab, 1969 (in Persian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мохаммад Махди МОХАММАДНЕЖАД НЕШЕЛИ – аспирант кафедры международной безопасности Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Mohammad Mahdi MOHAMMADNEJAD NESHELY, Postgraduate Student, Department of International Security, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia.

DOI: 10.31696/S086919080039123-2

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГЕРМАНИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В АФРИКЕ (НА ПРИМЕРЕ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА)

© 2026

Н.В. ИВКИНА [a]

[a] – Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8654-7629; ivkina-nv@rudn.ru

Резюме: *Статья посвящена изучению особенностей политики Германии в отношении международных межправительственных организаций. В качестве практического кейса взят Африканский Союз (АС). Актуальность заявленной темы обусловлена снижением влияния отдельных европейских стран, прежде всего бывших метрополий, на африканскую повестку дня и необходимостью создавать новые механизмы его замещения. Германия как одна из ведущих экономик Европейского Союза стремится занять важное место африканской повестке дня. В качестве теоретической базы исследования предлагается концепция структурной власти Сьюзен Стрендж, которая основана на четырех формах контроля европейских стран над африканскими. Они охватывают базовые сферы взаимодействия между акторами: политическую сферу и сферу безопасности, экономическую, финансовую и гуманитарную сферы. Изначально концепция учитывала политику исключительно государственных акторов по причине доминирования Realpolitik, но впоследствии была расширена на негосударственные, в том числе международные, организации, НКО, ТНК, аналитические центры и другие эпистемические сообщества, способные оказывать влияние на формирование международной повестки. В процессе изучения каждой из форм контроля автор выявляет особенности, характерные непосредственно для немецкой внешней политики в отношении Африканского Союза. Представлен анализ государственных структур Германии, в чьем ведении находится разработка политики страны в отношении Африканского Союза. Именно эти институты оказывают наибольшее влияние на последующее голосование Берлина во внешних структурах, таких как МВФ. В качестве цели исследования видится доказательство того, что Германия стремится не к альтруистической помощи африканским странам в процессе обеспечения безопасности и экономической стабильности, а к решению собственных внешнеполитических задач. Выводы сделаны по политике Германии в отношении АС по каждой из четырех форм контроля, также выделены отдельные общие черты, которые характерны для поведенческой модели Германии в процессе реализации структурной власти в отношении Африканского Союза.*

Ключевые слова: Германия, Африканский Союз, концепция структурной власти, Сьюзен Стрендж, «новый тип» колониализма, МУС

Для цитирования: Ивкина Н.В. Особенности взаимодействия Германии с международными межправительственными организациями в Африке (на примере Африканского Союза). *Восток (Oriens).* 2026. № 4. С. 93–104. DOI: 10.31696/S086919080039123-2

GERMANY'S INTERACTION WITH INTERNATIONAL INTERGOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN AFRICA (A CASE STUDY OF THE AFRICAN UNION)

© 2026

Natalia V. IVKINA [a]

[a] – RUDN University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8654-7629; ivkina-nv@rudn.ru

Abstract: *The article examines the specific features of Germany's policy toward international intergovernmental organizations. The African Union is used as a practical case study. The relevance of the stated topic is driven by a decline in the influence of individual European countries—above all, former metropoles—on the African agenda and by the need to create new mechanisms to replace that influence. Germany, as one of the leading economies of the European Union, seeks to occupy an important place in the African agenda. As the theoretical basis of the study, the author proposes Susan Strange's concept of structural power, based on four main forms of control exercised by European countries over African ones. They cover the basic spheres of interaction between actors: the political and security sphere, the economic sphere, and the humanitarian sphere. Originally, the concept covered the policy of exclusively state actors, but it was later expanded to non-state actors as well, including international organizations, NGOs, transnational corporations, and others. It is precisely these institutions that exert the greatest influence on Berlin's subsequent voting in external bodies such as the IMF. The study's aim is presented as demonstrating that Germany is striving not for altruistic assistance to African countries in ensuring security and economic stability, but for solving its own foreign policy tasks. Conclusions are drawn for each of the four forms of control; general traits that are characteristic of Germany's behavioral model in the process of exercising structural power toward the African Union are also identified .*

Keywords: Germany, African Union, concept of structural power, Susan Strange, "new type" of colonialism, ICC

For citation: Ivkina N.V. Germany's interaction with international intergovernmental organizations in Africa (a case study of the African Union). *Vostok (Oriens).* No. 4. Pp. 93–104. DOI: 10.31696/S086919080039123-2

После крушения колониальной системы международных отношений и активизации новых мегатрендов, таких как интеграционные процессы, на Африканском континенте стали появляться межправительственные организации. Это привлекло внимание бывших метрополий, с энтузиазмом воспринимавших возможность продвижения собственной региональной модели на бывших колониальных территориях. Это должно было, во-первых, создать более крупные рынки, привлекательные для европейских товаров, во-вторых, снизить европейские транзакционные издержки за счет уменьшения количества партнеров на континенте, в-третьих, содействовать стандартизации.

Именно в последней, третьей причине поддержки интеграционных процессов в Африке европейские правительства видели особые перспективы. При удачной имплементации европейских стандартов институционализации межправительственных организаций в Африке, бывшим метрополиям гораздо легче внедрить свою систему управления и про-

должать сохранять зависимость развивающихся стран от развитых. Эта зависимость дает возможность европейским странам формировать африканскую повестку дня, манипулируя программами поддержки, официальной помощью в целях развития и другими видами поддержки африканских экономик.

Особую актуальность сотрудничество отдельных европейских стран с межправительственными организациями в Африке приобрело в последние несколько лет. Это связано с поступательной потерей влияния бывших метрополий на страны, которые были их колониальными территориями и которые использовались ими в качестве ресурсных доноров. Наиболее ярким примером тут может быть Франция, которая столкнулась с мощными антифранцузскими настроениями в Сахаро-сахельском регионе. Ей пришлось вывести своих военных из Мали, Буркина-Фасо и Нигера.

Все это заставило другое европейское государство – Германию активизировать свои усилия для частичного замещения утраченного европейского влияния. Проблема в том, что сама Германия хоть и недолго, но имела колониальное прошлое, окрашенное жестокими примерами геноцида африканского населения. Именно поэтому для нивелирования потенциальной негативной реакции со стороны отдельных африканских стран, немецкое правительство сделало ставку на наиболее сильное в интеграционном плане объединение на континенте – Африканский Союз (АС). По мнению ряда исследователей, именно АС обладает субъектностью на Африканском континенте и может представлять позицию большинства стран [Osaro, 2012, p. 43].

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение взаимодействия Германии и АС требует многоуровневого анализа ввиду того, что это разнонаправленные акторы международных отношений. При этом ни одна из популярных в научном дискурсе теорий, таких как неореалистская или неоколониальная, не дадут четкого представления о принципах взаимодействия Германии с выбранной для анализа межправительственной организацией.

Теоретический подход к заявленной теме базируется на исследованиях Сьюзен Стрэндж и концепции структурной власти с авторскими предложениями по переносу базиса изучения с линии «государство-государство» на линию «государство-интеграционное объединение». Сьюзен Стрэндж определила структурную власть как «силу формировать и определять структуру глобальной политической системы, в рамках которой должны действовать государства, их политические и экономические институты, а также ученые и все, кто может оказать какое-либо влияние на процесс принятия решений в международных отношениях» [Strange, 1988, p. 25]. То есть «коллективный Запад» формирует модель «нового типа» колониализма, по которой отдельные страны, бывшие метрополии, управляют ресурсами развивающихся регионов мира. Выделяется 4 основных формы контроля: 1) контроль над механизмами безопасности, 2) контроль за финансами и кредитами, 3) контроль над производством, 4) контроль над созданием и распространением знаний (аналитические центры, благотворительные фонды, образовательные услуги, религиозные спекуляции и проч.). За счет именно этих механизмов управления «коллективный Запад» устанавливает контроль над ресурсными развивающимися странами.

При этом сама Стрэндж в своих более поздних работах утверждает, что данная концепция структурной власти может быть применена и к негосударственным акторам мировой политики. Ввиду того, что международные и межправительственные организации начинают играть всё более заметную роль, важно изучать их бюрократическую политику, а также влияние на экономику и общество [Strange, 1998, p. 161]. Перенося данные тео-

ретические предположения на тему исследования, предлагается рассмотреть особенности взаимодействия Германии с АС сквозь призму 4 форм контроля. Через оценку немецких инициатив в области безопасности, контроля за финансами, производством и распространением знаний можно сделать вывод о том, рассматривает ли Германия, как часто заявляют её лидеры [*Europe and Africa*, 2018], африканских игроков как равноправных партнеров, или же у европейского государства присутствуют в политическом поведении черты, свидетельствующие о желании навязать свою структурную власть или «новый тип» колониализма.

ПЕРВАЯ ФОРМА КОНТРОЛЯ: КОНТРОЛЬ НАД МЕХАНИЗМАМИ БЕЗОПАСНОСТИ

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что у Германии, в отличие от Евросоюза (ЕС) [Ивкина, 2021, p. 24–29], отдельной внешнеполитической стратегии по Африке Южнее Сахары нет. Поэтому для изучения наиболее сложной формы контроля придется сконцентрироваться на оценке публицистических и делопроизводственных источников, а также структурной системы, вместо анализа нормативно-правовой базы.

Базовой структурой АС, отвечающей за взаимодействие с внешними акторами в вопросах безопасности, является Африканская архитектура мира и безопасности (APSA). По мнению некоторых российских исследователей, АС располагает пока еще не до конца сформированной и совершенной системой мира и безопасности [Ютяева, 2021, p. 196] в том числе ввиду того, что APSA во многом зависит от помощи, финансирования и даже технических возможностей внешних акторов. При этом диссонанс заключается в том, что, по оценкам специалистов, на долю безопасности приходится около 2% выделяемых средств со стороны доноров, но даже они расходуются недостаточно эффективно [Мезенцев, 2017, p. 151].

Германия, как и ряд других европейских стран, активно участвует в финансировании APSA. На данном этапе уже можно проследить эволюцию её вклада в развитие безопасности в рассматриваемом регионе через выделение этапов. Первый этап охватывает промежуток с 2000 по 2011 г., когда Германия присоединилась к другим мировым донорам, активно вкладывающим деньги в инструменты раннего предупреждения кризисов в странах АС, в посредничество в конфликтах, обучение военных [Klingebiel et al., 2008, p. 31]. Самостоятельных проектов у страны в тот момент не было, но она активно пыталась стать частью более широкого спектра управления финансирования безопасности в Африке.

В немецких аналитических материалах по данному вопросу наблюдается однозначная точка зрения, направленная на утверждение о том, что «без внешних доноров, политических рекомендаций, материально-технической поддержки Африканский Союз не будет дееспособен в вопросах мира и безопасности» [Klingebiel et al., 2008, p. 101]. Такого рода заявления говорят о том, что немецкая сторона в тот период рассматривала африканскую межправительственную организацию не в качестве полноправного партнера, а исключительно в качестве того, кто нуждается в финансовой поддержке.

Второй этап охватывает период с 2012 по 2020 г. Он характеризуется попытками Германии частично заместить своей вовлечённостью в решение проблем безопасности в Африке французские потери влияния в регионе Сахеля. Вывод французских войск из Мали, Буркина-Фасо и Нигера открыл большие возможности для других мировых лидеров, таких как Россия и Китай. Немецкая политика была нацелена на то, чтобы не допустить окончательной утраты Европой своих позиций в системе безопасности Африки. Именно на Африканский Союз была сделана ставка в процессе сохранения позиций в регионе. Об этом говорят ежегодные двусторонние консультации по сотрудничеству в области развития между АС и правительством Германии [African Union and Germany, 2017].

Несмотря на то, что заместитель Председателя Комиссии АС Амбасса Квеси Кварти с восторгом хвалил существующее партнерство между АС и Германией, в том числе в области мира и безопасности, немецкая помощь развитию Африки не выглядит альтруистической. С одной стороны, Германия пообещала АС выделить 36 млн евро [African Union and Germany, 2017] различным секторам развития африканских стран, с другой, сама четко распределила свой финансовый вклад. Особый акцент немецким комиссаром по делам Африки южнее Сахары Георгом Шмидтом был сделан на то, что ни о каком развитии не может идти речи, если нет стабильного мира и безопасности в африканских странах [African Union and Germany, 2017]. Это говорит о том, что Германия активно начинает развивать свою систему поддержки безопасности в регионе вместо беспорядочного финансирования различных гуманитарных программ.

Третий этап немецких инициатив в отношении Африканского Союза охватывает промежуток с 2020 г. по настоящее время и характеризуется активностью в отношении данной межправительственной организации. Однако это сложно заметить на первый взгляд. Так, в 2023 г. была принята Стратегия национальной безопасности Германии, но Африке в ней отведены всего 2 упоминания [*Robust,* 2023], и те вскользь, в рамках региональных перечислений. Но документ обладает определённой ценностью ввиду того, что обозначает новый подход Германии к безопасности в развивающихся регионах мира. В частности, с момента принятия Стратегии Германия планирует руководствоваться концепцией «интегрированной безопасности» (нем. Integrierte Sicherheit). Идея заключается в том, что безопасность не должна быть разделена, как раньше, на две составляющие: внутренние угрозы, являющиеся приоритетом отдельного государства, и внешние угрозы, которые могут быть урегулированы при помощи извне, т. к. они являются общими сразу для нескольких стран и даже регионов мира. Германия в рамках Стратегии 2023 г. предложила и уже начала реализовывать формат неделимости угроз, тем самым в одностороннем порядке попыталась легализовать, а затем и оправдать вмешательство во внутренние дела суверенных африканских стран.

За счёт такой концепции происходит и процесс раннего предупреждения угроз для самой Германии, да и для всей Европы. Миграционный кризис, борьба с терроризмом дорого обходятся немецкой экономике, а за счет создания механизмов предупреждения нелегальной миграции из беднейших и конфликтогенных районов Африки немецкая сторона может пресечь нежелательные потоки миграции в европейский регион.

Но речь идёт скорее не о помощи в создании достойного уровня жизни для африканского населения, а о развитии так называемых «центров возврата», курируемых Германским агентством по развитию (GIZ). В докладе, сделанном Африканским институтом политических исследований, авторы, взявшие интервью на высоком уровне у немецких чиновников, пришли к выводу о том, что, если первоначальной целью таких центров в Нигерии и Гане была поддержка возвращённых мигрантов и поиск для них работы в стране происхождения, то теперь они используются в качестве пунктов сбора информации о желающих пересечь границу с любой целью, особенно с целью трудоустройства, а также для предотвращения нежелательных перемещений [Germany's new migration policy, 2023]. Это подтверждают и российские исследователи, сделавшие вывод о том, что политика Германии в Африке по миграционному вопросу призвана защитить ее саму [Кукарцева, 2018, p. 159], а не помочь людям отказаться бежать из опасных районов Африки.

В сфере подготовки кадров для армий африканских стран деятельность инструкторов Бундесвера в некоторых случаях не оправдывает ожиданий национальных правительств. Например, в Мали при массовой подготовке солдат ситуация с безопасностью не только не улучшается, но и зачастую приводит к тому, что солдаты совершают противоправные

деяния, в том числе трансграничные преступления [Issio, 2020]. Таким образом, становится очевидным, что усилия Германии по борьбе с угрозами безопасности в Африке южнее Сахары не носят альтруистического характера, а направлены на обеспечение собственных интересов. В этом процессе самим африканским странам отводится не так много места, он не всегда способствует установлению мира и безопасности.

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ФОРМЫ КОНТРОЛЯ: ФИНАНСЫ, КРЕДИТЫ, ПРОИЗВОДСТВО

Как и большинство других бывших метрополий, Германия оказывает влияние на финансовую и кредитную системы африканских стран как в рамках двусторонних инициатив, так и в многостороннем формате. Прямое кредитование Германия осуществляет через Банк развития (KfW), который чаще всего осуществляет финансирование под эгидой помощи в целях развития. Но наибольшая часть средств идет не на те сферы, которые необходимы для развития отдельных африканских стран, а на те, от которых сама Германия может получить важные для неё дивиденды.

В частности, в 2025 г. немецкое правительство анонсировало кредит, предоставляемый KfW, Южноафриканской Республики (ЮАР) в размере 500 млн евро на реформы энергетического сектора ЮАР, которые предположительно должны создать благоприятную среду для частных инвестиций. Официально Германия озабочена тем, что ЮАР 80% [*Growth opportunities*, 2025] энергии получает из ископаемого топлива, что негативно сказывается на климатической повестке дня. Однако гораздо чаще в анонсах выделения средств звучат оптимистичные заявления о создании в африканской стране бизнес-возможностей для немецких кампаний, занимающихся развитием инфраструктуры для возобновляемых источников энергии в Африканском Союзе. Схема выглядит так: Германия инвестирует в технологии «зелёной экономики» стран АС, далее распространяет технологии на африканские страны; после того как последние их закупают у немецких компаний, прибыль возвращается в экономику Германии.

Еще одним финансовым механизмом влияния Германии через климатическую повестку дня стал механизм прощения долгов странам АС в обмен на принятие конкретных немецких экологических проектов. Например, Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития Германии (BMZ) реализовало в отношении Кении механизм «долг в обмен на климатические обязательства», предусматривающий частичное списание задолженности при условии финансирования климатических мер. Правительство Кении вынуждено предоставить 60 млн евро в течение нескольких лет на экологические проекты, реализуемые при поддержке Германии в этой стране. После успешной реализации проектов Германия погасит долг, эквивалентный этой сумме [*Debt-for-climate swaps*, 2023]. Такой обмен долга на климат позволяет Германии не только продвигать свои внешнеполитические интересы в Африке южнее Сахары, но и фактически диктовать суверенным странам, куда вкладывать деньги.

Не менее важным направлением финансовой и кредитной деятельности Германии в Африке южнее Сахары является немецкое участие в многосторонних институтах. С учетом рассматриваемой формы контроля актуальным будет оценка её политики в таких институтах как Международный валютный фонд (МВФ). На 2025 г. Германия занимает 4-е место в списке ведущих акционеров МВФ [*The role of the International Monetary*, 2022], уступая только США, Японии и Китаю, что делает её голос весомым при принятии решений о выдачи кредитов африканским странам. Процент голосов у Германии, стран ЕС и США такой [*IMF*, 2025], что они совместно могут заблокировать любое решение МВФ, противоречащее их интересам.

Позицию самой Германии по вопросу выделения средств и реструктуризации долгов озвучил Министр финансов страны, выступая в 2024 г. на заседании МВФ. Из заявления Кристиана Линднера следует, что Германия будет поддерживать выделение кредитов только тем странам, которые пойдут по пути либеральных реформ [Statement by Mr. Christian Linder, 2024]: сократят субсидии на отдельные отрасли производства, осуществят приватизацию государственных активов, поднимут налоги и проч. Эти меры не только не улучшают, а зачастую заводят в тупик правительства беднейших стран Африки, таких как Гана, Кения и другие.

Здесь страна решает сразу 2 базовые задачи: во-первых, осуществляет контроль за производством именно тех товаров, которые можно будет потом выгодно купить, и, во-вторых, реализует либеральные идеи, поддерживаемые странами коллективного Запада. В качестве примера можно рассмотреть процесс реструктуризации долга Ганы, соглашение по которому Германия подписала лишь после проведения страной болезненных для себя реформ [Ghana signs debt-restructuring, 2025]. Гана вынуждена принести в жертву свой финансовый суверенитет в обмен на платежеспособность.

Об эгоистичном отношении Германии к партнерам из развивающихся африканских стран говорит и тот факт, что в 2021 г. при принятии решения в МВФ о специальных правах заимствования (СПЗ) из 650 млрд долл. выделенных на борьбу с Covid-19 средств Германия взяла себе более 36 млрд долл. [Innovative use options, 2025]. Эта сумма больше, чем получили все африканские страны. Ситуацию усугублял и тот факт, что африканские торгово-экономические союзы, в том числе и АС, в наибольшей степени пострадали в период пандемии [Bista, Kumar, 2025, p. 649]. Все это говорит не только об использовании Германией своего положения, но и о готовности спасти свою экономику ценой других.

ЧЕТВЕРТАЯ ФОРМА КОНТРОЛЯ: КОНТРОЛЬ НАД СОЗНАНИЕМ И РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗНАНИЙ

Данная форма власти определяется способностью актора, который осуществляет структурную власть по Сьюзен Стрэндж, контролировать идеи, информационные потоки и даже убеждения тех акторов, на которых эта власть распространяется. Это представляется сложной областью для изучения. Перекладывая данное предположение на рассматриваемый кейс политики Германии в отношении АС, предлагается рассмотреть механизмы, с помощью которых немецкая сторона берёт на себя право решать, какие ценности должны быть у африканских стран. Помимо этого, важным аспектом является процесс ретрансляции знаний, то есть управление каналами связи: социальными сетями, СМИ, доступом к технологиям.

Ввиду того, что эпоха колониализма и силового навязывания своих ценностейосталась в прошлом, Германия вынуждена распространять свои либеральные идеи через встраивание своих взглядов в институциональную архитектуру развивающегося региона Африки южнее Сахары. Африканский Союз как нельзя лучше подходит для этой цели.

На национальном уровне Германия приняла Закон о должной осмотрительности в цепочках поставок [*The German Act*, 2023], который обязывает немецкие компании, работающие вне европейского региона, обеспечивать сотрудничество только с теми, кто гарантирует соблюдение немецких стандартов в области прав человека и защиты окружающей среды. По мнению ряда, в том числе африканских, экспертов, это форма империализма, которая заставит все африканские страны соблюдать немецкие бюрократические стандарты в области прав человека и гендерного равенства [Mardenli et al., 2025], если захотят торговать с немецкими компаниями. Небольшие компании, ранее имевшие доступ к немецкому рынку,

не смогут выполнить все требования и будут вытеснены по ценностно-ориентируемому принципу с рынка.

Ценностный экспорт Германии совпадает с европейскими представлениями и отражает идеи коллективного Запада о необходимости либерализировать политику всех стран, в том числе африканских С учетом идеи о том, что нормы международного права – это продукт капиталистической мировой системы [Şahin, Güneysu, 2025, p. 354], можно предположить, что именно экономики Европы получают наибольшую выгоду от насаждения прав человека в развивающихся регионах. Именно поэтому права человека, гендерная политика, либеральное лидерство: все это является центральными вопросами на повестке дня. В рамках укрепления системы соблюдения прав человека Германия финансирует отдельные институты АС, такие как Африканский суд по правам человека, Африканский комитет экспертов по правам и благосостоянию детей и даже региональные суды [*Cooperation with regional organizations*, 2024]. Именно такие институты и судебные органы отвечают за формирование правовых механизмов, которые должны отражать особенности конкретных африканских стран-членов АС. Но Германия как страна-донор полагает, что ввиду больших финансовых вливаний в эти структуры может бросить вызов национальному и институциональному суверенитету для обеспечения функционирования универсальной системы права, характерной для институциональных структур ЕС.

Ярким примером немецкого давления на АС в вопросе обеспечения прав человека являются регулярные попытки Германии на двусторонней и многосторонней основах заставить африканцев признать юрисдикцию Международного уголовного суда (МУС). Этот институт часто использовался для давления на африканских лидеров, что с 2016 г. заставляет африканские страны объявлять о желании выйти из МУС (табл. 1).

Таблица 1.

Страна-претендент на выход	**Статус страны**	**Год**	**Примечание**
Бурунди	Вышла	2017	Страна официально покинула МУС после того, как он начал расследование в отношении нее в ходе политического кризиса.
Южная Африка	Не вышла	2016 2023	Страна дважды подавала заявление на выход из МУС, но ни разу Высший суд ЮАР не ратифицировал выход.
Гамбия	Не вышла	2016	Страна подала заявление о выходе, но смена власти в 2017 г. привела к тому, что страна подтвердила приверженность МУС.
Кения	Не вышла	2013	Парламент страны проголосовал за выход из МУС из-за дела против президента Ухуру Кениаты и вице-президента Уильяма Руто. Но решение не было приведено в исполнение.
Буркина-Фасо, Мали, Нигер	В процессе выхода	2025	Страны заявили о своем выходе из состава МУС и находятся в процессе реализации этой инициативы.

Составлено автором по материалам СМИ и официальных Министерств Бурунди, Южной Африки, Гамбии, Кении, Буркина-Фасо, Мали и Нигера.

Германия совместно с другими членами ЕС через АС пыталась надавить на африканские страны по вопросу ареста Президента Судана Омара аль-Башира. АС принял решение не арестовывать его во время саммита АС в Йоханнесбурге в 2015 г. ввиду того, что легально избранный глава государства должен иметь иммунитет для представления позиции суданской стороны в переговорном процессе [Africa and withdrawal from the ICC, 2016]. Немецкая сторона ратовала за соблюдение решения МУС и арест Президента, склоняла членов АС к принятию решения, идущего вразрез с интересами межправительственной организации.

Наиболее спорной темой в повестке соблюдения прав человека, которую активно продвигает Германия, остаются права меньшинств. В 2023–2024 гг. ЕС и АС столкнулись с противоречиями, которые касались соглашений Самоа, пришедших на смену Котону. Ряд позиций нового соглашения вызвал серьёзные споры среди африканских стран, некоторые из них были обеспокоены тем, что ЕС пытается навязать им собственное видение прав человека через экономические соглашения [Correnti, 2023].

Подобной позиции придерживается и Шерон Слейтер, президент Family Watch International, международной организации, занимающейся продвижением идеи о том, что семья – это фундаментальная единица общества на всех уровнях: национальном и международном. Она заявила, что «европейские страны обманным путем превращают торгово-экономические соглашения в ловушки о правах человека, в навязывание сексуальной и социальной инженерии. Используя силу права, европейцы заставляют страны АКТ принять их ценности» [Urgent Communication, 2023]. Но под давлением, в том числе со стороны Германии, большинство стран АС согласились подписать документ. Причина кроется в необходимости финансовых вливаний в их экономики. Когда на одной чаше весов – существование народов, а на другой – ограничивающийся со всех сторон суверенитет и культурные ценности, выбор делается в пользу первого.

Еще одним элементом четвёртой формы контроля по Сьюзен Стрэндж является активное желание развитых стран формировать медиа-ландшафт развивающихся стран. По мнению автора концепции структурной власти, тот, кто способен формировать медиаконтент, отказывать другим в доступе к информации, контролировать каналы связи, обладает особой властью над умами [Strange, 1988, p. 119–130]. Германия активно включена в процесс контроля за СМИ стран АС. Главным инструментом на этом направлении является немецкая медиакорпорация Deutsche Welle[1]. Она создала в 2011 г. проект под эгидой и финансовым покровительством BMZ специально для стран Африки южнее Сахары – «Африканское повествование» (*African stories*), который призван «давать образование африканским журналистам по созданию образов своих стран, по предоставлению своего контента» [African Stories, 2024]. Образовательная деятельность журналистов предполагает внедрение немецких методов формирования контента, следовательно, невозможно избежать влияния европейских ценностей на африканских журналистов.

Ситуация с пандемией Covid-19 усугубила эту ситуацию. Африканские и российские исследователи доказали, что европейские, и в том числе немецкие, СМИ повлияли на усиление негативной коннотации освещения событий в Африке на собственных информационных платформах. Это коснулось традиционных тем критики: конфликтов, несоблюдения прав человека [Gabore, 2020, p. 299–316; Ивкина, 2024, p. 96–103] и др.

[1] Немецкая медиакорпорация Deutsche Welle (признана иноагентом в РФ) внесена в реестр нежелательных организаций Минюста.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Взятая в качестве теоретической базы исследования концепция структурной власти Сьюзен Стрэндж, несмотря на достаточно продолжительный период своего существования, представляется одним из способов доказательства сохранения влияния европейских стран на африканские страны. Она охватывает целый спектр сфер: от политики и безопасности до гуманитарных вопросов. Практическая проверка теоретических предположений на кейсе немецкой политики в отношении Африканского Союза помогла сделать ряд выводов.

Во-первых, Германия намеренно не формирует отдельной внешнеполитической стратегии по Африке в целом и по Африканскому Союзу, в частности. Это связано с её нежеланием конкретизировать обещания, которые она дает отдельным странам и интеграционным проектам. Более того, определить место и роль АС в структуре внешней политики можно лишь через публичные выступления, интервью первых лиц государства ввиду того, что в нормативно-правовой базе Африканский континент представлен лишь несколькими упоминаниями. Вопросы мира, стабильности и безопасности в АС Германия ставит на первое место, обещая новые финансовые вливания в жизненно необходимые для африканских стран сферы только при условии соблюдения её представлений о правильном поведении политических элит для предотвращения конфликтов в регионе. Кроме того, немецкое правительство направляет финансовые средства в те отрасли, которые прежде всего нивелируют угрозы для Европы и самой Германии. Всё это говорит о том, что первое предположение концепции структурной власти верное: контроль над механизмами безопасности приносит гораздо больше ощутимой пользы тому, кто их финансирует.

Во-вторых, финансы и кредиты в рамках двухуровневой системы также обеспечивают прибыль немецкой стороне. АС никак не влияет на объём выдачи кредитов и лишь опосредованно на сферы, куда деньги могут быть потрачены. Тогда как Германия как один из ведущих доноров МВФ активно диктует условия выдачи средств, приоритетные направления их освоения и проч. Немецкие институты BMZ и GIZ интересуются Африкой по большей части ввиду её ресурсного и человеческого потенциала, создавая ежегодно всё новые программы для получения прибыли.

В-третьих, наибольшую заинтересованность Германия проявляет в реализации последнего, четвёртого элемента структурной власти – контроля над сознанием и распространением знаний. Страна использует свои технические возможности для того, чтобы оказывать влияние на формирование правовых механизмов, ценностей африканских стран. Для этого используются как международные институты, такие как МУС, так и собственные проекты, такие как академии по обучению журналистов ведущими СМИ Германии. Все это даёт возможность формировать африканскую повестку дня, сочетающуюся с интересами европейских стран.

В целом можно сделать вывод о том, у Германии наблюдается одна общая черта, характерная для всех четырёх форм контроля – манипулирование финансированием. Финансирование африканских проектов немецкими государственными и негосударственными институтами осуществляется при соблюдении ряда условий, некоторые из них не только противоречат интересам африканских стран, но и входят в противоречие с нормами международного права и нарушают суверенные права отдельных государств. Африканский Союз для немецкого правительства и бизнес-кругов – это удобный институт обхода обвинений в неоколониальных устремлениях, а также способ преодолеть сложные уровни межнациональных согласований и работы с африканскими политическими кругами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ивкина Н.В. Отношения ЕС со странами Африки (на примере региональных стратегий в зонах Сахеля и Гвинейского Залива). *Азия и Африка сегодня.* 2021. № 2. С. 24–29 [Ivkina N.V. EU Relations with Africa (On the Example of Strategy for Security and Development in the Sahel and the Gulf of Guinea). *Asia and Africa Today*. 2021. No. 2. Pp. 24–29 (in Russian)].

Ивкина Н.В. Международная помощь Африке в борьбе с COVID-19: опыт ЕС. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2024. № 90. С. 96–103 [Ivkina N.V. International Assistance to Africa in the Fight against COVID-19: EU Experience. *Tomsk State University Journal of History*. 2024. No. 90. Pp. 96–103 (in Russian)].

Кукарцева М.А. Гуманитарная политика ЕС в Африке и миграционный кризис. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2018. Т. 11. № 5. С. 142–163 [Kukartseva M.A. The EU's Humanitarian Policy in Africa and Migration Crisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law.* 2018. Vol. 11. No. 5. Pp. 142–163 (in Russian)].

Мезенцев С.В. Африканское миротворчество и Россия. *Ученые записки Института Африки РАН.* 2017. Т. 40. № 3. С. 141–154 [Mezentsev S.V. African Peacemaking and Russia (Opportunities, Issues and Constraints). *Journal of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 40. No. 3. Pp. 141–154 (in Russian)].

Ютяева И.Р. Африканский Союз в роли миротворца: миссия выполнима? *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 193–203 [Iutiaeva I.R. African Union as a Peacekeeper: Is the Mission Possible? *Vostok (Oriens).* 2021. No. 3. Pp. 193–203 (in Russian)].

African Stories – TV production training. *IMove. Training – made in Germany.* 2024. https://www.imove-germany.de/en/vet-success-stories/African-Stories-TV-production-training.htm (accessed: 16.12.2025).

African Union and Germany agree on further cooperation in the areas of skills development, Peace and Security and infrastructure. *African Union.* 05.10.2017. https://au.int/en/pressreleases/20171005/african-union-and-germany-agree-further-cooperation-areas-skills-development (accessed: 11.12.2025).

Bista R.B., Kumar De U. Measuring Vulnerabilities of Trade Blocs During the Covid-19 in the World. *Journal of Economic Integration*. 2025. Vol. 40. No. 4. Pp. 631–654.

Cooperation with regional organizations. African Union. *Federal Ministry for Economic Cooperation and Development.* 2024. https://www.bmz.de/en/countries/african-union (accessed: 17.12.2025).

Correnti L. Developing Countries Revolt Against EU Gender Agenda in New Trade Agreement. *C-Fam*. 2023. https://c-fam.org/friday_fax/developing-countries-revolt-against-eu-gender-agenda-in-new-trade-agreement/ (accessed: 16.12.2025).

Debt-for-climate swaps. *BMZ*. 2023. https://www.bmz.de/en/ issues/climate-change-and-development/climate-financing/debt-for-climate-swaps-195550 (accessed: 15.12.2025).

Europe and Africa – an equal and lasting partnership. *The Federal Government.* 30.10.2018. https://www.bundesregierung.de/breg-en/service/archive/europe-and-africa-an-equal-and-lasting-partnership-1544682 (accessed: 10.12.2025).

Gabore S.M. Western and Chinese Media Representation of Africa in COVID-19 News Coverage. *Asian Journal of Communication*. 2020. Vol. 30. No. 5. Pp. 299–316.

Ghana Signs Debt-Restructuring Deal with Germany, Its Sixth Under IMF Program. *Ecofin Agency*. 11.11.2025. https://www.ecofinagency.com/news/1111-50357-ghana-signs-debt-restructuring-deal-with-germany-its-sixth-under-imf-program (accessed: 13.12.2025).

Growth opportunities through renewable energy: KfW loan benefits German and South African companies. *Federal Ministry for Economic Cooperation and Development.* 25.07.2025. https://www.bmz.de/en/news/ press-releases/kfw-loan-benefits-german-and-south-african-companies-258524 (accessed: 15.12.2025).

Innovative Use Options for the IMF's Special Drawing Rights. Debunking Common Concerns of German Policymakers. *German Watch*. 2025. P. 5. https://www.germanwatch.org/sites/default/files/2025-02/Germanwatch_Innovative%20Use%20Options%20for%20the% 20IMF's%20 Special%20Drawing%20 Rights.pdf (accessed: 17.12.2025).

Klingebiel S., Blohm T.M., Eckle R., Grunow K., Heidenreich F., Mashele P., Therman A. *Donor Contributions to the Strengthening of the African Peace and Security Architecture*. Deutsches Institut für Entwicklungspolitik, 2008.

Lindner C. *Statement by Mr. Christian Lindner Minister of Finance of the Federal Republic of Germany to the International Monetary and Financial Committee.* Washington, D.C. 19.04.2024. https://meetings.imf.org/en/-/media/amsm/files/sm2024/imfc/germany.pdf (accessed: 15.12.2025).

Mardenli A., Sträter K.F., Herrmann C., Sackmann D. The German Act on Corporate Due Diligence Obligations in Supply Chains: An Empirical Assessment of the Agri-Food Supply Chain Based on Experts' Perspectives. *Cleaner Logistics and Supply Chain*. 2025. Vol. 16. Pp. 1–12. DOI: 10.1016/j.clscn.2025.100239

Osaro Edo V., Abiodun Olanrewaju M. An Assessment of the Transformation of the Organization of African Unity (O.A.U) to the African Union (A.U), 1963–2007. *Journal of the Historical Society of Nigeria*. 2012. Vol. 21. Pp. 41–69.

Robust. Resilient. Sustainable. Integrated Security for Germany. National Security Strategy. *The Federal Government.* 2023. https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf (accessed: 15.12.2025).

Şahin O.G., Güneysu G. From Colonisation to Imperialism. *World Review of Political Economy*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 351–378.

Strange S. *States and Markets*. London: Continuum, 1988. Pp. 119–130.

Strange S. *The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

The German Act on Corporate Due Diligence Obligations in Supply Chains. Federal Ministry for Economic Cooperation and Development. 2023. https://www.bmz.de/resource/blob/154774/lieferkettengesetz-faktenpapier-partnerlaender-eng-bf.pdf (accessed: 17.12.2025).

The role of the International Monetary Fund in preventing and managing crises. *Deutsche Bundesbank.* 2022. https://www.bundesbank.de/ resource/blob/898254/6ccf821b6130f0fb14c372b68a021f11/mL/2022-09-iwf-data.pdf (accessed: 15.12.2025).

Urgent Communication Re: ACP-EU Treaty Signing November 15, 2023. *Family Watch International*. https://c-fam.org/wp-content/uploads/URGENT-MEMO-RE-ACP-EU-TREATY-SIGNING.pdf (accessed: 16.12.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВКИНА Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Теории и истории международных отношений РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Natalia V. IVKINA, PhD, Adjunct Lecturer, Theory and History of International Relations Department, RUDN University, Moscow, Russia.

DOI: 10.31696/S086919080039162-5

ИРАНСКИЙ КРИЗИС (ДЕК. 2025 – МАРТ 2026) И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

© 2026

Г.И. ЮЛДАШЕВА [a]

[a] – Координационно-Методический Центр новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан
ORCID: 0000-0001-9979-0329; guli_57@mail.ru

Резюме: *В статье изучаются основные причины и факторы кризиса внутри и вокруг Исламской Республики Иран в период с декабря 2025 по март 2026 г., недавно начатой войны США и Израиля против Исламской Республики, политические и экономические последствия и влияние данного процесса на регион Центральной Азии. В условиях сложной международной ситуации, находящейся на грани глобальной катастрофы, отсутствует единая позиция о перспективах развития Исламской Республики. Вместе с тем очевидно, что будущее нового миропорядка зависит от итогов данного кризиса и соответственной стратегии заинтересованных держав. В этой связи особое внимание уделено взаимодействию и взаимовлиянию внутренних и внешних факторов в развитии Ирана, включая особенности этно-национальной, историко-культурной и религиозной идентичности, экономического развития страны. По мнению автора, проблема выживания и дальнейшего упрочения исламского режима после завершения войны в условиях сохраняющегося многолетнего недовольства масс методами правления страны неизбежно потребует ускорения и углубления процесса преобразований, движения правящего режима в сторону большей открытости и светскости; в любом из возможных случаев страны Центральной Азии (ЦА) сталкиваются со множеством экономических и политических проблем с негативным потенциалом воздействия на нынешнее состояние и перспективы развития региона ЦА. С учётом сказанного, избранные методы включают системно-стратегический, конструктивистский и экономический подходы с основой на эмпирические данные. Анализ политических процессов внутри и вокруг Исламской Республики в изучаемый период, использование последних данных и теоретических подходов, многоуровневый подход определяют оригинальность статьи. Результаты исследования демонстрируют, что вопреки всему исламский режим пока достаточно устойчив и способен оказать сопротивление внутренней и внешней оппозиции, трансформироваться в сторону большей либерализации и светскости, что не снимает с повестки дня рост региональных и глобальных вызовов в регионе Центральной Азии.*

Ключевые слова: Иран, Центральная Азия, внутриполитический кризис, геополитическая борьба, вызовы и угрозы

Для цитирования: Юлдашева Г.И. Иранский кризис (дек. 2025 – март 2026) и его влияние на Центральную Азию. *Восток (Oriens).* 2026. № 4. С. 105–117. DOI: 10.31696/S086919080039162-5

IRANIAN CRISIS (DECEMBER 2025 – MARCH 2026) AND ITS IMPACT ON CENTRAL ASIA

© 2026

Guli I. YULDASHEVA [a]

[a] – Coordination-Methodical Center on Contemporary History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
ORCID: 0000-0001-9979-0329; guli_57@mail.ru

Abstract: *The article investigates main reasons and factors of the crisis in and around Islamic Republic of Iran in December 2025–March 2026, the current war against Iran started by the US and Israel, its political and economic outcomes and influence on Central Asia. In the complex international situation, being on the edge of the global catastrophe, there is no unified position on Iran's future. The future new world order depends on the crisis outcome and interested powers' strategies. Special attention is paid therefore to interaction and mutual influence of various factors in Iran's development, including its ethno-national, historical, cultural, religious and economic development features. It is stated that the problem of survival and further consolidation of the Islamic regime after the war, in conditions of the continuing long-term mass discontent with the country management, will inevitably require acceleration and deepening of the transformation process, the ruling regime's shift towards greater openness and secularism. In any case, CA countries face a multitude of economic and political problems with a negative potential impact on the current state and prospects of regional development. The selected methods include systemic strategic, constructivist, and economic approaches based on empirical data. The subject of analysis during the period under study, the latest data and theoretical approaches, multi-level approach define the article's originality. The findings demonstrate that the Islamic regime is still fairly stable and capable of resisting internal and external opposition, transforming toward greater secularization. This does not remove the issue of growing regional and global challenges in Central Asia.*

Keywords: Iran, Central Asia, crisis, geopolitical struggle, challenges

For citation: Yuldasheva G.I. Iranian Crisis (December 2025 – March 2026) and its Impact on Central Asia. *Vostok (Oriens).* 2026. No. 4. Pp. 105–117. DOI: 10.31696/S086919080039162-5

События в Иране и вокруг него в период с декабря 2025 по март 2026 г. развиваются на фоне чрезмерного обострения геополитической конкуренции великих держав, где роль одной из крупнейших ближневосточных стран – Исламской Республики Иран с её геостратегическим расположением, энергоресурсами, демографическим потенциалом и влиянием в исламском мире имеет огромное значение в построении будущего миропорядка. Данное обстоятельство определяет интерес и поведение в этой части мира глобальных держав, каждая из которых стремится вовлечь Иран в сферу своего влияния. Остроту ситуации прибавляет нерешённость большинства ближневосточных проблем (Газа, Сирия, Ирак, Йемен и др.), кризис международной системы безопасности, рост активности исламистских движений, что влияет на постсоветские регионы, включая Центральную Азию.

Изучение такого масштабного переплетения внутреннего и международного кризисов требует более детального, многомерного исследования. Главной целью данной статьи поэтому является выявление основных причин, факторов и мотивов внутриполитической ситуации в Иране начала 2026 г. в их взаимосвязи с внешними факторами, причинами и

характером текущей американо-израильской войны против Ирана, последствия и влияние этих событий на регион Центральной Азии. Подобный комплексный подход требует учета особенностей этно-национальной, историко-культурной и религиозной идентичности, экономического развития страны.

Автор считает, что проблема выживания и дальнейшего упрочения исламского режима после завершения войны и в условиях сохраняющегося длительного недовольства масс методами правления страны неизбежно потребует ускорения и углубления процесса преобразований, движения правящего режима в сторону большей светскости. Скорость и динамика данного процесса будет зависеть от итогов конструктивного диалога между правительством и народом Ирана. В любом случае страны Центральной Азии (ЦА) сталкиваются со множеством экономических и политических проблем с негативным потенциалом воздействия на нынешнее состояние и перспективы развитие региона ЦА.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Характер и причины разворачивающихся на Ближнем Востоке многолетних конфликтов достаточно широко освещались в научно-аналитической литературе.

В частности, Д. Гёчер полагает, что прежде всего нужно различать революционные ситуации и их результаты, типы революционных изменений, внутренние и международные факторы. Она призывает расширить арсенал используемых исследовательских инструментов и включить международное измерение как составную часть процесса, способного частично объяснить динамику революционной повестки [Göçer, 2013].

О необходимости многоуровневого подхода и применения стратегического анализа внешней политики, взаимодействия исторического подхода с положениями структурного реализма пишет и другой зарубежный исследователь Ф. Даббах Допуская войну как средство обеспечения коллективной безопасности, он вместе с тем требует институциональных механизмов мобилизации силы, интернационализации общих принципов, которые должны соблюдаться всеми государствами [Dabbagh, 2025].

Со своей стороны, В.М. Ахмедов [Ахмедов, 2024, с. 10, 12, 15, 16] подчеркивает значимость именно национальных интересов, а не характера правящего режима в формировании внешней политики на Ближнем Востоке, роль идеологии иранизма в Исламской Республике. Внешние угрозы зачастую вели к укреплению власти центра и консолидации элит в вопросах обеспечения безопасности государства.

Наряду с этим в странах Содружества независимых государств (СНГ) наблюдается отход от позиции отождествления таких протестных движений с так называемыми «цветными революциями», «рукой Вашингтона». В итоге подобных революций «демократизация Большого Ближнего Востока» не была осуществлена – на смену пришли ещё более нестабильные режимы [Ланцов, 2013, с. 146, 156], в ряде стран усилились позиции исламистов, обострились региональные проблемы [Elfatih, Salam, 2015, с. 137, 138].

В продолжение темы группа российских авторов [Гринин и др., 2016, с. 8–12] увязывают события в Арабском мире с серьёзными диспропорциями в развитии общества, возникшими в результате ускоренной модернизации.

Проблемы значимости в мире сложившихся единых норм и правил, трансформации глобального порядка поднимает ряд других исследователей [Шевелёв, 2020, с. 27–36; Seevan, 2025]. Параллельно изучается роль так называемых «жидких» альянсов в современной геополитике [Katz, 2025].

Анализ итогов 12-дневной июньской войны 2025 г. Ирана с Израилем и США, ведёт группу исследователей к выводу о том, что конфликт с Ираном фактически истощил ре-

сурсы Запада и ослабил его. Война расширила в конечном счете стратегические умения и адаптацию Ирана на национальном уровне, что ведет к эволюции доктрины обороны Исламской Республики [Farnia, 2025; Bahrami, 2025; Jamshidi, Mohammadi, 2025].

Таким образом, последние исследования ближневосточных кризисов показывают необходимость расширения и углубления методологии исследования при анализе сложных социально-политических явлений, что и учтено в данной статье.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Одной из основных причин антиправительственных демонстраций в Иране конца 2025 – начала 2026 гг. явился многолетний экономический кризис страны, что во многом было связано с неэффективностью самих институциональных основ действующей власти, с неспособностью действовавшего режима решить социально-экономические проблемы страны. Внешние причины связаны с продолжением и ужесточением международных санкций, политикой максимального экономического сдерживания Ирана президента США Д. Трампа, обострением в последние годы всей ближневосточной ситуации. В итоге показатели инфляции в стране за последние пять лет колеблются в пределах 30 – выше 47% (см. рис. 1)[1].

Среднемесячная заработная плата колебалась ещё в начале 2025 г. в пределах 135–200 долл., что явно не достигало базового прожиточного уровня [Iranian Currency, 2025]. Уровень безработицы среди молодежи в Иране с 2011 по 2024 г. в среднем составлял 25,01% [Youth Unemployment, 2026]. Более одной трети населения живёт за чертой бедности [Khamenei Meets, 2025]. К концу 2025 г. инфляция в стране достигла 42,2% в год, а национальная валюта ослабла к доллару до рекордно низкого уровня – её курс составлял 42 050 иранских риалов за доллар [Доллар с начала, 2026]. Неслучайно, протестное движение началось как забастовка торговцев на Большом базаре против роста цен и девальвации риала.

По мере расширения протестов кризис вышел за рамки чисто экономических требований [Inside Iran's, 2026]. Если в 2019 г. критика действий правительства активизировала политику максимального сопротивления санкциям [Yuldasheva, 2025, p. 162–163] и принесла свои, пусть и ограниченные, плоды, достаточные для того, чтобы продолжить развитие ядерной программы, то в условиях новых санкций и обострения международной обстановки в 2026 г. отсутствие чёткой экономической стратегии, её неэффективность поставили Иран на грань политического коллапса.

Действительно, бюджет Ирана был обременён расходами на поддержку различных прокси-сил, боевых организаций типа Хизбалла и ХАМАС, а санкции ООН и США, введённые в октябре 2025 г., привели к снижению экспорта нефти до уровня менее 500 000 баррелей в день к середине января 2026 г. [Frelich, 2026]. Экономический кризис усугубился последствиями Двенадцатидневной войны против Израиля в июне 2025 г., что привело к значительному ущербу для инфраструктуры, ослаблению прокси-союзников и более глубокой экономической изоляции. 12 января 2026 г. Соединённые Штаты ввели новые санкции и рассматривали возможность введения тарифов для стран, торгующих с Ираном. В этой связи президент Ирана Масуд Пезешкиан признал, подразумевая экономические трудности страны: «Я ничего не могу сделать» [Pietromarchi, 2026].

Очевидно, что народ Ирана заинтересован не только в совершенствовании всей системы социально-экономического управления, но и в существенных переменах во внешней политике страны, что могло бы привести к снятию санкций и, соответственно, улучшению

[1] Рис. 1–2 находятся на цветной вклейке.

их уровня жизни. Тем более, что торговля с региональными странами в условиях санкций оказалась не способной удовлетворить потребности Ирана. Отметим лишь наиболее крупных партнеров, чей товарооборот превышает миллиард долларов: Китай с товарооборотом более 13 млрд долл., Турция – около 5,7 млрд долл. Экспорт Ирана в Пакистан – до 1,2 млрд долл., экспорт Ирана в Индию – чуть более 1,05 млрд долл. [Уткина, 2026]. Большинство стран даже из этого списка подвергались различному давлению политики США и были вынуждены действовать с оглядкой на санкции.

Однако к весне 2026 г., несмотря на санкции и продолжение военных действий, Иран почти удвоил свои ежедневные доходы от продажи нефти. В то время, как после закрытия Ормузского пролива Корпусом Стражей Иранской Революции (КСИР) многие страны региона теряют доходы из-за сбоев в логистике, Тегеран успешно адаптировал свою инфраструктуру, перенеся финансовые расчеты в Азию и привлекая к схемам китайские нефтеперерабатывающие предприятия. С начала марта 2026 г. Иран поставил более 16 млн баррелей нефти, общий объем экспорта через пролив достиг около 24 млн баррелей, доходы Ирана превышают 140 млн долл. в день. Львиная доля этих средств направляется на финансирование КСИР [Иран наращивает, 2026; Голобородько, 2026].

Таким образом, вопреки всем тяготам войны, весной 2026 г. сформировалась позитивная для иранского режима экономическая тенденция в области поставок нефти, что предоставило возможность для укрепления военно-политической силы и связанных с ней жестких консерваторов Ирана.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Дополнительно к сказанному выше, негативно сказалась и концентрация иранской власти на военно-политических вопросах, особенно после 12-дневной войны и широко распространённая в государственном секторе коррупция: Transparency International поставила Иран в 2025 г. на 153-е место из 182 стран в своём Индексе восприятия коррупции [Iran – Corruption, 2026].

Ситуация осложняется продолжением нескончаемого конфликта исламского режима с Соединёнными Штатами и Израилем, что включает их прямое и косвенное вовлечение во внутренние дела Ирана. Неслучайно, антиправительственные протесты в Иране охватили более 170 городов во всех 31 провинциях страны [Ли, 2026]. Доминирующими лозунгами демонстрантов выступили лозунги типа «Смерть Аятолле Хаменеи!» и «Ни Пехлеви, ни Хаменеи! Свобода и демократия!». Народ требовал смены режима, установления более либерального, светского, демократического общества. В ответ иранское правительство обвиняло протестующих в сотрудничестве с внешними силами и реализации на деле их внешнего заговора. Число погибших в ходе протестов составляло, по западным оценкам, 30 тыс. человек [Власти Ирана заявили, 2026], по официальным – 3117, из которых 2427 были гражданскими лицами и представителями сил безопасности.

В целом движение, признает большинство экспертов, носило неорганизованный характер, без какой-либо четкой программы действий. В этом очевидно сказываются различия интересов населения Ирана, осложняющие их сплочение в единое целое и выдвижение лидера, способного удовлетворить все запросы населения.

В этно-национальном плане 92-миллионный Иран не един. Азербайджанцы, согласно многим международным отчетам, составляют 35%, курды – 10%, луры – 6%, белуджи, арабы и туркмены – по 2% каждая этническая группа [Рутуллу, 2026]. При этом более 61% персов и азери занимают привилегированное положение в нынешней политической системе страны, президент Ирана М. Пезешкиан относит себя к азербайджанским тюркам, а отец

Аятоллы Хаменеи был этническим азербайджанцем. В таких условиях сильная оппозиция просто исключена.

Оппозиционным потенциалом могли бы, конечно, обладать представители таких нацменьшинств, как курды и белуджи, часть молодого поколения и женщин, стремящиеся к большей личной и политической свободе, что могло быть использовано внешними силами в своих целях. Десятилетия экономических и политических лишений, репрессии и коррупция при исламском режиме привели часть населения к отчуждению от исламской религии. В этой связи часть общества призывает сегодня вернуться к своим историко-культурным истокам – зороастризму. Однако, как показало время, большинство населения не поддержало подобные идеи. Ислам достаточно прочно укоренен в сознании и мировосприятии иранцев, страна до сих пор является одним из неформальных лидеров Организации исламского сотрудничества (ОИС), оказывая серьезное влияние на шиитскую часть исламского мира. Большинство иранцев, как следует из частных бесед автора в 2019 г., мечтают лишь о турецком варианте светской мусульманской страны как наиболее приемлемом для Ирана.

В данном контексте предпринятый правительством диалог с массами и проправительственные демонстрации привели к 16 января 2026 г. к снижению активности протестов. Гордость иранцев своей историей и культурой, в целом своей уникальной идентичностью отодвигает на второй план внутренние разногласия и сплачивает народ в условиях роста внешних угроз.

Тем не менее США не могут полностью отказаться от идеи свержения режима. Во-первых, новое, более послушное правительство не чинило бы препятствий на пути к нефтегазовым ресурсам региона – известная цель Вашингтона со времен первых американских миссий в регион в 1920–1930-х гг. Во-вторых, это позволило бы сформировать ближневосточную модель развития под эгидой США и Израиля. И в-третьих, что приобретает особое значение на нынешнем этапе, – устранить доминирование своего главного геополитического конкурента – Китая, стратегического партнера и главного покупателя нефти Ирана: летом 2025 г. Пекин получил свыше 92% экспорта сырой нефти из Ирана [Ghasseminejad, Taleblu, 2025].

Соответственно, США выступили в поддержку протестующих и нарастили военное присутствие в регионе. Оправданием президентом Д. Трампом последовавших 28 февраля 2026 г. военных действий США и Израиля против Ирана явился «безуспешный» раунд переговоров с Ираном. Лидеры США и Израиля заявили, что операция направлена на устранение угрозы со стороны иранского режима и создание условий для перемен в стране [Час вашей свободы, 2026]. В ходе атак погибли высший руководитель Аятолла Али Хаменеи и ряд высокопоставленных лиц Ирана. В ответ Иран провёл серию ракетно-дроновых ударов по Израилю и по американским базам, находящимся на территории арабских стран региона. События развиваются в нарушение международного права и принципов международной жизни [The Guardian View, 2026], на фоне растущей оппозиции войне против Ирана – 52% американцев, согласно экспресс-опросу, проведенному Washington Post, и 59%, согласно опросу CNN, не одобряют решение о начале войны [Bailey, 2026].

Очевидно, что большинство государств мира имеют свои геополитические и экономические интересы, связанные с Ираном, и не заинтересованы в нагнетании конфронтации и региональной нестабильности. Так, помимо партнерства с Китаем, Иран 17 января 2025 г. подписал Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве с Россией [Что происходит в Иране, 2026].

Однако у соседних государств Персидского залива, прежде заинтересованных в конструктивном партнерстве с Ираном, растут опасения как по поводу сотрудничества с США, так и по поводу продолжающихся атак Ирана на военно-политические объекты США,

расположенные на их территории. Причина в том, что, наряду с военными объектами США, иранские удары наносились по транспортной и топливно-энергетической инфраструктуре, отдельным жилым районам. Одновременно перекрытие КСИР Ормузского пролива привело, по словам экспертов, к ежедневным потерям в экспорте нефти от 700 млн до 1,2 млрд долл. [Худший кошмар, 2026].

Как следствие, 11 марта Совет Безопасности ООН принял резолюцию, одобренную 13 из 15 голосов членов Совбеза, с требованием немедленно прекратить атаки Ирана на государства в Персидском заливе, представляющие «серьезную угрозу глобальному миру и безопасности». Резолюцию внесли страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива – Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Кувейт, Оман, Катар и Бахрейн — вместе с Иорданией [Хайдаралиев, 2026]. В качестве условий для завершения конфликта Иран требует от США компенсаций за нанесенный ущерб и вывода американских сил из зоны Персидского залива [В Иране назвали, 2026].

Таким образом, внутренняя ситуация в Иране в рассматриваемый период тесно взаимоувязана с ближневосточной политикой США и Израиля, что спровоцировало начало ирано-американо-израильской войны с частичным охватом территории стран Персидского Залива и вовлеченностью здесь интересов других региональных акторов.

ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

События, связанные с Ираном, несомненно, оказывают свое влияние на регион Центральной Азии в силу территориальной, исторической и религиозно-культурной близости, переплетения общих экономических и политических интересов, проблем региональной безопасности. Однако, несмотря на это, центральноазиатские страны изолированы от территории военных действий и сохраняют нейтралитет в соответствии со своими внешнеполитическими концепциями о неприсоединении к каким-либо военным союзам и блокам (например, Узбекистан), запрещающим размещение зарубежных военных баз на территории региона. Препятствуют этому также низкий уровень экономических и других контактов вследствие продолжения международных санкций и незавершенности транспортных проектов, нестабильность в Афганистане и, безусловно, трудности самих развивающихся государств региона.

Однако страны ЦА и Иран принадлежат к общей исламской умме, исповедуют общеисламские ценности и имеют общие подходы к ближневосточной политике США и Израиля. При этом такие идеологические различия, как секуляризм/фундаментализм и шииты/сунниты, не играют особо серьезной роли в отношениях стран ЦА с Ираном. Тем не менее общие ирано-центральноазиатские интересы подвергаются сегодня серьёзным вызовам.

Геополитическая нестабильность. Большинство вызовов вызвано геополитической неопределённостью, что связано как с ослаблением международного статуса США, имидж которых существенно пострадал от поддержки ближневосточной политики Израиля и роста напряжённости в отношениях с ЕС, так и с хрупкостью существующих союзов и альянсов государств. Иран и страны ЦА оказываются по разные стороны геополитической «баррикады»: в то время, когда Тегеран вступил в войну с Соединёнными Штатами и Израилем, Казахстан и Узбекистан вошли в январе 2026 г. в Совет Мира, созданный президентом Д. Трампом, якобы для урегулирования ближневосточных проблем. На деле данная инициатива была выдвинута в преддверии атак на Иран с целью заручиться финансовой и иной поддержкой зависимых от Вашингтона мусульманских государств, составляющих 10 из 19 членов Совета, и реализации идеи о Большом Ближнем Востоке, подконтрольном Израилю

и США. Данное обстоятельство вызывает определенное напряжение в отношениях Ирана и государств ЦА.

Потенциал ядерной войны. Широкомасштабный военный конфликт и геополитическая напряжённость создают все условия для ядерной катастрофы. Тем более, что в Иране и во многих других странах региона, подвергшихся военным атакам, есть ядерные объекты [*Кризис вокруг Ирана*, 2026] или используются ядерные технологии.

Терроризм. Усиленная геополитическая конкуренция и соперничество держав будут также подпитывать благоприятную среду для развития терроризма [Gunaratna, 2026]. В частности, атаки «Техрик-и-Талибан Пакистан» (ТТП) уже привели к войне между Афганистаном и Пакистаном.

Рост миграции. Война против Ирана вызывает неконтролируемый рост миграции, которая может достигнуть около 30 млн чел., это станет крупнейшим миграционным кризисом в мире со времен Второй мировой войны [Шустов, 2026]. В Центральной Азии наряду с сохраняющимся потоком миграции из Афганистана [Azizi, 2025] есть риск проникновения мигрантов из соседнего с Ираном Туркменистана. В результате в соседних с Ираном регионах может возникнуть острейший гуманитарный кризис с угрозами их экономическому благополучию и общественно-политической стабильности.

Торговля наркотиками. Накопленные запасы конфискованного ранее Тегераном героина могут попасть на мировой рынок, а через порты Бендер-Аббас или Бушер – в любую точку мира [Осколкова, 2026]. Тегеран вряд ли будет способен, как прежде, оказать помощь странам ЦА в борьбе с этой угрозой.

Проблемы с транспортными проектами. Агрессия против Ирана создает риски для всей евразийской транспортной системы. В частности, приостановлены на неопределенный срок индо-иранский проект Чабахор, транспортный коридор Север-Юг, строительство Трансафганской железной дороги, коридоры Узбекистан-Афганистан-Пакистан и Узбекистан-Туркменистан-Иран-Оман. В итоге экономические маршруты из Центральной Азии могут опираться лишь на спонсируемые Китаем коридоры из Пакистана и маршруты через Россию.

Рост влияния Китая и России – Конфликт усиливает позиции в регионе Китая и России, как реальных экономических партнеров, чья позиция по ближневосточному кризису близка с позицией республик ЦА.

Особую роль в этой связи выполняет Китай, чьи интересы и наличие соответственных ресурсов для выстраивания южных маршрутов очень важны для ЦА в нынешних условиях. Пекин строит железнодорожный терминал в Серахсе на границе между Туркменистаном и Ираном, что, по ожиданиям, ускорит контейнерные перевозки по маршрутам Китай – Центральная Азия – Иран – Турция – ЕС и через Персидский залив [Григорьев, 2026]. Торговля Узбекистана и Китая в 2025 г. уже достигла 17,8 млрд долл. [Налбантов, 2026]. Россия сохранила достаточно сильные позиции в Казахстане, 80% казахстанского экспорта нефти идет через российский Каспийский трубопроводный консорциум [Давлатов, 2026], она остается вторым после Китая торговым партнером Узбекистана.

Рост регионализма в ЦА. Текущие риски и вызовы региону способствуют тенденции углубления процессов центральноазиатского регионализма, формированию субъектности региона ЦА в международной политике [Таджиев, 2026].

***

Таким образом, война США и Израиля с Ираном вызывает в Центральной Азии ряд серьёзных экономических и политических проблем. В целом весь рассмотренный регио-

нальный процесс и его последствия можно представить в следующей упрощенной форме (см. рис. 2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренная в Иране ситуация объясняется, во-первых, объективно неизбежными проблемами развивающейся страны, существенно ограниченной в своих возможностях международными санкциями. Во-вторых, вмешательством и давлением извне США и Израиля, заинтересованных, пользуясь внутренним кризисом власти в Иране и нестабильной международной ситуацией, осуществить здесь смену власти в интересах построения в будущем Большого Ближнего Востока под эгидой Израиля и США. Такой итог означал бы победу США в геополитическом сражении с Китаем и Россией, закрепление глобального лидерства США в новом формате. Следовательно, влияние внешних факторов на ситуацию в Иране явно превышает воздействие внутренних факторов развития страны и во многом определяют итоги данного процесса.

Вместе с тем как американо-израильские военные операции, так и действия явно малочисленной оппозиции исламскому режиму проявили определенную неподготовленность и неорганизованность, что обрекает их на неудачи. В результате, как и в прошлом, пошатнувшееся было влияние жестко консервативных кругов в Тегеране только усилилось в результате вмешательства США, что затрудняет начало переговорного процесса и свидетельствует о живучести в Иране религиозных устоев.

В этой связи и с учетом разрастания масштабов региональной войны можно ожидать в пессимистическом сценарии глобальный хаос и начало третьей мировой войны с непредсказуемыми итогами для всего мира.

В оптимистическом сценарии, все ещё возможном с учетом прагматизма и рационализма большинства держав, есть потенциал для организации переговорного процесса с достижением консенсуса между Ираном, США и Израилем, приемлемого баланса интересов вовлеченных сторон. В этом случае исламский режим может сохраниться. Однако ясно, что необходимость после завершения войны сохранить и далее упрочить исламский режим в условиях сохраняющегося многолетнего недовольства масс методами правления страны неизбежно потребует ускорения процесса преобразований, движения правящего режима в сторону большей открытости и светскости. В своё время покойный Хаменеи был вынужден учесть настроения масс и допустить к власти ряд реформаторов типа М. Пезешкиана, что свидетельствует о том, что в стране еще есть прагматично мыслящие лидеры, в том числе и в рядах КСИР – большинство иранской элиты имеет за плечами западное образование, к тому же опыт прошлого англо-американского присутствия в Иране повлиял на распространение в стране элементов западной культуры. Предположительно поэтому процесс в сторону светскости будет развиваться параллельно с ростом усиления роли КСИР и милитаризации экономики как инструмент «мягкой силы» внутри страны и способ окончательно стабилизировать страну дозированными либеральными мерами.

В случае недостижения компромисса воюющих сторон, но при условии исключения ядерной катастрофы, вполне вероятна затяжная региональная война.

Даже при оптимистическом сценарии страны ЦА сталкиваются со множеством экономических и политических проблем с негативным потенциалом воздействия на развитие региона Центральной Азии, что вызывает ответный рост регионализма и субъектности региона ЦА. Надёжное партнерство ожидается лишь со стороны Китая и России. При этом активность в регионе Китая логически предусматривает вовлечение ЕС как конечного пункта планируемых коридоров.

В теоретическом плане можно добавить следующие выводы:

• подтверждается необходимость расширения и углубления методологического инструментария, учета комплекса внутренних и внешних факторов при проведении исследований регионов стратегического значения;

• специфика ближневосточных конфликтов в немалой степени определяется наряду с социально-экономическими и политическими причинами и факторами национальной, историко-культурной и религиозной идентичности, значимостью национальных интересов страны;

• в условиях ужесточения геополитической конкуренции наблюдается, о чём свидетельствуют события в Иране, происходит активное вовлечение внешних сил в организацию и поддержку анти-правительственных протестов;

• глобальный порядок трансформируется, но будущее трудно прогнозировать в силу отсутствия единого центра силы, признаваемого всеми государствами системы международных отношений и слабости существующих союзов.

Наиболее востребованным в этих условиях остается коллективный международный подход к решению регионально-глобальной ситуации. С этой целью было бы плодотворно наладить сотрудничество в области безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества, между исламскими государствами и странами ЦА, и начать переговорный процесс между США, Россией и Китаем о путях приемлемого для всех выхода из сложившейся ситуации.

СОКРАЩЕНИЯ/ABBREVIATIONS

ОИС – Организация исламского сотрудничества [OIS – Organization of Islamic Cooperation].

КСИР – Корпус стражей исламской революции [Islamic Revolutionary Guard Corps]

СНГ – Содружество независимых государств [SNG – Commonwealth of Independent States].

ТТП – Техрик-и-Талибан Пакистан [TTP – Tehrik-i-Taliban Pakistan].

ЦА – Центральная Азия [CA– Central Asia].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Ахмедов В.М. Сирийско-иранский альянс в контексте политики Ирана на Ближнем Востоке. *Ближний и Постсоветский Восток*. 2024. № 2(6). С. 7–34 [Akhmedov V.M. Syria-Iran Alliance in Context of Iran's Politics in the Middle East. *Middle & Post-Soviet East*. 2024. No. 2(6). Pp. 7–34 (in Russian)].

В Иране назвали условия завершения конфликта. *РИА Новости.* 14.03.2026 [Iran Named the Conditions to End the Conflict. *RIA Novosti.* 14.03.2026 (in Russian)]. https://ria.ru/20260314/iran-2080658230.html (accessed: 14.03.2026).

Власти Ирана заявили о более 3000 погибших во время протестов. *Gazeta.uz.* 23.01.2026 [Iranian Authorities Declared More than 3,000 Deaths During the Protests. *Gazeta.uz.* 23.01.2026 (in Russian)]. https://www.gazeta.uz/ru/2026/01/23/iran-protests (accessed: 01.24.2026).

Голобородько Я. Иран удвоил доходы от продажи нефти в условиях войны. *Minfin.com.ua*. 31.03.2026 [Goloborodko Y. Iran Doubled Oil Revenues Amid War. *Minfin.com.ua.* 31.03.2026 (in Russian)]. https://minfin.com.ua/2026/03/31/171041722/ (accessed: 04.04.2026).

Григорьев А. Агрессия против Ирана выбивает ключевое звено евразийских транспортных коридоров. *Centrasia.org*. 02.03.2026 [Grigoryev A. Aggression against Iran Knocks out a Key Link of Eurasian Transport Corridors. *Centrasia.org*. 02.03.2026 (in Russian)]. https://centrasia.org/newsA.php?st=177240744002.03.2026 (accessed: 03.11.2026).

Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. Изд. 2-е. М.: «Учитель», 2016 [Grinin L.E., Isaev L.M., Korotaev A.V. *Revolutions and Instability in the Middle East*. Second ed. M.: "Uchitel", 2016 (in Russian)].

Давлатов А. Исторический шанс Узбекистана. *Daryo.uz.* 09.02.2026 [Davlatov A. Uzbekistan's Historical Chance. *Daryo.uz.* 09.02.2026 (in Russian)]. https://daryo.uz/ru/2026/02/09/istoricheskiy-shans-uzbekistana (accessed: 03.11.2026).

Доллар с начала 2026 года вырос на рынке Forex к валюте Ирана на 2300%. *TradingView.* 12.01.2026 [Since the Beginning of 2026, the Dollar Has Risen by 2300% against the Iranian Currency on the Forex Market. *TradingView.* 12.01.2026 (in Russian)] https://ru.tradingview.com/news/rbc:b8d347cb767b8:0/ (accessed: 01.19.2026).

Иран наращивает экспорт нефти через Ормуз. *Trtrussian.com.* 18.03.2026 [Iran is Increasing Oil Exports Through Hormuz. *Trtrussian.com.* 18.03.2026 (in Russian)] https://www.trtrussian.com/article/a390759312a7 (accessed: 04.04.2026).

Кризис вокруг Ирана: МАГАТЭ призывает к сдержанности на фоне продолжающихся ударов. *OOH*. 02.03.2026 [Crisis around Iran: the IAEA Calls for Restraint Amid Ongoing Attacks. *UN*. 02.03.2026 (in Russian)]. https://news.un.org/ru/story/2026/03/1467461 (accessed: 04.04.2026).

Ланцов С.А. Революционные процессы на Ближнем Востоке: социально-политические механизмы и геополитические последствия. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2013. Т. 9. № 1. С. 144–159 [Lantsov S.A. Revolutionary Processes in the Middle East: Social and Political Mechanisms and Geopolitical Consequences. *Political Expertise: POLITEX*. 2013. Vol. 9. No. 1. Pp. 144–159 (in Russian)].

Ли И. Протесты в Иране в январе 2026 года: 170 городов, обвал риала и кризис режима. *Новые Известия.* 09.01.2026 [Li I. Protests in Iran in January 2026: 170 Cities, Rial Collapse, and Regime Crisis. *Novye Izvestia*. 09.01.2026 (in Russian)]. https://clck.ru/3URZUd (accessed: 01.19.2026).

Налбантов Р. Узбекистан и Китай планируют довести взаимную торговлю до 20 млрд. долларов. *Daryo.uz*. 04.03.2026 [Nalbantov R. Uzbekistan and China Plan to Increase Mutual Trade to $20 Billion. *Daryo.uz.* 04.03.2026 (in Russian)] https://daryo.uz/ru/2026/03/04/uzbekistan-kitaj-torgovyj-oborot-proekty (accessed: 03.11.2026).

Осколкова З. Конфликт на Ближнем Востоке может привести к героиновому буму на планете. *Newdaynews.ru.* 10.03.2026 [Oskolkova Z. The Conflict in the Middle East Could Lead to a Heroin Boom on the Planet. *Newdaynews.ru.* 10.03.2026 (in Russian)] https://newdaynews.ru/inworld/870967.html (accessed: 03.16.2026).

Рутуллу К. Сколько азербайджанцев проживает в Иране? *Modern.az.*18.01.2026 [Rutullu K. How Many Azerbaijanis Live in Iran? *Modern.az.*18.01.2026 (in Russian)] https://modern.az/ru/diaspor/ 558874/skolko-azerbaydzhancev-prozhivaet-v-irane/ (accessed: 01.19.2026).

Таджиев Ш. Центральная Азия: в какой динамике живёт регион и как удерживает свою стабильность? *Gazeta.uz.* 03.03.2026 [Tadjiev S. Central Asia: What Dynamics the Region Lives in and How it Maintains its Stability? *Gazeta.uz.* 03.03.2026 (in Russian)] https://www.gazeta.uz/ru/2026/03/03/regional-order-ca (accessed: 19.04.2026).

Уткина М. Что случилось с экономикой Ирана: как санкции привели Иран к протестам? *Вестник Кавказа*. 18.01.2026 [Utkina M. What Happened to Iranian Economy: How Did Sanctions Lead Iran to Protests? *Vestnik Kavkaza.* 18.01.2026 (in Russian)] https://vestikavkaza.ru/articles/cto-slucilos-s-ekonomikoj-irana-kak-sankcii-priveli-iran-k-protestam.html (accessed: 19.01.2026).

Хайдаралиев А. Совбез ООН потребовал от Ирана прекратить атаки на страны Персидского залива. *Kun.uz.* 12.03.2026 [Khaidaraliev A. The UN Council Demanded that Iran Stop Attacks on Persian Gulf Countries. *Kun.uz.* 12.03.2026 (in Russian)]. https://kun.uz/ru/news/2026/03/12/sovbez-oon-potreboval-ot-irana-prekratit-ataki-na-strany-persidskogo-zaliva (accessed: 04.04.2026).

Худший кошмар: Страны Персидского залива отдуваются за войну, которую не они начали. *EADaily.com*. 14.03.2026 [The Worst Nightmare: Persian Gulf Countries Are Being Held Accountable for

the War they Didn't Start. *EADaily.com*. 14.03.2026 (in Russian)] https://eadaily.com/ru/news/2026/03/14/hudshiy-koshmar-strany-persidskogo-zaliva-otduvayutsya-za-voynu-kotoruyu-ne-oni-nachali (accessed: 15.03.2026).

Что происходит в Иране в 2026 году: последние новости, протесты, отношения с Россией и США. *Life.ru*. 17.01.2026 [What is Happening in Iran in 2026: Latest News, Protests, Relations with Russia and the USA. *Life.ru*. 17.01.2026 (in Russian)] https://life.ru/p/1830877 (accessed: 01.18.2026).

"Час вашей свободы близок". Трамп обратился к народу и военным Ирана. *Tengrinews.kz*. 28.02.2026. ["The Hour of Your Freedom is Near" Trump Addressed the People and the Military of Iran. *Tengrinews.kz*. 28.02.2026] https://tengrinews.kz/world_news/chas-vashey-svobodyi-blizok-tramp-obratil-sya-narodu-voennyim-593697/ (accessed: 03.01.2026).

Шевелёв Д.Л. Ближний Восток и системы международных отношений: принципы, хронология, теории. *Журнал международного права и международных отношений*. 2020. № 1–2(92–93) [Shevelev D.L. The Middle East and the Systems of International Relations: Principles, Timeline, Theories. *Journal of International Law and International Relations*. 2020. No. 1–2(92–93) (in Russian)].

Шустов А. Какие страны пострадают от притока иранских беженцев, если начнется их исход. *Ritmeurasia.ru.*13.03.2026 [Shustov A. Which Countries Will Suffer from the Influx of Iranian Refugees if Their Exodus Begins. *Ritmeurasia.ru.* 13.03.2026 (in Russian)] https://www.ritmeurasia.ru/news--2026-03-13--kakie-strany-postradajut-ot-pritoka-iranskih-bezhencev-esli-nachnetsja-ih-ishod-86422 (accessed: 01.12.2026).

Azizi A. Iran Plans to Relocate Afghan Migrants from Semnan Province by 2026. *Amu.tv*. 01.05.2025. https://amu.tv/148742/ (accessed: 01.18.2026).

Bahrami Z. National Integration and Identity: The Impact of the 12-Day War on the Iranian People. *Middle East Critique*. Abstract. Pp. 837–843. 06.11.2025. https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/19436149.2025.2576350 (accessed: 04.04.2026).

Bailey Ph. M. Trump's War in Iran Polls Badly, but will it Hurt Republicans in 2026? *USA TODAY*. 03.05.2026. https://www.usatoday.com/story/news/politics/2026/03/05/will-iran-war-hurt-republicans-2026-elections/88948398007/ (accessed: 03.18.2026).

Dabbagh F.N. Strategizing Foreign Policy Analysis of the Current Middle East Crisis. *Open Access Library Journal*. 2025. 12: e12905. https://doi.org/10.4236/oalib.1112905 (accessed: 04.04.2026).

Elfatih A. Abdel S. The Arab Spring: Its Origins, Evolution and Consequences… Four Years on. *Intellectual Discourse*. 2015. No. 1(23). Pp. 119–139.

Farnia N. The 12-Day War and the Collapse of US Imperialism. *Middle East Critique.* 2025. No. 4 (34). Pp. 791–795.

Frelich A. The Situation in Iran 2025–2026: an Analysis. *Milmag.* 01.17.2026. https://milmag.pl/en/the-situation-in-iran-2025-2026-an-analysis (accessed: 01.19.2026).

Ghasseminejad S., Taleblu B. Despite War and Sanctions, Iran's Oil Exports Surge. *The Hill.* https://thehill.com/opinion/national-security/5425710-despite-war-and-sanctions-irans-oil-exports-surge/ (accessed: 01.16.2026).

Göçer D. A. Theories of Revolutions and Arab Uprisings: The Lessons from the Middle East. *Ortadoğu Etütleri*. Jan. 2013. Vol. 4. No. 2. Pp. 85–110.

Gunaratna R. CO26001. Global Terrorism Forecast 2026. *S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS)*. 01.05.2026. https://rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/global-terrorism-forecast-2026/ (accessed: 01.17.2026).

Inside Iran's Economic Meltdown Currency Collapse: Infection and Social Unrest. *Investing.com.* 01.14.2026. https://www.investing.com/analysis/inside-irans-economic-meltdown-currency-collapse-inflation-and-social-unrest-200673212 (accessed: 01.18.2026).

Iran – Corruption Perception Index. *Transparency International.* 2026. https://www.transparency.org/en/countries/iran (accessed: 01.20.2026).

Iran Inflation Rate. *Macrotrends.* 2026. https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/irn/iran/inflation-rate-cpi (accessed: 01.19.2026).

Iran Inflation Rate. *Trading Economics.* 2026. https://tradingeconomics.com/iran/inflation-cpi (accessed: 01.19.2026).

Iranian Currency Hits Record Low after Khamenei Rejects US Talks. *Iranintl.com.* 02.08.2025. https://www.iranintl.com/en/202502089494 (accessed: 01.17.2026).

Jamshidi M., Mohammadi M. *Resetting Deterrence: The Evolution of Iran's Defense Doctrine Following the 12-Day War*. Abstract. Pp. 797–802. 11.11.2025.

Katz Y. A Decade of Change in Middle Eastern Geopolitics. *Athens Journal of Politics & International Affairs*. June 2025. Vol. 1. Iss. 2. Pp. 163–178.

Khamenei Meets Hamas Leaders, Doubles Down on Anti-US Stance. *Iranintl.com*. 02.08.2025. https://www.iranintl.com/en/202502085038 (accessed: 02.10.2026).

Seevan S. The Crises in the Middle East: Reshaping the Region's Geopolitical Landscape and Altering the Global order. *Asian Review of Political Economy*. 2025. No. 1(4).

The Guardian View on the Iran War and International Law: it's Worse than a Mistake; it's a Crime. *The Guardian.* 03.13.2026. https://www.theguardian.com/commentisfree/2026/mar/13/the-guardian-view-on-the-iran-war-and-international-law-its-worse-than-a-mistake-its-a (accessed: 03.18.2026).

Youth Unemployment Rate in Iran. *Trading Economics.* 2026. https://ru.tradingeconomics.com/iran/youth-unemployment-rate (accessed: 01.19.2026).

Yuldasheva G.I. Economy as an Essential Part of Current Politics in the Islamic Republic of Iran (November-December 2019). *Vostok (Oriens).* 2025. No. 1. Pp. 157–169.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮЛДАШЕВА Гули Исматуллаевна – доктор политических наук, профессор, старший научный сотрудник Координационно-Методического Центра новейшей истории Узбекистана при АН РУз, Ташкент, Узбекистан.

Guli I. YULDASHEVA, DSc (Political Sciences), Professor, Coordination-Methodical Center on Contemporary History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan.

Иллюстрации к статье Г.И. Юлдашевой

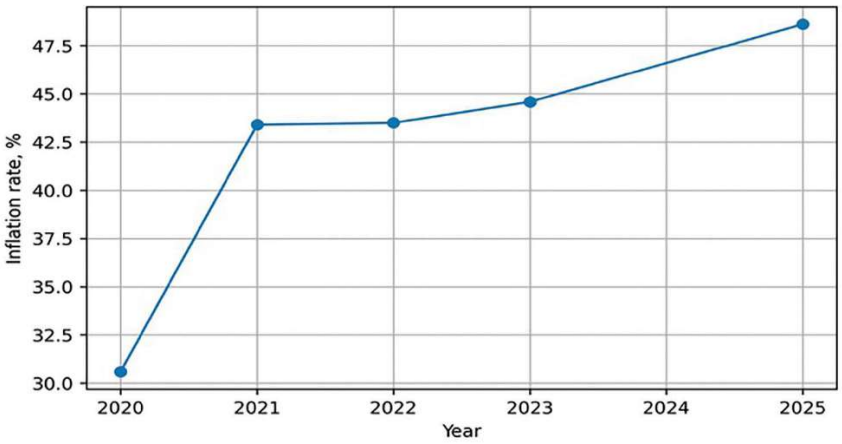

Рис.1. Уровень инфляции в Иране (2020–2025, Октябрь, в %).
Источник: [*Macrotrends,* 2026*; Trading Economics,* 2026].
Fig. 1. Level of inflation in Iran (2020–2025, October, %).
Source: [*Macrotrends,* 2026*; Trading Economics,* 2026].

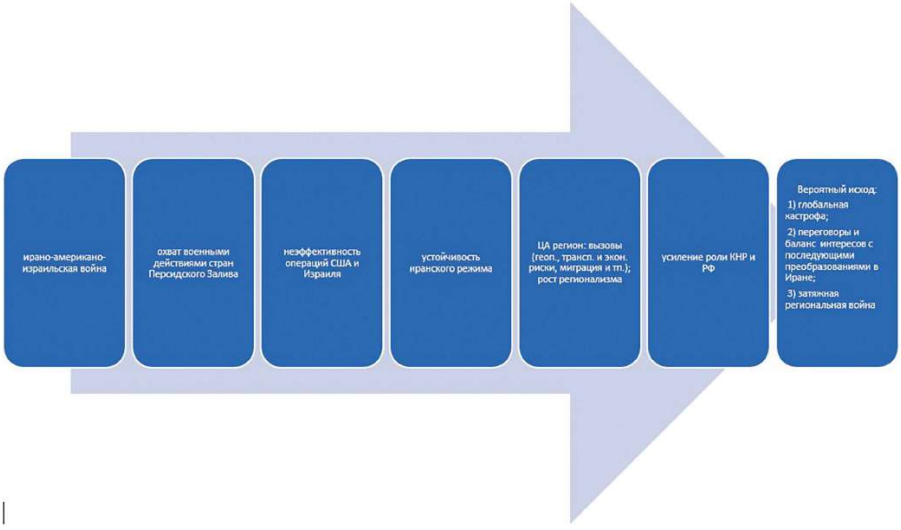

Рис. 2. Региональный процесс, связанный с войной против Ирана, возможные последствия.
Источник: подготовлено автором.
Fig.2. Regional process around the war against Iran. Possible outcomes.
Source*:* Prepared by the author.

DOI: 10.31696/S086919080038804-1

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ЭКОНОМИКИ КИТАЯ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ В МИРОВЫХ СОПОСТАВЛЕНИЯХ

© 2026

В.В. КАРЛУСОВ [a], Д.А. ЯРКОВ [b]

[a, b] – МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия
[a] – ORCID: 0000-0003-2632-1542; vk5577@yandex.ru
[b] – ORCID: 0000-0003-2323-8591; eguoren@mail.ru

Резюме: *В статье с методологических позиций системного анализа национальной и мировой экономик, международных экономических отношений рассмотрен общий ресурсный потенциал и современная стадия развития агропромышленного комплекса (АПК) экономики современного Китая в мировых сопоставлениях. При этом проанализирована ресурсно-сырьевая база основных отраслей сельского хозяйства КНР – растениеводства, животноводства и водного промысла, включая компаративную оценку соответствующих показателей в их абсолютном и подушевом измерениях. В частности, дан ретроспективный анализ площади пашни и обеспеченности ей населения страны за последние шесть десятилетий, динамики структуры посевной площади по основным видам культур, места Китая в мировой площади пастбищ, поголовья скота и птицы, природных ресурсах развития аквакультуры, отлова дикой рыбы и морепродуктов. Осуществлено компаративное исследование структуры и динамики производства основных отраслей АПК КНР. Представлен авторский анализ сопоставления объемов производства, экспорта и импорта агропромышленной продукции Китаем. Выявлены основные тенденции и перспективы, а также проблемы развития АПК КНР, связанные с воздействием внутренних и внешних факторов и обстоятельств. В результате осуществленного анализа сделан ряд конкретных выводов и обобщений, в частности, констатировано, что, тогда как по абсолютным показателям Китай располагает одной из крупнейших в мире ресурсно-производственных баз национального АПК, то по соответствующим подушевым показателям эта многонаселённая страна не обладает достаточным внутренним ресурсным потенциалом для полного самообеспечения. В силу этих обстоятельств по основным номенклатурным позициям агропромышленной продукции, особенно по масличным и зерновым культурам, КНР является или весьма близка к статусу нетто-импортера. Потребность решения продовольственной проблемы, как и высокая импортная зависимость Китая по продукции АПК, являются мощными стимулами и факторами развития и экспортной ориентации производства другими крупными агропромышленными державами мира, заинтересованными в расширении рынков сбыта, в частности Россией.*

Ключевые слова: Китай, АПК, ресурсный потенциал, производство, экспорт, импорт, мировые сопоставления, проблемы, перспективы

Для цитирования: Карлусов В.В., Ярков Д.А. Агропромышленный комплекс экономики Китая: системный анализ в мировых сопоставлениях. *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 118–131. DOI: 10.31696/S086919080038804-1

AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE CHINESE ECONOMY: SYSTEM ANALYSIS IN GLOBAL COMPARISONS

© 2026 Vyacheslav V. KARLUSOV [a], Dmitry A. YARKOV [b]

[a, b] – MGIMO University, Moscow, Russia
[a] – ORCID: 0000-0003-2632-1542; vk5577@yandex.ru
[b] – ORCID: 0000-0003-2323-8591; eguoren@mail.ru

Abstract: *The article examines the total resource potential and the current stage of development of the agro-industrial complex (AIC) in modern Chinese economy from the methodological standpoint of system analysis of national and global economies, international economic relations. A comparative study of the structure and dynamics of production of the main branches of the agro-industrial complex of China has been carried out. The author presents a comparative analysis of production volumes, exports and imports of agricultural products. The main trends and prospects, as well as problems of Chinese agro-industrial complex, related to the impact of internal and external factors and circumstances, are identified. As a result of the analysis, a number of specific conclusions and generalizations were made, in particular, it was stated that while in absolute terms China has one of the world's largest resource and production bases of the national agro-industrial complex, according to the corresponding per capita indicators, this populous country does not have sufficient internal resource potential for full self-sufficiency. Due to these circumstances, according to the main nomenclature items of agro-industrial products, especially oilseeds and cereals, China is or is very close to the status of a net importer. The need to solve the food problem, as well as China's high import dependence on agricultural products, are powerful incentives and factors for the development and export orientation of production by other major agro-industrial powers of the world interested in expanding sales markets, particularly Russia.*

Keywords: China, agro-industrial complex, resource potential, production, export, import, global comparisons, problems, prospects

For citation: Karlusov V.V., Yarkov D.A. Agro-Industrial Complex of the Chinese Economy: System Analysis in Global Comparisons. *Vostok* (*Oriens*). 2026. No. 4. Pp. 118–131. DOI: 10.31696/S086919080038804-1

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность системного исследования агропромышленного комплекса (АПК) экономики Китая, особенно с позиций соответствующих мировых сопоставлений, связана прежде всего с интенсификацией двусторонних российско-китайских отношений в общем контексте формирования современного многополярного мира, со стратегическим разворотом России на Восток в условиях ужесточения в отношении неё санкционной политики стран Запада, с глубокой структурной трансформацией экономики РФ, включающей, в частности, развитие конкурентоспособного на мировом рынке национального АПК. С другой стороны, с позиций взгляда из Китая, актуальность и важность исследуемой темы обусловлена общей ресурсоограниченностью его экономического роста как важнейшего субъекта глобальной экономики и, в частности, остротой проблемы его продовольственной безопасности.

Главными источниками фактологии послужили данные мировой и национальной статистики Китая, в частности публикации ФАО ООН, Госсовета, ГСУ и Минсельхоза КНР, а также современные неполитизированные интернет-материалы. В качестве источников для авторской концептуализации и обобщений, непредвзятого и критического анализа был использован и ряд статей и монографий отечественных и зарубежных, в основном китайских, авторов, в частности, таких как Гао Ливэй, Ли Вэй, Мэн Юэмин, , Ху Голян, Цзян Цзин, Чжао Кайлу, Чжао Лань, Цзян Чжэньцзюнь, Чжао Тунъюй [Гао Ливэй, Мэн Юэмин, 2024; Ли Вэй, Чжао Лань, 2023; Ху Голян, Чжао Кайлу, 2021; Цзян Цзин, 2022; Цзян Чжэньцзюнь, Чжао Тунъюй, 2021] и других.

РЕСУРСНАЯ БАЗА РАЗВИТИЯ АПК КИТАЯ В МИРОВЫХ СОПОСТАВЛЕНИЯХ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ АБСОЛЮТНЫХ И ПОДУШЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

По общей площади сельскохозяйственных угодий Китай занимает первое место в мире, превосходя, в частности, такие крупнейшие по размерам территории страны, как США – в 1,26 раза, Австралию – в 1,43; Россию – в 2,42; Индию – в 2,92 и Канаду – в 9,13 раза. В то же время по площади пашни КНР заметно уступает Индии – в 1,31 и США – в 1,21 раза, незначительно превышая при этом показатель России – 128,4 млн га против 123,4 млн га соответственно[1].

Если же сопоставлять указанные страны мира по ресурсным *подушевым* показателям, то в сфере потенциала для развития *растениеводства* как важнейшей отрасли АПК выявляется гораздо более неблагоприятная для КНР ситуация. В частности, к началу 2023 г. площадь пашни в Китае в расчете на душу населения, составив менее 0,09 га, уступала соответствующим показателям Австралии – в 13,86 раза, Канады – в 11,45; России – в 9,78 и США – в 5,23 раза (расчет по данным табл. 1).

Таблица 1. Площади сельскохозяйственных угодий, пашни и обеспеченности пашней населения Китая и России в сравнении с другими странами мира, 2022 г., га, чел.

№	Показатель, страна	КНР	РФ	Япония	Индия	Канада	Австралия	ФРГ	США
1	Сельскохозяйственные угодья , млн га	521,20	215,49	4,64	178,53	57,10	363,52	16,60	412,41
2	В т.ч. общая площадь пашни, млн га	128,36	123,44	4,33	168,05	38,52	31,62	11,86	154,74
3	Население, млн чел.,	1464,09	143,44	125,70	1411,42	38,24	25,99	82,66	336,15
	В т.ч. городское,	937,46	107,76	115,58	506,30	31,26	22,48	64,20	279,27
	сельское население	526,63	35,68	10,12	905,11	6,98	3,51	18,46	56,86
4	Площадь пашни в расчете на душу населения, га/чел.	0,088	0,861	0,034	0,119	1,008	1,22	0,14	0,46

Источник: составлено и рассчитано на основе данных: [ФАО, 2024].

[1] Данные и расчет по данным табл. 1.

Ретроспективный анализ динамики площади сельхозугодий, пашни и обеспеченности пашней населения КНР, показывает, в частности, что в период 1965–2022 гг. при увеличении указанных угодий почти в 1,5 раза, площадь пашни выросла лишь в 1,2 раза, тогда как численность населения страны при этом возросла почти вдвое. В результате площадь пашни в расчёте на душу населения сократилась в указанный период в 1,62 раза, став одной из самых малых для крупных государств мира (данные и расчет по данным табл. 2). Вовсе не удивительно в этой связи, что применительно к развитию сельского хозяйства в Китае весьма распространена пословица «людей много, земли мало», 人多土少(rénduō tǔ shǎo).

Таблица 2. Динамика площади сельскохозяйственных угодий, пашни и обеспеченности пашней населения КНР в 1965–2022 гг., га, чел., %

Год, показатель	Сельскохозяйственные угодья, млн га	В т.ч. общая площадь пашни, млн га	Население, млн чел.	Городское население	Сельское население	Площадь пашни в расчете на душу населения, га/чел
1965	355,50	104,71	738,90	138,18	600,72	0,142
1980	428,52	100,22	1016,74	205,75	810,99	0,099
1990	506,59	133,0	1198,89	329,58	869,31	0,111
2000	523,73	130,80	1312,13	482,73	829,40	0,10
2005	526,68	133,85	1351,53	585,63	765,90	0,099
2010	528,28	135,45	1390,42	694,17	696,25	0,097
2015	524,51	131,67	1428,36	801,26	627,10	0,092
2020	521,40	128,56	1456,57	902,08	554,49	0,0883
2022	521,20	128,36	1464,09	937,46	526,63	0,0877
Индекс роста, %*	***146,61***	***122,59***	***198,14***	***678,43***	***87,67***	***61,972***
Темпы прироста, %**	***0,674***	***0,36***	***1,21***	***3,42***	***-0,23***	***-0,836***

Источник: Составлено и рассчитано на основе данных: [ФАО, 2024].
*1965=100.
**Исчисленные как годовые среднегеометрические.

Форсированная индустриализация в КНР в 1980–2000-е гг., включая бурный рост промышленных и торговых поселково-волостных предприятий в деревне (乡政企业)[2], превращение страны в «мировую фабрику» после вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО, 2001 г.), быстрая урбанизация [3], развитие транспорта и логистики, а также – в определенной степени – и рост производства аквакультуры – эти и другие взаимосвязанные факторы и обстоятельства имели для Китая весьма неблагоприятные экологические последствия, реакцией на которые стали, в частности, активные действия

[2] Подробнее о развитии этих предприятий в 1980–1990-е гг. см., в частности: [Карлусов, 1996; 1997].
[3] В частности, в период 1965–2022 гг. доля городского населения в общей численности населения КНР возросла с 18,70 до 64,03%, или в 6,8 раза (расчет по данным табл. 2).

по увеличению масштабов озеленения территории. Немаловажным следствием этих процессов явилось и *сокращение ресурсной базы развития сельского хозяйства*.

Так, по нашим расчетам на базе официальных китайских данных о структуре и динамике землепользования в стране, в 2009–2023 гг. площадь болот и водных хозяйств в КНР выросла более чем в 1,4 раза; садов – в 1,36; транспортной инфраструктуры – в 1,28; земель под застройку – в 1,25; лесов – в 1,12 раза. Площади же пахотных земель и лугов при этом сократились соответственно на 5,8 и 8,0% (данные и расчет по данным табл. 3).

Таблица 3. Структура и динамика землепользования в КНР, 2009–2023 гг., млн га, %

Год, показатель	Пашня	Сады	Леса	Луга	Болота и водные хозяйства	Земли под застройку*	Транспортная инфраструктура
2009	135,39	14,81	253,95	287,31	42,69	28,74	7,94
2013	135,16	-	253,25	219,51	-	37,46	-
2014	135,06	14,38	253,07	219,47	-	38,11	-
2016	134,92	14,27	252,91	219,36	-	39,10	-
2021	127,86	20,17	284,12	264,53	59,75	35,31	9,55
2022	127,60	20,13	283,52	264,27	59,86	35,97	10,18
2023	127,58	20,11	283,55	264,29	59,87	35,97	10,19
Индекс роста, 2009=100	94,23	135,79	111,66	91,99	140,24	125,16	128,34
Темпы прироста, 2009-2023**	-0,423	2,209	0,791	-0,595	2,450	1,616	1,798

Источник: Составлено и рассчитано по материалам серии коммюнике Госсовета КНР «Об основных данных общегосударственных земельных исследований» 1984 -2024 гг.: [Чжэнфу синьси гункай пинтай. Чжунго чжэнфуван, 2025].

*Включая городскую и сельскую местность, а также земли, предназначенные для горнодобывающей и горнообрабатывающей промышленности

**Исчислены как годовые среднегеометрические.

Несомненным конкурентным преимуществом КНР перед РФ и другими странами мира, расположенными в более северных широтах, является возможность сбора двух, а по некоторым культурам и более урожаев в год на юге страны. По этой причине средний *коэффициент повторности посевов*[4] для всего Китая, по состоянию на 2021 г., превысил 1,3 ед. В результате агротехнических мероприятий по повышению урожайности [5], в 2000–2021 гг. при сокращении площади пашни со 130,8 до 128,46 млн га, или почти на 2%, общая посевная площадь в Китае, напротив, возросла со 156,30 до 168,70 млн га, или на 7,9% [6].

Структура посевной площади КНР по основным видам сельскохозяйственных культур представлена в таблице 4, из которой, в частности, следует, что наибольшую долю – около 70% – в указанной площади занимают зерновые культуры, чуть более 13% – овощи, около

[4] Исчисленный как отношение посевной площади к пахотной (в относительных единицах).

[5] В частности, за счет увеличения площади орошаемых земель, которая в 2021 гг. возросла до 69,61 млн га, составив 41,26% всей посевной площади страны (см. табл. 4).

[6] Данные и расчет по данным: [ФАО, 2024] и [Чжэнфу синьси гункай пинтай. _ Чжунго чжэнфуван, 2025].

8% – масличные культуры, 7,6% – фруктовые сады, 6% – бобовые, включая сою, 4,3% – клубнеплоды, около 2% – чайные плантации, 1,8% – хлопчатник, около 1,3% – бахчевые культуры, менее 1% – сахароносы и 0,6% – табак.

Таблица 4. Структура посевной площади КНР
по основным видам сельскохозяйственных культур, 2021 г., млн га, %

№ п/п	Виды культур	Площадь посевов	
		млн га	%
1	Зерновые	117,63	69,73
2	Овощи	21,99	13,03
3	Масличные	13,10	7,77
4	Фрукты	12,81	7,59
5	Бобовые	10,12	6,00
6	Клубнеплоды	7,33	4,34
7	Чай	3,31	1,96
8	Хлопок	3,03	1,80
9	Бахчевые	2,12	1,26
10	Сахароносы	1,46	0,87
11	Табак	1,01	0,60
Вся посевная площадь,		168,70	100,0
в т.ч. орошаемые земли		69,61	41,26

Источник: составлено и рассчитано по данным: [Гоцзя шуцзюй. Чжунго гоцзя тунцзицзюй, 2025].

Абсолютное доминирование зерновых культур в посевной площади КНР связано прежде всего с остротой стоящей перед этой страной *проблемы продовольственной безопасности*, решение которой в Китае традиционно связывается с ростом производства зерна, в том числе за счет увеличения общей площади посевов зерновых. Так, в 2016–2024 гг. указанная площадь возросла со 113,0 млн до 119,32 млн га, или почти на 6% (см. табл. 5).

В то же время, опираясь на данные и расчет по данным этой таблицы, следует констатировать, что площади под посевами основных зерновых культур в КНР демонстрировали в указанный период разнонаправленную динамику. В частности, наиболее быстрыми темпами – около 2,5% в среднем за год – росли посевы кукурузы (индекс роста 121,71%), достигнув в 2024 г. почти 45 млн га и превысив при этом посевные площади риса и пшеницы (в 1,54 и 1,9 раза), которые сократились соответственно почти на 4 и 3%.

Таблица 5. Динамика и структура площади посевов
зерновых и других сельскохозяйственных культур в КНР в 2016–2024 гг., млн га, %

№ п/п	Площадь посевов, год	2016	2018	2020	2022	2023	2024	Индекс роста *
1	Зерновые культуры,	113,03	117,04	116,77	118,33	118,97	119,32	105,57
1.1	в т.ч. кукуруза	36,76	42,13	41,26	43,07	44,22	44,74	121,71

1.2	Рис	30,16	30,19	30,08	29,45	28,95	29,01	96,19
1.3	Пшеница	24,19	24,27	23,38	23,52	23,63	23,59	97,52
2	Масличные культуры	14,12	12,89	13,13	13,14	13,92	14,29	101,20
3	Соя	-	-	-	10,24	10,47	10,33	100,88
4	Хлопок	3,38	3,35	3,17	3,0	2,79	2,84	84,02
5	Сахароносы	1,68	1,63	1,57	1,47	1,42	1,48	88,10

Источник: составлено и рассчитано по данным: [Гоцзя шуцзюй. Чжунго гоцзя тунцзицзюй, 2025].
*2016=100 (по показателю сои 2022=100).

Отмеченные выше разнонаправленные темпы роста посевов различных зерновых культур в КНР связаны с такими обстоятельствами, как общий дефицит пахотной площади, ориентация на ускоренный рост животноводства (отсюда – увеличение посевов кукурузы как одной из основ его кормовой базы), относительно высокая себестоимость производства пшеницы в сравнении со среднемировыми затратами[7] и, как следствие, целесообразность закупок ее на мировом рынке.

Следует также отметить, что именно *ориентация на приоритетный рост производства зерновых в условиях дефицита пашни является, по-видимому, очевидным фактором сокращения посевов ряда других сельскохозяйственных культур*. В частности, как следует из данных и расчета по данным табл. 5, посевные площади хлопчатника и сахароносов сократились в Китае в 2016–2024 гг. почти на 6 и 2% соответственно.

КНР обладает значительной ресурсной базой для развития *животноводства*. Так, площадь пастбищ в этой стране составляет более 12% соответствующей общемировой площади (первое место в мире), превосходя при этом показатели таких крупных сельскохозяйственных держав, как Аргентина – в 5,6 раза; Россия – в 4,3; Бразилия – в 2,4; Казахстан – в 2,2; США – в 1,5 и Австралия – в 1,2 раза (данные и расчет по данным табл. 6).

Таблица 6. Китай в мировых сопоставлениях по площади пастбищ, 2022 г., млн га, %

Показатели, страны	**Китай**	**Россия**	**США**	**Австралия**	**Казахстан**	**Бразилия**	**Аргентина**
Площадь пастбищ, млн га	0,39	0,09	0,26	0,33	0,18	0,16	0,07
Доля в площади пастбищ мира, %	12,15	2,80	8,10	10,28	5,61	4,98	2,18
Доля пастбищ в площади страны, %	40,63	5,26	6,53	42,86	0,67	18,82	25,0
Индекс соотношения с показателем %:							
Китая	100,0	23,08	66,67	84,62	46,15	41,03	17,95
России	433,3	100,0	288,9	27,3	200,0	177,8	77,8

Источник: составлено и рассчитано на основе данных: [ФАО. https://www.fao.org/faostat/ru/#country, 2024].

[7] Государство в КНР, особенно после вступления страны в ВТО (2001 г.), дотирует сельскохозяйственное производство, регулируя закупочные цены, в результате чего в последние десятилетия внутренние цены на зерновые в Китае заметно превышают среднемировые.

По поголовью домашней птицы, свиней, овец, коз и крупного рогатого скота Китай также занимает лидирующие места в мировых животноводческих рейтингах, демонстрируя в последние десятилетия по ряду позиций высокую приростную динамику. Так, поголовье домашней птицы в 2000–2020 гг. увеличилось с 8257 млн до 15570 млн голов, или в 1,89 раза; овец в 2000–2022 гг. – со 130,03 до 193,04 млн (индекс роста 148,46%); свиней за указанный период – с 416,34 млн до 452,56 млн голов (108,70%). В то же время заметно сократилось поголовье крупного рогатого скота – со 123,54 млн до 102,16 млн (-17,4% в 2000–2022 гг.) и коз – со 149,6 млн до 132,24 млн голов (-11,52%)[8].

Занимая одно из ведущих мест в мире по объемам производства продукции *водного промысла*, многонаселенный Китай в то же время *не обладает достаточным внутренним ресурсным потенциалом для полного самообеспечения* за счет развития этой отрасли АПК. В частности, по запасам пресной воды в расчете на душу населения (2 тыс. куб. м) КНР уступает России в 16 раз, Бразилии – в 21, Венесуэле – в 22, Австралии – в 41,5 и Канаде – в 43,5 раза. При этом Россия и Китай существенно отличаются друг от друга и по структуре водопотребления. Так, если в РФ расход воды на нужды сельского хозяйства составляет лишь 24–25%, то в КНР только на орошение земель используется 65–70% всего водозабора[9].

По возможностям отлова дикой рыбы и других морепродуктов в силу ряда обстоятельств (таких, как численность населения, протяженность береговой линии, соответствующие мощности рыболовецкого флота и др.) Китай по подушевым показателям заметно уступает другим морским державам. Неудивительно, что 60–65% морской и около 100% всей пресноводной продукции водного промысла в КНР де-факто является продукцией *аквакультуры*, так как она выращена в искусственных условиях. В этой связи также примечательно, что площадь водных хозяйств (включая болотистые территории) в 2009–2023 гг. в этой стране выросла с 42,69 до 59,87 млн га, или более чем в 1,4 раза со среднегодовым темпом прироста 2,5% (см. табл. 3).

Рассматривая ресурсную базу агропромышленного производства, нельзя не затронуть вопрос о *людских ресурсах* развития сельского хозяйства в Китае. Действительно, в результате активной индустриализации (включая массовый рост несельскохозяйственных поселково-волостных предприятий и, как следствие, вывода части земель из севооборота), за счет быстрой урбанизации, а также в результате более чем тридцатилетней ограничительной демографической политики «одна семья – один ребенок», численность занятых в китайской деревне резко сократилась. Так, в 1965–2022 гг. количество сельского населения в Китае уменьшилась с 600,72 млн до 526,63 млн чел. (-12,33%), при этом его доля в общей численности населения страны снизилась с 81,3 до 36,0%, или в 2,3 раза (данные и расчет по данным табл. 2).

Сопоставляя ресурсную базу АПК в КНР с другими странами мира, следует также кратко затронуть проблему *отношений собственности*, сложившихся в сельском хозяйстве Китая после начала современных рыночных реформ (конец 1970-х гг.), в результате которых, в частности, уже к 1983 г. имела место фактическая деколлективизация хозяйствования в деревне, абсолютное большинство крестьян было переведено на подворный семейный подряд с арендой земли у государства как её собственника. В современном Китае, таким образом, существует *мелкое частное землепользование* при сохранении *общественной собственности* на землю. При этом запрет на приватизацию земли существенно ограничивает развитие *фермерства* и формирование крупных современных частных агропромышленных предприятий [10].

[8] Данные и расчет по данным: [Гоцзя шуцзюй. Чжунго гоцзя тунцзицзюй, 2025].

[9] Данные и расчет по данным: [Горбанев, 2014].

[10] См.: [Карлусов, 2008, с. 340–341].

ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКЦИИ АПК В КИТАЕ В МИРОВЫХ СОПОСТАВЛЕНИЯХ

Китай, по данным ФАО ООН, входит в состав крупнейших мировых производителей продукции АПК. В 2024 г., например, общий объем производства этой продукции в КНР составил 1095 млн т (первое место в мире), причем эта страна уже в 2021–2022 гг. вошла в тройку главных стран – производителей пяти из шести выделяемых ФАО основных культур растениеводства[11]. В частности, на долю Китая приходилось 26–27% мирового производства картофеля и риса, 17% – пшеницы, а также, по данным за 2021 г., – 28% соевого масла [12] (см. рис. 1)[13].

Рассматривая производство продукции животноводства, следует отметить, что Китай наряду с США и Бразилией входит в тройку крупнейших производителей трёх основных видов мяса (свинины, говядины и мяса птицы), в частности, на его долю в 2022 г. пришлось 46% всего мирового производства свинины (см. рис. 2).

В мировом производстве коровьего молока безусловным лидером является Индия (23% мирового объема в 2022 г.), тогда как Китай и Россия входят в состав шестёрки других стран – производителей этого продукта, на долю каждой из которых приходится от 3 до 7% соответствующего мирового производства (см. рис. 3).

Китай является безусловным лидером в мировом производстве куриных яиц (34% в 2022 г.), тогда как Россия, Индия, США, Индонезия, Бразилия, Мексика и Япония в совокупности едва превосходят его уровень (см. рис. 4).

Согласно данным ФАО, по абсолютным показателям объема КНР вышла в мировые лидеры в такой отрасли АПК, как *водный промысел*, наращивая масштабы производства в последние десятилетия. Так, если в 2000 г. на её долю в соответствующем общемировом показателе приходилось 30%, то в 2022 г. – уже 36%, т. е. в 1,2 раза больше. При этом следует отметить существенную диспропорцию в развитии двух отраслей водного промысла, весьма характерную как для КНР, так и в целом для тройки мировых лидеров в этой сфере (Китай, Индия и Индонезия), которая в указанном году в совокупности обеспечила 73% всего объема производства *аквакультуры*, но лишь 29% производства *промыслового рыболовства*[14].

Динамика и *структура* развития агропромышленного производства в Китае в последние полтора десятилетия – на примерах *животноводства* и *водного промысла* – может быть прослежена на основе данных ГСУ КНР, сведенных нами в табл. 7. В частности, в 2010–2023 гг. по темпам и итоговому результату роста лидировало производство аквакультуры (среднегодовые темпы прироста и индекс роста – соответственно 3,2 и 150,96%), на второй позиции находилось производство мяса птицы (2,74 и 142,07%), на третьей – производство баранины (2,24 и 133,42%), на четвертой – производство птичьих яиц (1,97 и 128,86%), на пятой – производство молока и молочной продукции (1,25 и 117,56%), на шестой – производство говядины (1,10 и 110,25%), на седьмой – производство свинины (1,03 и 114,28%). В то же время вылов водных ресурсов в указанный период заметно сократился (с соответствующими показателями: -1,25 и 84,96%).

---

[11] Сахарного тростника, кукурузы, пшеницы, риса и плодов масличной пальмы.

[12] По данным [ФАО ООН, 2024]. *Для сравнения:* Россия, войдя в пятерку лидеров по производству агропродукции, по итогам сельхозсезона 2024–2025 гг. увеличила свою долю в мировом производстве пшеницы до 35%, а также уже в 2021 г. произвела 28% всего мирового объема производства подсолнечного масла, заняв по этому показателю первое место в мире [*Россия сохраняет лидерство*, 2026].

[13] Рис. 1–4 см. на цветной вклейке.

[14] Данные и расчет по данным: [ФАО ООН, 2024].

Таблица 7. Динамика и структура развития животноводства и водного промысла в КНР в 2010–2023 гг., млн т, млн голов, %

№ №	Показатель, год	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2023	Индекс роста *	Темпы прироста **
1	Свинина	50,70	53,35	56,71	52,99	54,04	41,13	57,94	114,28	1,03
	Общее количество живого поголовья на конец 2023 г.:							***434,22***		
2	Баранина	3,98	4,01	4,28	4,59	4,75	4,92	5,31	133,42	2,24
	Общее количество живого поголовья на конец 2023 г.:							***338,64***		
3	Говядина	6,53	6,62	6,89	7,17	6,44	6,72	7,53	110,25	1,10
	Общее количество живого поголовья на конец 2023 г.:							***105,9***		
4	Молоко	35,70	37,44	37,25	36,02	30,75	34,40	41,97	117,56	1,25
5	Птица	18,04	18,23	17,51	18,88	19,94	23,61	25,63	142,07	2,74
	Общее количество живого поголовья на конец 2023 г.:							***6780,0***		
6	Яйца птиц	27,65	28,61	28,94	30,95	31,28	34,68	35,63	128,86	1,97
7	Продукция аквакультуры	38,50	43,05	47,62	51,56	50,18	52,15	58,12	150,96	3,22
8	Вылов водных ресурсов	15,16	16,01	16,88	17,44	14,51	13,30	12,88	84,96	-1,25

Источник: составлено и рассчитано по данным: [Гоцзя шуцзюй. Чжунго гоцзя тунцзицзюй, 2025].
*2010=100
**Исчисленные как годовые среднегеометрические.

АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ ОБЪЕМОВ ПРОИЗВОДСТВА, ЭКСПОРТА И ИМПОРТА АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ КИТАЕМ

Более детальная информация о производстве, экспорте и импорте продукции отраслей АПК Китая, включая *растениеводство*, *животноводство* и *водный промысел*, представлена в таблице 8, которая составлена и рассчитана нами на основе базы данных Министерства сельского хозяйства КНР. Так, в общем объеме производства агропродукции по состоянию на 2023 г. первое место занимали зерновые культуры (695,41 млн т), затем следовали продукты животноводства (174,01 млн), пищевые сахарозы (115,04 млн), продукция водного промысла (71,0 млн), масличные культуры и масла (38,64 млн), а также хлопчатник и пряжа (5,62 млн т). Значительное место в производстве АПК Китая традиционно занимают овощи и фрукты [15] (см. табл. 8).

Таблица 8. Агропромышленный комплекс Китая: производство, экспорт и импорт в 2023 г., млн т, млн долл., %

№№	Номенклатура товара	Объем производства, млн т	Экспорт, млн долл.	Импорт, млн долл.
1	Зерновые культуры	695,41	11,8	208,0
2	Хлопчатник и пряжа	5,62	-	3,72
3	Пищевые сахарозы	115,04	-	2,31
4	Масличные культуры и масла	38,64	1,89	66,86
5	Продукты водного промысла	71,0	20,46	23,76

[15] Хотя точных данных об объеме их производства в 2023 г. Минсельхоз КНР не публиковал.

6	Продукты животноводства	174,01	6,08	45,19
7	Овощи	…	18,54	0,99
8	Фрукты	…	7,06	18,34
9	**Общая структура товарооборота АПК КНР, млн долл.**	**333,03**	**98,92**	**234,11**
	%	**100,0**	**29,70**	**70,30**

Источник: данные и расчет по данным: [Чжунхуа жэньминь гунхэго нунъе нунцуньбу, 2025].

Структурный компаративный анализ соотношения объемов производства, экспорта и импорта агропромышленной продукции Китая показывает, что, несмотря на значительные по мировым меркам абсолютные объемы производства, *эта многонаселенная страна является самообеспеченной лишь по одной из восьми основных позиций номенклатуры продукции АПК – овощам* (экспорт которых из КНР, по данным за 2023 г., превысил импорт в 18,7 раза). Достаточно близко соотношение экспорта и импорта по продукции водного промысла – 0,86:1,0 (при отрицательном сальдо – 3,3 млн долл.)[16]. По всем же остальным шести позициям импорт сельхозпродукции Китаем существенно превышает её экспорт (см. табл. 8).

В частности, наибольшим это превышение наблюдается по масличным культурам и маслам – 35,4 раза, далее в порядке убывания следуют зерновые культуры – 17,6; продукты животноводства – 7,4 и фрукты – 2,6 раза. Лишь импортирует, но не экспортирует КНР хлопчатник и пряжу, а также пищевые сахарозы (импорт в 2023 г. – 3,72 млн и 2,31 млн долл. соответственно)[17].

Исходя из приведённых выше данных, вовсе не удивительно, что в общей структуре оборота внешней торговли АПК Китая по состоянию на 2023 г. на экспорт продукции пришлось лишь 29,7%, тогда как на импорт – 70,3%, отрицательное сальдо внешнеторгового баланса этой важнейшей отрасли национальной экономики КНР составило при этом 135,19 млн долл. (данные и расчет по данным табл. 8).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В заключение осуществленного в настоящей статье исследования целесообразно сформулировать по крайней мере следующие основные выводы.

• С методологических позиций системного анализа общественных отношений, агропромышленный комплекс (АПК) современного Китая представляет собой достаточно сформированную и устойчиво развивающуюся *экономическую и социальную систему*, функционирующую во всех трёх секторах национальной экономики – первичном, вторичном и третичном[18], состоящую из прямо или опосредованно связанных компонентов и включающую в себя, в частности, основные отрасли сельского хозяйства – растениеводство, животноводство и водный промысел, интегрированные в единые ресурсно-производственно-сбытовые цепочки создания стоимости, основанные на кооперации предприятий

[16] Расчет по данным табл. 8.

[17] Данные и расчет по данным указанной таблицы.

[18] Согласно классификации Всемирного банка (ВБ), первичный сектор экономики включает в себя сельское хозяйство и добывающую промышленность, вторичный – обрабатывающую промышленность и транспорт, третичный – сферу услуг.

различных форм собственности, а также – в процессе экспортно-импортных операций – взаимодействующие с соответствующими сегментами глобального рынка и крупнейшими мировыми производителями агропромышленной продукции.

• Тогда как по абсолютным показателям Китай располагает одной из крупнейших в мире ресурсно-производственных баз национального АПК, по соответствующим подушевым показателям эта многонаселенная страна не обладает достаточным внутренним ресурсным потенциалом для полного самообеспечения.

• В силу этих обстоятельств по основным номенклатурным позициям агропромышленной продукции, особенно по масличным и зерновым культурам, КНР является или весьма близка к статусу нетто-импортера[19].

• Потребность решения продовольственной проблемы, как и высокая импортная зависимость Китая по продукции АПК, являются мощными стимулами и факторами развития и экспортной ориентации производства другими крупными агропромышленными державами мира, заинтересованными в расширении рынков сбыта, в частности Россией.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АПК – агропромышленный комплекс экономики [Agro-industrial complex of the economy].

ВБ – Всемирный банк [The World Bank].

ВТО – Всемирная торговая организация [World Trade Organization].

Госсовет КНР – Государственный совет (правительство) Китайской Народной Республики [State Council (Government) of the People's Republic of China].

ГСУ КНР – Государственное статистическое управление Китая [National Bureau of Statistics of China].

Минсельхоз КНР – Министерство сельского хозяйства и по делам сельских районов Китайской Народной Республики [Ministry of Agriculture and Rural Affairs of the People`s Republic of China].

ФАО ООН – Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций [Food and Agriculture Organisation of the United Nations (FAO)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Горбанев В.А. Природные ресурсы мировой экономики. *Мировое и национальное хозяйство*. 2014. № 2 [Gorbanev V.A. Natural Resources of the World Economy. *World and National Economy*. 2014. No. 2 (in Russian)]. https://mirec.mgimo.ru/2014/2014-02/prirodnye-resursy-mirovoj-ekonomiki (accessed: 15.08.2025).

Карлусов В.В. *Частное предпринимательство в Китае.* Москва: Восточная литература, 1996 [Karlusov V.V. *Private enterprises in China.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996 (in Russian)].

Карлусов В.В. Россия, континентальный и островной Китай: к исследованию моделей современного рыночного системогенеза. *Восток (Oriens)*. 1997. № 6. С. 77–86 [Karlusov V.V. Russia, mainland and island China: towards the study of models of modern market systemogenesis. *Vostok (Oriens)*. 1997. No. 6. Pp. 77–86 (in Russian)].

Карлусов В.В. Раздел 14.2 «Китай». *Мировая экономика и международные экономические отношения*. Под ред. А.С. Булатова и Н.Н. Ливенцева. Москва: Магистр, 2008. С. 340–341 [Karlusov V.V. Section 14.2 "China". *World economy and international economic relations.* A.S. Bulatov, N.N. Liventsev (ed.) Moscow: Magistr, 2008. Pp. 340–341 (in Russian)].

[19] Например, спрос на зерно в КНР, по официальным оценкам, возрастет к 2035 г. как минимум до 710–730 млн т, что, в частности, превышает средний уровень производства зерновых в этой стране в 2020–2023 гг. – 578,795 млн т – на 19,5–20,7% (расчет по данным: [Чжунхуа жэньминь гунхэго нунъе нунцуньбу, 2025]).

Россия сохраняет лидерство в экспорте пшеницы: итоги 2025 года. *Graininfo*. 28.01.2026 [Russia retains leadership in wheat exports: results of 2025. *Graininfo*. 28.01.2026 (in Russian)] https://graininfo.ru/news/rossiya-sokhranyaet-liderstvo-v-eksporte-pshenitsy-itogi-2025-goda/ (accessed: 29.01.2026).)

ФАО, Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО ООН) [*Food and Agriculture Organisation of the United Nations (FAO)*] (in Russian and English). https://www.fao.org/faostat/ru/#country (accessed: 25.12.2025)

Гао Ливэй, Мэн Юэмин (高立伟,孟月明).“中俄新陆路粮食走廊”建设进程与现实[J].东北亚学刊. 2024. (06): 76–90 [Гао Ливэй, Мэн Юэмин. Процесс строительства и реальность “Нового сухопутного зернового коридора Китай-Россия”. *Дунъбэйя цзачжи*. 2024. № 6. С. 76–90. Gāo Lìwěi, Mèng Yuèmíng. “Zhōngé xīn lùlù liángshí zǒuláng”jiànshè jìnchéng yǔ xiànshí (The construction process and reality of the “China-Russia New Land Grain Corridor”. *Dōngběiyà xuékān*. 2024. No. 6. Pp. 76–90 (in Chinese)].

Гоцзя шуцзюй. Чжунго гоцзя тунцзи цзюй (Национальная база данных. Государственное статистическое управление Китая) (国家数据 _ 中国国家统计局) [*Guójiā shùjù. Zhōngguó guójiā tǒngjì jú (National data. National Bureau of Statistics of China)* (in Chinese)]. https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=B01 (accessed: 17.08; 19.09.2025).

Ху Голян, Чжао Кайлу (胡国良;赵凯路). «И дай и лу» бэйцзин ся чжунъэ нунъе хэцзо дэ сяньчжуан цзи дуйцэ («Один пояс, один путь» в условиях современной обстановки и корректирующих мер китайско-российского сотрудничества в области сельского хозяйства) («一带一路»背景下中俄农业合作的现状及对策). *Нунцунь шиюн цзишу* (农村实用技术). 2021. № 6. С. 7–10 [Hú Guóliáng, Zhào Kǎilù. «Yīdài yīlù» bèijǐng xià zhōng é nóngyè hézuò de xiànzhuàng jí duìcè (The Current Situation and Countermeasures of Sino-Russian Agricultural Cooperation in the Context of the “Belt and Road”). *Nóngcūn Shíyòng Jìshù.* 2021. No. 6. Pp. 7–10 (in Chinese)].

Цзян Цзин (江静). Элосы ляньши аньцюань сяньчжуан цзи чжунъэ ляньши хэцзо цяньцзин (Текущая ситуация с продовольственной безопасностью в России и перспективы китайско-российского сотрудничества в области продовольствия) (俄罗斯粮食安全现状及中俄粮食合作前景). *Дунбэйя цзачжи* (东北亚杂志). 2022. № 4. С. 111–122 [Jiāng Jìng. Eluósī liángshí ānquán xiànzhuàng jí zhōngé liángshí hézuò qiánjǐng (The Current Situation of Food Security in Russia and the Prospects of Sino-Russian Food Cooperation). *Dōngběiyà Zázhì*. 2022. No. 4. Pp. 111–122 (in Chinese)].

Цзян Чжэньцзюнь, Чжао Тунъюй (姜振军,赵彤宇). Чжунъэ гунтун баочжан ляньши аньцюань дэ хэцзо яньцзю (Исследование, посвященное сотрудничеству между Китаем и Россией в целях совместного обеспечения продовольственной безопасности) (中俄共同保障粮食安全的合作研究). *Элосы дунъоу чжунъя яньцзю* (俄罗斯东欧中亚研究). 2021. № 4. С. 100–115 [Jiāng Zhènjūn, Zhào Tóngyǔ. Zhōng`é gòngtóng bǎozhàng liángshí ānquán de hézuò yánjiū (Research on Cooperation Between China and Russia to Jointly Ensure Food Security). *Eluósī Dōngōu Zhōngyà Yánjiū.* 2021. No. 4. Pp. 100–115 (in Chinese)].

Чжао Лань, Ли Вэй (赵岚,李巍). Эву чунту дэ «худе сяоин» юй чжунго ляньши аньцюань дэ дюань фэнсянь (“Эффект бабочки” российско-украинского конфликта и географические риски продовольственной безопасности Китая) (俄乌冲突的“蝴蝶效应”与中国粮食安全的地缘风险). *Тайпинъян сюэбао* (太平洋学报). 2023. № 31. С. 29–41 [Zhào Lán, Lǐ Wēi. Ewū chōngtū de “húdié xiàoyìng” yǔ zhōngguó liángshí ānquán de dìyuán fēngxiǎn (The “Butterfly Effect” of the Russian-Ukrainian Conflict and the Geographic Risks of China’s Food Security). *Tàipíng Yáng Xuébào.* 2023. No. 31. Pp. 29–41 (in Chinese)].

Чжунхуа жэньминь гунхэго нунъе нунцунь бу (Министерство сельского хозяйства и по делам сельских районов Китайской Народной Республики) (中华人民共和国农业农村部) [*Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó nóngyè nóngcūn bù (Ministry of Agriculture and Rural Affairs of the People`s Republic of China)* (in Chinese)]. http://zdscxx.moa.gov.cn:8080/nyb/pc/calendar.jsp (accessed: 19.08; 21.09.2025).

Чжэнфу синьси гункай пинтай. Чжунго чжэнфу ван (Платформа раскрытия правительственной информации. Правительственная сеть Китая)(政府信息公开平台_中国政府网)[*Zhèngfǔ xìnxī*

gōngkāi píngtái. Zhōngguó zhèngfǔ wǎng (Government Information Disclosure Platform. China Government Network (in Chinese)]. https://www.gov.cn/zhengce/xxgk/ (accessed: 12.08.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Вячеслав Всеволодович КАРЛУСОВ – доктор экономических наук, профессор Кафедры мировой экономики МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия.

Vyacheslav V. KARLUSOV, DSc (Economics), Professor, Department of World Economy, MGIMO University, Moscow, Russia.

Дмитрий Андреевич ЯРКОВ – магистр экономики Шанхайского университета (КНР), соискатель Кафедры мировой экономики МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия.

Dmitry A. YARKOV, Master (Economics), Postgraduate Student, Department of World Economy, MGIMO University, Moscow, Russia.

Иллюстрации к статье В.В. Карлусова и Д.А. Яркова

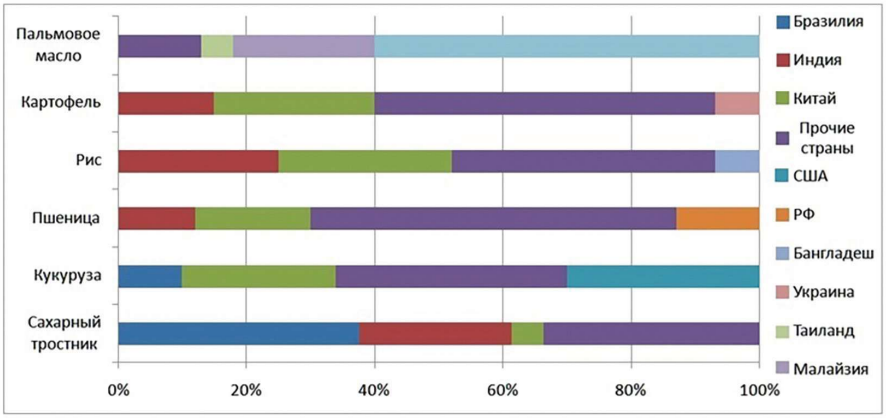

Рис. 1. Мировое производство основных культур растениеводства в разбивке по странам – главным производителям (2022 г.). Источник: составлено по данным: [ФАО ООН, 2024].
Fig. 1. World production of main agricultural corps, broken down by leading producing countries. Source: [FAO, 2024].

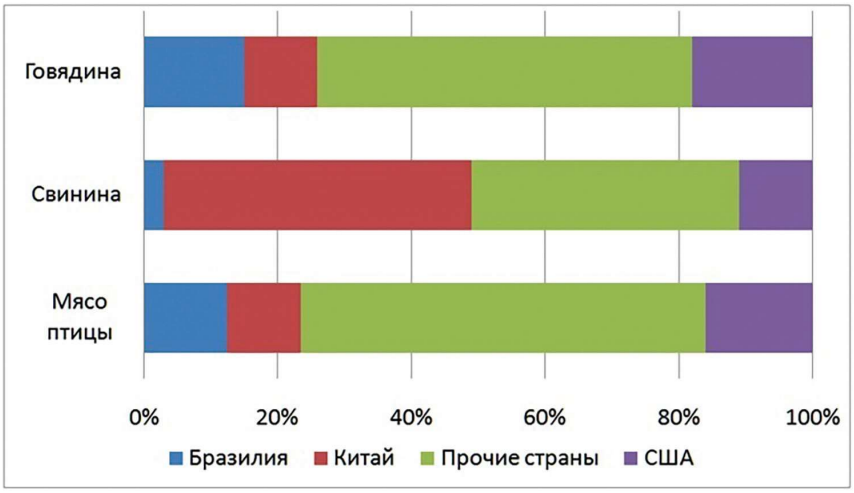

Рис. 2. Основные страны – производители мяса в мире (2022 г.).
Источник: составлено по данным: [ФАО ООН, 2024].
Fig. 2. The main meat producing countries in the world (2022). Source: [FAO, 2024].

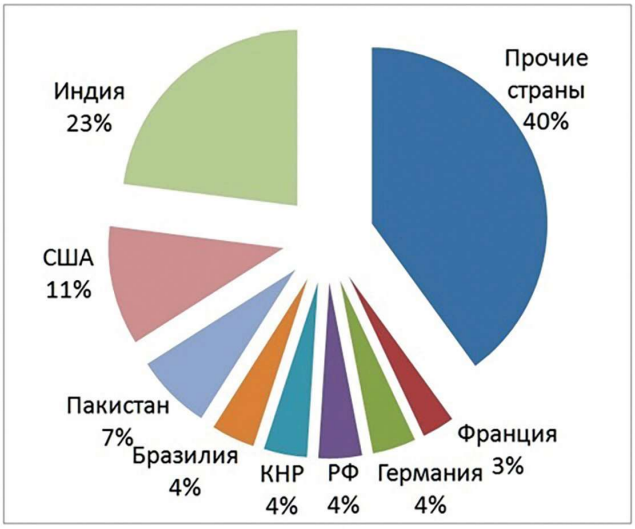

Рис. 3. Постановая структура мирового производства коровьего молока (2022 г.).
Источник: составлено по данным: [ФАО ООН, 2024].
Fig. 3. Country-by-country structure of global cow`s milk production (2022)[1]. Source: [FAO, 2024].

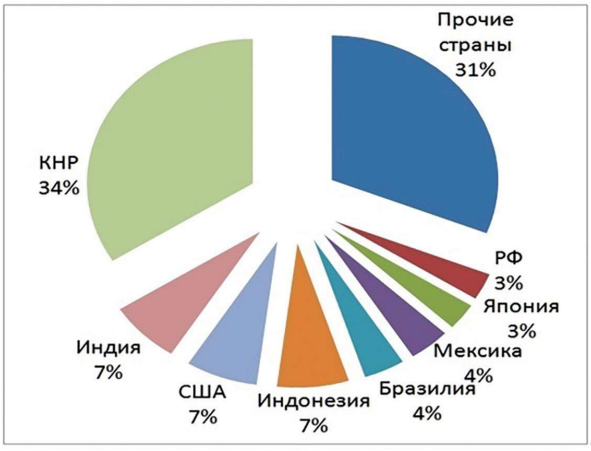

Рис. 4. Мировое производство куриных яиц: структура по странам мира –основным производителям (2022 г.)[2]. Источник: составлено по данным: [ФАО ООН, 2024].
Fig. 4. Global production of chicken eggs: structure by major producing countries (2022). Source: [FAO, 2024].

[1] Примечание. Как отмечено в источнике, коровье молоко включает в себя молоко крупного рогатого скота и буйволов. Процентные доли на рисунке указывают на примерную долю в общем объеме, тогда как их сумма не равна 100% из-за округления показателей.

[2] Примечание. Процентные доли на рисунке указывают на примерную долю в общем объеме, тогда как их сумма не равна 100% из-за округления показателей

КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

DOI: 10.31696/S086919080037692-8

«СУТРА ЛОТОСА» В ДИАЛОГЕ БУДДИЗМА И ПОЭЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ

© 2026

В.А. ФЕДЯНИНА [a]

[a] – Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2914-043X; Fedyaninava@mgpu.ru

Резюме: *«Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы» (далее «Сутра Лотоса») – один из основополагающих текстов буддизма, пришедшего в Японию в середине VI в. Доктринальная составляющая, темы, образы, мотивы и идеи этой сутры пронизывают многие аспекты японской культурной и религиозной жизни, традиционной и современной. Настоящее исследование ставит целью проанализировать процесс адаптации и контекстуализации «Сутры Лотоса» в японской культуре в VIII – начале XIII вв. на материале поэзии на родном, японском, языке, в стихотворениях вака. В работе применяется комплексный подход, объединяющий культурно-исторический метод с текстологическим и интертекстуальным анализом. Такой подход позволяет проследить основные пути репрезентации идей сутры в поэзии в соответствии с японской культурной традицией и выявить трансформацию этих путей репрезентации по мере японизации буддийских ритуалов и понимания поэзии, аристократической и народной, как буддийской практики.*

В настоящем исследовании на конкретных примерах описываются возможности *японской поэзии в художественном отражении учения «Сутры Лотоса», в ее переложении на язык традиционных образов и привычных японцам понятий. На основании источников VIII – начала XIII вв. (корпуса поэтических произведений, императорских антологий и частных поэтических собраний, указанного периода) выделены основные периоды в процессе адаптации «Сутры Лотоса» в японской поэзии. Это 1) появление поэзии на японском языке, вдохновленной сутрой; 2) создание циклов стихотворений по двадцати восьми главам сутры с использованием традиционных приемов японской поэзии; 3) развитие придворной и народной поэзии по темам сутры и включение этих вака в поэтический канон и в официальные императорские антологии; 4) понимание поэтической деятельности в рамках буддийского мировоззрения, появление новой теории японской поэзии и трактовка стихосложения на темы сутры как действенного пути к достижению просветления.*

Ключевые слова: «Сутра Лотоса», японская поэзия, стихотворения *вака*, «песни об учении Будды» *сяккё:ка*, «песни радости» *хо:раку*

Для цитирования: Федянина В.А. «Сутра Лотоса» в диалоге буддизма и поэзии в средневековой Японии. *Восток (Oriens).* 2026. № 4. С. 132–144. DOI: 10.31696/S086919080037692-8

THE “LOTUS SUTRA”: THE DIALOGUE BETWEEN BUDDHISM AND POETRY IN MEDIEVAL JAPAN

© 2026

Vladlena A. FEDIANINA [a]

[a] – Moscow City University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2914-043X, Fedyaninava@mgpu.ru

Abstract: *The “Wonderful Dharma Lotus Flower Sutra” (further the “Lotus Sutra”) is one of the fundamental texts of Buddhism, which came to Japan from the mainland in the middle of the 6th century. The profound and multifaceted doctrinal elements, core ideas and potent symbols and motifs intrinsic to the “Lotus Sutra” have deeply permeated many aspects of Japanese culture, traditional and modern. This article examines how the “Lotus Sutra” was interpreted in the Japanese culture from the 8th to early 13th centuries, drawing on Japanese waka poetry. The comprehensive approach combining the cultural historical method with textual and intertextual analysis enables us to trace the ways in which the sutra’s ideas were represented in poetry. The article outlines how Japanese poetry was ascribed a capacity to articulate the teachings of the “Lotus Sutra”, directly and figuratively.*

The study focuses on primary sources: poetry written in Japanese from the 8th to early 13th centuries. By analyzing these poems, the author has identified the main periods in the process of adapting the Lotus Sutra into Japanese poetry. They are: 1) the origins of Japanese-language poetry inspired by the sutra; 2) the earliest poetry cycles on the twenty-eight chapters of the sutra; 3) poems based on the “Lotus Sutra” incorporated into the established canonical repertoire of the Japanese waka tradition and the evolution of both court and folk poetry; 4) a new theory of Japanese poetry that reconfigured these poems not as mere art, but as a vehicle for spiritual awakening.

Keywords: “Lotus Sutra”, Japanese poetry, waka poems, poems on Śākyamuni’s teachings shakkyōka, “Dharma joy” hōraku poems

For citation: Fedianina V.A. The “Lotus Sutra”: The Dialogue between Buddhism and Poetry in Medieval Japan. *Vostok (Oriens).* 2026. No. 4. Pp. 132–144. DOI: 10.31696/S086919080037692-8

ВВЕДЕНИЕ

Буддизм, пришедший в Японию в середине VI в., адаптировался к местным верованиям и молодой японской культуре, в которой уже обозначились свои константы. «Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы» (далее «Сутра Лотоса»), весьма значимое в Восточной Азии буддийское писание, стала одним из центральных буддийских текстов и в Японии. По мере распространения буддизма в стране эта сутра с ее нехарактерными для древнего японского общества идеями осваивалась в течение нескольких столетий. В результате доктринальные положения, темы и мотивы сутры стали пронизывать многие аспекты японской культуры, в том числе литературу и поэзию.

За рубежом вопросам функционирования «Сутры Лотоса» в японской литературе и поэзии посвящено значительное количество исследований [Yamada, 1989; Kamens, 1990; Тагути, 2018] и др. В России результаты исследований о влиянии идей и образов сутры в произведениях словесности изложены в статье Е.С. Лепеховой [Лепехова, 2004], ряде работ Н.Н. Трубниковой [Трубникова, 2021; 2024; Trubnikova, 2024]. В работах этих рус-

скоязычных авторов рассматривается отображение положений «Сутры Лотосы» в основном в прозаических произведениях: в «Повести о Гэндзи» (*Гэндзи моногатари*, начало XI в.) [Лепехова, 2004], в «Записках о чудесах Лотосовой сутры» (*Дайнихонкоку Хоккэкё: гэнки*, середина XI в.) [Трубникова, 2024], в «Сборнике рассказов о пробуждении сердца» (Хоссинсю:, начало XIII в.) [Trubnikova, 2024]. Рассмотрению буддийских идей, в том числе положений «Сутры Лотоса», в поэзии посвящена работа Н.Н. Трубниковой «Буддизм и японская поэзия в “Собрании песен о пробуждении сердца”» о цикле стихотворений начала XI в., значимом в истории буддийской поэзии в Японии [Трубникова, 2021].

Наше исследование призвано восполнить недостаток работ в отечественной науке по этой важной для буддийской культуры теме – адаптация «Сутры Лотоса» средствами японского языка и японской поэзии в японском обществе. Цель настоящего исследования – проследить общие тенденции в отражении «Сутры Лотоса» в японской поэзии в VIII–XIII вв. и на этой основе выделить главные периоды в процессе адаптации сутры в поэзии. Для достижения поставленной цели использовались культурно-исторический метод, текстологический (анализ языковых средств и смысловой нагрузки поэтических произведений по «Сутре Лотоса») и интертекстуальный (сопоставление стихотворений друг с другом и с соответствующими отрывками, темами, образами, идеями из сутры).

Источниками исследования стал корпус поэтических произведений указанного периода. Большинство этих источников доступно для исследования в электронной базе данных японского научно-исследовательского института «Международный центр японских исследований» (*Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта:*, The International Research Center for Japanese Studies).

ИСТОКИ ПОЭЗИИ ПО «СУТРЕ ЛОТОСА» И ПЕРВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (VIII–X вв.)

Адаптация буддийских текстов в Японии после появления буддизма в стране в VI в. состояла в практике письменного копирования этих текстов; произнесения их на языке оригинала (китайский, реже санскрит) или в японском чтении китайского текста. Впоследствии японцы стали создавать собственные тексты, в том числе поэтические, для буддийских ритуалов и толкования учения. Так, при взаимодействии с буддийским учением в раннесредневековой поэзии Японии в конце X в. [Miller, 1997, p. 102] появились «песни об учении Будды» (*сяккё:ка*) и «песни радости от следования учению Будды» (*хо:раку*), берущие начало в буддийской обрядности [Федянина, Болотская, 2023, с. 57–59]. Значительная часть этой поэзии посвящалась «Сутре Лотоса». Использование стихотворений в ритуалах явилось первой из двух основных предпосылок для изложения «Сутры Лотоса» языком японской поэзии.

Японская литература испытала значительное культурное влияние Китая, а также косвенное влияние индийской литературы в связи с принятием Японией буддизма. Подобно тому, как китайская художественная литература отражала внешние атрибуты буддизма и буддийские концепты [Сторожук, 2006], некоторые жанры японской литературы также несли отпечаток буддийского влияния. Сложение стихотворений по мотивам «Сутры Лотоса» практиковалось в Китае уже во времена династии Тан [Yamada, 1989, p. 101]. Пример Тан, а также ситуация двуязычия в Японии (китайский письменный язык и японский) обусловила попытку переложить сутру на язык привычных образов и понятий в художественной форме на родном языке. Это стало второй предпосылкой для изложения «Сутры Лотоса» в японской поэзии.

Поскольку «Сутра Лотоса» бытовала в Японии в этот период на китайском языке, то первые стихи, классифицируемые как *сяккё:ка*, нередко были близкими, почти механическими

переводами китайского текста на японский язык [Kamens, 1990, p. 39]. Пример тому – *вака* в 31 слог, пятистишие, так называемая *танка*, «короткая песня», приписывается монаху и проповеднику Гёки (также Гёги, 668–749) конца VII – первой половины VIII вв.[1] Именно от стихотворения Гёки традиционно отсчитывается поэзия по «Сутре Лотоса». Оно дошло до нас в составе императорской антологии «Собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии» (*Сю:и вакасю:*, 1005 г.) [Сю:и вака сю:] в разделе «Песни скорби» (*айсё:*).

№ 1346
法華経をわかえし事はたき木こりなつみ水くみつかへてそえし
[Сю:и вака сю: № 1346]
Хоккэкё:-о вага эси кото ва такиги кори на цуми мидзу куми цукаэтэ дзо эси
Я постиг «Сутру Лотоса», собирая хворост и травы, принося воду

В нашем переводе этого стихотворения мы демонстрируем, что в нем близко к тексту сутры перелагается на японский язык отрывок из главы XII «Девадатта». В этом отрывке описывается, как Будда Шакьямуни в прошлой жизни отрекся от своего царства и прислуживал мудрецу: «…ради [обретения] Дхармы» он «… собирал плоды, зачерпывал воду, приносил хворост, готовил пищу» для святого мудреца[2].

Ряд исследователей считает, что в Японии в первой поэтической антологии «Собрание мириад листьев» (*Маньё:сю:*,756) есть стихотворения, связанные с «Сутрой Лотоса» [Yamada, 1989, p. 97]. Однако однозначные свидетельства переложения сутры на язык японской поэзии появляются в конце X в. в упомянутом «Собрании японских песен, не вошедших в прежние антологии». Помимо стихотворения Гёки в этой антологии есть еще *вака* по «Сутре Лотоса» Идзуми Сикибу (978–?) [Сю:и вака сю:, № 1342][3].

Оба стихотворения в составе антологии говорят о практике сложения *вака* по сутре и о знании сутры в придворных кругах в конце X в. При этом продолжался двунаправленный процесс взаимодействия буддизма и поэзии: не только буддийские практики проникали в культурную среду японского общества, но и элементы традиционной японской культуры включались в обряды [Федянина, Болотская, 2023, с. 57–59]. Это привело к лавинообразному появлению *вака* по «Сутре Лотоса» в последующий период.

ПОЯВЛЕНИЕ ЦИКЛОВ «ПЕСНИ ПО ДВАДЦАТИ ВОСЬМИ ГЛАВАМ» СУТРЫ (НАЧАЛО XI в.)

С начала XI в. появились многочисленные «песни по двадцати восьми главам» (*нидзю: хаппон-но ута*) «Сутры Лотоса». Это было обусловлено укоренением в японском обществе буддийских ритуалов, связанных с сутрой, прежде всего, обрядами «восемь чтений по ‘Сутре Лотоса’» (*хоккэ хакко:*). Такие обряды возникли еще в VIII в. и сначала проводились в аристократической среде по различным поводам. Однако со временем они все более распространялись среди разных слоев населения и оказывались связанными с поминальными буддийскими обрядами (сегодня это в основном поминальные службы). Также примерно с X в. известен обряд переписывания сутры по одной главе (*иппонкё: куё:*) разными людьми в память об умершем. Появился обычай завершать переписанную главу сутры сложенным по случаю стихотворением.

[1] *Вака* – это «японская песня», то есть стихотворение на японском языке с чередованием строк в 5–7 и 7–7слогов.

[2] Перевод по: [*Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы*, 1998, с. 205].

[3] Перевод и комментарии к нему приводятся в: [Трубникова, 2021, с. 34–35].

Именно с заупокойной службой связаны появления «песен по двадцати восьми главам» сутры. Первый из сохранившихся таких циклов – стихотворения по 28 главам сутры Фудзивара Кинто (966–1041), сложенные ок. 1002 г. для чтения на поминальной службе [Кинто: сю:, № 259–287]. Этот цикл создан по просьбе могущественного регента Фудзивара Митинага (966–1027), способствовавшего проведению обрядов и чтений по «Сутре Лотоса». В собрании изящной словесности «Литературные стили нашей страны» (*Хонтё: мондзуй*, XI в.) сообщается, что регент Митинага обратился к известным поэтам своего времени Фудзивара Кинто, Фудзивара Таданобу, Фудзивара Юкинари и Минамото Тосиката с просьбой сложить стихотворения по главам «Сутры Лотоса». Эти *вака* предназначались для поминальной службы по сестре Митинаги [Kamens, 1990, p. 36–37], вдовствовавшей императрице Хигаси Сандзёин (Фудзивара Сэнси, 962–1002), и все четыре поэта сложили эти стихотворения.

Также сохранились «песни по двадцати восьми главам» поэтессы Акадзомэ Эмон (956?–1041?) [Акадзомэ Эмон сю:, № 427–454], чиновника и поэта Фудзивара Нагато (949–1009) [Нагато: сю:, № 148–173], принцессы Сэнси (964–1035) [Хоссин вака сю:, 1985, с. 292–294; Трубникова, 2021, с. 32–77]. В этих песнях способ цитирования «Сутры Лотоса» различен даже внутри одного цикла одного автора. Это может быть прямое цитирование сутры, пересказ своими словами или далекое от оригинала описание (например, через природу и сезонность), отсылка к главе или большому отрывку сутры. Стихотворение может быть как глубоко эмоциональным, так и рассудочным, отстраненным рассуждением.

Значительным новаторством отличались *вака* принцессы Сэнси, великой жрицы *Дайсайин* в синтоистском святилище Камо. Ее песни по «Сутре Лотоса» вошли в «Собрание песен о пробуждении сердца» (*Хоссин вакаксю:* 1012), состоящее из 55 стихотворений[4]. Из них № 25–52 написаны по двадцати восьми главам «Сутры Лотоса», последнее 55-е стихотворение также посвящено сутре. Создание этого собрания – сознательная попытка теоретически обосновать изложение буддийского учения в японской поэзии. Это делает сборник важной вехой в развитии поэзии по «Сутре Лотоса» и буддийской поэзии в Японии в целом. В предисловие к сборнику Сэнси поясняет причину его создания. Она пишет, что сам Будда Шакьямуни возносил в стихах хвалу всем буддам, поэтому сложение стихотворений – форма буддийского поклонения и практики, что было новым явлением в японской поэзии. Сэнси продолжает: «… на санскрите говорят в Индии, а она далеко от нас…; ханьскими знаками пишут в Китае, а его обыкновения нам все чужие. Я, ученица Будды, родилась в стране, где правит наш государь, получила женское тело. …учили меня песням в тридцать один знак … и смысл их я усвоила; дали мне образец тридцати одного знака … и следуя ему, я сложила стихи» на японском языке как «впервые … пропел Сусаноо» [Хоссин вака сю:, 1985, с. 293], перевод по [Трубникова, 2021, с. 51][5].

Непосредственно перед японским стихотворением в сборнике Сэнси приводятся отрывки на китайском. Взаимодействие двух языков, их различия и точки соприкосновения позволили создать поэтический буддийский текст, соединяющий светский мира *вака* и идеальный духовный буддийский мир. Такое помещение в буддийский контекст канонов светского стихотворения из 31 слога, наиболее распространенной формы *вака* в этот период, имело большое воздействие на последующую поэзию по «Сутре Лотоса».

После первых циклов «песен по двадцати восьми главам» и особенно после сборника Сэнси на протяжении XI в. и позднее, до XVII в. [Тагути, 2012, с. 76] продолжали создаваться подобные циклы: двадцать восемь *вака* Фудзивара Ёримунэ (993–1065), *вака* Фудзивара Тадамити (1097–1164) и др. [Yamada, 1989, p. 104–105].

[4] Их перевод на русский язык опубликован в: [Трубникова, 2021].

[5] Сусаноо – бог ветра в японской мифологии, который также считается родоначальником поэзии *вака*.

«СУТРА ЛОТОСА» В ПРИДВОРНОЙ И НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XII вв.)

Религиозный опыт монахов и придворных расширялся в интеллектуальном и социальном плане, порождая новые эстетические отклики. Они нашил свое отражение и в поэзии, поэтому во второй половине XI–XII вв. буддийские темы все более включались в широкий спектр поэтических мероприятий и сборников (поэтические конкурсы, частные антологии и т.д.). С конца XI в. *вака* на буддийские темы стали частью официальных поэтических антологий, которые составлялись по императорскому указу в X–XV вв. и были «критерием поэтической успешности» [Торопыгина, 2016, с. 238]. Впервые *вака* по «Сутре Лотоса» во множестве (не единично) появились в императорском «Позднем собрании японских песен, не вошедших в прежние антологии» (*Госю:и сю:*, 1087). В разделе «Разное» было 19 *вака* о буддийском учении на темы, заимствованные из различных сутр (преимущественного из «Сутры Лотоса») и комментариев к ним [Госю:и сю:].

Однако лишь спустя век, в 7-й императорской антологии «Собрание [японских песен] за тысячу лет» (*Сэндзай сю:*, 1187) песни о буддийском учении получили особый статус и были выделены в раздел «Песни об учении Будды» [Сэндзай сю:]. Этот раздел сохранялся в императорских антологиях вплоть до последней антологии 1439 г. 50% всех буддийских *вака* в 14 последующих императорских антологиях написаны по сутрам, в основном по «Сутре Лотоса» [Yamada, 1998, p. 96]. Поскольку 7-я антология включает более ранние песни, мы относим ее именно к рассматриваемому периоду в процессе адаптации сутры в Японии, а не к последующему, к которому она принадлежит хронологически, но не по содержанию.

Из 54 стихотворений раздела «Песни об учении Будды (№ 1202–1255) в «Собрании [японских песен] за тысячу лет» 35 написаны по разным сутрам, в том числе около 20 *вака* – по «Сутре Лотоса» (точное число зависит от трактовки стихотворений [Сэндзай сю:]). В 16 *вака* в прозаическом предисловии *котобагаки* указаны главы этой сутры, вдохновившие поэтов. *Вака* этого раздела свидетельствуют о переходном характере поэзии по сутре: от старой поэтики к новой, от близкого к тексту сутры поэтического пересказа до вольной трактовки в пользу эстетической красоты.

Приведем пример стихотворения из этого раздела известнейшего поэта того времени Фудзивара Тосинари (Сюндзэй) (1114–1204), новатора в жанре *вака*, теоретика в области поэзии и составителя «Собрании [японских песен] за тысячу лет».

№ 1241

Предисловие *котобагаки*. Размышления о X главе «Учитель Дхармы»: увидев, что земля становится всё влажнее, [человек] уверен, что вода уже близка.

むさしののほりかねの井もあるものをうれしく水のちかつきにける

[Сэндзай сю:, № 1241]

Мусасино но хориканэ но и мо ару моно о урэсику мидзу но тикадзуки никэру

Есть и трудно выкапываемые колодцы Мусасино, но радостно, что [, когда копаешь,] вода становится ближе.

Стихотворение отражает характерные черты других буддийских *вака* этого периода. Выделим две наиболее значимые черты: предисловие *котобагаки* и поэтические приемы, в данном случае *утамакура*.

Котобагаки, прозаическое предисловие-примечание, пояснение обстоятельств создания стихотворения, разъяснение его смысла, часто было основным источником для трактовки

буддийского стихотворения. Трудно понять содержание приведенного выше стихотворения вне контекста буддийского учения. Этот контекст задан тем, что *вака* размещена в разделе «Песни об учении Будды», а также предисловием. Оно отсылает к следующей цитате «Сутры Лотоса»:

Человек, захотев пить, ищет воду
И копает колодец на плоскогорье.
Видя иссохшую землю, [он] знает,
Что вода ещё далеко.
Видя, что земля становится всё влажнее,
[Он] уверен, что вода уже близка[6].

В этом отрывке из X главы сутры на образном примере поясняется, как слушание Дхармы приближает к знанию Будды. Текст отрывка позволяет примерно так понять стихотворение: «Чем труднее рыть колодец, тем более вы приближаетесь к водяной жиле, о чем говорит влажная земля. Подобно этому, чем глубже вы изучаете «Сутру Лотоса», тем ближе вы к истинной буддийской мудрости».

Утамакура, особая лексическая категория (в основном топонимы), которая позволяет выстраивать аллюзии, – один из многих традиционных приемов японской поэзии. Они основаны на особенностях японского языка (омонимии и полисемии), на культурно обусловленных ассоциативных связях и аллюзиях. Традиционные приемы все чаще использовались в песнях на буддийские темы. В анализируемом стихотворении используется *утамакура* «трудно выкапываемый колодец», или *хорикане но и*. Это одно из самых известных указаний на район Мусасино (в совр. префектуре Сайтама). Воронкообразные колодцы Мусасино, сложные для рытья, упоминались в «Записках у изголовья» в разделе 168 «Колодцы»: «колодец Хориканэ – “трудно копать”» [Сэй Сёнагон, 1995, с. 254]. Впоследствии этот образ, тесно связанный с Мусасино, был растиражирован в поэзии и прозе. Выражение «трудно выкапываемый колодец» отсылало и к «Сутре Лотоса», и к реалиям Японии. Так события, образы, понятия «Сутры Лотоса», иностранной по происхождению, вписывались в географический и культурный ландшафт Японии и давали толкование сутры в рамках японской культуры.

Включение «Сутры Лотоса» в контекст японской художественной культуры прослеживается не только в придворной жизни. О популярности «Сутры Лотоса» в народной поэзии говорит сборник «Тайник песен: пылинки на стропилах» (*Рё:дзин хисё:*), составленный в XII в. бывшим императором Го-Сиракава (правил в 1155–1158 гг.). Он хотел сохранить устную народную традицию японских песен *имаё:* и зафиксировать их в письменной форме[7]. Сборник содержит 220 буддийских песен, из них 114 – по «Сутре Лотоса» [Kim, 1994, p. 46–47].

Песни сборника разъясняют необходимость «Сутры Лотоса» в жизни верующих, иллюстрируют благотворные последствия почитания сутры и поясняют, что она дарует чудесные духовные и материальные блага, медицинскую помощь. Например, в «Тайнике песен: пылинки на стропилах» есть стихотворение, которое называет «Сутру Лотоса» волшебным зельем. Им будда-целитель Якуси исцеляет всех, у кого «есть уши, чтобы слышать» [Kim, 1994, p. 46–47]. Это стихотворение по 5-й главе сутры «Сравнение с целебными травами» (*Якусо:юбон*), в которой учение Будды сравнивается с дарующим процветание дождем.

[6] Перевод по: [*Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы*, 1998, с. 195].

[7] *Имаё:*, досл. «современный стиль», – четверостишия с просодией строк по 7–5 или 8–5 слогов; таким образом эта поэтическая форма сохраняла основополагающие принципы японского стихосложения.

«С середины XI в. стало распространенным культовое видение этой главы и стихотворений по ней во всех слоях общества, поскольку ширилось представление, что глава “Сравнение с целебными травами”, как магическое средство, помогала исцелять болезни и предотвращала старость и смерть» [Тагути, 2018, с. 76–77].

Со второй половины X в. обряды, на которых звучала «Сутра Лотоса», стали доступны простолюдинам, и в «Тайнике песен: пылинки на стропилах» подчёркивается, что слушание сутры – эффективный путь к спасению и получению различных благ [Kim, 1994, p. 84–85]. Это означало снижение порога для обретения заслуг (санскр. *пунья*, яп. *гундэ* или *кудоку*, т.е. сила, возникающая от совершения благих дел и способствующая улучшению внутреннего благополучия и привлечению благоприятных обстоятельств). Также это свидетельствовало о том, что стихотворения в сборнике адресованы неграмотным мирянам: тем, кто не имел возможности прочитать о благой вести (путь к спасению для всех живых существ), содержащейся в сутре.

Японские монахи и поэты обращались к иллюстрации положений «Сутры Лотоса» в поэзии на японском языке, способствовали распространению и укоренению буддизма в Японии. Происходило освоение сутры через художественную культуру, через ее популяризацию доступными для различных слоев населения способами. В XI–XII вв. поэзия по «Сутре Лотоса» прочно заняла место в аристократической среде и народной жизни.

«СУТРА ЛОТОСА» И ПОЭЗИЯ НОВОЙ ЭСТЕТИКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII – НАЧАЛО XIII вв.)

Двусторонний процесс адаптации сутры в японском обществе – проникновение поэзии в буддийскую обрядность и влияние буддизма на поэтическую деятельность – привел к тому, что последняя стала трактоваться в рамках буддийского мировоззрения. Теоретическое осмысление семантического избытка *вака* с точки зрения доктринальных положений буддизма привело к появлению новых эстетических категорий. Начиная с Фудзивара Кинто «избыточное содержание» *вака* стали соотносить с поэтикой *ёдзё:* («эмоциональный отклик», «избыточное чувство» [Бреславец, 1994, с. 16–17, 260]. В XII в. при значительном буддийском влиянии сформировалась эстетическая категория *ю:гэн* т.е. «сокровенное», «скрытое содержание», «скрытая красота» [Бреславец, 1994, с. 42, 43, 50–53]. Также в XII в. переосмысление мантры/дхарани в духе учений школ Тэндай и Сингон обеспечило доктринальные основы для понимания *вака* как мантры/дхарани [Федянина, Болотская, 2023, с. 59–60]. Фудзивара Тосинари закрепил в «Собрании [японских песен] за тысячу лет» религиозную поэзию в структуре императорской антологии. Благодаря этому границы между религиозным и эстетическим еще более стерлись. Написание *вака* стало религиозной практикой, а религиозная практика предоставляла возможность для выражения эстетического.

Новое понимание японской поэзии и роли родного языка ярко проявилось в творчестве поэтов XII – начала XIII вв., слагавших циклы стихотворений по «Сутре Лотоса»: Фудзивара Тосинари, Сайгё (1118–1190), Дзякудзэна (寂然 также Дзякунэн, 1118–?), Дзякурэна (1139–1202) и Дзиэна (1155–1225). Рассмотрим это новое понимание на примерах *вака* некоторых из этих поэтов: Дзякудзэна, Сайгё и Дзиэна.

Монах Дзякудзэн (его мирское имя Фудзивара Ёринари) был выдающимся мастером *вака,* чьи стихотворения входили в императорские и частные антологии. Значимым трудом Дзякудзэна стал цикл «Сто стихотворений о вратах Дхармы» (*Хо:мон хякусю*, ок. 1165). Сто стихотворений этого цикла разделены на десять традиционных для поэзии *вака* разделов (песни о четырех времен года, праздничные песни, песни разлуки, любови, жалобы, о

непостоянном, разные песни). Каждое стихотворение написано по теме (*дай*, 題), которой стала фраза из известных буддийских текстов на китайском языке. Тема предваряет стихотворения, за ним следует прозаический комментарий к выбранной теме. Продемонстрируем это на примере *вака* из раздела «Песни о любови». Её темой послужила фраза из главы XVI «Сутры Лотоса», которая называется «Продолжительность жизни Татхагаты».

Тема. … И ради этого не пожалеют [своих] тел и жизней…[8]
かりそめの色のゆかりの恋にだにあふには身をも惜しみやはせし
[Ямамото, 2010, 66]
Карисомэ-но иро-но юкари-но кои-ни дани ау ни ва ми-о мо осими я ва сэси
Не жалея себя, я шел на встречу даже ради мимолётной связи…

Комментарий. Эти слова гласят, что, если всем сердцем, не щадя себя, желаешь увидеть Будду, то он явится идущему по пути Будды Шакьямуни. Желание увидеть Татхагату не уступает желаниям, порожденным заблуждениями.

В этом любовном стихотворении поэт иносказательно поясняет: если даже ради страсти люди не щадят себя, то тем более следует самоотверженно следовать буддийскому учению. И тогда идущему по пути учения явится Татхагата, как об этом сказано в той части «Сутры Лотоса», из которой взята тема стихотворения:

[Когда] все, как один, захотят увидеть Будду
И ради этого не пожалеют [своих] тел и жизней,
Тогда я вместе с сангхой
Выйду на Гору Священного Орла,
И скажу живым существам,
Что вечно пребываю здесь,
Не исчезаю[9].

Вкладывая буддийское значение в классические поэтические темы, Дзякудзэн демонстрирует, как буддийские смыслы могут быть приписаны всем стихотворениям благодаря окружающему их контексту.

Сайгё – поэт-монах, много странствовавший по стране; один из величайших мастеров японской поэзии, значительно повлиявший на творчество более поздних поэтов. Сайгё не был связан с конкретной буддийской школой, но уделял внимание учению Сингон и излагал «Сутру Лотоса» в духе эзотерического буддизма. Наряду с отдельными *вака* по «Сутре Лотоса» он создал цикл «Песен по двадцати восьми главам».

№ 002 Предисловие *котобагаки*:
«…будды, Почитаемые В Мирах, появляются [в мирах] только благодаря предопределению [выполнить] Одно Великое Дело»[10].
あまのはらくもふきはらふかせなくはいててややまむ山のはの月
[Сайгё, № 002]
Ама-но хара кумо фукихарау кадзэ наку-ва идэдэ я ямаму яма-но ха-но цуки
Без ветра, который развеет облака в небе, разве появится луна над горой!

[8] Перевод по: [*Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы*, 1998, с. 237].
[9] Перевод по: [*Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы*, 1998, с. 237].
[10] Перевод по: [*Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы*, 1998, с. 102].

Поэзия Сайгё в основном связана с описанием природы. На первый взгляд эта *вака* также о природных явлениях. Однако общий замысел «Песен по двадцати восьми главам сутры» и предисловие *котобагаки* подсказывают, что через природные явления поэт поясняет выбранную им цитату сутры. Данное стихотворение говорит: мудрость будд, появляющихся в мирах, чтобы «просветлить живых существ до знания и видения Будды»[11] (ветер) развевает заблуждения и препятствия (облака) разумных существ, и тогда наступает просветление (луна).

Дзиэн, монах и глава школы Тэндай из рода регентов Фудзивара, также был известным поэтом. Дзиэн толковал «Сутру Лотоса» и *вака* по ней как непревзойденное средство просветления и спасения. Дзиэн посвятил главе «Уловки» четыре стихотворения в своем цикле нового жанра духовной поэзии *хо:раку* «Сто стихотворений о Сутре Лотоса» (*Хоккэкё: ё:бун хякусю*). Цикл был подношением в святилище Ивасимидзу Хатимангу, где, в традициях японского буддизма, почиталось божество не буддийского происхождения Хатиман. Согласно господствовавшим тогда представлениям, Дзиэн считал его «проявленным следом исконной основы» (*хондзи суйдзяку*), т.е. воплощением будды в виде японского божества. Об этом поэт написал в предисловии к циклу «Сто стихотворений о Сутре Лотоса» [Дзиэн, 2008, с. 327].

№ 2413 Предисловие *котобагаи*: «знаки» [истинной] реальности дхарм[12].
津の国の難波のこともまこととはたよりのかどの道よりぞ知る
[Дзиэн, 2008, с. 328]
Цу-но куни-но Нанива-но кото мо макото то ва таёри-но кадо-но мити ёри дзо сиру
На пути к непоколебимым вратам узнаешь истину и о Нанива, что в провинции Цу!

Перед стихотворением в качестве предисловия указано выражение *сёхо:дзиссо:* (諸法実相) из II главы из фразы: «Только Будда, а также будды способны до конца понять «знаки» [истинной] реальности дхарм (*сёхо:дзиссо:*)»[13]. Трактовка стихотворения Дзиэна обусловлена соотнесением с данным отрывком из сутры: виды Нанива изменчивые и разные, но в целом Нанива можно представить полностью, увидев эту местность с дороги. Подобно этому, когда идешь по пути постижения «Сутры Лотоса», можно достичь состояния будды и понять «знаки» истинной реальности дхарм.

В этом *вака* сутра названа «непоколебимыми вратами», т.к. ее вступительные проповеди называются «врата следа», *сякумон*, а основные проповеди – «основные врата», *хоммон*. Также врата – это отсылка к «уловкам», которые позволяет войти в учение Будды. Придание нескольких пластов смыслов этому стихотворению за счет использования многозначных слов – традиционный прием японской поэзии *какэкотоба*, основанный на омонимии и полисемии. Этот же прием дает дополнительный смысл выражению *Нанива-но кото мо макото*, которое также означает «всё – истинно». Этот перевод китайских слов *сёхо:дзиссо:* комментирует и помещает в японские реалии доктрину о «знаках» [истинной] реальности дхарм.

В стихотворении также используется прием *утамакура*: *Цу-но куни-но Нанива*, «Нанива (Намба), что в провинции Цу (Сэццу)». Это порт и бухта Нанива (на территории совр. Осака), которая часто упоминается в японской поэзии как символ процветания, начала, прощания и т.д.

[11] Перевод по: [*Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы*, 1998, с. 103].
[12] Перевод по: [*Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы*, 1998, с. 109].
[13] Перевод по: [*Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы*, 1998, с. 97].

Важным традиционным приемом Дзиэна здесь также явилось «следование изначальной песне» (*хонкадори*). Ею стала *вака* неизвестного автора в «Собрание старых и новых песен Японии» (*Кокин вака сю*:, 905, обыгранная позднее поэтом-монахом Ноин-хоси (989–?) и Сайгё. Сайгё, Дзиэн и их современники широко использовали прием *хонкадори*, который позволял создать многочисленные аллюзии, вписать буддийское стихотворение в традиционную систему поэзии и при этом, за счет сопоставления и придания новых смыслов, высказать свои доктринальные преференции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе адаптации «Сутры Лотоса» в японской поэзии на родном языке в VIII – начале XIII вв. выделяются два основных направления: 1) японизация буддийских ритуалов и включение поэзии по «Сутре Лотоса» в эти ритуалы; 2) понимание поэзии, аристократической и народной, как буддийской практики. В результате этого двунаправленного процесса произошли значительные изменения в способах репрезентации идей, тем, мотивов сутры в японских стихотворениях. Взаимодействие этих двух основных векторов определяет общие тенденции в отражении «Сутры Лотоса» в японской поэзии в VIII – начала XIII вв. и позволяет выделить следующие периоды в процессе адаптации «Сутры Лотоса» в японской поэзии:

1. Отдельные не систематизированные *вака* (VIII–X вв.). Поэзия по «Сутре Лотоса» включается в буддийскую обрядность для совершения религиозных обрядов (по усопшему, для накопления собственных заслуг и др.), не лишенных временами магических функций. *Вака* близко к тексту перелагают на японский язык сутру на китайском языке, идет поиск путей и возможностей для передачи сутры средствами японского языка и поэзии.

2. Появляются циклы «Песни по двадцати восьми главам» сутры (начало XI в.) в религиозно-ориентированном контексте: в обрядах, как способ буддийского служения (первое теоретическое обоснование поэзии как буддийского служения у Сэнси). Разрабатываются способы использования символов японской поэзии для пояснения «Сутры Лотоса».

3. В придворной и народной поэзии активно слагают *вака* по «Сутре Лотоса» (вторая половина XI – первая половина XII вв.). Эти стихотворения закрепляются в структуре императорских антологий. Совершенствуется владение образностью и средствами выражения японской поэзии при передаче идей сутры.

4. Поэзия по «Сутре Лотоса» развивается в рамках новой теории поэзии, обусловленной буддийским мировоззрением (конец XII – начало XIII вв.). Сложение и декларирование *вака* по «Сутре Лотоса»» позволяет автору и слушателям/читателям стремиться к духовному идеалу. Поэзия по «Сутре Лотоса» занимает место на пересечении религиозного и эстетического опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акадзомэ Эмон сю: (Собрание Акадзомэ Эмон (赤染衛門集)). Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [*Akazome Emon shū (Akazome Emon's collection)*. Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i117.html (accessed: 11.02.2026).

Бреславец Т.И. *Очерки японской поэзии IX–XVII веков*. М.: Восточная литература, 1994 [Breslavets T.I. *Essays on Japanese poetry in the 9th –17th centuries*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1994 (in Russian)].

*Госю:и сю: (Позднее собрание [японских песен], не вошедших в прежние антологии (*後拾遺集*))*. Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [*Goshūi shū (Later Collection of Gleanings of Japanese Poems)*. Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i004.html (accessed: 11.02.2026).

Дзиэн (慈円). *Сю:гёку сю: (Собрание драгоценных жемчужин (*拾玉集*))*. Под. ред. Кубота Д. (久保田淳監修). Токио: Мэйдзи сёин (東京：明治書院), 2008. Т. 1. (上巻) [Jien. *Shūgyoku shū (The Collection of Gleaned Jewels)*. J. Kubota (ed.) Tokyo: Meiji shoin Publishing, 2008. Vol. 1. (in Japanese)].

*Кинто: сю: (Собрание Кинто (*公任集*))*. Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [*Kintō shū (Kintō's collection)*. Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i116.html (accessed:11.02.2026).

Лепехова Е.С. «Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы» и ее влияние на раннюю японскую литературу эпохи Хэйан. (на примере «Гэндзи-Моногатари»). *Восток (Oriens)*. 2004. № 1. С. 126–133 [Lepekhova E. S. The "Lotus Sutra" in the "Tale of Genji". *Vostok (Oriens)*. 2004. No. 1. Pp. 126–133 (in Russian)].

*Нагато: сю: (Собрание стихотворений Нагато (*長能集*))*. Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [*Nagatō shū (Nagatō's collection)*. Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i113.html#i113-001 (accessed: 11.02.2026).

Сайгё (西行). *Кикигаки сю: (Заметки об услышанном (*聞書集*))*. Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [Saigyō. *Kikigaki shū (Record of Things Heard)*. Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i135.html#i135-001 (accessed: 11.02.2026).

Сторожук А.Г. Буддийские концепты в китайской художественной литературе эпохи Тан. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика.* 2006. № 1. С. 81–89 [Storozhuk A.G. Buddhist Concepts in Chinese Fiction of Tang Period. *Vestnik of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism*. 2006. No. 1. Pp. 81–89 (in Russian)].

Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Пер., коммент. А.Н. Игнатовича. М.: Ладомир, 1998 [*The Wonderful Dharma Lotus Flower Sutra*. A.N. Ignatovich (tr., comm.) Moscow: Ladomir, 1998 (Russian translation)].

*Сэндзай сю: (Собрание [японских песен] за тысячу лет (*千載集*))*. Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [*Senzai shū (The Anthology of a Thousand Years [of Japanese Poetry]*). Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i009.html#i009-019 (accessed: 11.02.2026).

Сэй Сёнагон. *Записки у изголовья*. Пер. В. Марковой. Москва: Толк, 1995 [Sei Shonagon. *The Pillow Book*. V. Markova (tr.) Moscow: Tolk, 1995 (Russian translation)].

*Сю:и сю: (Собрание [японских песен], не вошедших в прежние антологии (*拾遺集*))*. Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [*Shūi shū (Collection of Gleanings)*. Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i003.html (accessed: 11.02.2026).

Тагути Нобуюки (田口暢之). Ни дзю: хаппон-но ута-но эйхо: – хонкадори саку-о тю:-син-ни (Поэтика «песен по двадцати восьми главам Лотосовой сутры – о приёме цитирования *хонкадори* (二十八品歌の詠法―本歌取り作を中心に)) *Тю:сэй бунгаку (Средневековая литература (*中世文学*))*.

2018. № 63 (0). С. 76–87 [Taguchi Nobuyuki. Ni jū happon-no uta no eihō – honkadorisaku-wo chūshin-ni (Chanting poems on the chapters of the “Lotus sutra” – focusing on “allusive variation”). *Chūsei bungaku (Medieval literature)*. 2018. No. 63 (0). Pp. 76–87 (in Japanese)].

Торопыгина М.В. Легенды традиционной японской поэзии: XII век – поэтическая школа Рокудзё. *Ежегодник Япония*. 2016. № 45. С. 238–259 [Toropygina M.V. The Legends of Traditional Japanese Poetry: Rokujo Poetry School in the 12th Century. *Yearbook Japan*. 2016. Vol. 45. Pp. 238–259 (in Russian)].

Трубникова Н.Н. Буддизм и японская поэзия в «Собрании песен о пробуждении сердца». *История и культура Японии*. Вып. 13. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 32–77 [Trubnikova N.N. Buddhism and Japanese poetry in “A Collection of Songs About the Awakening of the Heart”. *History and Culture of Japan*. Issue 13. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2021. Pp. 32–77 (in Russian)].

Трубникова Н.Н. Страна Япония в «Записках о чудесах Лотосовой сутры». *Ежегодник Япония*. 2024. № 53. С. 183–209 [Trubnikova N.N. The Country of Japan in “Dainihonkoku Hokkekyō Genki”. *Yearbook Japan*. 2024. Vol. 53. Pp. 183–209 (in Russian)].

Федянина В.А., Болотская К.В. Буддийская традиция и японская поэзия сквозь призму «песен радости» (на материале цикла «Сто строф о временах года» Дзиэна). *Философский журнал*. 2023. Т. 16. № 4. С. 55–69 [Fedyanina V.A., Bolotskaya K.V. Buddhist Tradition and Japanese Poetry from the Perspective of “Songs of Joy” (Based on “One Hundred Verses about the Seasons” by Jien). *Philosophy Journal*. 2023. Vol. 16. No. 4. Pp. 55–69 (in Russian)].

*Хоссин вака сю: (Собрание песен о пробуждении сердца (*発心和歌集)). Симпэн кокка тайкан (Новое полное собрание японской поэзии (新編国歌大観)). Токио: Кадокава сётэн (東京：角川書店), 1985. Т. 3 (第三巻), Сика сю: хэн (Частные собрания (私家集編)), ч. 1. С. 292–294 [*Hosshin waka shū (The Collected Songs on the Awakening of the Heart*). Shinpen kokka taikan (Newly Compiled Comprehensive Anthology of Japanese Poetry), 1985. Vol. 3, Shikashu hen I (Private collections, I). Tokyo: Kadokawa Shoten. Pp. 292– 294 (in Japanese)].

Ямамото Акихиро (山本章博). *Дзякудзэн хо:мон хякусю дзэнсяку (Полное толкование «Ста стихотворений о вратах Дхармы» Дзякудзэна (*寂然法門百首全釈*)).* Токио: Кадзама Сёбо (東京：風間書房), 2010 [Yamamoto Akihiro. *Jakuzen hōmon hyakushu zenshaku*. Tokyo: Kazama Shobō, 2010 (in Japanese)].

Kamens E. *The Buddhist Poetry of the Great Kamo Priestess Daisaiin Senshi and Hosshin Wakashu*. Michigan: The University of Michigan, Center for Japanese Studies, 1990.

Kim Y.-H. *Songs to Make the Dust Dance: The Ryojin Hisho of Twelfth-Century Japan*. Berkeley: University of California Press, 1994.

Miller S. Religious Boundaries in Aesthetic Domains: The Formation of a Buddhist Category (shakkyō-ka) in the Imperial Poetry Anthologies. *Proceedings of the Midwest Association for Japanese Literary Studies*. 1997. Vol. 3. Pp. 100–120.

Trubnikova N.N. A Collection of Tales About the Awakening of the Heart (Hosshinshū) in the Setsuwa Tradition. *Russian Japanology Review*. 2024. No. 2. Pp. 115–137.

Yamada Shozen. Poetry and Meaning: Medieval Poets and the Lotus Sutra. *The Lotus Sutra in Japanese Culture*. G.J. Tanabe (ed.) Honolulu: University of Hawaii Press, 1989. Pp. 95–118.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ФЕДЯНИНА Владлена Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой японского языка Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Vladlena A. FEDIANINA, PhD (History), Chair of Japanese Language Department, Moscow City University, Moscow, Russia.

DOI: 10.31696/S086919080039446-7

СЕМЕЙНЫЕ ПРАВА ЖЕНЩИН В ИРАНЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ПЕХЛЕВИ (1925–1979 гг.)

© 2026

С.А. КАВУН [a]

[a] – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0000-6601-5000; svetlana.sepideh@gmail.com

Резюме: *В настоящей статье рассматривается эволюция семейных прав женщин в Иране на протяжении периода правления двух шахов династии Пехлеви. Особый акцент делается на законодательные источники – поправки к Конституции касательно женщин из правящей династии, Уголовный кодекс 1926 г., Гражданский кодекс 1928 г., Закон об отмене рабства 1929 г., Закон о семье 1931 г., а также Законы о защите семьи 1967 и 1975 гг. При анализе перечисленных источников использованы их оригинальные версии на персидском языке, а также даны ссылки на конкретные статьи того или иного закона. Семейные права рассматриваются в плане безопасности женщин, их прав на заключение разных видов брака, назначение и получение махра, развод и опеку над детьми, наследство и материальную защищённость в условиях заключённого брака. Автор подчёркивает те случаи, когда права женщины явно уступают правам мужчины. Внимание уделяется и проблеме многожёнства как одному и признаков гендерного неравноправия, подчёркивается слабая юридическая проработка данного явления. Отдельный раздел статьи посвящён фактическому положению женщин в иранской семье. В качестве примера были выбраны семьи двух последних иранских правителей династии Пехлеви – Реза-шаха и его сына Мохаммад-Реза-шаха – как наиболее заметных исторических персон рассматриваемого периода. Используя аутентичную иранскую историографию, автор приводит подробности их личной жизни с тем, чтобы показать фактическое положение в их семьях женщин – матерей, жён и сестёр – в ситуации их зависимости от главного мужчины в семье. По итогу автор статьи делает вывод, что, несмотря на пристальное внимание властей к вопросу семейного положения женщин и постоянное расширение соответствующей законодательной базы, иранское общество периода Пехлеви сохраняло свою патриархальность и оставалось тесно связанным с культурной и религиозной традицией.*

Ключевые слова: права женщин, Иран, Пехлеви, гендерное неравноправие, махр, иранская семья

Для цитирования: Кавун С.А. Семейные права женщин в Иране в период правления династии Пехлеви (1925–1979 гг.). *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 145–156. DOI: 10.31696/S086919080039446-7

WOMEN'S FAMILY RIGHTS IN IRAN DURING THE REIGN OF PEHLEVI DYNASTY (1925–1979)

© 2026

Svetlana A. KAVUN [a]

[a] – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0000-6601-5000; svetlana.sepideh@gmail.com

Abstract: *The article explores the evolution of women's family rights during the reign of two Pehlevi shahs. Special emphasis is placed on juridical sources: amendment to the Constitution regarding women of the dynasty, 1926 Criminal Code, 1918 Civil Code, 1929 Slavery abolition act, 1931 Family law and 1967 and 1975 Bills on family protection. For the analysis of these sources their original versions in Persian have been used and the references of the specific articles are given. Family rights are considered concerning to women's safety, their rights of conclusion of different kinds of marriages, assignment and obtaining of mahr, divorce and custody of children, inheritance and financial security. The author emphasizes the cases when women's rights are limited by those of men. Attention is also payed to such a problem as polygyny as one of the features of inequality and a weak legal assessment of the phenomenon is stressed. One of the parts of the article is devoted to the role of women in Iranian family. For the examples, the two Pehlevi shahs' families are considered as these rulers are the most prominent historical figures of the period. By using mostly original historiography the author outlines the facts of their private lives to show the position of women in the conditions of dependence on the main man in the family. Overall the author comes to the conclusion that the Iranian society in the Pehlevi period had retained its patriarchal nature and was closely connected with cultural and religious traditions.*

Keywords: women's rights, Iran, Pehlevi, gender inequality, mahr, Iranian family

For citation: Kavun S.A. Women's Family Rights in Iran during the Reign of Pehlevi Dynasty (1925–1979). *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 145–156. DOI: 10.31696/S086919080039446-7

ПЕРВЫЕ ЗАКОНЫ О СЕМЕЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ РЕЗА-ШАХА ПЕХЛЕВИ (1925–1941)

В 1920–1930-х гг. о бесправном положении иранской женщины в семье и быту, браках по принуждению, деспотизме мужчин, постоянном страхе быть отвергнутым супругом и оказаться в нищете писали в художественных произведениях того периода такие известные авторы, как Мортеза Каземи, Яхья Доулят-Абади, Аббас Халили и Садек Хедаят [Яукачева, 1960, с. 7, 9]. Второстепенное положение женщины в семье было зафиксировано и на самом высшем уровне в скором времени после провозглашения Учредительным собранием шахом страны Резы Пехлеви 12 декабря 1925 г. В тот же день были приняты поправки к Конституции 1906 г., по которым престол мог передаваться только по мужской линии к старшему сыну от матери-иранки (статья 36). Шах при согласии меджлиса мог назначать себе другого преемника, только не из предыдущей Каджарской династии, но в случае рождения сына престолонаследником становился именно он (статья 37) [*Eslāh-e se asl*, 1304], то есть женщины в шахской семье не только лишались всяких прав на престолонаследие, но и могли претендовать на роль матери наследника только при наличии «иранского происхождения» и отсутствия родственных связей с предшествующей шахской династией.

23 января 1926 г. парламентом был принят Уголовный кодекс, имевший черты законодательства Франции, Швейцарии и Италии ввиду того, что его составители из ближайшего окружения Реза-шаха имели европейское образование [Арабаджян, 2022, с. 69–70]. Уголовный кодекс вводил равенство представителей разных религий, запрещал кровную месть, плату за кровь и телесные наказания (смертная казнь полагалась только за убийство и измену родине), однако легализировал «убийство чести», за которое муж не нёс никакого наказания, а брат или отец получали непродолжительный тюремный срок, который можно было заменить денежным залогом. Так, в статье 179 Уголовного кодекса значилось, что если муж застанет жену с посторонним мужчиной на ложе или в позе, присущей ложу, и

совершит убийство одного из любовников или сразу обоих, либо причинит одному или обоим увечья, либо нанесёт побои, то он полностью освобождается от наказания. В той же статье говорится, что если отец или брат застанет незамужнюю женщину в таком компрометирующем положении с другим мужчиной и не добьётся согласия обоих на заключение брака, то за убийство одного их них полагается тюремное заключение всего лишь от 1 до 6 месяцев, а за увечья или побои – от 8 дней до 2 месяцев [Manuchehriān, 1328, p. 59–60].

Непосредственно женщинам посвящена глава 5 из раздела 3 Уголовного кодекса под заголовком «Изнасилования и прелюбодеяния». На примере внесения поправок в статьи данного законодательного акта можно проследить кардинальное смягчение наказания за супружескую неверность. Если до 23 мая 1931 г. действовала первоначальная редакция статьи 207 о наказании смертной казнью за супружескую неверность, инцест, содомию и изнасилование [*Majmu'e-ye qavānin-e jaza'i*, 1310, p. 253], то 28 апреля в этом вопросе были приняты существенные послабления. Так, за внебрачную связь замужняя женщина, равно как и женатый мужчина, получала тюремное наказание сроком от 6 месяцев до 3 лет. Если сопоставить данную меру с предыдущими бытовавшими в Иране варварскими практиками расправы над женщинами за измену супругу вплоть до её изощрённого убийства самими же родственниками, то налицо будет явная гуманизация семейного права, которое к тому же вводило аналогичную кару для женатых мужчин, что вовсе не имело прецедентов в прошлом. Обращает на себя внимание и наказание за двоемужество, за которое каралась не только женщина, но и новый муж и даже брачующее их лицо [*Majmu'e-ye qavānin-e jaza'i*, 1310, p. 252]. Видимо, данная мера вводилась для упорядочивания практики регистрации актов гражданского состояния и предостережения духовных лиц от регистрации браков тех пар, статус которых определён не в полной мере.

Наказания за изнасилования, напротив, ужесточились по сравнению с каджарским законодательством второй половины XIX в. В частности, статья 208 нового Уголовного кодекса карала за изнасилование женщины любого возраста и совращение девочек от 4 до 9 лет 15 годами каторги, а если насилие совершал близкий родственник до 3-й степени родства, его приговаривали к вечной каторге. Совращение девочки в возрасте от 9 до 15 лет, однако, наказывалось менее строже – от 2 до 8 лет одиночного заключения, так как считалось, что в этом возрасте она уже достигла полового созревания и теоретически готова к половой жизни. Статья 210 впервые вводила наказание за сводничество, однако оно наказывалось не так строго (от 1 до 3 лет) и могло быть заменено штрафом [*Majmu'e-ye qavānin-e jaza'i*, 1310, p. 253].

ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС 1928 г.

8 мая 1928 г. был принят весьма подробный Гражданский кодекс, состоящий из 1135 статей, поэтому в качестве руководства по его изучению уместно воспользоваться комментарием и критикой, составленными ещё в 1949 г. одной из немногих иранских сенаторов-женщин Мехрангиз Манучехриян [Manuchehriān, 1328, p. 22–56]. О ярко выраженной гендерной сегрегации свидетельствует разный возраст совершеннолетия у женщин и мужчин – 9 и 15 лет соответственно (статья 1210). Отличался и минимальный возраст вступления в брак – 13 лет для девушек и 15 для юношей, но с оговоркой, что с разрешения попечителя и суда возраст может быть ниже (статья 1041). Замужество без разрешения опекуна женщине разрешалось только с 17 лет (статья 1042). Мужчина, который готовился взять новую жену, обязан был предупредить её о том, что он уже состоит в браке, к тому же при заключении временного брака обязательным было указание в договоре размера махра (статья 1095) [*Qānun-e madani*, 1307]. Здесь нужно отметить, что временный брак (*сиге* или *мута*) про-

должал терять свою популярность, составив менее 1,2 % от общего числа заключённых браков в 1941 г., в то время как почти треть из них закончилась преждевременным разводом по инициативе мужчины (*базл-е моддат*) [Фархуджаста, 2009, с. 71], из чего можно сделать вывод о постепенном разочаровании мужского населения в данной практике. Гражданский кодекс 1928 г. предписывал арестовать мужа, если он не в состоянии обеспечивать свою жену и при этом не даёт ей развода, однако содержал целый ряд предписаний по поводу условий выплаты махра.

Махр как обязательный элемент мусульманского семейного права и необходимое условие легитимности семейного союза на практике представляет собой материальное вознаграждение лично женщине при заключении брака в виде любого движимого или недвижимого имущества. Гражданский кодекс 1928 г. вводил множество уточнений в связи с махром. Так, он, по сути, лишил женщину возможности требовать полной его выплаты и ставил её в зависимое перед мужем положение, так как статья 1081 запрещала аннулировать брак даже в том случае, если, согласно брачному договору, супруг не выплатил махр в положенный срок. Согласно статьям 1085 и 1086, в таком случае женщина имела права отказаться от выполнения каких-либо обязанностей перед супругом, только если это не приведёт к сокращению её содержания, но сделать это было можно, если какая-то часть махра уже была выплачена. Анализируя понятия махра, в данном кодексе мы встретили сразу три его разновидности: махр-оль-месль (статья 1087), махр-оль-моте (статья 1093) и махр-оль-масми (статья 1100). Махр-оль-месль – махр, назначаемый уже после заключения постоянного брака и начала семейной жизни. Он устанавливался по таким критериям, как возраст женщины, наличие девственности, внешняя привлекательность, образование и социальное происхождение и определялся соразмерно обычному махру, назначенному другим женщинам её уровня (статья 1091), то есть фактическая оценка женщины происходила по уравнительному принципу без учёта её индивидуальных особенностей как личности. Махр-оль-моте представлял собой компенсацию женщине (если обычный махр не был прописан в брачном контракте) при разводе до момента близости, который, кстати, случался довольно часто в условиях свободного общения мужчины и женщины только после заключения брака. Махр-оль-масми представлял собой чётко прописанный в брачном контракте размер и форму выплаты махра. Ещё одной особенностью махра как такового являлась возможность его определения мужем или вообще третьим лицом (статья 1089), однако если его назначала женщина, то он не мог превышать по размеру махр-оль-месль (статья 1090), что также ограничивало её права [*Qānun-e madani*, 1307].

Разводу в Гражданском кодексе 1928 г. также посвящался целый ряд статей. Согласно статье 1133, правом развестись в любое время обладал лишь мужчина, а женщина могла потребовать развода только при определённых условиях, а именно: повторная женитьба мужа без согласия первой жены (статья 1119); исчезновение или уход его из дома разом минимум на полгода в течение одного года или периодами, составляющими в сумме 9 месяцев в году, постоянные побои, которые супруга не может переносить по состоянию здоровья, наркомания или алкоголизм мужа и отказ лечиться под наблюдением врача, психические или инфекционные заболевания мужа, его 5-летнее тюремное заключение (статья 1130); отказ мужа материально содержать семью (статья 1129); импотенция (статья 1125). Особо подчеркнём, что уход мужа из семьи менее чем на полгода или 9 месяцев с перерывами, «умеренное» избиение жены, наркомания или алкоголизм на стадии излечения не могли являться основаниями, по которым женщина имела права требовать развода. В то же время основанием развода для мужчины, согласно статье 1123, мог стать целый спектр заболеваний женщины (например, проказа, экзема) или состояния её здоровья (вагинизм, уретро-влагалищный свищ, паралич, слепота на оба глаза). Единственная уступка, которая,

очевидно, носила характер рекомендации, содержалась в статье 1140, в которой говорилось о нежелательности развода с женщиной во время регул или в послеродовой период. В статьях Гражданского кодекса также приводится классификация разводов, которые делились на три главные категории: постоянные (*баин*), временные (*раджи*) и досрочный развод с временной женой-*сиге* (*базле-моддат*). Статья 1144 кодекса вводила градацию постоянных разводов, именовавшихся по-разному в зависимости от их основания или обстоятельства: 1) развод до момента близости, 2) развод-*яисе* с женщиной в период климакса, 3) развод-*халь* по инициативе жены с возвращением махра, 4) развод-*мобадерат* из-за взаимной антипатии. В кодекс также вошло упоминание о специальной церемонии шиитского фикха *леан* – взаимном проклятии бывших супругов, после которого они уже никогда не могли заключить повторный брак. В статье 882 прописано, что после церемонии *леан* не только бывшие супруги исключаются из числа наследников друг друга, но и дети теряют право наследовать отцовское имущество [*Qānun-e madani*, 1307].

Отдельно стоит осветить права женщин в отношении детей в период брака и в случае развода. Самым недвусмысленным образом об ограниченности прав матери в отношении своего ребёнка свидетельствует статья 1158 настоящего кодекса, в которой прописано, что несовершеннолетний всегда должен проживать с отцом, даже если рождён в течение двух месяцев после развода родителей, в период так называемого *эдде*, то есть 90 дней после развода, в течение которых женщине нельзя повторно выходить замуж (статья 1159). Все официальные решения о судьбе ребёнка принимал также отец или дед по мужской линии (статья 1180). Вместе с тем постулировалось, что забота о ребёнке является правом и обязанностью обоих родителей (статья 1168), то есть при равных обязанностях отца и матери, прав у отца было больше. Ещё более ограничивались права женщины на опеку в случае развода. К примеру, женщина могла опекать сына только до двухлетнего возраста, а дочь – до семилетнего (статья 1169), но автоматически лишалась этого права при повторном замужестве (статья 1170). Получить бессрочную опеку над ребёнком мать могла только в случае смерти отца (статья 1171). Однако преимущественные права отца на ребёнка накладывали на него всю ответственность за материальное обеспечение. Так, вне зависимости от наличия брака материальное обеспечение ребёнка полностью ложилось на отца или деда по отцовской линии и только после них – на мать или деда по женской линии (статья 1190). Равное положение родители имели только в вопросе лишения прав опеки, которое могло произойти, если один из них страдал наркоманией, алкоголизмом или игроманией, занимался проституцией, вёл аморальный образ жизни, имел психическое заболевание, принуждал несовершеннолетнего к занятию проституцией, попрошайничеством или контрабандой, регулярно его жестоко избивал (статья 1173) [*Qānun-e madani*, 1307].

Вместе с тем в кодексе сохранились и некоторые патриархальные нормы, действовавшие согласно шариату: 1) муж имел право запретить жене заниматься профессиональной деятельностью, если это противоречит интересам семьи, порочит его или её достоинство (статья 1117); 2) жена обязана была проживать по месту жительства мужа (статья 1005); 3) обязательным было разрешение отца или деда по отцовской линии на брак дочери, хотя в случае немотивированного отказа она могла обжаловать это решение в суде, где следовало представить всю информацию об избраннике и условиях желаемого брака (статья 1043); 4) брак мусульманки с иноверцем запрещался (статья 1059); 5) сохранялись полигиния и временный брак (статья 1049); 6) женщина могла вступить в права опекуна только с разрешения своего мужа (статья 1233); 7) мать не имела права назначать опекуна своему ребёнку, вместо неё это мог делать отец или дед по отцу (статья 880) [*Qānun-e madani*, 1307]. Действительно, вопреки мнению о патриархальности как залоге крепких семейных отношений, статистика разводов за 1941 г. показывает, что они во всех своих формах (халь,

раджи, баин, базл-е моддат) составляли почти 24 % от количества заключённых в том же году браков [Фархуджаста, 2009, с 71].

Из положительного в Гражданском кодексе 1928 г. следует отметить то, что по-прежнему сохранялись имущественные права женщин в плане получения наследства. Супруга (или супруги) дефиницировались как некровные родственницы (статья 864), в то время как среди кровных родственниц устанавливались три степени родства и, следовательно, три очерёдности наследования: 1) мать, дочь, внучка; 2) бабка, сестра, племянница; 3) тётка, кузина (статья 862) [*Qānun-e madani*, 1307].

Рассмотрим разные права женщин на долю в наследстве в зависимости от степени их родства. Супруге или нескольким супругам в равных долях без уточнения вида брака полагалась только ¼ имущества мужа при отсутствии детей (статьи 900 и 913) и ⅛ – при наличии детей (статьи 901 и 913). При этом неравенство женщин в этом случае подтверждается тем фактом, что муж (всегда единственный) получал ½ имущества покойной жены, а при наличии детей – ¼ (статья 913), то есть минимум в два раза больше. Примечательно, что гораздо большими правами обладали единственная дочь или при отсутствии детей единственная сестра, которые получали ½ имущества (статья 899), т.е. фактически в 2 раза больше, чем супруга. Ещё больше (при отсутствии у покойного сыновей) получали две или больше дочерей или (при отсутствии братьев) две или больше сестёр – ⅔ наследства (статья 902), однако при наличии сыновей их доля наследства должна была быть в два раза больше, чем у дочерей (статья 907). Целиком получить наследство могла дочь только в том случае, если у покойного не осталось в живых родителей, супруги или нескольких супруг и не было других детей (статья 907), что, естественно, случалось крайне редко. Несколько дочерей покойного при отсутствии братьев делили наследство поровну (статья 907). Отдельно прописывалась доля незамужней сестры или сестёр покойного: одна получала $^{1}/_{12}$ (статья 908), а несколько – ⅔ наследства при сокращении доли родителей до ⅙ (статья 909). Гендерное равенство соблюдалось только в отношении единоутробных (но не единокровных) братьев и сестёр. Так, единоутробная сестра (как и брат) имели право на ⅙ часть имущества (статья 904) или ⅓, если их было две или более (статья 903). Помимо супруги, дочери или сестры, весьма существенная доля наследства причиталась матери покойного, которая при отсутствии у покойного детей и внуков имела право на ⅓ имущества (статья 903), хотя это и было в 2 раза меньше, чем получал отец (статья 906). Если же после покойного оставались дети или внуки, то родителям на двоих причиталось ⅓ имущества (статья 892), то есть мать получала только ⅙ часть. При наличии единоутробных брата или сестры покойного его родители на двоих получали ⅙ часть имущества (статья 904), то есть доля матери составляла $^{1}/_{18}$ [*Qānun-e madani*, 1307]. Столь подробно расписанная инструкция наделения долями наследства женщин разной степени родства может свидетельствовать о попытках предоставления материальной защищённости всем самым ближайшим родственницам, находящимся за пределами одной нуклеарной семьи, хотя в большинстве случаев мужская часть родственников имела более привилегированное положение.

ОТМЕНА РАБСТВА И ПЕРВЫЙ ЗАКОН О СЕМЬЕ

Прогрессивным достижением стал принятый с подачи правительства «Закон о запрете купли и продажи рабов на территории Ирана и освобождении рабов при их въезде в страну» от 7 февраля 1929 г. Согласно ему все рабы и рабыни, оказавшиеся на территории Ирана или его прибрежных водах, автоматически получали свободу, а лица, занимающиеся работорговлей или использующие людей в качестве рабов, приговаривались к тюремному

заключению сроком от 1 до 3 лет [*Qānun-e man'-e xarid va foruš-e barde*, 1307]. Учитывая широкое распространение в Иране женского рабства, криминализация работорговли и связанного с ней сексуального использования рабынь должна была содействовать улучшению правового положения многих невольниц. Однако главное состоит в том, что благодаря официальной отмене рабства было положено начало аннулированию самой унизительной для женщины-рабыни формы брака с собственным хозяином.

15 августа 1931 г. парламент утвердил «Закон о семье», вступивший в силу 24 сентября того же года. Данный нормативный акт ввёл обязательное медицинское освидетельствование жениха и невесты. Она также узаконил заключение брака или развода только в отделах Министерства юстиции, а если его не было в месте проживания брачующихся, то супруг должен был под страхом тюремного заключения уведомить об этом ближайший отдел в течение 20 дней после выдачи муллой свидетельства о браке (или разводе). Причём для поощрения обращаться именно в министерские отделы, там отменялась пошлина за регистрацию. Из положительных изменений стоит отметить повышение брачного возраста для женщин до 16 лет, хотя с особого разрешения родителей (отца) можно было отдавать замуж уже в 13 лет. Статья 3 напрямую запрещала заключение брака лицам, не достигших полового созревания. Учитывая наличие практики «детских браков», когда в жёны брали совсем девочек, для таких мужчин вводилось тюремное наказание от года до трёх лет и денежный штраф от 200 до 2000 туманов [*Majmu'e-ye qavānin-e jaza'i*, 1310, p. 354]. В статье 6 тюремное заключение сроком от полугода до двух лет полагалось за сокрытие от новой жены уже имевшегося брака, в таком случае обманутая женщина имела право подавать на развод. Полигиния и временный брак сохранялись, хотя источники указывают, что большинство населения, особенно в интеллигентской среде, придерживались моногамного брака и предпочитали избегать ранних браков [Elwell-Sutton, 1942, p. 125].

Отдельной статьёй 9 прописывалось содержание супруги: обеспечение её жильём (хотя за мужем оставалось право выбирать место жительства), одеждой, пропитанием, домашней утварью, а если муж уклонялся от содержания, то, согласно статье 10, жена имела право потребовать этого в судебном порядке, а в случае невозможности взыскания добиваться развода. Запрет на применение к жене физической силы, однако, в законе не был чётко прописан. На данный счёт имелась только обтекаемая фраза: «Муж и жена обязуются по-доброму относиться друг к другу» (статья 8) [*Majmu'e-ye qavānin-e jaza'i*, 1310, p. 355]. В большей мере права супруги защищали статьи 12 и 13 «Закона о семье», в которых было прописано, что если женщина сможет доказать риск получения от мужа физического или материального ущерба, то она получает разрешение проживать отдельно от него, не лишаясь при этом права на содержание, а на время судебного разбирательства её место жительства определяется по согласованию с мужем, родственниками или назначается самим судом. Без изменений по сравнению с предыдущим законодательством остались положения о лишении женщины опеки над детьми после развода (мальчик по достижению двух лет передавался отцу, девочка – после семи лет), а также запрет на замужество мусульманки с немусульманином [*Majmu'e-ye qavānin-e jaza'i*, 1310, p. 356].

Традиционно с положением женщин в Иране связывается и проблема хиджаба. В этой связи кардинальная реформа Реза-шаха Пехлеви касалась введения полного запрета на ношение хиджаба всеми женщинами и везде вне зависимости от их семейного положения. Подробный анализ данной реформы иранских властей автор статьи провела в отдельной статье [Кавун, 2025, с. 487].

ЗАКОНЫ О ЗАЩИТЕ СЕМЬИ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ МОХАММАДА-РЕЗА ШАХА (1941–1979)

Семейное право и особенного практика его применения в период правления Мохаммада-Реза-шаха Пехлеви во многом сохраняли тесные связи с традицией. Так, даже в первой половине 1940-х гг. в сельской местности на севере Ирана жених не мог видеть невесту до брака, своё согласие она выражала жестом руки из-за занавеси, а брачный договор подписывал отец новобрачной, хотя для знакомства молодым отводился срок в течение одного или нескольких месяцев и только потом праздновалась свадьба и фактически начиналась семейная жизнь [Талызин, 1954, с. 31].

Тем не менее, законодательно семейное право развивалось, предписывая всё новые права и возможности для обоих супругов в новых общественных условиях. Основополагающими документами данного периода следует считать два кодекса «Закона о защите семьи», принятые 15 июня 1967 г. [*Qānun-e hemāyt-e xānevāde*, 1346] и 4 февраля 1975 г. [*Qānun-e hemāyt-e xānevāde*, 1353] Тематически они во многом пересекаются, хотя второй по времени содержит ряд принципиальных дополнений. Так, оба юридических документа поднимают тему женской занятости, которая в конце 1960-х гг., очевидно, уже стала обыденным явлением, однако законы по-прежнему остаются выдержанными в патриархальном духе. Так, в обоих кодексах 1967 г. (статья 15) и 1975 г. (статья 18) прописано право мужа запрещать жене работать вне дома, если это «противоречит интересам семьи или порочит честь одного из супругов». Правда, во втором кодексе женщина также получила право запретить мужу «непрестижную» работу, но с оговоркой, что это не должно привести к финансовым потерям для семьи, что, по сути, нивелирует данное право.

В обоих кодексах сохранялось традиционное право мужчины в Иране на многожёнство, причём если кодекс 1967 г. предпринимает попытку ограничения данного явления, то кодекс 1975 г. расширяет права мужчины в этом вопросе, одновременно ущемляя права первой жены и вовсе не упоминая о правах второй и последующей супруг и юридической базе их взаимоотношений друг с другом. Так, в первом кодексе повторная женитьба становится возможной только по решению суда, однако основания для его вынесения не прописаны чётко, поскольку только «при возможности» проверяются три условия возможности нового брака: комфортные бытовые условия и согласие первой жены, финансовая состоятельность мужчины и «его способность справедливого отношения» к нескольким женщинам (статья 14). Разумеется, на практике проверка столь личных вопросов частной жизни являлась крайне затруднительной. Кодекс 1975 г. ещё больше расширил число условий для одновременного брака с несколькими женщинами, доведя их до 11. Помимо перечисленных выше, аналогичным образом не прописанных внятно в новом кодексе, такими условиями могли стать невозможность прежней жены выполнять супружеские обязанности, её непослушание, болезнь (физическая или психическая), судимость, зависимость (как правило, наркотическая), уход её из семьи, бездетность или пропажа без вести (статья 16). Хотя «Закон о защите семьи» 1975 г. и прописывал тюремный срок мужчине от 3 месяцев до 1 года за повторный брак без санкции суда (статья 17), наличие массы поводов у мужчины выразить недовольство по поводу первой жены и требовать у суда разрешения на повторный брак вряд ли можно считать юридической базой для защиты моногамной семьи, а, следовательно, и прав женщин как таковых.

Самым ярко выраженным правом женщины в обоих «Законах о защите семьи», как ни странно, можно считать её уравнение в правах с мужчиной инициировать бракоразводный процесс. Благодаря кодексу 1967 г. женщина в Иране впервые получила право требовать развода (статьи 8 и 10), основания для которого были такими же, как и для мужчины, если не считать права заявить о своём несогласии с многожёнством мужа. Общими для мужчин

и женщин основаниями подавать на развод являлось тюремное заключение супруга или супруги сроком от 5 лет, зависимость (как правило, наркотическая), оставление семьи или совершение преступления, порочащего достоинство семьи, супруга или супруги и любой тюремный срок за него (статья 11).

Кодекс 1975 г. ещё больше расширил возможности для инициирования развода, дополнив их обоюдным согласием супругов, отказом или невозможностью мужа материально содержать жену, непослушанием жены, ненадлежащим поведением одного из супругов, душевной болезнью одного из них, наличием опасных заболеваний (без указания каких именно), несоблюдением предписанием суда о прекращении работы, «порочащей честь семьи, мужа или жены», несправедливым отношением к одной из жён, бесплодием кого-либо из супругов (статья 8). Иначе говоря, для начала бракоразводного процесса можно было найти массу поводов.

Наконец, последним критерием сопоставления двух кодексов назовём вопрос опеки над детьми после развода супругов. Кодекс 1967 г. впервые признал за женщиной право ходатайствовать об опеке над детьми, полностью переложив решение данного вопроса на усмотрение суда, а если мать эту опеку получала, то, помимо содержания детей, на бывшего супруга возлагалась обязанность содержать и опекающую их мать, то есть свою бывшую супругу (статья 12). Кодекс 1975 г. сохранил данный принцип (статья 12), однако ввёл поправку, что даже в случае признания опеки за матерью, только отец вправе принимать все решения по поводу своих несовершеннолетних детей, а мать и вовсе автоматически лишается опеки при повторном замужестве (статья 15). Ещё один принцип нового кодекса, явно ущемляющий права женщин, прописан в статье 22, где сказано, что в браке муж, конечно, обязан материально содержать жену и отказ от этого грозит ему арестом от 3 месяцев до 1 года, однако это обязательство имеет силу только в случае послушания супруги. Бесспорно, в интересах женщины действовали статьи кодекса 1975 г. об её защите в случае мести мужа после принятия положительного решения суда об их разводе (согласно статье 11, за абьюз на мужчину накладывалось обязательство регулярно выплачивать содержание жене даже после развода), а также о выплате пособия бывшей жене, если у неё во время брака развилась какая-либо болезнь физического или психического характера (статья 11). Прогрессивной мерой было разрешение на замужество только по достижению 18-летнего возраста, хотя и оговаривалось, что в исключительных ситуациях по решению суда девушка может выходить замуж и в 15 лет (статья 23).

Ещё одной ключевой законодательной мерой семейного права стала легализация абортов, что также не имело прецедентов за всю иранскую историю. Дело в том, что из-за демографического взрыва в середине 1960-х гг. при естественном приросте населения более 3 % в год с 1968 г. на государственном уровне была инициирована Программа планирования семьи. В ее рамках в городских поликлиниках бесплатно распространялись средства контрацепции, а в сельскую местность командировали для этих целей бригады врачей. Проблема стояла настолько остро, что только в 1975 г. на эти нужды из госбюджета было потрачено 28 млн долларов [Ходунов, 2017, с. 71]. Аборты были легализованы в 1973 г., но делать их можно было только на сроке не позднее 8 недель и с разрешения мужа. По статистике, только в 1972 г. на 100 новорождённых приходилось 25 абортов [Sedghi, 2007, p. 140].

ФАКТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ИРАНСКОЙ СЕМЬЕ

Для освещения фактического положения иранской женщины в частной жизни рассматриваемого периода приведём яркий, хотя, быть может, и не самый распространённый

пример устройства семьи первого правителя династии Пехлеви Реза-шаха. Он имел четыре жены, три из которых являлись одновременными. Ещё во время службы в Казачьей бригаде Реза-хан женился на дочери казачьего полковника Тадж-оль-Молук Айромлу, но после переворота 1921 г., заняв пост военного министра, он решил заключить новый брак с представительницей Каджарской династии. Тадж-оль-Молук отказалась признавать повторный брак мужа и прекратила с ним всякое общение, что было беспрецедентным случаем в семейных отношениях иранских шахов и свидетельствовало о кардинальной смене гендерных традиций в высших слоях иранского общества. Однако поскольку их общий сын Мохаммад-Реза являлся наследным принцем, в раннем возрасте он был разлучён с родной матерью и стал жить при дворе отца.

Ставшая новой женой шахиня Туран из-за незначительного повода вызвала гнев правителя, вернулась в дом отца и впредь жила отдельно. Хотя развод супруги не оформили, тем не менее, по милости шаха, Туран было разрешено воспитывать их общего сына [Kasri, 1379, p. 38–39]. Через полгода, будучи ещё премьер-министром, Реза-шах женился в четвёртый раз, выбрав другую представительницу Каджаров Эсмат-оль-Молюк. Она стала фактически единственной женой шаха и матерью его четырёх сыновей и одной дочери. Однако по традиции, заведённой ещё при Каджарах, старшей шахиней считалась всё-таки Тадж-оль-Молук Айромлу как мать наследника престола, поэтому основная конкурентная борьба развернулась между старшей официальной супругой и младшей фактической [Fardust, 1370, p. 75].

Особым в иранской семье было и положение дочерей, находившихся в полной власти своих отцов. В 1937 г. шах решил подыскать дочерям Шамс и Ашраф достойную партию. Премьер-министр Махмуд Джам составил список самых знатных иранских семей, из которых лично Реза-шах назначил в мужья Шамс сына самого премьера, а Ашраф – отпрыска наследного правителя Фарса [Kasri, 1379, p. 12] (оба «династических» брака были расторгнуты вскоре после отречения Реза-шаха в 1941 г.).

Что же касается наследника престола (будущего правителя Мохаммада-Реза-шаха), то ему ещё в период правления Реза-шаха в 1939 г. была выбрана в супруги сестра действующего короля Египта принцесса Фаузия Фуад. Суннитское вероисповедание невесты не являлось препятствием для вступления в брак, хотя, по закону о престолонаследии, мать будущего наследника должна быть иранкой, поэтому в парламенте Ирана был принят специальный закон о предоставлении Фаузии Фуад иранского гражданства. После бегства на родину первой жены, так и не подарившей наследника мужского пола, молодой шах женился повторно на иранской аристократке Сорайе Исфандияри, но был вынужден развестись с ней по причине отсутствия потомства. Только третья жена шаха Фарах Диба, родившая, наконец, двух сыновей, получила невиданные привилегии и возможности для воплощения своих творческих идей. 24 января 1968 г. Фарах Пехлеви была коронована, получив права регента при малолетнем правителе на случай смерти шаха, для чего были даже внесены поправки в статью 38 Конституции. Однако ещё раз подчеркнём, что третья жена шаха добилась столь высокого положения во многом благодаря тому, что в отличие от двух своих предшественниц полностью реализовала свои детородные функции, подарив супругу четверых детей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из проведённого анализа, на протяжении всего периода правления в Иране династии Пехлеви власти уделяли пристальное внимание положению дел в частной жизни, постоянно дополняя и конкретизируя семейный статус женщины. Подробно рассматривая

каждый из приведённых кодексов, можно прийти к выводу, что, конечно, они стали законодательным фундаментом для защиты интересов женщин и формирования гендерного контракта, то есть порядка взаимодействия полов друг с другом. Вместе с тем все перечисленные законодательные предписания были составлены с учётом существующей в стране культурной и религиозной традиции в рамках сохраняющегося патриархального общества, где женщина ни в коем случае не приравнивалась к мужчине, а была если не во власти, то в большой зависимости от отца, мужа или другого родственника. Эта зависимость компенсировалась или должна была компенсироваться материальным обеспечением женщины со стороны мужчины и, с одной стороны, давала ей минимальные гарантии достойного существования. С другой стороны, на практике патриархальная власть лишала женщину возможности делать самостоятельный выбор в личной жизни и тем самым создавала узел сложных личностных противоречий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арабаджян З.А. *Иранская модернизация 1926–1941 гг.* Москва: ИВ РАН, 2022 [Arabajan Z.A. *Iranian modernization, 1926–1941.* Moscow: IOS RAS, 2022 (in Russian)].

Кавун С.А. Причины и последствия введения запрета на ношение хиджаба в Иране при Реза-шахе Пехлеви в 1935–1936 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2025. Т. 17, № 4. С. 478–487 [Kavun S.A. Reasons and consequences of the ban on wearing hijab in Iran during the rule of Reza-shah Pehlevi in 1935–1936. *RUDN Journal of World History.* 2025. Vol. 17.4 (in Russian)].

Талызин Ф. *По Ирану и Ираку*. Москва: Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 1954 [Talysin F. *Across Iran and Iraq*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo kulturno-prosvetitelskoy literatury, 1954 (in Russian)].

Фархуджаста Х. *Семья в Иране*. Пер. с перс. Е.А. Мороз. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009 [Farhujasta H. *Iranian family.* Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2009 (Russian translation)].

Ходунов А. Демографическая модернизация Ирана (вторая половина XX – начало XXI века). *Демографическое обозрение.* 2017. Т. 4, № 2. С. 65–91 [Khodunov A. The demographic modernization of Iran (from the second half of the 20th to the beginning of the 21st century). *Demographic Review*. 2017. Vol. 4.2. Pp. 65–91 (in Russian)].

Яукачева М. *Тема освобождения женщины в современной персидской художественной прозе (1920–1950 годы)*. Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент: ИВ АН СССР, 1960 [Yaukacheva M. *Women's emancipation in the contemporary Persian fiction (1920–1950).* PhD Thesis (Abstract). Tashkent: IV AN SSSR, 1960 (in Russian)].

Elwell-Sutton L.P. *Modern Iran.* London: George Routledge & Sons, 1942.

Eslāh-e se asl-e 36 va 37 va 38 motammam-e qānin-ne asāsi. 1304. https://clck.ru/3V3xzB (accessed: 20.05.2025).

Fardust H. *Zohur va soqut-e saltanat-e Pehlevi*. Vol. 1. Tehran: Ettelāat, 1370 [Fardust H. *The Rise and Fall of the Pahlavi Dynasty.* Vol. 1. Tehran: Ettelaat, 1370 (in Persian)].

Kasri N. *Zanān-e zinofuz dar xāndān-e Pehlevi*. Tehran: Nāmak, 1379 [Kasri N. *The Influential Women of the Pahlavi Dynasty*. Tehran: Namak, 1379 (in Persian)].

Majmu'e-ye qavānin-e jaza'i. Tehran: Tamaddon, 1310 [*The Criminal Code.* Tehran: Tamaddon, 1310 (in Persian)].

Manuchehriān M. *Naqd-e qānun-e asāsi va madani va keyfari-ye Irān az nazar-e hoquq-e zanān*. Tehran: Keyhān, 1328 [Manuchehrian M. *Critique of the Constitution, the Civil and Criminal Codes from the Perspective of Women's rights.* Tehran: Keyhan, 1328 (in Persian)].

Qānun-e hemāyat-e xānevāde. [*Family Protection Law*]. 25.03.1346. https://rc.majlis.ir/fa/law/show/96054 (accessed: 16.05.2025).

Qānun-e hemāyt-e xānevāde. [*Family Protection Law*]. 15.11.1353. https://rc.majlis.ir/fa/law/show/97187 (accessed: 16.05.2025).

Qānun-e madani [*The Civil Code*]. 18.02.1307. https://rc.majlis.ir/fa/law/show/97937 (accessed: 11.06.2025).

Qānun-e man'e- xarid va foruš-e barde [*Slavery Abolition Act*]. 18.11.1307. https://rc.majlis.ir/fa/law/show/91872 (accessed: 13.02.2025).

Sedghi H. *Women and Politics in Iran*. New York: Cambridge University Press, 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КАВУН Светлана Александровна – соискатель Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Svetlana A. KAVUN, degree candidate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31696/S086919080038841-2

POLITENESS IN CHINESE DIPLOMATIC DISCOURSE: CROSS-CULTURAL ASPECTS AND TRANSLATION CHALLENGES

© 2026 Fatimabibi N. DAULET [a], Lina ZHUNISBEK [b], Ayana SYUY [c]

[a] – Farabi University, Almaty, Kazakhstan
ORCID: 0000-0002-1926-0502; fatima-dauletova@mail.ru
[b] – Farabi University, Almaty, Kazakhstan
ORCID: 0009-0007-4382-3911; zhunisbek.lina@gmail.com
[c] – Clark University, Worcester, Massachusetts, USA
ORCID: 0009-0003-4481-2713; asyuy@clarku.edu

Abstract: *The present article examines politeness strategies of Chinese diplomacy as the culturally particular system of semantic and pragmatic means intended to ensure smooth international communication. The focus is on the cross-cultural character of politeness strategies and on the challenges of rendering Chinese diplomatic tone markers into English and Russian. The problem is relevant because there is still a limited number of comparative studies that cover lexical, semantic, pragmatic and other dimensions of translation of politeness in Chinese diplomatic discourse, which is particularly relevant in the context of globalization.*

The methodology of the research includes conceptual pragmatic analysis of contemporary Chinese formal diplomatic papers (2019–2025) and comparative analysis of their English and Russian equivalents. The analysis reveals that the most significant structural, semantic, and pragmatic features of Chinese diplomatic politeness are honorific nominations, euphemisms, hedging, and indirect constructions. The analysis shows that literal translation results in the loss of meaning and pragmatics particularly when the transfer involves culturally specific aspects of politeness such as those pertaining to harmony, hierarchy and relational empathy. According to the results obtained, Chinese diplomatic politeness is a particular communicative model, which is focused on the preservation of harmony, hierarchy and face in international relations. The outcomes of this study can be applied to develop translation theory and intercultural communication by clarifying the cultural rationale of Chinese diplomatic discourse and giving useful instructions to translator education and cross-cultural adaptation of politeness strategies.

Keywords: diplomatic discourse, politeness strategies, face-work, translation, cross-cultural pragmatics, trilingual comparison

For citation: Daulet F.N., Zhunisbek L., Syuy A. Politeness in Chinese Diplomatic Discourse: Cross-Cultural Aspects and Translation Challenges. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 157–167. DOI: 10.31696/S086919080038841-2

A cognitive-semiotic and pragmatic view of politeness may be considered a sophisticated cultural code used to control interpersonal equality and balance in society by means of language. The explicit statement of the pragmatic aspect of speech communication has been made in Russian linguistic studies ever since Bogdanov (1990) saw communication as a sociologically mediated process that connects semantic and pragmatic contents [Bogdanov, 1990, p. 87]. Karasik (1991, 2002) continued to develop this scheme further and envisaged politeness as one of the elements within the linguistic representation of social hierarchy and self in discourse [Karasik, 1991;

2002, p. 29–30]. Formanovskaya (1987, 2002) developed a sophisticated theory of Russian speech etiquette based on the notion of a normative standard of communicative behavior aimed at preserving social cohesion and mutual respect [Formanovskaya, 1987; 2002, p. 156], and Polivanova (2012) noted the dynamism and situational character of language manifestations of politeness in everyday interpersonal communication [Polivanova, 2012].

Larina [Larina, 2009] developed these points and demonstrated that politeness in Russian and English linguistic cultures is associated with different values, such as collectivist emotional unity and individual freedom. According to Daulet (2019), they were linked to the Chinese philosophy of linguistics and they illustrated that face, or 面子 [miànzi] is a concept of cognition as well as a moral concept which encompasses both the harmony of communication and hierarchy of social status [Daulet, 2019.]

The combination of these perspectives views politeness as a semiotic term of cross-cultural nature, which involves ethical principles, power imbalance, and communicative equilibrium as a dynamic point of convergence between language and thought, social identity, and moral order. Regarding this, the Chinese diplomatic discourse is a rich field of research on the linguistic and ideological aspect of politeness because the place where language, culture and politics meet is diplomacy. The cultural origins of the Chinese politeness are rooted in the Confucian principles of Li (ritual propriety) and He-he (harmony); they are the principles of mutual respect, balance, and reciprocity in social behaviors [Gu, 1990]. The idea of face – 面子 [miànzi] is one of the foundations of the Chinese somatic cultural code [Daulet et al., 2019(1), p. 706], and it is the main Chinese linguocultural conceptual framework of societal norms and communication patterns in modern Chinese society [Daulet, 2019, p. 173]. Together with other closely connected concepts such as the concept of “情” [qíng] and “心”[xīn], it can be seen as a cognitive and emotive foundation of Chinese interaction. Here the inference can be made that face should not be seen as an extra etiquette but as the significant practical resource during the course of conducting the diplomatic communication.

Translation and cross-cultural pragmatics. The study suggests that it is not possible to divide politeness with intercultural mediation. Translators in diplomatic environments have to achieve a balance between accuracy and harmony since literal translation can cause semantic loss or pragmatic distortion [Charteris-Black, 2011, p. 370–372]. Comparative studies (e.g., Kumar and Jha, 2010) show that the features of politeness undergo culture-specific pragmatic transformations in the course of translation, and the mechanisms are adjusted to maintain the balance between people rather than equality in language [Kumar, Jha, 2010, p. 175].

Corpus analysis can prove that the degree of politeness is different both in the degree of intensity and purpose of expression: English values clarity, Russian – a formal distance, and Chinese – empathy and orientation [Li Mingyang, 2020]. Such results indicate the need to form a multidisciplinary linguistic-cultural-translation research network of diplomatic politeness.

The current paper investigates the linguistic expressions of politeness in Chinese diplomatic language by means of lexical, translation-based and perception-oriented analysis to clarify its cultural specificity. It deals with lexical, semantic and pragmatic devices – honorifics, euphemisms, mitigation particles, indirect constructions, and modal combinations – within the framework of official Chinese diplomatic writing, its translations, and shows how these forms contribute to the creation of tone, relational alignment, and intercultural balance.

An individual lexical index was developed that can classify the examples of politeness markers in terms of the operators type, semantic features and context of activation to ensure methodological transparency and the presence of cross-genre representation. The analysis is conducted using the image-information-interpretation model, which defines politeness as a conceptual entity with three interconnected facets, which are the image, which is the image of the act of communication and

the roles played by the participants, the information, which is the manifestation of both semantic and syntactic characteristics, and the interpretive field, which is composed of evaluative and inferential meanings. Since linguistics study of a concept involves more profound insight into spiritual, cultural and social human values [Daulet et al., 2019(2), p. 694], it allows us to disclose the cultural base of politeness as a value-based communicative phenomenon.

Theoretical significance of this research lies in the demonstration of how cultural face, harmony and empathy codes can determine the linguistic aspect of diplomatic communication and its practical value is to offer a repeatable translation training model and intercultural negotiation. Lastly, politeness in Chinese diplomacy is not merely a functional instrument but also a kind of soft power symbolically present in the area of international communications.

Politeness may also be viewed both as a linguistic and a cultural phenomenon since it is situated at the interface between pragmatics, sociolinguistics, and intercultural communication. Politeness in diplomatic speech is not an instrument of etiquette but rather an institution mechanism which controls stance, preserves face in international relationships and aids in adjusting inter-state relationships. As per the goals outlined in the Introduction, in this part we will present the theoretical and cultural frameworks that inform our analysis, i.e. the most important politeness theories and their applications in the field of diplomacy, lexical-semantic embodiment of politeness in Chinese, contrasted to the English and Russian diplomatic registers, and cross-cultural codes, such as, “面子” and “情”, “和合”, which motivate repeated choices in wording, structure, and tone. The Chinese conceptualization of the notion of face is not merely a common psychological concept but a cultural and linguistic code that stands for the communal moral order and coherent communication. Lexical and phraseological systems and their symbolic meanings have a role in determining how politeness is achieved in diplomatic and institutional discourse focusing on the ideas of dignity, restraint, and reciprocity as important social values.

The concept of politeness can also be explained as Brown and Levinson (1987) conceptualizing the reduction of face-threatening acts using techniques that promote positive face (solidarity/approval) or reduce negative face (non-imposition/autonomy) [Brown, Levinson, 1987, p. 61–65]. The model continues to serve as a reference point in identifying the politeness behaviors (such as deference, hedging, indirectness), but the view is based on the idea of interactional reasoning that emphasizes the agency of individuals. Leech (2014) redefines the notion of politeness in sociopragmatic meanings where the idea of genre, role, and setting dictates the meaning of appropriate mitigation [Leech, 2014]. Further, Spencer-Oatey (2008) associates politeness with rapport management, including rights, duties, and face sensitivity during institutional interactions [Spencer-Oatey, 2008, p. 258].

The other theoretical approach is based on the Chinese academic discourse. Gu (1990) proposes a maximalist concept of Chinese politeness grounded on the Confucian virtue of 礼 [lǐ], 人情 [rénqíng] – where respectfulness (敬 [jìng]), modesty (谦 [qiān]), attitudinal warmth (温 [wēn]) and refinement (雅 [yǎ]) motivate cooperation [Gu, 1990]. The idea of relational ritual is also supported by Pan and Kadar (2011), who indicate that indirectness in Chinese communication can mean empathy rather than evasion [Pan, Kadar, 2011, p. 152–158]. All of these approaches converge on one significant aspect of diplomacy, that politeness is not simply an instrument of escaping offense, but a morally loaded activity of establishing harmony and mutual recognition. There is a need to be careful when considering politeness as just any technical tool since it is both discursively negotiated and ideologically situated [Watts, 2003; Eelen, 2001]. Translation in diplomatic settings implies that even an apparently identical expression may alter the pragmatic sense of respect or restraint in languages. Our position on the analysis is in between the two extremes of being entirely one-sided, i.e., the application of the typological model offered by Brown and Levinson to the operations and Chinese models to the cultural logic underlying

their application, and the discursive accounts to the aspects of power/ideology specific to state communication.

Based on theoretical aspects that have been addressed earlier, this part is going to consider how diplomatic politeness could be linguistically and pragmatically implemented in real-life discourse. The purpose is to investigate how culturally defined notions of respect, empathy and harmony are realized through the selection of lexical items, syntactic structures and translation strategies in Chinese, English and Russian diplomatic discourse. These mechanisms are demonstrated in context in the examples below and it can be observed how abstract politeness theories are brought to life in authentic texts and how multi-lingual translation makes them inter-personal and institutional effects.

It is important to note that politeness formulae in Chinese diplomatic communication have a different role in formal written documents and in informal negotiation situations. The inability to differentiate between these two types of communication may cause pragmatic over-generalization in translations. Lexically speaking, there are four major mechanisms employed in Chinese diplomacy politeness:

Honorific address and titles – such as in written diplomatic context “阁下” [gèxià] – “Ваше Превосходительство” – “Your Excellency”; and in public oral negotiations “贵国” [guìguó] – “Ваша страна” – “Your esteemed country”; “贵方” [guìfāng] – “Ваша сторона” – “Your side”.

(b) Polite particles and softeners – “请” [qǐng] “please” – “пожалуйста”; “吧 / 呢” [ba / ne] as sentence-final softeners or mitigators that can be used in a limited or context-dependent capacity; 谨 [jǐn] – “с уважением” – respectfully that is used in writing only.

(c) Euphemistic templates – “有所不同” [yǒu suǒ bù tóng] – “имеются некоторые расхождения” – “different views”; “关切” [guānqiè] – “озабоченность” – “concerns”; “妥善处理” [tuǒshàn chǔlǐ] – “надлежащее урегулирование” – “handle properly”.

(d) Volitional or epistemic modality – “愿” [yuàn] – “выражать готовность” – “be willing”; “希望” [xīwàng] – “надеяться” – “hope”; “将” [jiāng] – “будет/намереваться” – “will” (commitment under protocol control).

At the syntactic level, two key patterns stand out:

(1) Preposed value frames – “在…基础上” [zài … jīchǔ shàng] – “на основе …” – “on the basis of …”; “本着…精神” [běnzhe … jīngshén] – “в духе …” – “in the spirit of …”, which legitimize proposals.

(2) Parallel constructions – “相互尊重、平等互利” [xiānghù zūnzhòng, píngděng hùlì] – “взаимное уважение и равноправное сотрудничество” – “mutual respect and mutual benefit”, that express symmetry and cooperation.

In their functional sense, these forms express respect, empathy, and cooperation, even though the tone and explicitness differs, which can be explained by the diplomatic history of each language respectively. This interaction is best seen in formal communiques and press conferences where the three languages are used to affirm cooperation and consideration of all the parties involved but it is more diverse with regard to directness and emotional sensitivity.

To demonstrate how the linguistic resources may be used in context, two examples will be presented below. The first case demonstrates the value-first framing strategy often found in joint announcements, whereas the second case shows the part played by euphemism and mitigation in conflict resolution without disturbing the peace.

Example 1. Joint communiqué frame

CN: 在相互尊重、平等互利的基础上，双方将持续拓展务实合作。[1] *[Zài xiānghù zūnzhòng, píngděng hùlì de jīchǔ shàng, shuāngfāng jiāng chíxù tuòzhǎn wùshí hézuò].*

[1] Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. *Joint Statement between the People’s Republic of China and the Republic of Kazakhstan on Further Deepening the Permanent Comprehensive Strategic Partnership*. Beijing:

EN: On the basis of mutual respect and mutual benefit, the two sides will continue to broaden practical cooperation.

RU: Стороны намерены и далее развивать практическое сотрудничество, опираясь на принципы взаимного уважения и взаимной выгоды.

The value-first framing 在彼此尊重、平等互利基础上 [zài bǐ cǐ zūnzhòng, píngděng hùlì de jīchǔ shàng] sets a constructive and harmonious context that reduces the threat to face and makes commitment acceptable. Although in English it would be correct to say that something is done on the basis of, building on the principles of is better in conveying the evaluative and relational aspect. In Russian, a literal "на основе" sounds bureaucratic; the adapted "опираясь на принципы" more naturally reflects value-based diplomacy. The mutual respect structure "相互尊重" [xiānghù zūnzhòng] / "平等互利" [píngděng hùlì] generates relationship symmetry and safeguards group face. The parallelism is maintained in both English and Russian, and re-presents the diplomatic symmetry script, which indicates reciprocity and equality. In the commitment sentence "双方将持续拓展务实合作" [shuāngfāng jiāng chíxù tuòzhǎn wùshí hézuò] Chinese puts the actor after the value prefix, whereas English repeats this sequence: the two sides will continue to broaden working relations. Russian does though put the actor and intention first: "Стороны намерены и далее развивать", according to the diplomatic tradition of highlighting the actor and the clarity of its intentions. Lastly, the cluster 将持续拓展 [jiāng chíxù tuòzhǎn] conveys the idea of continuity and commitment. The English equivalent to express the same meaning is will continue to broaden and the Russian one is "продолжат развивать", both of which are effective in conveying the sense of forward movement. The best way to translate 务实合作 [wùshí hézuò] is as substantive cooperation or предметное сотрудничество, both of which reflect the result-oriented and active nature of Chinese diplomatic discourse.

Example 2. He-he framing

CN: 我们愿同各方一道，推动地区和平稳定与共同发展。[2] *[Wǒmen yuàn tóng gèfāng yīdào, tuīdòng dìqū hépíng wěndìng yǔ gòngtóng fāzhǎn.]*

EN: We stand ready to work with all parties to advance regional peace, stability and common development.

RU: Мы готовы совместно со всеми партнёрами содействовать укреплению мира, стабильности и общего развития в регионе.

The English language copy is a common form of diplomatic English - clear, neutral and institutionally balanced. Stand ready to means that one may be prepared to work without necessarily over-committing and advance means that one may take an active yet non-assertive position, in line with the Anglo-diplomacy concepts of moderation and low-context accuracy.

Russian translation focuses on the inclusive diplomatic formulation, that is, совместно со всеми партнерами, that better represents the collective and non-exclusive nature of the Chinese expression 同各方一道 [tóng gè fāng yí dào]. The reduction of assertiveness is conveyed by the verb "содействовать укреплению", and this time, the direct word "продвигать" (to support) is not used but the term used is facilitating, which is indicative of the consensus and collective agency in Russian foreign policy.

To make a general comment, the English version appears to imply institutional capability and clarity, whereas the Russian version indicates relational harmony and unity. These two examples are illustrations of the way in which translation may alter the politeness levels and agency to

Ministry of Foreign Affairs of the PRC, 17 October 2023. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202310/t20231017_11168514.html (accessed: 3 Nov 2025).

[2] Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. *Joint Statement on Regional Cooperation.* Beijing: Ministry of Foreign Affairs of the PRC, 17 September 2021. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202109/t20210917_9566674.html (accessed: 3 Nov 2025).

meet cultural standards – accuracy and self-discipline in English, and collaboration and team spirit in Russian.

The diplomatic language in China indicates that politeness is a complex process of lexical, pragmatic, and cultural encoding which reflects and at the same time regulates the national sentiment. Nevertheless, even though politeness is a common feature of all communicators, it appears to be highly culturally specific, namely, being dominated by such culturally specific values as the Confucian values such as "li" (propriety), "qing" (sympathy), and "he" (harmony) [Gu, 1990]. The somatic cultural code of face and heart has a major role in the Chinese linguistic worldview and integrates moral, emotional and social meaning elements. These codes have denotative, functional, stylistic, and emotionally expressive meanings which define the communicative behavior and demonstrate respect and empathy in diplomatic discourse. In this part, this section examines the direct and indirect expressions of politeness and their translation into Chinese, English and Russian diplomatic discourse. Indirect politeness in Chinese diplomatic discourse is expressed in clear signs of respect – lexical and syntactic honorifics, titles, and formulaic salutations that explicitly recognize the hierarchical and ceremonial nature of inter-state communication. These forms emphasize the mutual recognition, institutional dignity, and ideology equality [Pan, Kadar, 2011; Brown, Levinson, 1987].

Table 1. Lexical and Pragmatic Functions of Direct Politeness in Chinese Diplomatic Discourse

Politeness Form	**Chinese Example**	**English/Russian Equivalent**	**Pragmatic Function**
Honorific titles	阁下, 贵国	Your Excellency / Ваша страна, Ваше государство	Hierarchical recognition
Formal greeting	尊敬的	Respected / Уважаемый	Ceremonial address
Gratitude expression	感谢…长期支持	The authors sincerely thank … for… long-standing support / выражаем признательность… за неизменную поддержку	Affiliation and respect
Inclusive closings	祝友谊长存	May friendship endure forever / Да здравствует вечная дружба!	Solidarity and goodwill

The indirect politeness is also the most widespread type of Chinese diplomatic language. It incorporates syntactic mitigation, semantic understatement and context indirection as the modes of persuasion that do not threaten interpersonal equilibrium. It can be viewed as the representation of the Confucian idea of 和而不同, or harmony without uniformity, which allows disagreement but in a polite framework.

Table 2. Diplomatic Politeness Translation Triangle

Corner	**Focus**	**Risk if neglected**	**Suggested Translation Strategy**
Semantic Accuracy	Lexical and propositional meaning faithfulness	Representation of official position and actual meaning	Literally translated and contextually rephrased, the sentence will be accurate and readable.
Pragmatic Intent	Tone preservation, hierarchy and diplomatic register maintenance	The loss of politeness effect or tonal imbalance	Preserve hedging expressions, honorific formulations, and diplomatic modality to maintain the original level of politeness and institutional tone.

Corner	Focus	Risk if neglected	Suggested Translation Strategy
Cultural Resonance	The conservation of symbolic and ethical code (he-he, qing, mianzi)	Cultural leveling and ideology loss	Use annotated translations, adaptive paraphrasing or footnotes with cultural explanations where concepts are culturally bound.

Successful diplomatic translation should be built on the equilibrium of semantic accuracy, pragmatic purpose, and cultural resonance as shown in table 2. At its center lies diplomatic politeness, which combines preciseness and relational concern. The translators play the role of strategic mediators who align political, cultural and interpersonal meaning. Tri-Balance Model (fig. 3) sees translation as a dynamic equilibrium between the two - when it is closest to that center, it stays most faithful to the original intent, tone, and ethos.

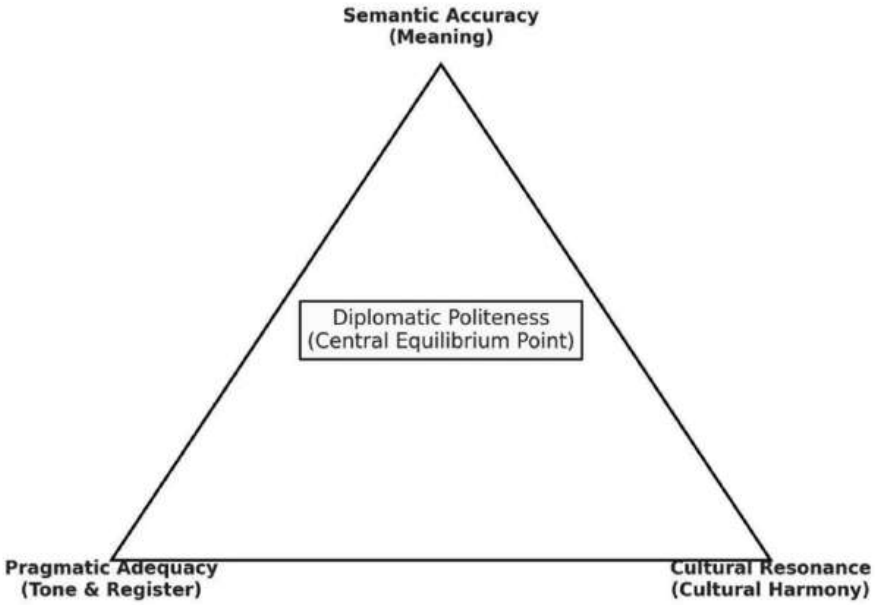

Fig. 3. Tri-Balance Model of Diplomatic Translation

The illustration in Figure 3 represents the position of the diplomatic level of politeness as the focal center where semantic accuracy, pragmatic adequacy, and cultural resonance intersect. Effective translation aids in preserving this equilibrium - meaning, tone and culture - factual accuracy, as well as relational equilibrium. The next step of the Tri-Balance Model is transforming these theories into practice through linguistic techniques with which translators may support this balance. These strategies are a sort of compromise between literal and diplomatic translation that ensures a communicative charm and cultural awareness particularly in Chinese-English and Chinese-Russian translations when structural and ideological dissonance requires delicate change.

To illustrate the correlation among ethical, practical, and cultural elements, this paper will suggest introducing Ethical-Cultural Model of Diplomatic Translation (Figure 4). The model considers translator ethics as a dynamic moral system and the terms of Integrity (Loyalty and

Accuracy) guarantee semantic integrity, Institutional Tone (Pragmatic Sensitivity) guarantees institutional tone and Relational Understanding (Cultural Empathy) enables relational understanding. Taken together, such dimensions are all oriented at the final goal of Intercultural Harmony which may be used as evidence of the effective use of diplomatic mediation.

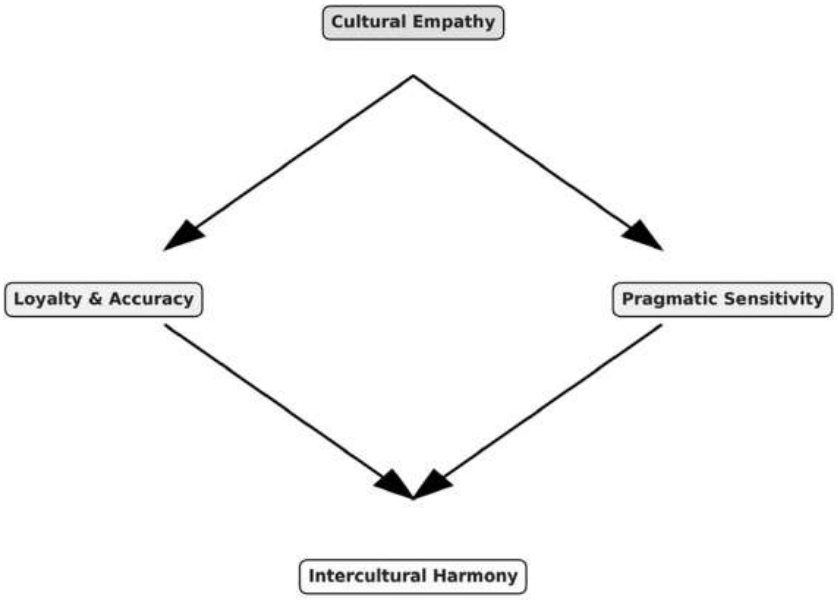

Fig. 4. An Ethical-Cultural Framework of Diplomatic Translation

The model demonstrates that the ethics of translators in diplomacy do not have prescriptions but are situational. The balance between accuracy, sensitivity, and empathy will allow to recreate the meaning without violating the moral balance. In practice it means that ethical translation is both a technical science as well as an act of intercultural diplomacy, and text integrity goes hand in hand with humanistic cognition.

The current research has implications that extend outside the theoretical framework and influence translator training and institutional behavior. Viewing diplomatic translation as an ethical-cultural mediation presupposes that translators should have at their disposal not only linguistic accuracy but also cultural sympathy and practice awareness [Kelly, 2005; Schäffner, 2004, p. 117]. The older models focusing on the textual fidelity do not have what it takes to address the relational complexity of diplomacy. Pedagogy must accordingly embrace He-he cultural literacy - harmony, empathy and reciprocity - using real life material such as MFA communiqués and summit pronouncements.

This article shows that politeness in Chinese diplomatic discourse is a multifaceted linguistic and cultural phenomenon rooted in the traditional ethical principles of the country. Review of official speeches, press reports, and communiqués shows that Chinese politeness may also be seen as an instrument of negotiation and as a moral discourse, which conveys harmony, respect, and empathy. Institutional power balanced by interpersonal skill, clarity balanced by relationship sensitivity. The authors point out that linguistic cultural sciences, national and cultural stereotypes are reflected in the language, are closely linked to the lexical system and cannot be represented without this system [Daulet et al., 2019(3), p. 875]. In this situation, examples of politeness in

Chinese diplomatic discourse should be understood not just as a collection of speech tricks, but as a picture of culturally-conditioned patterns of behavior and attitudes and values that form communicative expectations. The concepts of face intact, modal forms and formulae operate as linguistic devices that support cooperative modes of intercultural communication. Cross-language comparison reveals that many of these politeness mechanisms do not have exact equivalents in English or Russian. Literal translation equivalence tends to create pragmalinguistic deficit in emotionally neutral or ambiguous Chinese writing. Then, translators have to use active methods of reformulation, tone-shifting, and contextualization to achieve the linguistic correctness and personal balance required in Chinese diplomatic communication. Such findings are similar to the general understanding that cultural codes mirror and describe the worldview and mentality of human groups [Daulet et al., 2018, p. 583], a fact that is illustrated in the diplomatic discourse between Chinese, Russian, and English linguo-cultures, where the culturally-driven standards of communication affect the rhetorical choices, interaction styles and the creation of diplomatic meaning.

The nature of diplomatic translation is not merely literal transferring of the content but mediation of the cultural worldview and pragmatic intent of the source into the norms of the target language. It requires being sensitive to hierarchy, genre, and implied meaning. As it is a form of cultural re-encoding, it sets national image and communicative tone. It is cultural and practical in terms of politeness, which indicates harmony, reciprocity, and relational ethics in Chinese diplomacy. The main results of the presented research are based on the structural, cultural, linguistic, and pragmatic factors of the politeness in the sphere of Chinese diplomacy:

Structure of organization: The Chinese diplomatic politeness is divided into three degrees that include ritual level, interpersonal level and institutional level to ensure decorum, empathy and strategy harmony.

Cultural Foundation: It is based on mianzi, qing and he-he, and places a high value on self-control, respect and balance of communication.

The use of modality, euphemism and cooperative predicates is used in order to be polite because it can increase the level of agreement and cohesion between people.

Cross-Linguistic Trends: Translation is a process in which English likes clarity and less sentiment, whereas Russian retains group formalism as a result of pragmatic conventions, not errors.

Realistic Changes: The losses may involve reduced empathy and moral values that will be brought back by means of sufficient recovery and this can be done via contextual restatement and impartial tone.

A successful diplomatic translator is distinguished by the ability to maintain a balance among semantic accuracy, pragmatic intent, and cultural resonance.

Value used: The findings can be considered a model for the training of translators and policy formulation with the emphasis on cultural literacy and pragmatics awareness as part of the he-he culture.

Restrictions and Viewpoint: Corpus size and interpretative bias remain constraining and there is a need to research in a multilateral context using both corpus-based and experimental methods.

Conclusively, Chinese diplomatic politeness is an ethical harmony and intercultural legitimation, which has self-control, compassion, and teamwork all combined into one communicative ideal. Translation implies not mechanical transfer, but negotiation of its values and tone in a practical way, which reflects the soft-power nature of Chinese diplomacy. The results indicate that successful translation means striking a balance between textual fidelity and cultural empathy, helping to build an understanding of the role of linguistic choices in shaping the view of China in the world and offering sensible recommendations to translators and diplomats. This

article can be used as a reference in interpreter training in diplomatic contexts. Further studies can be conducted to widen the comparative analysis, and apply the tools offered by AI and corpora to investigate the change in style and adaptation of styles in multilingual diplomacy.

REFERENCES

Bogdanov V. V. *Speech Communication: Pragmatic and Semantic Aspects.* Leningrad: Leningradsky Gosudarstvenny universitet, 1990 (in Russian) [Богданов В.В. *Речевое общение: прагматические и семантические аспекты*. Л.: Ленинградский государственный университет, 1990].

Brown P., Levinson S.C. *Politeness: Some Universals in Language Usage.* Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor.* 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.

Daulet F.N. *Actualization of the Concept "Face" in the Chinese Linguistic Worldview. Vostok (Oriens).* 2019. No. 4. Pp. 156–176 (in Russian) [Даулет Ф.Н. Актуализация концепта «лицо» в китайской языковой картине мира. *Восток (Oriens)*. 2019. № 4. С. 156–176].

Daulet F., Zeinolla S., Omarova M., Smagulova K., Orazakynkyzy F., Anuar S. Somatic Cultural Code and Its Role in the Chinese Linguistic Worldview (Based on the Concepts of Face and Heart). *Humanities & Social Sciences Reviews.* 2019(1). Vol. 7(4). Pp. 703–710.

Daulet F., Dossymbekova R., Orazakynkyzy F., Zeinolla Zh., Anuar S., Kenzhebayeva A., Zeinolla S. Verbalization of the "Fate" Concept in Chinese Linguistic Worldview. *Humanities & Social Sciences Reviews.* 2019(2). Vol. 7(4). Pp. 694–702.

Daulet F., Zhunisbek G., Orazakynkyzy F., Dauletova G., Anuar S., Toikina G. Gender Stereotypes of Chinese Linguoculture. *Humanities & Social Sciences Reviews.* 2019(3). Vol. 7(6). Pp. 870–877.

Daulet F.N., Anuar S., Orazakynkyzy F., Kenzhebayeva A.A., Dossymbekova R.O. Cultural Codes of Ancient Cults in Chinese and Kazakh Phraseology. *XLinguae.* 2018. Vol. 11(2). Pp. 583–596.

Eelen G. *A Critique of Politeness Theories***.** Manchester: St. Jerome Publishing, 2001.

Formanovskaya N.I. *Russian Speech Etiquette: Linguistic and Methodological Aspects.* Moscow: Russky yazyk, 1987 (in Russian) [Формановская Н.И. *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*. М.: Русский язык, 1987].

Formanovskaya N. I. *Russian Speech Etiquette: Normative and Sociocultural Context.* Moscow: Russky yazyk, 2002. Pp. 156–160 (in Russian) [Формановская Н.И. *Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст*. М.: Русский язык, 2002. С. 156–160].

Gu Yueguo**.** Politeness Phenomena in Modern Chinese. *Journal of Pragmatics.* 1990. Vol. 14(2). Pp. 237–257.

Karasik V.I. *Language and Social Status.* Moscow: Institut yazykoznaniya AN SSSR; Volgogradsky pedagogichesky institut, 1991 (in Russian) [Карасик В.И. *Язык социального статуса*. М.: Институт языкознания АН СССР; Волгоградский педагогический институт, 1991].

Karasik V.I. *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse.* Volgograd: Peremena, 2002 (in Russian) [Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002].

Kelly D. *A Handbook for Translator Trainers: A Guide to Reflective Practice.* Manchester: St. Jerome Publishing, 2005.

Kumar R., Jha G.N. *Translating Politeness Across Cultures: Case of Hindi and English. Proceedings of the 3rd International Conference on Intercultural Collaboration (ICIC).* New York: ACM Press, 2010. Pp. 175–178.

Larina T.V. *The Category of Politeness and the Communication Style: A Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions.* Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2009 (in Russian)

[Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009].

Leech G. *The Pragmatics of Politeness.* Oxford: Oxford University Press, 2014.

Li Mingyang. *Studies on politeness and pragmatic variation in Chinese, Russian and English diplomatic language.* Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2020 (in Chinese) [Ли Минъян (李明洋). *Исследования вежливости и прагматической вариативности в китайском, русском и английском дипломатическом языке*. 北京: 外语教学与研究出版社, 2020].

Pan Y., Kádár D.Z. *Politeness in Historical and Contemporary Chinese.* London & New York: Continuum (Bloomsbury), 2011.

Polivanova A.K. Forms of Politeness in Modern Russian Language. *Linguistic Bespredel: Collected Papers Dedicated to the 70th Anniversary of A.I. Kuznetsova.* T.B. Agranat, O.A. Kazakevich (comp.), A.E. Kibrik (ed.) Moscow: Moscow University Press, 2012. Pp. 21–27 (in Russian) [Поливанова А.К. Формы вежливости в современном русском языке. *Лингвистический беспредел: Сборник статей к 70-летию А.И. Кузнецовой*. Сост. Т.Б. Агранат, О.А. Казакевич. Под общей ред. А.Е. Кибрика. М.: Изд-во Московского университета, 2012. С. 21–27].

Schäffner C. *Political Discourse Analysis from the Point of View of Translation Studies*. *Journal of Language and Politics.* 2004. Vol. 3. No. 1. Pp. 117–150.

Spencer-Oatey H. (ed.) *Culturally Speaking: Culture, Communication and Politeness Theory.* 2nd ed. London & New York: Continuum International Publishing Group, 2008. Pp. 258–273.

Watts R.J. *Politeness.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

ACKNOWLEDGMENTS

The authors would like to express their sincere gratitude to the administration of Al-Farabi Kazakh National University for providing a flexible work schedule that enabled the research to be carried out in a comfortable and productive environment. The authors also extend their appreciation to Clark University (USA) for granting online library access and linguistic tools that supported the cross-cultural translation analysis.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ДАУЛЕТ Фатимабиби Ногайкызы – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры китаеведения КазНУ им. аль-Фараби, Республика Казахстан.

Fatimabibi N. DAULET, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Chinese Studies, Farabi University, Republic of Kazakhstan.

ЖУНИСБЕК Лина – докторант кафедры китаеведения КазНУ имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Lina ZHUNISBEK, Doctoral Student, Department of Chinese Studies, Farabi University, Almaty, Kazakhstan.

СЮЙ Аяна – студентка бакалавриата Университета Кларка, г. Вустер, штат Массачусетс, США.

Ayana SYUY, Undergraduate Student, Clark University, Worcester, Massachusetts, USA.

DOI: 10.31696/S086919080037845-6

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА В 1989–2021 гг.[1]

© 2026

А.Н. АЛЕКСЕЕНКО [a], Г.А. САРСЕМБАЕВА [b], Н.Л. КРАСНОБАЕВА [c], Т.Е. ОМЫРЗАК [d]

[a, c] – Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

[b] – Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

[d] – Евразийский национальный университет имени Л.Гумилева, Астана, Республика Казахстан

[a] – ORCID: 0000-0002-1169-412X; Scopus Author ID: 57215212322; alalexeenko56@gmail.com

[b] – ORCID: 0000-0003-1371-1656; Scopus Author ID: 60608026500; gulzhan1974@mail.ru

[c] – ORCID: 0000-0002-9081-0191; Scopus Author ID: 59404384600; krasn_nelli@mail.ru

[d] – ORCID: 0000-0002-2295-8741; Scopus Author ID: 57372221300; jugger_515@mail.ru

Резюме: *По данным переписи населения 1989 г. казахи, в массе своей проживавшие в сельской местности, составляли лишь 40 % жителей Казахской ССР. Большинством населения, особенно в городах, были русские. Этап разрушения советской полиэтнической демографической системы пришёлся на 1990-е гг. К концу десятилетия этнический состав Казахстана существенно изменился в сравнении с 1989 г. Большинством населения, в том числе и в городах, являлись казахи, демографическое поведение которых во многом определялось сохранившимися традиционными представлениями о семье, количестве детей в ней. Эти представления получили всемерную поддержку государства и стали важной частью стратегии развития республики. Понятия «высокая рождаемость», «многодетная семья» воспринимались как социокультурное достояние, вне социально-экономического контекста. В значительной мере это было причиной появления т.н. казахстанского демографического феномена, когда на фоне массовой урбанизации, роста образования, занятости женщин, рождаемость в Казахстане росла быстрыми темпами, в первую очередь в городах. Высокие темпы естественного прироста также были обусловлены процессом «этнической смены» в репродуктивно активных группах населения. Но демографические показатели, сложившиеся на этом этапе, не являются тенденцией, способной определять ситуацию в длительной перспективе. В настоящее время потенциал эффекта «этнической смены» фактически исчерпан, демографическую динамику почти полностью определяют казахи. И неясно, как будет действовать демографическая система в период становления её моноэтничности. На взгляд авторов, моноэтничность довольно быстро приведёт к снижению показателей воспроизводства, в первую очередь рождаемости. Демографические процессы всё более явно определяет поколение казахской молодёжи, родившейся и социализировавшейся в городах Казахстана. Представления о семье и числе*

[1] Статья выполнена в рамках реализации грантового научного проекта ИРН AP26198933 «Восток Казахстана: траектории социально-демографической и социокультурной трансформации городского пространства Семея и Усть-Каменогорска», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP26198933) “East of Kazakhstan: trajectories of socio-demographic and socio-cultural transformation of the urban space of Semey and Ust-Kamenogorsk.”

детей в ней у молодых людей рациональны и существенно отличаются от представлений старших поколений, формировавшихся под влиянием национально-патриотической идеи.

Ключевые слова: Казахстан, демография, численность и этнический состав, воспроизводство, миграции, возрастная структура

Для цитирования: Алексеенко А.Н., Сарсембаева Г.А., Краснобаева Н.Л., Омырзак Т.Е. Этнодемографическое развитие Казахстана в 1989–2021 гг. *Восток (Oriens).* 2026. № 4. С. 168–181. DOI: 10.31696/S086919080037845-6

ETHNODEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF KAZAKHSTAN IN 1989–2021

© 2026 Alexander N. ALEKSEENKO [a], Gulzhan A. SARSEMBAYEVA [b], Nelly L. KRASNOBAYEVA [c], Tamerlan E. OMIRZAK [d]

[a, c] – D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan
[b] – S. Amanzholov East Kazakhstan university, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan
[d] – L. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan
[a] – ORCID: 0000-0002-1169-412X; Scopus Author ID: 57215212322; alalexeenko56@gmail.com
[b] – ORCID: 0000-0003-1371-1656; Scopus Author ID: 60608026500; gulzhan1974@mail.ru
[c] – ORCID: 0000-0002-9081-0191; Scopus Author ID: 59404384600; krasn_nelli@mail.ru
[d] – ORCID: 0000-0002-2295-8741; Scopus Author ID: 57372221300; jugger_515@mail.ru

Abstract: *According to the 1989 census, Kazakhs, who for the most part lived in rural areas, made up only 40 % of the inhabitants of the Kazakh SSR. The majority of the population, especially in cities, was Russian. The stage of destruction of the Soviet multi-ethnic demographic system occurred in the 1990s. By the end of the decade, the ethnic composition of Kazakhstan changed significantly compared to 1989: the majority of the population was Kazakhs, whose demographic behavior was largely determined by the traditional family values they preserved, including the view on the ideal number of children. These ideas received full support from the state and became an important part of the republic's development strategy. The concepts of "high birth rate," "large family" were perceived as a socio-cultural property, outside the socio-economic context. High rates of natural growth were also due to the process of ethnic change in reproductively active populations. However, the demographic indicators that have developed at this stage are not a trend that can determine the situation in the long term. Currently, the potential of the ethnic change effect has actually been exhausted, the demographic dynamics are almost completely determined by the Kazakhs. It is unclear how the demographic system will operate while the society is becoming mono-ethnic. The authors believe that mono-ethnicity will quickly lead to a decrease in reproduction rates, primarily in fertility. Demographic processes are increasingly clearly determined by the generation of Kazakh youth born and socialized in the cities of Kazakhstan.*

Keywords: Kazakhstan, demographics, quantity and ethnic composition, reproduction, migrations, age structure

For citation: Alekseenko A.N., Sarsembayeva G.A., Krasnobayeva N.L., Omirzak T.E. Ethnodemographic Development of the Republic of Kazakhstan in 1989–2021. *Vostok (Oriens).* 2026. No. 4. Pp. 168–181. DOI: 10.31696/S086919080037845-6

Демографическая стратегия Республики Казахстан тесно связана со стратегией суверенного развития в целом, являясь её важной составной частью. Этнопатриотическая риторика, актуализировавшаяся после распада СССР в Новых независимых государствах (ННГ), преломлялась в Казахстане сквозь этнодемографическую призму. Это было вполне объяснимо с учётом того, что удельный вес казахов в составе населения, в первую очередь в городах, был невелик. Поэтому важной задачей суверенитета стала нейтрализация «этнодемографических диспропорций прошлых десятилетий», увеличение численности населения в целом[2]. Проблема должна была решаться за счёт морального и материального стимулирования рождаемости и многодетности[3], масштабной иммиграции казахов [Садовская, 1999]. Таким образом, демографические процессы в Казахстане находились в контексте политической логики, базирующейся на количественных параметрах. Но, по мере увеличения численности и удельного веса казахов в составе населения, национально-патриотическая риторика становится менее актуальной. При этом темпы роста численности населения опережают темпы социально-экономического развития. Проблема демографического будущего Казахстана все более заметно проявляется в социально-экономическом контексте.

Интерес к проблемам народонаселения Казахстана значительно вырос после распада СССР, вызвавшего этнически выраженные миграционные процессы. Учитывая, что удельный вес русских, возможных потенциальных эмигрантов/иммигрантов, в Казахстане был велик, особую заинтересованность тема миграции вызвала у российских исследователей. В концентрированном виде различные точки зрения представлены в сборниках статей, демонстрирующих восприятие ситуации историками, политологами, демографами, экономистами и представителями иных научных направлений, имеющих отношение к проблеме [*Миграция русскоязычного населения*, 1996; *Постсоветские трансформации*, 2009; *Современные этнополитические процессы*, 1998].

В начале XXI в. «внешний» интерес к демографическим проблемам Казахстана снизился, они все в большей степени отражаются в отечественной историографии. Нет возможности представить многочисленные статьи, освещающие те или иные демографические сюжеты в суверенной истории республики. Отметим лишь некоторые монографические исследования, комплексно представляющие особенности развития процессов народонаселения в большем или меньшем хронологическом диапазоне [Асылбеков, Козина, 2010; Есимова, 2000; Жанасултанов, Ибраев, 2000; Ашимбаев, и др., 2004; Сарсембаева, 2013; Аубакирова, и др., 2022; 2023; Кадыржанов, Ешпанова, 2024; Kuanbay et al., 2025].

Источниковую основу статьи составляют материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г.[4], Национальных переписей населения 1999, 2009 и 2021 гг. Показатели миграционного движения, воспроизводства, возрастной структуры населения в межпереписные периоды содержатся в Демографических ежегодниках Казахстана, издающихся с 1996 г. по настоящее время.

---

[2] «...Одним из показателей успешной деятельности акимов должен стать рост численности населения на вверенной ему территории» [Назарбаев, 2005(1)].

[3] «Необходимо пропагандировать семейные ценности... Нормой преуспевающей семьи должна быть многодетность. Так было испокон веков у всех народов. Богатство человека измерялось наличием детей» [Назарбаев, 2009].

[4] Некоторые вопросы о численности населения вызывают данные переписи населения 1989 г. Так, в Демографическом ежегоднике СССР (1990) констатируется, что в 1989 г. в Казахстане проживало 16464,5 тыс. человек [*Демографический ежегодник СССР*, 1990, с. 42]. В казахстанских изданиях данные о численности населения по итогам переписи населения 1989 г. в течение десятилетия неоднократно менялись – 16536,5 тыс. человек [*Итоги Всесоюзной переписи*, 1991, с. 13], 16199,2 тыс. человек [*Краткие итоги переписи*, 1999, с. 6], 16222,3 тыс. человек [*Национальный состав, вероисповедание*, 2010, с. 4–5]. Авторы берут за основу данные переписи 2009 г., на которых базируются последующие демографические показатели, представленные в официальных источниках.

Целью статьи является определение основных тенденций этнодемографического развития Казахстана в конце XX – первой четверти XXI вв. Достижение цели осуществляется с помощью представленных в обозначенном временном диапазоне следующих показателей: численность и этнический состав; компоненты изменения численности населения (численность населения, сальдо миграции, естественный прирост); возрастная структура населения; общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста; коэффициенты суммарной рождаемости. Хронологический алгоритм статьи определяют данные Всесоюзной переписи населения 1989 г., Национальных переписей Республики Казахстан 1999, 2009, 2021 гг.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС В 1990-е гг.

Казахстанская демографическая система, складывавшаяся в течение XX в. и основанная на этнической дифференциации показателей воспроизводства, претерпела в 1990-е гг. существенные изменения. В 1999 г. в сравнении с 1989 г. представительство в составе населения европейских этнических групп уменьшилось (немцев в 2,7 раза, украинцев в 1,6 раз, русских в 1,4 раза). Число казахов увеличилось в 1,2 раза, и впервые за многие годы удельный вес этноса в составе населения Казахстана превысил пятидесятипроцентную отметку. Более того, впервые в своей истории казахи стали большинством населения в городах (43,2 % в 1999 г.) (табл. 1).

Основное влияние на быструю смену этнического состава оказали миграционные процессы: с одной стороны – эмиграция представителей европейских этнических групп, с другой – инициированная государством иммиграция этнических казахов (рис. 1)[5].

Эмиграционный отток намного превышал иммиграционный приток, что явилось основной причиной сокращения численности населения в 1989–1999 гг. на 7,7 % (табл. 1). Как видно из рис. 1[6], линия общего прироста населения следует за линией миграционной. Постепенное увеличение отрицательного сальдо миграции привело к тому, что в 1993–1994 гг. численность населения начала сокращаться. Наибольшие потери пришлись на периоды максимального миграционного оттока (1994–1995 и 1997–1998 гг.). Более заметен провал 1994–1995 гг., являющийся следствием, на взгляд авторов, введения в конце 1993 г. национальной валюты Казахстана – тенге. Стало окончательно ясно, что Казахстан будет развиваться на суверенной основе, и возврата в «советское прошлое» ожидать не стоит. В связи с эмиграцией русских, в основном городских жителей, удельный вес горожан в составе населения уменьшился с 57,1 % в 1989 г. до 56,4 % в 1999 г.

Кризис 1990-х гг. оказал влияние и на процессы воспроизводства. Более заметно это стало после миграционного провала 1994–1995 гг., когда темпы сокращения естественного прироста существенно увеличились. Всего в 1990–1999 гг. абсолютные показатели естественного прироста снизились в 4,2 раза (рис. 1), что во многом связано и с изменением возрастной структуры населения (рис. 2).

Представительство возрастных групп в структуре населения в 1999 г. в сравнении с 1989 г. изменилось. Заметно снижение удельного веса в возрасте до 40 лет, увеличение доли старших возрастов. Произошло это как вследствие кризисных явлений 1990-х гг., так и событий более раннего времени. Особое место в демографической истории Казахстана занимают 1950-е – 1960-е гг. Это время освоения целинных и залежных земель, инду-

[5] В 1992 г. был принят закон «Об иммиграции», регулирующий переселение казахов в Казахстан. Прибывающим выделялась социальная помощь (бесплатный проезд, средства для приобретения жилья, выплата единовременных пособий и т.д.).

[6] Рис. 1–12 находятся на цветной вклейке.

Таблица 1. Численность и национальный состав населения Казахстана в 1989 и 1999 гг., тыс. человек. Источник: [*Национальный состав, вероисповедание*, 2010, с. 4–6, 11, 13].

этносы	1989		1999		1999 к 1989 (%)
	числ-ть	%	числ-ть	%	
Все население	**16222,3**	**100**	**14981,3**	**100**	**92,3**
городское	9269,0	100	8455,8	100	91,2
сельское	6953,3	100	6525,5	100	93,8
казахи	**6486,0**	**40,0**	**8011,5**	**53,5**	**123,5**
городское	2509,0	27,1	3651,0	43,2	145,5
сельское	3977,0	57,2	4360,5	66,8	109,6
русские	**6092,4**	**37,6**	**4480,7**	**29,9**	**73,5**
городское	4710,1	50,8	3448,0	40,8	73,2
сельское	1382,3	19,9	1032,7	15,8	74,7
немцы	**947,0**	**5,8**	**353,5**	**2,4**	**37,3**
городское	465,5	5,0	182,2	2,2	39,1
сельское	481,5	6,9	171,0	2,6	35,5
украинцы	**878,2**	**5,4**	**547,1**	**3,6**	**62,3**
городское	570,0	6,2	339,7	4,0	59,6
сельское	308,2	4,4	207,4	3,2	67,3
другие этносы	**1818,7**	**11,2**	**1588,5**	**10,6**	**87,3**
городское	1014,4	10,9	834,9	9,8	82,3
сельское	804,3	11,6	753,6	11,6	93,7

стриального прорыва, вызвавших миграционный приток из республик СССР. В результате этническая структура изменилась: по данным переписи 1959 г. удельный вес казахов в составе населения КазССР уменьшился до 30 %, русских, украинцев, немцев – увеличился до 57,8 % [*Статистический сборник*, 1991, с. 7].

Вместе с тем, 1950-е–1960-е гг. – время действия демографического взрыва у казахов. Многодетность стала распространенным явлением у казахских женщин. Так, у 47,1 % казашек, появившихся на свет в 1925–1944 гг., было семь и более детей, рождённых в 1950–1960-е гг. и доживших до конца 1980-х гг. [*Национальный состав населения Казахской ССР*, 1992, с. 360].

Все эти события сказались на эволюциях возрастной структуры населения, в первую очередь на увеличении удельного веса возрастной группы 40–49 лет в 1999 г., представители которой родились в 1950–1959 гг.

Влияние на возрастную структуру миграционного оттока и смертности в 1990-е гг. более точно характеризует метод передвижки возрастных групп. В течение десятилетия возрастная группа 0–59 лет (14946,5 тыс. человек в 1989 г.) трансформировалась в возрастную группу 10–69 лет (11678,5 тыс. человек в 1999 г.). Во время этой трансформации было потеряно 3268 тыс. человек (21,9 %) [*Статистический сборник*, 1991, с. 133; *Национальный состав, вероисповедание*, 2010, с. 34, 36].

Снижение рождаемости в последнее десятилетие XX в. хорошо заметно на примере возрастной группы 0–9 лет, удельный вес которой в составе населения значительно уменьшился в сравнении с показателями десятилетней давности (рис. 2).

Высокие показатели общего коэффициента рождаемости (ОКР) в конце 1980-х – начале 1990-х гг. также во многом явились следствием движения возрастной структуры (рис. 3). В 1980-е гг. в активном репродуктивном возрасте находилось многочисленное поколение демографической волны (1950–1960-х гг. рождения), вызванной демографическим взрывом

середины XX в. Пик числа рождений в истории КазССР пришёлся на 1986–1988 гг., когда на свет появилось 1235 тыс. человек [*Демографический ежегодник СССР*, 1990, с. 93]. Но репродуктивный потенциал поколения демографической волны так и не был полностью реализован. ОКР постепенно снижался (на 36,5 % в 1989–1999 гг.), достигнув минимума в конце 1990-х гг. Одновременно росли показатели смертности (на 30,3 % в 1989–1999 гг.), что было связано как с разрушением социальной сферы, так и с постарением населения (в 1989 г. в возрасте старше 60 лет находилось 7,7 % населения, в 1999 г. – 10,7 %) (рис. 2). В результате в 1999 г. в сравнении с 1989 г. естественный прирост сократился в 3,3 раза, достигнув минимальной отметки в послевоенной истории Казахстана (рис. 3).

Демографический кризис в первую очередь сказался на показателях рождаемости, о чем свидетельствует факт уменьшения коэффициента суммарной рождаемости (КСР), не зависящего от эволюций возрастной структуры. Если в конце 1980-х гг. КСР составлял 2,83, то в 1999 г. он оказался ниже уровня простого воспроизводства населения (1,82), сократившись за десятилетие на 35,7 % (рис. 4).

Ухудшение демографической ситуации вызвало беспокойство властей. В конце 1990-х гг. Н. Назарбаев заявил, что сильная демографическая и миграционная политика является ведущим приоритетом национальной безопасности, иначе «...мы на пороге XXI века войдём вслед за Россией в ситуацию “демографического креста”, когда численность снижается естественным образом». Решать проблему было поручено государственным структурам: «Эта тенденция должна быть немедленно приостановлена» [*Послание Президента страны народу*, 1997].

Таким образом, события 1990-х гг. изменили вектор этнодемографического развития Казахстана. Вследствие эмиграции полиэтническая демографическая система, сложившаяся в советский период истории, была разрушена. Представительство европейского компонента в составе населения существенно снизилось. В перспективе определяющее влияние на демографические процессы способно оказывать казахское население, сохранившее традиционные демографические ценности.

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА В 1999–2009 гг.

Изменение демографической ситуации стало ощущаться уже в первое десятилетие XXI в. Численность населения Казахстана начала увеличиваться как в городах, так и в сёлах (табл. 2). Определяют процесс казахи, составившие в 2009 г. 63,1 % населения республики. Темпы роста этноса остались такими же, как и в 1990-е гг., но этого оказалось достаточно, чтобы компенсировать миграционные потери русских, украинцев и немцев, удельный вес которых в составе населения в 2009 г. еще более сократился. При этом более важное влияние на демографические процессы начинают оказывать узбеки и уйгуры, сохранившие традиционные представления о семье и браке и составившие в 2009 г. 5,7 % населения Казахстана (украинцы и немцы – 3,2 %) (табл. 2) [*Итоги национальной переписи*, 2010, с. 11–12].

Важным следствием продолжающейся эволюции этнического состава стало то, что абсолютные показатели естественного прироста в 1999–2009 гг. увеличились в 2,9 раза (70,2 тыс. человек в 1999 г. и 203,9 тыс. 2009 г.). Одновременно сокращается отрицательное сальдо внешней миграции, а в 2005–2006 гг. оно стало положительным (рис. 5). Эволюции сальдо миграции определяло снижение эмиграции, особенно во второй половине нулевых. Если в 1999–2004 гг. эмигрировало 721,9 тыс. человек (в среднем 120,3 тыс. в год), то в 2005–2009 гг. – 207,9 тыс. человек (42,3 тыс. в год), среднегодовая эмиграция сократилась

Таблица 2. Численность и национальный состав населения Казахстана в 1999 и 2009 гг., тыс. человек.
Источник: [*Национальный состав, вероисповедание*, 2010, с. 4, 5, 6, 11, 13].

	1999		2009		2009 к 1999 (%)
	числ-ть	%	числ-ть	%	
Все население	**14981,3**	**100**	**16009,6**	**100**	**106,9**
городское	8455,8	100	8662,4	100	102,4
сельское	6225,5	100	7347,2	100	112,6
казахи	**8011,5**	**53,5**	**10096,8**	**63,1**	**126,0**
городское	3651,0	43,2	4841,1	55,9	132,6
сельское	4360,5	66,8	5255,7	71,5	120,5
русские	**4480,7**	**29,9**	**3793,8**	**23,7**	**84,7**
городское	3448,0	40,8	2763,0	31,9	80,1
сельское	1032,7	15,8	1030,8	14,0	99,8
немцы	**353,5**	**2,4**	**178,4**	**1,1**	**50,5**
городское	182,2	2,2	89,3	1,0	49,0
сельское	171,0	2,6	89,1	1,2	52,1
украинцы	**547,1**	**3,6**	**333,0**	**2,1**	**60,9**
городское	339,7	4,0	186,0	2,2	54,8
сельское	207,4	3,2	147,0	2,0	70,9
другие этносы	**1588,5**	**10,6**	**1607,6**	**100**	**101,2**
городское	834,9	9,8	783,0	9,0	93,8
сельское	753,6	11,6	824,6	11,2	109,4

в 2,9 раза. На наш взгляд, инерция политической причины массовой эмиграции, вызванная распадом СССР и опасениями безопасности [Панарин, 2000, с. 79–113], во многом себя исчерпала. Все большее значение обретают причины социально-экономического свойства, имеющие меньший «выталкивающий эффект» в силу индивидуального восприятия проблем.

Изменения численности иммигрантов на общую миграционную ситуацию оказывало меньшее влияние (максимум 74,8 тыс. человек в 2005 г., минимум – 42,3 тыс. в 2009 г.) [*Демографический ежегодник*, 2005, с. 6; 2009, с. 851]. В результате в 2002–2003 гг. тенденция уменьшения населения была преодолена, и число жителей Казахстана стало расти более высокими темпами (рис. 5).

Данные переписи 2009 г. свидетельствуют о том, что население становится всё более этнически однородным. Одна из важных целей суверенитета была достигнута: «...На фоне роста рождаемости и притока казахов на историческую родину постепенно преодолены этнодемографические диспропорции прошлых десятилетий» [Назарбаев, 2005(1)]. Продолжается изменение этнического состава горожан. Согласно данным переписи 2009 г. более половины городского населения (55,9 %) стали составлять казахи[7]. При этом удельный вес городских жителей в составе населения продолжает сокращаться: если в 1999 г. горожане составляли 56,4 % населения Казахстана, то в 2009 г. – 54,1 %. Во многом это произошло потому, что городских русских в 1999–2009 гг. стало меньше на 19,9 %, немцев – на 51,0 %, украинцев – на 45,2 %, представителей других этносов – на 6,2 %

[7] В 1959 г. доля казахов в составе городского населения составляла 16,7 %, в 1970 – 17,0 %, 1979 – 20,8 %, 1989 – 26,7 % [*Статистический сборник*, 1991, с. 9].

(табл. 2). Урбанизационная активность казахов была пока не в состоянии компенсировать потери «старого» городского населения. В то же время, автохтонный «урбанизационный ресурс» в Казахстане велик, более половины казахов (52,1 % в 2009 г.) по-прежнему оставались сельскими жителями (табл. 2). По мнению руководства Казахстана, этот ресурс в перспективе должен быть реализован[8].

Изменения в возрастной структуре в 2009 г. в сравнении с 1999 г. не такие явные, как в 1989–1999 гг. По-прежнему заметны последствия демографического взрыва 1950–1960-х гг. (высокий удельный вес возрастной группы 50–59 лет в 2009 г.) и вызванной этим взрывом демографической волны (возрастная группа 20–29 лет в 2009 г.). Кризисные явления конца XX – начала XXI вв. отразились на уменьшении удельного веса возрастной группы 0–19 лет в 2009 г. в сравнении с 1999 г. (рис. 6). Тем не менее, негативное влияние возрастной структуры на показателях воспроизводства не сказалось. Более того, общий коэффициент рождаемости в 2009 г. в сравнении с 2000 г. вырос на 48,3 %, смертности – снизился на 11,9 %, коэффициент естественного прироста увеличился в 2,75 раза (рис. 7). Всё более явно процессы воспроизводства населения определяет рождаемость. Так, коэффициент суммарной рождаемости в 2009 г. составил 2,57, тогда как в 2000 г. равнялся 1,86 (рис. 8).

Таким образом, следствием эволюций этнического состава стал быстрый рост коэффициентов естественного прироста, в первую очередь рождаемости. Динамику численности населения определяют процессы воспроизводства; влияние фактора внешней миграции на демографическую систему существенно снизилось.

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА В 2009–2021 гг.

Основным итогом демографического развития Казахстана во втором десятилетии XXI в. стало то, что удельный вес казахов в составе населения превысил отметку в 70 %. Демографическая система все более явно функционирует на автохтонной основе. Как следствие, динамика роста численности населения государства ещё более возросла, в первую очередь в городах. Если в 1999–2009 гг. городских жителей стало больше на 2,4 %, то в 2009–2021 гг. – на 35,5 %. Фактор эмиграции городского «нетитульного» населения уже не имеет важного значения, результат был обеспечен увеличением числа казахов (на 62,4 %), все более активно перемещающихся в города из сельской местности. Темпы роста этноса в городах в 8,7 раза превышали темпы роста в селах. В то же время важно, что в 2009–2021 гг. увеличилось количество городских немцев, украинцев, представителей других этносов (табл. 3).

Численность русского населения продолжает сокращаться, в основном вследствие эмиграции, несколько увеличившейся во второй половине 2010-х гг. Эволюция миграционного сальдо связана и с уменьшением этнически выраженной иммиграции. В результате в 2014–2015 гг. сальдо межгосударственной миграции стало отрицательным. Тем не менее, влияние миграции на динамику численности населения ещё более уменьшилось. И если в 1990-е гг. она определялась миграционными процессами, то в 2009–2021 гг. – естественным приростом (рис. 9).

Одним из следствий продолжающегося миграционного оттока русских становится увеличение коэффициентов естественного прироста, все более определяемых казахами[9]. Представители этноса доминируют в детских и репродуктивно активных группах возрастной структуры. Так, по данным переписи населения 2021 г. в возрастной группе 0–9 лет

[8] «...40 % населения на селе, как у нас, не должно быть. Может остаться 15–20 %, и мы должны быть готовы к этому» [Назарбаев, 2005(2)].

[9] В 2024 г. 96,9 % естественного прироста определяли казахи [*Демографический ежегодник*, 2025, с. 75].

Таблица 3. Численность и национальный состав населения Казахстана в 2009 и 2021 гг.
Источник: [*Национальный состав, вероисповедание*, 2010, с. 4, 5, 6, 11, 13; *Краткие итоги*, 2022, с. 12, 15].

	2009		2021		2021 к 2009 (%)
	числ-ть	%	числ-ть	%	
Все население	**16009,6**	**100**	**19186,0**	**100**	**119,8**
городское	8662,4	100	11741,3	100	135,5
сельское	7347,2	100	7444,7	100	101,3
казахи	**10096,8**	**63,1**	**13498,0**	**70,4**	**133,7**
городское	4841,1	55,9	7862,5	67,0	162,4
сельское	5255,7	71,5	5635,5	75,7	107,2
русские	**3793,8**	**23,5**	**2981,9**	**15,5**	**78,6**
городское	2763,0	31,9	2278,8	19,4	82,6
сельское	1030,8	14,0	703,1	9,4	68,2
немцы	**178,4**	**1,1**	**226,1**	**1,2**	**126,7**
городское	89,3	1,0	137,0	1,2	153,4
сельское	89,1	1,2	89,1	1,2	100,0
украинцы	**333,0**	**2,1**	**387,3**	**2,0**	**116,3**
городское	186,0	2,2	253,8	2,2	136,4
сельское	147,0	2,0	133,5	1,8	90,8
другие этносы	**1607,6**	**10,0**	**2092,7**	**10,9**	**130,2**
городское	783,0	9,0	1209,2	10,2	154,4
сельское	824,6	11,2	883,5	11,9	107,1

удельный вес казахов равнялся 79,3 % (русских – 8,6 %), 10–19 лет – 77,7 % (русских – 10,4 %), 20–29 лет – 74,1 % (русских – 12,3 %), 30–39 лет – 68,9 % (русских – 16,7 %) [*Национальный состав, вероисповедание*, 2023, с. 31–37]. Во многом поэтому, не взирая на неблагоприятную возрастную структуру (удельный вес населения в наиболее активном репродуктивном возрасте (20–39 лет) уменьшился в 2021 г. в сравнении с 2009 г. с 33,1 % до 28,3 %), показатели естественного прироста в 2010–2021 гг. не испытали сколько-нибудь серьёзных потрясений (рис. 10–11).

Общий коэффициент рождаемости был в целом стабилен – минимум 21,6 ‰ в 2017 г., максимум 23,5 ‰ в 2021 г. Рост общего коэффициента смертности (с 7,2 ‰ в 2019 г. до 9,6 ‰ в 2021 г.), повлиявший на некоторое снижение естественного прироста, не являлся тенденцией, способной определять ситуацию на протяжении сколько-нибудь длительного времени, так как во многом был следствием эпидемии коронавируса, преодолённой уже в 2022 г.[10] (рис. 10–11).

Свидетельством реального роста рождаемости является коэффициент суммарной рождаемости (КСР), увеличившийся с 2,62 в 2010 г. до 3,32 в 2021 г. (рис. 12). В городах в 2021 г. КСР равнялся 3,08 (в 2010 г. – 2,33), в сёлах – 3,75 (в 2010 г. – 3,00) [*Демографический ежегодник*, 2017, с. 175; 2022, с. 140]. Динамика роста коэффициента в городах была выше, чем в сельской местности (на 32,2 % и 25 % соответственно), что объясняется следствием быстрой урбанизации, перенесшей на новое место жительства репродуктивно активный слой населения с сохранившимися традиционными демографическими установками.

[10] В 2022 г. ОКС равнялся 6,80 ‰, в 2023 г. – 6,57 ‰, в 2024 г. – 6,59 ‰ [*Демографический ежегодник*, 2025, с. 6].

В значительной мере тенденцию определили женщины в возрасте 30 лет и старше. Важной причиной этого, по мнению экономистов, стало существенное повышение социальных выплат по беременности, родам и уходу за ребёнком, в результате чего совокупный доход бюджетных выплат стал выше среднемесячной зарплаты [Куанганов, 2025, с. 140–155]. Увеличение пособий для семей, имеющих четырёх и более детей в 2018 г. привело к тому, что в 2020 г. 89,0 % всех рождений в Казахстане было обеспечено за счёт появления на свет четвёртого и более детей [Сохарева, 2021]. Число многодетных семей существенно увеличилось.

Но после переписи населения 2021 г. намечаются новые тенденции социально-демографического развития Казахстан. Эволюции возрастной структуры меняют демографический вектор, рождаемость начинает снижаться. Поколение, ориентированное на пособия по поддержке многодетности и обеспечивавшее рекордные показатели числа рождений[11], постепенно выходит из репродуктивного возраста. Тенденции рождаемости все более явно определяются женщинами до 30 лет. И у этого поколения, значительная часть которого появилась на свет и социализировалась в городах, видимо, иные представления о числе детей в семье. Мнение основано на том, что после переписи 2021 г. явственно обозначилось сокращение рождаемости в молодёжной среде. Так, вклад в коэффициент суммарной рождаемости возрастной группы 15–29 лет снизился с 61,1 % в 2021 г. до 56,5 % в 2024 г. [*Демографический ежегодник*, 2025, с. 136]. Во многом вследствие этого коэффициент суммарной рождаемости в 2025 г. в сравнении с 2021 г. сократился с 3,32 до 2,57 [*Коэффициенты рождаемости по возрастным группам за 2025,* 2026].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пик «демографического ускорения» Казахстана, определяемый высокой рождаемостью, зафиксирован переписью населения 2021 г. Есть основания предполагать, что это был предел возможностей демографической политики, основанной на национально-патриотической риторике. В настоящее время казахи доминируют в политической, социально-экономической структурах государства, являются большинством городского населения. Период этнического обустройства в политическом, социальном, экономическом пространстве Казахстана в целом завершился. Этнический вектор демографического развития уже не так актуален.

Все в большей мере на демографическую ситуацию влияют социально-экономические факторы. Демографическая эйфория начала XXI в. иссякает, высокая рождаемость и распространение многодетности воспринимаются властями гораздо более сдержанно. Со стороны госструктур все чаще слышатся обвинения в социальном иждивенчестве населения, претендующего на социальные пособия. Становится все более ясным, что высокая рождаемость имеет социально-экономическое продолжение. Подрастающие дети сталкиваются с нехваткой детских садов, школ, увеличивается молодежная безработицы. Ставка на рост городского населения привела к чрезмерной концентрации людей в мегаполисах. В 2024–2025 гг. численность населения Казахстана на 82,2 % росла за счёт трёх городов-миллионников (Астана, Алматы, Шымкент), в которых проживает в 25,1 % граждан республики [*Демографический ежегодник*, 2025, с. 8–9]. На этом фоне происходит быстрое «опустынивание» остальной территории государства.

Таким образом, в настоящее время сложилась иная, чем в конце XX в. этнодемографическая, социально-экономическая ситуация, приходит осознание того, что демографию

[11] В 2021 г. родилось 445,9 тыс. человек – высший показатель в демографической истории Казахстана [*Демографический ежегодник*, 2025, с. 6].

недостаточно воспринимать только как национально-патриотическую идею[12]. Возникла необходимость создания новой демографической стратегии Казахстана, опирающейся на современные реалии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Асылбеков М.Х., Козина В.В. *Демографическое развитие Казахстана в условиях суверенитета*. Алматы: Өркениет, 2010 [Asylbekov M.Kh., Kozina V.V. *Demographic development of Kazakhstan in conditions of sovereignty*. Almaty: Orkeniet, 2010 (in Russian)].

Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н., Столярова Э.О., Омырзак Т.Е. *Демографическая безопасность Казахстана: потенциал, риски и перспективы*. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2022 [Aubakirova Zh.S., Alekseenko A.N., Stolyarova E.O., Omirzak I.E. *Demographic security of Kazakhstan: potential, risks and prospects*. Ust-Kamenogorsk: Media-Alyans, 2022 (in Russian)].

Аубакирова Ж.С., Столярова Э.О., Сарсембаева Г.А., Краснобаева Н.Л., Алексеенко А.Н. *Модернизация рождаемости в Казахстане (социокультурный аспект)*. Том 1. *Городская рождаемость как детерминирующий фактор социально-демографического развития Казахстана: региональный аспект*. Алматы: Мейірімді Ел, 2023 [Aubakirova Zh.S., Stolyarova E.O., Sarsembayeva G.A., Krasnobayeva N.L., Alekseenko A.N. *Birth rate modernization in Kazakhstan (sociocultural aspect)*. Vol. 1. *Urban fertility as a determining factor in the socio-demographic development of Kazakhstan: Regional aspect*. Almaty: Meyirimdi El, 2023 (in Russian)].

Ашимбаев М.С., Курганбаева Г.А., Музапарова Л.М., Гусева Л.Ю., Калиева Д.К., Дмитриенко Т.А., Сейдуманов С.Т. *Современная демографическая ситуация в Казахстане*. Алматы: КИСИ, 2004 [Ashimbaev M.S., Kurganbaeva G.A., Muzaparova L.M., Guseva L.Yu., Kalieva D.K., Dmitrienko T.A., Seydumanov S.T. *Modern demographic situation in Kazakhstan*. Almaty: KISI, 2004 (in Russian)].

Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Под ред. К. Абдиева. Алматы: Казинформцентр, 2005 [*Demographic yearbook of Kazakhstan. Statistical compilation*. K. Abdiev (ed.) Almaty: Kazinformtsentr, 2005 (in Russian)].

Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Под ред. А. Мешимбаевой. Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2009 [*Demographic yearbook of Kazakhstan. Statistical compilation*. A. Meshimbayeva (ed.) Astana: Agentstvo Respubliki Kazakhstan po statistike, 2009 (in Russian)].

Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Под ред. Ж.Н. Айдапкелова. Астана: Big Dream, 2017 [*Demographic yearbook of Kazakhstan. Statistical compilation*. J.N. Aydapkelov (ed.) Astana: Big Dream, 2017 (in Russian)].

Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Под ред. Ж.Н. Шаймарданова. Астана: B-Profit, 2022 [*Demographic yearbook of Kazakhstan. Statistical compilation*. Zh.N. Shaimardanov (ed.) Astana: B-Profit, 2022 (in Russian)].

Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2025 [*Demographic yearbook of Kazakhstan. Statistical compilation*. Astana: Agentstvo Respubliki Kazakhstan po statistike, 2025 (in Russian)].

Демографический ежегодник СССР. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990 [*Demographic yearbook of the USSR. 1990.* Moscow: Finansy i statistika, 1990 (in Russian)].

[12] Во всяком случае, об этом свидетельствуют слова Президента Казахстана: «Критически важно заняться детальным изучением демографических тенденций... в этой сфере не налажен должный учет и анализ данных, что затрудняет прогнозирование потребностей рынков труда, планирование развития инфраструктуры и решение других важных задач» [*Послание Главы государства*, 2025].

Есимова А.Б. *Особенности репродуктивного поведения и проблемы реализации репродуктивных прав женщин Казахстана*. Шымкент: Гасыр-Ш, 2000 [Yessimova A.B. *Features of reproductive behavior and problems of the implementation of women's reproductive rights in Kazakhstan*. Shymkent: Fasyr-Sh, 2000 (in Russian)].

Жанасултанов Т.Ж., Ибраев А.Т. *Население Казахстана с древнейших времён до наших дней*. Алматы: КИИТУ, 2000 [Zhanasultanov T.Zh., Ibraev A.T. *The population of Kazakhstan from ancient times to the present day*. Almaty: KIITU, 2000 (in Russian)].

Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 1. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1991 [*Results of the 1989 All-Union Population Census.* Vol. 1. Alma-Ata: Respublikansky informatsionno-izdatelsky tsentr, 1991 (in Russian)].

Итоги национальной переписи населения 2009 г. в РК. Статистический сборник. Под ред. А.А. Смаилова. Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2010 [*Results of the National Census of 2009 in the Republic of Kazakhstan. Statistical compilation*. A.A. Smailov (ed.) Astana: Agentstvo Respubliki Kazakhstan po statistike, 2010 (in Russian)].

Кадыржанов Р.К., Ешпанова Д.Д. *Этнополитическая демография и трансформация биполярного общества в Казахстане*. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, 2024 [Kadyrzhanov R.K., Yeshpanova D.D. *Ethnopolitical demography and transformation of bipolar society in Kazakhstan*. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies KN MNVO RK, 2024 (in Russian)].

Коэффициенты рождаемости по возрастным группам за 2025. 18 серия, Демографическая статистика. Астана: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2026 [*Fertility rates by age groups for 2025*. 18 series, Demographic statistics. Astana: Byuro natsionalnoy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan, 2026 (in Russian)].

Краткие итоги переписи населения 1999 г. в РК. Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 1999 [*Brief results of the 1999 census in the Republic of Kazakhstan. Statistical compilation*. Almaty: Agentstvo Respubliki Kazakhstan po statistike, 1999 (in Russian)].

Куанганов Ф.Ш. Экономический феномен высокой рождаемости в Казахстане 2000–2020 гг. *Этнодемографические процессы в Евразийском пространстве: трансформации и вызовы устойчивого развития*. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2025. С. 273–301 [Kuanganov F.Sh. Economic phenomenon of high fertility in Kazakhstan, 2000–2020. *Ethnodemographic processes in the Eurasian space: Transformations and challenges of sustainable development*. Ust-Kamenogorsk: Media-Alyans, 2025. Pp. 273–301 (in Russian)].

Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. Под ред. Г. Витковской. М.: Московский центр Карнеги, 1996 [*Migration of the Russian-speaking population from Central Asia: Causes, consequences, prospects*. G. Vitkovskaya (ed.) Moscow: Carnegie Moscow Center, 1996 (in Russian)].

Назарбаев Н.А. *Речь на III Всемирном курултае казахов.* 29.09.2005 (1) [Nazarbayev N.A. *Speech at the Third World Kurultai of Kazakhs.* 29.09.2005(1) (in Russian)]. https://prg.kz/Document/?doc_id=30025000 (accessed: 05.09.2025).

Назарбаев Н.А. *Выступление на Конгрессе предпринимателей Казахстана.* 28.10.2005 (2) [Nazarbayev N.A. *Speeches at the Congress of Entrepreneurs of Kazakhstan*. 28.10.2005 (2) (in Russian)]. https://prg.kz/document/?doc_id=30030691&pos=5;268 (accessed: 05.09.2025).

Назарбаев Н.А. *Выступление на V Форуме женщин страны*. 05.03.2009 [Nazarbayev N.A. *Speech at the Fifth Forum of Women of the Country*. 05.03.2009 (in Russian)]. https://prg.kz/Document/?doc_id=30388403 (accessed: 05.09.2025).

Национальный состав населения Казахской ССР, областей и города Алма-Аты. Итоги всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 2. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский

центр, 1992 [*The national composition of the population of the Kazakh SSR, regions and the city of Alma-Ata. Results of the 1989 All-Union Population Census*. Vol. 2. Alma-Ata: Respublikansky informatsionno-izdatelsky tsentr, 1992 (in Russian)].

Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги Национальной переписи населения 2009 г. в Республике Казахстан. Статистический сборник. Под ред. А.А. Смаилова. Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2010 [*National composition, religion and language proficiency in the Republic of Kazakhstan. Results of the National Census of 2009 in the Republic of Kazakhstan. Statistical compilation*. Ed.: A.A. Smailov. Astana: Agentstvo Respubliki Kazakhstan po statistike, 2010 (in Russian)].

Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги Национальной переписи 2021 г. в Республике Казахстан. Астана: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2023 [*National composition, religion and language in the Republic of Kazakhstan. Results of the National Census of 2021 in the Republic of Kazakhstan*. Astana: Byuro natsionalnoy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan, 2023 (in Russian)].

Панарин С.А. Молодёжь, национализм и безопасность (по материалам опросов в России и Казахстане). *Вестник Евразии. Независимый научный журнал*. 2000. № 3 (10). С. 79–113 [Panarin S.A. Youth, nationalism and security (based on polls in Russia and Kazakhstan). *Acta Eurasica*. 2000. No. 3 (10). Pp. 79–113 (in Russian)].

Послание Президента страны народу Казахстана «Казахстан 2030: процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев». 1997 [*Message of the President of the country to the people of Kazakhstan "Kazakhstan 2030: prosperity, security and improvement of the well-being of all Kazakhstanis."* 1997. (in Russian)]. http:adilet.zan.kz/rus/docs/k970002030 (accessed: 05.09.2025).

Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию». 2025 [*Message from the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan "Kazakhstan in the era of artificial intelligence: urgent tasks and their solutions through digital transformation."* 2025 (in Russian)]. https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145 (accessed: 15.09.2025).

Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. Под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. М.: АдамантЪ, 2009 [*Post-Soviet transformations: Reflection in migrations*. Zh.A. Zayonchkovskaya, G.S. Vitkovskaya (eds.) M.: Adamant, 2009 (in Russian)].

Садовская Е.Ю. Миграционные процессы и миграционная политика в Казахстане. *Миграционная ситуация в странах СНГ*. Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Комплекс-Прогресс, 1999. С. 119–138 [Sadovskaya E.Yu. Migration processes and migration policy in Kazakhstan. *Migration situation in the CIS countries*. Zh.A. Zayonchkovskaya (ed.) M.: Kompleks-Progress, 1999. Pp. 119–138 (in Russian)].

Сарсембаева Г.А. *Демографическое развитие казахского этноса в конце XX – начале XXI вв.* Барнаул: Азбука, 2013 [Sarsembayeva G.A. *Demographic development of the Kazakh people in the late 20th – early 21st centuries*. Barnaul: Azbuka, 2013 (in Russian)].

Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. Под ред. Г.С. Витковской. М.: Московский центр Карнеги, 1998 [*Modern ethnopolitical processes and migration situation in Central Asia*. G.S. Vitkovskaya (ed.) Moscow: Carnegie Moscow Center, 1998 (in Russian)].

Сохарева Е. Введение нового пособия привело к повышению рождаемости в Казахстане, считают эксперты. *NUR.KZ*. 02.11.2021 [Sokhareva E. The introduction of a new allowance led to an increase in the birth rate in Kazakhstan, experts say. *NUR.KZ*. 02.11.2021 (in Russian)].

Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1991

[*Statistical collection on individual indicators of the All-Union population censuses of 1939, 1959, 1970, 1979 and 1989.* Alma-Ata: Respublikansky informatsionno-izdatelsky tsentr, 1991 (in Russian)].

Kuanbay O.B., Apendiyev T.A., Kapbarova G.S., Savin I.S. Demographic Trends and Population Dynamics of Kazakhstan: 1990–2023. *Vostok (Oriens).* 2025. No. 6. Pp. 108–118.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСЕЕНКО Александр Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник международного научно-исследовательского центра «DIGITAL SOCIAL RESEARCH», Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Alexandr N. ALEKSEENKO, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, International Research Center «Digital Social Research», D. Serikbaev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan.

САРСЕМБАЕВА Гульжан Алибековна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Gulzhan A. SARSEMBAYEVA, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, S. Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan.

КРАСНОБАЕВА Нелли Леонидовна – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник международного научно-исследовательского центра «DIGITAL SOCIAL RESEARCH», Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Nelly L. KRASNOBAYEVA, Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher of the International Research Center «DIGITAL SOCIAL RESEARCH», D. Serikbaev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan.

ОМЫРЗАК Тамерлан Ержанулы – магистр истории, докторант образовательной программы «История», Евразийский национальный университет имени Л. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.

Tamerlan E. OMIRZAK, Master of History, PhD student in the History Educational Program, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan.

Иллюстрации к статье А.Н. Алексеенко, Г.А. Сарсембаевой, Н.Л. Краснобаевой и Т.Е. Омырзака

Рис. 1. Компоненты изменения численности населения Казахстана в 1989–1999 гг., тыс. человек.
Источник: [*Демографический ежегодник*, 1990, с. 93; 1996, с. 5,63; 1998, с. 8, 20; 2005, с. 5].
Fig. 1. Components of the change in the population of Kazakhstan in 1989–1999, thousand people.
Source: [*Demographic Yearbook,* 1990, p. 93; 1996, p. 5.63; 1998, p. 8, 20; 2005, p. 5].

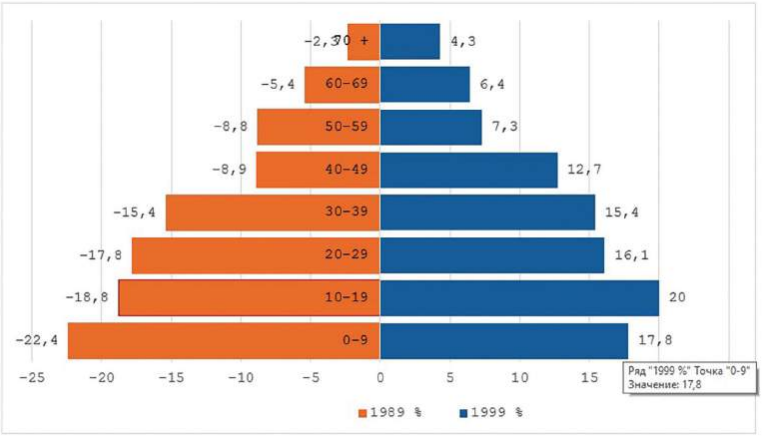

Рис. 2. Возрастная структура населения Казахстана в 1989 и 1999 гг., %
Источник: [*Статистический сборник*, 1991, с. 133;
Национальный состав, вероисповедание, 2010. с. 34, 36].
Fig. 2. The age structure of the population of Kazakhstan in 1989 and 1999, %.
Source: [*Statistical collection*, 1991, p. 133; *National composition, religion*, 2010. p. 34, 36].

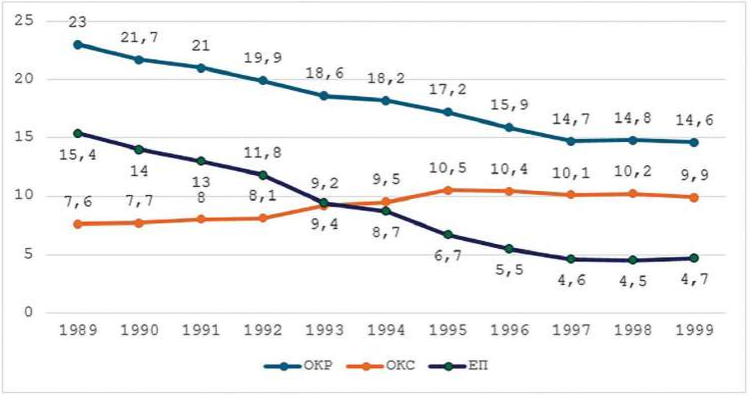

Рис. 3. Общие коэффициенты рождаемости (ОКР), смертности (ОКС), естественного прироста (ЕП) в 1989–1999 гг., на 1000 населения.
Источник: [*Демографический ежегодник*, 1996, с. 63,74; 1998, с. 20–25; 2005, с. 215–217].
Fig. 3. Total fertility (OCD), mortality (ACS), natural increase (EP) rates in 1989–1999, per 1000 population.
Source: [*Demographic Yearbook*, 1996, p. 63.74; 1998, pp. 20–25; 2005, p. 215–217].

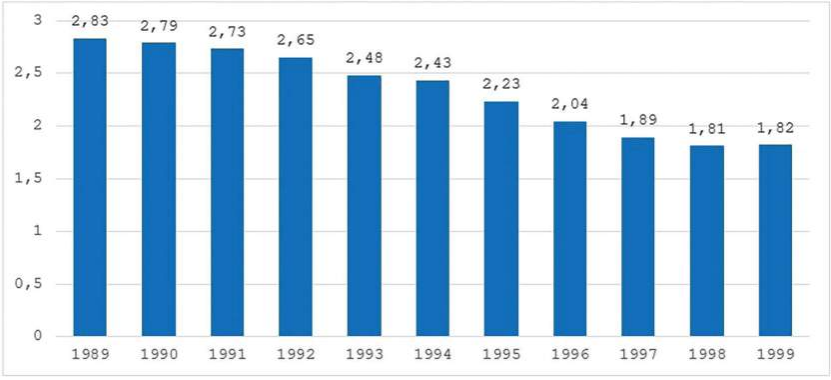

Рис. 4. Коэффициенты суммарной рождаемости в 1989–1999 гг.
Источник: [*Демографический ежегодник*, 1990, с. 310; 1998, с. 103; *Этнодемографический ежегодник*, 2006, с. 199].
Fig. 4. Total fertility rates in 1989–1999 Source: [*Demographic Yearbook*, 1990, p. 310; 1998, p. 103; *Ethnodemographic Yearbook*, 2006, p. 199].

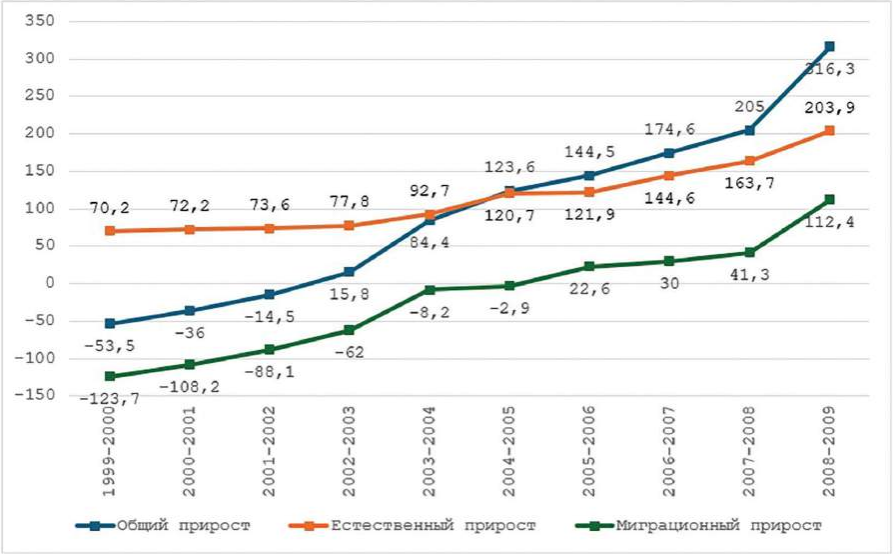

Рис. 5. Компоненты изменения численности населения Казахстана в 2000–2009 гг., тыс. человек.
Источник: [*Демографический ежегодник*, 2005, с. 5; 2009, с. 8; 2017, с. 10].
Fig. 5. Components of the change in the population of Kazakhstan in 2000–2009, thousand people.
Source: [*Demographic Yearbook*, 2005, p. 5; 2009, p. 8; 2017, p. 10].

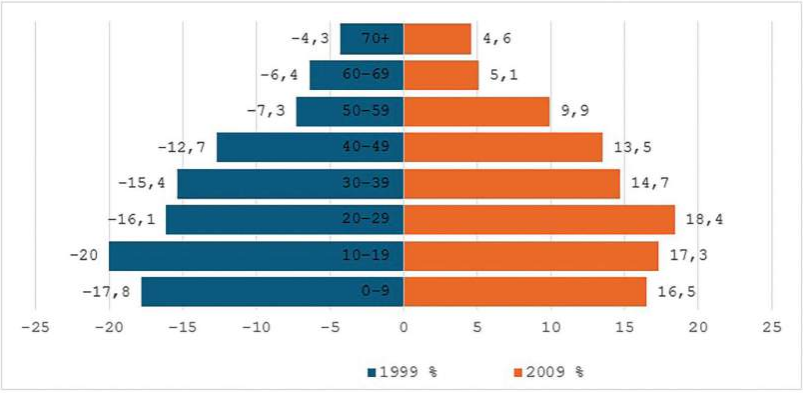

Рис. 6. Возрастная структура населения Казахстана в 1999 и 2009 гг., тыс. человек.
Источник: [*Национальный состав, вероисповедание*, 2010, с. 34, 36].
Fig. 6. The age structure of the population of Kazakhstan in 1999 and 2009, thousand people.
Source: [*National composition, religion*, 2010, p. 34, 36].

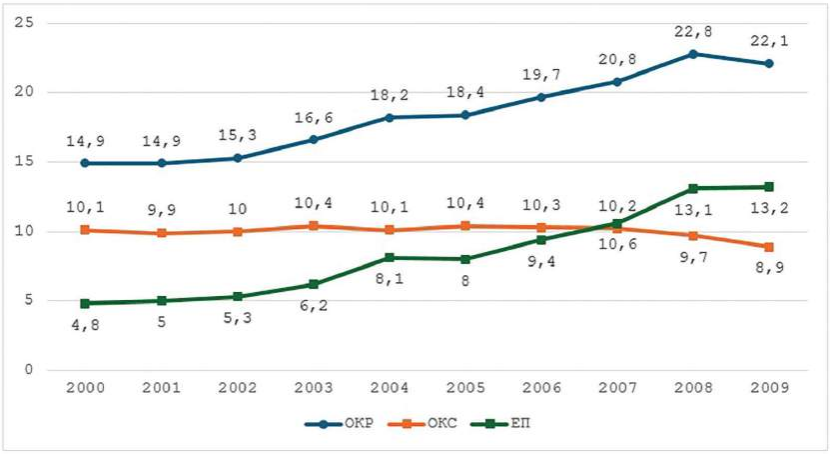

Рис. 7. Общие коэффициенты рождаемости (ОКР), смертности (ОКС), естественного прироста (ЕП) в 2000–2009 гг.
Источник: [*Демографический ежегодник*, 2009, с. 8; 2017, с.5].
Fig. 7. Total fertility (OCD), mortality (ACS), natural increase (EP) rates in 2000–2009
Source: [*Demographic Yearbook*, 2009, p. 8; 2017, p. 5].

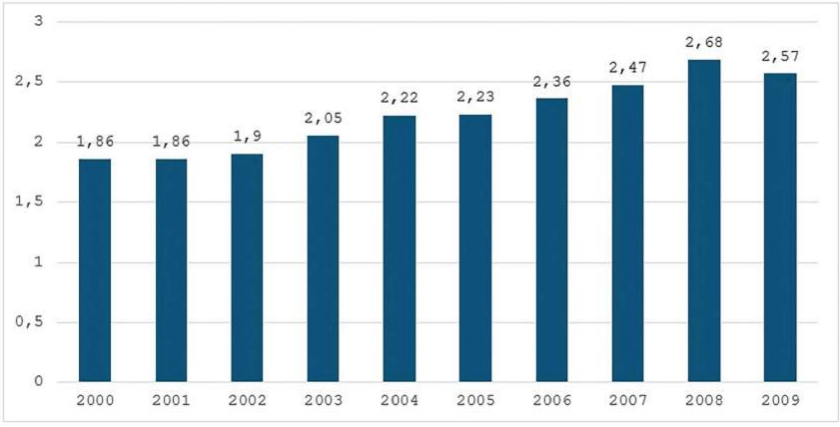

Рис. 8. Коэффициент суммарной рождаемости в 2000–2009 гг.
Источник: [*Этнодемографический ежегодник*, 2006, с. 199; 2009, с. 285; 2017, с. 175].
Fig. 8. Total fertility rate in 2000–2009
Source: [*Ethnodemographic Yearbook*, 2006, p. 199; 2009, p. 285; 2017, p. 175].

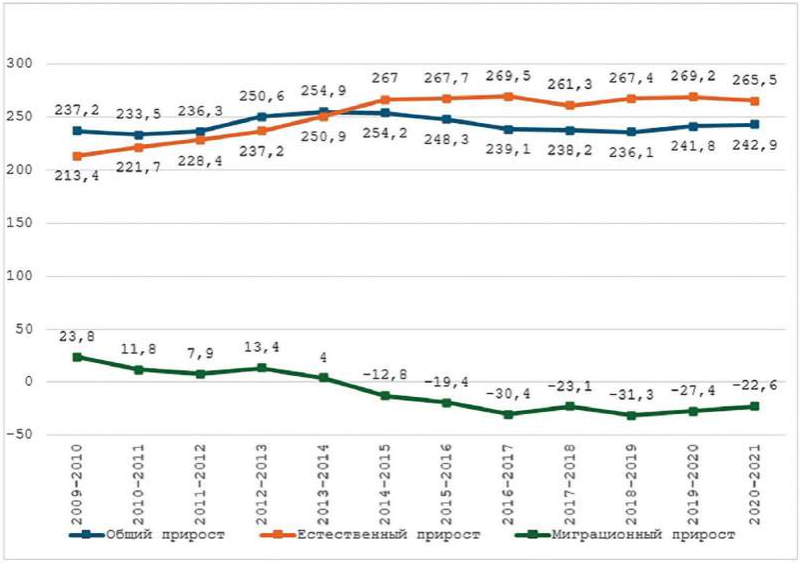

Рис. 9. Компоненты изменения численности населения Казахстана в 2010–2021 гг.. тыс. человек.
Источник: [*Демографический ежегодник*, 2017, с. 10; 2023, с. 5].
Fig. 9. Components of changes in the population of Kazakhstan in 2010–2021 thousand people.
Source: [*Demographic Yearbook*, 2017, p. 10; 2023, p. 5].

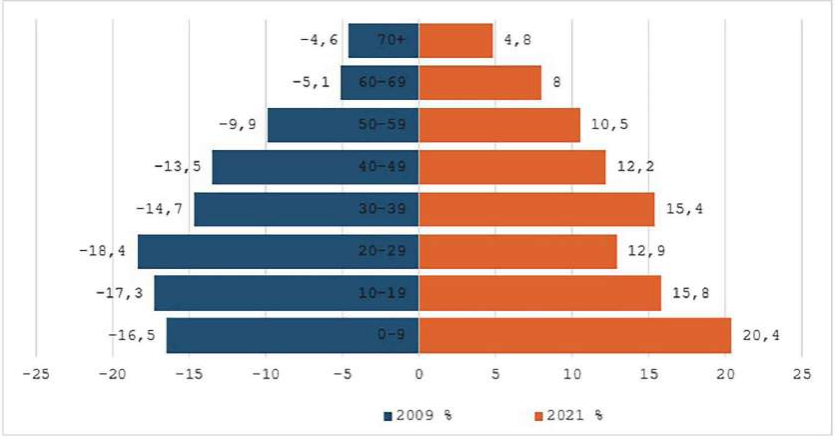

Рис. 10. Возрастная структура населения Казахстана в 2009 и 2021 гг., тыс. человек.
Источник: [*Национальный состав, вероисповедание*, 2010, с. 34, 36; 2023, с. 31].
Fig. 10. The age structure of the population of Kazakhstan in 2009 and 2021, thousand people.
Source: [*National composition, religion*, 2010, p. 34, 36; 2023, p. 31].

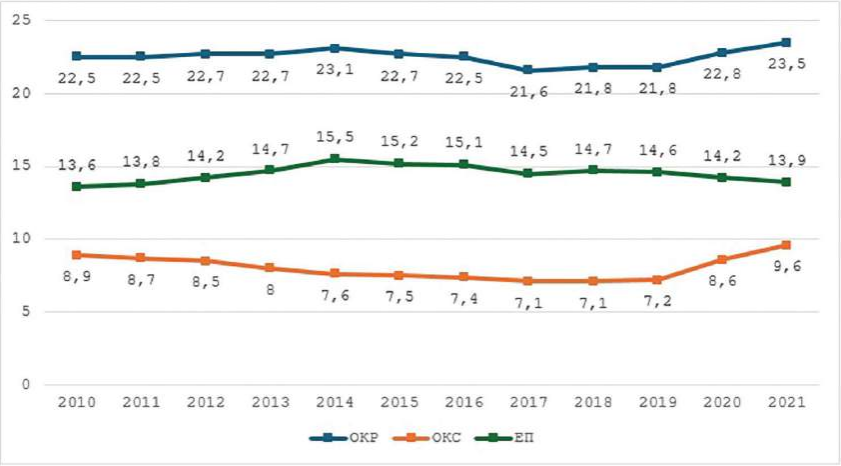

Рис. 11. Общие коэффициенты рождаемости (ОКР), смертности (ОКС), естественного прироста (ЕП) в 2010–2021 гг., на 1000 населения. Источник: [*Демографический ежегодник*, 2017, с. 5; 2023, с. 6].

Fig. 11. Total fertility (OCD), mortality (ACS), natural growth (EP) rates in 2010–2021, per 1,000 populations. Source: [*Demographic Yearbook*, 2017, p. 5; 2023, p. 6].

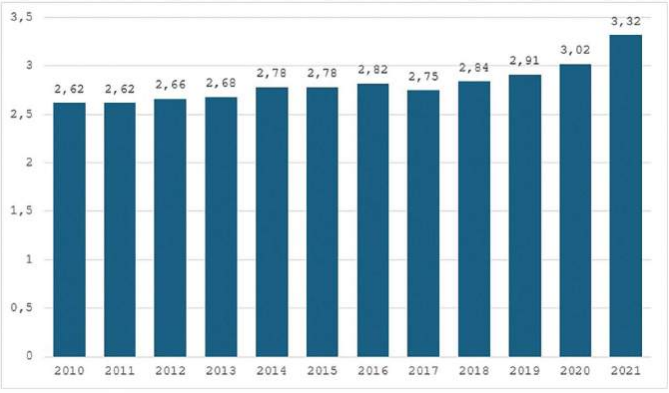

Рис. 12. Коэффициенты суммарной рождаемости в 2010–2021 гг. Источник: [*Демографический ежегодник*, 2017, с. 175; 2022, с. 140].

Fig. 12. Total fertility rates in 2010–2021 Source: [*Demographic Yearbook*, 2017, p. 175; 2022, p. 140].

DOI: 10.31696/S086919080038784-9

САМОЗАНЯТОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ В МЕГАПОЛИСАХ КАЗАХСТАНА КАК ФАКТОР УСКОРЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ[1]

© 2026

В.Ю. ДОДОНОВ [a]

[a] – Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Алма-Ата, Казахстан
ORCID: 0000-0003-0741-417X; dodonovv@mail.ru

Резюме: *В настоящее время в Казахстане идут активные процессы внутренней миграции, прежде всего, миграции из сельской местности в города. Активизация этих процессов вызвана как выталкивающими факторами, связанными с сокращающейся ролью сельского хозяйства в экономике, так и факторами притяжения мигрантов, такими, как лучшие возможности трудоустройства и более высокий уровень жизни в городской местности. Процессы внутренней миграции в Казахстане значительно ускорились в последние несколько лет, при этом основной поток мигрантов из сельской местности направлен в два мегаполиса страны – Алма-Ату и Астану. В этот же период в этих городах значительно возросла численность самозанятого населения, чего ранее не наблюдалось. Это позволило сделать предположение о том, что возросшие возможности трудоустройства в мегаполисах в качестве самозанятых стали новым и основным фактором притяжения для внутренних мигрантов в Казахстане. В свою очередь, быстрый рост численности самозанятых в мегаполисах может объясняться активными процессами внедрения информационных технологий (цифровизацией) в ряде ключевых отраслей сферы услуг, которые создают дополнительный спрос на рабочую силу, заполняемый, в том числе, мигрантами. Для оценки данных предположений в статье проведен сравнительный и корреляционный анализ показателей чистой миграции, численности самозанятого населения, отраслевой структуры рынка труда, количества организаций, использующих продажу товаров и услуг онлайн для двух мегаполисов Казахстана, а также некоторых других. Проведенный анализ позволил подтвердить гипотезу о влиянии процессов цифровизации на рост рынка труда в отраслях с высокой долей самозанятого населения и, как следствие – на ускорение процессов внутренней миграции, прежде всего, сельского населения в крупнейшие города страны. Исследование направленности внутренних миграционных потоков, кроме того, позволило квалифицировать процессы перемещения мигрантов из сельской местности Казахстана как мегаполизацию, а не урбанизацию.*

Ключевые слова: Казахстан, внутренняя миграция, сельские мигранты, мегаполизация, самозанятость, сфера услуг, цифровизация

Для цитирования: Додонов В.Ю. Самозанятость и цифровизация в мегаполисах Казахстана как фактор ускорения внутренней миграции. *Восток (Oriens).* 2026. № 4. С. 182–197. DOI: 10.31696/S086919080038784-9

[1] Исследование выполнено за счет проекта программно-целевого финансирования КН МНВО РК BR27195711 «Социально-политические процессы в Казахстане (1980–2020): опыт демократизации и становления Справедливого государства».

The research was conducted as part of a project no. BR27195711 “Socio-political processes in Kazakhstan (1980-2020): the experience of democratisation and the establishment of a Fair State,” funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

SELF-EMPLOYMENT AND DIGITALIZATION IN KAZAKHSTAN'S MEGACITIES AS A FACTOR OF INTERNAL MIGRATION ACCELERATION

© 2026

Vyacheslav Yu. DODONOV [a]

[a] – Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
ORCID: 0000-0003-0741-417X; dodonovv@mail.ru

Abstract: *Kazakhstan is experiencing intensive internal migration processes. They are caused by both push factors related to the shrinking role of agriculture and pull factors of better employment opportunities in urban areas. In Kazakhstan, the processes of internal migration, predominantly rural-urban migration, have significantly accelerated over the last few years. The main flow of migrants is directed to the country's two megacities, where the number of self-employed has increased significantly during the same period, which was not observed before. This allowed to propose the hypothesis that the growing opportunities to work as self-employed individuals have become a new and major pull factor for migrants. In turn, the active development of self-employment can be linked to the digitalization of some service industries, which has created an additional demand for a workforce that migrants fill. To assess these assumptions, the article conducts a comparative and correlational analysis of net migration indicators, the number of self-employed people, the sectoral structure of the labor market, and the number of organizations selling goods and services online for two megacities in Kazakhstan, as well as several others. The analysis confirmed the hypothesis that digitalization processes influence labor market growth in sectors with a high proportion of self-employed people and, as a result, accelerate internal migration, primarily of the rural population to the country's largest cities. The study of the direction of internal migration flows has also made it possible to qualify the processes of migrant movement from rural areas of Kazakhstan as megapolization rather than urbanization.*

Keywords: Kazakhstan, internal migration, rural migrants, megapolization, self-employment, service sector, digitalization

For citation: Dodonov V.Yu. Self-Employment and Digitalization in Kazakhstan's Megacities as a Factor of Internal Migration Acceleration. *Vostok (Oriens).* 2026. No. 4. Pp. 182–197. DOI: 10.31696/S086919080038784-9

Внутренняя миграция в Казахстане в целом соответствует глобальным тенденциям и характеризуется ростом перемещения населения из сельской местности в городскую. Она происходит на фоне таких процессов, как урбанизация и изменения в отраслевой структуре занятости с постепенным сокращением числа занятых в сельском хозяйстве. В то же время, в последние несколько лет процессы внутренней миграции активизировались с заметным изменением некоторых их основных параметров. Значительно ускорилось сокращение занятости в сельском хозяйстве наряду с усилением концентрации внутренних мигрантов в двух крупнейших городах страны (Алма-Ате и Астане). Эти процессы происходят на фоне существенного увеличения числа самозанятых в этих двух городах, что дало основания выдвинуть гипотезу о взаимосвязи между ростом внутренней миграции в мегаполисы и распространением возможностей трудоустройства в качестве самозанятых работников, на что, в свою очередь, влияет быстрое распространение цифровых технологий в некоторых отраслях сферы услуг.

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В МЕГАПОЛИСЫ И САМОЗАНЯТОСТЬ: ЭВОЛЮЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Проблематика факторов и причин внутренней миграции подробно разработана многими авторами. Существует также и обширный массив работ по систематизации и иерархии причин миграции (помимо традиционного их подразделения на факторы притяжения и выталкивания), вплоть до схем, включающих более 150 их разновидностей [Czaika, Reinprecht, 2020]. Многообразие факторов внутренней миграции не отменяет превалирующей взаимосвязи между внутренней миграцией и рынком труда, особенно в отношении различий в оплате труда в разных регионах, в частности в сельской и городской местности. Данные различия с сопутствующей дифференциацией социальных условий служат основным катализатором внутренней миграции и наиболее широко исследуются многими авторами [Takashi, 2015; Шафоростова, 2020]. Процессы перемещения населения из сельской местности в города в поисках лучших условий труда и качества жизни, вызванные технологическими изменениями, изучались, начиная с XIX в., в Англии, где они были вызваны промышленной революцией [McQuillan, 1980]. Это явление сохранялось и развивалось с течением времени, периодически получая импульсы, связанные с появлением новых технологий, таких как распространение роботов [Berg et al., 2018; Zuo et al., 2024], или развитие информационно-коммуникационных технологий [Tabassum, 2020]. В настоящее время миграция из сельских районов в города рассматривается преимущественно в контексте урбанизации и лучших экономических возможностей в городах [Harris, Speare, 1986], главным образом на рынке труда [Green, 2017].

В вопросе о роли урбанизации в ускорении внутренней миграции важно отметить, что зачастую основной поток мигрантов направляется не просто в города, а в мегаполисы. Феномен мегаполизации был признан значительным катализатором внутренней миграции, особенно в странах Глобального Юга [Kraas, 2007], причем некоторые авторы напрямую связывают этот процесс с оттоком населения из сельских районов [de Wenden, 2015]. Казахстан также переживает процесс ускоренного развития крупнейших городов, которое повышает их привлекательность для мигрантов благодаря таким факторам, как более развитые сферы трудоустройства, высокий уровень доходов и качества жизни [Гайсина и др., 2023]. Миграция в мегаполисы Казахстана приводит к улучшению доходов и социального статуса мигрантов [Danzer et al., 2013], что увеличивает миграционный поток в этом направлении, несмотря на то что государственные программы пытаются направить его в трудодефицитные регионы, а не в мегаполисы [Кусманова, Сейдуманов, 2021].

Одной из отличительных черт рынка труда мегаполисов, выступающей мощным фактором притяжения, является перспектива трудоустройства в качестве самозанятых, что особенно важно для низкоквалифицированных мигрантов из сельской местности. Подтверждением этого тезиса является распространенность самозанятости среди этнических меньшинств [Fairlie, Meyer, 1996; Clark, Drinkwater, 2000], в том числе мигрантов, для которых возможность такой формы трудоустройства является одним из факторов притяжения [Fisher, Lewin, 2018]. Влияние самозанятости на миграционные процессы в настоящее время активно изучается, причем результаты исследований зачастую противоречивы. В одних работах [Giambra, McKenzie, 2021] утверждается, что в ряде стран самозанятые менее склонны к миграции, чем наемные работники, в то время как другие [Manuel, 2024] заявляют о более высоком уровне самозанятости среди внутренних мигрантов. На наш взгляд, росту самозанятости в последние годы способствовала цифровизация, распространение которой в ряде отраслей и профессий, особенно в сфере услуг, привело к увеличению спроса на рабочую силу. Влияние цифровизации на миграционные процессы, особенно

после пандемии COVID-19, отмечается многими исследователями, но выводы по этому вопросу неоднозначны. Отмечается, в частности, влияние цифровизации на сокращение потребности в низкоквалифицированной рабочей силе и замене физической миграции специалистов виртуальной [Tsapenko, 2021], но также высказываются мнения об ускорении миграции из сельской местности в города вследствие таких проявлений цифровизации, как использование социальных сетей для поиска работы и интеграции мигрантов [Tulibaleka, Katunze, 2024]. Существуют также и достаточно экзотические гипотезы о роли цифровизации в миграционных процессах, например, о том, что она может способствовать миграции в обратном направлении – из городов в сельскую местность [Knuepling et al., 2024].

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ: СДВИГИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В Казахстане в последние годы наблюдается резкое ускорение внутренней миграции из сельской в городскую местность. С 2014 по 2024 гг. среднегодовое сальдо миграции из сельской местности составило 75 тыс. чел., это в полтора раза больше, чем в период 2003–2013 гг. (43 тыс.) [*Бюро национальной статистики*, 2025]. Пик миграции из сельской местности происходит в настоящее время – с 2019 по 2024 гг. отрицательное сальдо этой миграции составляло от 67 до 112 тыс. чел. с поступательным ускорением. С 2000 по 2024 гг. совокупное отрицательное сальдо миграции сельского населения составило 1565 тыс. человек [*Бюро национальной статистики*, 2025], что эквивалентно 7,2 % населения Казахстана в 2024 г. и 20 % сельского населения. Численность сельского населения, несмотря на значительную миграцию, не сокращалась, а росла (с 6452 тыс. человек в 2000 г. до 7510 тыс. человек в 2024 г. [*Бюро национальной статистики*, 2025]) за счет высокой рождаемости, однако доля сельского населения сокращалась. В 2010 г. сельское население составляло 45,6 % от общей численности, а в 2024 г. этот показатель сократился до 37 %.

Также происходило сокращение занятости в основной отрасли, в которой занято сельское население – сельское, лесное и рыбное хозяйство. Численность работников сельского хозяйства Казахстана долгое время была стабильной, составляя около 2,3 млн человек (что обеспечивало этой отрасли лидерство по числу занятых) на протяжении 2001–2010 г., но затем началось быстрое ее сокращение. С 2010 по 2024 гг. занятость в сельском хозяйстве сократилась более чем в два раза – с 2,3 до 1,03 млн человек [*Бюро национальной статистики*, 2025]. Сокращение занятости в сельском хозяйстве на 1,3 млн человек можно рассматривать как обусловленное преимущественно внутренней миграцией, так как этот показатель достаточно близок к объему совокупного отрицательного сальдо миграции из сельской местности в эти годы – 971 тыс. человек. Эти данные подтверждают и итоги других исследований, которые показали, что преобладающей формой внутренней миграции остается миграция из сельских регионов в города [Серикжанова, Жанузакова, 2022]. Кроме того, быстрое сокращение занятости в сельском хозяйстве может свидетельствовать о том, что отток населения из сельской местности с 2010 г. является, прежде всего, трудовой миграцией, вызванной выталкивающими факторами отрасли, такими как сокращение рабочих мест и меньший уровень оплаты труда.

Последний фактор считается одним из основных в классических работах по миграции, которые отмечают, что по мере возрастания разрыва в уровне оплаты труда между городской и сельской местностью рабочая сила перемещается в современные городские отрасли [Fei, Ranis, 1964; Williamson, 1965]. Этот тезис подтверждается и при сравнительном анализе изменения численности занятых в сельском хозяйстве и динамике разрыва между средней по Казахстану заработной платой и зарплатой в сельском хозяйстве, корреляция между которыми составляет 0,97 (рис. 1). Значительный разрыв в оплате труда, превышавший 50 %

в начале рассматриваемого периода, мог стать фактором, выталкивающим работоспособное население из сельской местности.

Помимо выталкивающих факторов, миграцию из сельской местности принято связывать с факторами притяжения – преимуществами, которые дает проживание в городах. В большинстве исследований к ним относят лучшие возможности занятости и уровень жизни [Sugiyarto et al., 2019]. Эти факторы имеют еще большее значение в развивающихся экономиках, где стандарты жизни в сельской и городской местности значительно отличаются. По этой причине целью миграции из сельской местности становится улучшение условий проживания, доступ к более качественному здравоохранению [Resosudarmo et al, 2010], образованию [González Chapela et al., 2023] и повышение социального статуса [Stark, Taylor, 1991]. В то же время, общая тенденция «поиска сельскими мигрантами лучших экономических возможностей, особенно в больших и малых городах» [Harris, Speare, 1986, p. 225] в Казахстане не находит подтверждения, поскольку в данном случае миграция из сельской местности происходит не в городскую местность в целом, но преимущественно в два крупнейших города – Астану и Алма-Ату. Поэтому связывать миграцию из сельской местности с урбанизацией, по нашему мнению, не совсем корректно, правильнее определять происходящие в Казахстане процессы увеличения городского населения как мегаполизацию. Сальдо внутренней миграции (рис. 2) также подтверждает этот тезис, так как показывает, что основной объем миграционного притока приходится на два мегаполиса, тогда как в городской местности без учета Астаны и Алма-Аты на протяжении большей части 2000–2024 гг. миграционное сальдо было отрицательным.

Аналогичная ситуация наблюдается и в динамике структуры численности населения, которая в определенной мере связана с миграционными потоками (рис. 3). С 2000 г. происходит увеличение доли городского населения, которая на начало 2025 г. достигла 63 % с соответствующим сокращением доли сельского населения – с 43,6 % до 37 %. Однако увеличение доли городского населения происходит за счет двух мегаполисов, поскольку доля остальных городов остается примерно на одном уровне (46,2 % в 2000 г., 44,1 % в 2024 г.). Совокупная же доля Астаны и Алма-Аты демонстрирует интенсивный рост с почти двукратным увеличением (10,1 % в 2000 г., 18,8 % в 2024 г.).

Таким образом, основным местом притяжения внутренних мигрантов, в том числе из сельской местности, в Казахстане выступают два мегаполиса, а не городская местность в целом. Случай Казахстана показывает, что сельская миграция происходит не под влиянием общих факторов притяжения, таких как стремление получить доступ к более развитой городской инфраструктуре и повысить уровень жизни, поскольку эти факторы действуют и в других городах, помимо мегаполисов. Миграция в мегаполисы, а не в городскую местность в целом, свидетельствует о том, что в Астане и Алма-Ате существуют специфические факторы притяжения для внутренних мигрантов. По нашему мнению, они связаны в первую очередь с рынком труда мегаполисов – прежде всего, его емкостью и более широкими возможностями трудоустройства. В Казахстане внутренняя миграция имеет преимущественно трудовой характер, что подтверждается тем, что почти 80 % внутренних мигрантов находятся в трудоспособном возрасте [Калиева, Мельдаханова, 2017]. Это подтверждают и результаты опросов об основных причинах миграции в Казахстане [*International Organization for Migration*, 2024]. Поэтому основным фактором притяжения для миграции в мегаполисы можно считать привлекательность их рынка труда.

При этом фактор размера оплаты труда не является основным, так как ни Астана, ни Алма-Ата не является регионами с самой высокой средней зарплатой, хотя она и превышает средний по Казахстану уровень. В 2024 г. Алма-Ата занимала пятое место среди двадцати регионов Казахстана по размеру средней зарплаты (491 тыс. тенге), а Астана –

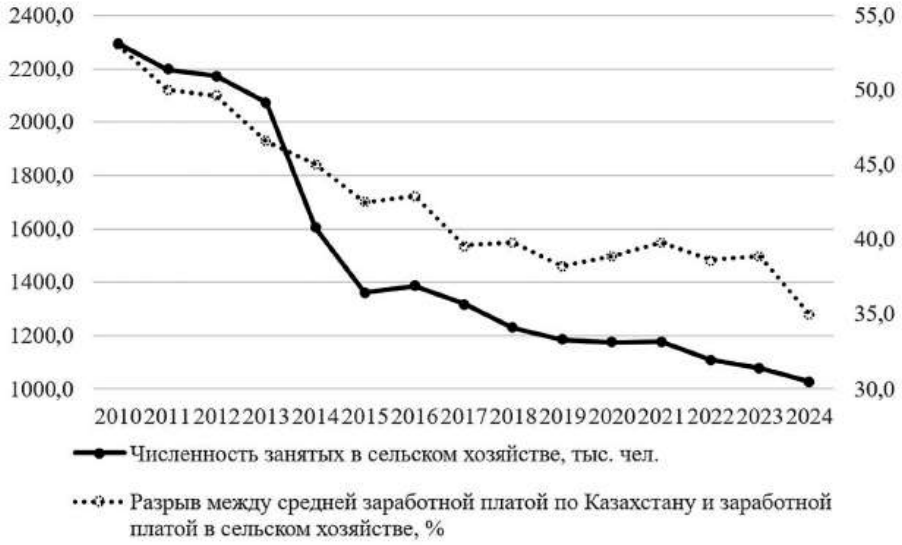

Рис. 1. Занятость в сельском хозяйстве и разрыв между средней заработной платой по Казахстану и заработной платой в сельском хозяйстве
(по: [Занятое население по ВЭД, 2025; Среднемесячная заработная плата, 2025])
Fig. 1. Agriculture employment and the wage gap between agriculture and average wages in Kazakhstan
(based on: [Employed population by TEA, 2025; The average monthly nominal salary, 2025])

Рис. 2. Чистая миграция сельского и городского населения в Казахстане, человек
(по: [Сальдо миграции, 2025])
Fig. 2. Net migration of rural and urban population in Kazakhstan, people
(based on: [Balance of migration, 2025])

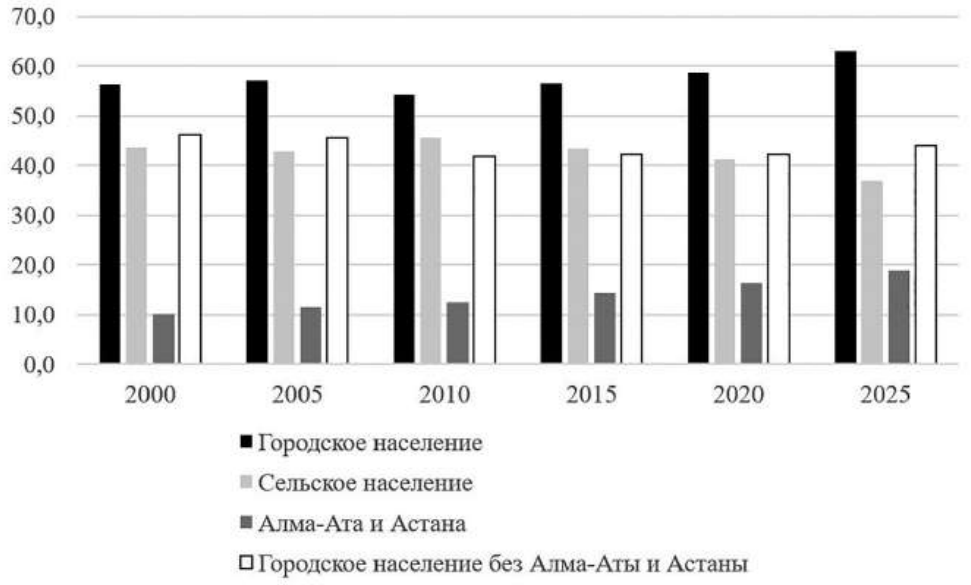

Рис. 3. Сельское и городское население Казахстана, % от общей численности населения на начало года (по: [Численность населения, 2025])

Fig. 3. Rural and urban population of Kazakhstan, % of the total population (based on: [Population (by years), 2025])

Рис. 4. Изменения в численности занятых по видам экономической деятельности в 2014–2024 гг. (по: [Занятое население по ВЭД, 2025])

Fig. 4. Change in the number of people employed in Kazakhstan by industry in 2014–2023 (based on: [Employed population by TEA, 2025])

третье (538 тыс. тенге). Эти показатели были выше среднего по Казахстану уровня (405 тыс. тенге), но значительно уступали регионам с максимальным уровнем средней зарплаты – Атырауской (633 тыс. тенге) и Мангистауской (581 тыс. тенге) областям [*Бюро национальной статистики*, 2025]. Это значит, что внутренних мигрантов привлекают не столько возможность получить максимальное вознаграждение, сколько доступность трудоустройства.

ОСОБЕННОСТИ РЫНКА ТРУДА МЕГАПОЛИСОВ КАЗАХСТАНА КАК ФАКТОР ПРИТЯЖЕНИЯ ДЛЯ ВНУТРЕННИХ МИГРАНТОВ

Доступность трудоустройства значительно выше в мегаполисах, как из-за больших размеров рынка труда, так и по причине быстрого роста спроса на рабочую силу в тех отраслях, в которых сельские мигранты могут относительно просто найти работу, не имея специальной квалификации. В данном случае имеет большое значение отраслевая структура рынка труда, так как мигранты, ранее занятые в сельском хозяйстве, имеют ограниченные навыки и устраиваются в отраслях, не требующих высокой квалификации. В этом плане показательны изменения, произошедшие в отраслевой структуре занятости Казахстана в 2014–2024 гг. (рис. 4). Занятость в сельском хозяйстве сократилась на 577 тыс. человек (на 36 %), а отраслями с максимальным увеличением занятых стала торговля (280 тыс. человек), образование (215 тыс. человек) и ряд других отраслей, где не требуется высокая квалификация – предоставление услуг по проживанию и питанию, транспорт и прочие услуги (в совокупности в трех этих отраслях занятость выросла на 243 тыс. человек).

Отраслевая структура занятости двух казахстанских мегаполисов характеризуется высоким удельным весом указанных отраслей и некоторых других, что можно рассматривать в качестве основного фактора притяжения для сельских мигрантов. Алма-Ата и Астана являются крупнейшими в Казахстане региональными рынками труда – и в целом (занимая, соответственно, первое и четвертое место по численности занятых), и в приоритетных для сельских мигрантов отраслях – строительстве, торговле, транспорте, услугах по проживанию и питанию (табл. 1), что подтверждается исследованиями Международной организации миграции: «из общего количества занятых мигрантов (94 %), большинство (39 %) работало в строительном секторе, 29 % – в торговле, 14 % – в сфере предоставления социальных и личных услуг» [*International Organization for Migration*, 2024].

Табл. 1. Роль двух крупнейших городов на рынке труда Казахстана в 2023 г. (по: [Основные индикаторы рынка труда, 2025])

	Занятое население, чел.		**Место по количеству занятых среди регионов Казахстана**		**Доля в общей численности занятых по Казахстану, %**	
	Астана	Алма-Ата	Астана	Алма-Ата	Астана	Алма-Ата
Всего	658663	1045505	4	1	7,3	11,5
Обрабатывающая промышленность	34484	62236	6	2	5,2	6,
Строительство	75994	67905	1	2	11,5	6,5
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	104487	270965	5	1	15,9	25,9
Транспорт и складирование	41703	68056	4	1	6,3	6,5

Предоставление услуг по проживанию и питанию	23263	33363	2	1	3,5	3,2
Информация и связь	41838	47062	2	1	6,4	4,5
Финансовая и страховая деятельность	18374	60839	3	1	2,8	5,8
Операции с недвижимым имуществом	33255	31132	1	2	5,0	3,0
Профессиональная, научная и техническая деятельность	38998	66895	2	1	5,9	6,4
Образование	60135	114306	8	2	9,1	10,9
Предоставление прочих видов услуг	17754	34816	6	3	2,7	3,3

Астана и Алма-Ата также являются очень быстрорастущими рынками труда, что обусловливает их способность абсорбировать внутреннюю миграцию. С 2014 по 2024 гг. общая численность занятых в двух мегаполисах увеличилась на 572 тыс. человек, а во всем Казахстане – на 704 тыс. человек [*Бюро национальной статистики*, 2025]. То есть, в Алматы и Астане было создано более 81 % новых рабочих мест в стране, и это объясняет почему основной поток внутренних мигрантов направляется именно в эти два города. Важной особенностью занятости в двух мегаполисах является то, что она растет опережающими темпами именно в тех отраслях, в которых находят себе применение сельские мигранты, в частности, в торговле, транспорте (где учитываются и услуги такси), строительстве и других. Эти отрасли занимают лидирующие позиции в отраслевой структуре экономик мегаполисов Казахстана и в структуре занятости и продолжают развиваться опережающими темпами. Это ведет к тому, что соответствующие отрасли Алма-Аты и Астаны увеличивают свою долю в численности занятых в Казахстане, а также создают большое количество рабочих мест. Так, в 2014–2023 гг. почти половина увеличения численности занятых в двух городах пришлась на три привлекательные для мигрантов отрасли – торговлю, транспорт и строительство, в которых общий рост занятых составил 238 тыс. человек.

Таким образом, привлекательность двух мегаполисов определяется такими факторами притяжения, как большой размер рынка труда в целом, а также в тех отраслях, где сельские мигранты могут относительно просто найти работу, не требующую специальной квалификации. В этой связи возникает вопрос о том, какие факторы определяют возможности роста соответствующих отраслей в мегаполисах, и какие – упростили возможности трудоустройства неквалифицированных мигрантов, предопределившие резкое ускорение миграции из сельской местности в течение последних нескольких лет.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ МИГРАЦИЕЙ, САМОЗАНЯТОСТЬЮ И ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ

Наша гипотеза базируется на предположении, что такие факторы появились совсем недавно, и именно они вызвали ускорение миграции в течение последних лет, а основным из них стало увеличение возможностей самозанятости в ключевых для мигрантов отраслях мегаполисов. Данное предположение базируется на том, что именно в отраслях, привлекательных для сельских мигрантов, в Казахстане особенно велика доля самозанятых среди работников (рис. 5). Максимальный удельный вес самозанятых приходится на само сельское хозяйство, где ранее были заняты мигранты, а также на те отрасли, где они находят работу в мегаполисах – прочие услуги, торговля, транспорт, строительство. Высокий

Рис. 5. Основные виды деятельности Казахстана по доле самозанятых в 2024 г., %
(по: [Самостоятельная занятость, 2024])
Fig. 5. Ranking of Kazakhstan's main industries by the share of self-employed workers in 2024, %
(based on: [Self-employed, 2024])

Рис. 6. Самозанятое население Алма-Аты и Астаны и чистая миграция в эти города
(по: [Самостоятельная занятость, 2024])
Fig. 6. The self-employed population of Almaty and Astana and the net migration to these cities
(based on: [Self-employed, 2024])

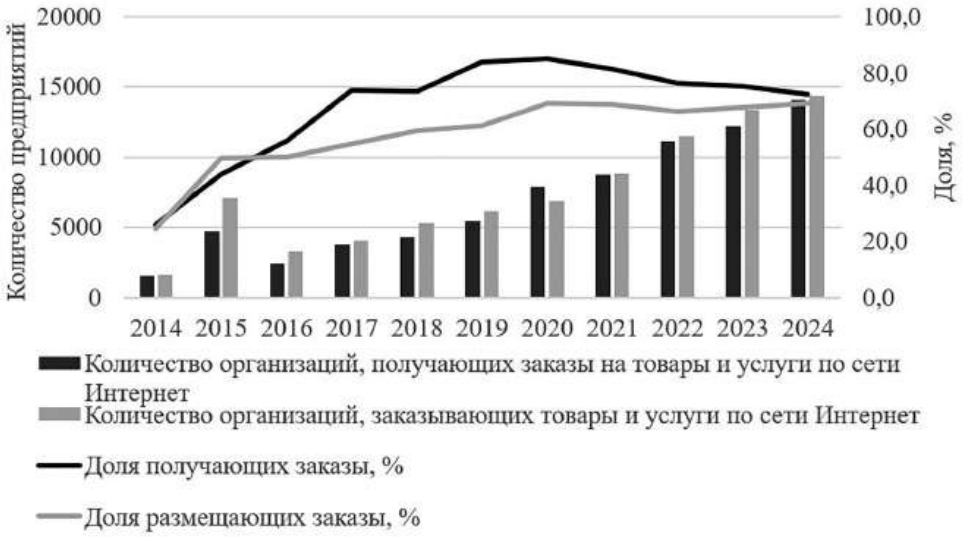

Рис. 7. Совокупное количество организаций Алма-Аты и Астаны, получающих и размещающих заказы онлайн и их доля в казахстанских показателях
(по: [Об использовании информационно-коммуникационных технологий, 2025])
Fig. 7. Combined number of enterprises in Almaty and Astana ordering and receiving orders for goods and services over the Internet
(based on: [On the use of information and communication technologies, 2025])

уровень самозанятости в этих отраслях делает комфортной работу в них для людей, которые и раньше были самозанятыми в сельской местности, а также упрощает процедуры ее получения. Такие специальности, как продавец, таксист, курьер, строительный рабочий не требуют от мигрантов не только специальных навыков, образования и квалификации, но и сложных процедур трудоустройства. Эти особенности выступают основным фактором притяжения и стимулируют ускорение миграции из сельской местности в мегаполисы.

Эта гипотеза подтверждается схожей динамикой показателей численности самозанятого населения двух мегаполисов, с одной стороны, и суммарным сальдо миграции для двух мегаполисов – с другой (рис. 6). Приведенные данные показывают не только резкое увеличение притока мигрантов в два мегаполиса в последние годы, но еще более интенсивную динамику численности самозанятого населения в этих городах, которая стала быстро расти с 2017 г. При этом, данный рост был специфическим для Алма-Аты и Астаны явлением, так как в Казахстане в целом в этот период численность самозанятых менялась незначительно, оставаясь в интервале 2,1–2,2 млн человек. Поэтому рост самозанятого населения в Алма-Ате и Астане сопровождался также и увеличением совокупной доли самозанятых в этих городах в общей численности самозанятого населения Казахстана.

Таким образом, в период с 2017 г. наблюдается усиление взаимосвязи между миграцией в казахстанские мегаполисы и численностью самозанятых. Ее можно оценить по изменению коэффициентов корреляции между численностью самозанятого населения в городах Алма-Ата и Астана и чистой миграцией в эти города. Мы рассчитали три коэффициента корреляции (Пирсона, Спирмена и Кендалла) для периода 2001–2024 гг. и для трех его

восьмилетних частей – 2001–2008, 2009–2016 и 2017–2024 гг. для проверки гипотезы о возникновении взаимосвязи между миграцией в мегаполисы и развитием в них рабочих мест для самозанятых. Результаты этих расчетов (табл. 2) показывают, что такая взаимосвязь действительно возникла только в последние годы, тогда как ранее она отсутствовала. В этой связи возникает вопрос о том, какой фактор стал причиной значительного увеличения самозанятости в Астане и Алма-Ате после 2017 г. На наш взгляд, основным фактором увеличения самозанятости в мегаполисах стала цифровизация.

Табл. 2. Значения различных коэффициентов корреляции между численностью самозанятого населения и совокупной чистой миграцией в Алма-Ату и Астану (по: [Самостоятельная занятость, 2024])

	2001–2024	**2001–2008**	**2009–2016**	**2017–2024**
Коэффициент корреляции Пирсона	0,66	-0,17	0,10	0,83
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена	0,47	-0,14	-0,05	0,71
Коэффициент ранговой корреляции Кендалла	0,32	-0,14	-0,07	0,57

В настоящее время Астана и Алма-Ата значительно превосходят по уровню распространения цифровых технологий другие регионы Казахстана. Совокупная доля двух мегаполисов в общем объеме различных показателей, характеризующих использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), значительно превышает их долю в населении. В двух мегаполисах сосредоточено и основное количество ИКТ-специалистов, и организаций, использующих передовые информационные технологии, такие, как облачные вычисления или анализ больших данных; на эти города также приходится и основной объем корпоративных расходов на внедрение ИКТ.

Алма-Ата и Астана всегда были лидерами в сфере цифровизации, но в последние годы прогресс в этой сфере значительно ускорился, так как в этих городах показатели использования ИКТ-технологий росли темпами, существенно опережающими средние по Казахстану. В результате, два мегаполиса значительно увеличили свою долю в ряде важных сфер применения цифровых технологий: например, количество организаций, использующих интернет, в 2014 г. в Астане составляло 9,2 %, в Алматы – 20,3 %, а в 2023 г., соответственно, 21,4 % и 28,4 %. Еще более значительно увеличилась в мегаполисах цифровизация тех сфер, которые, по нашему мнению, и повлияли на увеличение самозанятости – количество организаций, заказывающих и принимающих заказы онлайн. За последние десять лет количество таких организаций в Алматы выросло в 7–8 раз, а в Астане – в 9–10 раз. В результате, с 2014 по 2024 гг. доля Астаны в количестве организаций, получающих заказы онлайн, увеличилась с 7,1 % до 19,3 %, а в количестве организаций, размещающих заказы онлайн – с 8,5 % до 20,7 %. Доля Алматы в этих же показателях выросла, соответственно, с 18,9 % до 53,1 %, и с 16,1 % до 48,5 % [*Бюро национальной статистики*, 2025]. Совокупные для двух мегаполисов показатели приведены на рис. 7 и отражают бурные темпы роста продаж товаров и услуг онлайн в этих городах.

Данные на рис. 7 показывают, что активизация процесса цифровизации поставок и заказов в казахстанских мегаполисах происходит с 2017 г., что совпадает с началом рассмотренного выше периода резкого роста самозанятости в Алматы и Астане, а также значительного ускорения притока внутренних мигрантов в эти два города. На наш взгляд, это совпадение обусловлено тем, что цифровизация начала активно развиваться в крупных отраслях сфе-

ры услуг, таких как торговля, транспорт, общественное питание (где сосредоточено более половины всех предприятий, принимающих заказы онлайн). Именно эти отрасли являются основным местом трудоустройства внутренних мигрантов, а цифровизация создала в них дополнительные рабочие места, в том числе для самозанятых, за счет резкого роста спроса на такие специальности, как доставщики, сотрудники пунктов выдачи заказов, водители такси, курьеры. Кроме того, увеличился спрос и на традиционные профессии в этих и других отраслях сферы услуг, где активно развивается интернет-торговля – например, бурный рост таких направлений, как онлайн покупка готовой еды, интернет-торговля через маркетплейсы, доставка товаров на дом из обычных магазинов – увеличили объемы продаж в этих отраслях и спрос на низкоквалифицированных работников, что стало фактором притяжения для внутренних мигрантов и усилило миграцию из сельской местности в мегаполисы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что резкое ускорение внутренней миграции в Казахстане в последние годы, прежде всего – миграции из сельской местности в два крупнейших города, было связано с ростом возможностей трудоустройства в качестве самозанятых, которые, в свою очередь, появляются на основе массового внедрения цифровых технологий в ряде крупных отраслей сферы услуг. Основным инструментом цифровизации, стимулирующим развитие новых форматов занятости и бурный рост спроса на некоторые специальности, доступные мигрантам, является онлайн-торговля товарами и услугами, которая, с одной стороны, создает дополнительные рабочие места в сфере обеспечения приема и доставки заказов, и с другой стороны – стимулирует рост данных отраслей и занятость в них сотрудников традиционных специальностей. Обратной стороной ускоряющейся миграции в мегаполисы, стимулируемой указанными факторами, является быстрое сокращение занятости в сельском хозяйстве, а также снижение численности сельского населения и его доли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. 2025 [*Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan.* 2025 (in Russian)]. https://stat.gov.kz/ru/ (дата обращения: 20.07.2026).

Гайсина С.Н., Чуланова З.К., Джумашев Н.М. Социально-экономические риски внутренних миграционных процессов и их влияние на социальнотерриториальную мобильность населения Казахстана. *Economy: Strategy and Practice*. 2023. No. 3. С. 174–188 [Gaysina S.N., Chulanova Z.K., Dzhumashev N.M. Socio-Economic Risks of Internal Migration Processes and Their Impact on the Socio-Territorial Mobility of the Population of Kazakhstan. *Economy: Strategy and Practice*. 2023. No. 3. Pp. 174–188 (in Russian)].

Занятое население по ВЭД. *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.* 2025 [Employed population by TEA. *Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan.* 2025 (in Russian)]. https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/ (дата обращения: 26.11.2025).

Калиева С.А., Мельдаханова М.К. Особенности трудовой миграции в Республике Казахстан. *Общество и экономика*. 2017. № 9. С. 150–171 [Kalieva S., Mel'dakhanova M. Features of labor migration in the Republic of Kazakhstan. *Society and economy*. 2017. No. 9. Pp. 150–171 (in Russian)].

Кусманова А., Сейдуманов С.Т. Особенности процессов внутренней миграции и формирование новых центров притяжения внутренних мигрантов в Казахстане. *Казахстан-Спектр*. 2021. № 1. С. 54–68 [Kusmanova A., Seidumanov S.T. Features of Internal Migration Processes and the Formation

of New Centers of Attraction for Internal Migrants in Kazakhstan. *Kazakhstan-Spectrum*. 2021. No. 1. Pp. 54–68 (in Russian)].

Об использовании информационно-коммуникационных технологий на предприятиях Республики Казахстан. *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.* 2025 [On the use of information and communication technologies at enterprises of the Republic of Kazakhstan. *Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan.* 2025 (in Russian)]. https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-it/ (дата обращения: 1.12.2025).

Основные индикаторы рынка труда по регионам РК. *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.* 2025 [The main indicators of the labor market by regions of Kazakhstan. *Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan.* 2025. (in Russian)]. https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/ (дата обращения: 28.11.2025).

Сальдо миграции по всем потокам (по годам). *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.* 2025 [Balance of migration for all flows (by years). *Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan.* 2025. (in Russian)]. https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables (дата обращения: 26.11.2025).

Самостоятельная занятость. *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.* 2024 [Self-employment. *Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan.* 2024. (in Russian)]. https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/spreadsheets/?year=&name=19126&period=&type= (дата обращения: 20.11.2025).

Серикжанова С.С., Жанузакова А.А. Мотивы внутренней миграции населения в Казахстане: сравнительный анализ на примере трех крупнейших городов. *Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии*. 2022. № 2. С. 219–230 [Serikzhanova S.S., Zhanuzakova A.A. Motives of internal migration in Kazakhstan: a comparative analysis on the example of three large cities. *The Journal of Psychology and Sociology.* 2022. No. 2. Pp. 219–230 (in Russian)].

Среднемесячная заработная плата по видам экономической деятельности в Республике Казахстан. *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.* 2025 [The average monthly nominal salary of employees according to the structure of the wage fund by type of economic activity. *Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan.* 2025. (in Russian)]. https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-wags/dynamic-tables/ (дата обращения: 27.11.2025).

Численность населения (по годам). *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.* 2025 [Population (by years). *Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan.* 2025. (in Russian)]. https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/ (дата обращения: 26.11.2025).

Шафоростова С.Н. Мотивы миграции молодежи из сельской местности в города. *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2020. № 12. С. 162–164 [Shaforostova S.N. Motives for Youth Migration from Rural Areas to Cities. *Sociology in the modern world: science, education, creativity*. 2020. No. 12. Pp. 162–164 (in Russian)].

Berg A., Buffie E.F., Zanna L-F. Should We Fear the Robot Revolution? (The Correct Answer is Yes). *Journal of Monetary Economics.* 2018. Vol. 97. Pp. 117–148.

Clark K., Drinkwater S. Pushed out or pulled in? Self-employment among ethnic minorities in England and Wales. *Labour Economics.* 2000. Vol. 7(5). Pp. 603–628.

Czaika M., Reinprecht C. Drivers of Migration: a Synthesis of Knowledge. *IMI Working Paper Series*. 2020. Vol. 163. Pp. 1–45.

Danzer A.M., Dietz B., Gatskova K., Schmillen A. Showing off to the New Neighbors? Income, Socioeconomic Status and Consumption Patterns of Internal Migrants. *IOS Working Papers.* 2013. No. 330. https://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:101:1-201307308949 (assessed 12.06.2025).

de Wenden C.W. Migrations in the Mediterranean Region. *IEMed Mediterranean Yearbook 2015*. https://www.iemed.org/publication/migrations-in-the-mediterranean-region/ (assessed 12.06.2025).

Fairlie R.W., Meyer D.B. Ethnic and Racial Self-Employment Differences and Possible Explanations. *Journal of Human Resources*. 1996. Vol. 20. Pp. 757–793.

Fei J.C.H., Ranis G. Development of the Labour Surplus Economy: Theory and Policy. *The Economic Journal.* 1967. Vol. 77. Pp. 346–349.

Fisher M., Lewin P.A. Push and Pull Factors and Hispanic Self-Employment in the USA. *Small Business Economics*. 2018. Vol. 51. Pp. 1055–1070.

Giambra S., McKenzie D. Self-employment and Migration. *World Development.* 2021. Vol. 141, 105362.

González Chapela J., Jiménez-Martín S., Vall Castello J. Education and Internal Migration: Evidence from a Child Labor Reform in Spain. *SERIEs.* 2023. Vol. 14. Pp. 143–164.

Green A. Understanding the Drivers of Internal Migration. Eds.: T. Champion, T. Cooke, I. Shuttleworth. *Internal Migration in the Developed World: Are We Becoming Less Mobile?* Routledge. 2017. Pp. 31–55.

Harris J., Speare A. Education, Earnings, and Migration in Indonesia. *Economic Development and Cultural Change.* 1986. Vol. 34. Pp. 223–244.

International Organization for Migration (IOM), Jul 17 2024. *DTM Kazakhstan – International Migrant Workers Survey (Round 3)*. IOM, Kazakhstan. https://dtm.iom.int/reports/kazakhstan-international-migrant-workers-survey-round-3 (assessed 23.07.2025).

Knuepling L., Sternberg R., Otto A. Rural Areas as Winners of COVID-19, Digitalization and Remote Working? Empirical Evidence from Recent Internal Migration in Germany. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society.* 2024. Vol. 18. Pp. 227–248.

Kraas F. Megacities and Global Change in East, Southeast and South Asia. *ASIEN – The German Journal of Contemporary Asia*. 2007. No. 4. Pp. 9–22.

Manuel N. Migration and Self-Employment: the Case of Internal Migrants. *Journal of Business Economics*. 2024. Vol. 94. Pp. 613–637.

McQuillan K. Economic Factors and Internal Migration: The Case of Nineteenth-Century England. *Social Science History.* 1980. No. 4. Pp. 479–499.

Resosudarmo B.P., Suryahadi A., Purnagunawan R., Yumna A., Yusrina A. The Socioeconomic and Health Status of Rural-Urban Migrants in Indonesia. X. Meng, C. Manning, L. Shi, T.N. Effendi (eds.) *The Great Migration: Rural-Urban Migration in China and Indonesia.* Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2010. Pp. 178–193.

Stark O., Taylor J.E. Migration Incentives, Migration Types: the Role of Relative Deprivation. *The Economic Journal*. 1991. Vol. 101. Pp. 1163–1178.

Sugiyarto E., Deshingkar P., McKay A. Internal Migration and Poverty: A Lesson Based on Panel Data Analysis from Indonesia. K. Jayanthakumaran, R. Verma, G. Wan, E. Wilson (eds.) *Internal Migration, Urbanization and Poverty in Asia: Dynamics and Interrelationships*. Singapore: Springer, 2019. Pp. 117–141.

Tabassum S., Eapen L.M. Nature of internal labor migration in India: do education and digitalization matter? *Digital transformation of society, economics, management and education: Proceedings of the III International Conference.* Ekaterinburg: Ural Federal University, 2020. Pp. 267–283.

Takashi H. Measuring rural-urban disparity with the genuine progress indicator: A case study in Japan. *Ecological Economics*. 2015. Vol. 120. Pp. 260–271.

Tsapenko I.P. Forced Mobility and Immobility in a Turbulent World. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91. Pp. 525–534.

Tulibaleka P.O., Katunze M. Rural-Urban Youth Migration: the Role of Social Networks and Social Media in Youth Migrants' Transition into Urban Areas as Self-employed Workers in Uganda. *Urban Forum.* 2024. Vol. 35. Pp. 329–348.

Williamson J.G. Regional Inequality and the Process of National Development: A Description of Patterns. *Economic Development and Cultural Change.* 1965. Vol. 13. Pp. 3–47.

Zuo M., Zhao Y., Yu S. Industrial Robot Applications and Individual Migration Decision: Evidence from Households in China. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol.11, 1022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДОДОНОВ Вячеслав Юрьевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алма-Ата, Казахстан.

Vyacheslav Yu. DODONOV, DSc (Economics), Chief Research Fellow, Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan.

DOI: 10.31696/S086919080039111-9

ТУВИНЦЫ КИТАЯ В XXI в.: ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И РОДОВОЙ ДИСКУРС

© 2026

Ж.М. ЮША [a]

[a] – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-4076-4553; zhanna-yusha@yandex.ru

Резюме: *Этнические тувинцы Китая проживают в многонациональном Алтайском аймаке Или-Казахской области Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики (КНР), расположенного в северо-западной части страны. Китайские тувинцы, несмотря на то, что живут в отрыве от материнского этноса, в иноэтничной среде продолжают сохранять идентичность, сплоченность, язык и народную культуру. В работе показано современное дисперсное расселение китайских тувинцев, проживающих в семи населенных пунктах Алтайского аймака. Выявлены случаи миграций тувинского населения в города районного значения, вызванные закрытием средних школ в деревнях их постоянного проживания. Охарактеризован современный этнический состав тувинцев, состоящий из 11 родоплеменных групп, в котором встречаются случаи распада групп на мелкие родовые подразделения, а также объединение некоторых родовых групп в один большой сеок. Отмечено, что большинство родоплеменных групп имеется у тувинцев Монголии и России, что указывает на их общность, длительное совместное проживание. Однако у тувинцев Монголии больше совпадений, для них характерны наличие таких же родовых подразделений, в то время как у тувинцев России некоторые отсутствуют. Рассмотрены представления о родовой группе, содержащие архаические воззрения о том, что люди одного рода имеют «одинаковые кости и кровь», из-за чего существуют определенные запреты и правила экзогамии, которые действуют в тувинской среде по настоящее время в условиях иноэтничного окружения. В устной традиции тувинцев изучен родовой дискурс, который представлен преданиями о родоплеменных группах и их подразделениях, о первопредках родовых групп и об истории происхождения родов, которые принимаются слушателями за достоверные сведения. В исторических преданиях повествуются о недавно существовавшей обрядовой практике, посвященной разрыву кровных связей между подразделениями одного рода, а также о случаях вхождения других народов в этнический состав тувинцев.*

Ключевые слова: тувинцы Китая, анклавная традиция, современное расселение, представления о родовой группе, этнический состав, родовой дискурс

Для цитирования: Юша Ж.М. Тувинцы Китая в XXI в.: этнический состав и родовой дискурс. *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 198–209. DOI: 10.31696/S086919080039111-9

TUVANS OF CHINA IN THE 21ST CENTURY: ETHNIC COMPOSITION AND GENERIC DISCOURSE

© 2026

Zhanna M. YUSHA [a]

[a] – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-4076-4553; zhanna-yusha@yandex.ru

Abstract: *Ethnic Tuvans of China are a small group living in the multinational Altay aimag of Ili-Kazakh region of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of People's Republic of China. Chinese Tuvans, despite the fact that they live in isolation from their mother ethnic group, continue to preserve their identity, unity, language and folk culture in a non-ethnic environment. The paper shows the modern dispersed settlement of Chinese Tuvans living in seven settlements of the Altai Aimag. The modern ethnic composition of Tuvans, consisting of 11 tribal groups, is characterized, in which there are cases of groups breaking up into small tribal divisions, as well as the unification of some tribal groups into one large group. It is noted that the Tuvans of Mongolia and Russia have the majority of tribal groups, which indicates their commonality and long-term cohabitation. However, the Tuvans of Mongolia have more similarities; they are characterized by the presence of the same generic divisions. The ideas about the ancestral group are considered, containing archaic views that people of the same genus have the "same bones and blood", which is why there are certain prohibitions and rules of exogamy that operate in the Tuvan environment to this day. In the oral tradition of Tuvans, the tribal discourse has been studied, which is represented by legends about tribal groups and their divisions, the first ancestors of the tribal group and the history of the clans' origin, which are accepted by listeners as reliable information.*

Keywords: Tuvans of China, enclave tradition, modern settlement, views on the tribal group, ethnic composition, generic discourse

For citation: Yusha Zh.M. Tuvans of China in the 21st century: ethnic composition and generic discourse. *Vostok (Oriens)*. 2026. No.4. Pp. 198–209. DOI: 10.31696/S086919080039111-9

В настоящее время этнические тувинцы Китая расселены в Алтайском аймаке Или-Казахской области Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР; в паспортах тувинцы записаны монголами, поэтому отсутствует их официальная статистика. До середины XX в. китайские тувинцы не были известны мировой науке, поэтому в китайской научной среде их называли неисследованной этнической группой, говорящей на монгольском языке. Некоторые ученые принимали их за монголов или казахов, их родной язык относили к диалекту казахского языка [Юша, 2018(2), с. 46–47]. Лишь в 1956 г. первый исследователь языка китайских тувинцев Г. Шимин доказал, что их язык – диалект тувинского языка, а сами они – тувинцы [Shimin, 2005, p. 409].

Китайским тувинцам посвящена научная литература в области языка, фольклора, этнографии [Монгуш, 1997; 2010; Shimin, 2005; Mawkanuli, 2005; Нанкуаймодыгы, 2009; Чжэнгчунг, 2016; Юша, 2017(3); 2018(2); Олзей, 2022 и др.]. Актуальность и новизна настоящей работы обусловлена необходимостью научного описания и рассмотрения этнического состава и родового дискурса китайских тувинцев. Цель статьи – описать современное расселение китайских тувинцев в СУАР, выявить представления о родовой группе, охарактеризовать этнический состав китайских тувинцев, проанализировать родовой дискурс,

выполняющий основную роль в самоопределении тувинской идентичности. Источниками исследования послужили полевые материалы автора, зафиксированные в местах проживания китайских тувинцев в СУАР в 2010–2018 гг.

СОВРЕМЕННОЕ РАССЕЛЕНИЕ

В 1757 г. после разгрома Джунгарского ханства Цинской империей тувинцы, кочевавшие южнее, оторвались от основной массы тувинцев и оказались в составе Западной Монголии. Часть этнических тувинцев переселилась на территорию современного Синьцзян-Уйгурского автономного района [Маннай-оол, 2004, с. 115]. Дальнейшие исторические события XX в. – Синхайская революция, падение Цинской империи, образование Тувинской и Монгольской Народных Республик, вхождение Тувы в состав СССР – все эти факторы напрямую повлияли на дальнейшую судьбу и культуру тувинцев, оказавшихся на территории трех разных стран: России, Китая и Монголии.

В современный период китайские тувинцы расселены в населенных пунктах Алтайского аймака Синьцзян-Уйгурского автономного района: Ак-Хава (白哈巴), Ханас (哈纳斯), Хом (禾木), Чунгур (冲乎尔), Ала-Хаак (阿勒哈阿克), Кок-Догай (可可托海), Тамыкы (铁买克), Бейтун (北屯), совместно с численно преобладающим казахским населением. Тувинские семьи имеются также в трех городах СУАР: Хава (哈巴), Буршин (布尔津), Алтай (阿勒泰). Территория проживания тувинцев является дисперсной и образует три «очага». Основное тувинское население проживает в трех деревнях Ак-Хава – Ханас – Хом. В 180 км от названных деревень находится деревня Ала-Хаак, в 200 км город Буршин, далее в 240 км – город Хава. В 100 км от деревни Хом расположена деревня Чунгур. В значительном отдалении от них, в южной части Алтайского аймака, на границе с Ховдинским аймаком Монголии, находятся деревня Тамыкы и райцентр Кок-Догай, а также город Бейтун, где проживают тувинцы [Юша, 2017(3), с. 30].

В 2015 г. в связи с образовательной политикой укрупнения малокомплектных школ в СУАР старшие классы монгольских школ деревень Ак-Хава и Хом были переведены в городские школы Хава и Буршин. Затем с 2022 г. средние школы, функционировавшие в Ак-Хаве, Ханасе и Хоме, вовсе закрылись. Поэтому сейчас школьники из названных уездов вынуждены обучаться в китайских школах административных центров, в которых тувинские семьи специально покупают жилье, чтобы не отдавать детей в школьные интернаты.

Из-за данного обстоятельства возникла ситуация, когда в течение года члены одной семьи живут на расстоянии на два дома (в городе и деревне) и ведут раздельное хозяйство, чего раньше в кочевой и деревенской жизни никогда не практиковалось. Сейчас обычно молодые женщины с детьми школьного возраста проживают в городе, тогда как мужчины – главы семейств – вынуждены оставаться в деревне – ухаживать за скотом, обслуживать приезжих туристов, поскольку финансовый доход многих семей напрямую связан с туристической деятельностью. Воспитание детей стало уделом только женщин, тогда как мужчины из-за раздельного проживания не участвуют в домашних делах и не видят взросление своих детей, так как они ведут в одиночку хозяйство в деревне. Как правило, тувинские семьи кратковременно воссоединяются только во время летних школьных каникул или в период продолжительных праздников – китайский новый год, майские выходные дни и др.

В мультикультурном Синьцзяне, в одном из главных регионов Великого Шелкового пути, с давних пор имели место тесные контакты различных народов, и во многих случаях происходила постепенная ассимиляция малочисленных этносов, которые вошли в состав крупных объединений. Так, С.И. Абрамзон, исследуя этногенез киргизов Китая, установил, что небольшая группа тувинцев (группа кок-мончак) в прошлом вошла в их состав

[Абрамзон, 1971, с. 121]. В наши дни среди китайских тувинцев, которые территориально разобщены от основной этнической массы, также наблюдается подобное явление. К примеру, тувинцы, жившие в районах Кок-Догая и Чингила, утратили родной язык, ассимилировались и идентифицируют себя как монголы. Случаи ассимиляции тувинцев произошли и в пределах родоплеменной группы. Например, если большинство представителей рода *ак соян* проживает среди основной массы тувинцев и имеет тувинскую идентичность, то некоторая часть этого рода, живет отдаленно от своих родственников в деревне Шемишек и городе Алтае, сейчас не владеет родным языком и относит себя к монголам.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДОВОЙ ГРУППЕ

В рамках этнической идентичности до настоящего времени у тувинцев большую роль выполняют слаженные механизмы функционирования родственных связей и родовая идентичность. Согласно представлениям тувинцев, родство *сөөк* (сеок) определяется по отцовской линии, поэтому дети принадлежат к роду отца; люди одного рода имеют «одинаковые кости и кровь», из-за чего тувинцы негативно относятся к бракам внутри одного сеока, к так называемому кровосмешению. В речевой культуре китайских тувинцев до сих пор проявляется актуализация принципов родовой идентичности. Так, встречая незнакомого человека, принято расспрашивать его о том, какого он рода-племени, что является важным условием для установления с ним этикетных и поведенческих отношений.

Традиционное знание о родовой идентичности представляет собой одну из морально-этических ценностей в тувинском обществе, поэтому у китайских тувинцев не только пожилые, но и молодые знают свою родословную в пределах семи-девяти поколений, поскольку эти знания считаются необходимыми при выборе брачного партнера. Как и в прошлом, молодое поколение с детства хорошо осведомлено о своей принадлежности к определенному сеоку, что говорит о преемственности и трансляции исторической памяти. В разговорной практике китайских тувинцев при перечислении предыдущих поколений до сих пор сохраняется обычай называть имена мужчин; лишь в редких случаях упоминается количество женщин, поскольку родство идет по отцовской линии. Например, 75-летний Кызыл-Боовей так рассказывал о своих корнях: «Вот у нас есть семь поколений предков. Самым старшим предком был Чочу. Потом сын Чочу Когедей. Сын Когедея – это Кыпшак. Сын Кыпшака – Сандык. Сын Сандыка – Таажык. Сын Таажыка – Кондувай. Старший сын Кондувая – Тонгулак-Озер, второй сын – Майан, это мой отец. Третий его сын – Шимит, четвертый сын – Чынгыр. От одного отца четверо сыновей и одна дочь родились» [Юша, 2017(3), с. 7].

По свидетельству респондентов, в прошлом если ответвление одного рода в условиях экзогамии разрасталось, то после семи-девяти поколений проводили необычный обряд, основанный на поверье, что после семи-девяти поколений у представителей разных подразделений одного рода происходит смена крови. По этому случаю две патронимии одной родоплеменной группы, имевшие общего предка в семи поколениях, проводили обряд разрезания волосяного аркана, символизировавшего прерывание между ними кровной связи. Верили, что после совершенного обряда представители этих родов в будущем могли между собой заключать браки [Юша, 2017(1), с. 108]. Эти представления подтверждаются материалами М.В. Монгуш, записанными в 1993 г.: «Многие пожилые информаторы утверждали, что обычно после седьмого поколения от общего предка род у них разрастается настолько, что на его основе образуется уже два самостоятельных экзогамных рода, которые в отличие от предыдущих могут обмениваться невестами» [Монгуш, 1997, с. 42].

Судя по нашим экспедиционным материалам, в тувинской среде вплоть до начала XXI в. проводили вышеописанный обряд. К примеру, до середины XX в. роды *кызыл-соян* и *хара-соян* не состояли в брачных отношениях, т.к. являлись выходцами из одного большого рода. В наши дни они признаются самостоятельными, их потомки могут заключать между собой браки, поскольку был проведен вышерассмотренный обряд (Полевые материалы автора в 2016 г. – далее ПМА 2016), который не был зафиксирован у тувинцев России и Монголии.

В современной свадебной традиции китайских тувинцев также соблюдаются экзогамные запреты, что можно продемонстрировать на примере невесты. Новобрачная как чужеродка поклоняется домашнему очагу жениха, вступая под защиту духов-покровителей родни мужа. Невеста на протяжении своей жизни также должна соблюдать словесные и акциональные запреты по отношению к свекру, проявлять к нему почтение [Юша, 2018(2), с. 255]. Замужней женщине как чужеродке нельзя подниматься на священные горы рода мужа; подобный обычай зафиксирован у ряда тюрко-монгольских народов: алтайцев [Шатинова, 1981], бурят [Басаева, 1991], российских и монгольских тувинцев [Юша, 2017(2)]. В то же время у тувинцев, как и у других тюрко-монгольских народов, почитаемым человеком является родной дядя по материнской линии, который должен быть главным участником семейных обрядов.

До XX в. представители каждого рода имели охотничьи и пастбищные угодья, которые передавались в наследство по мужской линии [Юша, 2018(1), с. 33]. В наши дни тувинские роды компактно расселены в местах проживания их предков, в памяти народа живы названия местностей и ритуальных сооружений, принадлежавших разным родам. Например, в местной топонимике сохранились названия охотничьих угодий Тайбын Бээзи, Сарул и Кок-мончак хошунов[1].

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ТУВИНЦЕВ КИТАЯ

В период господства Цинской империи (1757–1911 гг.), основываясь на родоплеменном делении, тувинские и монгольские племена, расселенные на Китайском Алтае, были разделены на две области, 7 хошунов (районов), состоящих из 27 поселений (сомон). В состав Зуунгар входили 4 хошуна, имеющие 15 сомонов; в состав Баруунгар – 3 хошуна, которые имели 12 сомонов [Нанкуаймодыгы, 2009]. Подобную практику административно-территориальной реформы цинские власти осуществили и в Туве [Маннай-оол, 2004, с. 115].

В настоящее время родовая структура китайских тувинцев также сохраняется, их наличие не только отражает сложный процесс формирования тувинского этноса, но и играет важную роль при определении современной тувинской идентичности, характерной для тувинцев Китая. Вопросы этнической истории китайских тувинцев все еще остаются неизученными; в частности, М.В. Монгуш отметила: «Родоплеменная структура у мончаков (тувинцев. – *Ж. Ю.*) чрезвычайно сложная, и разобраться в ней за один полевой сезон фактически невозможно» [Монгуш, 1997, с. 12].

Современный этнический состав тувинцев Китая состоит из одиннадцати основных родовых групп (*сөөк*): *иркит, хөйүк, чаг-тыва, ак-соян, кара-сал, кара-тош, кызыл-соян, хойт*, *делег, калга, хаа-дарган*. Из них 5 родов такие, как *иркит, хөйүк, чаг-тыва, кара-сал, кызыл-соян* подразделяются на более мелкие патронимии (*салаа*) [Юша, 2018(1), с. 31]. В диалектной речи китайских тувинцев слово «*сала*» выступает только в значении «ответвление рода», в то время как у российских тувинцев «*сала*» обозначает «пальцы рук и

[1] Хошун – административно-территориальная единица, была принята в Монголии, Внутренней Монголии, Туве (тув. вар. кожуун).

ног человека». На диалекте китайских тувинцев для пальцев рук и ног используется слово «*савыр*». Следует отметить, что название главного сеока в подгруппах этого рода устойчиво сохраняется, однако к нему прибавляется прилагательное, содержащее дополнительное сведение об особенностях той или иной патронимии, образуя парный этноним.

В состав родственной группы *иркит* входят следующие семь подгрупп: *улуг иркит*; *адай иркит (*вар. – *конгуту иркит)*; *шункуур иркит; моол иркит; боос иркит; калчан иркит; ак иркит*. Представители *иркит* в наши дни проживают в Ак-Хаве, Ала-Хааке, Тамыкы, Кок-Догае. У российских тувинцев в период Цинской империи род *иргит* входил в составы Хасутского, Оюннарского и Даа хошунов, но не имел мелких патронимий [Маннай-оол, 2004, с. 112–113], по сравнению с китайскими тувинцами. Этноним *адай* зафиксирован на территории Тувы в составе Кемчикского хошуна в начале XX в. в работах Н.Ф. Катанова [Катанов, 1903, с. 284–285] и Г.Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 15]. В отличие от *адай иркит*, парный этноним *адай-монгуш* фиксировался в Туве в Барун-Хемчикском и Дзун-Хемчикском кожуунах [Татаринцев, 1995, с. 103], но в современное время первая часть данного этнонима не употребляется.

Другой родоплеменной группой, имеющей разветвленные подгруппы, является сеок *хөйүк,* представители которого проживают в Ак-Хаве, Ала-Хааке, Тамыкы, Кок-Догае. Этот род подразделяется на восемь патронимий: *кара-хөйүк; хаа-хөйүк; хөртүгөш-хөйүк; донгак-хөйүк; хүндүгеш-хөйүк, монгуш-хөйүк, хойт хөйүк, шанагаш-хөйүк* [Юша, 2017(3), с. 34]. Среди тувинцев приграничной зоны с Монголией выделяется подразделение *казак хөйүк,* что соответствует одноименной подгруппе монгольских тувинцев. В некоторых случаях род *хөйүк* китайские тувинцы именуют *донгак*, подразумевая имя первопредка этого сеока. Поэтому род *донгак* в составе тувинцев России, китайские тувинцы признают близкородственным к сеоку *хөйүк*. Также имеются случаи, когда этноним рода не совпадает, но он считается родственным. Например, китайские тувинцы считают, что сеок *монгуш* из Тувы также является близкородственным к роду *хөйүк*.

Сеок *хөйүк* со схожими подгруппами (*монгуш-хөйүк, донгак-хөйүк, хаа-хөйүк*) имеется у тувинцев Монголии [Аранчын, 1975, с. 215]. Родоплеменная группа *хөйүк была у тувинцев-тоджинцев, но в начале XX в. из-за разразившейся оспы род вымер* [Вайнштейн, 2009, с. 35]; *род хөйүк был зафиксирован в конце XX в. и в Тере-Холе* [Серен, 2006, с. 7].

У китайских тувинцев родоплеменная группа *чаг-тыва* объединяет в себя две группы, которые характеризуются эпитетами *кара* «черный», *сарыг* «желтый»: *сарыг чаг-тыва*; *кара чаг-тыва*. Представители *чаг-тыва* проживают в Ак-Хаве, Ала-Хааке, Тамыкы, Кок-Догае. У *чаг-тыва* «второй компонент полностью совпадает или является тождественным с общим самоназванием тувинцев (в том числе западномонгольских) – тыва [дыъва]» [Татаринцев, 1995, с. 109]. Первоначальное значение слова *чаг-тыва*, как считает Б.И. Татаринцев, близко древнему *йак йагук* (*йавук*) и имеет следующую семантику: «близкие, родственники»; «свои, близкие люди тыва» [Татаринцев, 1995, с. 110]. У тувинцев сумона Буянт Монголии кроме *сарыг чаг-тыва* и *кара чаг-тыва* имеется *ак чаг-тыва* [Аранчын, 1975, с. 213], но в современной Туве род *чаг-тыва* отсутствует.

Сеок *кара-сал* (вар. *кара-соян*) у китайских тувинцев подразделяется на *ак-даяак* и *көк-даяак* [Юша, 2017(3), с. 35]. Несмотря на то, что этот род имеется в родовой структуре монгольских и российских тувинцев, патронимии *ак-даяак* и *көк-даяак* у них не зафиксированы. В отличие от тувинцев Китая, у монгольских тувинцев род *кара-соян* распадается на шесть патронимий [Маннай-оол, 1995, с. 59].

Род *кызыл-соян* у китайских тувинцев имеет две патронимии: *толубай* и *сандык* [Юша, 2017(3), с. 35]. По сведениям информантов, представители сеока *калга* (халха-монголы) включены в родоплеменную группу *кара-тош* (*хара-тош)*, из-за чего они иногда име-

нуют себя *калга-хара-тош*, где присутствует монгольский род *калга*. У тувинцев Китая род *ак-соян* не имеет мелких патронимий, тогда как род *ак-соян* у монгольских тувинцев подразделяется на подгруппы: *сарыглар, агбан, делег, бургуут, тос кириш, казак-кыргыс, шуудак, оюн* [Маннай-оол, 1995, с. 59].

Если в большинстве случаев родовые группы китайских тувинцев подразделяются на мелкие подразделения, то присутствует и такой факт, – несколько сеоков объединяются в большой род *дөрт сумун* (вар. *мончак),* куда входят четыре рода: *чаг-тыва, иркит, хойт, хөйүк* [Юша, 2018(2), с. 32]. Однако этноним *мончак* для других народов служит обозначением всех тувинцев. Подобный случай был у российских тувинцев, которых в русских источниках с XVII в. и вплоть до начала XX в. именовали чаще всего *сойотами*; термин произошел от тувинского этнонима *соян* [Маннай-оол, 2004, с. 132–133].

В современный этнический состав китайских тувинцев вошли и другие народы. В начале XX в. из Горного Алтая в Китай перекочевали алтайские сеоки *делег* и *шанагаш*, которые вошли в тувинские роды и ассимилировались с китайскими тувинцами. В наши дни их потомки не владеют алтайским языком, имеют тувинскую идентичность, хотя помнят, что их предки пришли с Алтая [Юша, 2017(1), с. 105].

В местах компактного расселения тувинцев поселения состоят из родоплеменных групп. Нами зафиксировано, что в Ак-Хабе, Ала-Хааке, Кок-Догае и Тамыкы живут представители *дөрт сумун*; в Ханасе – сеоки *кызыл-соян, ак-соян;* в Хоме – роды *хара-тош, хара-сал, ак-соян*. При этом в условиях соблюдения родовой экзогамии в местах проживания определенного сеока представителями других родов обычно являются замужние женщины, переехавшие к супругам [Юша, 2017(3), с. 36].

В сопоставительном плане можно отметить, что большинство родоплеменных групп, присутствующих в родовом составе тувинцев Китая, имеются у тувинцев Монголии и России, что указывает на их общность, тесные связи и длительное совместное проживание на общей территории. Однако всё же у тувинцев Монголии имеется больше совпадений с тувинцами Китая, для них характерно наличие таких же родовых подразделений, как у китайских тувинцев, в то время как у тувинцев России они отсутствуют. Это можно объяснить близостью территорий проживания китайских и монгольских тувинцев, а также тем, что после Синьхайской революции 1911 г., несмотря на существующие границы, по данным Э. Таубе, постоянные тайные контакты между тувинцами Монголии и Китая сохранялись до середины XX в. [Таубе, 1994, с. 8].

В родовом составе современных российских тувинцев не зафиксированы следующие роды, характерные для китайских тувинцев: *чаг-тыва, хойт, калга, хаа-дарган, шанагаш-хөйүк.* В материнском поле присутствуют сеоки, не входящие в родовую структуру китайских тувинцев: *чооду, маады, ондар, тулуш, тумат, кыргыс, сарыглар, кужугет, куулар, монгуш, саая, шалык, хомушку, салчак, сат, оюн, хертек, ховалыг, байкара, бараан, ак* [Юша, 2017(3), с. 35]. О перечисленных родовых группах, имеющихся в этническом составе тувинцев России, у китайских тувинцев в наши дни отсутствуют какие-либо сведения.

РОДОВОЙ ДИСКУРС

В современных условиях малочисленности этноса и оторванности от тувинцев, живущих в Монголии и России, в среде китайских тувинцев широко обсуждаемыми темами являются вопросы происхождения своего народа, принадлежность людей к определенным родоплеменным группам и осмысление исторического прошлого. В народной среде идет активный поиск своих истоков и корней в традиционной мифологии, преданиях и исторических повествованиях. Поэтому неслучайно в устной традиции китайских тувинцев

устойчивыми оказались предания, повествующие о происхождении, об истории тех или иных родовых групп.

Главным признаком родовых преданий, которые передаются изустно, является их установка на достоверность сообщаемого. Слушатели верят, что в преданиях описываются правдивые события, конкретные люди и реальные факты из жизни. В отдельных случаях, несмотря на вымышленность или фантастичность некоторых рассказов, они также воспринимаются тувинцами как достоверные истории, которые подтверждают становление родоплеменных групп.

О тувинском роде *хөйүк* имеется предание, в котором рассказывается о человеке по имени Донгак от которого ведет свое происхождение этот род. Согласно народной этимологии сообщается, что название сеока идет от прозвища прародителя рода Донгака: «Есть еще большой сеок хөйүк, который распадается на многие подгруппы. Род хойук делится на девять подгрупп. Прежде хойук – это имя тувинца Донгака. Когда тот человек был на охоте, в то время все деревья для топки вот такими длинными-длинными отрезали, если зимой ночевали в лесу. Когда начало бревна сгорало, то оставшуюся часть приподнимали. Так вот у него перед тона всегда был в саже, потому что он поднимал и подкладывал бревна в огонь. Поэтому у этого человека во время охоты на груди всегда было грязно от сажи. Из-за этого люди, подшучивая над ним, в шутку говорили: Хөөлүг өйүк “Грудь с сажей”. Над человеком по имени Донгак во время охоты люди так подшучивали, говоря: Хөөлүг өйүк “Грудь с сажей”, а затем со временем это слово сократилось и перешло в слово хөйүк» (ПМА 2011). По материалам преданий, Донгак имел девять сыновей, и от них пошли девять ответвлений, которые относятся к роду *хөйүк*: «У человека по имени Донгак были девять сыновей, от них пошел род хөйүк. От девяти сыновей Донгака пошел род хөйүк» (ПМА 2011).

В устной традиции китайских тувинцев имеются предания о младшем сыне Донгака, которого он нашел в сугробе, завернутым в овечью шкуру. Народная память отмечает, что среди девяти сыновей Донгака был младший сын, который унаследовал его хозяйство. Этого сына Донгака называют *хөртүгеш-хөйүк*. Он является найденным сыном Донгака; он не родной его сын (ПМА 2012). Отметим, что данный рассказ созвучен с обычным правом китайских тувинцев: из всех детей семьи только младший сын должен наследовать хозяйство родителей.

В преданиях о роде *иркит* содержится сообщение о том, что этот сеок делится на семь ответвлений, присутствует объяснение семантики названий его подгрупп. По сообщению информантов, одного из иркитов называют «старший иркит – *мондукей*», поскольку раньше, когда их предки жили возле озера Балхаш, они так говорили: «Жеребенка от неожеберившейся кобылы называйте Педик-Ой, потомство от меня мондукей называйте». И с тех пор старших иркитов тувинцы стали называть мондукей. В этом же роде *иркит* имеется и другое ответвление – *адай*, вариант – *адай-иркит*. *Адай* означает имя человека, в свою очередь сыновей Адая называют адай-*иркит*, или *моол-иркит* (монгол-иркит) (ПМА 2011).

Сохранились также предания о происхождении подгруппы адай или монгол-иркит. В них говорится о том, что раньше человек из рода *иркит* привез с собой из Монголии верхом на кобыле одного мальчика, который и стал родоначальником подгруппы *кулубай-иркит*. Респонденты рассказывали, что его привезли верхом на серой кобыле, поэтому дали ему имя Хулабай, которое в настоящее время изменилось на Кулубай. Сейчас эту подгруппу называют *моол-иркит* (монгол-иркит) или *кулубай.* Кулубай – это имя того мальчика, которого привез из Монголии и вырастил человек из рода *иркит* (ПМА 2011).

Согласно преданиям, название подгруппе могли дать и по внешнему виду первопредка. Например, о группе *ак-иркит* имеется рассказ о человеке по имени Ингиилчик, у которого под глазом была большая родинка, похожая на очки. Люди, насмехаясь, называли его

Трехглазым или Ингиилчик. Сейчас *ак-иргитов* люди называют и Ингиилчик, и Трехглазый (ПМА 2011). В диалектной речи китайских тувинцев слово «*ингиилчик*» является синонимом слова «*үш-карак*», что означает «трехглазый».

О подгруппе *шункуур-иркит* рассказывается история о мальчике, ставшем первопредком. Во времена правления человека по имени Сардаа в Кок-Догае жили два мальчика, которые голодали. Когда другие люди резали мясо, один из них подполз и съел его. Мальчик по имени Адай был спокойного нрава; он не прикасался к мясу. После этого человек по имени Сардаа назвал мальчика спокойного нрава Адаем. Мальчика, который тайно подполз и съел мясо, назвали Шунгуур (ПМА 2011). В речи китайских тувинцев глагол *шунгуур* употребляется в значении «ползать».

До настоящего времени некоторые представители рода *адай-иркит* идентифицируют себя с российскими тувинцами, пришедшими с территории Тувы. Бытует цикл преданий на эту тему: Мы пришли из Кызыла, мы – красное войско Чингисхана. Чингисхан нас привел, чтобы мы сторожили границу в этих местах. После того как Чингисхан нас привел в эти земли, чтобы мы сторожили его владения, сам он уехал в Монголию. На каждой земле оставил предводителей. Человека по имени Шагаадай оставил на Зуункаре и Барыынкаре. На восточной стороне – Шагаадай, на Западной стороне – монголы (ПМА 2011). В данном примере присутствуют в какой-то мере достоверные сведения, относящиеся к периодам Монгольской (1206–1368) и Цинской империй (1757–1912). Известно, что «из урянхатов вышли нукеры Чингисхана, известные полководцы Субэдэй и Джелме, родственные связи с предками современных тувинцев не вызывают возражений у российских и монгольских исследователей» [Маннай-оол, 2004, с. 131]. По историческим данным, войска Танну-Урянхая (Тувы) в первое время после его включения в состав Цинской империи выводились в разъезды и походы без своего знамени, что задело их самолюбие. По ходатайству амбын-нойона улясутайский цзянь-цзюнь обратился к Цинскому двору с докладом, и в 1766 г. было решено вручить правителю Урянхая красное знамя. Тувинцы-воины должны были быть готовы по первому требованию цинского императора выступить на войну под его знаменами. Они обязаны были также нести караульную службу на южных и северных границах Тувы [*История Тувы*, 2001, с. 221–222].

Про род *хара-соян*, представители которого в настоящее время в основном проживают в Ханасе, имеется следующий рассказ. Внутри сеока кара-соян есть кара-соян, хойт, шанагаш, кара-тош. Был мальчик-сирота Кондербай из тувинцев. Его обменяли на монгола Иктина-Мерхина. Тот Иктин-Мерхин стал бегом-правителем кожууна. В ак и кара-соян кожуунах был сын Иктин-Мерхина Тарвыдаа. Сын Тарвыдаа – Буюн-Олчий, сын Буюн-Олчия – Сендинчап, сын Сендинчапа – Маскыржап, сыновья Маскыржапа – Серип, Комбу, Монху-Бурун. Человек по имени Монху-Бурун до сих пор живет в Ханасе. Они пришли оттуда. В Хабе люди из сеока халха-монгол ламу Ат-Баштыга в недавнем прошлом привезли его сыновья (ПМА 2012). Как видим, в данном примере перечислены только имена сыновей, поскольку по представлениям тувинцев род ведется по отцовской линии.

Имеются рассказы более позднего времени, в которых кратко объясняется народное толкование этнонима родового подразделения. Например, о группе *хара-тош* приводится наивное толкование названия рода, выразившееся в том, что *хара-тош* своровал орехи, поэтому они стали *хара-тош* (черным пнем) (ПМА 2012).

Как отмечалось выше, у тувинцев Китая до настоящего времени в свадебной традиции соблюдаются условия экзогамии. В подобной ситуации интерес представляет вариант предания о проведении обряда, который «прерывал» родство подгрупп в пределах одного сеока с помощью разрезания веревки, символизирующей кровную связь. Обратим внимание, что в нарративе главными персонажами обряда являются только молодые девушки брачного

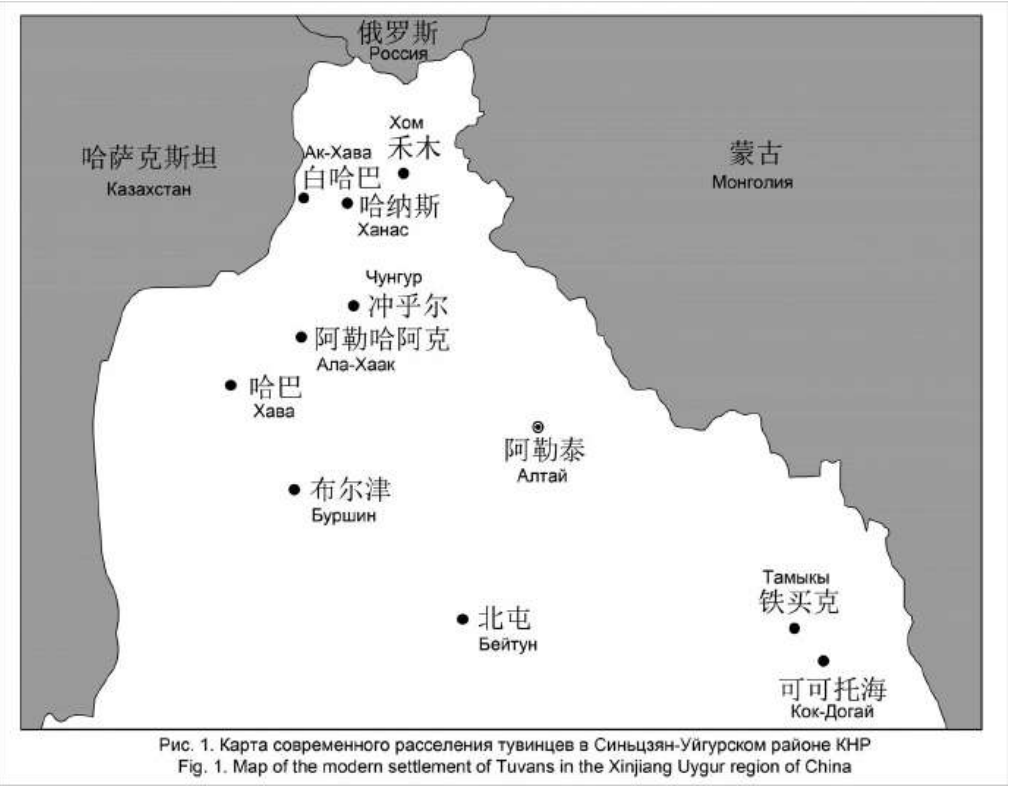

Рис. 1. Карта современного расселения тувинцев в Синьцзян-Уйгурском районе КНР
Fig. 1. Map of the modern settlement of Tuvans in the Xinjiang Uygur region of China

возраста. По словам рассказчиков, ставили дочерей братьев по двум разным сторонам. В руки им давали черную волосяную веревку, затем лама или шаман отрезал ее посередине. С отрезанием веревки они не считаются родственниками; с этого времени они могут обмениваться девушками. Этот обряд совершается только через семь-девять поколений; до этого срока им нельзя создавать семью (ПМА 2011).

В исторической памяти китайских тувинцев также отражены случаи вхождения представителей иных народов в их состав. Ярким примером исторических преданий подобного рода являются нарративы об алтайских сеоках, которых тувинская знать принудила войти в состав двух тувинских родов – *хөйүк* и *соян* – во избежание межродовых столкновений [Юша, 2017(1), с. 104], в чем большую роль сыграл и существовавший запрет находиться чужакам на родовых территориях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование является первой попыткой осветить этнический состав и родовой дискурс китайских тувинцев. Рассмотренный материал позволяет говорить о том, что тувинцы Китая в наши дни дисперсно расселены на родовых территориях, находящихся в Или-Казахской области СУАР в семи деревнях и трех городах, но большая часть тувинского населения сосредоточена в трех деревнях – Ак-Хаве, Ханасе, Хоме. Представления китайских тувинцев о родовой группе до сих пор содержат архаические воззрения, в них имеются запреты и правила экзогамии, которые действуют в условиях иноэтничного окружения. Этнический состав тувинцев Китая состоит из основных 11 родоплеменных групп, в кото-

рых встречаются случаи распада на мелкие родовые подразделения, а также объединение некоторых из них в один большой сеок. В устной традиции родовой дискурс представлен преданиями о родоплеменных группах и их подразделениях, о первопредках сеока и об истории происхождения родов, которые принимаются слушателями за достоверные сведения. В памяти китайских тувинцев сохранились исторические предания о существовавшей обрядовой практике, посвященной разрыву кровных связей между подразделениями одного рода, а также случаи вхождения других народов в состав тувинцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абрамзон С.М. *Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи.* Л.: Наука, 1971 [Abramzon S.M. *Kyrgyz People and Their Ethnogenetic, Historical and Cultural Ties*. Leningrad: Nauka, 1971 (in Russian)].

Аранчын Ю.Л. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии. *Учёные записки ТНИИЯЛИ*. Вып. 17. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1975. С. 202–218 [Aranchyn Yu.L. New Ethnographic and Philological Materials from Northwestern Mongolia. *Uchenye zapiski TNIIYALI (= Scholarly Notes of the Tuvan Institute of Humanities and Practical Studies)*. Vol. 17. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1975. Pp. 202–218 (in Russian)].

Басаева К.Д. *Брак и семья у бурят (вторая половина XIX – начало XX в.)*. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1991 [Basaeva K.D. *Marriage and Family among the Buryats (second half of the 19th – early 20th centuries)*. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo, 1991 (in Russian)].

Вайнштейн С.И. *Загадочная Тува*. М., 2009 [Vaynshtein S.I. *Mysterious Tuva*. Moscow: Nauka, 2009 (in Russian)].

Грумм-Гржимайло Г.Е. *Западная Монголия и Урянхайский край*. Т. 3. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л.: [б.и.], 1926 [Grumm-Grzhimaylo G.E. Western Mongolia and Uryankhai Region. Vol. 3. Iss. 1. Antropological and ethnographic essay on these countries. Leningrad: w/p, 1926 (in Russian)].

История Тувы: В 3 т. Под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2001 [*History of Tuva.* In 3 vols. S.I. Vaynshteyn, M.Kh. Mannay-ool (eds.) Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 2001 (in Russian)].

Катанов Н.Ф. *Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня*. Т. 1. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903 [Katanov N.F. *An attempt to study the Uryankhai language with an indication of its main relationships to other languages of Turkic origin.* Vol. 1. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta, 1903 (in Russian)].

Маннай-оол М.Х. Тувинцы Монголии: традиции и современность. *Учёные записки ТНИИЯЛИ*. Вып. 18. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1995. С. 56–61 [Mannai-ool M.Kh. Tuvans of Mongolia: Traditions and Modernity. *Uchenye zapiski TNIIYALI* (*Scholarly Notes of the Tuvan Institute of Humanities and Practical Studies*). Vol. 18. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995. Pp. 56–61 (in Russian)].

Маннай-оол М.Х. *Тувинцы: Происхождение тувинского народа*. Новосибирск: Наука, 2004 [Mannai-ool M.Kh. *Tuvans: Origin of the Tuvan People*. Novosibirsk: Nauka, 2004 (in Russian)].

Монгуш М.В. *Тувинцы в Китае: историко-этнографический очерк*. Кызыл: Эне созу, 1997 [Mongush M.V. *Tuvans in China: Historical and Ethnographic Essay*. Kyzyl: Ene sozu, 1997 (in Russian)].

Монгуш М.В. *Тувинцы Монголии и Китая: Этнодисперсные группы (История и современность)*. Новосибирск: Наука, 2010 [Mongush M.V. *Tuvans of Mongolia and China. Ethnic Dispersed Groups. History and modernity*. Novosibirsk: Nauka, 2002 (in Russian)].

Нанкуаймодыгы (南快莫德格). *Синдзянг тува рен шыхуэй венхуа тиэнйе диаоча юй йендзёу.* 新疆图瓦人社会文化田野调查与研究 (*Социальная культура тувинцев Синьцзяна*). Пекин: [б.и.], 2009. 北京, 2009 [Nankuaimodege. *Xinjiang Tuwa ren shehui wenhua tianye diaocha yu yanjiu* (Social Culture of Tuvans in Xinjiang). Beijing: w/p, 2009 (in Chinese)].

Олзей Б-О. Происхождение, развитие и эволюция музыкального инструмента шоор. *Азиатские исследования: история и современность*. 2022. № 2 (2). С. 144–158 [Olzei B-O. Origin, Development

and Evolution of the Musical Instrument “Shoor”. *Asian Studies: History and Modernity*. 2022. No. 2 (2). Pp. 144-158 (in Russian)].

Серен П.С. *Тере-Хольский диалект тувинского языка*. Абакан: Изд-во Хакасского университета, 2006 [Seren P.S. *The Tere-Khol dialect of the Tuvan language*. Abakan: Khakas University Publ., 2006 (in Russian)].

Татаринцев Б.И. Два тувинских этнонима (адай, чаг-тыва). *Ученые записки ТНИИЯЛИ*. Вып. 18. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1995. С. 102–115 [Tatarintsev B.I. Two Tuvan ethnonyms (adai, chag-tyva). *Uchenye zapiski TNIIYALI* (*Scholarly Notes of the Tuvan Institute of Humanities and Practical Studies*). Vol. 18. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995. Pp. 102–115 (in Russian)].

Таубе Э. *Сказки и предания алтайских тувинцев*. М.: Восточная литература РАН, 1994 [Taube E. *Tales and Legends of the Altai Tuvans*. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 1994 (in Russian)].

Чжэнгчунг С. (宋正纯). *Тува юй хы тува рен де дуо юй шынгхуо.* 图瓦语和图瓦人的多语生活. (*Тувинский язык и жизнь тувинцев в многоязычной среде Китая*). Пекин: [б.и.], 2016 [Song Zhengchun. Tuwa yu he Tuwa ren de duo yu shenghuo. (Tuva Language and the multi-lingual life of the Tuvan people in China]. Beijing: w/p, 2016 (in Chinese).

Шатинова Н.И. *Семья у алтайцев*. Горно-Алтайск: Алтайское книжное изд-во, 1981 [Shatinova N.I. *Family among the Altay people*. Gorno-Altaysk: Altayskoe knizhnoe izdatelstvo, 1981 (in Russian)].

Юша Ж.М. Тувинцы Китая в XXI веке: вехи истории и современное состояние. *Новые исследования Тувы*. 2017(1). № 1. С. 101–118 [Yusha Zh.M. Tuvans in 21st Century China: History and Contemporary Situation. *The New Research of Tuva.* 2017(1). No. 1. Pp. 101–118 (in Russian)].

Юша Ж.М. Фольклорно-этнографические традиции тувинцев Китая (по результатам полевой работы 2016 г.). *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2017(2). № 3 (17). С. 90–96 [Yusha Zh.M. Folklore and Ethnographic Traditions of Tuvinians of China (Based on 2016 Fieldwork). *Tomsk Journal LING & ANTHRO*. 2017(2). No. 3 (17). Pp. 90–96 (in Russian)].

Юша Ж.М. *Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XX века: структура, семантика, прагматика*. Дисс. …доктора филол.наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2017(3) [Yusha Zh.M. *Folklore and Ritual of Chinese Tuvans in the early 20th century: structure, semantics, pragmatics*. DSc Thesis. Novosibirsk: Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 2017(3) (in Russian)].

Юша Ж.М. *Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XX века. Структура. Семантика. Прагматика*. Новосибирск: Наука, 2018(1) [Yusha Zh.M. *Folklore and Ritual of Chinese Tuvans in the early 20th century: structure, semantics, pragmatics.* Novosibirsk: Nauka, 2018(1) (in Russian)].

Юша Ж.М. Проблемы сохранения родного языка китайских тувинцев. *Новые исследования Тувы*. 2018(2). № 1. С. 45–60 [Yusha Zh.M. The problem of preserving the mother tongue of Tuvans of China. *The New Research of Tuva*. 2018(2). Vol. 1. Pp. 45–60 (in Russian)].

Mawkanuli T. *Jungar Tuvan Texts*. Bloomington: Indiana University Bloomington Research Institute for Inner Asian Studies, 2005.

Shimin G. Materials on Tuvinian language of China. *Altaic Languages and Oriental Philology*. Moscow: Vostochnaya literatura RAS, 2005. Pp. 409–503.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮША Жанна Монгеевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Zhanna M. YUSHA, DSc (Philology), Leading Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31696/S086919080038805-2

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЫТ НЕИЗМЕННЫЙ, КАК И ПРИРОДА»: ЦИВИЛИЗАТОРСТВО В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ

© 2026

Б.А. АЛИМДЖАНОВ [a], К.Ш. АКБАРОВА [b]

[a] – Институт антропологии АН РУз, Ташкент, Узбекистан
ORCID: 0000-0002-8251-0201; balimdjanov@gmail.com
[b] – Институт антропологии АН РУз, Ташкент, Узбекистан
ORCID: 0009-0005-9126-1189; kaybruma@gmail.com

Резюме: *Статья посвящена анализу концепций русского цивилизаторства в Средней Азии во второй половине XIX – начале XX в. через призму взглядов знатоков региона: В. Григорьева, Н. Петровского, В. Наливкина и Н. Остроумова. Авторы реконструируют эволюцию цивилизаторского дискурса от просветительских иллюзий 1840–1860-х гг., где пресса видела в России посредника европейского «света» для «застойных» азиатских обществ, до прагматических сомнений конца XIX в. Цель исследования – сравнительный анализ взглядов четырех имперских экспертов (В. Григорьева, Н. Петровского, В. Наливкина, Н. Остроумова) как репрезентативных голосов цивилизаторского дискурса в Русском Туркестане. Метод включает контекстуализацию текстов (письма, записки, публицистика 1867–1916 гг.) в имперской прессе («Москва», «Туркестанские ведомости», «Туркестанский курьер», «Окраина») и архивных фондах (РГИА, ИВР РАН, ОР РНБ) для реконструкции эволюции концепций цивилизаторства от идеологических иллюзий к прагматическим сомнениям. Новизна заключается в первой систематической компаративной реконструкции цивилизаторского дискурса через тандем четырех имперских исследователей региона (В. Григорьева, Н. Петровского, В. Наливкина, Н. Остроумова), противопоставляя их взгляды как спектр от «мягкого» (невмешательство, пессимизм) к «жесткому» (законность, русификация) моделям. В отличие от постколониальных интерпретаций, фокусирующихся на элитах или ориентализме (С. Горшенина, А. Миллер), исследование вводит архивные письма Н. Петровского (ИВР РАН, ОР РНБ) как источник критики административного провала, объясняющий разрыв между дискурсом и практикой. Дискурс-анализ семантики («игнорирование» ислама vs. миссионерство) дополняет западные нарративы (А. Моррисон, У. Хофмайстер) локальными кризисами (восстания 1898 и 1916 гг.) как маркерами амбивалентности, предлагая модель «дискурсивного цивилизаторства» как предтечи советских политик. Выводы исследования: русское цивилизаторство оставалось сферой дискуссий среди востоковедов, не реализовавшись на практике из-за административного хаоса и локальных кризисов, при этом подготовив почву для советских экспериментов.*

Ключевые слова: Российская империя, Русский Туркестан, цивилизаторство, культура, нарратив, ориентализм

Для цитирования: Алимджанов Б.А., Акбарова К.Ш. «Политический быт неизменный, как и природа»: цивилизаторство в Русском Туркестане. *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 210–221. DOI: 10.31696/S086919080038805-2

“POLITICAL LIFE IS UNCHANGEABLE, LIKE NATURE”: CIVILIZING MISSION IN RUSSIAN TURKESTAN

© 2026

Bakhtiyor A. ALIMDJANOV [a], Kamila Sh. AKBAROVA [b]

[a] Institute of Anthropology of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan
ORCID: 0000-0002-8251-0201; balimdjanov@gmail.com
[b] Institute of Anthropology of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan
ORCID: 0009-0005-9126-1189; kaybruma@gmail.com

Abstract: *The article examines Russian “civilizing mission” concepts in Central Asia in the second half of the 19th and early 20th centuries through the lens of four key experts: V. Grigor’ev, N. Petrovsky, V. Nalivkin, and N. Ostroumov. The aim of the study is to compare and analyze the views of these four imperial experts, whose works represent distinct and influential voices within the civilizing discourse applied to Russian Turkestan. The methodology includes contextualizing their texts (letters, memoranda, and journalist works produced between 1867 and 1916) as they appeared in the Imperial press and in archival collections. The article presents the first systematic comparative reconstruction of the civilizing discourse. It contrasts their positions across a spectrum ranging from “soft” models (nonintervention, cultural pessimism) to “hard” ones (legalist governance, Russification), a perspective absent from existing biographical or thematic studies. Unlike postcolonial interpretations that focus on elites or Orientalism, this study introduces the archival correspondence by Petrovsky as an underutilized source of criticism of administrative failure, highlighting the gap between discourse and practice. The comparative method juxtaposes “soft” (Grigor’ev’s noninterventionism, Nalivkin’s cultural pessimism) and “hard” (Petrovsky’s legalism, Ostroumov’s missionary agenda) models, revealing the persistent mismatch between discourse and practice, particularly visible in the crises of 1898 and 1916. The study concludes that the Russian civilizing mission remained largely a theoretical and contested construct among Orientalists, never fully implemented in practice due to administrative disorder and local crises, and ultimately laying the groundwork for later Soviet experiments.*

Keywords: Russian Empire, Russian Turkestan, civilizing mission, culture, narrative, Orientalism

For citation: Alimdjanov B.A., Akbarova K.Sh. “Political Life Is Unchangeable, Like Nature”: Civilizing Mission in Russian Turkestan. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 210–221. DOI: 10.31696/S086919080038805-2

Под цивилизаторством в данной статье понимается комплекс представлений и практик, посредством которых государство легитимирует модернизационные преобразования общества как процесс «приобщения к цивилизации», сочетая идеологию прогресса с механизмами административного управления и интеграции периферийных регионов. Идеи русского цивилизаторства широко обсуждались в прессе в 40–60-е гг. XIX в. Журналы «Отечественные записки», «Русский вестник», «Современник», «Русское слово» и такие публицисты, как Н. Чернышевский, И. Березин, А. Казембек, Н. Добролюбов, Н. Обручев, не видели перспектив преодоления странами Востока их кризисного, застойного состояния [Овсянников, 1989, с. 63]. В 1841 г. «Отечественные записки» отмечали, что «не без мудрого преднамерения поставило Провидение Россию между Европой и Азией; через Россию и посредством России пятьсот миллионов азиатцев ожидают и должны принять благо-

детельный свет человеческого образования» [*Отечественные записки*, 1841, № 5, с. 10]. В период завоеваний идеологи империи утверждали, что «страны Средней Азии почти с допотопного времени находятся в одинаковом состоянии» [*Туркестанские Ведомости*, 1870, № 13]. Невзирая на цивилизаторский дискурс официальной прессы и администрации, представители научного сообщества признавали историческую и культурную значимость региона: «Средняя Азия, в которой ищут колыбель индоевропейской отрасли человечества, и которая служит рубежом двух самостоятельных цивилизаций старого света – арийско-семитской и китайской» [*Туркестанские Ведомости*, 1875, № 20].

Концепт «русской гражданственности» служил центральным элементом имперского цивилизаторства в Средней Азии [*Средняя Азия*, 1871; Матвеев, 2024]. Под этим термином подразумевалась культурная ассимиляция местной элиты и интеграция региона в общеимперскую институциональную среду. Двадцать пять лет спустя после создания Туркестанского генерал-губернаторства местная газета «Окраина» писала:

«Не роль просветителей и цивилизаторов (собственно говоря, мы никого особенно не просвещаем и не цивилизуем) главная в деле движения наших границ к югу, а те экономические выгоды, какие дали бы нам южные страны» [*Окраина*, 1891, № 36].

Отношение к цивилизаторской миссии было разным: исследователи края (востоковеды, географы и миссионеры) и местные чиновники по-своему понимали и трактовали ее в Средней Азии.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

В советской историографии широко обсуждался вопрос о степени развития среднеазиатского региона до его завоевания царизмом. Узбекские историки советского периода соглашались с тем, что перед завоеванием Средняя Азия находилась в глубоком кризисе и нуждалась в цивилизации и культурном прогрессе [*Материалы*, 1959, с. 8; Чехович, 1956].

В современной историографии концепция русского цивилизаторства рассматривается в неразрывной связи с проблемами колониализма, имперского строительства и национализма [Миллер, 2008; Цыряпкина, 2022], а также практиками русификации и «игнорирования» ислама [Бабаджанов, 2013]. Существуют также оригинальные трактовки русского цивилизаторства в регионе. Например, Е. Лейзерович утверждает, что «в Средней Азии скорее имело место не столкновение цивилизаций, а отказ от столкновения цивилизаций; культурные ценности автоматически взаимоотталкивались, не соприкасаясь» [Лейзерович, 2001, с. 41]. Проблемы просвещения и интеграции коренных народов в имперское пространство изучались Д. Васильевым и С. Любичанковским сквозь призму концепции аккультурации [Васильев, Любичанковский, 2019]. С. Горшенина опирается в своих исследованиях на методологию ориентализма и постколониализма. Согласно ее позиции, цивилизаторство «легитимизировало колониальные завоевания и навязывало туркестанской администрации определенные модели поведения, уже апробированные Европой» [Горшенина, 2007, с. 292].

В 90-е гг. XX в. зарубежные исследователи изучали уровень развития и культуры Средней Азии до ее завоевания русскими войсками. Э. Вейнерман в своих статьях раскрыл полемику об отсталости народов Средней Азии между московскими и периферийными историками [Weinerman, 1993]. В 2000-е гг. К. Померанц написал статью о цивилизаторской миссии России на Востоке [Pomeranz, 2005]. Англоязычные исследователи в своих трудах по Русскому Туркестану делают ударение на русификацию. «Большинство представителей царской империи понимали цивилизацию как продвижение русской культуры, – пишет У. Хофмайстер, – поэтому в русском дискурсе о Средней Азии пересекались семантические поля “цивилизации” и “русификации”» [Hofmeister, 2016]. А. Моррисон утверждает, что в

отличие от других европейских держав российский империализм был более толерантным и ориентированным на ассимиляцию [Morrison, 2012]. Одной из значимых работ, посвященных культурному освоению «Востока», является исследование В. Тольц, в котором концепция ориентализма адаптирована к анализу азиатских территорий Российской империи [Tolz, 2005]. Э. Сандерланд обращает внимание на проблемы, возникавшие при столкновении имперского проекта аккультурации пространства империи и национального русского проекта национализации территории империи с помощью колонизации [Sunderland, 2003].

В постсоветской среднеазиатской историографии вопрос цивилизаторской миссии Российской империи в регионе изучается историками Б. Алимджановым, Б. Бабаджановым, У. Абдурасуловым и А. Джумаевым [Абдурасулов, 2013; Алимджанов, 2019(2), 2024; Бабаджанов, 2013; Джумаев, 2013; Babajanov, 2014]. Среднеазиатские ученые в основном изучают цивилизаторство через призму постколониальности и ориентализма.

В. ГРИГОРЬЕВ: СОМНЕНИЯ В АКТИВНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ ЦИВИЛИЗАТОРСТВА В ТУРКЕСТАНЕ

Известный востоковед Василий Васильевич Григорьев (1816–1881 гг.) был активно вовлечен в пограничные вопросы и проблемы цивилизаторства народов Востока [Абдуллаев, 2019; Сартори, Шаблей, 2015; Семенова, 2015]. Идеи и мировоззрение В. Григорьева подробно рассмотрены историком Н. Найтом [Knight, 2000]. По мнению Н. Найта, взгляды В. Григорьева не вписываются в жесткие рамки концепции ориентализма. Н. Найт пишет:

«…идеи и опыт В. Григорьева, на мой взгляд, позволяют поставить вопрос о применимости саидовской концепции ориентализма в качестве парадигмы для понимания отношений между академической наукой и имперским господством в России» [Найт, 2005, с. 324].

Здесь мы рассмотрим лишь некоторые идеи В. Григорьева, относящиеся к цивилизаторской политике в Туркестане. В 1867 г., во время активных походов имперских войск вглубь Туркестана, В. Григорьев писал открытые письма к редактору газеты «Москва». В своих письмах он рассуждает о цивилизаторстве и о русских интересах в Средней Азии. В. Григорьев сомневался, что имперская администрация сможет цивилизовать местные народы. В. Григорьев горько отмечал:

«А потом, с чего взято, что Азии нужна европейская цивилизация, что может быть усвоена ею эта цивилизация и обратиться ей во благо, а не убьет ее окончательно? Спрашивается еще, желает ли оно (т.е. население Средней Азии. – Прим. авторов*) усвоить себе эту цивилизацию и процветать на европейский лад. Меня всегда поражала нелогичность европейской публицистики, горячо отстаивающей свободу личности, ужасающейся при мысли о вмешательстве правительства в дела домашнего очага, хотя бы и самыми благими намерениями, и в то же время, в области международного права, беззастенчиво проповедующей, что европейцы могут и даже должны заставлять азиатов жить не так как хотят они сами, а как угодно это европейцам»* [*Москва*, 1867, № 53].

В. Григорьев предлагал не заниматься цивилизаторством и не ломать местную культуру. Он настаивал на невмешательстве в религиозные практики местного населения и прекращении всяких попыток европеизации среднеазиатских народов. Позиция В. Григорьева легла в основу политики «игнорирования» ислама в Средней Азии. В. Григорьев как знаток Востока советовал имперской администрации «удержаться от цивилизационных и регуляризационных замашек», и тогда, по его мнению, «утомленные безурядицей народы Средней Азии сами станут проситься в подданство к Белому царю» [*Москва*, 1867, № 53]. Нужно отметить, что Н. Найт был не вполне точен, называя В. Григорьева «аномалией» в русском ориентализме. Взглядам В. Григорьева были в полной мере присущи характерные черты

ориентализма. В частности, его приверженность идеям цивилизаторства, которые иногда называют упрощенными, как раз и подтверждает его принадлежность к общему имперскому дискурсу того времени. А «добровольное» принятие среднеазиатскими народами русского цивилизаторства, по мнению В. Григорьева, было лишь вопросом времени.

Н. ПЕТРОВСКИЙ: ЗАКОННОСТЬ КАК БАЗА РУССКОГО ЦИВИЛИЗАТОРСТВА В ТУРКЕСТАНЕ

Николай Федорович Петровский (1837–1908 гг.) – русский дипломат, востоковед, археолог и исследователь Средней Азии, известный как консул в Кашгаре (1882–1903), где укреплял российское влияние в «большой игре» против Британии.

В 70-е гг. XIX в. Н. Петровский был специальным представителем Министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве, где контролировал расход средств. В своих письмах к Н. Ермакову Н. Петровский подробно описывал нравы местной администрации и предлагал собственные решения для улучшения управления краем. В 1872 г. Н. Петровский писал в одном из своих писем:

«Администрация Туркестанского края, о которой я, как человек и русский, не могу отзываться с похвалою, постоянно кричала и кричит о своем усердии в развитии промышленности и всяких других сил этого края, а между тем кроме самой безумной траты денег на награды, пособия и предприятия, затеваемые различными вылазами ради возможности поживиться на счет казны, ничего не сделала. Все здесь делается и делается так, чтобы било в глаза, а действительно скромно ведомые коммерческие дела не только не поощряются, а даже тормозятся» [*ИВР РАН СПб. Архив Востоковедов*, ф. 43, оп. 2, д. 6, л. 21–24].

Н. Петровский винит во всех провалах местную имперскую администрацию, которая не может справиться с местными делами и не знает, как управлять. Первый туркестанский генерал-губернатор К. Кауфман (1867–1881) в 1871 г. попытался создать Положение об управлении Туркестаном, но этот проект не был утвержден правительством. Как утверждает Н. Петровский в своем письме:

«Ни председатели, ни члены Комиссий решительно не знают к чему стремятся: к объединению ли края общими с Россией учреждениями или к местной обособленности, надо ли удерживать мусульманское право или вводить русское» [*ИВР РАН СПб. Архив Востоковедов*, ф. 43, оп. 2, д. 6, л. 32–34 об.].

Далеко не все представители имперской администрации разделяли позицию Н. Петровского. В частности, его взгляды встречали оппозицию в окружении генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, где к деятельности исследователя относились критически. Н. Петровский считал, что коррупция и разлад в управлении Средней Азией являются результатом военного управления. В неумелом управлении краем он обвинял высшее военное руководство империи. Н. Петровский постоянно критиковал местную имперскую администрацию и предлагал установить власть, которая основывалась бы на законности и праве. В этом должен был заключаться преобразующий потенциал русского цивилизаторства в Туркестане, который коренным образом отличал бы новый административный порядок от эпохи правления ханов. До конца жизни Н. Петровский считал правление Н. Кауфмана вредным для Туркестана, так как оно наносило ущерб русской власти в регионе:

«последние деяния Кауфмана граничили с безумием, и далее, не попав в дом сумасшедших, идти было некуда» [*ОР РНБ*, ф. 354, оп. 1, д. 93, л. 1–3].

В 1882 г. Н. Петровского отправили в Кашгар в качестве посла. Оттуда он внимательно следил за положением в Ташкенте. В своем письме к Д. Кобеко Н. Петровский отмечает:

«Необходимо, во чтобы ни стало, устроить нашу окраину как можно скорее, ибо (опять таки между нами) здесь может настать такой порядок вещей, который затмит собою Кауфманский. М.Г. Черняев, к которому я питаю самое глубокое уважение и расположение, человек в административном деле совершенно неопытный. Если край не будет устроен, и действия Главного Начальника не будут введены в законную рутину (курсив. – Авт.), толку не будет» [*ОР РНБ*, ф. 354, оп. 1, д. 93, л. 4–7 об.].

Законность, по убеждению Н. Петровского, была основой русского цивилизаторства в Средней Азии, и никакие комиссии и комитеты не могли ее заменить. В 1890 г. Н. Петровский писал Д. Кобеко: «В течение 25 лет самые существенные вопросы – поземельный, податной – остались неразрешенными и до сих пор находятся в великой сумятице» [*ОР РНБ*, ф. 354, оп. 1, д. 93, л. 51–52 об.]. Административная нестабильность, обусловленная частой сменой генерал-губернаторов, личные амбиции местных имперских чиновников, коррупция и стремление выслужиться перед высшими столичными инстанциями были основными причинами провала русского цивилизаторства в Туркестанском генерал-губернаторстве.

В. НАЛИВКИН: ОТРИЦАНИЕ ПОЛЕЗНОСТИ ЦИВИЛИЗАТОРСКОЙ МИССИИ РОССИИ В ТУРКЕСТАНЕ?

О Владимире Петровиче Наливкине (1852–1918 гг.) написано довольно много и обстоятельно [Абашин, 2005; Лукашова, 1999]. В рамках данной работы мы обратимся лишь к тем его идеям, которые затрагивают концепцию имперского цивилизаторства. В течение 1913 г. он излагал свои мысли о результатах цивилизаторства на страницах газеты «Туркестанский курьер». В одном из номеров газеты он отмечал:

«Ко времени завоевания нами Туркестанского края туземное, сартовское общество стояло уже на относительно высокой ступени общественности и культурности; что у него были уже общественные и иные идеалы, созданные общественным умом на почве сопоставления фактов жизни с учением ислама и с философскими идеями, проводившимися главным образом персидской литературой, издревле находившейся под сильным влиянием суфизма, некогда бывшего учением весьма либерального направления» [*Туркестанский Курьер*, 1913, № 1].

Признавая наличие у коренного населения самобытной культуры и сложившегося общественного уклада, В. Наливкин в то же время подвергал резкой критике мусульманское духовенство. По его убеждению, деятельность последнего способствовала укоренению среди жителей лишь «показного благочестия и показной нравственности» [*Туркестанский Курьер*, 1913, № 6]. Одновременно в среднеазиатском обществе, по мнению В. Наливкина, наблюдался рост недоверия населения к властям и духовенству. Все эти явления породили кризис в местном среднеазиатском мусульманском сообществе. В. Наливкин отмечал: «ко времени нашего прихода сюда, значительная расшатанность всего старого уклада» [*Туркестанский Курьер*, 1913, № 12].

Главным недостатком русской администрации, согласно В. Наливкину, являлось незнание местных языков и опора на переводчиков «по большей части татар и оренбургских или сибирских киргиз, не знакомых с местными наречиями, в значительной мере отличающимися от языков татарского и киргизского» [*Туркестанский Курьер*, 1913, № 19]. Именно переводчики стали причиной коррупции и недоверия между местными жителями и имперской администрацией. В. Наливкин также указывал на предвзятость колониальной администрации в отношении коренного населения:

«Все сарты фанатики», «сарты весьма добродушны и гостеприимны», «сарты прекрасные садовники и конюхи!», «сарты не имеют никакого понятия об агрономии и жи-

вотноводства!», «сарты чрезвычайно развращенный народ!», «до нашего прихода сюда сарты не знали ни пьянства, ни проституции!». Изо дня в день повторяя этот вздор, мы постепенно привыкали к нему, привыкали думать, что все таки кое-что знаем и смыслим» [*Туркестанский Курьер*, 1913, № 19].

В. Наливкин с сожалением отмечает, что имперскую администрацию окружают сомнительные элементы местного сообщества. «Между нашим местным правящим классом и народом, – пишет В. Наливкин, – образовалась тесно сомкнувшаяся вокруг нас и разобщившая нас от народа и народной жизни стена, составившаяся из туземной администрации, торгашей и переводчиков» [*Туркестанский Курьер*, 1913, № 19]. Именно эта «живая стена» мешала осуществлению цивилизаторства и развитию местной культуры. Сравнивая имперское управление с ханским периодом, В. Наливкин отмечает, что «главнейшие функции уездного начальника были очень близки к функциям ханского хакима (или бека)» [*Туркестанский Курьер*, 1913, № 26]. Одним из положительных явлений он считает появление в Туркестане почты и телеграфа, которые произвели «впечатление на туземцев».

Н. ОСТРОУМОВ СТОРОННИК АКТИВНОГО ЦИВИЛИЗАТОРСТВА

Н.П. Остроумов (1846–1930) – российский востоковед, историк, этнограф и исламовед [Флыгин, 2013]. Прибыв в Ташкент в 1877 г., он на протяжении многих лет служил в различных ведомствах Туркестанского генерал-губернаторства. В 1896 г. Н. Остроумов опубликовал брошюру, в которой вступил в заочную полемику с известным ученым и путешественником Н. Пржевальским. Брошюра Н. Остроумова была ответом на статью Н. Пржевальского «Современное управление Азией», напечатанную в «Русском вестнике» в 1886 г. [Пржевальский, 1886]. Дискуссия между Н. Остроумовым и Н. Пржевальским о кочевых народах Средней Азии отражает два противоположных взгляда. Пржевальский считал кочевников неспособными к восприятию европейской цивилизации, объясняя это их пассивностью, обусловленной природными условиями. Остроумов же опровергал эту точку зрения, утверждая, что народы Азии обладают потенциалом к развитию при наличии благоприятных условий [Остроумов, 1896].

Остроумов критиковал мнение Пржевальского о «лености» и «нравственной разнузданности» азиатских народов, утверждая, что их образ жизни обусловлен климатическими и природными условиями, что позволяет им избегать борьбы за существование, характерной для европейских народов. Пржевальский признавал, что, несмотря на отставание в умственном развитии, кочевники превосходят оседлые народы в плане семейных ценностей, искренности и мягкости взаимоотношений внутри семьи. Он утверждал, что народы Средней Азии не способны усвоить европейскую культуру, называя кочевников «ребенком, а порой и идиотом» в цивилизационном смысле.

Остроумов не соглашался с этим, приводя примеры выдающихся монгольских и тюркских правителей, а также наблюдения других исследователей, подтверждающих интеллектуальный потенциал этих народов. Кроме того, Остроумов опровергал мнение Пржевальского о том, что «монголам и номадам свойственно прирожденная трусость». Остроумов пишет:

«Неужели Чингизхан и ему подобные монголы были трусы и глупцы? И вообще военные походы и завоевания, совершенные монголами и другими среднеазиатскими кочевниками, свидетельствуют о несомненной их храбрости» [Остроумов, 1896, с. 3].

Пржевальский считал, что кочевники не нуждаются в интеграции в цивилизованный мир, так как их образ жизни приносит им счастье. Он утверждал, что европейская цивилизация не является универсальной моделью, подходящей для всех народов [Остроумов, 1896,

с. 3]. Согласно Остроумову, кочевые народы воспринимаются европейцами как «дикари» не из-за их реального культурного уровня, а из-за религиозных и цивилизационных различий. Он утверждал, что их интеграция в христианскую традицию приблизит их к европейской культуре [Остроумов, 1896, с. 3, 15–16].

Данная дискуссия иллюстрирует противостояние имперской позиции в отношении кочевых народов и более гуманистической позиции, признающей их потенциал к развитию.

В 1916 г. Н.П. Остроумов направил министру народного просвещения А.А. Рачинскому записку под заглавием «К вопросу об инородческом образовании в Туркестанском крае» [*РГИА*, ф. 733, оп. 177, д. 278, л. 1]. К этому времени он занимал пост директора Туркестанской учительской семинарии и курировал выпуск газеты «Туркестанские ведомости» на узбекском языке. В 1915 г. исполнилось 50-летие взятия русскими войсками Ташкента. По этому поводу Н. Остроумов отмечал, что

«за это довольно продолжительное время у туземцев появились и выросли два новых поколения, которые уже не знали жестокого ханского управления. Немногие из этих новых поколений пользовались русским образованием в русско-туземных школах» [*РГИА*, ф. 733, оп. 177, д. 278, л. 1–3].

В своей записке Н. Остроумов перечислял все блага, которые принесла русская власть местному населению: мир и спокойствие, неприкосновенность религии, развитие торговли и промышленности. Несмотря на все выгоды от русского управления, местное население «особой близости и преданности к русским не проявляет». Основными возмутителями спокойствия, по мнению Н. Остроумова, были муллы-фанатики. Невзирая на весь 50-летний провал русификирования Туркестана, Н. Остроумов верил, что потенциал русского цивилизаторства еще не исчерпан. Для этого, по его мнению, нужно было открыть университет в Ташкенте и усилить контроль над местными национальными школами, которые служили «турецким интересам». Н. Остроумов понимал русское цивилизаторство как русификирование местного оседлого населения и активное миссионерство среди кочевых народов.

* * *

Современные западные историки констатируют неудачу русской цивилизаторской политики в Средней Азии. Свидетельствами затяжного кризиса они считают два события: восстание Дукчи-ишана в 1898 г. [Алимджанов, 2019(1)] и массовые выступления по всему Туркестану против мобилизации в 1916 г. [Котюкова, 2011]. По мнению британского историка А. Моррисона, восстание Дукчи-ишана послужило толчком к возникновению панических настроений в имперской администрации. Это вынудило власти отказаться от реальных шагов по реформированию региона из опасения новых протестов мусульманского населения [Моррисон, 2013].

В то же время А. Моррисон не учитывает тот факт, что туркестанская администрация практически не пыталась активно проводить цивилизаторскую политику. Во многом восстание Дукчи-ишана оправдывало бездействие властей в культурной сфере. По мнению современных историков, события 1916 г. в Туркестане ставят жирную точку в цивилизаторской миссии Российской империи в регионе. Однако, если опираться на записки современника этих событий Н. Остроумова, складывается впечатление, что цивилизаторство только начинается, а не завершается в 1916 г. Остроумов до конца оставался приверженцем жесткой версии цивилизаторства народов Средней Азии. В то же время В. Наливкин после 1906 г. значительно сомневался в пользе и осуществимости русского цивилизаторства в Туркестане. Согласно Н. Найту, фигура В. Григорьева не вписывается в стереотипный образ сторонника жесткого и активного цивилизаторства [Найт, 2005]. Григорьев ратовал за

медленные и осторожные действия в сфере культуры, полагаясь на исторические процессы и удачный случай. Н. Петровский видел основу цивилизаторства в законности и русских институтах, критикуя коррупцию в Туркестане и военное управление как барьеры для реформ.

Характерно, что теоретические концепции, бурно обсуждавшиеся в прессе и в высших правительственных кругах, далеко не всегда находили прямое воплощение в управленческой практике. Русское цивилизаторство в Средней Азии заключалось прежде всего в дискуссиях имперских востоковедов и исследователей, подготовивших почву для последующих советских культурных экспериментов в регионе.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

ИВР РАН СПб – Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург [*IVR RAN SPb* – Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg].

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [*OR RNB* – Manuscripts Department of the National Library of Russia].

РГИА – Российский государственный исторический архив [*RGIA* –Russian State Historical Archive].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абашин С. Н.В.П. Наливкин: «…будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть…». *Кризис ориентализма в Российской империи? Азиатская Россия: люди и структуры империи.* Сборник научных статей к 50-летию проф. А.В. Ремнева. Под ред. Н.Г. Суворовой. Омск: ОмГУ, 2005. С. 43–96 [Abashin S.N. "…what must inevitably be will be; and what must inevitably be can no longer not be…". *The Crisis of Orientalism in the Russian Empire? Asian Russia: People and Structures of the Empire*. Collection of articles dedicated to the 50th anniversary of Prof. A.V. Remenev. N.G. Suvorova (ed.) Omsk: OmSU, 2005. Pp. 43–96 (in Russian)].

Абдуллаев Я.С. Дискурс управления Кавказом и Центральной Азией в российской общественной мысли XIX – начала XX вв. *Russian Colonial Studies*. 2019. № 4. С. 150–164 [Abdullaev Ya.S. Discourse of the Governance in Caucasus and Central Asia in Russian Public Thought in the 19th – Early 20th Century. *Russian Colonial Studies*. 2019. No. 4. Pp. 150–164 (in Russian)].

Абдурасулов У. Остроумов и идеология колонизации. *Восток Свыше*. 2013. № 4(32). С. 66–68 [Abdurasulov U. Ostroumov and the Ideology of Colonization. *East from Above*. 2013. No. 4 (32). Pp. 66–68 (in Russian)].

Алимджанов Б.А. Андижанские события 1898 г.: взгляды, факты и интерпретации. *Russian Colonial Studies*. 2019(1). № 2. С. 3–32 [Alimdzhanov B.A. Andijan Events 1898: Views, Facts, and Approaches. *Russian Colonial Studies*. 2019(1). No. 2. Pp. 3–32 (in Russian)].

Алимджанов Б.А. Ориентализм ориентализму рознь. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2019(2). Т. 64. Вып. 4. С. 1488–1497 [Alimdzhanov B.A. Orientalisms May Differ. *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2019(2). Vol. 64. No. 4. Pp. 1488–1497 (in Russian)].

Алимджанов Б.А. Русские в Туркестане: Адаптация к местной культуре или служба во имя строительства империи? *Уральский исторический вестник.* 2024. № 2 (83). С. 34–41 [Alimdzhanov B.A. Russians in Turkestan: Adaptation to Local Culture or Service for the Sake of Empire-Building? *Ural Historical Bulletin.* 2024. No. 2 (83). Pp. 34–41 (in Russian)].

Бабаджанов Б.М. Николай Остроумов: «миссионер», «исламовед», «цивилизатор»? *Восток Свыше*. 2013. № 4 (32). С. 29–51, 75–80 [Babadzhanov B.M. Nikolai Ostroumov: "Missionary", "Islamic Scholar", "Civilizer"? *East from Above*. 2013. No. 4 (32). Pp. 29–51, 75–80 (in Russian)].

Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Народное просвещение в центральноазиатских владениях Российской империи как объект аккультурации. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки*. 2019. Т. 1. № 1. С. 5–13 [Vasil'ev D.V., Lyubichankovskii S.V. National Education in the Central Asian Periphery of the Russian Empire as an Object of Acculturation. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*. 2019. Vol. 1. No. 1. Pp. 5–13 (in Russian)].

Горшенина С.М. Крупнейшие проекты колониальных архивов России: Утопичность тотальной Туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана. *Ab Imperio.* 2007. № 3. С. 291–354 [Gorshenina S.M. The Biggest Projects of Russian Colonial Archives: The Utopian Exhaustive "Turkestanica" of General Governor Constantine P. von Kaufman. *Ab Imperio.* 2007. No. 3. Pp. 291–354 (in Russian)].

Джумаев А. Еще о «миссионерстве» Остроумова. *Восток Свыше.* 2013. № 4 (32). С. 55–66 [Dzhumaev A. Further Reflections on Ostroumov's "Missionary" Activities. *East from Above.* 2013.No. 4 (32). Pp. 55–66 (in Russian)].

Котюкова Т.В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? *Обозреватель*. 2011. Т. 8. С. 98–126 [Kotyukova T.V. The 1916 Uprising in Turkestan: A Mistake of the Authorities or a Historical Pattern? *Observer*. 2011. Vol. 8. Pp. 98–126 (in Russian)].

Лейзерович Е.Е. *Социальные и экономические итоги Российской колонизации Туркестана*. Тель-Авив: Б.и., 2001 [Leizerovich E.E. *The Social and Economic Outcomes of Russian Colonization of Turkestan*. Tel-Aviv: Without edition, 2001 (in Russian)].

Лукашова Н.М. В.П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь. *Вестник Евразии*. 1999. № 1–2. С. 36–57 [Lukashova N.M. V.P. Nalivkin: Yet Another Remarkable Life. *Acta Eurasica*. 1999. No. 1–2. Pp. 36–57 (in Russian)].

Матвеев В.А. «Терпимость, доверие и доброжелательное отношение»: критерии политики на мусульманских окраинах Российской империи. *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. 2024. № 3. С. 96–107 [Matveev V.A. "Tolerance, Trust, and Benevolent Attitude": Criteria of Policies in the Muslim Peripheries of the Russian Empire. *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*. 2024. No. 3. Pp. 96–107 (in Russian)].

Материалы Объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Отв. ред. акад. АН Уз ССР И.М. Муминов. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1959 [*Proceedings of the Joint Scholarly Session Dedicated to the Progressive Significance of the Incorporation of Central Asia into Russia*. I.M. Muminov (ed.) Tashkent: Izd-vo Akad. Nauk UzSSR, 1959 (in Russian)].

Миллер А.И. *История Романовых и национализм: эссе по методологии исторических исследований*. М.: Новое лит. Обозрение, 2008 [Miller A.I. *The History of the Romanovs and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008 (in Russian)].

Моррисон А. Суфизм, панисламизм и информационная паника: Нил Сергеевич Лыкошин и последствия андижанского восстания. *Tartaria Magna*. 2013. Т. 2013. № 2. С. 42–87 [Morrison A. Sufism, Pan-Islamism, and Information Panic: Nil Sergeyevich Lykoshin and the Consequences of the Andijan Uprising. *Tartaria Magna*. 2013. Vol. 2013. No. 2. Pp. 42–87 (in Russian)].

Москва. 1867. № 53 [*Moskva (Moscow)*. 1867. № 53 (in Russian)].

Найт Н. *О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет*. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 324–341 [Knight N. *On Russian Orientalism: A Response to Adeeb Khalid. The Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years*. P. Vert, P.S. Kabytov, A.I. Miller (comp.) Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. Pp. 324–341 (in Russian)].

Овсянников В.И. *Проблемы Востока и общественно-политическая мысль России*. М.: Наука, 1989 [Ovsyannikov V.I. *Problems of the East and the socio-political thought of Russia*. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian)].

Окраина. 1891. № 36 [*Okraina (= Outskirts)*. 1891. No. 36 (in Russian)].

Остроумов Н.П. *Способны ли кочевые народы Азии к усвоению христианской веры и христианской культуры?* 2-е изд. Москва: печ. А.И. Снегиревой, 1896 [Ostroumov N.P. *Are the Nomadic Peoples of Asia Capable of Adopting the Christian Faith and Christian Culture?* 2nd ed. Moscow: Pech. A.I. Snegirevoy., 1896 (in Russian)].

Отечественные записки. 1841. № 5 [*Otechestvennye zapiski (= Notes of the Fatherland)*. 1841. No. 5 (in Russian)].

Пржевальский Н. М. Современное управление Азией. *Русский Вестник*. 1886. С. 476–481 [Przhevalsky N.M. Contemporary Governance of Asia. *Russky Vestnik (= Russian Bulletin)*. 1886. Pp. 476–481 (in Russian)].

Сартори П., Шаблей П. Судьба имперских кодификационных проектов: адат и шариат в Казахской степи. *Ab Imperio*. 2015. Т. 2015. № 2. С. 63–105 [Sartori P., Shablei P. The Fate of Imperial Codification Projects: Adat and Sharia in the Kazakh Steppe. *Ab Imperio*. 2015. Vol. 2015. No. 2. Pp. 63–105 (in Russian)].

Семенова Н.Л. Служба В.В. Григорьева в Оренбургском крае. *Россия-Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X всероссийского конгресса востоковедов*. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 41–45 [Semenova N.L. The service of V.V. Grigoriev in the Orenburg region. *Russia-East: Interaction of Countries and Peoples: Proceedings of the 10th All-Russian Congress of Orientalists*. Ufa: IIYAL UNTS RAS, 2015. Pp. 41–45 (in Russian)].

Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности: с картой Средней Азии. Сост. кап. Ген. Штаба Л. Костенко. СПб.: тип. В. Безобразова, 1871 [*Central Asia and the Establishment of Russian Civic Identity There: With a Map of Central Asia*. L. Kostenko (comp.) Saint Petersburg: Tip. V. Bezobrazova, 1871 (in Russian)].

Султангалиева Г.С. Деятельность татарских переводчиков, толмачей Оренбургской пограничной комиссии в Казахской степи (XVIII–XIX вв.). *Научный Татарстан*. 2009. № 4. С. 125–138 [Sultangalieva G.S. The Work of Tatar Translators and Interpreters of the Orenburg Border Commission in the Kazakh Steppe (18th –19th Centuries). *Scientific Tatarstan*. 2009. No. 4. Pp. 125–138 (in Russian)].

Туркестанские Ведомости. 1870. № 13; 1875. № 20 [*Turkestanskie Vedomosti (= Turkestan News)*. 1870. No. 13; 1875. No. 20 (in Russian)].

Туркестанский Курьер. 1913. № 1, 6, 12, 19, 26 [*Turkestansky Kuryer (= Turkestan Courier)*. 1913. No. 1, 6, 12, 19, 26 (in Russian)].

Флыгин Ю.С. Николай Остроумов: «Я считаю себя не бесполезным человеком для иноверцев ...и отнюдь не врагом их». *Восток Свыше*. 2013. № 4 (32). С. 68–75 [Flygin Yu.S. Nikolai Ostroumov: “I consider myself not a useless person for non-Christians … and by no means their enemy”. *East from Above*. 2013. No. 4 (32). Pp. 68–75 (in Russian)].

Цыряпкина Ю.Н.«Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана. *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 5. С. 1625–1641 [Tsyryapkina Yu.N. “The Struggle for the Russian Cause”: Imperial Colonization of Turkestan. *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10. No. 5. Pp. 1625–1641 (in Russian)].

Чехович О.Д. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII–XIX веков. *Вопросы истории*. 1956. № 3. С. 84–96 [Chekhovich O.D. On Some Issues of the History of Central Asia in the 18th –19th Centuries. *Questions of History*. 1956. No. 3. Pp. 84–96 (in Russian)].

Babajanov B. “How will we appear in the eyes of inovertsy and inorodtsy?” Nikolai Ostroumov on the image and function of Russian power. *Central Asian Survey*. 2014. Vol. 33. No. 2. Pp. 270–288.

Hofmeister U. Civilization and Russification in Tsarist Central Asia, 1860–1917. *Journal of World History*. 2016. Vol. 27. No. 3. Pp. 411–442.

Knight N.V. V. Grigor’ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in Service of Empire. *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. No. 1. Pp. 74–100.

Morrison A. Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. No. 2. Pp. 327–364.

Pomeranz K. Empire & "civilizing" missions, past & present. *Daedalus*. 2005. Vol. 134. No. 2. Pp. 34–45.

Sunderland W. Empire without Imperialism?: Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia. *Ab imperio*. 2003. Vol. 2003. No. 2. Pp. 101–114.

Tolz V. Orientalism, nationalism, and ethnic diversity in late imperial Russia. *The Historical Journal*. 2005. Vol. 48. No. 1. Pp. 127–150.

Weinerman E. The polemics between Moscow and Central Asians on the decline of Central Asia and Tsarist Russia's role in the history of the region. *The Slavonic and East European Review*. 1993. No. 3. Pp. 428–481.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛИМДЖАНОВ Бахтиёр Абдихакимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института антропологии РУз, Ташкент, Узбекистан.

Bakhtiyor A. ALIMDZHANOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Anthropology of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan.

АКБАРОВА Камила Шухрат кизи – магистр, стажёр-исследователь Института антропологии РУз, Ташкент, Узбекистан.

Kamila Shukhrat kyzy AKBAROVA, History Major, Intern Researcher, Institute of Anthropology of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan.

DOI: 10.31696/S086919080039165-8

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

© 2026

Д.Г. БДОЯН [a], Э.С. МАНАШИРОВ [b]

[a] – МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2810-3808; d.g.bdoyan@gmail.com
[b] – НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ORCID: 0009-0008-4453-4051; manashirov25@gmail.com

Резюме: *С приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) Анкара начала вести независимую и проактивную внешнюю политику в сопредельных регионах. Одна из ключевых внешнеполитических целей Р.Т. Эрдогана заключается в достижении регионального лидерства на территориях бывшей Османской империи и превращение Турции в лидера как мусульманского, так и тюркского мира. В связи с этим в 2009 г. в Нахичеване лидеры Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции подписали соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет). В конце 2021 г. на саммите в Стамбуле Тюркский Совет был переименован в Организацию Тюркских Государств (ОТГ). В эту организацию в настоящее время входят Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Турция и Узбекистан, наблюдателями являются Венгрия, Туркменистан и частично признанный Северный Кипр. Усиление влияния Турции в тюркском мире, особенно в постсоветских тюркоязычных республиках, напрямую затрагивает интересы Российской Федерации, что, в свою очередь, приводит к ещё большему усложнению двусторонней повестки.*

В статье анализируется процесс институционализации сотрудничества тюркоязычных стран в рамках Организации тюркских государств и её воздействие на современный этап российско-турецких отношений. Рассматривается эволюция пантюркистских идей и их трансформация в интеграционный проект «неопантюркизма», где Турция стремится занять лидирующие позиции. Исследуется двойственный характер влияния ОТГ на отношения между Москвой и Анкарой, который одновременно создаёт новые точки для геополитического соперничества в Центральной Азии и на Южном Кавказе, но не отменяет прагматического партнёрства в других сферах. Делается вывод, что ОТГ становится важным фактором, усложняющим и без того многогранное взаимодействие России и Турции, формируя модель «конкурентного сотрудничества», где обе державы вынуждены постоянно балансировать между соперничеством за влияние и необходимостью решения общих стратегических задач.

Ключевые слова: Организация тюркских государств, российско-турецкие отношения, геополитика, пантюркизм, Центральная Азия, Южный Кавказ, внешняя политика Турции

Для цитирования: Бдоян Д.Г., Манаширов Э.С. Организация тюркских государств и её влияние на российско-турецкие отношения. *Восток (Oriens).* 2026. № 4. С. 222–234. DOI: 10.31696/S086919080039165-8

ORGANIZATION OF TURKIC STATES AND ITS INFLUENCE ON RUSSIAN-TURKISH RELATIONS

© 2026

David G. BDOYAN [a], Eldar S. MANASHIROV [b]

[a] – MGIMO University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2810-3808; d.g.bdoyan@gmail.com
[b] – HSE University, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0008-4453-4051; manashirov25@gmail.com

Abstract: *After the Justice and Development Party came to power in Turkey, Ankara began to pursue an independent and proactive foreign policy. One of the key goals of Erdogan is to achieve regional leadership and transform Turkey into a leader of both the Muslim and Turkic world. In this regard, in 2009 the leaders of Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Turkey signed an agreement on the establishment of the Cooperation Council of Turkic-speaking States (Turkic Council). In 2021 the Turkic Council was renamed the Organization of Turkic States. Turkey's growing influence in the post-Soviet Turkic-speaking republics directly affects the interests of the Russian Federation, which leads to an even greater complication of the bilateral agenda.*

The article analyzes institutionalization of cooperation between Turkic-speaking countries within the Organization of Turkic States (OTS) and its impact on the current state of Russian-Turkish relations. The evolution of pan-Turkist ideas and their transformation into a pragmatic project of "neo-Turkism", where Turkey seeks to take a leading position, is considered. It examines the dual nature of the OTS's influence on relations between Moscow and Ankara, which simultaneously creates new points for geopolitical rivalry in Central Asia and the South Caucasus, but does not negate pragmatic partnership in other areas. It is concluded that OTS is becoming an important factor complicating the already multifaceted interaction between Russia and Turkey, forming a model of "competitive cooperation", where both powers are forced to constantly balance between rivalry for influence and the need to solve common strategic problems.

Keywords: Organization of Turkic states, Russian-Turkish relations, geopolitics, pan-Turkism, Central Asia, South Caucasus, foreign policy of Turkey

For citation: Bdoyan D.G., Manashirov E.S. Organisation of Turkic States and its Influence on Russian-Turkish Relations. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 222–234. DOI: 10.31696/S086919080039165-8

ВВЕДЕНИЕ

Целью данного исследования является определение влияния деятельности Организации тюркских государств на российско-турецкие отношения. Эволюция двусторонних отношений показывает, что Россия и Турция способны к ситуационному сближению и прагматическому взаимодействию, однако это не исключает конкуренции [Айар, Арслан, 2023, с. 123]. В ходе исследования был проведен исторический анализ эволюции ОТГ от многосторонней совещательной площадки к полноценной международной организации, а также качественный контент-анализ основных итоговых документов Организации с её 8-го саммита, прошедшего 12 ноября 2021 г., на котором было принято решение переименовать организацию из «Тюркского совета» в «Организацию тюркских государств».

В рамках исследования проанализированы декларации регулярных саммитов, специальных встреч на высшем уровне в г. Анкаре (2023), г. Шуши (2024) и г. Будапеште (2025), а также официальные программные документы организации – «Хартия Тюркских государств» и «Тюркское видение – 2040». В результате анализа сделаны выводы о том, какие направления сотрудничества в рамках ОТГ затрагивают интересы России в регионах Южного Кавказа и Центральной Азии и каким образом данные направления деятельности могут сосуществовать в рамках стратегии России на построение Большого Евразийского партнерства.

КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Современная система международных отношений характеризуется возрастающей ролью региональных объединений, которые становятся важными акторами на мировой арене. Долгое время в научной литературе приоритет отдавался изучению европейской модели интеграции ввиду её наибольшей успешности на неолиберальном этапе развития человечества. Интеграция в рамках Европейского союза считалась эталоном успеха внутрирегионального сотрудничества, но сегодня государства мира всё чаще отдают предпочтения другим формам политической и экономической интеграции в форме «сетевых союзов», которые могут иметь вид консультативных площадок или же полноценных институционализированных международных организаций с собственным секретариатом и финансированием [Юйянь, 2023, с. 80].

Помимо этого, наблюдается укрепление цивилизационного фактора самоидентификации государств мира. Традиционно цивилизационный подход рассматривает крупные общности, объединенные духовной и материальной культурой, историей, языком в качестве отдельных акторов международных отношений. В Концепции внешней политики России 2023 г. появляется новый термин – «государство-цивилизация», главными характеристиками которого являются «тысячелетний опыт самостоятельной государственности», «культурное наследие предшествовавшей эпохи», «глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии», «умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп» [*Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023*].

Наиболее известным трудом, затрагивающим данное видение геополитики, является «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона. Американский исследователь выделял в своей работе восемь крупных цивилизаций: западную, конфуцианскую (китайскую), японскую, исламскую, индуистскую, африканскую, латиноамериканскую и православно-славянскую. Нетрудно заметить, что все государства Ближнего Востока, включая Турцию, С. Хантингтон включает в одну цивилизационную группу – исламскую, что является классическим примером западного ориентализма – упрощенного восприятия восточных культур [Huntington, 1996]. Сегодня Турецкая Республика под руководством Р.Т. Эрдогана осуществляет «цивилизационный поворот» – переход Турции от светской, националистической самоидентификации, заложенной в качестве основы государства М.К. Ататюрком, к идеологии «неоосманизма», которая опирается на исламскую традицию и османское наследие. В рамках этого перехода, помимо стремления Турции стать лидером исламского мира и доминирующим актором на территориях бывшей Османской империи, особое место занимает стремление Анкары построить новую интеграционную архитектуру «тюркского мира». Стоит отметить, что к практическим шагам по объединению тюркских государств и по усилению в них своего влияния Турция приступила фактически стразу после распада

Советского Союза, то есть ещё до прихода к власти происламской Партии справедливости и развития и Р.Т. Эрдогана с его «неоосманской» идеологией.

В настоящее время инструментом для реализации этой внешнеполитической цели Турции является Организация тюркских государств (ОТГ). Основным скрепляющим элементом данной организации является общность языка и культуры. В связи с этим в 2024 г. Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Турция приняли решение внедрить единый алфавит из 34 букв на основе латиницы[1]. Вместе с этим деятельность ОТГ выходит далеко за рамки культурного и гуманитарного взаимодействия, затрагивая экономические, транспортные и политические вопросы. Это, в свою очередь, приводит к конкуренции с китайской инициативой «Один пояс – один путь» и российской инициативой Большого Евразийского партнерства. В недавно принятом стратегическом документе «Видение Тюркского мира – 2040» прописано, что первостепенной целью членов ОТГ является создание свободной экономической зоны, обеспечивающей беспрепятственный товарооборот между странами. Одновременно Турция, будучи ключевым государством ОТГ, на международных площадках активно продвигает концепцию «мир есть больше, чем пять», выступая за расширение пятерки постоянных членов Совета Безопасности ООН за счет самой Анкары, презентуя Турцию как государство, которое за счет функционирования ОТГ может защищать интересы многих государств и народов.

Для Российской Федерации, исторически считающей постсоветское пространство зоной своих стратегических интересов, усиление ОТГ под эгидой Турции представляет собой новый вызов, требующий осмысления и выработки ответной стратегии. Актуальность данного исследования обусловлена уникальным характером современных российско-турецких отношений, которые развиваются по сложной траектории. Элементы сотрудничества и соперничества сохраняются по всем основным направлениям взаимодействия, начиная от построения системы безопасности на Ближнем Востоке (учитывая факторы Сирии, Ливии, Ирана, Палестины) и заканчивая вопросами энергетического сотрудничества, в том числе совместного развития атомной энергетики [Đukić et al., 2022, p. 57]. Особо напряженная ситуация складывается в регионах Южного Кавказа и Центральной Азии, которые по мере деятельности ОТГ всё более дрейфуют от постсоветской идентичности к пантюркистской. Этническая, лингвистическая и конфессиональная многосоставность ряда государств-членов и наблюдателей ОТГ ещё больше усложняют эту динамику.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОТГ

Распад СССР поспособствовал формированию беспрецедентной ситуации на территории новых независимых государств. В большинстве из них наблюдалось сохранение рудиментов советской идентичности, но некоторые государства начали искать новые национальные идеи. Для Турецкой Республики это стало возможностью заявить о себе как о новом игроке в ряде государств Южного Кавказа и Центральной Азии. Турция была одним из первых государств, которое признало независимость вновь образованных республик, а все представители тюркских народов, проживавших на их территории, стали именоваться «внешними турками» [Аватков, 2018, с. 17].

С 90-х гг. XX века турецкая политика характеризуется двойственностью, связанной с евразийским характером турецкой государственности и идентичности. Долгое время Анкара стремилась к большей интеграции с Европейским союзом (ЕС), руководящая Турцией происламская Партия справедливости и развития, пришедшая к власти в 2002 г., рассматривала в качестве основной внешнеполитической цели Турции вступление в ЕС.

[1] Центральноазиатские страны отказываются от кириллицы [*Независимая газета*. 15.12.2025].

Однако со временем, убедившись в том, что европейские элиты не готовы пойти на принятие Турции в состав ЕС, в том числе из-за цивилизационных факторов, Р.Т. Эрдоган всё больше стал склоняться к реализации идеи «неоосманизма», стремясь превратить Турцию в самостоятельный региональный, а в перспективе и глобальный центр силы [Аватков, Сбитнева, 2024, с. 133]. Несмотря на кажущуюся диаметральную противоположность данных этапов развития турецкой внешней политики, приоритет интеграции с тюркскими народами оставался неизменным.

Строительство тюркской идентичности началось с начала 90-х гг. Уже в 1992 г. было сформировано Турецкое Агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТИКА), а первый его офис открылся в Туркменистане. На следующий год была сформирована Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). В деятельности данных структур сразу же наблюдается ключевое отличие тюркской интеграции от европейской. Если европейская интеграция строится на формировании новой, «европейской» идентичности, которая не связана с идентичностями каких-либо государств Европы, то тюркская интеграция крепко завязана на тех характеристиках, которые описывают сегодня турецкую идентичность. Турция становится центром тюркского мира, и именно она определяет, что входит в тюркский моральный и культурный код, а что остается за его рамками [Аватков, Кудряшова, 2023, с. 375]. Показательна в этом плане официальная веб-страница ТИКА, на которой описание деятельности организации начинается с описания эпохи распада Советского Союза и акцентов на том, что именно Турция первой признала новые независимые государства и предоставила им помощь в их становлении.

Изначально Турция активно способствовала проведению неформальных саммитов тюркоязычных государств. Первое подобное мероприятие прошло в 1992 г. На ранних этапах встречи были скорее площадками для обмена мнениями и деклараций о культурной общности, чем механизмами для реализации конкретных проектов. Отсутствие постоянного секретариата, чёткого устава и финансирования ограничивало их эффективность и не давало перейти от риторики к реальным действиям. Данный период можно охарактеризовать как стадию «осознания общности», когда лидеры новых независимых государств стремились найти новые, альтернативные России формы взаимодействия на основе историко-культурных связей.

Однако со временем стало очевидно, что для достижения более осязаемых результатов необходима более прочная организационная структура. В 2009 г. было заключено Нахичеваньское соглашение, по которому учреждался Тюркский совет сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет) с собственным Секретариатом и финансированием. Данный шаг стал переломным, поскольку он ознаменовал переход от неформальных консультаций к полноценной международной организации. Главными органами в рамках Тюркского совета стали: Совет глав государств, Совет министров иностранных дел и Комитет высокопоставленных официальных лиц.

С появлением собственного Секретариата, бюджета и юридического статуса Тюркский совет получил возможность координировать действия стран-участниц по широкому спектру вопросов – от экономики и транспорта до культуры и образования. Это было качественным изменением формата сотрудничества, которое помогло начать реализацию долгосрочных проектов и программ, причём в уставном документе прописано тесное сотрудничество Тюркского совета с вышеупомянутыми организациями – ТЮРКСОЙ и ТИКА, а также с Парламентской ассамблеей тюркоязычных государств.

Преобразование Тюркского совета в Организацию тюркских государств в 2021 г. стало логичным продолжением этого процесса. Данное решение было принято на 8-м саммите Тюркского совета в Стамбуле, но фактически имело целью «ребрендинг» интеграционной

структуры и придание ей более «стройной» формы [*Declaration of the Eighth Summit*, 2021]. У ОТГ появился собственный флаг и эмблема, которые стали символами пантюркизма. Страны договорились о повышении бюджета организации, и она начала затрагивать не только вопросы культурно-гуманитарного сотрудничества, а всерьез соперничать с другими торгово-экономическими, транспортно-логистическими и валютно-финансовыми проектами на Евразийском континенте. Переход к наименованию совета Организацией показал новый уровень амбиций, в том числе в контексте принятия нового стратегического документа «Видение Тюркского мира – 2040», которое стало определённой «дорожной картой» тюркского сотрудничества на ближайшие десятилетия.

Особым этапом на пути к институциональному становлению стало принятие Хартии Тюркского мира в 2024 г. Данный документ имеет приоритетно культурно-гуманитарный характер и перечисляет базовые принципы тюркской интеграции, а именно: приоритет братских связей, постоянство духа солидарности, общее тюркское пространство, единство тюркского достояния, мультикультурализм и уважение религиозных норм, вовлеченность в международное сообщество. Каждому из принципов уделено отдельное внимание, но также делается акцент на «тюркской исключительности», в которую включены достоинства тюркских народов в науке и моральных принципах, а также общий тюркский алфавит – одна их ключевых инициатив Турции, посредством которой страна стремится наращивать своё влияние в странах Южного Кавказа и Центральной Азии на современном этапе [*Charter of the Turkic World*, 2024].

Для Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Турции и Узбекистана, а также для наблюдателей – Венгрии и Туркменистана платформа стала инструментом для диверсификации внешних связей и снижения зависимости от традиционных центров силы [Гасанова, 2022, с. 54]. Турция предоставляет данным странам альтернативный вектор для диверсификации внешнеполитических связей. Для Азербайджана поддержка Турции стала в том числе одним из определяющих факторов, благодаря которому был восстановлен контроль над территорией Нагорного Карабаха. Турция в некоторой степени пытается позиционировать себя гарантом достижения национальных интересов тюркских государств [Harutyunyan et al., 2025, p. 132].

Таким образом, Организация Тюркских государств трансформировалась в полноценную международную организацию. ОТГ в первую очередь отвечает интересам инициатора её создания и основного участника – Турции. Вместе с тем остальные члены этой организации получают ситуативную выгоду и возможность диверсифицировать свою внешнюю политику, играя на противоречиях крупных региональных и глобальных игроков.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ОТГ

С 8-го Саммита ОТГ, который прошел 12 ноября 2021 г. в Стамбуле и положил начало Организации под тем названием, под которым она известна сегодня, Итоговые заявления глав государств становятся максимально упорядоченными и включают 6 блоков сотрудничества (см. рис. 1).

На рис. 1 наглядно показано, что приоритетное внимание в упомянутых документах уделяется именно торгово-экономическому сотрудничеству. Вопросы политики и безопасности традиционно занимают вторую строчку, а культурно-гуманитарное сотрудничество – третью. Данные показатели свидетельствуют о том, что ОТГ превратилась из организации, которая занимается исключительно вопросами культуры, в платформу для всеобъемлющего диалога между тюркоязычными государствами, преимущественно в сфере экономики.

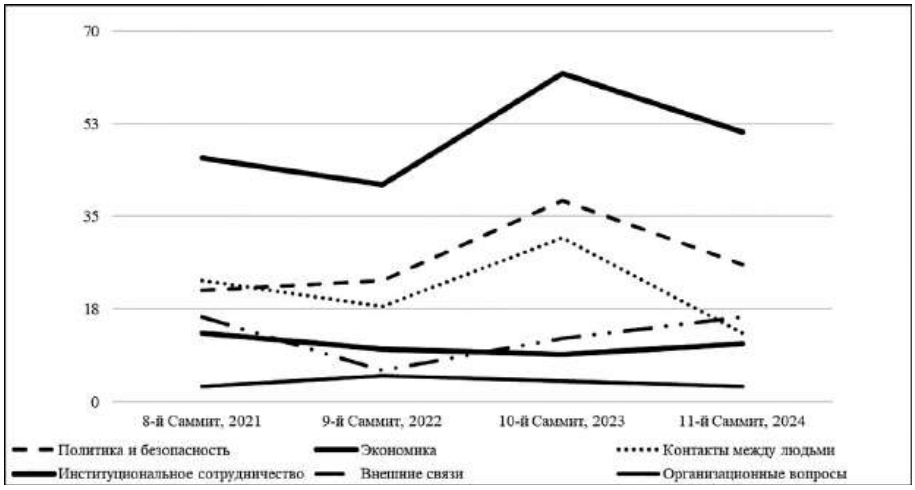

Рис. 1. Число положений Итоговых документов Саммитов Организации тюркских государств с 2021 по 2024 гг. по затрагиваемым темам. Источник: составлено автором Э.С. Манашировым.
Fig. 1. The number of provisions of the Final Documents of the Summits of the Organization of Turkic States from 2021 to 2024 on the topics covered. Source: compiled by the author E. Manashirov.

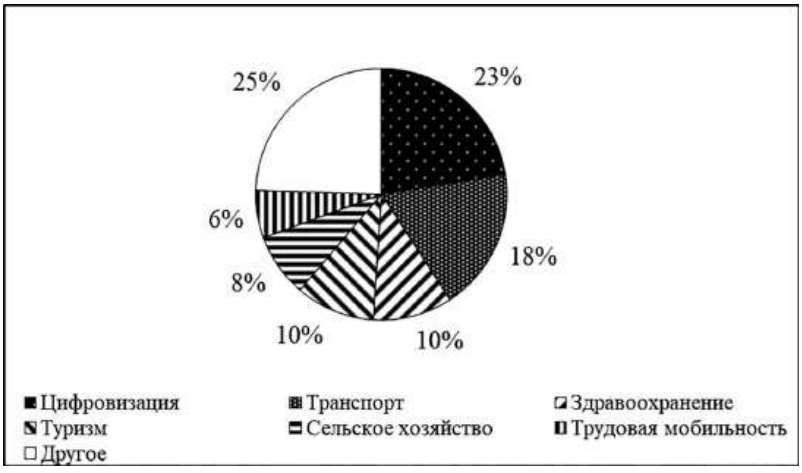

Рис. 2. Процент положений Итоговых документов Саммита Организации тюркских государства в Бишкеке в 2024 г. по блокам (слева) и процент положений в экономическом блоке по направлениям сотрудничества. Источник: составлено автором Э.С. Манашировым.
Fig. 2. Percentage of provisions of the Final Documents of the Summit of the Organization of Turkic States in Bishkek in 2024 by blocks (on the left) and the percentage of positions in the economic block in the areas of cooperation. Source: compiled by the author E. Manashirov.

Как показано на рис. 2, почти половина (42%) Итогового документа Саммита ОТГ в Бишкеке в 2024 г. была посвящена экономическому сотрудничеству, причём главные акценты расставлены на взаимодействии тюркских государств в сфере цифровизации экономики, а также в сфере развития транспортно-логистического каркаса Евразийского континента.

Количественный контент-анализ Итоговых документов Саммитов ОТГ с 2021 по 2025 гг., показанный на рис. 3, подтверждает упомянутые тезисы. Наиболее активно про-

Рис. 3. Наиболее часто встречающиеся слова, обозначающие направления сотрудничества, в Итоговых документах Саммитов Организации тюркских государств с 2021 по 2025 гг. Источник: составлено автором Э.С. Манашировым.

Fig. 3. The most common words denoting areas of cooperation in the Final Documents of the Organization of Turkic States Summits from 2021 to 2025. Source: compiled by the author E. Manashirov.

двигается именно торгово-экономическое сотрудничество, причём с особым акцентом на его транспортный компонент. В последних документах в повестку также включается компонент безопасности, который все чаще используется Турцией для подчеркивания единства Тюркского мира.

ФАКТОР ОТГ В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Несмотря на то что ОТГ как организация является достаточно новым игроком на международной арене, она вписывается в уже существующую модель российско-турецкого взаимодействия, которую можно охарактеризовать как «конкурентное сотрудничество» [Комаревцева, Гайфутдинов, 2022, с. 767]. Данная модель предполагает, что, несмотря на геополитическое соперничество в одних регионах, страны способны поддерживать прагматичное и взаимовыгодное партнёрство в других.

Текущая геополитическая обстановка, характеризующаяся усилением санкционного давления Запада на Россию, оказывает значительное влияние на динамику российско-турецких отношений и деятельность ОТГ [Айар, Арслан, 2023, с. 138]. Взаимоотношения двух стран, традиционно отличающиеся сложным переплетением конкуренции и сотрудничества, сегодня обретают новые черты. После введения масштабных санкций со стороны западных стран Россия столкнулась с необходимостью диверсификации своих внешнеэкономических связей. В данном случае Турция, обладающая развитой экономикой и относительно независимой внешней политикой, не присоединилась к западным санкциям, что позволило ей стать важным транзитным пунктом для российских товаров, а также источником импорта, замещающего западные аналоги потребительских товаров. Двусторонний товарооборот значительно вырос, что подчеркивает взаимозависимость экономик двух стран. Также Турция выступает в роли транспортного хаба, так как её порты и логисти-

ческие сети используются для организации так называемого «параллельного импорта», чтобы российским компаниям получать товары из третьих стран. Маршруты через Турцию стали важной альтернативой европейским логистическим коридорам, которые были закрыты или значительно ограничены.

Для Турции взаимодействие с Россией имеет не меньшее значение. Анкара использует отношения с Москвой как важный инструмент для поддержания баланса в своей многовекторной внешней политике. Турция, будучи членом НАТО, стремится к независимости в принятии решений и не желает полностью следовать западной повестке дня. Сотрудничество с Россией даёт ей возможность маневрировать между различными центрами силы и укреплять свой региональный суверенитет [Айар, Арслан, 2023, с. 127]. Таким образом, Россия и Турция являются ключевыми игроками в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке, Южном Кавказе и в Черноморском регионе. Их взаимодействие, которое часто характеризуется как «конкурентное сотрудничество», направлено на недопущение конфронтации и на поиск компромиссных решений. Помимо этого, Россия остаётся одним из основных поставщиков газа и нефти для Турции. Совместные проекты, такие как газопровод «Турецкий поток» и строительство АЭС «Аккую», являются ярким примером стратегического партнерства и взаимной зависимости. Они создают долгосрочную основу для диалога и снижают вероятность открытой конфронтации.

Однако тесное торгово-экономическое сотрудничество Турции со странами Южного Кавказа и Центральной Азии безусловно является вызовом для национальных интересов России. Что касается вопросов цифровизации, то здесь могут быть найдены определенные компромиссы. Одной из главных инициатив в этой сфере является подписание многостороннего Соглашения о партнерстве в сфере цифровой экономики, которое должно стать основой цифровой торговли между государствами тюркского мира [*Declaration of the Eleventh Summit,* 2024]. Данная инициатива может быть полезной и для Российской Федерации, чьи уполномоченные экономические операторы заинтересованы в выходе на новые рынки, но пока что имеют ограниченную возможность из-за санкционного давления. В перспективе Россия могла бы присоединиться к этому партнерству для построения большой зоны свободной цифровой торговли на Евразийском континенте.

Что касается транспортно-логистического сотрудничества, интересы Турции здесь стоят диаметрально противоположно российским. Особое значение в документах ОТГ уделяется Транскаспийскому международному транспортному коридору, который также называют «Срединным». Данный проект является альтернативным путем из Китая в Европу в обход России, поставки по территории которой в настоящее время страдают из-за санкционного давления. Транскаспийский маршрут имеет несколько недостатков, а именно отсутствие необходимой железнодорожной сети на территории Кыргызстана, что так и не получается решить даже в условиях существования проекта железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». Помимо этого, нерешённым до конца остается вопрос, связанный с так называемым «Путем Трампа во имя международного мира и процветания» – маршрутом по территории Армении, который может в перспективе соединить Азербайджан с его анклавом Нахичеванской Автономной Республикой и, соответственно, с Турцией. В случае разблокировки транспортных коммуникаций между Арменией и Азербайджаном интересы России в этом регионе понесут серьезные издержки, что и является сегодня для России одним из главных геоэкономических вызовов на Евразийском континенте.

Примечательно, что после Второй Карабахской войны ОТГ провела внеочередной саммит глав государств в карабахском городе Шуши и приняла «Карабахское совместное заявление» [*Garabagh Declaration*, 2024]. В этом заявлении страны-члены Организации поприветствовали подписание Соглашения между КНР, Узбекистаном и Кыргызстаном

по поводу упомянутой выше железной дороги, а также выразили стремление наращивать усилия по модернизации железной дороги «Баку – Тбилиси – Карс» и «Транскаспийского маршрута». Наиболее важными в этом документе являются пункт о признании «особого статуса города Шуши в объединении тюркских народов» и заявление о том, что «восстановление территориальной целостности» Азербайджана стало «показателем единства Тюркского мира».

Действительно, с началом обострения ситуации на Южной Кавказе и использования Азербайджаном военного пути разрешения конфликта деятельность ОТГ приобрела не только экономический, гуманитарный, но и ярко выраженный военно-политический характер. Всё чаще на высоком и высшем уровнях делаются заявления о политическом единстве государства Тюркского мира и продвигаются геополитические интересы Турции. Так, в 2024 г. в Саммите ОТГ впервые принял участие Президент Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) – частично признанного государства (признала только Турция), которое было образовано в 1983 г. в результате замороженного конфликта между греческим и турецким населением острова Кипр [*Declaration of the Eleventh Summit,* 2024]. ТРСК стала наблюдателем при ОТГ. Соответственно, используя ОТГ, Турция уверенно продвигает свои интересы в сопредельных регионах.

В итоговых документах саммитов ОТГ также были зафиксированы положения о развитии военно-технического и оборонного сотрудничества между странами-членами организации. Успехи Турции в производстве беспилотников и других видов вооружений значительно повысили её международный авторитет и способствуют данному процессу [Юйянь, 2023, с. 86]. В Будапештской декларации внеочередного Саммита ОТГ 2025 г. подчёркивается, что страны вновь повторяют стремление развивать «продуктивное многостороннее сотрудничество в рамках ОТГ в сфере оборонной промышленности» (…) [*Budapest Declaration*, 2025]. Таким образом, ОТГ для Турции – это не только гуманитарный проект, основанный на культурной общности и «мягкой силе» страны, но и эффективный механизм проецирования «жёсткой силы».

Для России активная военно-политическая деятельность Турции, страны члена НАТО, в сопредельных регионах создаёт дополнительные риски и угрозы. Особенно ярко это просматривается в Закавказском регионе, который Анкара в настоящее время стремится переформатировать под свои интересы.

Хотя ОТГ пока что не может считаться прямым военно-политическим врагом России, эта организация вполне подходит под определение геополитического соперника в борьбе за экономическую и политическую интеграцию постсоветского пространства. А в условиях глобальной нестабильности, СВО и развития тюркистских идей в Азербайджане, Абхазии и странах Центральной Азии приоритетной задачей для России является недопущение формирования на своих южных границах умеренно отдаленной от Москвы культурно-этнической группы государств, которая в перспективе может превратиться в единый антироссийский блок.

Проведенный анализ показывает, что Организация тюркских государств превратилась в значимый фактор евразийской геополитики и оказывает существенное влияние на динамику российско-турецких отношений. Являясь одним из ключевых инструментом внешней политики Анкары, ОТГ помогает Турции систематически укреплять своё присутствие в Центральной Азии и на Южном Кавказе, предлагая странам региона альтернативную модель сотрудничества, основанную на идеях тюркской общности. Для России такая деятельность представляет собой стратегический вызов, поскольку она напрямую затрагивает её традиционную сферу влияния и создаёт конкуренцию интеграционным проектам под эгидой Москвы. Если в зародышевом состоянии организации тюркской интеграции

фокусировали внимание на вопросах культурно-гуманитарного сотрудничества, то сейчас всё чаще заявляют об общих торгово-экономических проектах и сотрудничестве в сфере обороны, что становится угрозой для интересов России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организация тюркских государств (ОТГ) выступает как долгосрочный проект Турции, направленный на укрепление её позиций в тюркском мире. Для Анкары ОТГ – это не только культурно-гуманитарная платформа, но и важный геополитический инструмент для расширения своего влияния на Кавказе и в Центральной Азии [Гасанова, 2022, с. 55]. Деятельность ОТГ добавляет ещё один уровень сложности в российско-турецкие отношения. Усиление турецкого влияния на постсоветское пространство вызывает настороженность в Москве. Проекты ОТГ, направленные на создание новых транспортных и логистических коридоров в обход России (например, Транскаспийский международный транспортный маршрут), воспринимаются как прямая конкуренция.

Однако, несмотря на потенциальные точки трения, на данном этапе деятельность ОТГ не приводит к полному разрыву прагматического взаимодействия между Россией и Турцией. Обе страны демонстрируют способность управлять своей конкуренцией, не допуская её перерастания в открытый конфликт. Москва предпочитает выстраивать свою политику, опираясь как на двусторонние отношения с каждой из стран-участниц ОТГ, так и по линии СНГ, ЕАЭС и ОДКБ, чтобы сохранить свои позиции в регионе. В условиях глобальной нестабильности и санкционного давления прагматичное партнерство становится ещё более важным. ОТГ выступает как один из факторов, формирующих новую архитектуру региональных отношений. Она бросает вызов традиционным сферам влияния, но в то же время не является непреодолимым препятствием для взаимовыгодного сотрудничества. Таким образом, обе страны заинтересованы в сохранении диалога и предотвращении перерастания конкуренции в открытую конфронтацию. Будущее отношений между Россией и Турцией будет определяться их способностью находить новые точки соприкосновения и минимизировать конфликтные потенциалы, порождаемые в том числе и деятельностью Организации тюркских государств.

Влияние ОТГ на российско-турецкие отношения нельзя оценивать однозначно. Оно, безусловно, усиливает элемент соперничества, добавляя новые измерения в их геополитическую конкуренцию. Борьба за экономические проекты, транспортные коридоры и политическое влияние в постсоветских тюркских республиках становится более острой. Однако соперничество не отменяет сложившейся модели прагматического партнёрства между Москвой и Анкарой в других областях. Обе страны продемонстрировали способность разделять сферы интересов и находить взаимовыгодные решения по сложным вопросам, таким как сирийское урегулирование или сотрудничество в энергетике.

Таким образом, можно с уверенностью предположить, что ОТГ усложняет и без того многогранную архитектуру российско-турецких отношений, но не разрушает её. В обозримой перспективе взаимодействие между Москвой и Анкарой, вероятно, продолжит развиваться в рамках парадигмы «конкурентного сотрудничества». России необходимо нейтрализовать вызовы, исходящие от ОТГ, путём укрепления связей со странами Центральной Азии и Кавказа, в то время как Турция продолжит использовать организацию для расширения своего влияния. Дальнейшее развитие ситуации будет зависеть от множества факторов, а также от глобальной геополитической конъюнктуры, внутренней стабильности стран-участниц ОТГ и способности Москвы и Анкары поддерживать хрупкий баланс между соперничеством и партнёрством, не переходя «красные линии» друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации. *Мировая политика.* 2018. № 2. С. 11–25 [Avatkov V.A. The Turkic world and Turkic organizations. *World Politics*. 2018. No. 2. Pp. 11–25 (in Russian)].

Аватков В.А., Кудряшова Д.А. Общетурецкая и общеевропейская идея: сходства и различия. *Постсоветские исследования.* 2023. Т. 6. № 4. С. 370–377 [Avatkov V.A., Kudryashova D.A. Common Turkish and Pan-European idea: similarities and differences. *Post-Soviet Studies.* 2023. T. 6. No. 4. Pp. 370–377 (in Russian)].

Аватков В.А., Сбитнева А.И. Между Западом и Незападом: Турция перед лицом геостратегического выбора. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2024. Т. 26. № 1. С. 131–142 [Avatkov V.A., Sbitneva A.I. Between West and Non-West: Turkey at a crossroad of geostrategic choice. *RUDN Journal Political Science.* 2024. Vol. 26. No. 1. Pp. 131–142 (in Russian)].

Айар Б., Арслан О. Эволюция российско-турецких отношений: идейное сближение и прагматическое сотрудничество. *Вестник международных организаций.* 2023. Т. 18. № 3. С. 120–141 [Ayar B., Arslan O. The Evolution of Russian-Turkish Relations: Ideational Convergence and Pragmatic Cooperation. *International Organizations Research Journal.* 2023. T. 18. No. 3. Pp. 120–141 (in Russian)].

Гасанова А.Б. Неопантюркизм и Организация тюркских государств. *Запад – Восток – Россия 2021*. Ред. А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН, 2022. С. 52–56 [Hasanova A.B. Neo-Turkism and the Organization of Turkic States. *West – East – Russia 2021*. A.S. Prozorovsky, V.G. Khoros (eds.) Moscow: IMEMO RAS, 2022. Pp. 52–56 (in Russian)].

Комаревцева Н.С., Гайфутдинов Р.И. Россия и Турция в контексте нового Тюркского мира. *Вопросы политологии*. 2022. № 3 (79). С. 761–772 [Komarevtseva N.S., Gayfutdinov R.I. Russia and Turkey in the Context of the New Turkic World. *Political Science Issues*. 2022. No. 3 (79). Pp. 761–772 (in Russian)].

Независимая газета. 15.12.2025 [*Nezavisimaya Gazeta (= Independent Newspaper).* 15.12.2025 (in Russian)] https://www.ng.ru/cis/2025-12-15/1_9401_alphabet.html (дата обращения: 17.03.2026).

Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [*Decree of the President of the Russian Federation No. 229, March 31, 2023 "On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation"* (in Russian)] http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090 (дата обращения: 19.08.2025).

Юйянь Ч. Организация тюркских государств (ОТГ): происхождение, мотивы, особенности и влияние. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2023. Т. 17. № 1. С. 78–87 [Yuyan Zh. Organization of Turkic States: Origin, Motives, Particularities and Influence. *Bulletin of Perm University. Political Science.* Vol. 17. No. 1. 2023. Pp. 78–87 (in Russian)].

Budapest Declaration of the Extraordinary Summit of the Organization of Turkic States. 2025. https://turkicstates.org/u/f/budapest-declaration.pdf (accessed: 12.11.2025).

Charter of the Turkic World. 2024. https://turkicstates.org/u/Charter.pdf (accessed: 01.09.2025).

Declaration of the Eighth Summit of the Organization of Turkic States. Istanbul, 2021. https://www.turkicstates.org/en/news/istanbul-declaration-of-the-8th-summit-of-the-organization-of-turkic-states (accessed: 23.09.2025).

Declaration of the Eleventh Summit of the Organization of Turkic States. Bishkek, 2024. https://www.turkicstates.org/u/d/temel_belgeler/bishkek-declaration.pdf (accessed: 11.10.2025).

Đukić A., Vuletić D., Milenković M. The relations between Russia and Turkey in the context of contemporary international events. *Vojno delo*. 2022. T. 74. No. 1. Pp. 1–91.

Garabagh Declaration of the Extraordinary Summit of the Organization of Turkic States. 2024. https://www.turkicstates.org/u/d/temel_belgeler/garabagh-declaration.pdf (accessed: 03.11.2025).

Harutyunyan G., Vardazaryan M., Jilavyan S. Dynamics of Russian-Turkish relations after the Second Karabakh War: new priorities of national interests and strategies of struggle in the South Caucasus. *Journal of Political Science*: *Bulletin of Yerevan University*. 2025. T. 4. No. 1 (10). Pp. 125–141.

Huntington S.P. *The clash of civilization and the remaking of world order*. New York: Simon and Schuster, 1996.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БДОЯН Давид Гургенович – кандидат исторических наук, доцент, МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия.

David G. BDOYAN, PhD (History), Associate Professor, MGIMO Universoty, Moscow, Russia.

МАНАШИРОВ Эльдар Соломонович – НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Eldar S. MANASHIROV, HSE University, Moscow, Russia.

ПУБЛИКАЦИИ

DOI: 10.31696/S086919080039569-2

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ТОРЕВТИКА ИЗ САРМАТСКОГО КУРГАНА У ГОРОДА ВОЛЖСКИЙ. ЧАСТЬ IV

© 2026

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ [a]

[a] – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
[a] – ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com
Scopus Author ID: 35752863100; ID WoS: AAS-5863-2021

Резюме: *В завершающей части статьи рассматриваются вопросы, связанные с датировкой, местом и обстоятельствами изготовления канфаров.*

При анализе палеографии надписей на канфарах следует, прежде всего, обратить внимание на двукратное употребление квадратной сигмы, *которая абсолютно нехарактерна для эпиграфики эллинистического мира III–II вв. до н.э. от Сицилии до Гандхары. Единственным исключением является Греко-Бактрия, где такая форма* сигмы *четыре раза используется в надписи из Жига-тепе (конец III – начало II вв. до н.э.). Это позволяет прийти к выводу, что канфары были изготовлены в Бактрах в конце правления Евтидема I (226 – ок. 190 г. до н.э.).*

Уроженец Магнесии смог не только захватить власть в Бактрии, но и добиться в 206 г. до н.э. от Антиоха III признания за собою царского титула, а также создать собственную династию. Его сын Деметрий не позднее 200 г. до н.э. начал завоевание областей к югу от Гиндукуша. Поэтому не удивительно, что Евтидем I пожелал отметить столь выдающиеся успехи изготовлением парадного сервиза, посвящённого жизни своего самого почитаемого божества – Геракла, занимавшего исключительное положение на монетах на протяжении всего его царствования.

Учитывая мирные отношения Евтидема I и его ближайших наследников с находившимися на северо-западных границах Греко-Бактрии кочевниками, канфары могли попасть к последним в качестве дара одного из греко-бактрийских царей. Но сосуды также могли достаться номадам после разгрома Бактрии в 140–130 гг. до н.э. Опираясь на данные письменных и археологических источников о переселении части завоевателей Бактрии – асиев – в Волго-Донское междуречье, можно предположить, что последним владельцем канфаров был один из вождей асиев, вместе с которым они и были захоронены в одиночном кургане на левом берегу Волги.

Ключевые слова: Сфер, Эпикрат, канфары, торевтика, эпиграфика, Греко-Бактрия, Геракл, Евтидем I, Деметрий

Для цитирования: Балахванцев А.С. Эллинистическая торевтика из сарматского кургана у города Волжский. Часть IV. *Восток (Oriens).* 2026. № 4. С. 235–249. DOI: 10.31696/S086919080039569-2

HELLENISTIC TOREUTICS FROM THE SARMATIAN BURIAL MOUND NEAR VOLZHSKY. PART IV

© 2026

Archil S. BALAKHVANTSEV [a]

[a] – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[a] – ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com
Scopus Author ID: 35752863100; ID WoS: AAS-5863-2021

Abstract: *The final section of the article examines issues related to the dating, location, and circumstances of the manufacture of the kantharoi.*

When analyzing the paleography of the kantharoi inscriptions, one should first note the double use of the square sigma*, which is completely uncharacteristic of the epigraphy of the Hellenistic world. The only exception is Greco-Bactria (late 3rd – early 2nd centuries BC). This allows us to conclude that the kantharoi were made in Bactra at the end of the reign of Euthydemus I (226 – c. 190 BC).*

Euthydemus I secured recognition of his royal title from Antiochus III in 206 BC and established his own dynasty. His son Demetrius, no later than 200 BC, began the conquest of the regions south of the Hindu Kush. Euthydemus I wished to commemorate such remarkable successes by producing a ceremonial service dedicated to the life of his most revered deity, Heracles.

Given the peaceful relations between Euthydemus I and his immediate successors and the nomads on the northwestern borders of Greco-Bactria, the kantharoi could have come to them as a royal gift. However, the vessels could also have been seized by the nomads after the defeat of Bactria in 140–130 BC. Taking into account the data from written and archaeological sources about the resettlement of some of the Asii conquerors of Bactria to the Volga-Don interfluve, it can be assumed that the last owner of the kantharoi was one of the Asii leaders, with whom they were buried in a single burial mound on the left bank of the Volga.

Keywords: Sphairos, Epicrates, kantharoi, toreutics, epigraphy, Greco-Bactria, Herakles, Euthydemus I, Demetrius

For citation: Balakhvantsev A.S. Hellenistic Toreutics from the Sarmatian Burial Mound near Volzhsky. Part IV. *Vostok (Oriens).* 2026. No. 4. Pp. 235–249. DOI: 10.31696/S086919080039569-2

После анализа сюжетов и иконографии изображений на канфарах, представленного в третьей части статьи [Балахванцев, 2025], следует обратиться к вопросам, связанным с датировкой, местом и обстоятельствами их изготовления.

ДАТИРОВКА И МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА

Прежде всего, следует напомнить, что *terminus ante quem* для обоих канфаров определяется временем их помещения в могилу и соответствует концу II – началу I вв. до н.э. [Шинкарь и др., 2025, с. 251]. Возможно ли, пусть и приблизительно, высчитать их *terminus post quem*, исходя из высказанного недавно предположения, что возраст наших сосудов должен отстоять от даты захоронения как минимум на срок старения металла, т.е. на пятьдесят лет [Минасян, Шаблавина, 2025, с. 265]? К сожалению, имеющиеся у нас данные археологии и античной нарративной традиции с трудом укладываются в прокрустово ложе любой теории. Так, серебряная фиала начала V в. до н.э. была обнаружена в захоронении

в Козане (Македония), относящемся к концу IV – началу III вв. до н.э. [Zimi, 2011, p. 100]. По свидетельству Плиния Старшего, скифосы, созданные знаменитым чеканщиком первой половины IV в. до н.э. Ментором, просуществовали около 300 лет, пока не погибли во время пожара храма Юпитера Капитолийского в 83 г. до н.э. [*Plin.* NH. XXXIII. 154]. Кубки мастера V в. до н.э. Каламида столетиями переходили из рук в руки и были доступны для копирования[1] ещё в I в н.э. [*Plin.* NH. XXXIV. 47]. С другой стороны, некоторые раннеэллинистические сосуды из гробниц Македонии предшествовали захоронению всего на 25–30 лет [Zimi, 2011, p. 100].

Поэтому совершенно справедливым представляется мнение Е. Зими, которая считает, что хронология серебряной посуды, возможно, является самой трудной проблемой в изучении этой темы. Точность датирования снижается из-за сохранения посуды в качестве фамильных реликвий и низкой скорости изменений в моде. Последнее приводит к тому, что стилистические соображения играют менее важную роль в датировке торевтики, чем в других областях греческого искусства [Zimi, 2011, p. 5][2].

В самом деле, отмеченное в статье явное влияние работ Лисиппа и Скопаса на изображение мужских персонажей, особенно Геракла, вовсе не означает, что канфары были изготовлены в эпоху поздней классики, а свидетельствует в первую очередь о широкой образованности[3] и тонком художественном вкусе главного мастера. Что же касается аналогий, подобранных для отдельных фигур с волжских канфаров, их поз, выражений лиц и атрибутов, то большинство из них датируется второй половиной IV–III вв. до н.э., а самые поздние – для позы сидящего Геракла и беотийского шлема с канфара Сфера – относятся к концу III – началу II вв. до н.э. [Балахванцев, 2025, с. 227–234].

Отдельно стоит остановиться на знаках зодиака, расположенных по окружности небесного диска на канфаре Эпикрата. Практически все подобные изображения относятся к позднеэллинистическому или римскому времени и датируются не ранее рубежа II–I вв. до н.э. [Gury, 1997; Forenbaher, Jones, 2013, p. 21, fig. 6–8; Сударев, Трейстер, 2021, с. 202, 206]. Однако при этом необходимо иметь в виду следующее. Почти все знаки зодиака имеют месопотамское происхождение, причём в ряде случаев (Дева, Стрелец, Водолей, Рыбы) символ вавилонского созвездия превратился в название греческого[4]. В лексиконе греческих философов и астрономов понятие «зодиак» [LSJ s.v. ζῳδιακός, ζῴδιον] прочно утвердилось в середине IV – начале III вв. до н.э. Его использовали Эвдокс Книдский и Аристотель [*Arist.* Metaph. 1073b 20, Mete. 343a 25], а также – Аристарх Самосский [Heath, 1913, p. 352]. В первой половине III в. до н.э. Арат из Сол в своей поэме подробно рассказывает обо всех двенадцати знаках зодиака [*Arat.* 544, 740], а сто лет спустя Полибий подчёркивает важность знания двенадцати созвездий для полководца [*Polyb.* XI. 15. 7–11]. Поскольку название каждого знака – от Овна до Рыб – в высшей степени наглядно, следует усомниться в том, что визуализация всего зодиакального круга, не говоря уже о его отдельных частях, могла на столетия отстоять от появления самого понятия.

Конструктивные особенности канфаров также не позволяют датировать их изготовление более узко, чем IV–II вв. до н.э. Так, двойная конструкция корпуса, состоящего из гладкой внутренней чаши и фигурной внешней, появилась ещё в позднеахеменидскую

[1] О копировании произведений торевтики в античности см. [Pfrommer, 1983].

[2] Следует также учитывать, что огромное большинство предметов торевтики, особенно происходящих из стран Востока, было обнаружено отнюдь не в ходе регулярных раскопок [Pfrommer, 1993, p. 2].

[3] Это утверждение распространяется не только на искусство, но и на историю. Упоминающийся на канфаре Сфера топоним Корифасий из авторов доримского времени знаком только Фукидиду и Ксенофонту [Pieske, 1922, Sp. 1462].

[4] Подробнее см. [Куртик, 1995, с. 183].

эпоху [Pfrommer, 1993, p. 66][5]. В пределах III–II вв. до н.э. датируются два кубка и две чаши с двойной конструкцией корпуса из коллекции аль-Сабаха (Кувейт) [Carter, 2015, p. 76–79, 106–109, cat. 8, 17], а также аналогичная чаша [Oliver, 1977, p. 79, no. 43] из Музея в Толедо (Огайо). К I в. до н.э. – I в. н.э. относятся двойной канфар из Нидерландов [Roes, Vollgraff, 1952, p. 40, pl. V; Strong, 1966, p. 115], двойной кубок в виде головы быка из Музея Гетти [Pfrommer, 1993, p. 66, 220, no. 128], двойной кубок-канфар из коллекции аль-Сабаха [Carter, 2015, p. 254–257, cat. 71], а также одна чаша и два канфара из Мзымтинского клада [Журавлёв и др., 2009, с. 450, 456, рис. 1, *1, 3, 4*].

Аналогии для *B-образных* ручек мне неизвестны. Однако наличие у них верхних горизонтальных пластин с завитками, предназначенных для упора большого пальца, позволяет уточнить дату производства обоих канфаров. Дело в том, что такие пластины ещё отсутствуют у кубков-канфаров из Вергины конца IV – начала III вв. до н.э. [Zimi, 2011, p. 213, nos. 61, 62]. Близкие, хотя и не идентичные волжским, пластины появляются у серебряных сосудов III–I вв. до н.э.: канфар из Танаиса [Балахванцев и др., 2019, рис. 10][6], ручки из Старой Нисы [Пилипко, 2001, рис. 235, 236], канфары из Артюховского курагана [Максимова, 1979, рис. на с. 31 (Арт. 106), рис. 24 (Арт. 61), рис. 25 (Арт. 17)], канфар и одноручная кружка из коллекции аль-Сабаха [Carter, 2015, cat. 2, 3]. Добавим, что и в керамике ручки с горизонтальными прямоугольными пластинами у канфаров входят в обиход после 220 г. до н.э. [Rotroff, 1997, p. 104, fig. 17, pl. 23, 24, nos. 252–254]. Эти факты позволяют прийти к выводу, что канфары из Волжска можно датировать концом III – концом II вв. до н.э. Поскольку большего ни в плане хронологии, ни, тем более, территориальной привязки сами сосуды и их иконография дать не могут, следует обратиться к последнему оставшемуся источнику – эпиграфике.

НАДПИСИ

Надписи традиционно используются для датировки произведений торевтики [Pfrommer, 1993, p. 3; Gill, 2008, p. 336; Zimi, 2011, p. 101; Tzochev, 2016, p. 785], однако в случае с нашими канфарами их значение становится исключительно важным по следующим причинам. Во-первых, в отличие от того, что мы видим на посуде из гробниц Македонии [Zimi, 2011, p. 106, fig. 11], надписи на волжских канфарах в одиннадцати из четырнадцати случаев представляют собой не отдельные буквы или обозначения веса, а имена мифологических персонажей и реальных людей. Во-вторых, все надписи с внешних частей сосудов наносились на них, когда те ещё находились на опоре, т.е. в процессе их изготовления [Минасян, Шаблавина, 2025, с. 261–262]. В-третьих, практически все, кроме одной, надписи, выполненные в технике точечного накола чеканом-канфарником, хорошо сохранились и читаются без труда.

Канфар Сфера. Семь надписей расположены на внешней стороне сосуда[7]. Первая надпись – Κορυφάσιον (рис. 1,*1*; 2,*1*)[8] – размещена над сидящей женской фигурой, олицетворяющей одноимённый мыс [Балахванцев, 2025, с. 228, рис. 1,*1*]. Вторая надпись – Νειλεύς (рис. 1,*2*; 2,*2*) – сопровождает фигуру царя Пилоса [Балахванцев, 2025, с. 227, рис. 1,*2*]. Третья – Πύλος (рис. 1,*3*; 2,*3*) – находится слева от головы юноши в хитоне, символизи-

[5] К приводимому самим М. Пфроммером [Pfrommer, 1987, S. 51–52, 228, KaB A 142] примеру надо добавить золотую чашу из Сибирской коллекции Петра I в Эрмитаже [Иванов и др., 1984, с. 22, № 27, илл. 31].

[6] Первоначально сосуд представлял собой ахеменидскую чашу македонского типа, которая была переделана в канфар не позднее начала II в. до н.э. [Балахванцев и др., 2019, с. 41].

[7] Средняя высота букв составляет 3 мм, кроме *фи*, которая достигает 5 мм.

[8] Рисунки 1 и 3 находятся на цветной вклейке.

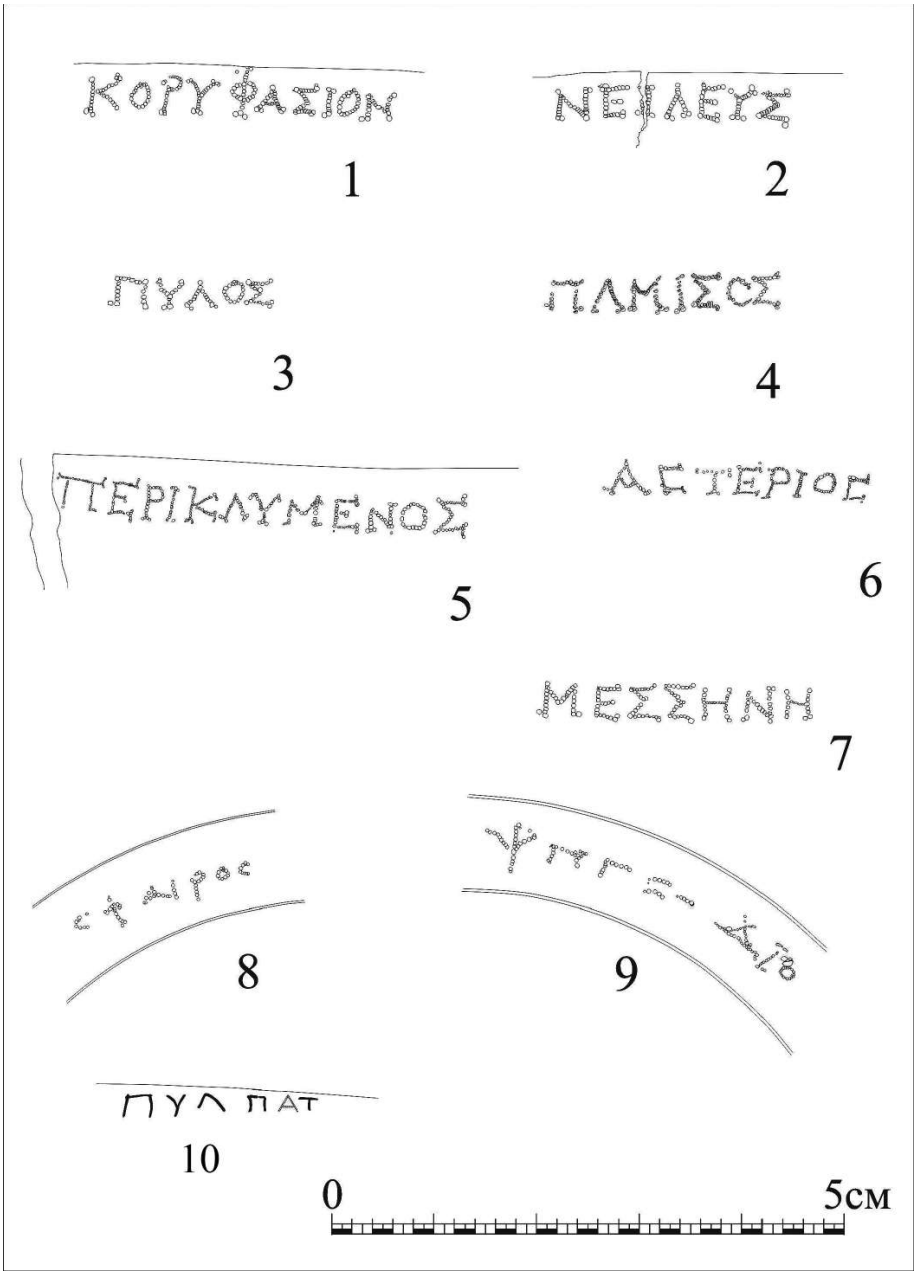

Рис. 2. Канфар Сфера. Надписи. Прорисовка
Fig. 2. Kantharos of the Sphairos. Inscriptions. Drawing

рующего столицу Нелея [Балахванцев, 2025, с. 228, рис. 1,*4*]. Четвёртая надпись – Πάμισος (рис. 1,*4*; 2,*4*) – расположена над сидящей фигурой речного божества [Балахванцев, 2025, с. 230, рис. 1,*5*]. Пятая надпись – Περικλύμενος (рис. 1,*5*; 2,*5*) помещена над фигурой юного противника Геракла [Балахванцев, 2025, с. 229, рис. 1,*6*]. Шестая – Ἀστέριος (рис. 1,*6*; 2,*6*) – находится под телом убитого сына Нелея [Балахванцев, 2025, с. 229, рис. 1,*7*]. Седьмая надпись – Μεσσήνη (рис. 1,*7*; 2,*7*) – сопутствует стоящей позади Геракла женской фигуре [Балахванцев, 2025, с. 230, рис. 1,*9*].

Две надписи размещены на оборотной стороне поддона внутри двух концентрических окружностей. Первая[9] представляет собой стоящее в именительном падеже личное имя Σφαῖρος (рис. 1,*8*; 2,*8*). Употребление номинатива обычно понимается как указание на имя мастера, которое отмечалось на изделиях торевтики достаточно редко. Что же касается самого имени Сфер, то область его распространения охватывает острова Эгейского моря, Аттику, Элиду, Локриду, Фессалию, северное побережье Понта и Малую Азию. Однако детей нарекали им очень редко. Так, на всю Малую Азию приходится десять носителей этого имени, а Северное Причерноморье представлено лишь философом Сфером из Ольвии-Борисфена [LGPN s.v. Σφαῖρος].

Вторая надпись[10] на поддоне (рис. 1,*9*; 2,*9*) представляет собой обозначение веса канфара, записанное в алфавитной системе [Mc Lean, 2002, p. 61–63, tab. 6], после которого в сокращённой форме указаны[11] использовавшиеся единицы веса:

ΨΠΓ = ‒ ΔΡ (=δραχμαί) Ο (=οβολοί)

Перевод: (вес) 783 (драхмы) 3 (обола). Др(ахмы). О(болы).

Последняя, десятая[12] надпись (рис. 1,*10*; 2,*10*) находится на внешней стороне венчика внутренней чаши и, скорее всего, выполнена позже остальных. Она прорезана острием ножа и состоит из шести знаков:

ΠΥΛ vacat ΠΑΤ[13]

Их значение неизвестно.

Канфар Эпикрата. Две надписи расположены на внешней стороне сосуда[14]. Первая надпись – Ὠκεανός (рис. 3,*1*; 4,*1*) – размещена над фигурой сидящего титана [Балахванцев, 2025, с. 233–234, рис. 10,*4*]. Вторая – Ἄτλας (рис. 3,*2*; 4,*2*) – сопровождает стоящую справа от Геракла фигуру Атланта [Балахванцев, 2025, с. 233, рис. 10,*6*].

Ещё две надписи размещены на оборотной стороне поддона. Первая[15] представлена стоящим в именительном падеже личным именем Ἐπικράτης (рис. 3,*3*; 4,*3*), которое, как и в случае со Сфером, следует считать именем создавшего канфар мастера. Данный антропоним был очень популярен по всему греческому миру, о чём наглядно свидетельствует большое количество его носителей, превышавшее шестьсот человек [LGPN s.v. Ἐπικράτης]. Вторая надпись[16] на поддоне (рис. 3,*4*; 4,*4*) представляет собой обозначение веса канфара, записанное в алфавитной системе:

---

[9] Средняя высота букв составляет 1–3 мм.

[10] Высота букв – от 2 до 5 мм.

[11] Такие указания встречаются отнюдь не везде. Так, из девяти обнаруженных в Македонии и Фракии сосудов с весовыми надписями, единицы веса упоминаются только на четырёх [Zimi, 2011, p. 110, tab. 4; Tzochev, 2016, p. 783–784, fig. 3, 4]. К тому же весовые единицы всегда предшествуют цифрам (см., кроме указанных выше работ, также [Pfrommer, 1993, p. 198, no. 77; Bernard, Inagaki, 2002, p. 209; Carter, 2015, p. 59–60, 214, 232, cat. 2, 53, 63]). Всё это позволяет предположить, что обозначение драхм и оболов были добавлены торевтом в последний момент и в заметной спешке, о чём свидетельствует небрежно выполненная головка *ро*.

[12] Высота букв – 3 мм.

[13] Предпоследний знак виден очень плохо. *Альфа* восстанавливается предположительно.

[14] Средняя высота букв в обеих надписях равняется 3 мм.

[15] Средняя высота букв составляет 1–2 мм.

[16] Высота букв – от 2 до 4 мм.

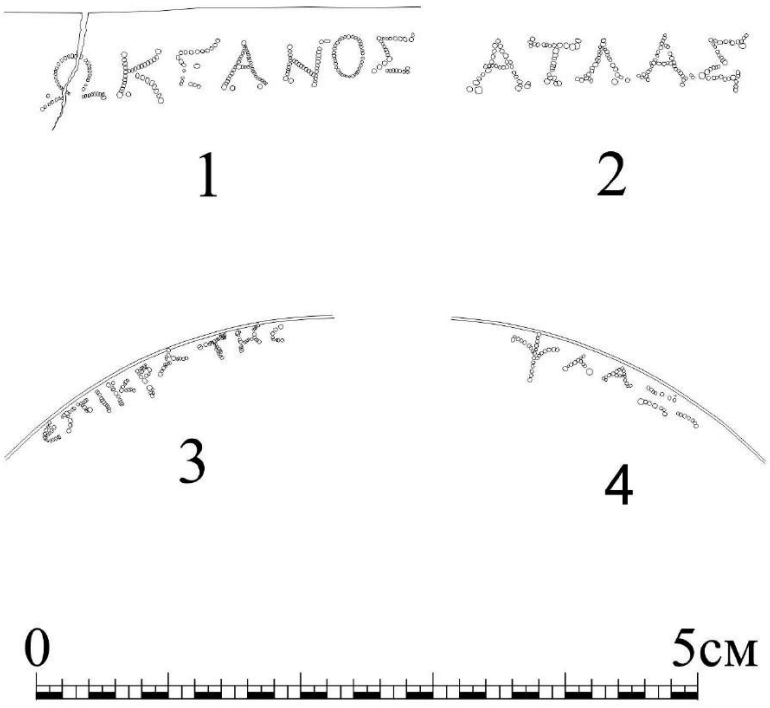

Рис. 4. Канфар Эпикрата. Надписи. Прорисовка
Fig. 4. Kantharos of the Epicrates. Inscriptions. Drawing

ΨΛΑ = –

Перевод: (вес) 731 (драхма) 3 (обола).

Орфография надписей не вызывает никаких нареканий[17] и вполне согласуется с теми хронологическими рамками (конец III – конец II вв. до н.э.), которые были определены для обоих канфаров выше (с. 238). Так, не лишним будет отметить написание имени титана Океана через начальную *омегу*, которое резко контрастирует с тем, как это слово – с инициальным *омикроном* – фиксируется в VI–V вв. до н.э. [Cahn, 1994, S. 32, Kat. 1, 4, 6]. Ещё более важным представляется то обстоятельство, что имя Нелея вместо своей канонической формы Νηλεύς[18] воспроизведено как Νειλεύς. Считается, что такой переход *η→ει* в аттических надписях появляется не ранее 200 г. до н.э. [Threatte, 1980, p. 170].

Надписи на внешних и внутренних частях обоих канфаров выполнены в монументальном стиле, надписи на поддонах – в курсивном. Палеография монументальных надписей характеризуется следующими чертами: *альфа* с прямой или ломаной перекладиной; *омикрон* чуть меньше остальных букв или – в одном случае – совпадает с ними по размеру; *пи* с выходящей за габариты буквы горизонтальной гастой; сочетание четырёхчастной и

[17] Только в имени Πάμισος (рис. 1,*4*; 2,*4*) у *альфы* отсутствует поперечина. Впрочем, путаница *альфа/лямбда* встречается в надписях достаточно часто. См.: [Бехтер, 2022, с. 49, прим. 102].

[18] Именно так имя царя Пилоса зафиксировано на ойнохойе начала IV в. до н.э. [Simon, 1992, S. 728, Kat. 1].

квадратной *сигмы*; *омега* со сближающимися внизу краями полуовальной части. Важным признаком всех монументальных надписей, нанесённых на сосуды в процессе изготовления, является заметное апицирование. Следует отметить и незначительное влияние курсива, выразившееся в изогнутости правых боковых элементов у некоторых форм *эты* (рис. 1,*7*; 2,*7*), *мю* (рис. 1,*4*; 2,*4*), *ню* (рис. 1,*1*; 2,*1*), *пи* (рис. 1,*3*; 2,*3*), а также – маленькой головки *ро* (рис. 1,*1*; 2,*1*). Курсивные надписи характеризуются употреблением *альфы* с поднятой с правой стороны перекладиной, лунарных форм *эпсилона* и *сигмы*, *ро* с непропорционально маленькой головкой[19].

Уже при первом взгляде на надписи бросаются в глаза те палеографические особенности, которые полностью согласуются с отнесением волжских канфаров к эллинистическому периоду: апексы в виде чёрточек, появившиеся в аттических памятниках с последней трети IV в. до н.э.; равновеликие вертикали *пи*, характерные для III в. до н.э. и последующих столетий; *альфа* с ломаной перекладиной; лунарная *сигма* [Яйленко, 2023, с. 86–87, 92, 96 (с предшествующей литературой)]. Однако главную роль при определении точной датировки и места производства сосудов играет использование на канфаре Сфера, наряду с четырёхчастной и лунарной, исключительно редкой[20] для III–II вв. до н.э. квадратной *сигмы*[21].

Эта форма абсолютно нехарактерна для надписей эллинистического Боспора [Болтунова, Книпович, 1962, табл. II; Бехтер, 2022, с. 41–54], на территории которого она появляется только в римское время. Не применялась она и в надписях эллинистической Ольвии [Яйленко, 2023, с. 91, 95, 96]. Квадратная *сигма* не встречается и в надписях из Македонии периода правления там династии Антигонидов [Hatzopoulos, 1996, pl. VIII–XXIII, XXVII–LXXVIII]. Аналогичная ситуация наблюдается в областях и полисах Балканской Греции: Фессалии [Guarducci, 1995(1), fig. 204], Беотии [Guarducci, 1995(1), fig. 194], Ахайи Фтиотиде [Guarducci, 1995(2), fig. 32], Дельфах [Guarducci, 1995(2), fig. 154b], Этолии [Guarducci, 1995(1), fig. 171], Афинах [Guarducci, 1995(1), figg. 1, 26, 45, 104], Эпидавре [Guarducci, 1995(2), fig. 99], Олимпии [Guarducci, 1995(1), figg. 29, 37; 1995(2), fig. 40], Спарте [Guarducci, 1995(1), figg. 129, 131, 133]. Точно такую же картину демонстрируют надписи с островов Средиземного и Эгейского морей: Сицилии [Guarducci, 1995(1), figg. 177a–b], Крита [Guarducci, 1995(1), figg. 6, 32, 38], Феры [Guarducci, 1995(2), fig. 95], Делоса [Guarducci, 1995(1), fig. 85][22] и Самофракии [Guarducci, 1995(1), fig. 89].

В греческой эпиграфике птолемеевского Египта III–II вв. до н.э. квадратная *сигма* не используется ни разу [Crowther, 2020, tab. 13.1]. Эта форма чужда и надписям эллинистической Кирены [Guarducci, 1995(1), fig. 184]. Нет её и на памятниках III–II вв. до н.э. из городов и областей Малой Азии: Троады [Guarducci, 1995(2), fig. 45], Ассоса [Merkelbach, 1976, Nrn. 4, 5, 7–9, 11, Taf. 1, 3–5], Пергама [Welles, 1966, pl. IX], Смирны [Petzl, 1987, S. 48, Nr. 586], Магнесии-на-Меандре [Canali De Rossi, 2004, p. 147, no. 250[E]],

[19] Заметим, что использование в словах Κορυφάσιον и Σφαῖρος одинаковой формы *ро* с головкой в виде незамкнутой окружности является индивидуальной особенностью почерка Сфера и свидетельством работы одной и той же руки.

[20] Это утверждение, разумеется, не распространяется на использование квадратной *сигмы* в весовых надписях для обозначения цифры «шесть». См. [Bernard, Inagaki, 2002, p. 209; Carter, 2015, p. 59–60, cat. 2].

[21] Показательно, что в очерке палеографии царских рескриптов эллинистического времени о существовании квадратной *сигмы* вообще не упоминается [Welles, 1966, p. LII–LIII].

[22] Использование резчиком в начале повреждённой первой строки посвящения Аполлону (222 г. до н.э.), установленного царём Антигоном III Досоном на Делосе [Hatzopoulos, 1996, pl. XXVIb], квадратной *сигмы* вызывает серьёзное сомнение, т.к. данная форма вместе с *альфой* с прямой перекладиной были прорисованы при ретушировании фотографии. Между тем, во всех остальных случаях в надписи присутствуют *альфы* с ломаной гастой и четырёхчастные *сигмы*. К тому же, в повреждённом месте на камне отчётливо видны следы именно четырёхчастной *сигмы*.

Памфилии [Guarducci, 1995(1), fig. 106], Карии [Canali De Rossi, 2004, p. 264, no. 453R]. В немногочисленных греческих надписях из эллинистического Армавира (Армения) использовалась только лунарная *сигма* [Canali De Rossi, 2004, p. 6–13].

Квадратная *сигма* также абсолютно чужда эпиграфике III–II вв. до н.э. тех областей к востоку от Тавра, которые входили в состав державы Селевкидов: Сирии и Палестины [Cotton, Wörrle, 2007, fig. 1], Месопотамии [Canali De Rossi, 2004, p. 41, no. 65] и Вавилонии [Canali De Rossi, 2004, p. 47–48, 49–50, 64, 65, 66, 69, 79–82, no. 76, 79e–g, 100, 102, 103, 106, 130, 136], Персидского залива [Canali De Rossi, 2004, p. 88, no. 147R], Сузианы [Rougemont, 2012, p. 36–44, 56–75, 92, fig. 4–8, 13–29, 49][23], Мидии [Rougemont, 2012, p. 133–144, 145–148, 154–156, fig. 66–68, 70, 75], Гиркании [Guarducci, 1995(2), fig. 97; Rougemont, 2012, p. 157–161, fig. 76] и Дрангианы [Rougemont, 2012, p. 163, 265–268, fig. 79, 80 bis]. Квадратная *сигма* не встречается и в надписях эллинистической Арахозии [Rougemont, 2012, p. 165–182, fig. 81–84], сначала находившейся под властью индийской династии Маурьев, а потом вошедшей в состав Греко-Бактрии.

Теперь нам осталось рассмотреть эпиграфические памятники, происходящие с территории Греко-Бактрийского царства. Абсолютное большинство надписей, выполненных в монументальном[24] и монументально-курсивном[25] стиле[26], характеризуются использованием апексов [Bernard, 1973, pl. 109; Rougemont, 2012, fig. 98]; *пи* с выходящей за габариты буквы горизонтальной гастой [Bernard et al., 2004, fig. 26, 27; Rougemont, 2012, fig. 151]; сочетаниями четырёхчастной и лунарной *сигмы*, а также лапидарного и курсивного *эпсилона* [Bernard et al., 2004, fig. 26, 27; Rougemont, 2012, fig. 151]; заметным превалированием формы *альфы* с прямой перекладиной над ломаной [Bernard, 1973, pl. 108; Rougemont, 2012, p. 200–209, fig. 97]. И лишь в монументально-курсивной надписи из Жига-тепе, которая датируется концом III – началом II вв. до н.э. [Литвинский и др., 1985, с. 99], наряду с одной лунарной четыре раза используется квадратная *сигма* [Rougemont, 2012, p. 189–191, fig. 91]. Ранее я полагал, что употребление такой формы можно объяснить индивидуальной особенностью резчика. Это было вызвано тем, что в греко-бактрийской эпиграфике II в. до н.э. известна только четырёхчастная и лунарная *сигма*, а квадратная появилась в монетных легендах индо-греческих и индо-скифских царей лишь в I в. до н.э. [Балахванцев, 2014(2), с. 90–91 (с предшествующей литературой)][27].

Однако наблюдения над эволюцией *сигмы* в надписях греко-римского Египта заставили меня отказаться от этого предположения. Квадратная *сигма* впервые появляется в греческой эпиграфике Египта при Птолемее XII Авлете в 60-е гг. до н.э.: посвящение из Файюма [Paganini, 2020, fig. 11.21], стела с двумя декретами ассоциации землевладельцев из селения Псенамосис [Crowther, 2020, p. 235, 250, fig. 13.23], а также надпись эпистратега Каллимаха с острова Филы [Bernand, 1969, no. 52; Crowther, 2020, tab. 13.1]. Затем, в конце правления Птолемея XII и в царствование его дочери Клеопатры VII, квадратная *сигма* исчезает и

[23] В эпиграфике Суз, как и других городских центров западной части Парфянского царства, четырёхчастная и лунарная *сигма* замещаются на квадратную около рубежа эр. См. [Sellwood, 1980, p. 152, 161, 162; Rougemont, 2012, p. 25–36, 75–76, fig. 3.2, 30.2; Балахванцев, 2020, с. 150].

[24] Посвящение Гермесу и Гераклу из Ай-Ханум [Bernard, 1973, pl. 109; Rougemont, 2012, p. 209–211, fig. 98].

[25] Надпись с дельфийскими максимами из Ай-Ханум [Bernard, 1973, pl. 108; Rougemont, 2012, p. 200–209, fig. 97]; посвящение Гелиодота Гестии из Куляба [Bernard et al., 2004, fig. 26, 27; Rougemont, 2012, p. 255–258, fig. 151]; посвящение Атросока из храма Окса [Литвинский и др., 1985, с. 94–95, рис. 2; Rougemont, 2012, p. 196–198, fig. 95].

[26] О нём см. [Литвинский и др., 1985, с. 97–101].

[27] К использованным в работе 2014 г. источникам следует прибавить две надписи на серебряных чашах из Гандхары [Falk, 2009, p. 26, 35, fig. 2–4, 14; Rougemont, 2012, p. 268–273, fig. 88 bis, 88 ter; Carter, 2015, p. 223, 232, cat. 58, 63].

начинает систематически использоваться вновь только в эдикте префекта Египта Тиберия Юлия Александра из храма в Хибисе 68 г. н.э. [White, Oliver, 1938, p. 23, 29, pl. VII–XII][28].

Получается, что между первым эпизодическим использованием квадратной *сигмы* в долине Нила и началом её регулярного употребления прошло не менее 130 лет. Очевидно, ситуация с этой формой *сигмы* на берегах Окса развивалась аналогичным образом. Следовательно, мы имеем полное право, опираясь на присутствие квадратной *сигмы* в надписи из Жига-тепе, сделать вывод о том, что канфары Сфера и Эпикрата были изготовлены в Греко-Бактрии в конце III – начале II вв. до н.э.

ИСТОРИЯ ШЕДЕВРОВ

Какие же события сначала сопутствовали изготовлению канфаров, а затем привели к их попаданию из Бактр (совр. Балх) на берега Волги? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы кратко осветить политическую ситуацию в Греко-Бактрии на тот момент, когда торевты приступили к своей работе. В завершающую стадию вступало долгое правление Евтидема I (226 – ок. 190 гг. до н.э.)[29]. Уроженцу Магнесии у горы Сипил[30] удалось не только захватить власть в Бактрии и включить в её состав Арейю [Балахванцев, 2017, с. 86], но и, выдержав двухлетнюю осаду в Бактрах, добиться от Антиоха III в 206 г. до н.э. признания за собой царского титула и создать собственную династию [*Polyb.* XI. 34. 1–9]. Не позднее 200 г. до н.э. старший сын Евтидема I Деметрий отправился в поход за Гиндукуш и, воспользовавшись полным развалом империи Маурьев, овладел Гандхарой, Арахозией, Дрангианой и, возможно, даже бассейном Инда [Балахванцев, 2014(1), с. 40 (с предшествующей литературой)]. Поэтому не удивительно, что Евтидем пожелал отметить столь выдающиеся успехи изготовлением огромного парадного сервиза[31]. Вполне понятно, почему сервиз был иллюстрирован сценами из жизни Геракла: он был любимым божеством царя, занимавшим монопольное положение на реверсе золотых и серебряных монет [Glenn, 2020, pl. 1–32] и на аверсе бронзовых [Glenn, 2020, pl. 33–36].

Следует отметить, что Евтидем I поддерживал мирные отношения[32] с находившимися на северо-западных границах Греко-Бактрии кочевниками, а его второй сын – Антимах I Теос – даже использовал номадов в качестве наёмников [Clarysse, Thompson, 2007, p. 276; Rougemont, 2012, p. 193]. Поэтому первым из возможных путей попадания канфаров Сфера и Эпикрата к кочевникам может быть дар одного из греко-бактрийских царей. Вполне

[28] Подробнее см. [Балахванцев и др., 2026 (в печати)].

[29] Обоснование даты начала правления Евтидема I см. [Балахванцев, 2017, с. 81, прим. 271 (с предшествующей литературой)].

[30] Полибий сообщает, что родным городом Евтидема была Магнесия [*Polyb.* XI. 34. 1], но не уточняет, какой из двух одноимённых городов Малой Азии имеется здесь в виду. Судя по тому, что тип оборотной стороны золотых и серебряных выпусков Евтидема с сидящим Гераклом был заимствован с монет Магнесии у горы Сипил [Балахванцев, 2025, с. 228 (с предшествующей литературой)], будущий царь Греко-Бактрии, вопреки мнению ряда современных исследователей [Bernard, 1985, p. 131–133; Bopearachchi, 2015, p. 492], родился именно там.

[31] Критикуя первоначальный вариант моей гипотезы о греко-бактрийском происхождении канфаров, коллеги отметили, что серебро, из которого были изготовлены оба сосуда, не могло происходить из месторождений Тянь-Шаня, Памира и Гиндукуша [Шинкарь и др., 2025, с. 257–258]. Однако эта критика бьёт мимо цели. В самом деле, Тянь-Шань никогда не находился под контролем греко-бактрийских царей. Не существует никаких данных о вхождении в состав Греко-Бактрии и территории Памира. До завоеваний Деметрия Бактрия включала в себя только северные склоны Гиндукуша. Поэтому вопрос об источниках бактрийского серебра до начала II в. до н.э. остаётся открытым. Что же касается металла, использованного для изготовления канфаров, то он вполне мог быть получен путём переплавки старых, уже не использовавшихся серебряных сосудов, хранившихся в царской сокровищнице.

[32] Мне уже приходилось писать, что к обращённым в адрес Антиоха III словам Евтидема об угрозе кочевнического вторжения надо относиться *cum grano salis* [Балахванцев, 2014(1), с. 40].

вероятен и другой путь: сосуды достались номадам в качестве военной добычи после разгрома Бактрии в 140–130 гг. до н.э. Во всяком случае, они оказались у кочевников после достаточно длительного периода использования, который завершился проведением некачественного ремонта, сделавшего крайне сомнительной возможность их применения на пирах [Минасян, Шаблавина, 2025, с. 264–265].

Можно ли определить, к какому именно кочевому народу попали канфары? Страбон [*Strab.* XI. 8. 2] и неизвестный автор прологов к сочинению Помпея Трога [*Trog.* Prol. XLI.] называют в числе завоевателей Бактрии асиев (Ἀσιοι/Asiani). Клавдий Птолемей в начале II в.н.э. отмечает их присутствие в Азиатской Сарматии, в Волго-Донском междуречье [*Ptol.* Geogr. V. 9. 16: Ἀσαῖοι]. Однако у нас есть все основания считать, что переселение асиев или их части на запад состоялось значительно раньше. Об этом косвенным образом свидетельствуют находки поясных пряжек из гагата в датируемом II–I вв. до н.э. погребении 4 кургана 27 Жутовского могильника на берегу Есауловского Аксая в Волго-Донском междуречье [Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 130, 135]. Они находят ближайшие параллели в могильниках Кую-Мазар, Кызыл-тепе и на городище Пайкенд [Окороков, 2026, с. 93 (с предшествующей литературой)], расположенных в Бухарском Согде, откуда кочевники и вторглись в Бактрию. Поясные пряжки и пластины из гагата никогда не являлись объектами торговли и могли перемещаться только вместе со своими владельцами. Поэтому обнаружение гагатовых пряжек в Жутовском могильнике означает, что переселение асиев от границ Греко-Бактрии в Волго-Донское междуречье состоялось уже в это время. Следовательно, можно предположить, что последним владельцем канфаров был один из вождей асиев, вместе с которым они и были захоронены в одиночном кургане на левом берегу Волги.

СОКРАЩЕНИЯ/ABBRREVIATIONS

LGPN – The Lexicon of Greek Personal Names (https://www.lgpn.ox.ac.uk/).

LSJ – A Greek-English Lexicon. Compiled by Henry George Liddel and Robert Scott. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones. Oxford: Clarendon Press, 1996.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Балахванцев А.С. Некоторые проблемы истории Греко-Бактрии в свете нумизматических и нарративных источников. *KOINON ΔΩΡΟΝ: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова.* Ред. А.А. Синицин, М.М. Холод. СПб., 2014(1). С. 35–41 [Balakhvantsev A.S. Some Problems of Greco-Bactria History in the Light of Numismatic and Narrative Sources. *KOINON ΔΩΡΟΝ: Studies and Essays in Honour of Valerii P. Nikonorov on the Occasion of His Sixtieth Birthday presented by Friends and Colleagues.* Eds. A.A. Sinitsyn, M.M. Kholod. Saint Petersburg, 2014(1). Pp. 35–41 (in Russian)].

Балахванцев А.С. Новая надпись из Тахти-Сангина и некоторые проблемы восточного эллинизма. *Российская археология.* 2014(2). № 4. С. 89–96 [Balakhvantsev A.S. A New Inscription from Takhti-Sangin and Some Problems of Eastern Hellenism. *Russian Archaeology.* 2014(2). No. 4. Pp. 89–96 (in Russian)].

Балахванцев А.С. *Политическая история ранней Парфии*. М.: ИВ РАН, 2017 [Balakhvantsev A.S. *Political History of Early Parthia*. Moscow: IOS RAS, 2017 (in Russian)].

Балахванцев А.С. Ещё раз о дате погребения у с. Косика. *Волго-Уральский регион от древности до средневековья: материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции.* Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. С. 149–151 [Balakhvantsev A.S.

Again on the Date of the Burial near the Village of Kosika. *The Volga-Ural Region from Antiquity to the Middle Ages: Proceedings of the VI Lower Volga International Archaeological Scientific Conference.* Ed. A.S. Skripkin. Volgograd: VolSU Publishing House, 2020. Pp. 149–151 (in Russian)].

Балахванцев А.С. Эллинистическая торевтика из сарматского кургана у города Волжский. Часть III. *Восток (Oriens).* 2025. № 6. С. 223–238 [Balakhvantsev A.S. Hellenistic Toreutics from the Sarmatian Burial Mound near Volzhsky. Part III. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 6. Pp. 223–238 (in Russian)].

Балахванцев А.С., Беспалый Г.Е., Циркунова И.В. Серебряный канфар из Танаиса (предварительное сообщение). *Вестник Танаиса.* Вып. 5. Т. 1. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. С. 38–45 [Balakhvantsev A.S., Bespaly G.E., Tsirkunova I.V. Silver Kantharos from Tanais (preliminary report). *Tanais Bulletin.* Iss. 5. Vol. 1. Rostov-on-Don: Altair, 2019. Pp. 38–45 (in Russian)].

Балахванцев А.С., Лебедев М.А., Малых С.Е. Смерть на Ниле: проблема интерпретации надписи из «гробницы Дамаса» в Гебель эль-Нуре (Средний Египет) и её археологического контекста. *Записки ИИМК РАН.* 2026. № 35 (в печати) [Balakhvantsev A.S., Lebedev M.A., Malykh S.E. Death on the Nile: The Problem of Interpreting the Inscription from the “Tomb of Damas” in Gebel el-Nour (Middle Egypt) and Its Archaeological Context. *Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS.* 2026. No. 35 (in press) (in Russian)].

Бехтер А.П. Лапидарные шрифты Босфора VI–I вв. до н.э. *История письма от античности до нового времени.* Ред. А.В. Серенов. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2022. С. 20–64 [Bekhter A.P. Lapidary Scripts of the Bosphorus of the 6th–1st Centuries BC. *History of Writing from Antiquity to Modern Times.* Ed. A.V. Serenov. Moscow; Saint Petersburg: Alliance-Archeo, 2022. Pp. 20–64 (in Russian)].

Болтунова А.И. Книпович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. *Нумизматика и эпиграфика.* 1962. Т. 3. С. 3–31 [Boltunova A.I. Knipovich T.N. Essay on the History of Greek Lapidary Writing in the Bosporus. *Numismatics and Epigraphy.* 1962. Vol. 3. Pp. 3–31 (in Russian)].

Журавлёв Д.В., Трейстер М.Ю., Хрисанова О.П. Художественное серебро «Мзымтинского клада» (предварительная информация). *Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира.* СПб.: Нестор-История, 2009. С. 449–459 [Zhuravlev D.V., Treister M.Yu., Khrisanova O.P. Artistic Silver of the “Mzymta Treasure” (Preliminary Information). *Bosporan Phenomenon: Art on the Periphery of the Ancient World.* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009. Pp. 449–459 (in Russian)].

Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесова Л.С. *Ювелирные изделия Востока. Коллекция Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа. Древний, средневековый периоды.* М.: Искусство, 1984 [Ivanov A.A., Lukonin V.G., Smesova L.S. *Jewelry of the East. Collection of the Special Treasury of the Oriental Department of the State Hermitage Museum. Ancient and Medieval Periods.* Moscow: Iskusstvo, 1984 (in Russian)].

Куртик Г.Е. История Зодиака согласно клинописным источникам. *Вестник древней истории.*1995. № 1. С. 175–188 [Kurtik G.E. History of the Zodiac according to Cuneiform Sources. *Journal of Ancient History.* 1995. No. 1. Pp. 175–188 (in Russian)].

Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии. *Вестник древней истории.* 1985. № 4. С. 84–110 [Litvinsky B.A., Vinogradov Yu.G., Pichikyan I.R. The Votive Offering of Atrosokes, from the Temple of Oxus in Northern Bactria. *Journal of Ancient History.* 1985. No. 4. Pp. 84–110 (in Russian)].

Максимова М.И. *Артюховский курган*. Ленинград: Искусство, 1979 [Maksimova M.I. *Artyukhovsky Burial Mound.* Leningrad: Iskusstvo, 1979 (in Russian)].

Минасян Р.С., Шаблавина Е.А. Эллинистическая торевтика из сарматского кургана у города Волжский. Часть II. *Восток (Oriens).* 2025. № 4. С. 257–270 [Minasyan R.S., Shablavina E.A. Hellenistic

Toreutics from the Sarmatian Burial Mound near Volzhsky. Part II. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 4. Pp. 257–270 (in Russian)].

Окороков К.С. Поясные пряжки и пластины в погребальных комплексах Средней Азии во II в. до н.э. – I – начале II в. н.э. *Нижневолжский археологический вестник.* 2026. Т. 25. № 2. С. 88–114 [Okorokov K.S. Belt Buckles and Plates in the Burial Complexes of Central Asia in the 2nd Century BC and the 1st – Beginning of the 2nd century AD. *The Lower Volga Archaeological Bulletin.* 2026. Vol. 25. No. 2. Pp. 88–114 (in Russian)].

Пилипко В.Н. *Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период.* М.: Наука, 2001 [Pilipko V.N. *Old Nisa: Main Results of Archaeological Research in the Soviet Period.* Moscow: Nauka, 2001 (in Russian)].

Скрипкин А.С., Шинкарь О.А. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье. *Российская археология.* 2010. № 1. С. 125–127 [Skripkin A.S., Shinkar' O.A. Sarmatian-time kurgan Zhutovsky 27 in the Volga-Don interstream region. *Russian archeology.* 2010. No. 1. Pp. 125–127 (in Russian)].

Сударев Н.И., Трейстер М.Ю. Медальон с изображением богини и знаков зодиака из некрополя Виноградный 7. *Hypanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН.* Т. 3. М.: ИА РАН, 2021. С. 193–217 [Sudarev N.I., Treister M.Yu. Medallion with a Goddess and the Zodiac symbols from Necropolis Vinogradnyi 7. *Hypanis. Transactions of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.* Vol. 3. Moscow: IA RAS, 2021. Pp. 193–217 (in Russian)].

Шинкарь О.А., Чугаев А.В., Сапрыкина И.А., Зубавичус Е.Я. Эллинистическая торевтика из сарматского кургана у города Волжский. Часть I. *Восток (Oriens)*. 2025. № 3. С. 247–261 [Shinkar O.A., Chugaev A.V., Saprykina I.A., Zubavichus E.Ya. HellenisticToreutics from the Sarmatian Burial Mound near Volzhsky. Part I. *Vostok (Oriens).* 2025. No. 3. Pp. 247–261(in Russian)].

Яйленко В.П. Палеография надписей эллинистической Ольвии. *Археологический вестник.* 2023. Вып. 40. С. 85–101 [Yailenko V.P. Paleography of Inscriptions from Hellenistic Olbia. *Archaeological News.* 2023. Iss. 40. Pp. 85–101 (in Russian)].

Bernand A. *Les inscriptions grecques de Philae T. I.* Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1969.

Bernard P. *Fouilles d'Aï Khanoum I (Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan T.XXI).* Paris: Éditions Klincksieck, 1973.

Bernard P. *Fouilles d'Aï Khanoum IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne.* Paris: de Boccard, 1985.

Bernard P., Inagaki H. Un torque achéménide avec une inscription grecque au musée Miho (Japan). *Treasures of Ancient Bactria.* Miho: Miho Museum, 2002. P. 207–210.

Bernard P., Pinault G.-J., Rougemont G. Deux nouvelles inscriptions grecques de l'Asie centrale. *Journal des Savants.* 2004. P. 227–356.

Bopearachchi O. *From Bactria to Taprobane. Vol. I. Central Asian and Indian Numismatics.* New Delhi: Manohar Publishers, 2015.

Cahn H.A. Okeanos. *Lexicon iconographicum mythologiae classicae.* Zürich und Düsseldorf: Artemis, 1994. Vol. VII. S. 31–33.

Canali De Rossi F. *Iscrizioni dello Estremo Oriente Greco.* Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 2004.

Carter M. *Arts of the Hellenized East: Precious Metalwork and Gems of the Pre-Islamic Era.* London: Thames & Hudson, 2015.

Clarysse W., Thompson D.J. Two Greek Texts on Skin from Hellenistic Bactria. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2007. Bd. 159. Pp. 273–279.

Cotton H.M., Wörrle M. Seleukos IV to Heliodoros: a New Dossier of Royal Correspondence from Israel. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 2007. Bd. 159. Pp. 191–203.

Crowther Ch. The Palaeography of Ptolemaic Inscriptions from Egypt. *The Epigraphy of Ptolemaic Egypt.* Eds. A. Bowman, Ch. Crowther. Oxford: University Press, 2020. Pp. 226–267.

Falk H. Greek Style Dedications to an Indian God in Gandhara. *Indo-Asiatische Zeitschrift*. 2009. Bd. 13. Pp. 25–42.

Forenbaher S., Jones A. The Nakovana Zodiac. *Journal of the Archaeological Museum in Zagreb.* 2013. Vol. XLVI. Pp. 7–28.

Gill D.W.J. Inscribed Silver Plate from Tomb II at Vergina: Chronological Implications. *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens.* 2008. Vol. 77. Pp. 335–358.

Glenn S. *Money and Power in Hellenistic Bactria.* New York: The American Numismatic Society, 2020.

Guarducci M. *Epigrafia Greca. Vol. II.* Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 1995(1).

Guarducci M. *Epigrafia Greca. Vol. III.* Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 1995(2).

Gury F. Zodiacus. *Lexicon iconographicum mythologiae classicae.* Zürich und Düsseldorf: Artemis, 1997. Vol. VIII. P. 490–497.

Hatzopoulos M.B. *Macedonian Institutions under the Kings. II. Epigraphic Appendix*. Paris: De Boccard éditions, 1996.

Heath Th. *Aristarchus of Samos.* Oxford: Clarendon Press, 1913.

Mc Lean B.H. *An introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great down to the Reign of Constantine (323 B.C. – A.D. 337).* Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002.

Merkelbach R. (Hrsg.). *Die Inschriften von Assos (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, vol. 4).* Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1976.

Oliver A. *Silver for the Gods: 800 Years of Greek and Roman Silver.* Toledo: The Toledo Museum of Art, 1977.

Paganini M.C.D. Epigraphic Habits of Private Associations in the Ptolemaic Chora. *The Epigraphy of Ptolemaic Egypt.* Eds. A. Bowman, Ch. Crowther. Oxford: University Press, 2020. Pp. 179–207.

Petzl G. (Hrsg.). Die *Inschriften von Smyrna, II.1 (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, 24.1).* Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1987.

Pfrommer M. Griechische Originale und Kopien unter römischem Tafelsilber. *The J. Paul Getty Museum Journal.* 1983. Vol. 11. S. 135–146.

Pfrommer M. *Studien zu alexandrinischer und großgriechischer Toreutik frühhellenistischer Zeit.* Berlin: Gebr. Mann, 1987.

Pfrommer M. *Metalwork from the Hellenized East.* Malibu: The J. Paul Getty Museum, 1993.

Pieske E. Koryphasion. *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissova. Hrsg. von W. Kroll*. Stuttgart: J.B. Metzlerscher Verlag, 1922. Hbbd. 22. Sp. 1462–1464.

Roes A., Vollgraff W. Le canthare de Stevensweert. *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot.* 1952. T. 46. P. 39–67.

Rotroff S.I. *Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material (The Athenian Agora, Vol. 29).* Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1997.

Rougemont G. *Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part II: Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia, Vol. I: Inscriptions in non-Iranian Languages).* London: School of Oriental and African Studies, 2012.

Sellwood D.G. *An Introduction in the Coinage of Parthia.* London: Spink and Son Ltd., 1980.

Simon E. Neleus. *Lexicon iconographicum mythologiae classicae.* Zürich und München: Artemis, 1992. Vol. VI. S. 727–731.

Strong D.E. *Greek and Roman Gold and Silver Plate.* Ithaca, New York: Cornell Univercity Press, 1966.

Threatte L. *The Grammar of Attic Inscriptions. Vol. I.* Berlin, New York: de Gruyter, 1980.

Tzochev C. Accounts from the Treasury of Seuthes III: Inscribed Silver Plate Found in the Tomb of the Golyama Kosmatka Mound. *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens.* 2016. Vol. 85. Pp. 779–794.

Welles C.B. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period.* Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 1966.

White H.G.E., Oliver J.H. *The Temple of Hibis in El Khārgeh Oasis. Part II. Greek inscriptions.* New York: Metropolitan Museum of Art, 1938.

Zimi E. *Late Classical and Hellenistic Silver Plate from Macedonia.* Oxford: Oxford University Press, 2011.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БАЛАХВАНЦЕВ Арчил Савелич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром археологии доисламского Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Archil S. BALAKHVANTSEV, DSc (History), Leading Research Fellow, Head of the Center for Archeology of Pre-Islamic East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Иллюстрации к статье А.С. Балахванцева

1

2

3

4

Рис. 1. Канфар Сфера. Надписи. Фото 1–4
Fig. 1. Kantharos of the Sphairos. Inscriptions. Photo 1–4

5

6

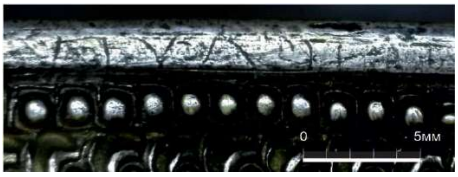
7

8

9

10

Рис. 1. Канфар Сфера. Надписи. Фото 5–10
Fig. 1. Kantharos of the Sphairos. Inscriptions. Photo 5–10

1

2

3

4

Рис. 3. Канфар Эпикрата. Надписи. Фото 1–4
Fig. 3. Kantharos of the Epicrates. Inscriptions. Photo 1–4

DOI: 10.31696/S086919080038789-4

РУКОПИСИ САНСКРИТСКОЙ «МАХАПАРИНИРВАНА-СУТРЫ» (SI 2949/1, SI 2955/13) ИЗ КОЛЛЕКЦИИ М.М. БЕРЕЗОВСКОГО (ИВР РАН)

© 2026

А.В. МЕШЕЗНИКОВ [a], Т.В. КЛЕМЕНТЬЕВА [b]

[a, b] – Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия
[a] – ORCID: 0000-0002-8883-1284; meshezniko ff@yandex.ru
[b] – ORCID: 0000-0001-5964-4618; tklementeva1297@mail.ru

Резюме: *«Махапаринирвана-сутра» (санскр. “Mahāparinirvāṇa-sūtra” – «Сутра о великой паринирване») – одно из основных и самых священных сочинений северного буддизма, которое пользовалось огромной популярностью не только на исторической родине в Индии, но и вне ее, в частности в культурных традициях северных и южных городов-оазисов Серинди (совр. Синьцзян, КНР). В санскритской коллекции Серендийского фонда Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН) сказанное подтверждается наличием рукописных фрагментов, относящихся к двум известным вариациям данного текста – хинаянской (раннебуддийской) и махаянской версиям «Махапаринирвана-сутры». Настоящая статья вводит в научный оборот два новых фрагмента «сутры о нирване», хранящихся в Серендийском фонде в составе коллекции исследователя Центральной Азии М.М. Березовского (1848–1912). Публикуемые фрагменты (SI 2949/1 и SI 2955/13) были приобретены во время экспедиции М.М. Березовского в северный оазис Куча (1905–1907), записаны на бумаге северотуркестанским брахми и условно датируются VIII–IX вв. Как удалось установить в ходе их сопоставления с повествовательными разделами китайской Винаи и с санскритским текстом из Турфанской коллекции в Берлине, исследуемые фрагменты не связаны с махаяной и, по-видимому, составляли часть канона школы муласарвастивада, что согласуется с закрепившимся в науке положением о доминировании шравакаяны в северных субрегионах Серинди (Куча, Турфан) в противовес южным оазисам (Хотан), где преобладала махаянская традиция. С точки зрения содержания фрагменты включают несколько важных сюжетов, повествующих, в том числе, о погибших мирянах в селении Надика, тяжелой болезни Будды и отсрочке его паринирваны ради последних наставлений. Статья включает описание публикуемых рукописных фрагментов, краткую характеристику их содержания, транслитерацию, сопоставление с изданием санскритского текста рукописей Турфанской коллекции и с китайским текстом из состава Винаи муласарвастивады, перевод и факсимильное воспроизведение.*

Ключевые слова: буддизм, «Махапаринирвана», муласарвастивада, санскрит, Серендийский фонд ИВР РАН, шравакаяна

Для цитирования: Мешезников А.В., Клементьева Т.В. Рукописи санскритской «Махапаринирвана-сутры» (SI 2949/1, SI 2955/13) из коллекции М.М. Березовского (ИВР РАН). *Восток (Oriens).* 2026. № 4. С. 250–264. DOI: 10.31696/S086919080038789-4

MANUSCRIPTS OF THE SANSKRIT "MAHĀPARINIRVĀṆA-SŪTRA" (SI 2949/1, SI 2955/13) IN THE COLLECTION OF M.M. BEREZOVSKY (IOM RAS)

© 2026 Artiom V. MESHEZNIKOV [a], Tatiana V. KLEMENTEVA [b]

[a, b] – Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
[a] – ORCID: 0000-0002-8883-1284; meshezniko ff@yandex.ru
[b] – ORCID: 0000-0001-5964-4618; tklementeva1297@mail.ru

Abstract: *The Mahāparinirvāṇa-sūtra ("The Sūtra of the Great Parinirvāṇa") is one of the most sacred works of Northern Buddhism, which was popular not only in its historical homeland in India, but also abroad, especially in the cultural traditions of the northern and southern oasis cities of Serindia (modern-day Xinjiang, PRC). Evidence for this is found in the Sanskrit part of the Serindia Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (IOM RAS), which contains fragments of two known variations of this text: the Hīnayāna and Mahāyāna versions of the Mahaparinirvāṇa. This article introduces two newly found fragments stored at the Serindia Collection, within M.M. Berezovsky's (1848–1912) subcollection. The fragments under study (SI 2949/1 and SI 2955/13) were acquired during M.M. Berezovsky's expedition to the northern oasis of Kucha (1905–1907), both are written on paper in North Turkestan Brāhmī, and can be dated to the 8th –9th cc. As has been established through comparison with some excerpts from Chinese Vinaya and the Sanskrit text from the Turfan Collection in Berlin, these fragments are not associated with Mahāyāna and, apparently, they formed part of the canon of the Mūlasarvāstivāda school. This is consistent with the established scholarly view regarding the dominance of Śrāvakayāna in the northern subregions of Serindia (Kucha, Turfan), in contrast to the southern oases (Khotan), where the Mahāyāna tradition prevailed. This article includes description of two fragments, analysis of their content, transliteration, comparison with the Sanskrit and Chinese texts, translation and facsimile.*

Keywords: Buddhism, Mahāparinirvāṇa, Mūlasarvāstivāda, Sanskrit, Serindia Collection IOM, RAS, Śrāvakayāna

For citation: Mesheznikov A.V., Klementeva T.V. Manuscripts of the Sanskrit "Mahāparinirvāṇa-sūtra" (SI 2949/1, SI 2955/13) in the Collection of M.M. Berezovsky (IOM RAS). *Vostok (Oriens).* 2026. No. 4. Pp. 250–264. DOI: 10.31696/S086919080038789-4

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий прорыв в понимании индийской культуры произошел на рубеже XIX–XX веков после обнаружения в песках заброшенных городов Центральной Азии уникальных рукописных памятников на различных восточных языках. Именно там, на маршрутах Великого шелкового пути, в древних городах так называемой Серендии (нынешний Синьцзян Китая) в 1 тыс. н.э. переписывались и распространялись рукописи ранних редакций оригинальных буддийских сочинений на санскрите и локальных языках.

Обширные территории Серендии в восточной части Центральной Азии включали сеть оазисных городов-государств вокруг пустыни Такла-Макан, которые служили важнейшими узлами торговли в 1 тыс. н.э. Вместе с торговыми караванами туда проникали проповедники из Индии и Средней Азии, что способствовало продвижению северного буддизма и

распространению буддийских рукописных текстов. Ключевые субрегионы Сериндии, такие как Турфан, Куча и Хотан, стали главными внеиндийскими очагами буддийской культуры и на протяжении почти тысячи лет выполняли функции центров по переписке, хранению и переводу буддийских рукописей вплоть до исламизации региона в конце 1 тыс. н.э.

Благодаря научным экспедициям в города Сериндии и деятельности российских исследователей и должностных лиц в Центральной Азии Российская академия наук стала обладательницей богатейшего собрания письменных памятников, а ученые получили в свое распоряжение принципиально новые рукописные источники, поставившие перед буддологией фундаментальные проблемы, такие как реконструкция утраченного санскритского канона и первоначального учения Будды, изучение соотношения разных направлений буддизма и параллельного развития ранних буддийских школ.

Всестороннее изучение и публикация сериндийских памятников является одной из самых важных и неотложных задач отечественного востоковедения. Главным источником для этой работы служит Сериндийский фонд Института восточных рукописей РАН (далее – ИВР РАН) – обширная коллекция, сформированная благодаря российским исследователям и включающая около 7000 шифрованных единиц хранения на 12 языках, из которых примерно 700 – буддийские тексты на санскрите.

Санскритские рукописные раритеты из Сериндии содержат утраченные на родине буддизма оригиналы многих сочинений школ хинаяны[1] и махаяны, прежде известных ученым в основном по переводам на пали, тибетский и китайский языки. Находки такого рода указали на существование в древности нескольких параллельных буддийских канонов (наряду с палийским) и предоставили новый материал для восполнения пробела в изучении истории северной ветви буддийской традиции, которая в отличие от южного буддизма остается недостаточно исследованной именно из-за нехватки или фрагментарности опубликованных оригинальных источников. Поэтому глубокое научное осмысление северной традиции напрямую зависит от анализа санскритских рукописей, найденных в оазисах Сериндии.

В Сериндийском фонде ИВР РАН значительная часть санскритских рукописей состоит из разрозненных листов и мелких фрагментов, которые до сих пор не отражены в публикациях. Многие из этих фрагментов в плохой сохранности, что делает их трудными для прочтения, и зачастую невозможно установить, какому именно буддийскому сочинению они принадлежат. Те рукописи, которые уже удалось идентифицировать, исключительно важны для верификации и корректировки исторических данных. Даже небольшой фрагмент может дать ценные сведения, помогающие восстановить санскритский корпус канонических текстов, который в настоящее время известен лишь по отдельным рукописям из Центральной Азии.

Каждая новая идентифицированная в Сериндийском фонде рукописная единица – это путь к открытию дополнительной информации о содержании и географии письменной традиции северного буддизма. Сказанное подтверждается уже введенными в научный обиход санскритскими письменными памятниками, отождествленными с известными шравакаянскими и махаянскими сутрами и изученными по кодиколого-палеографическим критериям. Публикации сериндийских рукописей, выполненные отечественными и зарубежными исследователями, позволили сделать некоторые обобщения относитель-

[1] Термин «хинаяна» используется для обозначения совокупности ранних (не-махаянских) школ буддизма. Важно понимать, что этот термин не является самоназванием: он был введен в оборот последователями махаяны и не употреблялся самими буддистами, относившимися к этим школам. Ввиду оценочного характера термина «хинаяна» (санскр., букв. «малая колесница»), употреблявшегося в полемике махаянских текстов, далее в статье используется нейтральное академическое обозначение – «шравакаяна» (колесница слушающих/учеников).

но содержательного состава санскритской коллекции ИВР РАН в привязке к конкретным субрегионам Сериндии.

Буддийские тексты в оазисах Сериндии записывались разными вариантами письма брахми. Можно выделить две основные группы вариаций: северотуркестанские (по ареалу их применения в рукописях северных оазисов, Турфане и Куче) и южнотуркестанские (для текстов в южных оазисах с центром в Хотане). Сравнение текстов, привезенных из этих регионов, показывает, что север и юг Сериндии исповедовали разные направления буддизма. Южные оазисы были центром махаянского буддизма, там активно переписывались и распространялись в многочисленных рукописных списках тексты махаянских сутр[2]. Северные оазисы были оплотом шравакаяны, а основной массив текстов составляли канонические сутры из агам Сутрапитаки. Эти выводы полностью согласуются как с Сериндийским фондом, где ядро санскритской коллекции представляют рукописи махаянских текстов из Хотана, записанные на южнотуркестанском брахми, так и с материалами берлинской Турфанской коллекции, где, напротив, преобладают тексты шравакаянской традиции на северотуркестанском брахми.

В Сериндийском фонде рукописи из северных оазисов количественно и качественно уступают рукописям из Хотана, составляют более разрозненный и фрагментированный сегмент коллекции и изучены слабее хотанских памятников. Редкие изданные и атрибутированные тексты на северотуркестанском брахми из коллекции ИВР РАН, так же как и материалы из немецкой коллекции, представляют собой преимущественно отрывки из санскритского шравакаянского канона, в частности фрагменты Сутрапитаки[3]. При этом знаковым открытием и в числе санскритских памятников из Хотана, и среди северотуркестанских рукописей стали фрагменты одного из важнейших религиозных сочинений как махаяны, так и шравакаяны – «Махапаринирвана-сутры» (“Mahāparinirvāṇa-sūtra” – «Сутра о великой паринирване»).

В санскритской части Сериндийского фонда к настоящему моменту установлено наличие ряда фрагментов, которые удалось отождествить с «Махапаринирвана-сутрой». Из них хотанские рукописи представлены шестью единицами хранения (SI 3034/2, SI 3038, SI 3042, SI 3043, SI 3696 – всего 8 листов и фрагментов)[4], а рукописи из северных оазисов – четырьмя единицами (SI 2939, SI 2942/5, SI 2949/1, SI 2955/13 – 7 фрагментов). Среди выявленных единиц опубликованные фрагменты показали, что в распоряжении исследователей оказались рукописные тексты обеих известных версий «сутры о нирване», затрагивающих самую суть расхождений между ранним и махаянским буддизмом. При этом махаянская версия отражена исключительно в рукописях из Хотана, а шравакаянская четко прослеживается в санскритских памятниках из Кучи, включая публикуемые фрагменты в данной статье.

Самая известная и полная не-махаянская версия сутры – «Махапариниббана-сутта» – относится к южной (палийской) буддийской традиции и входит в состав Дигха-никаи

---

[2] Насколько можно судить по дошедшим до нас санскритским письменным памятникам, махаянское направление стало приоритетным в Хотане к середине 1 тыс. н.э. Широкой популярностью в Хотане в V–IX вв. пользовались где-то полтора десятка махаянских сутр, среди которых в Сериндийской коллекции ИВР РАН количественно выделяются тексты Лотосовой сутры и цикла сутр Праджняпарамиты [Мешезников, 2025, с. 210].

[3] Например, опубликованные во втором выпуске «Памятников индийской письменности» отрывки сутр из агам: «Махавадана-сутра», «Махапаринирвана-сутра», «Бодхараджакумара-сутра» (все под шифром SI 2939), «Нагаропама-сутра» (SI 2041/3, 6) [*Памятники индийской письменности,* 1990, с. 208–254]. Среди других (еще неопубликованных) канонических сутр в Сериндийском фонде выявлено наличие фрагментов «Атанатика-сутры», «Чатушпаришат-сутры», «Сангити-сутры», «Дашоттара-сутры», «Чакраварти-сутры» и «Паясви-сутры».

[4] SI 3038 (фрагмент), SI 3042 (четыре фрагмента) и SI 3043 (фрагмент) изданы. См. подробнее: [*Памятники индийской письменности,* 1985, с. 43–60; Habata, 2015].

(«Собрание длинных поучений»). Сутта фокусируется на последних днях Будды, прощальных наставлениях, его уходе в Паринирвану и последующих событиях. В отличие от махаянской версии здесь нет учений о вечной природе Будды и природе реальности (*tathāgatagarbha* и *dharmakāya*), а также центральной для махаяны концепции пустоты (*śūnyatā*). Акцент сделан на человеческом аспекте Учителя, непостоянстве и хрупкости обусловленного существования[5] и личном усилии на пути к просветлению. Помимо имеющейся параллели в агаме китайской Трипитаки[6] текстологически и концептуально близкими к палийской сутте текстами являются санскритские рукописи, добытые в ходе немецких Турфанских экспедиций (1902–1914 гг.). Эти памятники были изданы Э. Вальдшмидтом (1897–1985), и, как показал их текстологический анализ, составляли часть канона мула-сарвастивадинов[7].

Что касается махаянской версии «Махапаринирваны», то помимо отдельных санскритских фрагментов из Центральной Азии с ней непосредственно связаны китайские переводы: 1) «Да баньнепань цзин» 大般涅槃經 («Махапаринирвана-сутра»), – так называемая «Северная версия» в 40 *цзюанях* (свитках), перевод Дхармакшемы 曇無讖 (385–433/439), выполненный в 414–421 гг. с рукописей из Индии и Центральной Азии (Taishō, vol. 12, № 374)[8]; 2) «Махапаринирвана-сутра» в 36 *цзюанях* – «Южная версия», переработанная версия перевода Дхармакшемы, отредактированная китайскими монахами ок. 453 г. (Taishō, vol. 12, № 375); 3) перевод Фа-сяня 法顯 (337–422) и Буддабхадры 佛陀跋陀羅 (359–429) 417–418 гг. (Taishō, vol. 12, № 376) [Nanjio, 1883, p. 39–41]. В Китае и Восточной Азии махаянская «Махапаринирвана» приобрела исключительный статус, где стала базовым текстом и основой отдельных школ[9]. «Махапаринирвана» в данной вариации предлагает иную трактовку основных понятий раннего буддизма («нирвана», «будда», «дхарма» и т.д.) и провозглашает, что паринирвана, описанная в ранних сутрах, была искусным средством проповеди, однако на самом деле Будда вечен, его Дхармовое тело (дхармакая) неразрушимо, и все живые существа обладают природой Будды (татхагатагарбха).

---

[5] Обусловленное существование – в буддийской философии обозначение непрерывного круговорота рождений и смертей, в котором все явления и живые существа возникают, пребывают и прекращаются в зависимости от действия причин и условий. Акцент на «обусловленности» подчеркивает отсутствие независимого, постоянного «Я» и указывает на то, что даже тело и психика Учителя (как и любого существа) подчинены законам непостоянства, страдания и безличности.

[6] Современная буддологическая наука полагает, что китайская Диргхагама, включая «Махапаринирвана-сутру» в ее составе, восходит к традиции школы дхармагуптака [*Памятники индийской письменности,* 1990, с. 20]. Однако по результатам сопоставительного анализа было установлено, что публикуемые отрывки оказались ближе к китайскому тексту в традиции другой школы, о чем будет сказано ниже.

[7] См.: [Waldschmidt, 1950–1951]. Кроме того, среди бамианских находок (в пещерах буддийских храмов на территории бывшей Гандхары), хранящихся в составе частной коллекции Мартина Скейена в Осло, были выявлены рукописные фрагменты «Махапаринирваны» на пальмовых листьях и бересте, записанные на языке гандхари письмом кхароштхи. Их датируют от II до VII в. и с точки зрения исходной школьной традиции относят к школе дхармагуптака. См. об этом: [Braarvig, Liland, 2010, p. 6–9].

[8] В начале V в. уроженец Магадхи Дхармакшема привез из Индии в Китай часть рукописи махаянской «Махапаринирвана-сутры», затем направился в Хотан для поисков других списков этого сочинения, обнаружил там санскритские списки сутры и, вернувшись в Китай, осуществил перевод текста на китайский язык [*Памятники индийской письменности,* 1985, с. 40].

[9] Существует и полный тибетский перевод махаянской «Махапаринирвана-сутры», выполненный в IX в. Джинамитрой, Джнянагарбхой и Девачандрой. Он входит в тибетский канон (Кангьюр), однако не имеет такого же доминирующего статуса, как китайская версия в Восточной Азии, которая внесла фундаментальный вклад в функционирование дальневосточной махаяны. Так, на основе «Махапаринирвана-сутры» в V в. в Китае сформировалась отдельная школа, известная как Школа Нирваны (Непань цзун 涅槃宗), центральные идеи которой были ассимилированы всей дальневосточной махаяной.

Публикуемые фрагменты SI 2949/1 и SI 2955/13, как показало их сопоставление с известными текстами – санскритским текстом в издании Э. Вальдшмидта и китайским текстом из состава Винаи, – не связаны с махаянской литературой, могут быть ассоциированы с традицией муласарвастивады и обнаруживают сходство со шравакаянской версией «Махапаринирваны», почти буквально совпадая с санскритскими рукописями из Турфанской коллекции, что согласуется с существующим в науке положением о доминировании шравакаяны в северных субрегионах Серинди в противовес южным оазисам, где преобладала махаянская традиция.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСНЫХ ФРАГМЕНТОВ[10]

Публикуемые фрагменты были присланы в Санкт-Петербург в числе материалов, обнаруженных во время экспедиции известного путешественника, исследователя Центральной Азии М.М. Березовского (1848–1912) в северный оазис Куча (1905–1907), записаны на бумаге северотуркестанским брахми (тип a-b)[11] и условно датируются VIII–IX вв. Исходя из внешних признаков, можно заключить, что фрагменты представляют два разных рукописных списка «Махапаринирваны».

I. SI 2949/1 (рис. 1–2): фрагмент 10,4×11,5 см представляет собой левую часть листа формата потхи. Сохранилось левое поле (1,5 см), на котором (на оборотной стороне листа) проставлена пагинация цифрами брахми («160»). Текст записан на очень светлой желтовато-коричневой бумаге, по 7 строк с обеих сторон листа, межстрочный интервал – 1,4 см.

II. SI 2955/13 (рис. 3–4): фрагмент 8,2×8 см относится к центральной части листа. Текст записан более мелким, убористым почерком, чем в первом фрагменте. Бумага светло-желтовато-коричневая, на каждой стороне листа по 7 строк с межстрочным интервалом в 1,3 см.

СОДЕРЖАНИЕ ТЕКСТА SI 2949/1 и SI 2955/13

Как уже отмечалось, текстологический анализ изучаемых текстов показал, что они обнаруживают сходства с санскритскими рукописями из Турфанской коллекции, которые легли в основу издания Э. Вальдшмидта. Кроме того, весьма сходные по содержанию отрывки были выявлены в составе китайской «Трипитаки Тайсе» (Taishō, vol. 24, № 1451), а именно в Винае муласарвастивады[12]. В тексте 根本說一切有部毘奈耶雜事 («Разные вопросы Винаи муласарвастивады») – одном из ключевых повествовательных разделов этой Винаи – содержатся эпизоды, которые тематически и текстуально очень тесно связаны с сюжетом «Махапаринирвана-сутры» и, в частности, с текстами из фрагментов SI 2949/1 и SI 2955/13 [Гэньбэнь шо ице юбу пинайе цзаши, 1990–1998, с. 385, 387]. Схожая последовательность событий и фактов и идентичные формулировки, описывающие последние наставления Будды, в китайском и санскритском отрывках позволяют заключить, что наши фрагменты относились к рукописным спискам «Махапаринирваны» школы муласарвастивада. Насколько можно судить по текстовым отрывкам, включающим исследуемые фрагменты, санскритская «Махапаринирвана» представляет собой более расширенную и местами от-

[10] Иллюстрации (рис. 1–4) находятся на цветной вклейке.

[11] См. об этом: [Sander, 2005, p. 135].

[12] Муласарвастивада (санскр. *Mūlasarvāstivāda* – «Корневая/Исходная сарвастивада») – более поздняя реформистская школа, отколовшаяся от основной сарвастивады. Унаследовав главную доктрину сарвастивады (все прошлые, настоящие и будущие дхармы (элементы), составляющие эмпирическую личность и познаваемые ею объекты внешнего мира, обладают реальным бытием), новая школа добавила свои комментарии и трактовки, создав, в частности, собственную, более обширную и детализированную версию Винаи и отредактировав сутры. Ее канон сохранен в китайском и тибетском переводах, а Виная муласарвастивады стала основой для тибетского буддизма.

личающуюся в деталях редакцию того же текста, который известен по палийской сутте. Содержание китайского текста из Винаи муласарвастивады в целом идет параллельно санскритской версии.

Публикуемые фрагменты содержат отрывки, относящиеся к той части текста сутры, которая в палийском варианте приходится на второй раздел из шести,[13] включающий несколько важных сюжетов, повествующих, в частности, о погибших мирянах в Надике, тяжелой болезни Будды и отсрочке паринирваны ради его последних наставлений.

Фрагмент SI 2949/1 открывается эпизодом, в котором монахи сообщают Будде о гибели своих собратьев в Надике и спрашивают об их посмертной участи. Именно такая постановка вопроса служит завязкой для одного из центральных наставлений Будды о полноте Учения и побуждает его дать знаменитый ответ о «несжатом кулаке Учителя» (см. ниже). Относительно погибших мирян Будда не дает личного пророчества, но раскрывает иерархию ступеней пути к просветлению и констатирует универсальный закон, в результате преодоления оков переводящий существ из чувственного мира в мир форм и гарантирующий невозвращение в низшие миры и достижение окончательной нирваны. В конце смыслового отрезка, рассуждая о том, что смерть неизбежна, Будда говорит, что реальность функционирует по определенным, неизменным принципам, которые существуют сами по себе, и роль Будды заключается в том, чтобы эту существующую реальность сделать видимой для остальных. Суть универсального принципа реальности (дхармовости) сводится к пратитьясамутпаде – закону обусловленного возникновения и прекращения, для которого Будда дает лишь ключевую смысловую матрицу, опуская детали. Отрывок завершается обещанием Будды дать наставление «Зерцало Дхармы» – инструмент самодиагностики, включающий список вопросов-критериев для оценки практикующим своего духовного состояния.

Начало фрагмента SI 2955/13 приходится на отрывок, в котором подчеркиваются качества Будды как учителя и перечисляются фундаментальные принципы буддийского учения. В тексте встречается образ «сжатого кулака» – классическая метафора для «секретного знания», которое учитель намеренно скрывает от учеников. В отличие от таких учителей Будда излагает Дхарму полностью и без утайки, не создавая скрытого знания для избранных – учение универсально и едино для всех, кто стремится к освобождению.

Следующий пассаж отражает размышления Будды: пораженный тяжелой болезнью, он понимает, что было бы неправильно перейти в окончательную нирвану, не обратившись сначала к общине монахов. Будда наглядно показывает действенность учения, используя собственную болезнь как поле для практики, и демонстрирует метод преодоления страдания ради отсрочки паринирваны, что достигается им через правильное усилие, прекращение ментального цепляния и высшую медитацию.

Далее, объясняя Ананде свое физическое состояние перед уходом в паринирвану, Будда использует метафору «старой повозки». Подобно разболтавшейся повозке, которую нужно постоянно подвязывать, скреплять, подпирать, тело восьмидесятилетнего Будды, изношенное годами странствий, держится только с помощью поддержки, утратило цельность и самодостаточность. При помощи простой, бытовой аналогии Будда дает прямое указание на бренность и непостоянство даже тела Просветленного и готовит учеников к неминуемому уходу Учителя. Кульминацией наставления Будды служит не утешение в ответ на горе Ананды, а напоминание об аксиоме бытия, универсальном принципе реальности (пратитьясамутпада). Наконец, квинтэссенцией всего текста становится «завещание» Будды о самоприбежище – главный принцип существования после его смерти, который заключается в том, что нет иного прибежища, кроме Учения, собственных усилий и осознанности.

[13] См.: [*Дигха-никая,* 2020, с. 355–362].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рукописные фрагменты «Махапаринирвана-сутры» – важные и авторитетные источники для сравнительного изучения раннего буддизма. Письменные памятники из Сериндийского фонда в целом и исследуемые рукописи (SI 2949/1, SI 2955/13) санскритской «Махапаринирваны» в отдельности подтверждают, что в 1 тыс. н.э. регион Сериндии был четко разделен на южный центр махаянского буддизма (Хотан) и северный центр шравакаяны (Турфан, Куча), что отразилось в разных типах письма брахми и составе текстов.

Публикуемые фрагменты, привезенные из северного оазиса Куча, как показало их исследование, не связаны с махаянской редакцией «Махапаринирваны» и относятся к текстам, излагающим шравакаянскую интерпретацию паринирваны Будды, почти дословно совпадая с рукописями из немецкой Турфанской коллекции. Последние изданы Э. Вальдшмидтом, являются ближайшей известной санскритской параллелью к палийской «Махапариниббана-сутте» и представляют собой версию школы муласарвастивада. На принадлежность фрагментов SI 2949/1 и SI 2955/13 шравакаянской версии «сутры о нирване» муласарвастивадинов также указывают и идентичные по содержательному составу отрывки из «Разных вопросов Винаи муласарвастивады» китайской Трипитаки.

Вновь выявленные санскритские фрагменты «Махапаринирваны» из коллекции М.М. Березовского – прямые свидетельства, которые позволяют заглянуть в индийскую версию текста и помогают восстановить текстуальное многообразие в раннем буддизме, способствуя восполнению лакун и верификации существующего издания сутры. Публикация санскритских фрагментов «Махапаринирваны» представляет критически важную научную работу, способствующую уточнению исторической и доктринальной картины древнего и раннесредневекового буддизма в ходе его распространения за пределы Индии в Центральную и Восточную Азию.

Транслитерация, текстовое сопоставление, перевод

Условные знаки

( ) – восстановленная акшара (графема)
[ ] – поврежденная акшара
.. – акшара, которую не удается прочесть
. – нечитаемая часть акшары, которую не удается реконструировать
+ – утраченная акшара
/// – обрыв рукописи
| ; • – обозначение пунктуации в рукописи (конец предложения)
◯ – обозначение области вокруг отверстия для брошюровки

SI 2949/1

Recto

1) subha[d](r)[o] [y]aśo .. [y]a[śo]tta[r](aḥ) .. ///
2) (m) ava(r)abhāgīyā[n]ā(ṃ) saṃyo[j]a ///
3) raḥ [k]a[ṭ](i)(r)ṣabhaś c[ā]rūpacā ◯ ///
4) yo[j]a[n](ā)n[ā]ṃ prahāṇād au ◯ ///
5) [k]āy[ā](m) (a)[r]dhatṛtīyāny upā ◯ ///
6) [ṇ]ād au[p]ap(ā)[d]uka(s) (ta)[t]ra pari(n)i ///
7) [t]āny abhyat[ī]tāni kāla[g]a ///

Waldschmidt (9.11–15):[14] 9.11 aśrauṣma (vayam) asyāṃ nādikāyāṃ ka(rkaṭaka upāsakaḥ kālagataḥ) pūrvava(d yāvad **yaśodatto yaśottaraḥ** kālagataḥ) teṣāṃ bhadanta kā gatiḥ kopapattiḥ ko ‘bhisaṃparāyaḥ | 9.12 karkaṭaka up(āsakaḥ pañcānā**m avarabhāgīyā)nāṃ saṃ(yoja**nānāṃ prahāṇād aupapādukās tatra parinirvāyy anāgāmy anāvṛttidharmā pu)nar imaṃ lokaṃ | 9.13 nikaṭaḥ kaḍaṅgaraḥ pūrvavad yāvad yaśottara upāsakaḥ pañ(cānām avarabhāgīyānāṃ pūrvavad) yāvat punar imaṃ lo(kam |) 9.14 (santi bhikṣavo nādi**kā)yām ardhatṛtīyāny upā**sakaśatāni kālagatāni yāni pañcānām a(varabhāgīyānāṃ saṃyojanān)āṃ prahā**ṇād aupapādukās tatra parini**rvāyiṇo ‘nāgāmino ‘nāvṛttidharmāṇaḥ punar imaṃ lokam | 9.15 sāti(rekāṇi bhikṣavo nādikāyāṃ tryupāsa)kaśa**tāni abhyatītāni kālaga**tāni yāni trayāṇāṃ saṃyojanānāṃ prahāṇād rāgadveṣamohānāṃ ca tanutvā(t kālaṃ kṛtvā sakṛdāgāminaḥ…

Перевод

[*Монахи, обращаясь к Будде:*] «Мы услышали, что в этой Надике мирянин Каркатака скончался … и так далее, вплоть до Яшодатты и Яшоттары[15] – все они покинули этот мир. О Достопочтенный, каков их удел, каково рождение, каково их будущее состояние?»

«Мирянин Каркатака вследствие отбрасывания пяти низших оков[16] переродится самопроизвольно рожденным [в мире форм][17], достигшим там окончательной нирваны, не-возвращающимся [в чувственный мир][18], тем, чья природа – быть неподверженным возвращению в этот мир. Миряне Никата, Кадангара и все остальные, вплоть до Яшоттары, – каждый из них, оставив те же пять оков, обрел ту же участь.

О монахи, в Надике есть полторы сотни ушедших из жизни мирян, которые вследствие отбрасывания пяти низших оков переродятся самопроизвольно рожденными, достигшими там [в высшем мире] окончательной нирваны, не-возвращающимися, теми, чья природа – быть неподверженным возвращению в этот мир. Монахи, в Надике есть сверх того три сотни ушедших из жизни мирян, которые вследствие отбрасывания трех оков и ослабления страсти, ненависти и невежества, став однажды-приходящими[19]…»

Taishō, vol. 24, № 1451 [Гэньбэнь шо ице юбу пинайе цзаши, 1990–1998, с. 385][20]: 「世尊！我等入村行乞食時，聞有眾多鄔波索迦悉皆命過，未知彼等當生何處？」佛言：「苾芻！於此村中有二百五十諸鄔波索迦，斷五下分結，從此命過得化生身，於彼涅槃更不退轉，證不還果不復更來。汝等苾芻！復有三百餘人鄔波索迦從此命過，薄斷染瞋癡得一來果……」

---

[14] Утраченные части публикуемых рукописей восстановлены и переведены с учетом издания Э. Вальдшмидта. Здесь и далее полужирным выделены отрывки текста, непосредственно представленные во фрагментах SI 2949/1 и SI 2955/13.

[15] Здесь использована стандартная формула для перечисления серии имен. По контексту других версий сутры между Каркатакой и Яшодаттой упоминаются еще несколько умерших мирян и мирянок. В частности, на 1-й строке публикуемого фрагмента присутствует имя «Субхадра», на 3-й – «Чару», «Упачару» и «Катьяршабха».

[16] Пять нижних оков: вера в личность, сомнение, привязанность к правилам и предписаниям, чувственное возбуждение, недоброжелательность.

[17] «Самопроизвольно рожденный» (*aupapāduka*) – термин для обозначения рождения в мире форм, где существа появляются взрослыми, без родителей или прародителей.

[18] «Не-возвращающийся» (*anāgāmin*) – третья ступень святости в буддизме: тот, кто более не вернется в мир желаний.

[19] «Однажды-приходящие» (*sakṛdāgāmin*) – вторая ступень святости: те, кто вернется в чувственный мир еще лишь один раз.

[20] Все параллельные фрагментам SI 2949/1 и SI 2955/13 китайские отрывки находятся в 36-м *цзюане* текста «Гэньбэнь шо ице юбу пинайе цзаши», который также доступен в электронном виде: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T1451_036 (дата обращения: 23.01.2026).

Перевод

«“Почитаемый в мирах[21]! Когда мы пришли в деревню и стали ходить [по ней, чтобы] выпросить на пропитание, то услышали, что многие миряне скончались, неизвестно, в каком месте они переродятся?”. Будда сказал: “Монахи! В этой деревне есть двести пятьдесят мирян, [которые] отбросили пять нижних оков, после этой кончины они обретут тело, рожденное [путем] превращения [в мире форм], там [достигнут] нирваны и более не отступят [от пути просветления], совершенствуясь, станут не-возвращающимися [в чувственный мир] и уже более не придут [в него]. О вы, монахи! Также есть триста с лишним мирян, [которые] после этой кончины презрели и отбросили страсть, ненависть и невежество, станут однажды-приходящими … ”».

Verso

1) m āgatya duḥkhasyāntaṃ kari(ṣ)[y](a) ///
2) prahāṇāt srota āpaṃnā av[i] ///
3) sṛtya [d]u(ḥ)khasyāntaṃ kariṣyaṃ ◯ ///
4) punar anena tathāgatasya ◯ ///
5) tpādād vā sthitā eveyaṃ dha ◯ ///
6) vibhajati vivarati uttānīka ///
7) m(u)dayo nirodhaś ca bhavati api ///

Waldschmidt (9.15–21): …sakṛd imaṃ loka**m āgamya duḥkhasyāntaṃ ka)rişya**nti | 9.16 sātirekāṇy asyāṃ nādikāyāṃ pañcopāsakaśatāny abhyatītān(i) kālagatāni yāni (trayāṇāṃ saṃyojanānāṃ **prahāṇāc chrotaāpannā avi**nipā)tadharmāṇo niyataṃ saṃbodhiparāyaṇāḥ saptakṛtvaḥ paramāḥ sap(takṛtvo de)vāṃś ca manuṣyāṃ(ś ca saṃdhāvya saṃ**sṛtya duḥkhasyāntaṃ kariṣyan**ti |) 9.17 (kālagatāḥ kā)lagatā iti yūyaṃ bhikṣavas tathāgataṃ prakṣyatha viheṭhayiṣyatha tathāgataṃ (na pu**na)r anena tathā(gat)**. + + + + + + + + (jātasyāvaśyaṃ kālakr)iyā | 9.18 kim atr(ā)ścaryam | utpādād vā tathāgatānām anu**tpādād vā sthitaiveyaṃ dha**rmatā dharma(sthitaye dhātūṃs tāṃs tathāgataḥ) svayam abhijñāyābhisaṃ(buddhyā)khyāti prajñ(ā)payati pra(sth)āpay(ati **vibha)jati vivaraty uttānīka**(roti de)śayati saṃ(prakāśayati |) 9.19 (yad utāsmin satīdaṃ bhavaty asyotpādād idam utpadyate yad utāvidyāpratyayāḥ saṃskārā yāvat sa**mudayo nirodha)ś ca bhavati** | 9.20 9.21 **api** (dharmādarśaṃ nāma dharma)paryāyaṃ deśayiṣye |

Перевод

«… однажды вернувшись в этот мир, положат конец страданию. В этой самой Надике свыше пяти сотен мирян окончили свой путь, ушли из жизни. Те из них, кто благодаря отбрасыванию трех оков достигли плода «вступившего в поток»[22], стали неспособными к падению в дурные уделы и неизменно устремленными к полному пробуждению. Преодолев не более семи существований, семь раз странствуя между мирами богов и людей, они положат конец страданию.

“Они умерли, они скончались!” – вот как вы, монахи, станете вопрошать Татхагату и докучать ему. Делая так, вы не принесете радости Татхагате[23]. Ибо для рожденного смерть

[21] *Ши цзунь* 世尊 («Почитаемый в мирах») – один из наиболее распространенных эпитетов к имени Будды Шакьямуни.

[22] «Вступивший в поток» (*śrotāpanna*) – первая и фундаментальная ступень духовного совершенства в буддизме. Достижение этой ступени означает искоренение трех оков, которые привязывают существо к сансаре (вера в существование «Я», сомнение в Учении и цепляние за правила и ритуалы).

[23] «Делая так, вы не принесете радости Татхагате» – вариант восполнения лакуны в санскритском тексте, предложенный Э. Вальдшмидтом [Waldschmidt, 1950–1951, S. 168]. Итоговая смысловая реконструкция выражается в том, что Татхагата не должен снова и снова давать объяснения в ответ на расспросы монахов о судьбе

неизбежна. Что здесь удивительного? Ведь вне зависимости от того, появляются Татхагаты или не появляются, пребывает этот принцип реальности для упорядоченности и устойчивости дхарм[24]. Познав этот принцип и полностью пробудившись к нему, Татхагата самолично возвещает его, указывает, устанавливает, разъясняет, раскрывает, делает понятным, излагает, полностью освещает. То есть: при наличии этого возникает то; когда возникает это – рождается то. А говоря конкретнее: из неведения как условия проистекают формирующие факторы, и так далее, [через всю цепь] – вплоть до полного осуществления возникновения и прекращения [страдания][25].

Более того, я изложу наставление в Дхарме, именуемое «Зерцало Дхармы».

Taishō, vol. 24, № 1451 [Гэньбэнь шо ице юбу пинайе цзаши, 1990–1998, с. 385]: 暫來人間當盡苦際。汝諸苾芻！於此村中有五百人並已命過，能斷三結，得預流果不復退轉，於七有生人天還往當盡苦際。汝等苾芻！何煩致問作斯擾惱？生者必死，此為常事。若佛出世及不出世，生死之法如來悉知，為諸有情分別演說，開示十二緣生法門。所謂此有故彼有，此生故彼生，即是無明緣行、行緣識、識緣名色、名色緣六處、六處緣觸、觸緣受、受緣愛、愛緣取、取緣有、有緣生、生緣老死憂悲苦惱；此無故彼無，此滅故彼滅，所謂無明滅則行滅、行滅則識滅、識滅則名色滅、名色滅則六處滅、六處滅則觸滅、觸滅則受滅、受滅則愛滅、愛滅則取滅、取滅則有滅、有滅則生滅、生滅則老死憂悲苦惱滅，如是廣大苦蘊悉皆除滅。我今復為汝等說法鏡經。

Перевод

«Однажды придя в [мир] людей, исчерпают предел страданий. О вы, монахи! В этой деревне есть пятьсот человек, [которые] уже скончались, [они] сумели отбросить три оковы, достигли плода “вступившего в поток”, больше не отступят [от пути просветления, им предстоит] семь [раз] рождаться, переходя [между миром] небесным и [миром] людей, [тогда они] исчерпают предел страданий. О вы, монахи! Зачем нужно задавать [подобные] вопросы и вызывать [у меня] смущение и тревогу? Тот, кто родился, непременно умрет – это постоянное явление. Являются ли Будды в мир или не являются в мир, Татхагаты всецело понимают принцип жизни и смерти. Ради всех [существ], имеющих чувственные [привязанности, Будда] отдельно проповедует, указывая на врата Дхармы, о двенадцатичленной [цепи] взаимообусловленного возникновения. А именно: есть это, поэтому есть другое; рождается это, поэтому рождается другое. Это значит, что неведение обуславливает деяния, деяния обуславливают сознание, сознание обуславливает имя-и-форму, имя-и-форма обуславливают шесть [чувственных] опор, шесть [чувственных] опор обуславливают контакт, контакт обуславливает ощущение, ощущение обуславливает жажду; жажда обуславливает привязанность, привязанность обуславливает становление, становление обуславливает рождение, рождение обуславливает старость, смерть, печали, скорби, страдания и тревоги. [Когда] нет этого, нет и другого. С прекращением этого прекращается то. Это значит, что с прекращением неведения прекращаются деяния, с прекращением деяний прекращается сознание, с прекращением сознания прекращаются имя-и-форма, с прекращением име-

умерших. Вместо того чтобы гадать об участи других, монах должен сконцентрироваться на собственном пути.

[24] Имеется в виду фундаментальный, универсальный принцип существования всех явлений (дхарм), по которому любое явление возникает, пребывает и прекращается – «дхармовость» (*dharmatā*). Дхармовость существовала и будет существовать вне зависимости от того, познают ее существа или нет. Как отмечается в публикуемом отрывке, Будда не создает, а открывает этот принцип для других.

[25] В этой фразе идет конкретизация общего принципа реальности, который проявляется как пратитьясамутпада. При этом, в отличие от полного варианта в китайском тексте, здесь Будда не перечисляет все звенья 12-членной формулы пратитьясамутпады, а дает их философский синопсис. Обозначив начало цепи, Будда показывает, что, проследив ее до конца, мы увидим, как работает весь механизм возникновения страдания и его прекращение.

ни-и-формы прекращается шесть [чувственных] опор, с прекращением шести [чувственных] опор прекращается контакт, с прекращением контакта прекращается ощущение, с прекращением ощущения прекращается жажда, с прекращением жажды прекращается привязанность, с прекращением привязанности прекращается становление, с прекращением становления прекращается рождение, с прекращением рождения прекращаются старость, смерть, печали, скорби, страдания и тревоги. Таким путем огромное множество страданий полностью искореняется и прекращает [существовать]. Теперь я снова изложу вам “Сутру зерцала Учения”».

SI 2955/13

Recto

1) /// ṇ+ .. ///
2) /// [s]a(ṃ)gham ārabhya kiñcid e[v]o ///
3) /// (r)ma nirantara bāhyā i[d]aṃ kṛ ///
4) /// [b]alāni sapta bodhyaṅgā(n)i ///
5) /// pare na vijā[t]īy. .. ///
6) /// + ra ābādha pragāḍhā ve[d](a) ///
7) /// +[y](ā) ve[d]a[n]ā (v)ī[r](y)e(ṇ)a p[r]ati + ///

Waldschmidt (14.11–17): 14.11 (mama khalv ā)nanda naivaṃ bhava(ti **|** mamāsti bhikṣu)s(a)ṃghaḥ **|** a(ha)ṃ (bhikṣusaṃghaṃ pariharişyāmīti) ..... 14.12 .....[26] 14.13 (tadyathā catvāri smṛtyupasthānāni catvāri samyakprahāṇāni catvāra ṛddhipādāḥ pañcendriyāṇi pañca **balāni sapta bodhyaṅgāny** āryāṣṭāṅgo mārgaḥ **|**) 14.14 (na tatrānanda tathāgatasya dharmeṣv ācāryamu)ṣṭi(r) yaṃ tathāgataḥ praticchādayitavyaṃ manyeta **|** kaccin me **pare na vi**(dyur iti **|**) 14.15 (utpannaḥ kadāpi tathāgatasya khara ābādhaḥ pragāḍhā vedanā māraṇā)ntik(ā **|**) 14.16 tasya ma etad abhavat **|** utpanno me kha**ra ābādhaḥ pragāḍhā veda**(nā māraṇāntikā viprakrāntaś ca bhikṣusaṃghaḥ **|**) 14.17 (na mama pratirūpaṃ syād yad ahaṃ vi)prakrānte bhikṣusaṃghe parinirvāyām **|** yannv ahaṃ tata ekat**yā vedanā vīryeṇa prati**pra(s)r(abhya sarvanimittānām amanasikārād animittaṃ cetaḥsamā)dhiṃ kāyena sākṣīkṛtvopasaṃpadya vihareyam **|**

Перевод

[*Бхагаван, обращаясь к Ананде:*] «Поистине, Ананда, мне и в голову не приходит так думать: “Община монахов принадлежит мне”, или “Я буду руководить общиной”, или “Община зависит от меня”. О Ананда, зачем Татхагате говорить что-либо относительно общины монахов? Чего еще община ожидает от меня? О Ананда, я преподал Учение, не различая внутренних или внешних дхарм, а именно: четыре основы осознанности, четыре правильных усилия, четыре основы сверхъестественных сил, пять духовных способностей, пять сил, семь факторов просветления, Благородный восьмеричный путь[27]. В этом отношении, о Ананда, Татхагата не утаивает дхармы [словно] в сжатом кулаке, как если бы он мог посчитать, что что-то следует скрывать, и подумал бы: “Возможно, другим не следует об этом знать”.

---

[26] Текст 2-й и 3-й строк фрагмента SI 2955/13 отсутствует в санскритских рукописях, изданных Э. Вальдшмидтом, но восстанавливается по палийской версии сутры (места совпадения отмечены полужирным выделением): 14.11 … vā mam’ uddesiko bhikkhusaṃgho ti vā | kiṃ ānanda tathāgato bhikkhu**saṃghaṃ ārabbha kiñcid eva** udāharissati | 14.12 kiṃ pan’ ānanda bhikkhusaṃgho mayi paccāsiṃsati | desito ānanda mayā **dhammo anantaraṃ abāhiraṃ karitvā** | [Waldschmidt, 1950–1951, S. 196].

[27] Данный список из тридцати семи аспектов пути к пробуждению является классической и систематизированной сводкой ключевых практик буддийского пути.

В прошлом у Татхагаты развилась тяжелая болезнь, сопровождавшаяся острой и угрожающей жизни болью. Тогда меня посетила такая мысль: “Меня поразила тяжелая болезнь с сильной болью, грозящей привести к смерти, а община монахов рассеялась. Было бы неуместно достигать окончательной нирваны, пока община монахов рассеяна. Что если я теперь, усердием подавив болезненные физические ощущения, перестав направлять ум на какие-либо [мысленные] знаки, прямо в этом теле войду в глубокое медитативное состояние, в бесформенное самадхи…”

Taishō, vol. 24, № 1451 [Гэньбэнь шо ице юбу пинайе цзаши, 1990–1998, с. 387]: 阿難陀！我所應說皆已說竟，悉令解了內外諸法，所謂四念住、四正勤、四神足、五根、五力、七覺分、八聖道。阿難陀！諸佛如來常以此法分明為說，無有祕悋覆藏之心。然阿難陀！我身有疾將欲涅槃，便作是念：『吾今病苦必定命終，諸苾芻等各在餘處，我念不應離斯大眾而般涅槃，宜自用意以無相三昧觀察其身痛惱令息。』

Перевод

«Ананда![28] Всё, что мне надлежало сказать, уже высказано, [я] полностью дал [монахам] понять все внутренние и внешние дхармы, а именно: четыре основы осознанности, четыре правильных усилия, четыре опоры божественных [сил], пять [духовных] корней, пять сил, семь факторов просветления, Благородный восьмеричный путь. Ананда! Все Будды-Татхагаты всегда ясно проповедуют эти дхармы, не держа в сердце [ни] утаивания, [ни] жадности, [ни] скрытности. Но Ананда! [Когда] мое тело было [поражено] недугом, [и я] собирался [войти] в нирвану, тогда [я] подумал о таком: “Ныне я страдаю от болезни и непременно должен скончаться, а все монахи находятся в разных местах; я думаю, что не следует покидать эту общину и [уходить] в окончательную нирвану, а нужно, самому применив [усилие] мысли, с помощью бесформенного самадхи созерцать свое тело и сделать [так, чтобы] болезни и муки иссякли … ”».

Verso

1) /// ṇa prat(i)pra[s]ra[bh]ya sa(r)[v](a) ///
2) /// + bhūd yāpanīyataraṃ ca [•] ///
3) /// [th]ā jarjaraśakaṭakaṃ dvai[dh](ā) ///
4) /// niśrayeṇa yāpyate [t](a) ///
5) /// (sa)mutpannaṃ kṣayadharmaṃ vyaya ///
6) /// .. r manāpair nānābhāvo bha ///
7) /// +++ [ṇ]air anan[y](a) ///

Waldschmidt (14.18–22): 14.18 so ‘haṃ tata (ekatyā ve)danā vīrye**ṇa pratiprasr(abhya sarva**nimittānām amanasikārād animittaṃ cetaḥsamādhiṃ kāyena) sākṣīkṛtvopasaṃpadya vyahārṣam | tena tathāgatasya (kṣemaṇīyataraña cā)**bhūd yāpanīyataraña (ca** |) 14.19 (punar aparam ānanda tathāgato vṛddho jīrṇatāṃ prāpto ‘śī)tike vayasi vartate dvaidhāniśrayeṇa yāpy(ate | tadya**thā** jīrṇaṃ **śakaṭaṃ dvaidhā**niśraye)ṇa y(ā)pyata evam eva (tathāgato vṛddho jīrnatāṃ prāpto) ‘śītike vayasi vartate dvaidhā**niśrayeṇa yā(pyate** |) 14.20 (mā tasmāt tvam ānanda śoca mā klāma | kasmā)d eva tat | kuta etal labhy(aṃ yat taj jātaṃ bhūtaṃ kṛtaṃ saṃskṛtaṃ vedayi) taṃ pratītya**samutpannaṃ kṣayadharmaṃ vyaya**dharmaṃ vi(rodhadharmaṃ pralokadharmaṃ

[28] В санскритской версии «Махапаринирваны» перечислению дхарм предшествует диалог с Анадой, где Будда подчеркивает, что он не рассматривает общину как нечто, принадлежащее ему или требующее его опеки, и вопрошает: «Чего еще община ожидает от меня?». В китайской версии данный пассаж отсутствует, и перечисление следует непосредственно за констатацией того, что Учитель в полноте изложил учение, дав понять все внутренние и внешние дхармы.

na prarujya)te | nedaṃ sthānaṃ vidyate | 14.21 prāg (eva bhi)kṣavo mayākhyātaṃ sarvair iṣṭaiḥ kāntaiḥ priyai**r manāpai(r nānābhāvo bha**viṣyati vinābhāvo viprayogo visaṃyogaḥ |) 14.22 (tasmād) ānandaitarhi mam(a vā)tyayād ātmadvīpair vihartavyam ātmaśaraṇair dharmadvīpair dha(rmaśara**ṇair ananya**dvīpair ananyaśaraṇaiḥ |

Перевод

«И тогда я, усердием обуздав то болезненное чувство, перестав направлять ум на какие-либо знаки, прямо в этом теле утвердился в бесформенном сосредоточении сознания и пребывал в нем. Благодаря этому Татхагата обрел благополучие, и ему стало легче переносить болезнь.

И еще, о Ананда, Татхагата уже стар и дряхл; ему минуло восемьдесят лет, и ныне он держится лишь на подпорках. Подобно тому, как старая повозка движется, будучи подпертой, – точно так же и Татхагата, старый, достигший преклонного возраста, восьмидесяти лет, доживает свой век, нуждаясь в опоре. О Ананда, не скорби, не печалься. Ибо почему это так? Откуда же возможно, чтобы то, что рождено, стало, сотворено, составлено, подвержено распаду, будучи возникшим в зависимости [от причин и условий], имеющим природу уничтожения, исчезновения, прекращения, прехождения, – так и не было бы разрушено? Такого быть не может.

Еще прежде, монахи, было мною возвещено, что все желанное, милое, приятное и услаждающее ум подлежит изменению, разделению, разлуке, отделению. Поэтому, Ананда, отныне, после моего ухода, пребывайте, имея своим островом[29] себя самого, своим прибежищем – себя самого; имея своим островом Дхарму, своим прибежищем – Дхарму; не имея иного острова, иного прибежища».

Taishō, vol. 24, № 1451 [Гэньбэнь шо ице юбу пинайе цзаши, 1990–1998, с. 387]: 即便入定，所受諸苦悉皆除愈，得安隱住。阿難陀！我今衰邁身力羸弱年將八十，唯依二事而得存住，如朽破車亦依二事，以是義故汝今不應憂愁苦惱。但諸世間有為之法從因緣生，而不滅壞得常住者，無有是處。我先為汝常說是事，一切世間樂欲光華，愛念可意悉皆散壞，恩愛別離無留住者，是故當知！於我現在及我滅後，汝等自為洲渚自為歸依，法為洲渚法為歸依，無別洲渚無別歸依。

Перевод

«Тотчас войдя в созерцание, [он] полностью устранил и одолел все те страдания, которые испытывал, и обрел состояние спокойствия и безмятежности. “Ананда! Ныне я состарился, [мои] телесные силы истощились, возраст подходит к восьмидесяти [годам]. Лишь опираясь на две вещи, я обретаю устойчивость, подобно [тому, как] ветхая и негодная телега тоже опирается на две вещи; из этой сути следует [то, что] ты не должен ныне печалиться, тосковать, страдать и тревожиться. Все в мире подчинено принципу обусловленности, порождается от причин и условий, и нет такого места, [где бы все] постоянно не угасало и не приходило в упадок. Прежде я часто говорил тебе об этом явлении: все, [что есть] в мире радостного, вожделенного, сияющего и роскошного, все, [о чем] думают с любовью и [что] согласуется с желаниями, распадается и приходит в упадок, нет того, что удержало бы от разлуки и расставания с любимым и приятным, поэтому следует знать! И со мной сейчас, и

[29] В палийском варианте данное наставление формулируется как «будьте сами себе светильником», что напрямую связано с лексической омонимией в пали и санскрите. Вполне вероятно, что в устной традиции первых буддийских общин звучало именно палийское (или пракритское) слово *dīpa*. Одна традиция интерпретировала его как «светильник», освещающий путь во тьме неведения. Другая традиция (возможно, связанная с муласарвастивадинами или другими северными школами) поняла его как «остров» и в санскритской письменной фиксации стала использовать слово *dvīpa* в значении твердой, надежной земли спасения посреди бушующего океана сансары. В китайском варианте в данном отрывке также используется метафора «острова».

после того, как я прекращу [существовать здесь], вы сами [должны] быть [для себя] островом, сами [должны] быть [для себя] прибежищем. Дхарма [должна быть] островом, Дхарма [должна быть] прибежищем, и [никаких] иных островов и иных прибежищ не нужно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гэньбэнь шо ице юбу пинайе цзаши 根本說一切有部毘奈耶雜事 («Разные вопросы Винаи муласарвастивады»). *Тайсё: синсю: Дайдзо:кё:* 大正新脩大藏經 («Заново составленная Трипитака, [изданная в годы] Тайсё:»). В 100 тт. Токио: Тайсё: иссай кё: канко:кай, 1990–1998. Т. 24. № 1451. С. 207–414 [Genben shuo yiqie youbu pinaiye zashi (Miscellaneous questions of Mulasarvastivada Vinaya). *Taisho Shinshu Daizokyo* (Newly Revised Tripitaka of the Taisho reign). In 100 vols. Tokyo: Taisho issaikyo kankokai, 1990–1998. Vol. 24. No. 1451. Pp. 207–414 (in Chinese)].

Дигха-никая (Собрание длинных поучений). Пер. с пали, статьи, коммент. и прил. А.Я. Сыркина; отв. ред. В.П. Андросов. М.: Наука; Восточная литература, 2020 [*Digha Nikaya (Collection of Long Teachings)*. A.Ya. Syrkin (tr., comm.); V.P. Androsov (ed.). Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 2020 (in Russian)].

Мешезников А.В. *Буддийские санскритские рукописи Сериндии*. М.: Наука, 2025 [Meshеznikov A.V. *Buddhist Sanskrit Manuscripts of Serindia*. Moscow: Nauka, 2025 (in Russian)].

Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 1. Изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина и М.И. Воробьевой-Десятовской. М.: Наука, ГРВЛ, 1985 [*Indian Texts from Central Asia*. Vol. 1. G.M. Bongard-Levin, M.I. Vorobyova-Desyatovskaya (eds.). Moscow: Nauka, GRVL, 1985 (in Russian)].

Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 2. Изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина и М.И. Воробьевой-Десятовской. М.: Наука, 1990 [*Indian Texts from Central Asia*. Vol. 2. G.M. Bongard-Levin, M.I. Vorobyova-Desyatovskaya (eds.). Moscow: Nauka, 1990 (in Russian)].

Braarvig J., Liland F. *Traces of Gandhāran Buddhism: An Exhibition of Ancient Buddhist Manuscripts in the Schøyen Collection.* With contributions by J.-U. Hartmann et al. Oslo: Hermes Publishing; Bangkok: Amarin Printing and Publishing Public Co. Ltd (in collaboration with), 2010.

Habata H. The Mahāparinirvāṇa-mahāsūtra Fragments in the Petrovsky Collection (1). *Buddhist Manuscripts from Central Asia. The St. Petersburg Sanskrit Fragments.* Vol. I. S. Karashima and M.I. Vorobyova-Desyatovskaya (eds.); I.F. Popova (foreword). Tokyo, 2015. Pp. 525–542.

Nanjio B. *A Catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripitaka, the Sacred Canon of the Buddhists in China and Japan*. Compiled by order of the secretary of State for India by Bunyiu Nanjio. Oxford: At the Clarendon Press, M DCCC LXXXIII [1883].

Sander L. Remarks on the Formal Brāhmī Script from the Southern Silk Route. *Bulletin of the Asia Institute. New Series.* 2005. Vol. 19: Iranian and Zoroastrian Studies in Honor of Prods Oktor Skjærvø. Pp. 133–144.

Waldschmidt E. *Das Mahāparinirvāṇasūtra.* Text in Sanskrit und Tibetisch, verglichen mit dem Pāli nebst einer Übersetzung der chinesischen Entsprechung in Vinaya der Mūlasarvāstivādins. T. 1–3. Berlin: Akademie-Verlag (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst), 1950–1951.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МЕШЕЗНИКОВ Артём Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Лаборатория Сериндика, ИВР РАН, Санкт-Петербург, Россия.

КЛЕМЕНТЬЕВА Татьяна Владимировна – младший научный сотрудник, Отдел Дальнего Востока, ИВР РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Artiom V. MESHEZNIKOV, PhD (History), Research Fellow, Serindica Laboratory, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Tatiana V. KLEMENTEVA, Junior Research Fellow, Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Иллюстрации к статье А.В. Мешезникова и Т.В. Клементьевой

Рис. 1. SI 2949/1, Сериндийский фонд ИВР РАН, recto.
Fig. 1. SI 2949/1, Serindia Collection, IOM RAS, recto.

Рис. 2. SI 2949/1, Сериндийский фонд ИВР РАН, verso.
Fig. 2. SI 2949/1, Serindia Collection, IOM RAS, verso.

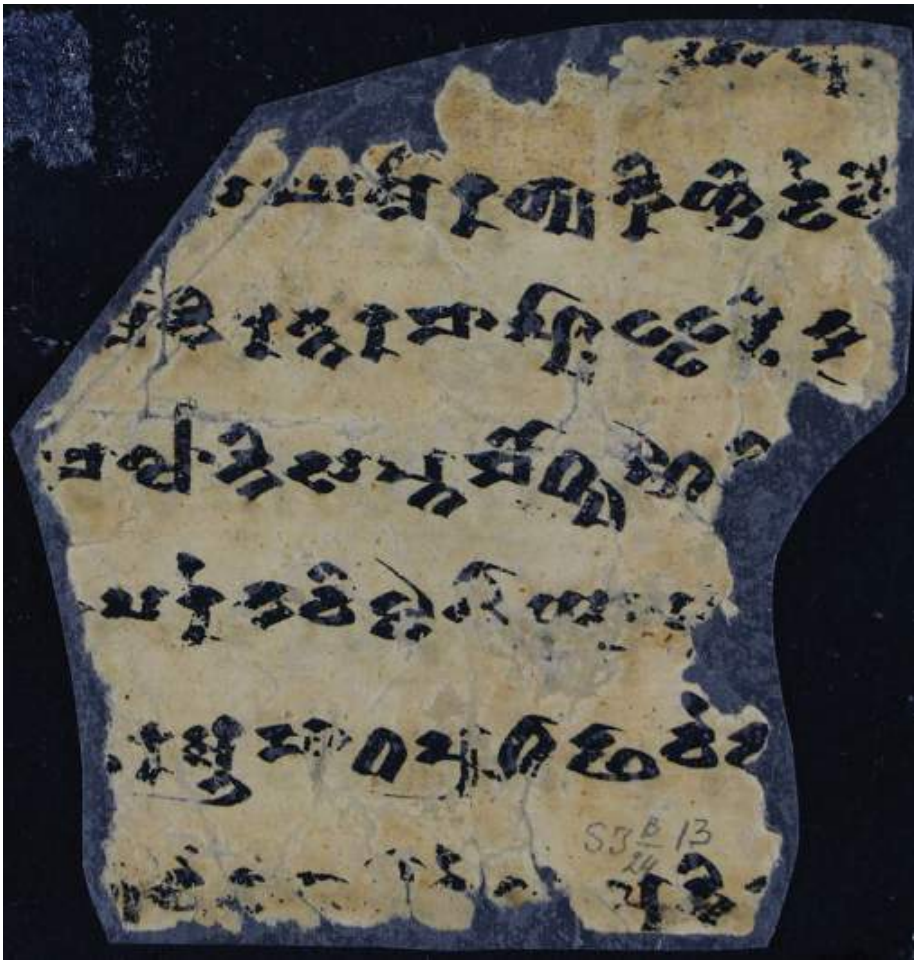

Рис. 3. SI 2955/13, Сериндийский фонд ИВР РАН, recto.
Fig. 3. SI 2955/13, Serindia Collection, IOM RAS, recto.

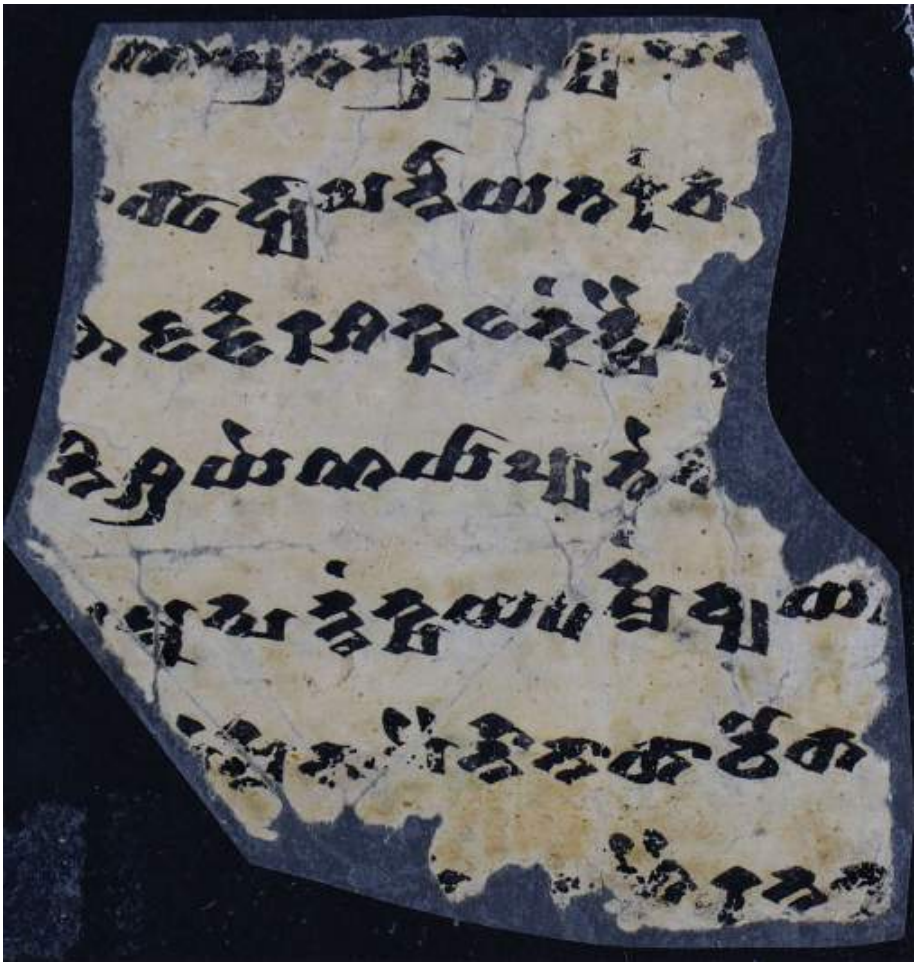

Рис. 4. SI 2955/13, Сериндийский фонд ИВР РАН, verso.
Fig. 4. SI 2955/13, Serindia Collection, IOM RAS, verso.

DOI: 10.31696/S086919080039355-7

ПЕРСОЯЗЫЧНЫЕ РУКОПИСИ ИЗ ИНДИИ В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ИМЕНИ АХМЕТ-ЗАКИ ВАЛИДИ[1]

© 2026

И.Р. САИТБАТТАЛОВ [a]

[a] – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5948-4666; saitbattaloff@yahoo.com

Резюме: *Статья рассматривает два ранее не изучавшихся письменных памятника на персидском языке, хранящихся в отделе рукописей и редких изданий Национальной библиотеки Республики Башкортостан им. А.-З. Валиди. Оба этих памятника были созданы на территории Индо-Пакистанского субконтинента в XVII–XVIII вв. и содержат суфийские сочинения, посвященные разным аспектам мистической практики братств Накшбандиййа-Муджаддидиййа и Сухравардиййа. Нахождение в регионе рукописи, описывающей практику первого ордена, ожидаемо в контексте духовной преемственности индийских и башкирских суфиев. Чтение ими сухравардийского сочинения укладывается в рамки их интеллектуальных запросов. Оба сочинения, представленных в рукописях, хранящихся в Уфе, сравнительно редко встречаются в российских книжных собраниях. Сочинение «Сокровище наставлений в раскрытии начала и завершения [мистического пути]» Мухаммад-Бакира б. Шараф ад-Дина ал-Лахури ал-Хусайни ал-ʻАббаси представлено в России тремя копиями, две из которых находятся в Уфе. Сочинение «Собрание писем шейха Йахйа Манири» популярно на Индо-Пакистанском субконтиненте, но практически неизвестно в России. Приводится археографическое описание обоих памятников, на основе владельческих надписей реконструируется маршрут и обстоятельства их попадания на Южный Урал, а также разные варианты их использования в религиозной практике и образовательной деятельности. На основе владельческих надписей и комментариев на полях определяются форматы рецепции этих текстов российскими мусульманами. Первая рукопись использовалась в религиозной практике, а также как реликвия, подтверждавшая авторитет конкретных религиозных лидеров. Вторая попала в Россию как объект коллекционирования. На основе широкого историко-культурного контекста устанавливаются факторы, повлиявшие на изменение маршрутов поступления индийских рукописей на Южный Урал, а также на функционирование персидского языка в интеллектуальном пространстве региона. На примере двух рукописей описан процесс постепенного превращения списков суфийских сочинений из материала для чтения и изучения в предмет коллекционирования.*

Ключевые слова: персидские рукописи, археография Южного Урала, ислам в России, исламская книжность в России, книжная культура, персидский язык, суфизм

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 25-18-00781 «Словарь исламской книжности и книжников России», https://rscf.ru/project/25-18-00781/

The study was funded by RSF, project no. 25-18-00781 (“Thesaurus of Islamic Literacy and Scribes of Russia: electronic version”), https://rscf.ru/en/project/25-18-00781/

Автор выражает искреннюю благодарность Флюру Шарифуллиновичу Сибагатову и Исламу Гиззатовичу Байгужину за помощь в ознакомлении с рукописями.

Для цитирования: Саитбатталов И.Р. Персоязычные рукописи из Индии в собрании Национальной библиотеки Республики Башкортостан имени Ахмет-Заки Валиди. *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 265–275. DOI: 10.31696/S086919080039355-7

PERSIAN-LANGUAGE MANUSCRIPTS FROM INDIA IN THE COLLECTION OF THE AKHMET-ZAKI VALIDI NATIONAL LIBRARY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

© 2026

Iskander R. SAITBATTALOV [a]

[a] – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-5948-4666; saitbattaloff@yahoo.com

Abstract: *This article examines two previously unstudied Persian-language manuscripts housed in the Manuscripts and Rare Editions Department of the A.-Z. Validi National Library of the Republic of Bashkortostan. Both manuscripts were created in the Indo-Pakistani subcontinent in the 17th and 18th centuries and contain Sufi writings devoted to various aspects of the mystical practices of the Naqshbandiyya-Mujaddidiyya and Suhrawardiyya brotherhoods. Both works, presented in manuscripts housed in Ufa, are comparatively rare in Russian book collections. The work "The Treasure of Instructions in Revealing the Beginning and Completion [of the Mystical Path]" by Muhammad-Baqir b. Sharaf ad-Din al-Lahuri al-Husayni al-'Abbasi is represented in Russia by three copies, two of which are in Ufa. The work "The Collection of Letters of Sheikh Yahya Maniri" is popular in the Indo-Pakistani subcontinent, but is virtually unknown in Russia. It provides an archaeographical description of both works, reconstructing the route and circumstances of their arrival in the Southern Urals based on owner's inscriptions, as well as various versions of their use in religious practice and education. Based on owner's inscriptions and marginal comments, the formats of reception of these texts by Russian Muslims are established. A broad historical and cultural context is used to identify the factors that influenced the changing routes of Indian manuscripts arriving in the Southern Urals, as well as the functioning of the Persian language in the intellectual space of the region. Using two manuscripts as examples, the process of gradual transformation of Sufi manuscripts from reading and study material into collectibles is described.*

Keywords: Persian-language manuscripts, archaeography of the Southern Urals, Islam in Russia, Islamic literature in Russia, book culture, Persian language, Sufism

For citation: Saitbattalov I.R. Persian-Language Manuscripts from India in the Collection of the Akhmet-Zaki Validi National Library of the Republic of Bashkortostan. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 265–275. DOI: 10.31696/S086919080039355-7

Понятие «персофония» (англ. Persianate), введенное австрийским иранистом Б.Г. Фрагнером (1941–2021), означает «область доминирования персидского языка» и охватывает ряд населённых мусульманами территорий, на которых он стал «языком сверхрегионального общения» [Башарин, 2018, с. 12]. Границы персофонии изменялись с течением времени в силу расширения и сужения сфер влияния государств Средневековья и раннего Нового времени, чередований роста и спадов торговой активности на Великом шелковом пути и ряда других лингвистических и экстралингвистических факторов. Хотя сам Б.Г. Фрагнер проводил северную границу персофонии по линии Кавказ (включая Дагестан) –

Центральная Азия – Восточный Туркестан [Фрагнер, 2018, с. 87–88], персидский язык в XVII – начале XX вв. играл существенную роль в системе образования, богословии, литературном творчестве и самоидентификации мусульман российского Урало-Поволжья и Сибири [Арсланова, 2015, с. 4; Бустанов, 2016, с. 89–90; Искандарова, 2022, с. 67], что позволяет включить и эти территории в данный историко-культурный и языковой ареал.

Монографического исследования феномена персофонии в Урало-Поволжском регионе, подобного предпринятому П.М. Алибековой на материале Дагестана [Алибекова, 2022], не осуществлялось, поэтому представление, весьма приблизительное, о степени распространения персидского языка на указанной территории, его функциях и месте в многоязычной культуре мусульман может быть выстроено лишь на основе анализа сохранившихся рукописей, их жанрового и тематического репертуара, динамики переписывания тех или иных сочинений.

Рукописи на персидском языке, созданные в Урало-Поволжье и Сибири или привезенные туда из других регионов и находящиеся в настоящее время в разных библиотечных и архивных собраниях, описаны неравномерно. В каталогах персидских рукописей Института восточных рукописей РАН манускрипты, произведённые или приобретённые на этих территориях, специально не выделяются, места производства и приобретения отмечены в описаниях [Акимушкин и др., 1964]. Персидские рукописи Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета описаны А.А. Арслановой [Арсланова, 2005; Арсланова, 2015]. Персидские рукописи, находящиеся в крупнейшем рукописном собрании Республики Башкортостан – фонде восточных рукописей им. Г.Б. Хусаинова Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, каталогизированы С.А. Искандаровой [Искандарова, 2022][2]. Отдельные рукописи из Урало-Поволжья, находящиеся в книжных собраниях различных учреждений, описаны И.В. Зайцевым [Зайцев, 2025, с. 46]. Персидские рукописи из собрания Национальной библиотеки Республики Башкортостан им. А.-З. Валиди (далее – НБ РБ) ранее специальному исследованию не подвергались.

Сама библиотека была открыта в 1836 г. как Оренбургская (с 1865 г. – Уфимская) губернская публичная библиотека при Дворянском собрании. В 1922 г. после вхождения Уфы в состав Башкирской АССР она получила название Государственной научной библиотеки БАССР и была пополнена книгами и рукописями из существовавших до революции ведомственных и частных публичных библиотек. После ряда переименований в 1960–1992 гг. она называлась Республиканской библиотекой им. Н.К. Крупской, а с 1992 г. носит современное название. Формирование фонда арабографичных рукописей и книг началось еще до революции. В 1920–1930-е гг. он пополнялся за счёт закрытых библиотек и собраний бывших медресе, преобразованных в трудовые школы. В настоящее время в собрании НБ РБ (отдел рукописей и редких изданий; далее – ОРРИ НБ РБ) находится порядка 12 тыс. старопечатных книг и 206 рукописей на арабской графике [Миниянова, Гафарова, 2005]. Точное распределение рукописей по языкам (в них представлены арабский, тюркский в разных вариантах[3], персидский, башкирский[4] языки) не представляется возможным, так как их большинство является сборниками, переписанными одной рукой и включающими несколько сочинений разного объема на разных языках, или конволютами, соединяющими в одном томе две и более изначально самостоятельные рукописи. Рукописей, содержащих целые объемные сочинения на персидском языке, по нашим подсчётам, в ОРРИ НБ РБ находится

[2] Непосредственно каталог по состоянию на август 2026 г. находится в печати.

[3] В рамках настоящего исследования дифференциация чагатайского, османского, тюрки Урало-Поволжья и других вариантов не представляется необходимым.

[4] В разных орфографиях, бытовавших до замены арабского письма латиницей в 1930-е гг.

16, что составляет 7,77 % от их общего числа. Среди них есть как переписанные на месте (город Троицк, деревня Куганакбаш[5], село Бураево[6]), так и привезённые в разные годы из Бухары, Самарканда, Османской империи и других регионов. Две рукописи, прибывшие на Южный Урал с Индийского субконтинента в XVIII–XIX вв., представляют собой не только материальное свидетельство трансрегиональных интеллектуальных и духовных связей, но и иллюстрируют изменение отношения местных жителей к персидскому языку и написанным на нём текстам, связанное как с переориентацией на религиозные центры Ближнего Востока, преимущественно арабо- и тюркоязычные, так и с общими процессами модернизации общества.

РУКОПИСЬ «*КАНЗ АЛ-ХИДАЙАТ ФИ КАШФ АЛ-БИДАЙАТ ВА-Н-НИХАЙАТ*»[7] (СОКРОВИЩЕ НАСТАВЛЕНИЙ В РАСКРЫТИИ НАЧАЛА И ЗАВЕРШЕНИЯ [МИСТИЧЕСКОГО ПУТИ])

Рукопись под шифром Р-11 (Р-4163) имеет размер 20,5×15 см, оригинальный переплет (кожа, картон, бумага) красного цвета с тисненым медальоном (перс. *турундж*) и четырьмя спутниками и тиснеными уголками с цветочным декором, объём 160 л. Бумага на л. 1–116 европейская (русская?), верже, желтоватая, без видимых штемпелей и водяных знаков, на л. 117–160 восточная (индийская?), желтоватая, без видимых штемпелей и водяных знаков. Чернила черные (основной текст) и красные (подзаголовки), почерки – *насх* (л. 3б–115а), *наста‘лик* и *насх* (л. 117б–158б). Пагинация отсутствует. Хафизы регулярные. Комплекс признаков, которыми обладает вторая часть рукописи: тонкая плотная блестящая бумага, характерные особенности почерка *наста‘лик* и принципы его комбинирования с почерком *насх* в цитатах, орфография, способы декорирования текста – позволяет с большой долей уверенности предположить, что он переписан на Индийском субконтиненте.

Рукопись представляет собой конволют из двух частей. Первая (л. 3б–115а) занята широко известным арабоязычным сочинением ханафитского правоведа, экзегета и мистика ‘Али б. Султан Мухаммада ал-Харави ал-Макки (ум. 1605/1606), более известного под прозвищем (ар. *лакаб*) мулла ‘Али ал-Кари, «*Шарх китаб “Фикх ал-Акбар”*» (Разъяснение книги «Великое уразумение»), представляющего собой развёрнутый комментарий к главному правоведческому труду основателя ханафитской богословско-правовой школы суннитского ислама Ну‘мана б. ас-Сабита, более известного как Абу Ханифа. Это сочинение пользовалось большой популярностью в Урало-Поволжье, применялось в качестве учебного пособия по мусульманскому вероучению в религиозных образовательных учреждениях и многократно издавалось печатном виде.

Вторая часть конволюта (л. 117б–158б) занята персоязычным сочинением «*Канз ал-хидайат фи кашф ал-бидайат ва-н-нихайат*» (Сокровище наставлений в раскрытии начала и завершения [мистического пути]) Мухаммад-Бакира б. Шараф ад-Дина ал-Лахури ал-Хусайни ал-‘Аббаси, индийского мистика XVII в., бывшего учеником основателя суфийского братства Накшбандиййа-Муджаддидийа выдающегося индийского богослова и мистика Ахмада Сирхинди (1564–1624) [Арсланова, 2014, с. 185]. Сочинение ал-Лахури представляет собой краткий конспект наставлений о ритуальной практике Накшбандиййа и нормах поведения мистиков-последователей этого тариката, содержащихся в работе Сирхинди «Рисала-йи мабда’ ва-л-ма‘ад» (Трактат о начале и возвращении). Incipit после басмалы: «حمد بیحد و سپاس بیقیاس مر منعمی را که». Дата сочинения – с 21 шаввала по 9 зу-л-ка‘да 1080 г.х.

[5] Село в Стерлибашевском районе Республики Башкортостан.

[6] Районный центр в Республике Башкортостан.

[7] Здесь и далее используется упрощённая арабско-русская и персидско-русская транскрипция без диакритики.

(12–30 марта 1670 г.) представлена в начале текста (л. 118а) и повторена в конце в виде хронограммы «*хидайат*», арабские *харфы* которой дают число 1080 (л. 158б).

Сочинение Мухаммад-Бакира ал-Лахури, насколько известно автору статьи, никогда не издавалось и сравнительно редко встречается в рукописных собраниях. В открытых источниках представлены сведения о шести других списках этого сочинения: в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ хранится полный список 1835 г., выполненный в Багдаде [Арсланова, 2014, с. 185], в фонде восточных рукописей им. Г.Б. Хусаинова ИИЯЛ УФИЦ РАН находится недатированный список [Искандарова, 2022, с. 68], в Институте востоковедения им. Абу Райхана Бируни АН Республики Узбекистан есть список 1849 г. [*Собрание восточных рукописей*, 1955, с. 337]; Международным центром микрофильмирования «Нур» оцифрована копия 1837 г. [*Noor International Microfilm Center*, 2026], в тегеранской библиотеке «Сепахсалар» также имеется недатированный список [*Fihrist-i nusḫahā-yi ḫaṭṭī-yi*, 2026], в каталоге Азиатского общества в Бенгалии (коллекция Керзона) содержится описание рукописи рубежа XVII–XVIII вв. [Ivanow, 1926, p. 312–313].

Хотя обе части конволюта не датированы и не имеют колофонов, владельческие пометки позволяют установить верхнюю дату создания этой рукописи и проследить её путь из Индии через Центральную Азию в Россию. На л. 1а находится первая владельческая помета на языке тюрки: «[Толкование] муллы ʻАли ал-Кари на “Фикх ал-Акбар” принадлежит Валиду, сыну Мухаммад-Амина, [из] Каргалы[8]. Отправлено ко мне домой из Кабула. И “Канз ал-Хидайа” один том». Эта запись свидетельствует о том, что две рукописи были объединены в один том и переплетены в Кабуле и попали в Россию уже в виде конволюта.

Первый владелец книги Валид б. Мухаммад-Амин ал-Каргали (ум. 1802), известный также как Валид-ишан[9], был одной из центральных фигур в суфийских кругах Урало-Поволжья последней четверти XVIII в. Он родился в деревне Кайбыч на правобережье Волги (т.н. Горная сторона)[10], учился у Мухаммада б. ʻАли ад-Дагистани в Кондуровской слободе под Оренбургом, в 1770-х гг. продолжил образование в Бухаре, откуда направился в Кабул, где получил разрешение на духовное наставничество от Файд-хана б. Хидр-хана Кабули (ум. 1802), принадлежавшего к тарикату Накшбандиййа-Муджаддидиййа и охотно обучавшего студентов из России. По возвращении жил и преподавал в Сеитовском посаде.

Круг последователей Файд-хана Кабули (перс. *силсила-йи Кабулийя*) в Урало-Поволжье был достаточно широк: его непосредственными преемниками в регионе были 15 человек, число их преемников исчисляется десятками, а последователей (ар. *мурид*) – сотнями. В этот круг входили первый муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания в Уфе Мухаммад-Джан Хусаинов, поэты ʻАбд ар-Рахим Утыз-Имяни и Шамс ад-Дин Заки, отец мистика и историографа ʻАли Чукури шейх ʻАбд ас-Салих б. ʻАбдул и многие другие. Представитель этой цепочки Ш.Б. Бикбаев проводил на юге Башкирии суфийские ритуалы вплоть до своей смерти в 1957 г.

---

[8] Каргалы, официальное название Сеитовский посад – поселение под Оренбургом, основанное по инициативе первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева для развития торговли с Хивой, Бухарой и Самаркандом. В XVIII–XIX вв. было крупным центром мусульманской учености. Ныне – село Татарская Каргала Сакмарского района Оренбургской области.

[9] Ишан – традиционное наименование суфийских наставников у народов Центральной Азии, а также у башкир и татар.

[10] Р.Ф. Фахретдинов отмечает, что Валид-ишан родился «в д. Кайбыч Тетюшского уезда» [Фахретдинов, 2006, с. 90], однако населенные пункты с таким названием принадлежали Буинскому (ныне село Кайбицы Буинского района Республики Татарстан) и Свияжскому уездам (ныне районный центр Большие Кайбицы Республики Татарстан).

Известно, что Валид б. Мухаммад-Амин посещал Кабул дважды: в период своего учения (1770–1780-е гг.) и незадолго до смерти (1801–1802)[11], причём во время последней поездки смог присутствовать на похоронах своего наставника [Фахретдинов, 2006, с. 91; Чукури, Басарави, 2021, с. 109]. В этой связи владельческую помету можно трактовать двояко: либо как сообщение о том, что, находясь в Кабуле, Валид б. Мухаммад-Амин сам отправил её к себе домой, либо как утверждение, что книгу прислал кто-то из находящихся в Кабуле друзей и земляков. Учитывая, что во время своего первого путешествия шейх ещё не проживал в Каргалах, а книга имеет множество помет на полях, сделанных его рукой, исключающих активное и продолжительное чтение в условиях путешествия, мы склоняемся ко второй версии. Таким образом, верхняя граница создания конволюта – 1799 г., а рукопись «Канз ал-хидайат» может быть датирована второй половиной XVIII в.

Многие страницы «Канз ал-хидайат» имеют маргиналии, сделанные теми же чернилами и тем же почерком, что и владельческая помета на первом листе конволюта. Все они озаглавлены «польза» (перс. *фа'ида)*, написаны от имени «бессильного раба» (ар. *'абд да'иф*) и содержат сообщения о словах и действиях «старца-заступника» (перс. *пир-и дастгир*). Если первое обозначение относится, очевидно, к самому Валиду б. Мухаммад-Амину, то второе – к Файд-хану Кабули, а сами эти многочисленные маргиналии представляют важный источник сведений о деятельности кабульского шейха, его учении и религиозной практике и могут быть изданы в виде отдельной публикации. Они показывают, что духовная связь с религиозными авторитетами Центральной Азии и Индии для суфиев Урало-Поволжья не исчерпывалась путешествиями за знаниями и получением разрешений на наставничество, а поддерживалась путем приобретения книг и их активного комментирования на основе личного опыта.

Согласно следующим владельческим пометам (л. 1а–2а), после смерти Валида б. Мухаммад-Амина рукопись досталась его сыну Мухаммаду (ум. 1838) и была им подарена второму муфтию ОМДС ʻАбд ас-Саламу б. ʻАбд ар-Рахиму в 1826 г. После смерти последнего в 1839 г. она, очевидно, была унаследована внучкой муфтия Нафисой Султановой (ум. 1866), от которой перешла к её мужу чиновнику Рахматуллаху Мамлееву [Фахрединов, 2006, с. 240]. Тот передал книгу в качества вакфа ОМДС. Последняя владельческая пометка сделана рукой Хайруллаха б. Усмана – богослова, основателя первого джадидского медресе «Усманиййа» в Уфе. В его распоряжении рукопись, очевидно, оказалась при организации данного учебного заведения. Судя по многочисленным записям на полях первой части конволюта (почерк, вероятно, принадлежит Хайруллаху б. Усману), правоведческое сочинение на арабском языке привлекало больше внимания, чем суфийское на персидском. Специальный штамп на л. 3а сообщает, что 5 октября 1929 г. рукопись была передана в дар библиотеке 2-й уфимской школой 2-й ступени.

История этой рукописи демонстрирует то, как в разное время для мусульман Урало-Поволжья оказывались более востребованными разные аспекты религиозной традиции и разные языки их изложения, а импортные рукописи из предмета активного и вдумчивого чтения превращались в семейные реликвии, вакуфное имущество и, наконец, в молчаливый предмет хранения в библиотеке.

[11] Согласно Р.Ф. Фахрединову, Валид б. Мухаммад-Амин покинул Каргалы в 1799 г., за три года до смерти наставника. Другие биографы шейха единодушно сообщают о том, что он присутствовал на похоронах Файд-хана Кабули. Возможно, датировка смерти обоих 1802 г. неточна.

РУКОПИСЬ «*МАКТУБАТ-И ШАЙХ-И ЙАХЙА МАНИРИ*» (СОБРАНИЕ ПИСЕМ ШЕЙХА ЙАХЙА МАНИРИ)

Рукопись под шифром Р-182 (Р-1631) имеет размер 32,5×17,5 см, оригинальный переплет (кожа, картон, бумага) бордового цвета с тисненым медальоном (*турундж*) и двумя спутниками с цветочным декором, объём 143 л. Бумага восточная (индийская), желтоватая, без видимых штемпелей и водяных знаков. Текст в двух рамках: внешняя – тёмно-серая 31,5×15,5 см, внутренняя – тройная тёмно-серая (одна линия) и красная (две линии) 36,5×10,5 см. Чернила черные (основной текст) и красные (подзаголовки), почерки – *наста'лик* (основной текст) и *насх* (цитаты на арабском языке). Пагинация отсутствует. *Хафизы* регулярные.

Колофон на персидском языке: «Это собрание писем (ар. *мактубат*) переписано 5 [числа] благодатного месяца Рамадан 1078 года» (17 февраля 1668 г.). Подпись автора: «Написал это ничтожный бедняк, земля под стопами дервишей и пыль на них Мухаммад-Амин Мултани» (л. 142б).

Печати: на л. 2а восьмигранная продолговатая с надписью «Я был Мухаммадом, устроителем двух миров, 1162» (перс. *Мухаммад низам-и ду 'алам будам*; 1162 г.х. начался 21 декабря 1748 г.), на л. 2б прямоугольная с надписью «Мухаммад 'Араби, устроитель двух миров, год 1171» (перс. *Мухаммад 'Араби низамкар-и ду 'алам сана 1171*; 1171 г.х. начался 14 сентября 1757 г.).

Рукопись содержит сочинение, озаглавленное на л. 1а–2а «Собрание писем шейха Йахйа Манири» (перс. *Мактубат-и шайх-и Йахйа Манири*» и на л. 2а «Книга "Пыль на стопах"» (перс. *Китаб-и Тураб ал-Акдам*). Автор сочинения – мистик из индийского региона Бихар, наставник братств Сухравардиййа и Кубравиййа шейх Шараф ад-Дин Ахмад б. Йахйа Манири (другие чтения нисбы – Манери, Мунайри, Мунйари; 1290–1381). Он прославился длительной аскезой в уединении в пещере недалеко от города Раджгир, после которой переселился в город Манер, где по приказу делийского султана Мухаммада б. Туглака (1290–1351) для него была построена суфийская обитель (перс. *ханака*). В поздний период своей жизни Ахмад б. Йахйа состоял в переписке с почитателями и воспитанниками из разных мест Индии. Составление сборников его посланий к разным лицам началось еще при жизни шейха и осуществлялось его учеником Зайном Бадром 'Араби. Весь корпус писем Ахмада б. Йахйа Манири насчитывает порядка трехсот посланий, которые в рукописях и печатных изданиях группируются по 28, 100, 150, 200 и 300 посланий. Сборник из 150, точнее, 151 послания был составлен в декабре 1367 – мае 1368 гг. и считается вторым по времени составления после сборника из 100 писем, адресованных кадию Шамс ад-Дину из города Чауса в Бихаре, письмовником шейха [Jackson, 2004, p. XVI–XVIII]. В ОРРИ НБ РБ хранится именно этот, второй, сборник из 151 послания.

Это сочинение пользовалось и пользуется большой популярностью на субконтиненте: только в Восточной публичной библиотеке «Худа-Бахш» в городе Патне хранится пять его списков [Jackson, 2004, p. XIX]. Есть они и в европейских собраниях арабографичных рукописей из Индии. В 2004 г. был опубликован его перевод на английский язык [Jackson, 2004].

На постсоветском пространстве один неполный список предположительно XVII в. находится в Институте востоковедения им. Абу Райхана Бируни АН Республики Узбекистан [*Собрание восточных рукописей*, 1955, с. 261]. Для российских книжных собраний уфимский экземпляр, по-видимому, уникален.

На л. 1а, 1б, 2а и 143б представлен ряд владельческих пометок. Наиболее ранняя относится в 1115 г.х. (начался 17 мая 1703 г.) и оставлена неким Мухаммадом-'Имадом в Лахоре

(л. 2а). Судя по тому, что он называл себя «слугой слуги людей Божьих и пылью на стопах возлюбленных Божьих» (ар. *хадим хадим ахл Аллах тураб кадам ахбаб Аллах*), он принадлежал к суфийским кругам. Под печатью на л. 2а находится пометка «в день месяца шаввал 1168 года владелец этого *хваджа* Мухаммад-Низам» (шаввал 1168 г.х. начался 10 июля 1755 г.). В правом верхнем углу того же листа есть надпись «Эта книга “Собрание писем” шейха Йахйа Манири – истинное имущество Мухаммада Низам ад-Дина». Очевидно, обладатель обеих печатей и лицо, оставившее обе пометки, – один человек.

В нижнем левом углу л. 1а имеется читаемая с большим трудом запись на персидском языке без точек над и под буквами, сообщающая, что некий *махдум* (титул, которым обозначали сыновей крупных богословов) ʻАбд ал-Вахид предпринял некие действия с одним трактатом, одним толкованием и одним сборником писем. На обороте переплёта присутствует надпись «5 зу-л-каʻда 1258 г.х. (7 декабря 1842 г.) *махдум* получил 3 золотых» с припиской на тюркском языке «60 монет». На л. 143б упоминается, что «10 зу-л-каʻда 1277 г.х. (19 мая 1861 г.) Сабир-бай, сопутствуемый Ибрахим-баем, получил 25 золотых». Наконец, в верхнем поле л. 3а есть неаккуратная помета на тюркском языке «доля Лутфуллаха», а на л. 1б запись «номер 138 Лахури». На л. 1а–2а и 142б–143б есть несколько стихотворных надписей на персидском и молитвенных текстов на арабском языке.

Имеющиеся в распоряжении автора статьи источники позволяют осторожно предположить, что переписчик рукописи Мухаммад-Амин Мултани может быть Мухаммад-Амином, сыном Афдала Чаудхари, переписавшим в 1099 г.х. (начался 6 ноября 1687 г.) словарь «Мунтахаб ал-Лугат», находящийся в собрании Библиотеки «Раза» в городе Рампур (Индия) [*Catalogue of Persian Manuscripts*, 1997, p. 28]. Личности остальных владельцев и продавцов рукописи идентификации пока не поддаются.

Очевидно, с момента создания и до второй четверти XIX в. рукопись принадлежала представителям лахорской ученой знати и воспринималась как источник знаний по мистицизму и индивидуальной религиозной практике. В 1841 г. Лахор стал ареной гражданской войны в сикхском государстве, контролировавшем этот город, что вместе с репрессиями сикхов против мусульман Пенджаба привело к их эмиграции в другие регионы, в том числе в Хиджаз. Там рукопись могла быть продана паломникам из России или ученым, постоянно проживающим в святых местах ислама, а спустя двадцать лет перепродана, после чего попала в коллекцию одного из уфимских книголюбов. В библиотеку она поступила не позднее 1929 г.

Хотя точных сведений о владельцах рукописи в России нет, как нет и читательских помет на её полях, которые могли бы пролить свет на характер восприятия её содержания читателями, можно предположить, что её мистико-дидактическое содержание было интересно урало-поволжским мусульманам. Обращение к текстам, авторы которых принадлежали к иным, чем Накшбандиййа, суфийским братствам, было в целом характерно для Муджаддидиййа в регионе, духовные наставники которой нередко получали от своих центральноазиатских и индийских учителей посвящения других орденов [Кииков, 2021, с. 51].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обе рукописи ОРРИ НБ РБ на персидском языке, созданные в Индии, по-своему уникальны, так как созданы сравнительно рано (основная часть всех рукописных коллекций Урало-Поволжья переписана в XIX в.) и содержат сочинения, которые нечасто встречаются в других книжных собраниях региона. Тот факт, что относительно малоизвестное сочинение «Сокровище наставлений в раскрытии начала и завершения [мистического пути]» Мухаммад-Бакира б. Шараф ад-Дина ал-Лахури ал-Хусайни ал-ʻАббаси, представлено в

Урало-Поволжье тремя копиями, две из которых находятся в настоящее время в Уфе, может быть объяснен влиятельностью последователей шейха Файд-хана Кабули в регионе и многочисленностью их преемников, особенно среди башкир, а также авторитетом владельца, читателя и комментатора наиболее ранней копии – ишана Валида б. Мухаммад-Амина Каргали.

Оставленные Валид-ишаном пометки на полях рукописи – не только интересный памятник персидского языка на Южном Урале, но и важный источник сведений по мистической теории и практике Файд-хана Кабули, а также по ранним формам суфийской практики Накшбандиййа-Муджаддидиййа в регионе.

Рукопись «Мактубат-и шайх-и Йахйа Манири» (Собрание писем шейха Йахйа Манири) – не только редкий пример нахождения в Урало-Поволжье персоязычного сочинения, не имеющего прямого отношения к братству Накшбандиййа, но и яркая иллюстрация того, как менялись пути и формы интеллектуального взаимодействия российских мусульман с Индией. На смену городам Центральной Азии посредником в этом общении стал Ближний Восток, который стал местом миграции интеллектуалов с субконтинента и полем для интенсивного обмена идеями и материальными ценностями.

Судьба этой рукописи также иллюстрирует изменение отношения урало-поволжских мусульман к суфийским текстам. Из книг для постоянного чтения и источника религиозно-мистической практики они уже во второй половине XIX в. стали предметом коллекционирования.

Исследовательский потенциал импортных рукописей в книжных собраниях Урало-Поволжья также достаточно велик. Они являются не только носителями текстов тех сочинений, которые содержат, но и источником биографических сведений о владельцах, фактов об экономическом аспекте циркуляции книг в регионе, данных о различных аспектах мистической практики и семейных связей среди мусульманских богословов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

ИИЯЛ УФИЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия [IHLL UFRC RAS – Institute of History, Language, and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia].

ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание, Уфа, Россия [OMDS – Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, Ufa, Russia].

ОРРИ НБ РБ – Отдел рукописей и редких изданий Национальной библиотеки Республики Башкортостан им. А.-З. Валиди, Уфа, Россия [MRED NB RB – Manuscripts and Rare Editions Department of the A.-Z. Validi National Library of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акимушкин О.Ф., Кушев В.В., Миклухо-Маклай Н.Д., Мугинов А.М., Салахетдинова М.А. *Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог)*. Ч. I. М.: Наука, 1964 [Akimushkin O.F., Kushev V.V., Miklouho-Maclay N.D., Muginov A.M., Salakhetdinova M.A. *Persian and Tajik Manuscripts of the Institute of the Peoples of Asia AS USSR (Short Alphabetical Catalogue)*. Part 1. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian)].

Алибекова П.М. *Персидский язык и литература в Дагестане (культурно-исторический контекст)*. М.: Садра, 2022 [Alibekova P.M. *Persian language and literature in Dagestan (Cultural and historical context)*. Moscow: Sadra, 2022 (in Russian)].

Арсланова А.А. *Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета*. Т. I. Москва, Казань: Казанский государственный университет, 2005 [Arslanova A.A. *Description of Persian-language manuscripts in the Nikolay Lobachevsky Scientific Library of Kazan State University*. Vol. I. Moscow, Kazan: Kazan State University, 2005 (in Russian)].

Арсланова А.А. *Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета*. Т. II. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015 [Arslanova A.A. *Description of Persian-language manuscripts in the N.I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan (Volga Region) Federal University*. Vol. II. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University, 2015 (in Russian)].

Арсланова А.А. Персоязычные рукописи по суфизму в собрании Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ. *Эхо веков*. 2014. № 1–2. С. 179–193 [Arslanova A.A. The manuscripts on Sufism written in Persian from the collection of the Scientific Library named after. N.I. Lobachevsky of Kazan Federal University. *Echo of centuries*. 2014. No. 1–2. Pp. 179–193 (in Russian)].

Башарин П.В. От редактора. Фрагнер Б.Г. *«Персофония». Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии*. М.: Фонд Марджани, 2018. С. 10–15 [(Basharin P.V. The editor's preface. Fragner B.G. *Persophonia: regionality, identity, and language contact in the history of Asia*. Moscow: Marjani Foundation, 2018. Pp. 10–15 (in Russian)].

Бустанов А.К. Говорить «по-бухарски»: персоязычные тексты в Российской империи. *Ислам в современном мире*. 2016. Т. 12, № 4. С. 81–92 [Bustanov A.K. Speaking Bukharan: Persian texts in Imperial Russia. *Islam in the Modern World*. 2016. Vol. 12, No. 4. Pp. 81–92 (in Russian)].

Зайцев И.В. *Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы в собрании Государственной публичной исторической библиотеки России. Каталог коллекции*. М.: ГПИБ, 2025 [Zaitsev I.V. *Arabic, Persian, and Turkic Manuscripts and Documents in the Collection of the State Public Historical Library of Russia. Catalogue*. Moscow: *State Public Historical Library of Russia*, 2025 (in Russian)].

Искандарова С.А. Общий обзор коллекции персоязычных рукописей Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. 2022. Т. 42, № 1 (105). С. 63–68 [Iskandarova S.A. General review of the collection of Personic manuscripts, Institute of History, Language and Literature UFIZ RAS. *Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*. 2022. Vol. 42, No. 1 (105). Pp. 63–68 (in Russian)].

Кииков Г.М. *'Айн ар-Риза (родник хазрата или курдымовский родник)*. Уфа: Мир печати, 2021 [Kiikov G.M. *'Ain ar-Riza (Hazrat spring or Kurdymov spring)*. Ufa: World of Printing, 2021 (in Bashkir)].

Миниянова А.Ф., Гафарова Г.Ф. *Каталог рукописей*. Уфа: Национальная библиотека Республики Башкортостан им. А.-З. Валиди, 2005 [Miniyanova A.F., Gafarova G.F. *Catalog of manuscripts*. Ufa: National A.-Z. Validi Library of the Republic of Bashkortostan, 2005 (in Russian)].

Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент: Академия наук Узбекской ССР, Институт востоковедения, 1955 [*Collection of Eastern Manuscripts of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR*. Vol. 3. Tashkent: Akademia nauk Uzbekskoy SSR, Institut vostokovedeniya, 1955 (in Russian)].

Фахретдинов Р.Ф. *Асар*. Т. 1. Казань: Рухият, 2006 [Fakhretdinov R.F. *Asar*. Vol. 1. Kazan: Rukhiyat, 2006 (in Tatar)].

Фрагнер Б.Г. *«Персофония». Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии*. М.: Фонд Марджани, 2018 [Fragner B.G. *Persophonia: Regionality, identity, and language contact in the history of Asia*. Moscow: Marjani Foundation, 2018 (Russian translation)].

Чукури М.А., Басаравиа А. *Булгарские хроники, или Приближение 'Али Гари*. М.: Садра, 2021 [Chuquri M.A., Basaravi A. *Bulghar Chronicles, or the Approach of 'Ali Ghari*. Moscow: Sadra, 2021 (in Russian)].

Catalogue of Persian Manuscripts of Rampur Raza Library. Vol. 2. Rampur: Rampur Raza Library, 1997 (in Persian).

Ivanow W. *Concise descriptive catalogue of the Persian manuscripts in the collection of the Asiatic Society of Bengal*. Kolkata: Asiatic Society of Bengal, 1926.

Fihrist-i nusḫahā-yi ḫaṭṭī-yi kitābḫāna-yi Sipāhsalār. 2026 [*The Catalogue of Manuscripts of the Sipahsalar Library* (in Persian)]. https://philtheo.motahari.ac.ir/fa/grid/6 (accessed: 06.05.2026).

Jackson P. *In Quest of God. Maneri's second collection of 150 letters*. Gujarat: Gujarat Sahitya Prakash, 2004.

Noor International Microfilm Centre. 2026. https://www.indianislamicmanuscript.com/book/view/1673133950 (accessed: 05.05.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САИТБАТТАЛОВ Искандер Расулевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Iskander R. SAITBATTALOV, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

РЕЦЕНЗИЯ

DOI: 10.31696/S086919080039390-6

КАРОЛЬ КАЛИНОВСКИЙ. *ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ НА КАВКАЗЕ И О ПЛЕНЕ У ШАМИЛЯ. С 1844 по 1855 гг.*

Составители: П. Адамчевский, В. Цабан. Тбилиси: Артануджи, 2025. 296 с.

Для цитирования: Овсянников Д.В., Лобанов В.Б. [Рец. на:] Кароль Калиновский. *Воспоминания о моей военной службе на Кавказе и о плене у Шамиля. С 1844 по 1855 гг.* Составители: Адамчевский П., Цабан В. Тбилиси: Артануджи, 2025. 296 с. *Восток (Oriens).* 2026. № 4. С. 276–280. DOI: 10.31696/S086919080039390-6.

For citation: Ovsjannikov D.V., Lobanov V.B. [Review of:] Karol Kalinovsky. *Memoirs of My Military Service in the Caucasus and My Captivity with Shamil. From 1844 to 1855*. Compiled by P. Adamchevsky, V. Tsaban. Tbilisi: Artanuji, 2025. 296 p. *Vostok (Oriens).* 2026. No. 4. Pp. 276–280. DOI: 10.31696/S086919080039390-6

© 2026

Д.В. ОВСЯННИКОВ [a], В.Б. ЛОБАНОВ [b]

[a] – Институт теологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0003-1626-0678; d.ovsiannikov@spbu.ru
[b] – Северо-Западный филиал РГУП им. В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-9608-6619; lobanov2024@yandex.ru

Противостояние Российской империи и имамата – государственного образования горцев Дагестана и Чечни в 1820–1850-е гг. – является обширной и многогранной темой для научных изысканий. Источниковая база данной проблематики также выделяется своим обилием. Особую категорию представляют собой источники личного происхождения. Мемуары участников Кавказской войны составляют значительный корпус материалов. При этом львиная доля подобных сведений принадлежит перу русских военных и административных чинов.

Распространенным явлением среди русского офицерства было стремление попасть на Кавказ с целью скорейшего продвижения по службе и получения наград. Такой подход определял соответствующее видение противника в лице немирных горцев. Мемуары военных чинов изобилуют данными о сражениях, военных кампаниях и походах. Они помогают восстановить событийный ряд эпохи. Однако внутренняя жизнь горцев имамата, их взаимоотношения на бытовом уровне, их взгляд на русских и на войну, как правило, оставались нераскрытыми. Внимание русских мемуаристов и дореволюционных исследователей привлекали фигуры горцев, занимавших руководящие должности (имамы, наибы, шейхи), однако персоналии низового уровня по объективным причинам не были доступны авторам. В какой-то мере компенсировалось это русской литературоцентричной культурной традицией, которая демонстрировала пример описания Кавказа и его обитателей в

духе романтизма (А.А. Бестужев-Марлинский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, отчасти Л.Н. Толстой и др.). Пасторальные сюжеты, благородство и отвага, коварство и любовь – вот основные мотивы при описании Кавказа русскими писателями. В этом было крайне мало от объективного взгляда на действительность, что является неотъемлемым инструментом исторической академической науки.

Воспоминания русских подданных, оказавшихся в силу различных обстоятельств среди горцев, проливают свет на многие вещи, доступные лишь тем, кто своими глазами видел и своей кожей ощутил все «прелести» воли/неволи в горах [Орбелиани, 1969; Клингер, 1869; Вердеревский, 1856]. Однако особое место занимают сведения как поляков, бывших на русской службе, так и последовательных инсургентов и борцов с царской Россией. Они оставили сведения о годах своего пребывания на Кавказе [Лапинский, 1995; Гралевский, 2023]. Рецензируемая книга является продолжением публикации мемуаров выходцев из Польши, которая осуществляется за счет средств Министерства науки и высшего образования Польши в рамках программы «Наука для общества» (Nauka dla Społeczeństwa). Данная книга была выпущена в Тбилиси бумажным тиражом и доступна для отечественных исследователей главным образом в электронном виде. Автором перевода польского текста является Е. Кузавлева-Адамчевская, а авторами-составителями – П. Адамчевский и В. Цабан.

Большую часть от объема издания занимают воспоминания Кароля Калиновского о его военной службе на Кавказе и о плене у Шамиля. Тексту мемуаров предшествует ряд кратких, но ёмких по содержанию очерков, раскрывающих особенности «польского вопроса» в период Кавказской войны.

В первом очерке дается краткий обзор биографии автора мемуаров. Будучи членом антиправительственной организации «Содружество польского народа», К. Калиновский был арестован, а после освобождения продолжил свои сношения с различными кружками, находящимися на подпольном положении. В силу этих обстоятельств в 1844 г. он был взят под стражу и в числе прочих польских инсургентов, был отправлен в качестве пополнения в Отдельный Кавказский корпус. Составители издания указывают на расхождение фактов биографии, изложенных автором, с деталями, которые содержатся в работе польского историка В. Сливовской. Фиксация этих расхождений позволяет читателю настроится на критический лад при дальнейшем чтении собственно мемуаров.

Далее представлен обзор истории публикации труда К. Калиновского в Польше, справедливо указывается на ценность мемуаров как источника по истории Дагестана и Чечни в силу специфики положения К. Калиновского среди горцев. После принятия ислама (как не вспомнить здесь религиозный маркёр идентичности в русско-польских отношениях) он получил свободу передвижения по имамату и ему стали доступны те вещи, которые оставались вне поля зрения русской администрации. Однако есть смысл добавить, что имеющийся в фондах РГВИА экземпляр воспоминаний К. Калиновского не единственный текст польского пленного, доступный отечественным историкам. Так, Б.И. Гаджиев сообщает, что первый перевод на русский язык с польского оригинала (*Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila. Od 1844 do 1854*. Warszawa, 1883) был сделан в 1980-е гг. Львом Федосеевичем Зайцем. Обширные фрагменты этого перевода были опубликованы Гаджиевым [Гаджиев, 2005, с. 17–36].

Следующий очерк рассматривает мемуары К. Калиновского в контексте польско-кавказского сотрудничества против России. Эта важная концептуальная составляющая не только польской историографии, которую анализируют составители, но и советского дискурса о «прогрессивности борьбы народов империи против самодержавного гнета». Добавим от себя, что и современная региональная историография не свободна от подобных построений. Тем актуален демонстрируемый в очерке анализ данного феномена. Составители

убедительно показывают, что мифологема польско-кавказского единства весьма эфемерна при подробном разборе и жива (проявляет живучесть) лишь в трудах историков, писавших в годы существования ПНР (советский период) в конъюнктурно-идеологическом ключе.

Логическим продолжением является информация об оценке численности и значении поляков в войске Шамиля. Исходя из данных о том, что численность выходцев из Царства Польского в русских воинских частях на Кавказе не превышала 20%, авторы-составители делают аргументированный вывод, что наиболее вероятной численность польских пленных у горцев не превышала 400 человек. Действительно, русские перебежчики представляли интерес для командования и правящих групп имамата. С технической точки зрения люди с европейским образованием могли оказать помощь в артиллерийском деле, фортификации. Источники фиксируют использование горцами дезертиров в этих целях. Однако говорить о значимом вкладе этнических поляков в этом смысле не приходится.

Рассматривая вопросы религиозного и цивилизационного различия горцев и России и восприятие этих вопросов в мемуарах К. Калиновского, составители отмечают, что веротерпимость в имамате носила относительный характер и христиане-пленные испытывали давление и подвергались травле за свою веру, в то время как свободой исповедания, а также свободой винокурения, запрещенного в имамате, пользовались дезертиры. В свою очередь, поляки на русской службе (И. Яворский, С. Пилат) разделяли идею цивилизаторской миссии России и в этом плане были соратниками и единомышленниками русской военной администрации.

Касательно масштабов дезертирства поляков из русских войск авторы приводят ценные сведения, которые позволяют сделать выводы о наличии еще очередного стереотипа о якобы массовости этого явления. Развенчивается некая априорность в восприятии поляка как завзятого демократа, только и думающего как бы присоединиться к горцам и не жалея живота своего воевать с «клятыми москалями». В 1830-е гг. в среде польской аристократической эмиграции в Париже (политики «Отеля Ламбер»), предводительствуемой А.А. Чарторыйским, был оглашен проект о создании 18-тысячной армии на Кавказе из польских дезертиров, которые при поддержке Высокой Порты и Лондона смогли бы нанести поражение России. Эта мистификация служила оправданием трат поиздержавшихся в эмиграции шляхтичей перед Чарторыйским, который взял на себя бремя финансирования соплеменников за рубежом. Авторы-составители проводят взвешенную линию, освещая столь плохо документированную историю как масштабы дезертирства. С одной стороны, отмечается, что ряд командных чинов (М.Я. Ольшевский, П.Х. Граббе) высказывали предвзятое мнение о поляках, служивших под их началом. Примечательно, что генерал Ольшевский сам был польского происхождения и видеть в нем полонофоба не следует. С другой стороны, генерал Г.И. Филипсон писал, что поляки в его частях вполне лояльны и не чаще русских дезертируют. Резонно предположить, что истина лежит посередине. Находясь во многом не по своей воле в рядах Русской армии, поляки, многие из которых были участниками восстания 1830–1831 гг. (Ноябрьское восстание), не горели желанием воевать. Однако со временем, неся службу бок о бок с русским солдатом, они невольно проникались общим для русского воинства духом, а продвижение по службе как социальный лифт нередко было стимулом для верной службы царю. Как пишут в следующем очерке составители: «Преобладало мнение, что самый верный способ вернуться – это добиться офицерского звания. Его получали все дворяне по происхождению за малейшие военные заслуги» (с. 48). Это подтверждается многочисленными примерами из биографий польских деятелей на русской службе, которые приводят в пример авторы.

Завершается вводная часть очерком, в котором делается подсчет численности польских выходцев в кавказских войсках и потерям среди них. Авторы очерка отталкиваются от сводной работы по потерям Русской армии, составленной А.А. Гизетти [Гизетти, 1901] и подвергают критике крайне завышенные цифры потерь, приводимые в другой польской

мемуарной работе за авторством М. Гралевского (500 тысяч!) [Гралевский, 2023, с. 582]. Таким образом, создается целостное впечатление о польском вопросе в русских войсках, и воспоминания Кароля Калиновского ложатся на подготовленную для восприятия почву.

Стоит отметить высокое качество перевода на русский язык польского текста. Воспоминания К. Калиновского читаются как приключенческое произведение. В этом беллетризированном жанре имеется и слабая сторона как источника. Многие перипетии личного характера, любовная линия и её трагичный исход видятся типичным романтическим повествованием, которое усиливается отсылкой к тому, что все это пишется на основе реальных событий их непосредственным участником. Однако верифицировать их нет никакой возможности, что снижает их ценность.

В задачи рецензии не входит пересказ воспоминаний, важным является то, что сведения К. Калиновского на русской службе проливают свет на важный и трагический эпизод Кавказской войны – Даргинскую экспедицию – участником которой оказался автор (с. 79–89). По ходу повествования К. Калиновский пишет «наши воины», имея в виду русские войска, т. е. он полностью ассоциировал себя с русским воинством (с. 83).

Также заслуживает внимания описание К. Калиновским похода имама Шамиля в Кабарду в 1846 г. (с. 83). Эти события весенне-летней кампании в свое время были предметом нашего изучения [Овсянников, 2018].

Дальнейшие события, а именно пленение и нахождение на территории имамата сначала в качестве раба, а затем освобождение после принятия ислама, дружба с чеченской семьей и трагическая история любви, перемежаются с описанием быта, одежды, культурных и религиозных особенностей, психологического склада представителей горских народов Дагестана и Чечни.

Издание не свободно от слабых мест. Комментарии издателей в постраничных сносках явно диссонируют с прекрасным переводом. Изданный на русском языке труд не стыкуется с русской традицией именования персоналий с упоминанием отчества. Данное обстоятельство является дополнительным препятствием для уточнения информации о той или иной исторической личности. К сожалению, авторами взята за принцип иностранная манера именования, что не вполне приемлемо для русскоязычного издания. Порой комментарии смотрятся излишними: на с. 89 на наш взгляд не имело особого смысла указывать, что фураж – это корм для лошадей. А порой кажется, что комментарий настолько неполон, что в пору усомниться в компетентности составителей. Так, на с. 83 в сноске идет речь о феномене мюридизма, причем указывается на такую трактовку данного термина как «течения в суфизме». В то время как в отечественной и зарубежной историографии имеется довольно обширны список трудов, в которых разграничивается движение за внедрение шариата и ведение газавата против России (собственно мюридизм) и суфийское направление ислама, представленное тарикатом Накшбандийа-Муджаддидийа-Халидийа.

Публикация воспоминаний К. Калиновского представляет значительный научный интерес как с точки зрения расширения источниковой базы, так и с позиции освещения польской проблематики в войнах на Кавказе в имперский период. Будем надеяться, что следующее издание устранит те погрешности, что были допущены при комментариях в рецензируемой книге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вердеревский Е.А. *Плен у Шамиля Правдивая повесть о восьмимес. и шестиднев. (в 1854–1855 г.) пребывании в плену у Шамиля семейств: покойного ген.-м. кн. Орбелиани и подполк. кн. Чавчавадзе, основан. на показаниях лиц, участвовавших в событии.* Санкт-Петербург: тип. Королева и К°, 1856 [Verderevsky E.A. *Shamil's Captivity: The True Story of Eight Months. and the sixties (in 1854–1855) during the captivity of Shamil's families: the late Gen.-M. Prince Orbeliani and Lieutenant Colonel Prince*

Chavchavadze, founded. based on the testimony of those who participated in the event. St. Petersburg: type. Koroleva and Co., 1856 (in Russian)].

Гаджиев Б.М. *Поляки в Дагестане.* Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2005 [Gadzhiev B.M. *Poles in Dagestan.* Makhachkala: Publishing house "Epoch", 2005 (in Russian)].

Гизетти А.Л. *Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг.* Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1901 [Gisetti A.L. *Collection of information about the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasus Mountains, Persian, Turkish and in the Transcaspian region. 1801–1885.* Tiflis: Typ. J.I. Lieberman, 1901 (in Russian)].

Гралевский М. *Кавказ. Мемуары о двенадцатилетней неволе*. Тбилиси: Артануджи, 2023 [Gralevsky M. *The Caucasus. Memoirs of a twelve-year captivity.* Tbilisi: Artanuji, 2023 (in Russian)].

Клингер И. Два года в плену у чеченцев. 1847–1850. *Русский архив.* 1869. № 6. С. 965–1004 [Klinger I. He was held captive by the Chechens for two years. 1847–1850. *Russian Archive*. 1869. No. 6. Pp. 965–1004 (in Russian)].

Лапинский Т. *Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев*. Нальчик: Эль-Фа, 1995 [Lapinsky T. *The Mountaineers of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians. Description of an eyewitness, Teofil Lapinsky (Teffik Bey), a colonel and commander of a Polish detachment in the country of independent highlanders.* Nalchik: El-Fa, 1995 (in Russian)].

Овсянников Д.В. К вопросу о походе имама Шамиля в Кабарду 1846 г. Bylye Gody. 2018. Vol. 49. Issue 3. Pp. 1092–1100 [Ovsjannikov D.V. To the Issue of the Imam Shamil's Campaign to Kabarda in 1846 year. Bylye Gody. 2018. Vol. 49. Issue 3. Pp. 1092–1100 (in Russian)] DOI: 10.13187/bg.2018.3.1092 https://bg.cherkasgu.press/en/archive.html?number=2018-09-01-15:00:05&journal=53

Орбелиани И.Д. Восемь месяцев из моей жизни: Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 г., с 22 марта: Показания прапорщика князя Орбелиани, находящегося в 1842 г. в плену у Шамиля. *Литературная Грузия.* 1969. № 9/10. С. 173–183 [Orbeliani I.D. Eight months from my life: The story of an officer who was captured by Shamil in 1842, since March 22: The testimony of Ensign Prince Orbeliani, who was captured by Shamil in 1842. *Literary Georgia.* 1969. No. 9/10. Pp. 173–183 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ОВСЯННИКОВ Дмитрий Владиславович – кандидат исторических наук, доцент Института теологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.

Dmitry V. OVSJANNIKOV, CSc (History), Associate Professor, Institute of Theology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

ЛОБАНОВ Владимир Борисович – кандидат исторических наук, доцент Северо-Западного филиала РГУП им. В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия.

Vladimir B. LOBANOV, CSc (History), Associate Professor, North-West branch of the RSUJ named after V.M. Lebedev, St. Petersburg, Russia.

Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110166 от 18.01.1994 г.)

Подписано к печати 19.08.2026 | Формат 70×100/16 | Усл. печ. л. 20,10
Тираж 250 экз. | Зак. № 791 | Цена свободная

Учредители: Российская академия наук,
Институт востоковедения РАН, Институт Африки РАН
Издатель: Институт востоковедения РАН
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель: ИП Сеньковский Н.А.
115407, Москва, Нагатинская наб., д. 54, пом. 4
Отпечатано: ИП Сеньковский Н.А.

Восток (Oriens)

Vostok (Oriens)

№ 4 · 2026

Учредитель: Институт востоковедения РАН
Дата выхода в свет: 19.08.2026
ISSN 0869-1908 (Print)
ISSN 2713-0401 (Online)
vostokoriens.is.ivran.ru

Выпуск на сайте